ЛЕНИН

Роберт СЕРВИС

Злой гений эпохи, чья жизнь была искажена предвзятым мышлением или представляла собой нагромождение мифов.

УДК 929Л
ББК 13.5
С32

Перевела с английского *Г. И. Левитан* по изданию:
LENIN: A BIOGRAPHY
by Robert Service.— London: «Macmillan», 2000.
Публикуется впервые на русском языке.

Художник обложки *М. В. Драко*

Охраняется законом об авторском праве. Нарушение ограничений, накладываемых им на воспроизведение всей книги или любой её части, включая оформление, преследуется в судебном порядке.

Сервис Р.

С32 Ленин / Перев. с англ. Г. И. Левитан; Худ. обл. М. В. Драко.— Мн.: ООО «Попурри», 2002.— 624 с. + + 32 с. вкл.

ISBN 985-438-591-4.

Подробный иллюстрированный рассказ о жизни и деятельности В. И. Ульянова-Ленина (1870—1924), какими они видятся европейскому историку-исследователю.

Для широкого круга читателей.

УДК 929Л
ББК 13.5

ISBN 985-438-591-4 (рус.) © Перевод. Издание на русском языке. Оформление. ООО «Попурри», 2002.

ISBN 0-333-72625-1 (англ.) © Robert Service 2000

Моей семье

Предисловие

Рукопись этой книги перед публикацией прочли Аделе Биажи, Дэвид Годуин, Хизер Годуин, Мартин Реди, Арфон Рис и Таня Стоббс, а также Джон Клайр (первая часть). Их замечания и предложения были очень полезными. Филипп Кавендиш, Мишка Дэвис, Норман Дэвис, Билл Фишман, Джулиан Грэффи, Риита Хейно, Джон Клайр, Ричард Рэмидж, Арфон Рис, Кей Шиллер и Фейт Уигзелл помогли автору советами. Мне также хотелось бы поблагодарить Джона Скрина и Лесли Питман из библиотеки Школы славянских и восточноевропейских исследований в Лондоне, а также Джеки Уилкокс из библиотеки Русского центра св. Антония в Оксфорде. Дэвид Кинг великодушно ознакомил меня с сокровищами своей личной коллекции фотографий, плакатов и афиш советского периода, и я весьма благодарен ему за разрешение воспроизвести некоторые из них в этой книге. Выражаю особую благодарность сотрудникам Российского центра хранения и исследования документов новейшей истории (РЦХИДНИ), в первую очередь Кириллу Андерсону, Ларисе Роговой, Елене Кирилловой, Ирине Селезневой и Ларисе Малашенко, а также Владимиру Козлову из Государственного архива Российской Федерации. Я благодарю российских коллег-историков, в том числе Геннадия Бордюгова, Владимира Булдакова, Олега Хлевнюка, Владимира Козлова и Андрея Сахарова, высказавших ряд ценных идей.

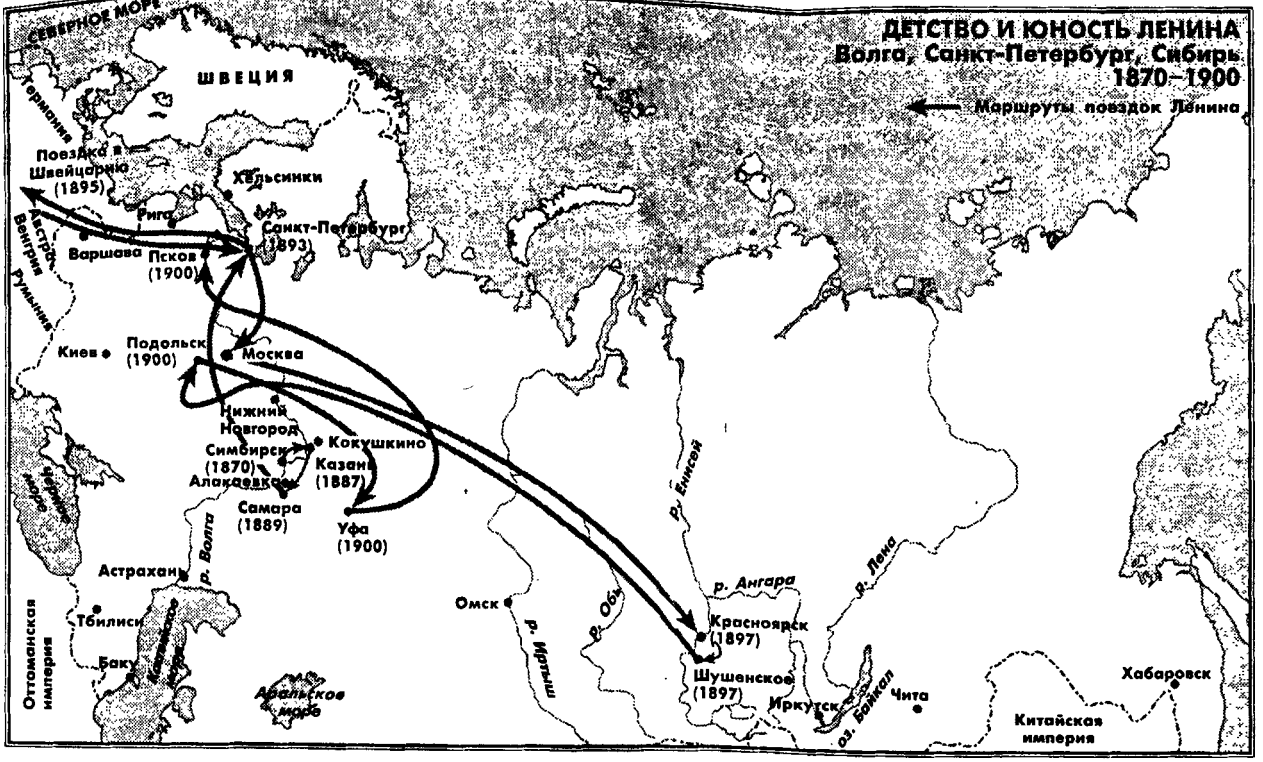
Благодарю всех моих российских друзей за всестороннюю помощь и поддержку в написании биографии Ленина — личности, имеющей для России огромное политическое и эмоциональное значение. Понимаю, что я, будучи иностранцем, мог наступить на больное место, да еще и кованым сапогом. Но, может быть, для биографии Ленина необходимо именно это?

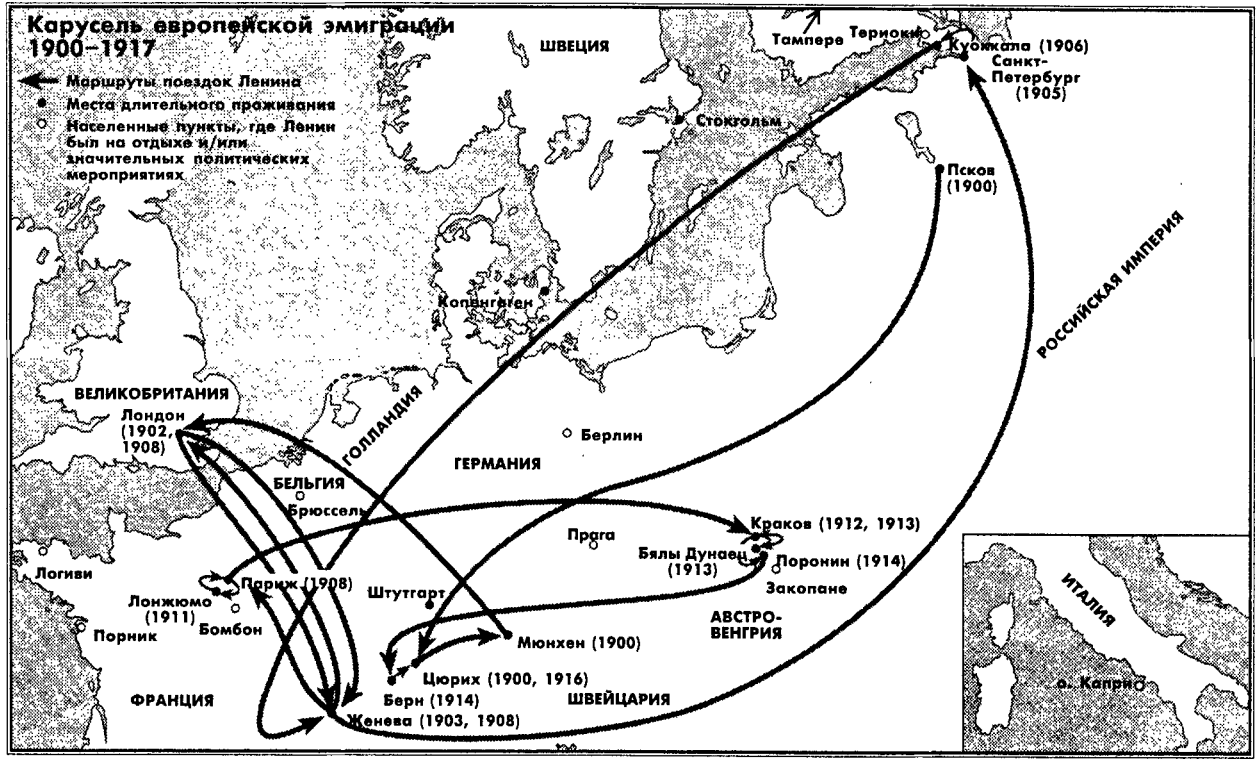
В течение ряда лет по дороге на работу мне приходилось проезжать мимо зданий в центре Лондона, где Ленин жил, работал, редактировал книги и статьи. Я проезжал по Хайбери, откуда посылали почту редакторы «Искры»; через район Сент-Панкрас, где Ленин проживал в 1900 году; пересекал Грейс-Инн Роуд, где в 1905 году Ленин вместе с товарищами по партии пил пиво в пабах; ехал вдоль Тевисток-Плейс, где Ленин прожил несколько месяцев в 1908 году. Я понял, что для меня, англичанина, объект моих исследований — вовсе не экзотика, как это может показаться. Но полностью понять жизнь и эпоху Ленина можно, конечно же, только в России. В Кремле, на Красной площади и в Смольном, как нигде, ощущаешь дух времени и места.

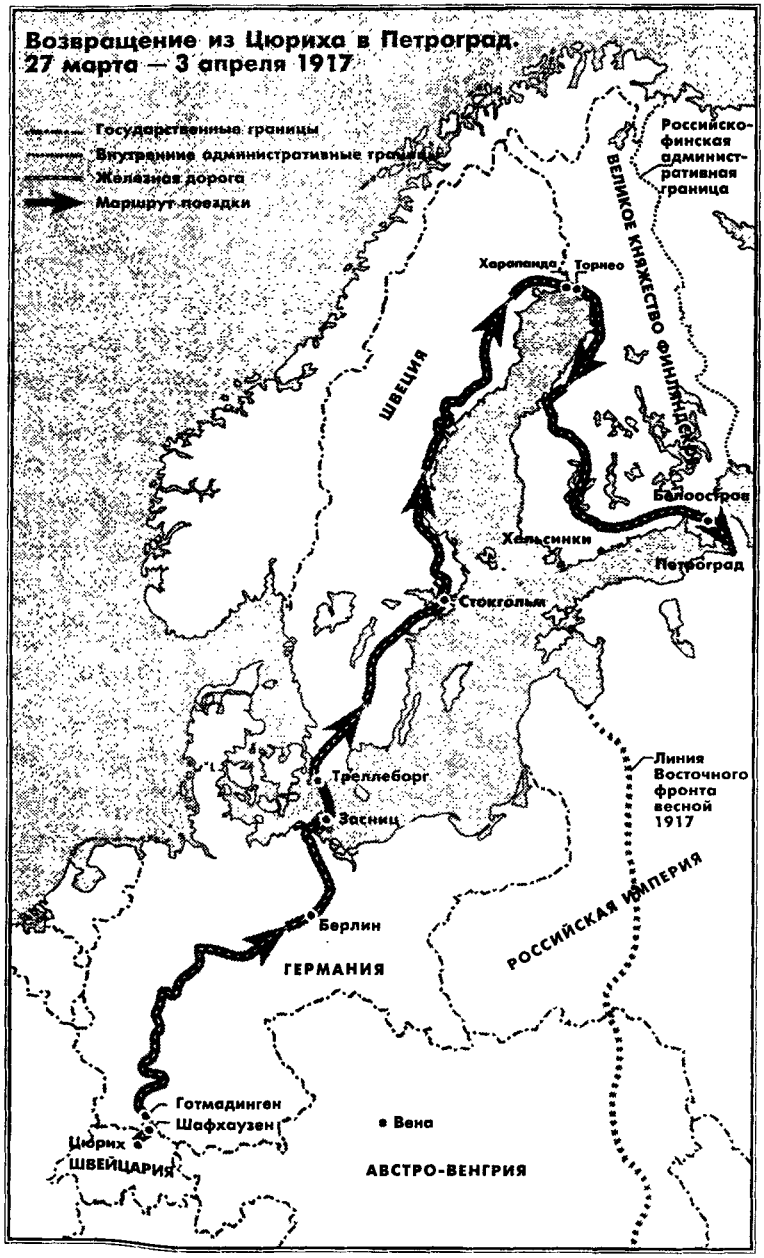
В книге, которая лежит перед вами, я попытался дать портрет личности Ленина и окружающих его людей. К сожалению, среди нас осталось очень мало тех, кто лично знал членов семьи Ленина, упомянутых в этой книге. Мне посчастливилось встретиться и побеседовать с одной из таких женщин, Викторией Николаевной Ульяновой. Удивительная щедрость души этой женщины — черта характера, которой так не хватало Ленину, дяде ее мужа — говорит о том, что события, произошедшие в России в двадцатом столетии, нельзя считать абсолютно неизбежными.

И, наконец, я хотел бы поблагодарить мою семью — жену Адель и наших замечательных наследников Эмму, Оуэна, Хьюго и Франциску, активно обсуждавших содержание этой книги. Все они помогали мне в редактировании. Как и миллионы советских граждан, члены моей семьи, признавая огромную историческую значимость Ленина, проявляли особый интерес к его личной жизни, простым человеческим слабостям, забавным эпизодам. Поэтому я хотел показать Ленина — общественного деятеля и одновременно Ленина — человека. До девяностых годов, пока были закрыты московские архивы, создание подобной биографии было невозможным. Надеюсь, что мой труд даст читателям достаточно материала для размышления над нерешенными вопросами о жизни Ленина и его исторической роли.

Роберт Сервис
Оксфорд, май 1999


ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ ЛЕНИНА
Волга, Санкт-Петербург, Сибирь
1870–1900
Маршруты поездок Ленина
СЕВЕРНОЕ МОРЕ
ШВЕЦИЯ
Германия
Поездка в Швейцарию (1895)
Хельсинки
Рига
Санкт-Петербург (1893)
Варшава
Псков (1900)
Австро-Венгрия
Румыния
Киев
Подольск (1900)
Москва
Нижний Новгород
Кокушкино
Симбирск (1870)
Казань (1887)
Алакаевка
Самара (1889)
Уфа (1900)
Финский залив
р. Волга
Астрахан
Тбилиси
Баку
Оттоманская империя
Каспийское море
Аральское море
Омск
р. Обь
р. Иртыш
р. Енисей
р. Ангара
Красноярск (1897)
Шушенское (1897)
Иркутск
оз. Байкал
р. Лена
Чита
Хабаровск
Китайская империя


Карусель европейской эмиграции 1900–1917
Маршруты поездок Ленина
Места длительного проживания
Населенные пункты, где Ленин был на отдыхе и/или значительных политических мероприятиях
ШВЕЦИЯ
Тампере
Териоки
Куоккала (1906)
Санкт-Петербург (1905)
Стокгольм
Псков (1900)
РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ
Копенгаген
ВЕЛИКОБРИТАНИЯ
Лондон (1902, 1908)
ГОЛЛАНДИЯ
Берлин
ГЕРМАНИЯ
БЕЛЬГИЯ
Брюссель
Краков (1912, 1913)
Прага
Бялы Дунаец (1913)
Поронин (1914)
Закопане
Логиви
Париж (1908)
Лонжюмо (1911)
Порник
Бомбон
Штутгарт
Мюнхен (1900)
АВСТРО-ВЕНГРИЯ
Цюрих (1900, 1916)
Берн (1914)
Женева (1903, 1908)
ФРАНЦИЯ
ШВЕЙЦАРИЯ
ИТАЛИЯ
о. Капри


Возвращение из Цюриха в Петроград.
27 марта — 3 апреля 1917
Государственные границы
Внутренние административные границы
Железная дорога
Маршрут поездки
Российско-финская административная граница
ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ФИНЛЯНДСКОЕ
Харапанда
Торнео
ШВЕЦИЯ
Балаостров
Хельсинки
Петроград
Стокгольм
Треллеборг
Засниц
Линия Восточного фронта весной 1917
РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ
Берлин
ГЕРМАНИЯ
Готмадинген
Шафхаузен
Цюрих
ШВЕЙЦАРИЯ
Вена
АВСТРО-ВЕНГРИЯ

ПОСЛЕДНИЕ ПОЕЗДКИ
Май 1917 — январь 1924

Введение

Ленин был деятелем незаурядного масштаба. Он стал основателем коммунистической фракции большевиков, а впоследствии превратил ее в партию, совершившую Октябрьскую революцию 1917 года. Первое в мире социалистическое государство, ставшее территориальным ядром СССР, выжило и окрепло вопреки всем ожиданиям. Коммунистическое руководство страны во главе с Лениным вывело Россию из первой мировой войны и одержало победу в гражданской войне. Основав Коммунистический Интернационал, советское руководство получило возможность влиять на европейскую политику. Для крайне левых СССР стал путеводной звездой, а для либералов, консерваторов и умеренных социалистов — опасной скалой. Ленинская интерпретация учения Маркса и Энгельса, получившая после смерти Ленина название «марксизм-ленинизм», превратилась в коммунистическое «священное писание».

После второй мировой войны коммунистическая модель государства — однопартийная система, идеологическая монополия, правовой нигилизм, воинствующий атеизм, государственный террор и устранение всякой конкуренции в политике власти — распространилась на страны Восточной Европы, Китай, Юго-Восточную Азию и, наконец, частично на страны Карибского бассейна и Африки. В Восточной Европе коммунизм потерпел крах в 1989 году, в СССР — в конце 1991 года. Ни одна личность не оказала большего влияния на становление и развитие коммунистического порядка, чем Ленин.

Всего этого могло бы и не случиться, если бы детство и юность Ленина не прошли в экстраординарном обществе, находившемся на уникальном этапе своего развития. Ленин, как и все его поколение, чья юность пришлась на конец девятнадцатого столетия, попал в водоворот исторических перемен. В это время на-

чинал раскрываться потенциал крупнейшей в мире страны. Понемногу ослабевали старые культурные и социальные ограничения, расширялись международные контакты, весь мир восторгался научными и культурными достижениями России.

Тем не менее, большинству высокообразованных россиян казалось, что начавшиеся в стране перемены идут слишком медленно. Многие полагали, что в такой огромной, неоднородной и связанной вековыми традициями стране, как Россия, перемены вряд ли возможны. И действительно, для пессимизма были основания. От Польши на западе империи до Владивостока на тихоокеанском побережье — пять тысяч миль*; от берега северного Белого моря до южных границ с Персией и Оттоманской империей — две тысячи миль, и на этом огромном пространстве — очень мало дорог, речное судоходство возможно только летом, а железнодорожная сеть в зачаточном состоянии. Начатое в 1891 году строительство Транссибирской магистрали к 1903 году еще не было завершено**.

Отношения Российской империи с соседями развивались не лучшим образом. С запада стране угрожали Австро-Венгрия и Германия. На юге напряженные отношения с Оттоманской империей в 1876 году переросли в войну. На востоке набирала мощь Япония. Российские власти опасались, что в случае захвата Китая третьей стороной обстановка на востоке станет еще более напряженной. Российская армия уже давно утратила репутацию непобедимости. В Крымской войне 1854–1856 годов контингент экспедиционных войск Великобритании и Франции был близок к полной победе над силами российской обороны. Хотя в битвах с турками российская армия оказалась удачливее, все равно у российских военных не было причин для самодовольства. Империя Романовых в значительной степени утратила международную значимость, завоеванную после победы над Наполеоном в 1812 году.

Российское общество оказалось не готово к переменам. Эпохи Ренессанса и в значительной мере Просвещения прошли мимо России. В начале восемнадцатого столетия царь-реформатор Петр Великий, окончательно закрепив крестьян за принадлежащей их хозяевам землей, еще более усилил феодальные отношения. Под владычеством Романовых было создано полицейское государство, в котором игнорировались требования законодательства, запре-

* 1 миля = 1,609 км. (*Здесь и далее — прим. перев.*)

** *Транссибирская магистраль* — железнодорожная линия Челябинск—Омск—Иркутск—Хабаровск—Владивосток (около 7 тыс. км), связывающая европейскую часть России с Сибирью и Дальним Востоком, построена в 1891–1916 годах.

щалась деятельность политических партий, профсоюзов и любые акции гражданского протеста, царил всепроникающий произвол властей — и все это при ужасающем масштабе бедности и столь же ужасающе низком уровне образования.

В 1861 году император Александр II предпринял попытку государственных реформ, издав указ об освобождении крестьян от крепостной зависимости. Затем последовал ряд преобразований в судебной, военной и образовательной сферах. Но эти реформы были не в силах преодолеть пропасть между богатством и бедностью. На одном конце социальной шкалы находился сказочно богатый род Юсуповых, чьи земельные владения по всей России в сумме могли составить площадь небольшого европейского государства — плюс банковские счета, недвижимость, картины старых мастеров, роскошная одежда и обеды, доставляемые поездом прямо из Германии; на другом — российские бедняки. Русские крестьяне всю свою жизнь проводили в родной деревне, лишь изредка выезжая за ее пределы. Длиннобородые, в лаптях и холщовых рубахах, крестьяне жили в страхе перед Богом, как велела традиция, а не библейское учение; о проблемах общественной жизни они не имели никакого понятия. Для многих поколений династии Романовых крестьяне были всего лишь человеческим ресурсом, нещадно эксплуатируемым. Дискриминационное российское законодательство допускало даже телесные наказания для крепостных крестьян. Не удивительно, что те всей душой ненавидели российские власти и богатую российскую элиту.

Но не только крестьянам был не по душе существовавший социальный порядок. Старообрядцы, не принявшие проведенной в семнадцатом столетии реформы церковных обрядов, были вынуждены стать беженцами. Вместе с членами разнообразных религиозных сект они спасались на бескрайних малонаселенных просторах Сибири, куда не ступала нога полицейского.

Не было спокойствия и на российских окраинах. В восемнадцатом столетии территория Речи Посполитой* была разделена между Австро-Венгрией, Пруссией и Россией; на землях, отошедших к России, в 1830 и 1863 году вспыхивали восстания**.

---

* *Речь Посполитая* (польск. Rzeczpospolita — республика) — официальное название конфедеративного государства, в состав которого входили Королевство Польское и Великое княжество Литовское (земли современных Беларуси и Литвы, а также Восточной Польши, Западной Смоленщины и Брянщины, части Украины). Существовало со времени Люблинской унии 1569 года до 1795 года.

** Первое восстание началось в 1794 году, за год до третьего и окончательного раздела конфедеративной Речи Посполитой в 1795 году. Три восстания (1794, 1830 и 1863) охватывали территорию современной Центральной и Восточной Польши, а также Беларуси и Литвы.

Без особой любви смотрели на русских финны. На протяжении конца девятнадцатого столетия не утихали бунты на Кавказе. Даже в Украине, обычно не доставляющей царям особых хлопот, начиналось беспокойство. Российская империя бурлила.

Но все же это была страна невероятных возможностей. Российская империя обладала огромными запасами угля, нефти, железа, алмазов и золота, плодородными землями и возможностями привлечения крупных иностранных инвестиций для ускорения развития промышленности. Правящие круги государства в результате зарубежных контактов все больше склонялись к необходимости ликвидировать отставание России от промышленно развитых государств Запада. Семимильными шагами развивалась российская культура. Вся Европа зачитывалась романами Толстого, Достоевского и Тургенева. Широкую известность получили российские ученые, в первую очередь Д. И. Менделеев. Композиторы Римский-Корсаков и Чайковский добились европейской славы; у художников слава была еще впереди. Определенный прогресс наблюдался и в сфере образования: в стране быстро рос профессиональный средний класс, стремившийся создать новые социальные институты независимо от государственных властей; создавались местные органы самоуправления, сыновья и дочери городской бедноты получили возможность учиться. Менялось все, вплоть до архитектуры, манеры одеваться и вести себя. Даже в царской администрации пошатнулось казавшееся ранее незыблемым господство старого дворянства.

В менявшейся стране бурлили политические страсти, сталкивались противоборствующие идеологии. Самые нетерпимые критики существовавшего порядка объявили настоящую войну государству, в течение многих столетий притеснявшему общество. В шестидесятые годы девятнадцатого столетия появилась идеология аграрного социализма (народничества). Наиболее радикальные из народников участвовали в террористических актах. Появились и либеральные политические партии и движения. Но не они, а марксисты, начиная с восьмидесятых годов, стали наиболее активными критиками существовавшего порядка. Перед обществом и государством вставал целый ряд вопросов. Сможет ли царизм выдерживать революционный напор в течение времени, достаточного для модернизации общества и экономики? Смогут ли революционеры приспособиться к постоянно меняющейся реальности и избежать насильственных действий? И, наконец, смогут ли царские власти пойти на уступки, чтобы стал возможным положительный ответ на два первых вопроса?

Ленин был одним из многих представителей российской интеллигенции, требовавших революционных перемен. Его, ненавидевшего династию Романовых и всю старую Россию, презиравшего существовавший политический и экономический порядок, совсем не привлекали возможности поступательного развития всех сфер российской жизни. Он мечтал о новой России — о России европейской, похожей на развитые страны Запада. Но, восторгаясь Западом, а в особенности Германией — немецким марксизмом и Марксом лично, немецкой промышленностью и технологией, Ленин мечтал о переменах и там, о европейской социалистической революции. Он хотел повсеместно уничтожить все, что казалось ему отсталым и угнетающим — весь капиталистический строй, будь то в России или в любой другой стране. Как и многие из его поколения, он верил в идеи просвещения, прогресса, науки и революции, но при этом давал каждому из этих понятий свою собственную интерпретацию.

Окружение Ленина сыграло не меньшую роль, чем его личные качества. Ленинскую политическую позицию разделяли его товарищи-большевики. Без энергии и практицизма партии большевиков Ленин, географически изолированный от России в годы эмиграции и не очень здоровый физически, мог бы остаться малозначимой политической фигурой. Большевики воспользовались нараставшим недовольством существующим порядком со стороны российской интеллигенции, рабочих и других социальных групп российского общества. Все особенности Российского государства — политическая напряженность, административная слабость, внутренние национальные и социальные противоречия, склонность народа к жестокости и насилию — сыграли на руку Ленину. Первая мировая война вызвала окончательный кризис, ставший для монархии смертельным. Кризис в экономике, транспорте и управлении государством привел к катастрофическим последствиям на Восточном фронте. Но в 1917–1918 годах большевикам несказанно везло. Военная победа Германии в 1918 году стала бы концом молодого советского правительства. Если бы не редкостное сочетание благоприятных условий, Ленин сыграл бы лишь эпизодическую роль на исторической сцене двадцатого столетия.

О Ленине написано очень много. Но до недавнего времени важнейшие документы, рассказывающие о его жизни и деятельности, оставались недоступными. Многие важные документы впервые были опубликованы только в самом конце существования СССР, при Михаиле Горбачеве. В 1991 году, после кру-

шения СССР, первый президент России Борис Ельцин открыл центральные партийные архивы для прямого доступа. (В те годы я работал над трилогией о Ленине, ставящей целью объяснить связь между учением Ленина и его политической деятельностью в рамках революционной партии, основавшей первое в мире социалистическое государство.)

Предлагаемый мною подход к жизни и деятельности Ленина имеет ряд существенных отличий. Наиболее очевиден контраст с официальными советскими источниками, а также авторами-троцкистами, представлявшими Ленина безупречным мыслителем, политиком и гуманистом[1]. Другие авторы, хотя и не восхваляют Ленина, все же не замечают многих его недостатков. В частности, я не могу разделить убеждение Нила Хардинга в том, что единственным источником учения Ленина были марксистские принципы, а его деятельность полностью лежит в русле «ортодоксального» марксизма[2]. Точно так же трудно согласиться с мнением Рольфа Тина, что все базовые убеждения Ленина проистекают исключительно из немарксистских течений российской революционной мысли[3].

Назову и других авторов, точка зрения которых отличается от представленной в данной книге. Так, Марсель Либман утверждает, что Ленин стремился свести к минимуму проявления авторитарности как внутри своей партии, так и в Советском государстве, а Александр Рабинович (труды которого широко цитируются) заявляет, что в 1917 году партия большевиков была организована по демократическому принципу[4]. По моему мнению, не находит достаточного подтверждения и предположение Моше Левина и Стивена Коэна о том, что незадолго до смерти Ленин сделал попытку реформирования коммунизма в направлении устранения связи этого понятия с диктатурой, классовой войной и террором[5].

Идеологические убеждения Ленина по-прежнему остаются яблоком раздора для исследователей. Э. Карр видел в Ленине политика, с течением времени все больше заинтересованного в построении государственных институтов, чем в продвижении революции[6]. Адам Улам, анализируя ленинскую внешнюю политику, приходит к выводу, что по истечении нескольких месяцев после прихода к власти экспорт революции перестал быть для Ленина целью первостепенной важности. Крайний пример этой точки зрения предлагает Орландо Файгс, предполагающий, что советское вторжение в 1920 году в Польшу было предпринято исключительно с целью обороны[7]. Как показано в данной кни-

ге, идеология ленинизма имеет ключевое значение для понимания источников и последствий Октябрьской революции.

О личности Ленина также написано немало. Очевидно, ошибается Ричард Пайпс, изображая Ленина психопатом, для которого идеология не имеет существенного значения, а действия мотивированы в основном стремлением доминировать и убивать[8]. Нельзя согласиться ни с мнением Александра Солженицына и Дмитрия Волкогонова, убежденных, что Ленин и ленинизм абсолютно чужды русской традиции[9], ни с антисемитским подходом Владимира Солоухина, для которого ленинская идеология в значительной степени является следствием наличия в его родословной еврейского предка[10]. Менее демонической личностью предстает Ленин в трудах Ральфа Картера Элвуда, Дитера Гайера, Леопольда Хеймсона, Джона Кипа и Леонарда Шапиро[11]. В последние десятилетия появился ряд исследователей (в первую очередь следует упомянуть Шейлу Фитцпатрик и Рональда Суни), предполагающих, что для объяснения феномена Ленина вообще следует сосредоточить внимание не на его личности, а на государстве и обществе имперской России и Советского Союза[12]. В моих ранних работах также сделан акцент на политических и организационных факторах, принуждавших Ленина действовать определенным образом либо удерживавших его от совершения тех или иных поступков[13]. Даже Альфред Майер и Мартин Малиа, убедительно доказывающие важность идеологии Ленина, недооценивают препятствия, возникавшие на его пути к полной свободе самовыражения[14]. Действительно, деятельность Ленина следует рассматривать в контексте его времени, но все же решающее значение, как я надеюсь показать в данной книге, имело его личное влияние на события.

Данная книга написана не только с целью продемонстрировать подход, отличающийся от других исследователей. Мне хотелось предложить читателю то, что до сих пор было невозможным — а именно биографию. Советское государство скрывало от нас исторического Ленина. Документы и воспоминания, не вписывающиеся в официально принятый образ вождя, скрывались в архивах. Первым из советских руководителей нарушил традицию Михаил Горбачев, при котором были опубликованы воспоминания родных Ленина и членов партии большевиков. Тогда же был опубликован и ряд документов Политбюро революционного периода. В результате мы узнали о Ленине намного больше, чем ранее, но все равно историки пока что не имели доступа в архивы, не могли самостоятельно работать с интере-

сующими их документами. Это стало возможным лишь в 1991 году. (Мне посчастливилось находиться в Москве в тот самый день, когда после неудачной попытки антигорбачевского путча были открыты центральные партийные архивы, и лично воспользоваться предоставленной свободой исторических исследований.) С течением времени гриф «Секретно» снимался со все возраставшего числа документов. Историки получили возможность держать в руках оригиналы протоколов Политбюро, Центрального Комитета, конференций и съездов, тщательно изучать материалы о борьбе Ленина в 1923 году за смещение Сталина. В результате Ленин как политик стал более понятной фигурой.

Уже одно это соблазняло еще раз присмотреться к Ленину. Окончательное решение о написании данной книги я принял после относительно недавнего открытия доступа к личной переписке и воспоминаниям близких родственников Ленина. Давние подозрения подтвердились: даже изданные при Горбачеве воспоминания супруги Ленина Надежды Константиновны Крупской публиковались с политически обоснованными купюрами. А ведь еще были воспоминания сестер и брата, врачей, медсестер и охранников... Наконец-то стало возможным написание ленинской биографии в полном смысле этого слова.

Книга началась с предпосылки, что невозможно истолковать Ленина-революционера и Ленина-человека в отрыве друг от друга. Его смешанное этническое происхождение также нельзя считать полностью лишенным значения, но невозможно представить себе, что только на этом основании можно объявить Ленина русофобом или лицом, склонным к жестокости. Что касается его родителей, то моя точка зрения заключается в том, что они являлись своего рода маргиналами, стремившимися интегрироваться в имперское общество и в конце концов потерпевшими неудачу. Как и в других подобных семьях, родители возлагали все надежды на детей, изо всех сил стараясь дать им хорошее образование. Постоянное родительское давление не прошло даром для некоторых из детей Ульяновых. Ленину в этом отношении повезло, но и он на всю жизнь сохранил навязчивую привычку заставлять себя интенсивно трудиться и все успевать вовремя, пока болезнь окончательно не свалила его с ног. Свой след на личности Ленина оставило и полученное им образование. Предыдущие исследователи не оценивали того факта, что в годы учебы в гимназии Владимир Ульянов изучал очень узкий ряд предметов, в результате чего его разум оставался открытым к другим влияниям, в том числе революционным идеям. Получен-

ное образование дало ему возможность читать на иностранных языках и с уважением относиться к науке, но при этом делало беззащитным перед влиянием любой идеологии, которая могла показаться юноше подходящей для объяснения того, что происходило в обществе.

Ленин мастерски умел скрывать чувства. Даже тяжелую психологическую травму, связанную с казнью старшего брата Александра, он перенес внешне спокойно. Его семейная жизнь также проходила спокойно, в тесном сотрудничестве с супругой. Но и здесь не обошлось без подводных камней. Иногда его искушали другие женщины; одна из них, Инесса Арманд, на какое-то время овладела его сердцем. Но Ленин, в общем и целом, обычно манипулировал окружающими его женщинами. Чтобы гарантировать помощь и поддержку с их стороны, он провоцировал между ними ревность, оставляя жену Надежду Крупскую на милость своих неприветливых сестер Анны и Марии. Именно эти женщины регулярно помогали Ленину в организации повседневного быта. Надо сказать, что Крупская не всегда подпадала под очарование своего супруга, но все же она оставалась с ним до конца. Особенно связала их последняя, ставшая роковой болезнь Ленина в 1922 году.

Без любви и постоянной активной поддержки со стороны родных Ленин, будучи несколько ипохондричным от природы, мог в любой момент взорваться. Он был настоящей миной замедленного действия: интеллектуальные убеждения бросили его в революцию, а страсти, кипящие глубоко внутри, сделали его порывы буйными и несдержанными. В Ленине было больше страсти к разрушению, чем любви к пролетариату.

Деятельность Ленина-политика тесно связана с личностными особенностями Ленина-человека. Еще до 1917 года ленинские вспышки гнева были настоящей «притчей во языцех» среди членов партии, а незадолго до смерти они стали столь острыми, что окружающие всерьез задумывались о его душевном равновесии и даже психическом здоровье. Но чаще всего Ленин держал себя в руках, находя приемлемый выход для гнева в виде контролируемой агрессии. Ленин-политик был воином, это никогда и ни для кого не было секретом, но теперь мы можем представить себе реальные масштабы ленинской воинственности. Даже в периоды отступления, как при введении новой экономической политики в 1922 году, заявления и предложения Ленина звучат очень агрессивно. Правда, после консультаций с товарищами по партии, сотрудниками и знакомыми он смягчал

формулировки своих идей, но базовых убеждений не менял никогда. Сдержанность Ленина — это сдержанность воина, рвущегося в битву, но осознающего необходимость временного и частичного отступления. Политика Ленина могла претерпевать изменения, иногда даже значительные, в особенности если его власть находилась под угрозой, но базовые убеждения с момента их формирования в начале девяностых годов девятнадцатого столетия и до самой смерти в 1924 году изменились весьма незначительно. Ленин мог несколько лет прожить в Лондоне, Цюрихе или Москве и при этом не сделать никаких выводов из увиденного в этих городах — выводов, которые легко пришли бы в голову человеку, не отягощенному застывшими предубеждениями. Ленин не был политическим хамелеоном. Можно сказать, что он жил и умер ленинцем.

Марксизм не единственное учение, оставившее след в учении Ленина. Известно, что Ленин находился под влиянием идей террористов-народников второй половины девятнадцатого столетия. Не следует, однако, полагать, что ему приходилось выбирать между марксизмом и народничеством как между полярными идеями: в этих учениях есть много общего. Менее известно о других источниках ленинской идеологии. Очень сильно повлияли на его убеждения прочитанные в детстве и юности книги, начиная с «Хижины дяди Тома» Гарриет Бичер-Стоу. Любимые книги русских писателей, в том числе Глеба Успенского, усилили скептицизм Владимира Ульянова насчет якобы существовавших бесконфликтных взаимоотношений внутри российской крестьянской общины. Позже Ленин немало почерпнул у таких авторов, как Макиавелли и Дарвин. Даже у случайных знакомых, враждебных к марксизму, Ленин мог найти близкие ему идеи. Одним из таких людей стал православный священник Георгий Гапон, критик царских порядков. Итак, главной составляющей ленинской идеологии является марксизм, но кроме него мы видим комбинацию идей, позаимствованных из самых различных источников.

Не меняя базовых убеждений, Ленин мог, если считал необходимым, свободно менять стратегии, даже если это раздражало товарищей и сотрудников. В некоторых случаях он полностью игнорировал их мнение. Так было в случае Октябрьской революции, Брестского мирного договора или введения нэпа. Как глава партии, чтобы отвести критику от себя, он позволял последователям вступать между собой в дискуссии. Для товарищей по партии Ленин стал чем-то вроде апелляционного суда,

состоящего из одного человека. Он был единственным членом партии большевиков, равно уважаемым всеми внутрипартийными группами. Патриархальный ленинский стиль укреплял его первенство в партии, за исключением, может быть, периодов болезни. Ленин искусно управлял партией; даже умеренные рекомендации звучали в его устах достаточно радикально, при необходимости он бывал уклончив и умел пользоваться второстепенными дискуссиями для достижения главной цели данного момента. Искусством обращаться одновременно к разным группам слушателей и читателей он владел лучше, чем большинство современных ему политиков: в его языке с легкостью сочетались марксистская терминология и популистские лозунги. На партийных съездах победа всегда оставалась за ним. Наделенный даром жесткого и одновременно вдохновляющего лидерства, с течением времени Ленин научился осваивать все новые и новые политические технологии, но сохранял при этом «учительскую» манеру поведения и привычку придавать словам нетрадиционный смысл. Однако эти недостатки с лихвой покрывались силой его личности и непреклонностью убеждений; к тому же Ленин научился доверять своему политическому чутью.

Все же ленинская гибкость и способность приспосабливаться имели свои пределы. Личная неприхотливость Ленина находила отражение и в его политической жизни, проявляясь в узком подходе к политике. Он был фанатичным читателем и писателем, настоящим книжником, но ему стоило немалого труда научиться более-менее сносно произносить речи перед публикой. В 1917 году не Ленин, а Лев Троцкий, его ближайший товарищ, и Александр Керенский, премьер-министр Временного правительства, политический противник большевизма, демонстрировали мастерское владение политическими технологиями двадцатого столетия.

Абсолютно ошибочно широко распространенное представление о том, что Ленин всегда был известным политическим деятелем. В 1917 году, по возвращении Ленина из эмиграции в Россию, его облик был знаком лишь немногим. О его книгах знали только хорошо информированные марксисты. Ни в «Правде», ни в других газетах не публиковались его портреты. Даже в годы гражданской войны при личной встрече Ленина узнавали далеко не все. Широкую известность Ленин приобрел лишь в 1921 году, после введения новой экономической политики. Этот факт имеет немалое значение для анализа политического влияния Ленина. Часто решающие для истории партии и правительства

моменты проходили без его непосредственного участия: вначале годы сибирской ссылки и европейской эмиграции, затем, после возвращения в Россию в апреле 1917 года, с июля до начала октября этого же года Ленин скрывался в Финляндии. К тому же Ленина часто выводили из строя серьезные проблемы со здоровьем, начавшиеся еще в молодости, — желудочные заболевания, мигрени, бессонница, рожистое воспаление, сердечные приступы различной степени тяжести. Ленину приходилось в значительной степени доверять управление государством товарищам по партии. К его досаде, они вполне справлялись и без него.

И все же Ленин стал творцом истории. В апреле 1917 года он разработал стратегию захвата государственной власти, изложенную в «Апрельских тезисах»; в октябре настоял на осуществлении захвата власти; в марте 1918 года, подписав сепаратный мирный договор в Брест-Литовске, предотвратил германское вторжение в Россию; в 1921 году ввел новую экономическую политику (нэп) и не допустил народного восстания, которое привело бы к крушению советского государства. Если бы не упорная борьба Ленина за эти стратегические действия, возникновение и укрепление СССР могло бы стать невозможным.

Ленин, однако, не всегда тщательно просчитывал последствия своих действий. Яркий пример — создание централизованного однопартийного государства. Одно из величайших зол двадцатого столетия возникло не в результате грандиозного плана, а почти без всякой подготовки, хотя и не случайно: даже импровизируя, Ленин мыслил и действовал согласно своим неизменным базовым убеждениям, и делал это с удовольствием. Он гордился своим учением, партией и революцией.

Влияние Ленина на события мировой истории не ограничивается временем его жизни. Его наследие огромно. Ленин создал Совнарком, разогнал Учредительное собрание, учредил Чрезвычайную комиссию, созвал Коммунистический Интернационал. Но его влияние на умы еще шире, чем на непосредственные исторические события. Именно Ленин устранил из политики этические препятствия, оправдал диктатуру и террор, одобрил наличие политического авангарда и необходимость «твердой руки», убедил членов своей партии в том, что его учение представляет собой истинный марксизм и предлагает единственно верную политику действий. Влияние ленинской теории и практики на крайне левых социалистов как в России, так и за ее пределами сохраняется до сих пор.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

РОЖДЕНИЕ БУНТАРЯ

Хотел бы я встать из могилы лет через сто и посмотреть, как тогда будут жить люди.

Доктор Александр Бланк, дед Ленина

1

Семейство Ульяновых и семейство Бланк

10 апреля 1870 года* в Симбирске, провинциальном городке на юго-востоке России, появились первые приметы весны. Температура воздуха поднялась до пяти градусов. Лед на широкой Волге вспучился и покрылся трещинами. Долгожданную новость с волнением обсуждали во всех домах Симбирска, и лишь в доме на улице Стрелецкой было не до весны — у матери семейства начались роды. Родился мальчик, третий ребенок в семье Ильи и Марии Ульяновых. Несколько дней спустя семья в полном составе пришла в Свято-Никольский собор крестить новорожденного. Священник окропил младенца святой водой и дал ему имя Владимир. Крестным отцом мальчика стал партнер Ильи по шахматам, действительный статский советник**, управляющий Симбирской удельной конторой Арсений Белокрысенко; крестной матерью — вдова коллежского асессора*** Наталья Ауновская, мать одного из сослуживцев Ильи[1]. После крещения сына Илья Николаевич уехал в Санкт-Петербург на педагогический семинар, оставив Марию Александровну поправляться после родов под опекой новой няни, Варвары Сарбатовой. Жизнь в доме на Стрелецкой улице вошла в привычную колею[2].

---

* До февраля 1918 года, когда правительство Ленина ввело григорианский календарь, в России действовал юлианский календарь. В данной книге даты приводятся согласно официально принятому на тот момент календарю, если не указано иначе. — *Прим. автора.*

** *Действительный статский советник* — в России до 1917 года гражданский чин 4-го класса (из 14, 1-й — высший), давал потомственное дворянство. Лица, его имевшие, занимали высокие должности (директор департамента, губернатор).

*** *Коллежский асессор* — в дореволюционной России гражданский чин 8-го класса. До 1845 года давал потомственное дворянство, затем только личное.

Владимир Ильич Ульянов вошел в историю под именем Ленин — наиболее употребительным из его революционных псевдонимов. Этот же псевдоним дал имя целому ряду учений под общим названием «марксизм-ленинизм». Тем не менее, родной город Ленина при переименовании в 1924 году получил название Ульяновск, а не Ленинск. Ульяновском он остается и по сей день.

В девятнадцатом столетии люди пребывали в убеждении, что вся российская провинция находится в сонном, застывшем состоянии, а бурная городская жизнь и предпринимательство ограничены рамками столицы, Санкт-Петербурга. Чем дальше от столицы — тем сонливее жизнь. Такое впечатление о российской жизни оставалось у посещавших Россию иностранцев, так думали и многие россияне, в том числе российские цари, министры и интеллигенция.

В действительности же все было совсем не так. Жизнь в провинциальных городах России была далека от сонного спокойствия. Жители портового города Симбирска, расположенного в тысяче миль от столицы, не могли позволить себе ленивого существования, им нужно было зарабатывать себе на хлеб.

Лишь небольшая часть города располагалась на высоком берегу Волги (450 футов* над уровнем воды). Основная же его часть растянулась на одиннадцать миль вдоль низкого берега реки. Симбирск лежал на пути из Центральной России к берегам Каспийского моря. Через волжские пристани шли основные потоки товаров. Вверх и вниз по Волге шли бурлаки, герои знаменитых волжских песен, тянули тяжело груженые баржи. Местные жители нанимались на рыболовецкие суда, занятые добычей волжского осетра. Крупной промышленности в Симбирской губернии не было. Несколько швейных фабрик и старый симбирский винокуренный (спиртовой) завод — вот и вся промышленность. Россия наращивала торговлю с Оттоманской империей и Персией, но Симбирск при этом никак не мог равняться с Москвой и Санкт-Петербургом: здесь не было ни металлообрабатывающих заводов, ни сколько-нибудь значительных иностранных промышленных предприятий. В городе, застроенном в основном деревянными домами, мало что напоминало о роскоши столичной архитектуры.

Другим основным источником дохода Симбирской губернии было сельское хозяйство. Кроме ржи, местные крестьяне выра-

* 1 фут=30,48 см. Автор пользуется традиционной британской системой мер.

щивали картофель, пшеницу, овес и ячмень, а урожай продавали торговым посредникам в Симбирске и других городах губернии. В 1861 году император Александр II подписал указ, освобождавший крестьян от крепостной зависимости. Указ был не особо выгодным для крестьянства. Земли в Симбирской губернии не отличались особым плодородием по сравнению с остальной Россией, к тому же помещикам удалось сохранить в своих руках большую часть земель, и поэтому мало кому из крестьян удавалось прожить только за счет сельского хозяйства. Многие из них кормились за счет ремесленничества. В лесистой Симбирской губернии была развита деревообработка, из дерева делали сани, телеги, колеса, разнообразную домашнюю утварь. На пестрых базарах и ярмарках можно было купить любой товар местного производства.

В подавляющем большинстве жители Симбирской губернии, 88 процентов (а в самом Симбирске — до 97 процентов), были православными, два процента принадлежали к разнообразным русским сектам. К числу сектантов, как официально именовали русских христиан, не подчинявшихся православной церкви, принадлежали и старообрядцы, отвергающие проведенные в середине семнадцатого столетия при царе Алексее богослужебные реформы. Жили в губернии и христиане западных вероисповеданий, в том числе лютеране и католики. Еврейское население составляло до четырехсот человек. Мусульманская община губернии, вторая по численности после православной, насчитывала до 9 процентов населения и состояла в основном из мордвы, татар и чувашей. К этим народам, веками проживающим на территории Симбирской губернии, русские относились чаще всего с презрением, как к людям низшего сорта. Величественный Свято-Никольский собор, возвышавшийся в самом центре Симбирска, должен был символизировать незыблемость российского владычества в Поволжье, завоеванном царями древней Московии.

Символы символами, но у российской власти не раз возникали серьезные проблемы с удержанием Поволжья в покорности царскому трону, и причиной этих проблем становилось не только нерусское население. Симбирские православные крестьяне участвовали в восстаниях Стеньки Разина (1670–1671) и Емельяна Пугачева (1773–1775). В Симбирске постоянно находился хорошо вооруженный армейский гарнизон. Русский царизм отличался авторитарным стилем управления: губернатор, назначаемый лично царем, имел практически неограниченную власть.

Вслед за указом об освобождении крестьян император Александр II провел реформу местного управления, согласно которой вводились избираемые губернские земства*. Под их попечение передавались школы, дороги, больницы, места общественного пользования. Эта реформа, хоть и носила ограниченный характер, обозначила разрыв с абсолютистским прошлым. Высшая знать Симбирской губернии хранила верность старым традициям. Но даже здесь, в одном из «дворянских гнезд» России, крупные землевладельцы и местная элита с энтузиазмом восприняли новые возможности, предоставляемые самоуправлением. Земства стали неиссякаемым источником нововведений. В городе с 1838 года выходила своя газета, «Симбирские губернские ведомости», а в 1876 году местное земство начало выпуск еще одного издания. Санкт-Петербург выделял средства на развитие сети школ: к концу девятнадцатого столетия в губернии было 944 учебных заведения разного уровня. Среди них выделялась Симбирская классическая гимназия, куда принимали учеников в возрасте до семнадцати лет. Университета в Симбирске не было, и желающие продолжить учебу отправлялись в Казанский университет — за 120 миль к северу от Симбирска.

Симбирская губерния — родина одного из величайших российских историков, Николая Карамзина, скончавшегося в 1826 году. Отсюда родом и писатель Иван Гончаров, чей роман «Обломов», издававшийся по частям на протяжении 1850-х годов, вошел в классику европейской литературы. Но сам Симбирск не был культурным центром. Публичная библиотека имени Карамзина не могла похвастаться богатством выбора книг. На весь город насчитывалось всего несколько книжных лавок. Литературных салонов не было вообще. Все это, однако, не смущало провинциальных интеллигентов, стремившихся вести активную общественную жизнь. Скорее наоборот: многие из величайших русских писателей, мыслителей и политиков вышли из провинции. Их детство прошло вдали от клаустрофобической культурной атмосферы Санкт-Петербурга. Эти люди вынашивали свои идеи в одиночку или в тесном кругу единомышленников, вдали от глаз и ушей критиков-недоброжелателей. Очень часто именно провинциальные интеллигенты смело атаковали ранее незыб-

* *Земства* (земские учреждения) — выборные органы местного самоуправления в Российской империи. Введены земской реформой 1864 года. Ведали народным образованием, здравоохранением (создали обширную сеть земских школ, больниц, фельдшерских пунктов, аптек), строительством дорог и др., содействовали развитию крестьянского хозяйства (агрономическая служба, склады сельскохозяйственных машин, посевного материала), кустарных промыслов и др.

лемые традиции, производя революцию в умах — и не было среди них более революционного мыслителя и политика, чем родившийся в Симбирске человек по имени Владимир Ульянов.

Семья Ульяновых переехала в Симбирск осенью 1869 года, за несколько месяцев до рождения Владимира, когда Илью Николаевича Ульянова назначили инспектором народных училищ Симбирской губернии. В Симбирске Илья Николаевич снял у семьи Прибыловских дом на Стрелецкой улице, куда и переехал с семьей — беременной женой Марией Александровной и двумя детьми, Александром и Анной[3]. Должность, на которую был назначен Илья Николаевич, являлась частью принятого правительством в середине шестидесятых годов девятнадцатого столетия плана ускоренного развития системы государственного образования. Энергичный Илья быстро достиг выдающихся успехов в своем деле, как в Симбирске, так и во всей губернии.

Илья и Мария Ульяновы происходили из смешанных семей. Советские власти старались хранить в секрете наличие у Марии еврейских предков: дед Марии по отцу, еврей Мошко (Моше, Моисей) Бланк торговал спиртными напитками в еврейском местечке Староконстантинов на Волыни, у западных границ империи. Мошко постоянно конфликтовал со всеми — и с соседями, и с собственным сыном Абелем. Он даже подал на Абеля в суд за словесное оскорбление и нанесение побоев[4]. Судья, однако, не внял доводам Мошко и, рассмотрев дело, оштрафовал его самого. В 1803 году соседи Мошко, тоже евреи, подали на него в суд, обвинив в краже сена. Два года спустя Мошко вновь предстал перед судом — на этот раз по обвинению в торговле самогоном. В обоих случаях суд признал Мошко невиновным. Но в 1808 году удача отвернулась от Мошко, и ему пришлось провести несколько месяцев в тюрьме по обвинению в поджоге. В конце концов его опять признали невиновным, и Мошко решил от греха подальше переехать с семьей в губернский город Житомир. Но унижения, пережитого в Староконстантинове, он не забыл. В 1824 году он добился пересмотра дела о поджоге, и в результате его обвинители понесли наказание. Шутить с мстительным Мошко было опасно — и эту черту характера он передал одному из своих потомков[5].

Мошко Бланк не был религиозным евреем. Родители не требовали от него соблюдения законов иудаизма, и сам он не послал своих детей в местный хедер — еврейскую школу, где дети изучали Священное Писание и древнееврейский язык. Своих детей Мошко отдал в недавно открывшуюся государственную

школу с обучением на русском языке. После смерти жены Бланк решил порвать последние связи с верой предков и крестился у местного священника по православному обряду[6]. Возможно, какие-то религиозные переживания у Мошко были, но не они, скорее всего, а чисто материальные причины привели его к крещению. Обращение в христианство снимало все преграды для его дальнейшей карьеры.

В 1772–1795 годах после трех разделов территории Речи Посполитой между Австрией, Пруссией и Россией это государство исчезло с карты мира. До этих событий в Российской империи жило очень мало евреев. После присоединения новых земель их значительное еврейское население пополнило число российских подданных. Екатерина II опасалась недовольства, вызванного миграцией евреев в глубь России, так как русские, вне зависимости от социального положения, в своем большинстве относились к евреям с неприязнью, имевшей религиозные и экономические причины. Императрица издала указ, согласно которому евреи обязаны были жить в пределах проходившей вдоль западных границ империи черты оседлости; за ее пределами разрешалось жить лишь очень немногим зажиточным евреям. Еврей не мог получить дворянский титул. В этих условиях для честолюбивых неверующих евреев оставался один выход — переход в православие: после крещения человек автоматически считался русским, с него снимались все прежние ограничения. Можно не сомневаться, что Мошко Бланк, по его собственным словам, не получивший никакого религиозного иудейского воспитания и образования, очень тяготился своим еврейством.

Далеко не каждый новообращенный станет относиться к своим бывшим собратьям по вере с такой ненавистью, как Мошко Бланк: он обратился к министру внутренних дел с прошением о введении дополнительных ограничений в отношении евреев. Предлагалось, в частности, отказать евреям в праве торговать продуктами, употребление которых запрещено канонами иудаизма, а также запретить им нанимать прислугу из числа христиан на субботу — день, когда евреям нельзя выполнять любую работу. Особо настаивал Бланк на необходимости запрета хасидизма, мистического направления в иудаизме. Более того, Мошко предлагал министру принять меры к тому, чтобы вообще запретить евреям молиться о приходе Мессии, обязав их молиться о здоровье российского императора и его семьи![7] Короче говоря, Мошко Бланк был антисемитом, и это надо подчеркнуть особо. Дело в том, что в современной России неко-

торые из писателей, проявляя близкие к антисемитизму убеждения, склонны искать корни идеологии и особенностей поведения Ленина в его еврейском происхождении[8]. Но, делая акцент на этническом происхождении Ленина, русские националисты напрочь забывают о том простом факте, что сам Мошко Бланк был противником иудаизма, а его сыновей уже ничто не связывало с еврейством[9].

Сыновья Мошко, Абель и Сруль (Израиль), студенты Санкт-Петербургской медико-хирургической академии, перешли в православие даже раньше, чем отец. Мошко давно простил Абелю отвратительную драку в Житомире, завершившуюся судебной тяжбой. Молодые люди решили сделать карьеру в медицине. Именно медицина, как и другие «свободные профессии», становилась для многих представителей российских низов путем, ведущим к общественному признанию. Поэтому Абель и Сруль усердно учились, чтобы стать квалифицированными врачами. В 1820 году они заявили о желании перейти в православие и приняли крещение в санкт-петербургском Самсониевском соборе. После крещения юноши получили русские имена: Абель стал Дмитрием, Сруль — Александром. Крестными родителями стали представители дворянских родов; одним из крестных отцов был действительный статский советник, сенатор Дмитрий Баранов*, в 1820 году посещавший Волынскую губернию с правительственной инспекцией. Баранов активно помогал молодым евреям, обращенным в православие[10].

В 1824 году Александр (Сруль) Бланк, получив диплом врача, был направлен в Смоленскую губернию. Александр решил идти по жизни своим путем, разорвав связи с отцом (во всяком случае, документальных свидетельств обратного практически не имеется). Исключительная самостоятельность Александра проявилась еще во время учебы в Медико-хирургической академии, когда он, кроме рекомендованных программой учебных пособий, изучал литературу по нетрадиционным методам лечения[11].

В 1829 году Александр женился на Анне Гроссшопф из Санкт-Петербурга, лютеранке по вероисповеданию. Отец Анны, немец Иоганн Гроссшопф, был нотариусом из Любека, мать Анна Эстедт — шведского происхождения. Родители Анны уже в течение многих лет проживали в Санкт-Петербурге[12]; здесь Анна познакомилась с Александром и стала его женой.

* *Д. О. Баранов* — крестный отец Абеля-Дмитрия; крестный отец Сруля-Александра — граф Александр Апраксин, действительный статский советник; крестная мать — Варвара Баранова, жена Д. О. Баранова. Имена и русские отчества новообращенным по традиции обычно давались в честь крестных родителей.

Согласно законам Российской империи, вступавшие в брак с православными иноверцы были обязаны перейти в православие. Анна прошла через необходимые формальности, но, формально став православной, продолжала исповедовать лютеранство и воспитывала в этой вере своих дочерей. Осталась она верной и многим семейным традициям: на Рождество в доме всегда ставили украшенную елку. (В те годы эта немецкая традиция прижилась еще не во всех русских домах.) В семьях детей и внуков Анны также наряжали елку к Рождеству, помня о немецком происхождении этого обычая[13]. Александр, хоть сам и предал забвению свое еврейское прошлое, не требовал от жены отречения от культуры предков и полной ассимиляции в среде русской культуры. Сохраняя верность лютеранской религии, Анна нарушала российское законодательство. К счастью, государственные органы лишь в редких случаях принуждали людей, формально крещеных в православие, строго соблюдать церковные обряды и традиции.

Александр сделал достойную, хоть и не блестящую, профессиональную карьеру врача. Его назначали на разные должности как в Петербурге, так и в провинции. Не всегда его жизнь была безоблачной. Получив назначение в Тверь, Александр из-за чего-то повздорил с начальством и потерял работу. Его прошение о переводе на другое место работы в связи с неподходящими условиями осталось неудовлетворенным. В конце концов Александра назначили медицинским инспектором госпиталей в городе Златоусте. Таким образом, его профессиональная репутация была восстановлена. Вместе с последней должностью Александр получил чин статского советника* и право на титул потомственного дворянина[14].

В 1838 году, не достигнув и сорока лет, умерла Анна. Шестеро детей остались сиротами — сын Дмитрий и пять дочерей: Анна, Любовь, Екатерина, Мария (будущая мать Ленина) и Софья. Александр, будучи не в состоянии воспитывать детей в одиночку, обратился за помощью к овдовевшей сестре жены Екатерине фон Эссен, урожденной Гроссшопф — и никогда не сожалел об этом. Екатерина не только взяла на себя заботу о племянниках, но и, обладая значительным состоянием, содействовала в приобретении поместья Кокушкино, расположенного в двадцати милях к северо-востоку от Казани, где она ранее проживала с супругом Константином, ныне покойным[15].

---

* *Статский советник* — в дореволюционной России гражданский чин 5-го класса. Лица, его имевшие, занимали должности вице-директора департамента и вице-губернаторов.

У этого союза была и еще одна причина, не столь благочестивая: очевидно, уже вскоре после смерти Анны Екатерина стала гражданской женой Александра. Желая узаконить отношения, Александр подал прошение о вступлении в брак с Екатериной фон Эссен, не указав при этом, что Екатерина — родная сестра его покойной жены Анны. (Как наверняка было известно Александру, такие браки запрещались российским законодательством.) Прошение не было удовлетворено*, но, несмотря ни на что, Александр и Екатерина оставались вместе до самой смерти Екатерины в 1863 году[16].

Семья Бланк поселилась в Кокушкине в 1848 году. Александр, годом раньше ушедший с последнего места работы в Пензе, стал помещиком. В его владении находились сорок душ мужского пола с семьями. В большом двухэтажном доме с мезонином хватало места всем членам большой семьи. Сын Дмитрий учился в Казанской классической гимназии, дочери получали домашнее образование. Тетя Екатерина сама обучала девочек различным предметам, а также игре на фортепиано. Помимо этого, к ним приезжали преподаватели из Казани. Дочери Бланков владели русским, немецким, французским и английским языками. Тетя Екатерина была очень требовательной учительницей, и благодаря ее стараниям племянницы получили великолепное образование.

Что до Александра, то он проявлял особый интерес к гигиене, диетологии и физиотерапии. Он даже написал брошюру о преимуществах бальнеологии[17]** и оборачивания влажными простынями — популярного в то время метода закаливания. Сам Александр Бланк использовал эти методы оздоровления в своей семье, прибегая к лекарствам лишь в исключительных случаях. Детей, как они сами впоследствии вспоминали, воспитывали по-спартански[18]. Семья придерживалась простой диеты, даже зимой дети носили одежду с открытой шеей и короткими рукавами[19], девочкам разрешали пить чай или кофе лишь в гостях. Александр и тетя Екатерина воспитывали детей в строгости, иногда даже чрезмерной. Хотя иногда Александр любил подшутить над детьми: однажды в день 1 апреля он разыграл всю семью, подав к столу вместо обещанных взбитых сливок белый пушистый снег[20]. Девочки, конечно, любили отца и тетю, но и побаивались их.

---

* В действительности разрешение на брак было получено. Причины, по которым официальный брак так и не состоялся, неизвестны. Екатерина осталась гражданской женой Александра Бланка. (См.: М. Штейн. Ульяновы и Ленины.)

** *Бальнеология* (от лат. balneum — ванна, купание), раздел курортологии, изучающий минеральные воды и их лечебно-профилактическое применение.

В 1850 году случилось несчастье: Дмитрий, студент Казанского университета, покончил жизнь самоубийством[21]. До сих пор неизвестно, что толкнуло его на этот шаг: то ли неутихшее горе после смерти матери, то ли конфликт с отцом, то ли чрезмерные требования со стороны родных или учителей. Не исключено, что Дмитрий стал жертвой психического расстройства.

Суровая жизнь детей в семье Бланк была несравнимо легче, чем жизнь крестьян в имении Кокушкино. Освобожденные императорским указом 1861 года от крепостной зависимости, бывшие крепостные доктора Бланка отказались пойти на выкуп земельных наделов, как сделали крестьяне соседних деревень, предпочтя бесплатно получить минимальные земельные участки. Напрасно доктор Бланк убеждал их подумать, предупреждая, что они не смогут прожить на минимальном наделе. Крестьяне не поверили своему бывшему хозяину. Ходили необоснованные слухи, что всю землю бесплатно отдадут тем, кто ее обрабатывает. Вскоре крестьяне пожалели о своем решении, но было поздно: семья Бланк отказалась вернуться к первоначальным условиям договора*.

Мария Александровна Бланк родилась в 1835 году в Санкт-Петербурге. Муж ее, Илья Николаевич Ульянов, родом из Астрахани, был на год старше супруги. Он был младшим ребенком; кроме него, в семье были сын Василий и две дочери, Мария и Феодосия. Отец, Николай Ульянов, работал в Астрахани портным[22]. Официальные советские историки утверждали, что семья Николая Ульянова жила в бедности, однако этому нет никакого подтверждения — наоборот, есть данные, что портной Николай Ульянов жил в двухэтажном доме (первый этаж каменный, второй деревянный) и дело его процветало.

Этническое и религиозное происхождение Николая до конца не выяснено. Возможно, его предками были крестьяне, переселившиеся в восемнадцатом веке в Астрахань из Нижегородской губернии. По некоторым данным, фамилия их была не Ульяновы, а Ульянины: в то время изменение написания фамилии не было редкостью. Возможное нижегородское происхождение предков Ульянова породило гипотезу о том, что они по национальности были русскими. Не исключено, что так оно и было. Однако не следует забывать об этнической неоднородно-

* Как сообщает М. Штейн, А. И. Ульянова-Елизарова, оставившая эти сведения, ошиблась. Сохранились документальные свидетельства того, что А. Д. Бланк установил для крестьян высшую норму земельного надела, разрешавшуюся для нечерноземной полосы. (См.: М. Штейн. Ульяновы и Ленины, с. 90.)

сти населения Нижегородской губернии и всего Поволжья. Здесь испокон века жили народы, завоеванные в семнадцатом столетии российскими царями. Нельзя полностью исключать, что предки Ульяновых были, например, мордвинами или чувашами. Еще более загадочна их религиозная принадлежность. Если они были русскими, то исповедовали православие либо принадлежали к какой-либо русской христианской секте; если же они были чувашского или мордовского происхождения — могли быть язычниками, мусульманами или новообращенными христианами. Несомненным может считаться лишь одно: дед Ленина Николай Ульянов воспитывал своих детей в православной вере и отдал их учиться в русскую школу[23].

Происхождение астраханской бабушки Ленина также осталось загадкой. Точно не известно даже ее имя: по одним источникам, ее звали Александра, по другим — Анна. Не исключено, что она была русского происхождения, хотя сестра Ленина Мария считала, что среди ее астраханских предков были «татары»; возможно, речь шла именно о предках астраханской бабушки. Большинство авторов называет ее калмычкой; не исключено также, что она была киргизкой. Калмыки, исповедующие буддизм, жители южных земель Российской империи — потомки кочевых племен, в тринадцатом веке покоривших русские земли в составе монгольских орд. Большинство астраханских калмыков и киргизов жили в бедности, некоторые из них даже были рабами. Российские власти презрительно называли этих людей «азиатами». Лишь немногим из них удавалось подняться до статуса городского торговца.

Хотя нельзя полностью отрицать русское происхождение астраханской бабушки Ульяновых, последующие поколения семьи были убеждены, что один из их астраханских предков был нерусского происхождения (как говорила Анна Ильинична, «татарин»). Трудно поверить, что Ульяновы все это просто выдумали[24].

Николай Ульянов женился относительно поздно, на женщине моложе себя. Есть сведения, что Николай выкупил свою жену, крепостную, у богатого астраханского купца. Отсюда и предположения, что она перешла в православную веру. Но происхождение бабушки — не единственная загадка семьи Ульяновых. Еще более загадочен тот факт, что у невесты была та же добрачная фамилия, что и у жениха. Это породило подозрения, что Николай и Александра были кровными родственниками, и даже довольно близкими. Никаких документов, подтверждающих это, не сохранилось. Единственное, что не подлежит сомнению во всей

этой истории — то, что отец Ленина не был чисто русского происхождения; не исключено даже, что в его жилах не было ни капли «русской крови».

Кем бы ни были Николай и Александра по происхождению, детей своих они воспитывали в православной вере, а их сыновья учились в русских школах[25]. Семье Ульяновых удалось утвердиться в «нижнем среднем классе» астраханского общества. Сыновья Николая Ульянова оказались не менее честолюбивыми, чем отец, скончавшийся в 1838 году в возрасте семидесяти пяти лет. Старший сын Василий, оставшийся старым холостяком, был на тринадцать лет старше Ильи и оплачивал его учебу — вначале в Астраханской гимназии, а затем и в Казанском университете. Окончив физико-математический факультет университета в 1854 году, Илья стал преподавателем. Свою преподавательскую карьеру он начал в Пензенском Дворянском институте. Здесь он и познакомился с Марией Александровной Бланк, проживавшей вместе с сестрой Анной, супругой директора Дворянского института И. Д. Веретенникова[26].

Илья Николаевич Ульянов и Мария Александровна Бланк обвенчались в Пензе в августе 1863 года. Их соединяли общие интересы и схожее отношение к жизни. Тяга к знаниям объединила их, выросших в таких разных семьях. Илья сохранял верность православию, Мария была лютеранкой (правда, не особо набожной). Илья имел азиатские корни, Мария — северо-европейские. Илья был волжанином, вся жизнь его проходила на берегах великой реки — в Астрахани, Казани, Пензе, Нижнем Новгороде и, наконец, Симбирске, а детские и юношеские годы Марии прошли в Санкт-Петербурге и других западных городах Российской империи. Если семья Ульяновых лишь недавно смогла добиться материальной стабильности, то семья Бланк всегда была обеспеченной. Илья получил университетский диплом, Мария — лишь домашнее образование. Различие в этническом и социальном происхождении не играло для Марии и Ильи никакой роли: для них было важным лишь стремление к знаниям. Мария выучилась на школьную учительницу, хотя так и не пошла работать в школу. Все дети семьи Бланк были воспитаны с любовью к знаниям. Не только Мария, но и две ее сестры вышли замуж за преподавателей, добившихся впоследствии высоких должностей. Любовь к знаниям Мария и Илья передали и своим потомкам.

Интересы Ильи не ограничивались педагогикой. Он серьезно увлекался метеорологией и опубликовал ряд научных статей,

написанных на основе проведенных им наблюдений. Илья Ульянов был сторонником рационалистического познания окружающей действительности, такими же стали и его дети. Но если для Ильи предметом исследования была погода — ветер, дождь, солнце и уровень влажности, то для его сыновей — политика Российской империи. Мария Александровна превосходила своего блестяще одаренного супруга по крайней мере в одном: в правильности немецкого произношения. Дело в том, что Илья произносил немецкое «р» грассируя, на французский манер (кстати, русское «р» он тоже не мог выговорить правильно). Однажды на уроке Илья попросил одного из учеников перевести на немецкий язык слово «очень». «Зехр»,— ответил ученик вместо правильного «зер». Илья Николаевич попытался поправить ученика, но получилось ничуть не лучше: «зел». «Зел», — повторил ученик под общий смех. Илья сделал вид, что не заметил насмешку[27].

В профессиональной жизни Илья всегда требовал максимальной отдачи не только от учеников, но и от преподавателей. Если кто-либо из его протеже оказывался не на должной высоте, выговора было не избежать. Ученики и последователи Ильи Ульянова гордо именовались «ульяновцами», они уважали своего учителя и восхищались им.

Илья сделал очень многое для развития народного просвещения в Симбирской губернии. Успехи в профессиональной карьере позволили ему занять видное положение среди жителей Симбирска. Блестящая карьера стала возможной во многом благодаря Марии Александровне, полностью взявшей на себя заботы о домашнем хозяйстве. Илья даже доверил ей заказывать для себя костюмы[28]. Сын портного, он не придавал одежде особого внимания: главное — работа, все остальное потом. На полное доверие со стороны мужа Мария отвечала безграничной помощью и поддержкой.

Супруги Ульяновы жили изолированно от местного общества. Илья любил время от времени сыграть в шахматы или вист, но единственным его партнером по шахматам был Арсений Белокрысенко, пожилой управляющий Симбирской удельной конторы, крестный отец Владимира Ильича Ульянова[29], а в вист Илья играл только с коллегами — симбирскими преподавателями[30]. Мария Александровна жила еще более замкнуто. Друзья семьи навещали Ульяновых в доме на Стрелецкой улице, но Мария редко наносила ответные визиты.

Летом Ульяновы ездили в гости к родственникам Ильи в Астрахань либо к родным Марии в Ставрополь и Кокушкино. Все

контакты семьи Ульяновых были связаны с семейным кругом или работой Ильи; несмотря на его блестящую карьеру, Ульяновы так и не стали своими среди местной элиты. По этому поводу Ульяновы ничуть не переживали: они хотели не проникнуть в высшее сословие старой России, а помочь в построении России новой. На первом месте в семье стояли профессиональная карьера Ильи и хорошее образование для сыновей и дочерей. Восемь детей, один за другим, родилось у Марии. Первой в 1864 году на свет появилась Анна, через два года — Александр, в 1870 — Владимир, затем Ольга — в 1871, Дмитрий — в 1874 и Мария — в 1878. Двое детей, еще одна Ольга (1868) и Николай (1873), умерли в младенчестве. В то время смерть детей была обычным явлением: тогдашней медицине было еще очень далеко до уровня конца двадцатого столетия.

По характеру Илья был неразговорчив. Дома он любил уединиться в своем кабинете. Не ожидавший похвалы от других, он и сам был скуп на похвалу. И лишь о своей работе, о проблемах образования, он говорил с энтузиазмом. Вообще-то и Илья, и Мария были невероятно сдержаны внешне и проявляли свои чувства лишь в исключительных случаях: когда в 1868 году в младенчестве умерла дочь, первая Ольга, Илья плакал навзрыд[31]. Выглядели супруги гораздо старше своих лет. Илья стеснялся ранней лысины и пытался скрыть ее, зачесывая вперед остатки волос.

Преданность супругов Ульяновых делу просвещения поражала окружающих[32]. Должность инспектора народных школ не давала возможности Илье подолгу засиживаться в любимом кабинете симбирского дома по Стрелецкой улице. К концу его жизни в Симбирской губернии насчитывалось 444* начальные школы, в которых обучалось свыше двадцати тысяч учеников[33]. Работа требовала частых поездок по территории площадью в шестнадцать тысяч квадратных миль, иногда Илья не бывал дома неделями.

Назначение на должность инспектора народных школ Илья получил в год, когда с момента отмены крепостного права прошло всего лишь восемь лет. В первые годы ему приходилось не столько проверять уровень преподавания в школах, сколько следить за тем, чтобы новые школьные здания строились в подходящих для этого местах, а строительные работы проводились с высоким качеством и уровнем безопасности. В деревнях и

* В оригинале описка, на самом деле — 434.

маленьких поселках тщательный контроль был особо необходим. С весны до ранней осени Илья трясся в тарантасе — повозке без рессор — по ухабистым дорогам Симбирской губернии. Зимой, на санях, ездить было намного приятнее. Независимо от времени года Илья работал с невероятной энергией.

Лето Ульяновы проводили в имении Кокушкино у Бланков. Однажды, еще до рождения Владимира, Ульяновы с дочерью Анной и сыном Александром навестили родных Ильи — мать и старшего брата. Анна на всю жизнь запомнила, какой любовью окружила их с братом Александром астраханская родня. В астраханском доме все было так не похоже на привычную суровую жизнь в Симбирске. А вот Мария, наоборот, расстроилась. Хотя она помнила, что в детстве родители были чересчур суровы к ней и сестрам, своих детей, как это часто случается в семьях, Мария воспитывала столь же строго. Ей казалось, что астраханская родня «чересчур балует» ее детей[34]. В Астрахань Ульяновы больше не ездили и навещали лишь родственников Марии Александровны[35].

В начале лета 1870 года в Кокушкино впервые привезли недавно родившегося внука доктора Бланка — Владимира. В это время деда не было дома. Вернувшись, он поднялся на второй этаж, в комнату, где расположилась Мария Александровна. Дочь вышла навстречу отцу, гордо держа ребенка на руках. Старый доктор Бланк произвел врачебный осмотр новорожденного внука, расспросил дочь о том, как младенец растет и развивается[36].

Владимир не помнил деда: вскоре после первого знакомства, 17 июня, доктор Бланк неожиданно скончался. Усадьба Кокушкино перешла в общую собственность дочерей доктора. Дом стали использовать под дачу. Многочисленные потомки Александра Бланка приезжали сюда на лето. Июль–август в деревне — самая напряженная пора. С утра до вечера крестьяне трудились на полях, не уходя домой: обед им приносили прямо в поле. По вечерам из деревни доносились звуки чудесных народных песен. Сельская жизнь была знакома городским гостям, но сами они не принимали в ней никакого участия, приезжая в деревню отдохнуть от городских забот. Ульяновы не пытались романтизировать крестьянскую жизнь, казавшуюся им не особо привлекательной. К тому же крестьяне деревни Кокушкино, лишь недавно переставшие быть крепостными, относились к своему бывшему хозяину с недоверием.

Вскоре Илья Ульянов получил повышение в должности: в июле 1874 года его назначили директором народных школ Симбирской

губернии. При этом, как в свое время доктор Бланк, Илья был удостоен чина статского советника и титула потомственного дворянина. Теперь к Илье следовало обращаться «Ваше превосходительство». Его отлучки из дому были, как и прежде, частыми и долгими, но Мария и в отсутствие мужа прекрасно справлялась с хозяйством. Семья Ульяновых нанимала повара и кухарку. С 1870 года в доме жила няня Варвара Сарбатова, смотревшая за детьми. Если нужно было выполнить какие-нибудь работы по дому, убрать снег или наколоть дров, — нанимали работников. В этом Ульяновы ничем не отличались от других семей, принадлежавших к среднему классу дореволюционного российского общества.

Илья и Мария Ульяновы были лояльными подданными императора Александра II и поддерживали проводимую им политику реформ, начатых в 1861 году с указом об отмене крепостного права. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов Илья с сознанием патриотического долга собирал добровольные пожертвования в пользу раненых[37]. За профессиональную деятельность Ульянов не раз был удостоен государственных наград. В январе 1887 года, незадолго до смерти, он получил орден св. Станислава первой степени.

Ульяновы всегда стремились избегать общества людей, выступавших против властей. Единственным исключением был доктор Александр Кадьян, домашний врач семьи. За политические убеждения Кадьян был сослан в Симбирск под административный надзор, покидать пределы города ему запрещалось. В разговоре с доктором Ульяновы придерживались исключительно медицинских тем и всячески избегали разговоров о политике. Своих детей они также старались уберечь от интереса к революционным идеям, твердо веря в возможность проведения в России политики государственных реформ.

В чем проявилось влияние верноподданных родителей на формирование личности величайшего революционера в мировой истории? Ответ прост: Илья и Мария Ульяновы показали своим детям пример целеустремленной, самоотверженной работы, привили им любовь к умственному труду и стремление к успеху. И это родительское влияние сыграло решающую роль в формировании личности и характера всех без исключения детей в семье Ульяновых.

Ульяновы не были единственными в своем роде в тогдашней России: в то время многие тысячи талантливых, образованных людей удостаивались дворянских титулов, пополняя ряды рос-

сийской элиты. В стране происходили значительные социальные перемены. Было бы странно ожидать, что новые дворяне в течение одного поколения полностью ассимилируются в среде потомственного российского дворянства. «Переходный» статус не особо смущал Илью и Марию Ульяновых, но до конца своими в симбирском светском обществе они так и не стали.

В отличие от социального происхождения, этнические корни Ленина до сих пор вызывают горячие споры. Русские националисты всегда были убеждены, что созданная Лениным идеология прямо связана с его «нерусским» национальным происхождением, а в особенности с наличием в родословной еврейских предков. Националисты забывают, что национальность — это не чисто биологическое явление: в значительной степени она формируется и воспроизводится через язык, систему образования, социальные и экономические отношения. Этническое происхождение Ильи и Марии Ульяновых практически не влияло на их повседневную жизнь. Главное — и они сами, и их дети говорили по-русски, думали по-русски и поступали как русские.

Как вспоминала Анна Ильинична, она узнала о еврейском происхождении доктора Бланка лишь в 1897 году, в возрасте тридцати трех лет. Случилось это во время поездки в Швейцарию (Анна Ильинична ездила за границу по документам с девичьей фамилией матери)[38]. Анна очень удивилась, когда швейцарские студенты спросили ее, не еврейка ли она. Оказалось, что в Швейцарии фамилию Бланк носили исключительно евреи. Вернувшись домой, Анна навела справки у родственников матери и таким образом узнала о еврейском происхождении деда, Александра Бланка. Много лет спустя, уже после смерти Ленина, кто-то из друзей сказал Анне, что принадлежавший некогда родителям доктора Бланка серебряный кубок предназначен для еврейских религиозных праздников[39].

Открытие не смутило Анну и ее родных: они уже знали о своем смешанном происхождении и лишь добавили в перечень национальностей предков еще один пункт. Тем не менее, молодые Ульяновы старались не афишировать свои еврейские корни: в Российской империи был широко распространен антисемитизм, и лишние проблемы были совсем ни к чему.

К концу своей жизни Ленин находил преимущества в добавлении к русскому культурному наследию примеси других культур. Он высоко ценил евреев как особо одаренное «племя» и гордился тем, что среди его предков был еврей. Как вспоминает писатель Максим Горький, Ленин сравнивал русских с евреями

не в пользу первых: «Умных — жалею. Умников у нас мало. Мы народ, по преимуществу, талантливый, но ленивого ума. Русский умник почти всегда еврей либо человек с примесью еврейской крови»[40].

Проблема собственного национального происхождения никогда не выходила для Ленина на первый план. Скорее всего он даже не подозревал о наличии еврейского прадеда, пока об этом не узнала сестра Анна. Ленин считал себя в первую очередь русским.

Не еврейские, а немецкие корни матери Ленина реально влияли на жизнь семьи. Илья Николаевич ходил в православную церковь, Мария Александровна молилась в местной лютеранской кирхе. На Рождество по немецкому обычаю в доме наряжали елку[41]. Ставили рождественскую елку и в семье Ленина и его жены, если среди гостей были дети.

Рождественская елка была не единственным наследием немецкой культуры в доме Ульяновых: что намного важнее, в семье сохранились характерные для немецкой (а также для еврейской) культуры тяга к знаниям и стремление к достижениям в общественной жизни. В семье, где выросла Мария Александровна, упорства и честолюбия было не занимать. Еще более целеустремленным был Илья Николаевич. Человек нерусского происхождения, он стремился достичь вершин карьеры в Российской империи, полностью реализовав данные от природы способности.

Многие россияне нерусского происхождения, ассимилировавшись в среде русской культуры и став по духу русскими, с особым пренебрежением относились к нерусским народам России — многие, но только не Илья и Мария Ульяновы. Илья считал, что все дети должны учиться на своем родном языке. В этом можно увидеть не только убежденность, но и прагматизм: очень трудно, по мнению Ильи, было заставить чувашских родителей отдать своих детей в школу с преподаванием на русском, а не чувашском языке. Особую чувствительность к национальным проблемам Ульяновы воспитали и у своих детей. Владимир оставался таким до конца своих дней.

Итак, Илья и Мария Ульяновы были «особыми русскими», практически полностью ассимилировавшимися к русскому национальному самоопределению, хотя у Марии и сохранились следы привитой в родительской семье немецкой культуры. Среди русских волжан Ульяновы в чем-то чувствовали себя эмигрантами в первом поколении и поэтому проявляли невероятное чес-

толюбие и стремление к успеху, желая преодолеть культурный разрыв. Такими же выросли и их дети.

«Старая Россия» — Россия патриархальных нравов, Россия крестьянская, страна пьянства и равнодушия, самовластия и наследственных привилегий ничем не привлекала таких людей, как Ульяновы. Им хотелось видеть Россию современной, похожей на другие страны Европы. Особую надежду эти люди возлагали на реформы 1860-х годов. Ульяновы верили в прогресс, просвещение, порядок и порядочность, послушание вышестоящему начальству и пунктуальность.

Расширявшиеся контакты России с Европой не могли оставить равнодушной русскую интеллигенцию. Все «прогрессивные» россияне изучали французский и немецкий языки. В семье Ульяновых тоже иногда переходили с русского на французский[42] — но, в отличие от русских дворян прежних поколений, не из моды, а (возможно) просто для того, чтобы прислуга не знала, о чем говорят господа. Ульяновы очень любили музыку. Не в каждом симбирском доме, как у Ульяновых, слушали оперы Рихарда Вагнера[43]. Ульяновы интересовались не только музыкой и иностранными языками: они стремились быть в курсе всех последних достижений в сфере европейского искусства, философии и науки. Это была культурная, патриотически настроенная русская семья. Им хотелось создать в своей стране современное, просвещенное, европейское общество западного типа. В этом отношении Ленин был сыном своих родителей.

2

Симбирское детство

1870–1885

Каким был Володя в раннем детстве? До недавнего времени на этот вопрос нельзя было ответить с абсолютной уверенностью. И вовсе не потому, что об этом периоде его жизни не сохранилось никаких воспоминаний. Совсем наоборот. Родители Володи, его сестры Анна и Мария оставили подробные воспоминания. Но уже через два года после смерти Ленина в 1924 году из публикаций исчезли все, даже самые незначительные, критические замечания в его адрес. Центральное партийное руководство было заинтересовано в создании культа Ленина, поэтому все материалы перед публикацией подвергались жесточайшей цензуре. И лишь недавно появилась возможность прочесть оригиналы рукописей, хранящихся в российских архивах. В воспоминаниях родственников маленький Володя предстает жизнерадостным, очаровательным, очень способным, но проказливым и иногда агрессивным ребенком.

Вспоминает сестра Анна, на шесть лет старше Владимира:

«Он был третьим ребенком, очень шумным, — большим крикуном, с бойкими, веселыми карими глазками. Ходить он начал почти одновременно с сестрой Олей, которая была на полтора года моложе его. Она начала ходить очень рано и как-то незаметно для окружающих. Володя, наоборот, выучился ходить поздно, и если сестренка его падала неслышно — „шлепалась“, по выражению няни, — и поднималась, упираясь обеими ручонками в пол, самостоятельно, то он хлопался обязательно головой и поднимал отчаянный рев на весь дом»[1].

Малыш с грохотом падал на ковер или на голые доски, так что Мария Александровна всерьез опасалась, как бы он не отбил себе ум. Повитуха, принимавшая у Марии роды, говорила: «Либо очень умный, либо очень глупый он у вас выйдет». Естественно, такие слова еще более усиливали беспокойство Марии за здоровье сына[2].

Семья долго не могла понять, почему Володя с таким трудом учится ходить. В конце концов решили, что всему виной строение тела мальчика: у Володи были слабые, короткие ножки и большая голова. Упав, он крутился туда-сюда, пытаясь подняться, и в отчаянии бился головой об пол, когда это не удавалось[3].

Но и после того как Володя научился ходить, он оставался таким же шумным. По замечаниям Анны, он постоянно поднимал грохот, был шумным и требовательным[4]. Он ломал игрушки и вещи намного чаще, чем остальные дети. Однажды на день рождения ему подарили лошадку из папье-маше. Мальчик спрятался за дверью и начал откручивать лошадке ноги. За этим занятием его и застала Анна — абсолютно довольного собой, с лошадкой, разорванной на мелкие кусочки.

С вещами братьев и сестер Володя обходился не лучше. Однажды Саша разложил на ковре свою коллекцию театральных афиш. Трехлетний Володя побежал на ковер, стал топтать и мять афиши и успел порвать несколько из них, прежде чем мать увела его. Несколькими годами позже, вспоминают родные, он вдруг схватил Анину любимую линейку и разломал надвое[5]. К этому времени Володя был уже достаточно большим и мог понять, что он поступил плохо. В семье, где особо ценился порядок, такое поведение не могло не осуждаться.

Однако, напроказив, Володя всегда быстро сознавался. Няня Варвара Сарбатова очень любила его и всегда прощала, а мать говорила: «Хорошо, что он не делает ничего исподтишка»[6]. В возрасте восьми лет Володя подтвердил правоту слов матери. В то лето Володю впервые отпустили вместе с Анной и Александром в путешествие на пароходе — в гости к казанской тете Анне, в замужестве Веретенниковой. На пристани, прощаясь с мамой, Володя расплакался. В Казани ребят ждали двоюродные братья и сестры. Ребята с удовольствием устраивали шумные игры, и однажды во время игры Володя нечаянно разбил графин. Услышав звон стекла, тетя Аня вошла в комнату. «Кто разбил графин?» — спросила она. Никто, в том числе и Володя, не сознался. Через три месяца, уже дома в Симбирске, поздно вечером мать услышала из Володиной комнаты плач. На вопрос матери,

что случилось, мальчик прорыдал: «Я тетю Аню обманул. Я сказал, что не я разбил графин, а ведь это я его разбил»[7].

Володя рос коренастым, среднего роста мальчиком, с кудрявыми русыми волосами, которые позже приобрели рыжеватый оттенок. Голова его по-прежнему оставалась непропорционально большой, ноги — коротковатыми. Он в целом отличался неплохим здоровьем, но родителей беспокоило его косоглазие на левый глаз. В Казани мальчика осмотрел врач-окулист, профессор Адамюк. Диагноз был неутешительным: косоглазие неустранимо и мальчику придется смотреть одним глазом — правым[8]. И лишь в конце жизни, в 1922 году, Ленин узнал, что диагноз был поставлен ошибочно: у него было не косоглазие, а близорукость на один глаз[9], и ему следовало носить очки. Из-за ошибки врача у Ленина появилась привычка щурить глаза при разговоре с людьми — знаменитый «ленинский прищур».

Здоровье старшего брата Саши было куда хуже. Как вспоминала Анна, однажды маленький Саша заболел воспалением желудка. Мария Александровна упала на колени перед иконами и крикнула Анне: «Молись за Сашу!»[10]. Саша поправился, но в дальнейшем он часто страдал болезнями желудка. Его братья и сестры — тоже. Похоже, что дети унаследовали от матери предрасположенность к желудочным заболеваниям.

Чтобы дети не росли изнеженными, родители заботились об их физическом развитии. Илья Николаевич любил вместе с детьми совершать прогулки вдоль Волги, покупал на всю семью сезонные билеты на пляж, в одну из купален[11]. Но чаще всего детей вне дома предоставляли самим себе. Разница в возрасте между старшей Анной и младшей Марией составляла четырнадцать лет, поэтому младшие дети смотрели на старших почти как на взрослых. Саша и Анна, самые старшие, часто должны были следить за младшими, за соблюдением порядка и принятых в доме правил. Володя, самый старший из «младших», часто огорчал Сашу своим поведением, хотя и восхищался братом от всего сердца. Однажды, к ужасу Саши и Ани, он вбежал с улицы в гостиную в грязных галошах, оставляя следы на полу и коврах[12]. Никто из детей Ульяновых, кроме Володи, не позволял себе подобных выходок.

Дети в семье дружили парами: старшая Анна — с Сашей, непоседа Володя — с Олей, Митя — с Маняшей. Тесная дружба Саши с Аней сохранялась и позже, когда оба они поехали учиться в Петербург. Володя с Олей были неразлучной парочкой. Как вспоминает Анна, Володя «любил командовать», а Ольга, более

уступчивая по характеру, подчинялась[13]. Володя с Олей носились по большому саду за домом, раскачивались на цирковой трапеции, купленной отцом после посещения представления заезжей цирковой труппы, а в хорошую погоду играли в крокет, не умолкая ни на минуту. Вспоминает Гертруда Назарова, подруга матери: «Целый день можно было слышать, как Оля пела, прыгала на одной ножке, вертелась, танцевала или играла с Володей, который, мне кажется, больше всех доставлял хлопот матери и старшей сестре»[14].

Самый шаловливый ребенок в семье, где порядок ценился превыше всего, Володя все же не был хулиганом. Наказывать его приходилось довольно редко. Илья Николаевич пользовался непререкаемым авторитетом у детей, его слово было для них законом. Даже во время многочисленных отлучек отца по делам службы дети старались быть идеально послушными. Для наказания служило «черное кресло» в отцовском кабинете, куда на какое-то время Мария Александровна сажала провинившегося. Однажды мать, усадив Володю за какую-то провинность в «черное кресло», забыла о нем и вернулась в кабинет лишь через несколько часов. За все это время мальчик не осмелился издать ни звука[15].

Большой семье становилось тесно в старом доме, и летом 1878 года, когда Илью назначили губернским директором народных школ, семья переехала в дом номер 48 по Московской улице. Именно об этом доме говорит Владимир, вспоминая о своем симбирском детстве. Улица Московская находилась в центре города и считалась одной из самых престижных: здесь проживал командующий Симбирским военным округом. Но даже на этой престижной улице, одной из главных улиц города, не было тротуаров, и в плохую погоду пешеходы осторожно пробирались по деревянным кладкам, проложенным через грязь и лужи. Дом был расположен очень удобно: неподалеку находились православный собор, Симбирская классическая гимназия и Карамзинская публичная библиотека, а также лютеранская кирха, куда ходила Мария Александровна. Да и сам дом был просто великолепным. На первом этаже — просторный кабинет Ильи, комната Марии, пять больших комнат и кухня; на втором — комнаты детей. При доме был большой сад с лужайкой, и семья наняла садовника. Как и в других семьях российского профессионального среднего класса, в семье Ульяновых была прислуга.

«Прекрасная семья», — говорили в Симбирске об Ульяновых. Илью высоко ценили за выдающиеся успехи в деле народ-

ного просвещения. Мария славилась великолепным знанием иностранных языков и музыкальными способностями. Все без исключения дети Ульяновых отлично учились и отличались примерным поведением и дома, и в городе. Соседи были поражены: дети не вытаптывали грядок, не ломали ветвей, не рвали цветов. Родители могли особо гордиться тем, что все дети, даже шалун Володя идеально вели себя на людях. Любое нарушение этого правила становилось предметом пересудов. Однажды зимой соседи были очень удивлены, увидев, как дети Ульяновых, совсем как дети в любой другой симбирской семье, бросаются в прохожих снежками из-за изгороди[16].

Чтобы увеличить доход семьи, Ульяновы сдавали часть дома внаем, и дети Ульяновых могли играть с детьми квартирантов. В мезонине жила семья Персияниновых[17]. Вячеслав Персиянинов был сверстником Володи по гимназии. Другим приятелем Володи стал Николай Нефедьев. После смерти матери Николай, по просьбе его отца, во время учебного года жил в семье Ульяновых. Коля поселился в расположенном в глубине сада маленьком домике, перестроенном из бани[18].

Но самых близких друзей дети Ульяновых все же находили в семье. С ранних лет детей приучали к самостоятельности, поэтому они привыкли искать поддержку не у родителей, а у братьев и сестер. Может быть, именно из-за таких тесных внутрисемейных связей молодым Ульяновым впоследствии было трудно найти близкого человека для семейной жизни. Из шестерых детей Ульяновых двое не дожили до зрелого возраста. Из четверых оставшихся младшая Мария так и не вышла замуж (похоже, что и возлюбленных у нее не было). Анна и Дмитрий создали семьи по тем временам поздно, когда их возраст уже приближался к тридцати. Владимир женился в возрасте двадцати восьми лет и явно не по страстной любви.

Володя очень любил братьев и сестер, хотя порой и обижал их. В его характере всегда было что-то злое. Он прекрасно ладил с младшим братом Митей, но часто доводил его до слез. Володя любил говорить, что Митя умеет «плакать по заказу». В некотором роде так оно и было: Володя просил братишку поплакать, тот отказывался, тогда Володя начинал дразнить брата, тот заливался слезами, а Володя заявлял: плачет по заказу[19].

Такое поведение раздражало не только родителей, но и старших детей, а особенно Сашу. Но, несмотря ни на что, Володю в семье любили и видели в нем больше достоинств, чем недостатков. Вся семья гордилась Володиными школьными успехами.

Две гимназии считались в Симбирске лучшими — мужская Симбирская классическая и женская Мариинская. Поступить туда было нелегко. Только самые способные дети могли успешно выдержать трудные вступительные экзамены. Благодаря должности, которую занимал Илья Николаевич, его дети освобождались от платы за обучение, составлявшей тридцать рублей в год.

Мария Александровна позаботилась о том, чтобы хорошо подготовить детей к экзаменам. Она учила их читать по новомодному звуковому методу, при помощи наклеенных на карточки букв[20]. К детям приходили репетиторы, в основном молодые учителя, воспитанники Ильи Николаевича: Василий Калашников, Иван Николаев и Вера Прушакевич[21]. Читать и считать детей начинали учить рано, чтобы им было легче учиться в гимназии.

Анна вспоминает, как просила она родителей хоть немного снизить для нее учебную нагрузку:

> «Не то я, которая годом позже неоднократно с горькими слезами просила мать взять меня из гимназии, уверяя ее, что дома с нею пройду больше, и вымаливала иногда разрешение пропускать посещение школы, усаживаясь тогда с большим рвением за работу. Очень болезненно ощущала я, что отец смотрит на это как на проявление лени. Я чувствовала, что это несправедливо, но объяснить толком не могла, да и не смела говорить об этом с отцом»[22].

Анна была очень способной ученицей, ее даже перевели на класс вперед, но ей было не по силам справиться с огромным количеством домашних заданий. Девочка страдала от ужасных головных болей и бессонницы. Не смея пожаловаться отцу на плохое здоровье, она просила мать поговорить с ним, чтобы тот разрешил ей заниматься дома. Но отец был неумолим[23]. Послушная Аня не могла позволить себе обвинить отца в бесчувственности. Наоборот, она винила во всем себя, называла себя «вспыльчивой и несдержанной»[24], хотя и таила обиду. Анна чувствовала, что отцу следовало бы быть снисходительнее к детям. Если Илье Николаевичу нравились Аннины сочинения, он никогда не хвалил их в ее присутствии, а говорил об этом матери. Ведущий педагог Симбирска оказался никудышным психологом. Анна вспоминала, что в те годы детям очень не хватало отцовской похвалы[25]. Неудивительно, что Анна росла в постоянном ужасе перед всевозможными экзаменами. То же самое происходило и с младшей Маняшей. Она, как и Анна, была способ-

ной и трудолюбивой девочкой. Но, повзрослев, Мария постоянно записывалась на различные курсы и бросала их, не закончив. Как считает Анна, причиной этого был недостаток уверенности в себе. Находясь под чрезмерным родительским принуждением, девочки страдали от чувства неполноценности. У мальчиков, Саши и Володи, таких проблем не было. Казалось, что уверенность приходила к ним сама по себе.

В течение нескольких лет мать и репетиторы готовили Володю к вступительным экзаменам в гимназию. Летом 1879 года, в возрасте девяти лет, Володя успешно сдал экзамены и был принят в первый класс. Осенью он впервые переступил школьный порог. В классе было тридцать учеников[26]. В темно-синей гимназической форме со стоячим на военный манер воротничком и девятью блестящими латунными пуговицами, Владимир ничем не отличался от одноклассников. В семье Ульяновых уже был один гимназист — Саша, один из лучших учеников в своем классе.

Какие предметы изучал Володя Ульянов в гимназии? Исследователи и писатели обычно не обращают на это особого внимания, и напрасно: школьная программа оказала огромное влияние на дальнейшее становление личности Ленина. В 1871 году Министерство народного просвещения составило единые уставы для всех российских гимназий. Какие предметы изучать, сколько часов отводить на изучение того или иного предмета — все это определялось в Петербурге. Менее подготовленные ученики посещали приготовительный («нулевой») класс. Учеба начиналась в девятилетнем возрасте и продолжалась восемь лет. В приготовительном классе учебная нагрузка составляла двадцать два академических часа в неделю: шесть часов на русский язык, шесть — на письмо, еще шесть — на математику и естественные науки, оставшиеся четыре — на Закон Божий (религию). В первом классе вводились новые предметы. Из двадцати восьми часов в неделю восемь занимала латынь, пять — математика и физика, по четыре часа — русский и французский языки, три часа — письмо, по два — география и Закон Божий. Во втором классе начинали изучать немецкий язык, в третьем — древнегреческий и историю. После первого класса из программы исключалось письмо, после четвертого — география. Такое соотношение изучаемых предметов в целом сохранялось до выпускного, восьмого, класса[27].

С шестого по восьмой класс половину учебного времени в классических гимназиях занимали латынь и древнегреческий. Как полагали чиновники из Министерства народного просвещения,

изучение произведений античных писателей должно было прививать ученикам идеалы веры, правдивости, стойкости и мужества, помогать в воспитании верных подданных императорской династии Романовых. Как и во всей тогдашней Европе, ученики российских гимназий должны были переводить труды Гомера, Геродота, Фукидида, Ксенофонта, Тита Ливия, Горация и Цицерона. Излишняя любознательность не поощрялась. Ученики просто должны были научиться точно переводить тексты античных авторов на русский язык. В старших классах учились делать стихотворные переводы античных гекзаметров.

Русскую литературу в российских гимназиях изучали хуже. Государственная цензура очень опасалась, как бы произведения Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Льва Толстого и Достоевского не стали для подростков источником антигосударственных идей. Тем не менее, школьникам приходилось выучивать наизусть множество русских стихотворений, рекомендованных Министерством народного просвещения. В этом списке были стихотворения не только «политически безопасных» авторов вроде Крылова, Жуковского и Кольцова, но и Лермонтова с Пушкиным. Учителя должны были в первую очередь воспитывать в детях вовсе не любовь к прекрасному, а чувство патриотизма и верности державе. Ученику полагалось просто выучить на пямять огромное количество стихов, а в конце года быть в состоянии прочитать их наизусть на экзамене. Таков был порядок. Чтобы сдать экзамен по русской литературе по окончании четвертого класса гимназии, Владимир Ульянов и его одноклассники должны были знать наизусть свыше ста стихотворений, в том числе сорок пять басен Крылова и тридцать одно стихотворение Пушкина. Стоит ли удивляться, что лишь половина из Володиных одноклассников смогла успешно сдать экзамены и перейти в пятый класс? Одним из таких счастливчиков был Владимир[28].

Правительство всячески ограничивало изучение литературы, чтобы не допустить даже малейшей возможности проникновения в умы учащихся революционных идей. В гимназиях изучали немецкий и французский языки, но ни в одной из них не проходили произведений Вольтера, Руссо или Гёте. Директор Симбирской классической гимназии Федор Керенский (по необъяснимой иронии истории, отец Александра Керенского, впоследствии ставшего главой Временного правительства, свергнутого в 1917 году большевиками во главе с Лениным) даже запретил гимназистам без его личного разрешения посещать Карамзин-

скую публичную библиотеку, чтобы те, не дай Бог, не прочитали что-нибудь не то. Керенский всего лишь следовал правительственным рекомендациям. Чтобы изолировать гимназистов от современной им жизни, до минимума сокращалось количество часов, отводимых на изучение физики, химии и биологии. Из библиотек изымали труды всемирно известного химика Менделеева. Гимназисты были обязаны регулярно посещать церковные службы. Дисциплину поддерживали жесткими методами. Как и повсюду в России, в гимназии Керенского учеников наказывали поркой, помещали в карцер, оставляли после уроков, изводили бесконечными нотациями и нравоучениями. В школах и гимназиях царской России ученики должны были доносить преподавателям на своих одноклассников — нарушителей дисциплины[29].

Палочная дисциплина, чрезмерная нагрузка, оторванность от реальной жизни... Мало кому могла понравиться такая учеба. Володю Ульянова не приходилось наказывать, но трудно поверить, чтобы затхлая гимназическая атмосфера не оставила негативного следа в его сознании. Прямое и грубое вмешательство государства в дело просвещения заставляло самых умных из учеников задуматься: если даже в гимназии сидят такие крючкотворы и бюрократы, то что же должно твориться в других государственных учреждениях? Володя не мог не замечать контраста между домашним обучением и гимназическим режимом. Насколько приятнее было заниматься дома, с мамой! Многие одноклассники Володи, не выдержав чрезмерных требований, уходили из гимназии. Глядя на все это, Володя не мог не подумать, что здесь что-то не так[30]. Но все же, в отличие от брата Саши, он не бунтовал. Лишь однажды у него возник конфликт: на уроке французского Володя передразнивал малопрофессионального учителя по имени Адольф Пор[31]. Отец взял с сына обещание никогда больше так не делать, и действительно, такое больше не повторялось.

Володя учился исключительно успешно. Директор Керенский был в восторге от успехов своего ученика. В Володиных табелях успеваемости стояли только высшие баллы — пять и пять с плюсом. Как вспоминает сестра Анна, Керенский даже прощал Володе шалости, которые другому так просто не сошли бы с рук. Конечно, добавляет она тут же, свою роль здесь играло и уважение к Илье Николаевичу и всей семье[32].

Единственным, у кого успехи Владимира вызывали сомнения, был, конечно же, его отец. Илья Николаевич опасался, что Во-

лодя не научился трудолюбию, потому что школьная программа давалась ему слишком легко[33].

Не только давление со стороны родителей стало причиной необычного послушания Владимира-гимназиста. Без успешного окончания гимназии невозможно было попасть в высшие слои российского общества и государства. С достижением совершеннолетия дети Ульяновых получали дворянский титул, но этого было недостаточно, к титулу требовалось и соответствующее образование. С детства Володя привык много трудиться. Учебу он начал задолго до поступления в гимназию и занимался дома, с матерью и частными репетиторами. С самого начала он стал лучшим учеником в классе. По всем предметам, кроме логики, Владимир получал только пятерки. Конечно, определенную роль сыграло и то, что Володя был сыном директора народных школ. В царской России, где личные связи играли огромную роль, мало кто из учителей рискнул бы вызвать гнев Ильи Николаевича. Но в случае Володи и Саши директору гимназии Керенскому не было нужды завышать оценки. Мальчики учились блестяще. Для всех Ульяновых труд был семейной обязанностью, и обязанностью приятной.

Вне уроков Володя был довольно скромным, но отличался ироничностью. Он мог и постоять за себя, если надо. Один из одноклассников постоянно ломал Володины карандаши. Заметив это, мальчик схватил обидчика за шиворот и отколотил[34]. После этого ребята долго опасались задирать Володю, коренастого и физически сильного. Не боясь, что его сочтут зазнайкой, он смело демонстрировал на уроке свое превосходство, когда никто из одноклассников не мог ответить на вопрос учителя. Близких друзей по гимназии у него не было[35]. Володя был занят своим делом, никого не трогал и хотел, чтобы его также не трогали. Он рос несколько замкнутым мальчиком.

Годы зубрежки латинских глаголов и древнегреческих ямбов не прошли даром: Владимир научился обращать внимание на точное значение слов. Известно, насколько Ленин, как революционный писатель и мыслитель, был придирчив к мелочам. Формированию ленинского стиля способствовали не только Карл Маркс и Фридрих Энгельс, но и литературное наследие античной Греции и Рима. Из трудов великих ораторов Демосфена и Цицерона Владимир впервые узнал о том, как проломать стену аргументов оппонента, разглядев в ней трещину. Герои эпических поэм Гомера, произведений Ливия и Ксенофонта могли навести юного гимназиста на мысль о роли личности в истории.

Изучая труды древних историков Геродота и Фукидида, школьник не мог не поражаться, как мастерски умеют они погружаться в глубину исторических фактов и настойчиво выискивать их скрытые причины. Впрочем, все это лишь предположения. Сам Ленин неохотно вспоминал о детских и юношеских годах, и то немногое, что нам известно об отношении Владимира к античным классикам, мы узнали из воспоминаний родственников. Как вспоминает Анна, брат настолько хорошо знал латынь, что помогал ей, старшей на шесть лет, справляться с трудностями латинской грамматики[36].

На протяжении всей жизни Ленин любил цитировать античных писателей и мыслителей, несмотря на то что большинство его читателей не получили столь же блестящего образования. И это не было простым желанием блеснуть эрудицией. Точно такими же были все европейские авторы, получившие классическое образование. В последующие годы Ленин не находил времени на классическую литературу, но после начала первой мировой войны, в 1914 году, он на какое-то время вновь ощутил потребность вернуться к занятиям философией. В это время к числу изученных им авторов добавился Аристотель.

Вот такие знания давала своим ученикам российская классическая гимназия. Но не менее важно обратить внимание на то, каких знаний гимназия не давала и не могла дать, стремясь отвлечь внимание учеников от насущных проблем общества. Гуманитарные науки преподавались в гимназии в недостаточном объеме, и учащиеся заполняли этот пробел сами, читая не одобряемую властями литературу. Пытаясь сохранить власть над умами учеников, директор Керенский запретил им посещать Карамзинскую публичную библиотеку без его особого разрешения. Как и следовало ожидать, результат получился обратным: любая идея, любое литературное произведение, не одобряемые властью, приобретали особую ценность и привлекательность для способных, мыслящих юношей и девушек, не удовлетворенных официальной учебной программой. Если таково мнение царя, думали подростки, значит, истину следует искать в прямо противоположном направлении. Илья Николаевич Ульянов был противником «подрывной литературы», хотя и не поддерживал Керенского в его стремлении максимально сузить круг чтения учащихся, считая, что гимназическую программу, напротив, следует расширить. Своих сыновей Илья Николаевич отдал в гимназию в первую очередь для того, чтобы они смогли поступить в университет. Сыну Александру, чтобы расширить его круго-

зор, он разрешил подписаться на солидный «Исторический вестник»[37].

Литература была страстью всех Ульяновых. В их доме имелась солидная библиотека. Подобно другим высокообразованным российским семьям, Ульяновы хорошо разбирались в литературе своего времени, знали и любили произведения величайших писателей своего века. Мария Александровна зачитывалась романтической поэзией Лермонтова. Илья Николаевич устраивал для детей экскурсии по литературным местам. Однажды он повез Володю и двух его одноклассников в деревню Киндяковка поблизости от Симбирска, в места, воспетые в романе «Обрыв» Ивана Гончарова. Ребята с удовольствием карабкались по склонам знаменитого обрыва[38]. Дома у Ульяновых читали Гоголя, Тургенева и других знаменитых авторов. По вечерам, когда все уроки были сделаны, играли в литературную игру: угадать имя автора по короткой цитате. Дети учились даже во время игры[39].

В детские годы политические проблемы не интересовали Володю. Конечно, он мог видеть турецких военнопленных, захваченных во время русско-турецкой войны 1877—1878 годов. Лагерь военнопленных размещался неподалеку от дома на Московской. Во время этой войны Илья Николаевич, как настоящий патриот, собирал пожертвования в пользу Красного Креста. Но прямых разговоров о политике в семье всегда стремились избегать — во всяком случае, до 1 марта 1881 года. В этот роковой для российской истории день был убит император Александр II. На его жизнь уже было совершено несколько неудачных покушений. Последнее, удачное, было организовано созданной в 1879 году террористической организацией «Народная воля». Деятельность террористов была одним из факторов, заставивших Александра II задуматься о необходимости созыва национального консультативного собрания. Однако террористам из «Народной воли» не нужна была монархия даже в реформированном виде. Они хотели убить царя, и в конце концов им это удалось. Бомба, брошенная в карету, везшую императора в Зимний дворец, попала в цель*.

16 марта десятилетний Володя Ульянов вместе со всей семьей стоял в симбирском соборе на поминальной службе по убиенному императору. В храме собралась вся местная знать во главе с губернатором. Случившееся потрясло Илью и Марию Ульяно-

* Непосредственный исполнитель террористического акта, белорусский шляхтич (дворянин) Игнат Гриневицкий, член белорусской фракции «Народной воли», погиб при взрыве вместе с императором.

вых. Они выступали против всякого насилия, были противниками революционных идей и верили в возможность осуществления реформ, начатых в период правления Александра II. Правда, царь был непоследовательным реформатором. На протяжении семидесятых годов он урезал права губернских земств (выборных административных органов) и упразднил суд присяжных, после того как судом присяжных была оправдана террористка Вера Засулич, задержанная при покушении на жизнь петербургского генерал-губернатора Федора Трепова. Тем не менее, имидж реформатора сохранялся за Александром II до конца его дней. Дать добро на созыв консультативного национального собрания, которое должно было стать средством поддержки царской власти, Александр II не успел. К власти пришел Александр III, его сын и наследник, подозрительно относившийся к любому новшеству. Новый царь положил конец всем реформам. Период его правления (император скончался в 1894 году) был отмечен традиционным для России стремлением к поддержанию существующего порядка.

Может быть, в те дни Володя почувствовал, какой ужас и отвращение вызвало у его родителей убийство царя. Но вот улеглись страсти, вызванные убийством и похоронами императора, и политика вновь ушла из жизни мальчика. В конце концов, он был тогда просто ребенком, школьником, а не теоретиком революции.

И все-таки даже в этой аполитичной семье полностью уйти от политики оказалось невозможным. Саша научил братьев и сестер вырезать бумажных солдатиков, и дети с удовольствием начали устраивать игрушечные баталии. Сашина армия была одета в мундиры итальянских ополченцев Рисорджименто* под предводительством Гарибальди, солдатики Анны и Ольги были испанскими стрелками, сражавшимися за освобождение своей страны от вторжения Наполеона, а Володя выбрал американскую армию Авраама Линкольна времен гражданской войны Севера против рабовладельческого Юга[40]. Двоюродный брат Николай Веретенников впоследствии утверждал, что Володины солдатики изображали «английскую» армию, но Дмитрий Ульянов отвергает эту версию. Свидетельство Дмитрия заслуживает доверия.

---

* *Рисорджименто* (итал. Risorgimento, букв. — возрождение), борьба итальянского народа против иноземного господства, за объединение раздробленной Италии с конца восемнадцатого столетия по 1870 год, когда к Италии был присоединен Рим. За руководство движением боролись республиканско-демократическое (один из лидеров — Дж. Гарибальди) и либеральное течения. Последнее одержало верх, и Италия была объединена в форме конституционной монархии.

Как правило, он точно фиксировал события. Воспоминаниям Дмитрия об игре в солдатики стоит верить еще и потому, что любимой книгой маленького Володи была «Хижина дяди Тома» Гарриет Бичер-Стоу. (Став старше, он переключился на классику русской литературы.) Книга о рабе-негре с хлопковых плантаций американского юга, пытавшемся бежать из рабства, стояла в Володиной комнате на почетном месте[41]. Такой выбор вряд ли мог быть случайным. Дети Ульяновых росли в среде, где высоко ценили национальную, политическую и социальную свободу.

События, описанные в любимой книге Володи Ульянова, происходили не в России, а в США. Если родители думали, что это защитит их детей от опасных рассуждений о политической жизни России. Они заблуждались. За сентиментальным стилем «Хижины дяди Тома» скрываются идеалы общечеловеческой значимости — свобода и человеческое достоинство. Корни политических убеждений Ленина принято искать в книгах, прочитанных им в юности, — произведениях Чернышевского, Маркса, Плеханова и Карла Каутского. Мы забываем, что задолго до русских и немецких авторов-мужчин сердце и ум симбирского мальчика завоевала американская писательница Гарриет Бичер-Стоу.

Володя рос живым, подвижным мальчиком. После занятий, выполнив домашние задания, он убегал на прогулку. В возрасте девяти или десяти лет мальчик отказался от уроков игры на фортепиано, чем очень огорчил мать. Мария Александровна была великолепной пианисткой и научила Анну неплохо играть выдержки из опер Рихарда Вагнера[42]. Но на этот раз мать решила уступить, ведь у сына и без того было слишком много занятий в школе и дома. Как предполагала сестра Мария, брат бросил уроки музыки потому, что считал игру на пианино занятием для девочек[43]. Событие в общем-то незначительное, но о нем стоит упомянуть: уже в таком юном возрасте Володя Ульянов знал, что следует делать, а от чего можно отказаться. Занятия искусством не привлекали мальчика, хотя он неплохо умел рисовать. Сохранилась самодельная открытка, посланная им одному из своих друзей. На открытке яркими красками нарисованы фигурки краснокожих индейцев, деревья и тонущий человек. Это было зашифрованное послание, понятное адресату[44]. На рисунке нет ни единой кляксы. Уже в те годы Владимир старался доводить до совершенства любую вещь, которую собирался кому-нибудь показывать. Игру поддержала мать. Она научила сына писать секретные письма «невидимыми чернилами» — молоком. Как пригодились ему эти знания позже, в 1895 году, когда Владимир,

сидя в петербургском Доме предварительного заключения, писал молоком между строк своих писем![45]

В отличие от братьев и сестер, у Володи не было увлечений. Мастерить он не любил, коллекционированием не увлекался. Летом он вместе с приятелем Николаем Нефедьевым целыми днями пропадал в большом саду за домом, всегда готовый на проделки. Однажды мальчики решили стать птицеловами. Они развесили среди деревьев ловушки на синиц, но не поймали ни одной птички. Тогда проказники решили схитрить и купили птиц у некоего Лапшина, проживавшего в Александровском саду. У него же мальчики купили другие ловушки и в течение зимы поймали пять или шесть птиц. Весной Володя решил выпустить их на волю, но Николай убедил его оставить себе одного щегленка[46].

Однажды с мальчиками едва не случилось беды. Володя и Коля летом любили купаться на отмелях реки Свияги в центре Симбирска. Увидев, как на Водовозном мосту другие мальчики ловят рыбу, Володя и Коля тоже захотели порыбачить. Кто-то посоветовал им идти ловить рыбу в канаве у спиртового завода. Воды в канаве было не много, но ее берега и дно были покрыты толстым слоем ила и тины. В канаве водилось множество лягушек, и мальчики стали гоняться за ними. Володя поскользнулся и упал в канаву, в трясину. Когда на крик прибежал заводской рабочий, Володя уже ушел в трясину по пояс. Рабочий (его имя осталось неизвестным) залез в канаву и вытащил мальчика. Напрасно Володя, боясь гнева матери, пытался привести в порядок свою одежду. Ходить на рыбалку ему строго-настрого запретили[47]. Но и без рыбалки развлечений хватало. Зимой мальчику разрешали кататься на коньках по льду Волги и Свияги, а летом он с удовольствием играл в прятки с Митей и Маняшей.

Старший брат Саша был для Володи образцом для подражания. В любой затруднительной ситуации Володя спрашивал у родителей, что бы сделал на его месте Саша. «Как Саша», — эти слова стали семейным анекдотом. Мальчик подражал брату даже за столом и просил родителей давать ему те блюда, которые любил Саша. В этом подражании не было ничего удивительного: Александр считался гордостью семьи. Трудно избавиться от мысли, что Володя был совсем не таким уверенным в себе, как казалось, и явно робел перед старшим братом.

Можно без малейшего сомнения утверждать, что характер Владимира Ульянова сформировался в пору ранней юности. Именно здесь следует искать корни его невероятного честолюбия и целенаправленности. Сын своих родителей, он и не мог

стать другим. Ему удавалось отлично учиться в гимназии, где высочайшие требования сочетались с крайне ограниченной учебной программой, дававшей очень глубокие знания в очень узкой сфере. Годы, проведенные в гимназии, позволили Владимиру приобрести уверенность в решении любых интеллектуальных проблем. Глубокое изучение античных классиков навсегда дало ему гибкость ума и в веру в важность написанных слов, а в особенности слов напечатанных. И в то же время гимназист Володя Ульянов мог почерпнуть (в основном из книг) мысли, впоследствии заставившие его подвергнуть сомнению устройство общества, в котором он жил. «Другую Россию», страну бурлаков, крестьян, сельских священников и фабричных рабочих, он знал лишь понаслышке — из рассказов отца и романов Гоголя, Тургенева и Толстого.

В гимназические годы Владимир еще не пытался бросить вызов существовавшему порядку. Все это было впереди. Проказливый и острый на язык, мальчик не проявлял никакого интереса к политическим вопросам, что вполне естественно для детей школьного возраста, хотя мысли о революции, конечно же, проникали и в стены гимназии. В глазах директора Володя был образцовым отличником, усердным и старательным. Ничто не предвещало, что этот отличник выберет жизненный путь, радикально отличающийся от отцовского. Илья Николаевич был недоволен правящим режимом, но всячески избегал любых разговоров на «бунтарские» темы. По окончании гимназии перед Владимиром открывался путь в университет, а далее его ждала профессиональная карьера и высокое общественное положение. Казалось, что талантливый гимназист в будущем добьется еще больших успехов, чем его отец.

3

Смерть родных

1886–1887

В 1866 году Владимиру исполнилось шестнадцать. Жизнь юноши казалась безоблачной. Семья Ульяновых достигла высокого положения: отец поднялся до должности директора народных школ Симбирской губернии. Ульяновы жили в большом собственном доме на Московской улице. Шестеро детей вступали на порог самостоятельной жизни.

На самом деле карьера Ильи Николаевича была вовсе не такой беспроблемной, как может показаться. В мемуарах сохранились свидетельства, на которые позднейшие исследователи редко обращают внимание. Деятельность реформатора Ульянова неоднозначно воспринималась в среде местной консервативной знати. В 1880 году закончился его двадцатилетний срок службы. Сорокадевятилетний Илья подал прошение о продлении договора — и получил согласие, вначале лишь на год, затем еще на пять лет[1]. Далеко не всем нравились действия Ульянова по реформированию системы народного просвещения. Илью обвинили в том, что он не уделяет достаточного внимания религиозному воспитанию детей в школах. Это была ложь: Илья подчинялся требованиям учебной программы, предусматривавшей обучение детей основам православной веры, но был против непосредственного вмешательства церкви в дела школы и не одобрял новую государственную политику создания церковно-приходских школ. Позиция Ульянова встретила шквал критики. В 1884 году «Симбирские губернские ведомости» опубликовали критическую статью протоиерея А. И. Баратынского о деятельности Ильи Ульянова на посту директора народных школ[2]. Беда

не ходит одна: начались проблемы со здоровьем. Илья упал духом и уже не верил, что сможет доработать до пенсионного возраста[3].

В середине декабря 1885 года Илья Николаевич отправился в свою последнюю поездку — в Сызрань, за сотню миль от Симбирска[4]. В дороге его сопровождала Анна, приехавшая домой на Рождество из Петербурга, где она училась на Высших женских курсах. Когда отец и дочь вернулись домой, в семье полным ходом шла подготовка к празднику. Илья сразу же уселся за написание годового отчета о развитии системы народного образования в губернии, лихорадочно стараясь завершить работу до Рождества[5].

Александра, ставшего в 1883 году студентом естественного отделения физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета, к празднику не ждали. В середине декабря Саше предстояло сдавать экзамен по зоологии, в середине января — по практической химии. В письме домой Александр не высказывал сожаления по поводу невозможности навестить родных[6]. В семье понимали, что Саша не хочет отвлекаться от учебы, и не обижались на него. Он блестяще учился, и все надеялись, что он станет профессором университета[7]. В те дни доехать от Петербурга до Симбирска было не так просто. Железная дорога до Симбирска не доходила, пароходы по Волге ходили только летом, а сидя в санях не очень-то поучишься[8].

Семья во главе с Марией Александровной готовилась к Рождеству. У младших детей, Володи, Оли, Мити и Маняши, уже начались каникулы. Уже стояла посреди гостиной нарядная елка, уже были нарисованы и разосланы поздравительные открытки, приготовлены подарки. В день Рождества вся семья пошла в Свято-Никольский собор на праздничную службу.

После праздников Илья Николаевич совсем сдал. 10 января 1886 года его бил тяжелый кашель. На следующий день к вечернему чаю пришли гости, но Илья Николаевич чувствовал себя так плохо, что не сел к столу вместе со всеми. Решили, что у него обострилось желудочное недомогание. За столом Анна беспечно болтала о своем возвращении в Петербург на учительские курсы.

После праздничных каникул Илье Николаевичу предстояло вернуться к своим обязанностям. 12 января, несмотря на плохое самочувствие, Илья принял у себя школьного инспектора В. М. Стржалковского. Они проработали до двух часов дня. Когда Стржалковский ушел, Илье стало совсем плохо, он отказался от

обеда. Семья уже сидела за столом, когда он внезапно появился в дверях столовой, долгим взглядом обвел собравшихся и, не говоря ни слова, ушел в свой кабинет. Навсегда запомнили дети прощальный взгляд отца[9].

После ужина Мария Александровна нашла мужа лежащим на диване в кабинете, его била лихорадка. Немедленно послали за доктором Лекгером. В пять часов вечера Анна и Владимир стояли у постели умирающего отца. Илья Николаевич был в агонии. Когда наконец приехал доктор, Илья Николаевич был уже мертв. Ему было всего пятьдесят три года. Посмертного вскрытия не производили, тем не менее доктор Лекгер решил, что причиной смерти стало кровоизлияние в мозг[10].

В отсутствие Александра Володе пришлось по мере возможности помогать семье. Пока убитые горем мать и Анна сообщали родным и знакомым печальную новость, Володя поехал на извозчике за Митей, который был в гостях у приятеля. В советские времена широко распространялся миф о том, что Володя в те дни взял на себя заботу о хозяйстве. Ничего подобного, конечно, быть не могло: хозяйством, как обычно, занимались мать и Анна. Володя был еще очень юн, поэтому даже за братом его не отпустили пешком, а послали на извозчике. Семье предстояло организовать похороны, пересмотреть семейный бюджет и позаботиться о будущем детей. Мать и старшая сестра хотели защитить пятнадцатилетнего Володю от жизненных трудностей.

14 января 1886 года Мария Александровна направила на имя министра народного просвещения прошение о получении пенсии за выслугу лет покойного мужа. Согласно тогдашнему законодательству, она могла претендовать на сто рублей в месяц на себя и еще по двадцать пять рублей — на каждого малолетнего ребенка (Анна и Александр не входили в их число). Всего двести рублей в месяц, и сумма эта должна была уменьшаться, по мере того как дети будут достигать совершеннолетия[11].

Илью Николаевича хоронили на следующий день. Внезапная смерть человека, пользовавшегося большой любовью и уважением, потрясла учителей и коллег из Министерства народного просвещения. За время нахождения на своем посту Илья Николаевич успел сделать очень многое для развития системы школьного образования. В симбирских газетах появились некрологи. Школьники сплели погребальные венки.

Вместе с ближайшими друзьями и сотрудниками гроб с телом покойного нес пятнадцатилетний Володя. Траурная процессия проследовала к Покровскому мужскому монастырю. Илью

Ульянова похоронили на монастырском кладбище, у стены с южной стороны. Мария Александровна поставила на могиле скромный каменный памятник[12]. Она не хотела посмертной роскоши для покойного мужа. За несколько дней до смерти Илья Николаевич был удостоен ордена святого Станислава 1-й степени. Вдове предложили получить орденскую звезду, но она отказалась.

Анна всерьез думала бросить учебу на Высших женских курсах, чтобы иметь возможность помогать матери в домашнем хозяйстве и воспитании младших детей. Была еще одна возможность — попросить кого-нибудь из однокурсников прислать ей в Симбирск конспекты лекций, чтобы подготовиться и осенью сдать экзамены экстерном. Ни то, ни другое Марию Александровну не устраивало. Анне было приказано возвращаться в Петербург. В марте она уехала[13]. Чтобы пополнить семейный бюджет, пришлось сдать внаем полдома — вначале врачу, затем присяжному поверенному (адвокату). Ульяновы поселились в комнатах, выходивших на реку Свиягу[14].

Тем временем с Володей начало твориться что-то непонятное. Он вел себя все хуже. Пока был жив отец, Володя остерегался ослушаться матери. Илья Николаевич был не из тех отцов, которых можно не слушаться. Отец незримо присутствовал в доме даже в моменты своих многочисленных отлучек по служебным делам. Все изменилось после его смерти. Володя начал дерзить матери. Сдержать его мог бы старший брат, но он учился в Петербурге. Когда Александр приехал домой на летние каникулы, Володя продолжал вести себя вызывающе. Брат рассердился. Однажды, когда Саша и Володя сидели за шахматами, мать попросила Володю о чем-то, но тот не слушался, отвечал матери грубо. Саша сказал спокойно, но твердо: «Володя, или ты сейчас же пойдешь и сделаешь, что мама тебе говорит, или я с тобой больше не играю». Володя подчинился, но по-прежнему его поведение отличалось от поведения всех остальных детей Ульяновых, хотя и стало более благопристойным[15].

Как-то Анна решила поговорить с Сашей об отношениях в семье. Тяжелая утрата вдребезги разбила привычный порядок жизни. Старшим детям (Александр и Анна уже разменяли третий десяток) приходилось свыкаться с очевидным фактом: Володя взрослеет. Анна прямо спросила Сашу: «Как тебе наш Володя?». Саша ответил: «Несомненно, человек очень способный, но мы с ним не сходимся». Как пишет Анна, произнес он это очень твердо. Анна не уверена, правильно ли она запомнила

слова брата, не сказал ли он еще жестче — «совсем не сходимся»?[16]

Брат не мог терпеть дерзкого поведения Володи в отношениях с матерью. Но не стоит, как это делают многие историки, судить Володю слишком строго. Он был всего лишь школьником, тяжело переживавшим внезапную утрату любимого отца. В такой ситуации любой пятнадцатилетний подросток, к тому же привыкший к постоянной поддержке со стороны старшего брата и сестры, повел бы себя неадекватно. Он не жаловался, никому не плакался в жилетку, но это совсем не значит, что он был спокоен. Совсем наоборот: Володя был подавлен, он ушел в себя. Куда-то исчез жизнерадостный мальчик, которым он был когда-то. Его утешением стали книги. Один за другим поглощал он романы русских писателей. Его привязанности перешли от Гоголя к Тургеневу. Гоголевская сатира больше не привлекала его. Теперь ему нравился спокойный, полный сдержанных чувств стиль тургеневских романов о сельской жизни. Тургенева нельзя было назвать ни либералом, ни нетерпимым консерватором, ни тем более революционером. Писатель видел необходимость перемен в российском обществе, но никогда не заявлял читателю об этом прямо, давая ему возможность делать самостоятельные выводы.

Какие выводы сделал Володя из тургеневской прозы — мы не знаем. Более поздние записи не всегда отражают действительные переживания юности, хотя, возможно, какая-то доля истины в них есть. Принадлежать к роду Ульяновых означало стремиться к прогрессу. Но в самодержавной России всякая возможность прогресса зависела от императорской воли. Повзрослев, Владимир Ульянов стал обращать внимание именно на те эпизоды тургеневских произведений, которые подтверждали марксистское понимание российской действительности. Герои Тургенева, нерадивые помещики и интеллигенты, полные благих намерений, но бездеятельные, впоследствии служили Ленину доказательством пороков российского общества. Лишь немногие из тургеневских героев способны действовать активно. Тургенев сочувствует своим героям, не имеющим возможности жить по-другому, но Ленин станет высмеивать их. Проза Тургенева помогла Владимиру Ульянову прийти к выводу, что разговорами мир не изменишь. Необходимо действовать.

За примерами того, как действовать, Володе не надо было далеко ходить. В его роду были известные врачи и учителя — практикующие профессионалы, совсем не похожие на героев тур-

геневской прозы или чеховской драматургии, которых за делом не увидишь. Разумеется, Тургенева каждый понимает по-своему: для кого-то он предстает защитником доброты и гуманности, для кого-то — воплощением гамлетовской нерешительности, третьи ценят Тургенева как великого мастера слова, чей литературный стиль имеет большее значение для культуры, чем мировоззрение автора. Для Володи Ульянова Тургенев был гениальным художником, правдиво отображавшим пороки российского общества.

Владимир еще только начинал задумываться о российской жизни, а тем временем в далеком Петербурге его старший брат Александр уже стал убежденным врагом российской монархии. После смерти отца Саша в течение многих недель был в глубокой депрессии, кое-кто даже боялся, что юноша покончит с собой. Все же страсть к науке победила. Профессора сочли достойным университетской золотой медали научный труд Саши по биологии кольчатых червей. Мать радовалась за сына и горько плакала от мысли, что отец не может порадоваться вместе с ней.

В Сашиных письмах домой не найти бунтарских мыслей. Он сообщал родным о бытовых мелочах — ценах на жилье, отвратительной кормежке, неприветливых квартирных хозяйках. В отличие от Анны, Саша не собирался бросать учебу, чтобы помогать матери. Он мечтал об успешной профессиональной карьере. Но в его сердце росла ненависть к правящему режиму. Это чувство возникло не на пустом месте. Еще в детстве Саша ненавидел затхлую атмосферу Симбирской классической гимназии. В возрасте шестнадцати лет он порвал с религией и был так настойчив, что даже отец сделал для него исключение и не требовал, чтобы он вместе со всей семьей ходил по воскресеньям в церковь. Попав в Петербург, Саша вскоре увлекся идеями революционных преобразований. Он был не одинок: многие его ровесники призывали к коренному изменению всех сторон российской политической и общественной жизни. Произошло то, чего так боялся Илья Ульянов, сторонник мирных поступательных реформ: его сын Александр стал революционером.

В студенческой среде революционные идеи были очень популярны. В те годы в огромной Российской империи было всего восемь университетов — Московский, Киевский, Юрьевский*,

* Юрьев — ныне г. Тарту (Эстония). Еще один университет, Виленский (в Вильно, ныне г. Вильнюс, Литва) созданный в 1579 году на базе иезуитского коллегиума, был закрыт царскими властями после подавления освободительного восстания 1830–1831 годов в Польше, Беларуси и Литве.

Харьковский, Казанский, Варшавский, Новороссийский и, самый престижный — Санкт-Петербургский. Власти подозревали всех студентов в бунтарстве и относились к ним, как к неизбежному злу. Министерство просвещения и Министерство внутренних дел старались держать студентов в ежовых рукавицах. Стипендий для безденежных студентов не предусматривалось, и беднякам приходилось подрабатывать, чтобы заплатить за жилье и питание. У Саши материальных проблем не было: мать присылала сыну столько денег, сколько он просил, требуя лишь подробного отчета о расходах. Тем не менее, у него не было особых причин быть довольным студенческой жизнью. Строгие правила регулировали буквально всё — от учебной программы, рекомендованных учебников и пособий до образа жизни, одежды и выбора жилища. Ничего удивительного, что в такой атмосфере юноши и девушки тянулись ко всему, что обещало хоть какие-то перемены — в том числе к идеалам либерализма, социализма и атеизма.

Подозрительное отношение государства к развитию науки было хорошо известно Саше Ульянову на личном опыте — и во время учебы в гимназии, где интерес к наукам не поощрялся, и позже, в университете. Постепенно юношеский протест вырос в решительное отвержение царского режима и всего, что за ним стояло.

Казалось, даже стены домов, окружавших Петербургский университет, были пропитаны духом могущества и величия российской монархии. Университет, основанный российскими императорами, располагался на Васильевском острове. Совсем рядом находится мост через Неву, ведущий к Зимнему дворцу, резиденции российских императоров. Из университетских окон, рядом с величественным Исаакиевским собором, была видна конная статуя Петра Великого. Всадник на вздыбленном коне, казалось, вот-вот отважно бросится в воды Невы. Таков был символ российской монархии, такова была ее сущность — править жесткой рукой, покоряя природу, и в конце концов превратить Россию в державу, признанную во всей Северной Европе. Виден был из университета и Зимний дворец. Здесь проживал царствовавший император Александр III, отсюда он правил страной. Величественное здание Зимнего протянулось вдоль берега Невы с южной стороны от Исаакиевского собора. Его неоклассический фасад со множеством колонн был известен всей Европе. А напротив Зимнего, по другую сторону Невы, возвышалась Петропавловская крепость, где, по традиции, содержа-

ли в заключении государственных преступников — тех, кто посмел выступить против династии Романовых.

Петербург возник по велению Петра I буквально на пустом месте. Никакого другого поселения здесь не было. Осушили болота, построили дворцы и дома, и царь Петр перенес свой престол в новый город из Москвы. Москва перестала быть российской столицей. На строительстве города от изнурения, недоедания и болезней погибли сотни тысяч крестьян. Нет, решительно невозможно было жить в центре Петербурга и не видеть мощи Российской державы. А смотреть студент Александр Ульянов умел очень внимательно.

В те годы российская молодежь, выступавшая против монархии, стремилась поступать на естественнонаучные и инженерные факультеты университетов. Александр и его друзья не были исключением. Отличал их лишь избранный метод борьбы — терроризм. Еще при жизни Ильи Николаевича среди друзей Саши появились молодые люди, верившие, что смерть царя может положить начало революционным преобразованиям в стране. Вначале Саша просто беседовал с ними, но мало-помалу проникся их идеями и стал членом нелегальной организации, во главе которой стояли Орест Говорухин и Петр Шевырёв. Им очень нужен был такой человек, как Саша —увлекшись какой-нибудь идеей, он отдавался ей всецело. К тому же он хорошо знал практическую химию. Ульянов должен был изготовить нитроглицерин, взрывчатку для бомб. Кроме того, группе нужен был пропагандист, хорошо владеющий языком. К концу 1886 года Александр Ульянов окончательно решил стать цареубийцей.

Что же представляло собой в те годы российское революционное движение? Наибольшей популярностью в аграрной России пользовался революционный социализм, в меньшей степени — анархизм. Разного толка народники, как их называли, расходясь во многом, сходились в главном: в основу нового, «справедливого» общества должна быть положена идеология русской крестьянской общины с ее общественной собственностью на землю, коллективной ответственностью и «соборностью». Соответственно, именно с деревни должны начаться преобразования в обществе. Но среди революционеров аграрного толка находились и другие, ставившие проблему значительно шире. Эти люди верили в «народ» и хотели привлечь на свою сторону не только крестьянство, но и нарождавшийся рабочий класс. Они отвергали идею аграрного пути развития государства. Сама мысль о якобы привилегированном положении русских среди других

городов казалась им отвратительной, поэтому они становились горячими сторонниками созданного в Европе в 1889 году Социалистического Интернационала. В то же время российские социалисты — аграрники, наоборот, надеялись, что удастся избежать развития капитализма в России, и мечтали о построении общества, основанного на принципах социализма, общества, в котором не было бы угнетения и эксплуатации[17].

Политика реакции, начатая императором Александром III, сыном и наследником Александра II, принесла свои плоды. Во-первых, уменьшилось количество терактов, направленных против императорской семьи. До появления в 1886 году группы Говорухина в течение пяти лет не было серьезных попыток покушения на членов императорской семьи.

Не менее важным было и второе следствие политики, проводимой новым императором. Многие из российских революционеров пришли к выводу, что социалисты-народники глубоко заблуждаются в выборе пути развития российского государства и общества. На изменении политической стратегии особенно настаивал марксист Георгий Плеханов, начинавший революционную деятельность как народник. Плеханов был глубоко убежден в том, что будущее революции зависит не от крестьян, не от деревенской общины. Убийство царя-реформатора Александра II, совершенное террористами-народовольцами, привело к сворачиванию реформ. Победа обернулась поражением. Все нелегальные революционные организации должны признать, требовал Плеханов, что в России происходят масштабные экономические и общественные перемены. Без осознания этого успех невозможен. В стране строятся железные дороги, соединяющие крупные города, огромные капиталы вкладываются в строительство фабрик и заводов, растет добыча полезных ископаемых. Иностранные предприниматели вкладывают огромные средства в развитие российской экономики, надеясь на быструю и высокую прибыль в условиях изобилия полезных ископаемых и наличия дешевой и трудолюбивой рабочей силы. Больше нет смысла мечтать о начале социалистических преобразований, минуя стадию капиталистического развития. Капитализм в России уже появился и семимильными шагами продвигается вперед.

Плеханов, в 1880 году бежавший из России в Швейцарию, пришел к выводу, что основной революционной силой России должен стать городской рабочий класс, а точнее, рабочие крупных, современных промышленных предприятий. Бывший лидер террористической организации «Черный передел» остался сто-

ронником революционных преобразований. В 1883 году Плеханов вместе с отошедшей от народничества Верой Засулич, Львом Дейчем и Павлом Аксельродом создали организацию «Освобождение труда». Плеханов был уверен в том, что лишь марксизм открывает путь к пониманию России и к ее преобразованию. Все предыдущие революционные идеи, в том числе аграрный социализм, отвергались как ненаучные, основанные на романтических представлениях о России. Будущее, верил Плеханов, принадлежит марксизму[18].

Различия между русским народничеством и марксизмом, сейчас кажущиеся весьма значительными, носили скорее количественный характер, чем качественный. Аграрные социалисты не сами придумали для себя такое название: обычно они называли себя просто «революционерами». Позже они стали известны как «народники», так как всегда заявляли, что действуют от имени народа, в отличие от государственных властей. Существовало несколько организаций народнического толка: «Черный передел», «Земля и воля», «Народная воля». Практически все члены этих организаций, хотя и идеализировали «народ», были весьма далеки от полного отрицания необходимости индустриализации России. На горьком опыте они узнали, что революционные идеи скорее найдут отклик в сердцах рабочих, чем крестьян. В 1874 году ряд революционно настроенных студентов пытался вести в деревне революционную пропаганду. Попытка закончилась печально: крестьяне сдали подозрительных горожан полиции. Народникам были интересны книги Маркса и Энгельса, вскрывающие экономические и социальные предпосылки для построения социализма. Не случайно первый перевод книги Маркса «Капитал» был сделан в 1872 году именно на русский язык, а автором перевода был народник Николай Даниельсон.

Группа Плеханова «Освобождение труда» сделала радикальный шаг в сторону от народничества. Согласно убеждениям Плеханова, революционеры должны раз и навсегда отказаться от всех иллюзий насчет того, что в традиционном крестьянском укладе жизни есть хоть что-нибудь положительное. Остатки народнических организаций, уцелевшие после полицейского разгрома 1881 года, заклеймили Плеханова как предателя революционного движения. Горячая полемика не утихала на протяжении 1883–1886 годов.

Маленькая организация, членом которой стал в середине 1886 года Александр Ульянов, ставила перед собой две цели: первая — убить царя Александра III, вторая — примирить между собой

Марксизм и народничество. Группа выработала программу, окончательную формулировку которой поручила Саше, великолепно владевшему словом. Программа явно была рассчитана на то, чтобы привлечь марксистов. Под многими из ее пунктов подписался бы и сам Плеханов. В одном их них, например, говорилось о необходимости созыва общероссийского законодательного собрания; того же неоднократно требовал Плеханов. Слова Александра о «научных законах» также понравились бы марксистам. О крестьянстве речь вообще не шла. Александр Ульянов доказывал, что все угнетенные классы России в равной мере заинтересованы в свержении монархии. Истина, наука, свобода и справедливость — вот идеалы российского революционного движения. Александр, недавно проявивший мастерство владения немецким языком в переводе на русский некоторых работ Маркса, прекрасно знал, какие цели будут наиболее привлекательными для марксистов. Члены нелегальной организации рассчитывали, что вызванный гибелью императора политический кризис можно будет использовать для революционных перемен. Поэтому группа была заинтересована в приобретении как можно большего числа активных сторонников.

В этой примитивной деятельности было нечто театральное. Группа Шевырёва приурочивала свои акции к памятным датам в истории революционного движения. В ноябре, еще до прихода в группу Александра, была организована студенческая демонстрация, посвященная памяти писателя Николая Добролюбова, противника монархии. Следующим шагом должна была стать уже не мирная демонстрация, не затрагивающая никого, кроме ее участников, а покушение на жизнь императора. Дата была выбрана символично: 1 марта 1887 года, шестая годовщина со дня убийства Александра II.

Дела у конспираторов, однако, с самого начала не заладились. Один из них был тяжело болен туберкулезом, другой в самый последний момент уехал за границу*. Тем не менее, группа продолжала подготовку к покушению. Все же удача окончательно отвернулась от заговорщиков. Двое членов группы были задержаны при подозрительных обстоятельствах. Задержанных допросили в Охранном отделении (тайной полиции), и понемногу, одного за другим, обнаружили и арестовали почти всех членов группы, в том числе Александра Ульянова. Среди аресто-

* На допросе прокурор Котляревский сказал Анне: «Шевырёв уехал в Крым, Говорухин скрылся за границу, а ваш брат остался бойцом на поле битвы». (А. И. Ульянова-Елизарова. О В. И. Ленине и семье Ульяновых. М. 1988, с. 102.)

ванных была и Анна Ульянова, хотя она не входила в конспиративную организацию*. Полиция узнала почти все о готовившемся покушении, и тогда Александр решился на исключительно смелый шаг: он решил взять всю вину на себя, а на суде превратить скамью подсудимых в трибуну для пропаганды революционных идей. Легальная пресса, жестко ограниченная цензурой, таких возможностей не давала. Саша знал, что такое решение может стоить ему жизни.

Арест сына потряс Марию Александровну, еще не оправившуюся после внезапной смерти мужа. Еще сильнее матери была ошеломлена Анна, она не понимала, что происходит. Ее письмо к брату полно глубочайших, долго сдерживаемых чувств: «Лучше тебя, благороднее тебя нет человека на свете. Это не одна я скажу, не как сестра; это скажут все, кто знал тебя, солнышко мое ненаглядное!»[19].

В конце концов Анну освободили, но вплоть до 1892 года она оставалась под гласным полицейским надзором.

Мария Александровна отказывалась верить, что ее сын хотел стать убийцей. Немедленно она пишет послание на имя императора, умоляя освободить сына. Она уверяет, что Саша всегда был верующим — какая мать не солгала бы, чтобы спасти сына от смертной казни? В Министерстве внутренних дел решили, что с помощью матери можно будет оказать давление на арестованного и добиться показаний. Марии Александровне дали ознакомиться с материалами следствия, в которых Александр полностью признает свою вину. Матери разрешили навестить сына в Петропавловской крепости. Александр не искал оправданий. Он совершил самое страшное преступление против государства и должен понести наказание. Мать надеялась, что Саша подаст на имя царя прошение о помиловании, как это сделали его подельники, и тем спасет свою жизнь. Она была готова вместе с Володей и младшими детьми последовать за сыном в Сибирь, чтобы облегчить ему жизнь на каторге. Что бы ни случилось, Мария Александровна хотела быть рядом с сыном.

Мать и сын встретились в камере Петропавловской крепости. Александр упал к ногам матери, умоляя простить его. Но подавать прошение о помиловании он отказался. Император знал, что Ульянов взял на себя вину своих товарищей, но оставил в силе вынесенный ему смертный приговор. Приговоренных

* На имя Анны пришла телеграмма со словами «Сестра опасно больна». Не понимая ее смысла, Анна отдала телеграмму брату. Только на допросе Анна узнала, что речь шла о высылке азотной кислоты для изготовления взрывчатки. (Там же.)

поместили в Шлиссельбургскую крепость. На рассвете 8 мая 1887 года Александра Ульянова и его товарищей В. Д. Генералова, П. И. Андреюшкина, В. С. Осипанова и П. Я. Шевырева вывели из камер и повесили.

Мария Александровна вернулась в Симбирск. Она больше ничем не могла помочь сыну. Смерть мужа, а затем казнь сына надломили женщину, она даже начинала думать о самоубийстве. Пока мать находилась в Петербурге, за детьми присматривала ее сестра Анна Веретенникова, приехавшая из Казани. Чтобы поддержать подругу, в дом на Московской пришла учительница Вера Кашкадамова. Страшная весть потрясла детей, особенно страдали старшие дочери Ольга и Анна. Если Анне как-то удавалось справляться с чувствами, то импульсивная Оля с рыданиями бросилась на землю, затем вскочила и, к ужасу тети Анны, начала выкрикивать проклятия в адрес императора, не пощадившего любимого брата. Но вскоре и Оля смогла взять себя в руки и старалась не показывать матери, как сильно она страдает. Постепенно пришла в себя и Мария Александровна. Она перестала думать о самоубийстве в тот момент, когда на колени к ней, только что вернувшейся из Петербурга, забралась маленькая Маняша. Надо было жить дальше[20].

После казни Александра от Ульяновых отвернулся весь город. Лишь очень немногие из прежних друзей семьи, такие как Вера Кашкадамова, осмеливались заговаривать с ними. Респектабельные жители Симбирска — врачи, учителя, городские власти и военные офицеры — не желали иметь ничего общего с семьей, в которой вырос цареубийца. Преподаватели и одноклассники в гимназии делали вид, что не замечают Ольгу. Для Ульяновых закрылись двери всех симбирских домов. Город помнил, как в 1881 году Илья Николаевич Ульянов со всей семьей стоял в храме на поминальной службе по убитому императору. И вот теперь один из членов этой семьи сам оказался замешанным в покушении на императора. Весь город отворачивался от Ульяновых, как от прокаженных.

Этому страшному факту исследователи никогда не придавали должного значения. Ульяновы так и не стали по-настоящему своими среди симбирской знати. Илья Николаевич первым в своем роду был удостоен титула потомственного дворянина. На протяжении жизни одного поколения, своим трудом и талантом, Ульяновы поднялись по социальной лестнице и вошли в круг людей, имевших многие поколения предков с дворянскими титулами. «Безродный» Ульянов был для них просто выскочкой.

Илья Николаевич и Мария Александровна жили своей жизнью, стараясь не обращать внимания на не совсем лестное отношение к себе. Подобно другим семьям, вышедшим из общественных низов, они возлагали особые надежды на детей. Отсюда и непомерно высокие требования к успеваемости детей в гимназии. Поступок сына положил конец честолюбивым надеждам, вновь отбросив семью на обочину общества. Теперь все Ульяновы, от старшей Анны до маленькой Марии, возненавидели царский режим — ведь это царь и его министры, как им казалось, были виноваты в их теперешнем положении.

Володе удавалось справляться с собой намного лучше, чем сестрам. Мальчик глубоко спрятал свое горе. В советские времена широко распространялась легенда о том, что Володя, услышав о казни брата, повел себя не как член семьи, а как пламенный революционер. Если верить младшей сестре Марии Ильиничне, он пришел к выводу, что смерть брата доказала несостоятельность стратегии террористов-народников. «Нет, — якобы сказал Володя в присутствии сестры. — Мы не пойдем таким путем». Эту фразу широко подхватили марксисты-ленинисты, да и не только они. Эти слова должны были свидетельствовать о том, что уже в возрасте неполных шестнадцати лет Владимир Ульянов отвергал несостоятельность народничества. Менее правдоподобную историю трудно придумать. Тем не менее, легенда прижилась. «Ленинские слова» повторяли многие поколения советских школьников. Нельзя забывать о том, что Мария Ильинична писала свои воспоминания уже после смерти Ленина, когда было необходимо представить его жизненный путь в виде одной прямой линии. Вождь пролетариата даже в ранней юности не имел права ошибаться. Истинность свидетельства Марии Ильиничны сомнительна: в момент казни брата ей было всего восемь лет. Вряд ли она могла точно воспроизвести слова брата и тем более уловить их идеологическую подоплеку. Намного более достойны доверия воспоминания Веры Кашкадамовой, подруги Марии Александровны и домашней учительницы ее детей. По словам Кашкадамовой, в те дни Володя старался как можно чаще играть с младшими детьми в лото и шарады, чтобы отвлечь их от грустных мыслей. В разговорах неизбежно возникала тема казни брата, и, как вспоминает Кашкадамова, Володя не высказывал ни малейшего несогласия с Сашей — наоборот, он сказал: «Александр иначе поступить не мог»[21].

В этих словах звучит подлинный голос Владимира Ульянова. Через несколько лет после казни брата Володя станет членом под-

польных групп народнического толка. Этот факт никак не согласуется с предположением о том, что юный Володя Ульянов был сторонником марксизма и отвергал убеждения Александра. Однако из воспоминаний Кашкадамовой нельзя сделать вывод и о том, что Володя, потрясенный казнью брата, сразу стал сторонником его идеалов. Скорее всего, в то время он лишь начинал знакомиться с революционными идеями. Пусть они с братом не во всем сходились, пусть их отношения в последние годы ухудшились, все же Володя наверняка испытывал инстинктивное чувство симпатии к поступку любимого брата. Ему обязательно нужно было понять, почему Саша не мог поступить иначе. Смерть Александра заставила талантливого юношу задуматься о том, за какие идеалы принял смерть старший брат.

4

Переворот в сознании

1887–1888

Правительство сделало все возможное, чтобы в провинциальном Симбирске, где еще не было даже железной дороги, о преступлении Александра узнали как можно скорее. Через два дня после казни вышел специальный номер «Симбирских губернских ведомостей», где одна из статей посвящалась Александру. Городские власти отпечатали информационные листки и расклеили их по всему городу[1].

Тем временем для Владимира и Ольги наступала пора выпускных экзаменов. Все месяцы, пока Саша сидел в тюрьме в ожидании суда, брат и сестра учились так же старательно, как и раньше. 5 мая 1887 года Володя сдал первый экзамен, а через несколько дней стены симбирских домов запестрели листовками, сообщавшими о казни Александра. Экзамены продлились месяц. По всем десяти экзаменационным предметам Володя Ульянов получил высший балл — пять, превзойдя двадцать восемь своих одноклассников, и был награжден золотой медалью[2]. Ольга также окончила Мариинскую женскую гимназию с золотой медалью[3]. (Золотым медалистом был и покойный Александр.) Целеустремленность и трудолюбие брата и сестры кажутся почти нечеловеческими, учитывая то состояние, в котором они находились после казни Саши. Политического давления на руководство гимназий со стороны властей не было, и выпускники заслуженно получили свои медали.

Директор Симбирской классической гимназии Федор Керенский дал блестящую характеристику выпускнику Владимиру Ульянову:

«Весьма талантливый, постоянно усердный и аккуратный, Ульянов во всех классах был первым учеником и при окончании курса награжден золотой медалью, как самый достойнейший по успехам, развитию и поведению. Ни в гимназии, ни вне ее не было замечено за Ульяновым ни одного случая, когда бы он словом или делом вызвал в начальствующих и преподавателях гимназии непохвальное о себе мнение.

За обучением и нравственным развитием Ульянова всегда наблюдали родители, а с 1886 года, после смерти отца, одна мать, сосредоточившая все заботы и попечения свои на воспитании детей. В основе воспитания лежала религия и разумная дисциплина.

Добрые плоды домашнего воспитания были очевидны в отличном поведении Ульянова. Присматриваясь ближе к образу домашней жизни и к характеру Ульянова, я не мог не заметить в нем излишней замкнутости и чуждаемости даже с знакомыми людьми, а вне гимназии и с товарищами, которые были красою школ, и вообще нелюдимости. Мать Ульянова не намерена оставлять сына без себя во все время обучения его в Университете»*.

Что имел в виду Керенский в последнем абзаце? Не исключено, что он хотел обезопасить себя и свою должность на случай, если Володя в университете примкнет к студенческим волнениям. Но вполне может быть, что Керенский просто говорил правду. Володя никогда не был особо общительным, а со времени ареста брата, как заметили его знакомые, стал недружелюбным и выглядел подавленным.

В сложившейся ситуации у Марии Александровны не было времени на раздумья. Она решает продать дом и переехать в Казанскую губернию. Жить в Симбирске стало невозможно, а в Кокушкине был большой дом, находившийся в совместном владении сестер Бланк. В свое время доктор Бланк специально пристроил к особняку еще одно крыло, чтобы дочери могли приезжать сюда вместе со своими семьями. Ульяновы имели право на долю дохода от сдачи земель в аренду местным крестьянам. До 1887 года финансовые дела Марии Александровны в Кокушкине по ее поручению вели сестры, Анна Веретенникова и Любовь Ардашева[4]. Мария срочно сообщила сестрам о случившемся и, получив их согласие, продала дом на улице Московской начальнику городской полиции и уехала в Кокушкино. В Симбирске

* Иванский А. Молодой Ленин. М., 1961, с. 325.

она появится лишь в 1905 году, когда сын Дмитрий будет работать там врачом.

О Саше старались не говорить. Ульяновых с детства учили не показывать своих чувств. Лишь через годы Анна впервые смогла заговорить о брате — и то только с матерью[5]. Дети жили под огромным внутренним напряжением, и это не могло не сказаться на их поведении. Мария вспоминает:

> «Сестра подготовляла меня тогда к экзамену во второй класс гимназии. Лишь недавно перенесшая жестокую травму трагической гибелью боготворимого ею брата, она была очень нервна. Это проявлялось иногда и во время ее занятий со мной, доставляя нам обеим немало мучений. Помню, как Владимир Ильич, слышавший одну из таких вспышек, потемнел лицом и сказал как бы про себя: „Так не делают“»[6].

Сам Володя тоже бывал иногда резок. Однажды маленькая Маняша с гордостью продемонстрировала брату самодельную тетрадку. Володя остался недоволен и заставил девочку переделать работу: «Как? Белую тетрадку — черными нитками?»[7]. Правда, в большинстве случаев отношения Володи и Мани были очень теплыми.

Владимир никак не мог определиться с выбором будущей специальности. Если бы не история с братом, он поехал бы учиться в Петербург. Теперь же никто не дал бы ему официального разрешения на учебу в Петербургском университете. В конце концов он решил поехать в Казань, где когда-то учился покойный отец. Всех удивил выбор специальности. Никто из друзей не мог понять, почему Володя выбрал юриспруденцию. В те годы самые способные выпускники (Александр Ульянов не был исключением) стремились попасть на факультеты естественных наук. Зная о выдающихся успехах Владимира в древнегреческом и латыни, учителя рекомендовали ему поступать на филологический. Но юноша не прислушался к советам. Естественные науки ему, в отличие от Саши, никогда не нравились. Но почему же, несмотря на огромную любовь к литературе, Владимир не стал филологом? Мы можем только догадываться. Может быть потому, что профессия независимого юриста давала более высокий доход и лучшие возможности для карьерного роста, чем должность университетского преподавателя на государственном окладе?

Мария Александровна очень хотела уберечь сына и от политики, и от других жизненных опасностей. Переживая за его здо-

ровье, она убедила юношу бросить курить. Слова о вреде курения не помогали. В отчаянии мать нашла более убедительный аргумент — финансовый: в семье нет независимого источника дохода, и Володя не имеет права переводить деньги на табак. Подействовало: юноша бросил курить и никогда больше не прикасался к папиросам[8]. К тому же, что очень радовало мать, он любил спорт и прогулки. Летом он уходил с ружьем в лес, зимой с удовольствием катался на лыжах, один или вместе с Митей[9].

Внешне жизнь Володи проходила тихо и спокойно. Но если бы покойный Илья Николаевич мог видеть, что читает его сын, он бы ужаснулся. Любимым автором юноши стал Чернышевский. Как вспоминал позже Владимир, Чернышевский его «глубоко перепахал».

Володя был как раз в таком возрасте, когда прочитанное оставляет глубокий след. Еще в гимназии он научился хорошо усваивать прочитанное, а вот убеждений ему как раз и не хватало. В шестнадцать лет отойдя от религии, он был похож на машину с мощным двигателем, но без руля. Юноша должен был решить, в каком направлении двигаться. Но рядом уже не было ни отца, ни старшего брата, ни учителей, и Володя стал искать совета в книгах. Чтобы ничто не мешало в политическом самообразовании, он забросил любимую латинскую классику[10]. В дальнейшем Владимиру не раз придется отказывать себе в удовольствиях. Он полностью сосредоточится на революционном деле, забыв о шахматах, катании на коньках и музыке Бетховена.

Чернышевского он также читал не для удовольствия. Читать Чернышевского не намного приятнее, чем ходить по крапиве. Громоздкие предложения, многословие и высокопарный стиль — кажется, автор ничему не научился у великих русских писателей середины девятнадцатого столетия. Но Владимир Ульянов ценил Чернышевского вовсе не за красоту литературного стиля. А что до чрезмерно сложных предложений с множеством придаточных, то у латинских классиков встречаются конструкции и посложнее. Выпускник Симбирской классической гимназии хорошо умел продираться сквозь словесные дебри.

К автору, так восхитившему недавнего гимназиста, стоит присмотреться подробнее. В 1864 году этот непримиримый противник самодержавия был сослан на каторжные работы в Восточную Сибирь. Только в 1889 году тяжелобольному Чернышевскому позволили вернуться в родной Саратов. Гигантские размеры Российской империи давали властям одно важное преиму-

щество: не было нужды высылать противников режима из страны. Куда безопаснее сослать их в сибирскую глушь, откуда они не смогут баламутить российские умы. Но и ссылка не заставила писателя отказаться от своих убеждений.

Обычно Чернышевского считают сторонником аграрного социализма. В действительности он никогда не идеализировал ни русского крестьянина, ни сельскую жизнь. Чернышевский мечтал о быстром развитии российской культуры, об индустриализации страны, требовал развития демократии на основе всеобщего избирательного права, защищал права женщин, был противником национальной дискриминации нерусских народов России и надеялся на создание бесклассового общества. Российскую монархию писатель считал варварской, паразитической и безнадежно устаревшей.

Чернышевский, хорошо знакомый с трудами французских и немецких социалистов, особо выделял среди них Карла Маркса. Но при этом он был весьма далек от мысли, что Россия всегда будет учиться у Германии, не давая Европе ничего взамен. Он вел переписку с Марксом (правда, нерегулярную). Немецкий мыслитель даже начал учить русский язык, чтобы иметь возможность прочесть труды Чернышевского об аграрных проблемах Российской империи. Для молодых людей, увлеченных, подобно Ульянову, европейской культурой, Чернышевский был воплощением идеала русского интеллигента.

Чернышевский покорил и разум молодого Ульянова, и его сердце. Юноша, потрясенный героической жизнью человека, попавшего за свои убеждения на сибирскую каторгу, раздобыл фотографию писателя и носил ее с собой в бумажнике. Книга, перевернувшая жизнь Владимира, называлась «Что делать?». На страницах литературно невыразительного, лишенного блеска фантазии романа жили люди, беззаветно преданные революционной идее, беспощадные к российскому царизму, неустанно закаляющие свой характер, усердные в учебе. Володе очень хотелось стать похожим на главного героя романа, профессионального революционера и непревзойденного лидера. Правда, далеко не все молодые русские интеллигенты были в таком же восторге от романа. Неуклюжий стиль Чернышевского стал объектом насмешек. Владимир Ульянов защищал своего кумира, как только мог: ведь именно роман «Что делать?» определил направление всей его дальнейшей жизни.

Александр мог бы заслуженно гордиться младшим братом. За какой-то год Володя ознакомился с основными течениями ми-

ровой революционной мысли и стал сторонником революционных идей. Чем больше он узнавал о политической и общественной ситуации в стране, тем меньше ему хотелось подчиняться общепринятым традициям и жить, не высовываясь — ни в университете, ни за его стенами.

Благодаря клятвенным обещаниям матери находиться рядом с сыном и не спускать с него глаз, Володя смог поступить в университет. Денежных трудностей семья не испытывала. Анна, Владимир, Ольга, Дмитрий и Мария Ульяновы часто говорили, что мать оказывала им финансовую поддержку лишь из средств, составленных государственной пенсией покойного отца. В действительности, как свидетельствуют опубликованные данные о доходах семьи, младшие Ульяновы получали гораздо больше. Илья Николаевич завещал жене и детям капитал в две тысячи рублей, хранившийся в Симбирском городском общественном банке[11]. Эти немалые по тем временам деньги составили четвертую часть от суммы, за которую Мария Александровна в 1889 году купила хутор в деревне Алакаевка. Остальные деньги, шесть тысяч рублей, были выручены от продажи симбирского дома[12]. Помимо этого Мария Александровна получала свою долю доходов с имения Кокушкино, сдаваемого в аренду (стоимость земель, доставшихся ей в наследство, составляла первоначально 3000 рублей)[13]. Кроме недвижимости доктор Бланк оставил дочерям банковский счет на определенную сумму. Плюс ко всему наследство, полученное от скончавшегося в 1878 году в возрасте шестидесяти лет Василия Ульянова, старшего брата Ильи Николаевича. Так что проблем с наличностью у семьи Ульяновых не было никогда.

Симбирский окружной суд на основании существовавшего законодательства распределил наследство Ильи Николаевича, упомянутые две тысячи рублей, между супругой и детьми покойного. Только четверть от этой суммы предназначалась Марии Александровне, по одной восьмой — несовершеннолетним дочерям Ольге и Марии, по одной шестой — несовершеннолетним сыновьям Александру, Владимиру и Дмитрию. Потомки мужского пола, как мы видим, при получении наследства имели установленное законом преимущество. Впоследствии Ленина часто критиковали за то, что он, призывая к свержению капитализма, сам жил с комфортом за счет частного капитала. Конечно, критика эта не лишена оснований, но без помощи матери, мастерски умевшей распоряжаться семейными средствами, комфортная жизнь Ленина была бы невозможна.

В конце августа 1887 года, перед началом учебного года, Мария Александровна переехала с детьми в Казань. В поисках подходящей квартиры Ульяновы снимают временное жилье в доме, где на втором этаже проживала овдовевшая сестра Марии Александровны Любовь Ардашева с сыновьями Александром и Владимиром. Жизнь в Казани положила конец одиночеству, от которого так страдала Мария Александровна и в Симбирске, и в Кокушкине, где Ульяновы почти не общались с соседями. Особенно радовались дети сестер, ведь раньше они могли встречаться только летом, на даче в Кокушкине[14].

Но временное жилье было слишком малым для большой семьи, и через месяц Мария Александровна нашла более подходящую квартиру в нижнем этаже дома по улице Ново-Комиссариатской[15]. Митя и Маняша пошли в гимназию, Володя приступил к учебе в Казанском университете. На обед дети приходили домой. Казалось, что матери удалось вернуть семью к нормальной жизни, утраченной в 1886 году.

Казань, однако, оказалась совсем не таким тихим городом, как представляла Мария Александровна. В пятнадцатом столетии казанские земли стали полем битвы между русскими и татарскими войсками. В 1552 году царь Иван IV Грозный захватил Казань, в 1556 — Астрахань. Эти победы, как подчеркивалось во всех учебниках истории, открыли путь российской экспансии на юг и восток континента. В последующие столетия город не терял стратегической важности для Российской империи. Город, расположившийся у изгиба Волги, был крупным торговым центром. Отсюда по железной дороге товары доставлялись в Петербург и Москву.

Казань могла по праву считаться жемчужиной русской архитектуры: мало на какой улице здесь не было православного храма. Строя величественные соборы и церкви, царское правительство стремилось не только прославить триумф российской державы, но и создать противовес нехристианскому фактору. Казань оставалась крупнейшим мусульманским центром России, центром исламской культуры. Мусульмане составляли десятую часть городского населения. В городе выходили газеты и журналы на арабском языке. Татары составляли до 31 процента населения Казанской губернии. Помимо татар, здесь проживали чуваши и башкиры. Значительный процент нерусского, нехристианского населения всегда был причиной головной боли для российских властей. Министерство внутренних дел, опасаясь проявлений сепаратизма, с Казанью особо не церемонилось. Казанские гу-

губернаторы правили жестко, иногда даже жестоко, как будто Казанская губерния была отдаленной колонией, которую приходилось удерживать железной рукой.

Неспокойно было и в стенах Казанского университета, хотя среди студентов практически не было татар. В 1884 году российское правительство приняло новый, более строгий университетский устав, вызвавший студенческие волнения по всей стране. Не стала исключением и Казань. Студенты выступали против ректора, ректор в свою очередь закручивал гайки все туже. Еще в 1885 году было введено обязательное ношение форменной одежды, что облегчало полиции возможность контроля за поведением студентов. Без соответствующего на то разрешения запрещалось создавать любые студенческие организации. По требованию попечителя Казанского учебного округа студенты университета были обязаны, согласно детально разработанным правилам, отдавать честь представителям властей и преподавателям университета, прикладывая руку к козырьку фуражки. Муштра только подливала масла в огонь. Поощрялось доносительство на неблагонадежных студентов. Выдвигалось даже предложение отправлять неблагонадежных в военно-дисциплинарный батальон, — правда, оно было отвергнуто, но сам факт его появления говорил о более чем напряженных отношениях между правительством и студенческой молодежью. Преподавателей, в чьей благонадежности возникали хотя бы малейшие сомнения, немедленно заменяли.

Единственной студенческой организацией, разрешенной Министерством народного просвещения, оставались землячества — объединения студентов по географическому признаку. Членство в землячестве помогало молодым людям преодолевать неизбежное на первых порах чувство оторванности от дома. Не только студенты, но и другие слои населения организовывали землячества — и рабочие, и странствующие торговцы. В многонациональной, поликультурной, поликонфессиональной стране с множеством местных традиций землячества позволяли человеку скорее почувствовать себя как дома в среде, где все — язык или диалект, кухня, религиозные обычаи — было новым и незнакомым. Поступив в университет, Владимир Ульянов сразу же стал членом Симбирско-Самарского землячества*.

Казнь Александра Ульянова и его товарищей не прошла незамеченной. По всем университетам страны прокатилась волна

* Автор ошибается, говоря о дозволенности студенческих землячеств. Ко времени поступления Владимира Ульянова в университет они были запрещены, и новые студенты были обязаны дать подписку о неучастии в землячествах. Дал такую подписку и Ульянов. Обычно студенты подписки «давали, но не исполняли». См.: Иванский А. Молодой Ленин, с. 344.

студенческих протестов. Беспорядки начались в Москве и грозили перекинуться на другие университеты, в том числе и Казанский. Один из студентов-шпионов донес о готовящихся протестах инспектору Н. Г. Потапову, о чем тот сообщил ректору университета Н. А. Кремлеву[16]. Страсти накалились до предела. Студенты даже секретно обсуждали вопрос об организации покушения на Потапова.

В морозный солнечный день 4 декабря 1887 года около полудня огромная толпа студентов собралась в парадном вестибюле Казанского университета. Напрасно инспектор Потапов пытался обуздать толпу: «Куда, господа, куда? Не ходите!». Потапова отшвырнули в сторону[17]. В толпе студентов был и семнадцатилетний Володя Ульянов. Студенты декламировали лозунги, требовавшие смягчения университетского устава, свободы от государственного контроля и немедленной отставки инспектора Потапова.

Ректор Кремлев пытался успокоить собравшихся в актовом зале студентов, пригласив на сходку профессоров. Студенты понимали, что инспектору придется разгонять их при помощи войск, но все же не расходились. Около девяноста из собравшихся тут же, в актовом зале, под влиянием момента решили сдать ректору студенческие билеты, заявив о нежелании продолжать учебу. Студенты прекрасно знали, что вопрос об исключении сдавших билеты предрешен[18].

Полиция города и армейский батальон находились в боевой готовности. Студентов задерживали прямо на улицах. Университет был закрыт до особого распоряжения и открылся вновь лишь в феврале 1888 года. Городские власти вели консультации с Петербургом.

Дома, на Ново-Комиссариатской, Володю ждала встревоженная мать и еще более встревоженная няня Варвара Сарбатова[19]. Как могла Мария Александровна помочь сыну, остановить его от сползания в пропасть? «Прекрасная семья» Ильи Николаевича, как назвал Ульяновых автор некролога, больше не могла быть примером для приличного общества. Блестящим возможностям, когда-то открывавшимся перед молодыми Ульяновыми, не суждено было реализоваться. В ночь с 4 на 5 декабря вместе с другими участниками студенческой сходки полиция арестовала Владимира Ульянова. Арестованные, подлежавшие высылке из Казани, должны были назвать желаемое место жительства. Мария Александровна принимает решение, казавшееся ей очевидным: направить на имя министра внутренних дел проше-

ние о разрешении на возвращение с семьей в имение Кокушкино.

6 декабря 1887 года было оглашено постановление ректора об исключении из университета тридцати девяти студентов. Среди них было лишь трое первокурсников, один из них — Ульянов[20]. Ранее выданное ему разрешение о проживании в Казани было отменено. 7 декабря Володя отправился в свою первую «ссылку» — в Кокушкино.

Мать понемногу теряла контроль над сыном. Он по-прежнему зависел от нее материально, но она, как правило, не отказывала детям в финансовой поддержке. Была и еще одна возможность воздействия на Владимира. Дело в том, что ему сделали уступку и позволили остаться в Кокушкине только благодаря настойчивым заверениям матери, что она будет проживать вместе с сыном и станет гарантом его благонадежного поведения. Но и этот рычаг, увы, не действовал. Мать хотела быть рядом с сыном, сын — избавиться от материнской опеки. Удивительно поведение матери в этой ситуации. Володя явно подводил ее, она же не показывала никаких эмоций и даже не пыталась в чем-то упрекнуть его. Трудно понять, почему Мария Александровна была такой терпеливой, почему она прощала сыну его выходки. Может быть, она просто не умела управлять поведением своих детей, так как в ее семье, как и в других русских семьях, за дисциплину отвечал муж и отец? Столь же верным может оказаться и другое предположение: Мария Александровна пришла к разумному выводу, что запреты не помогут, как не помогли они Александру и не заставили его сойти с пути саморазрушения.

Матери приходилось смиряться. Высылка Володи разрушила размеренную семейную жизнь. Митя, ученик Казанской классической гимназии, был вынужден остаться в Казани и на протяжении учебного года жить в гимназическом общежитии. Анну, в то время проживавшую в Кокушкине под гласным полицейским надзором, в случае высылки брата за пределы Казанской губернии наверняка не оставили бы в покое.

Итак, 4 декабря 1887 года домой со студенческой сходки пришел юноша, окончательно выбравший свой жизненный путь. В Казани Володя познакомился с местными революционерами. Город был местом ссылки под полицейский надзор, и брат казненного революционера без особых трудностей нашел единомышленников и вошел в их круг.

Во главе нелегального кружка, членом которого стал Володя, стоял Лазарь Богораз, сторонник аграрного социализма тер-

рористического толка. Сейчас сложно сказать, в чем конкретно выражались убеждения Богораза. Ясно лишь, что он хотел положить конец монархии, был сторонником социальных и экономических преобразований в государстве и, скорее всего, как в свое время Александр Ульянов, стремился сгладить противоречия в среде нелегального революционного движения. Владимир только начинал свой путь в революцию. Естественно, он выбрал своими учителями людей, по убеждениям близких к брату Саше. Эти люди, беззаветно преданные идее революции, сохраняли контакты с революционными кругами Петербурга и других городов России.

Можно не сомневаться, что Володя попал бы под глубокое влияние казанских революционеров, если бы не стал участником студенческого бунта. Исключение из университета и высылка в Кокушкино спасли юношу от намного более серьезного наказания[21].

Мать оставалась рядом с детьми несмотря ни на что, но ее сердце очень тревожилось. Анна Ильинична писала подруге: «Очень беспокоит нас теперь судьба Володи, — отпустить его куда-нибудь маме будет, конечно, тяжело, а в деревне не удержать»[22]. Мать и старшая сестра решили: во что бы то ни стало Владимир должен получить образование, окончить университет. Для этого необходимо было получить официальное разрешение на продолжение учебы. Володя сказал, что хотел бы поехать учиться за границу, благо финансовое положение семьи позволяло. Но Мария Александровна не хотела даже слышать о том, чтобы отпустить сына одного в далекую дорогу. 9 мая 1888 года Владимир послал на имя министра народного просвещения прошение о разрешении вернуться в Казанский университет для продолжения учебы[23]. Одновременно мать посылает прошение о том же на имя директора департамента полиции. Оба прошения были отклонены. В сентябре Володя просит разрешения выехать на учебу за границу и вновь получает отказ[24]. Департамент полиции характеризовал Владимира как принимавшего «деятельное участие в организации революционных кружков среди казанской учащейся молодежи»[25]. Министерство внутренних дел предпочитало держать врагов режима подальше не только от Петербурга и Москвы, но и от заграницы.

И тем не менее нельзя не признать, что царские власти обходились с Ульяновым относительно мягко. В царской России не было ничего похожего на жестокий полицейский террор, развязанный Лениным в конце 1917 года. В сентябре 1888 года се-

ые разрешили вернуться в Казань. Горький опыт ничему не научил Володю. Чего стоит его дерзкий поступок — письмо ссыльному писателю Николаю Чернышевскому в Саратов[26]*. Вернувшись в Казань, он вновь пытается установить контакты с местными революционерами, и вскоре становится членом нелегального кружка, во главе которого стоял Н. Е. Федосеев[27].

По убеждениям Федосеев был близок к марксистам, хотя невозможно поставить знак равенства между казанским кружком и плехановской группой «Освобождение труда», действовавшей в Швейцарии. Во всяком случае, в противоположность Плеханову, Федосеева совсем не радовала перспектива исчезновения российского крестьянства в руках агрессивного капитализма. Он верил, что класс мелких фермеров, носитель особых нравственных ценностей, имеет шанс на выживание, — и это убеждение роднило Федосеева с социалистами-народниками[28]. В кружке активно обсуждали основные тенденции экономической, политической и социальной жизни страны. Федосеев, что особенно подкупало Володю, был блестящим интеллектуалом.

В те дни Володя очень много читал. В университет его не взяли, так что свободного времени было хоть отбавляй. К богатой библиотеке, оставшейся после Александра, добавлялись все новые и новые книги, вызывавшие бурные дискуссии среди европейских интеллектуалов восьмидесятых годов девятнадцатого столетия — труды Рикардо, Дарвина, Бокля, Маркса и Энгельса**. «Капитал» Карла Маркса Володя изучал особенно тщательно.

Талантливому юноше явно не хватало знаний, полученных сначала в гимназии, а затем на первом курсе университета, и он целенаправленно наверстывал упущенное. При этом оставалось время и на другие увлечения. Володя серьезно увлекался шахматами. В Казани он ходил в шахматный клуб вместе с двоюродным братом Александром Ардашевым. Позже он играл в шахматы по переписке с присяжным поверенным Андреем Хардиным из Самары[29]. Хардин был очень сильным игроком и успешно состязался даже с признанным мастером шахматной игры М. И. Чигориным, победителем международных турниров, осно-

---

* Владимир Ульянов находился под негласным полицейским надзором, его переписка контролировалась. Правда, он так и не дождался ответа от своего кумира.

** *Давид Рикардо* (1772–1823), английский экономист, один из крупнейших представителей классической политэкономии. *Чарлз Дарвин* (1809–1882), английский естествоиспытатель, создатель дарвинизма. В книге «Происхождение человека и половой отбор» (1871) обосновал гипотезу происхождения человека от обезьяноподобного предка. *Генри Томас Бокль* (1821–1862), английский историк и социолог. *Карл Маркс* (1818–1883) и *Фридрих Энгельс* (1820–1895), немецкие мыслители и общественные деятели, основоположники марксизма.

вателем российской шахматной школы[30]. Кроме шахмат, Володя ходил в казанскую оперу вместе с Митей и Ольгой.

Несмотря на очевидные преимущества жизни в крупном городе, Мария Александровна решает уехать из Казани. Она надеется, что ей удастся вывести сына из-под влияния приятелей-революционеров, увезя его подальше от политики. Помощь пришла в лице Марка Елизарова, друга, а затем жениха Анны, соученика и приятеля Саши по Петербургскому университету. Мария Александровна попросила Елизарова подыскать для семьи небольшое поместье. Подходящий хутор нашелся не рядом с Кокушкиным, а в родной для Марка Самарской губернии, где у его брата, крестьянина, было богатое фермерское хозяйство на участке в 120 акров[31]*. Хутор принадлежал богатому сибирскому золотопромышленнику Константину Сибирякову. В свое время Сибиряков купил множество земельных участков в Самарской губернии. Человек левых убеждений, симпатизировавший народникам, он пытался внедрять передовые сельскохозяйственные технологии на своих самарских землях[32]. Однако в восьмидесятые годы цены на сельскохозяйственную продукцию упали, Серебряков понес значительные убытки и решил распродать самарские земли. Предпочтения отдавались покупателям, чьи убеждения напоминали его собственные: модернизировать хозяйство, не снижая при этом уровня жизни местных крестьян. Для таких покупателей Серебряков устанавливал довольно низкие цены. Среди новых хозяев самарских угодий были социалисты-народники (среди них — Александр Преображенский**), а также толстовцы, последователи христианского учения Льва Толстого. Все они без исключения, вне зависимости от политических убеждений, возмущались безразличием царских властей к тяжелой жизни российского крестьянства. Сибиряков согласился уступить Ульяновым хутор в деревне Алакаевка. Елизаров договорился с хозяином о цене, деньги были уплачены, и хутор перешел к Ульяновым[33].

Тем временем Владимир не собирался порывать с политикой. Он продолжал ходить в кружок Федосеева, а также разыскал проживавшую в Казани М. П. Четвергову, участницу террористической «Народной воли». Володя жадно поглощал любую информацию о попытках российских революционеров избавиться от императорской династии Романовых. Чернышевский был не

---

* 1 акр — 0,405 гектара.

** *А. Преображенский* — один из основателей народнической земледельческой «колонии».

единственным героем Володи. Не меньшее восхищение вызывали у него террористы-народники Степан Халтурин и Ипполит Мышкин[34], а также французский писатель Эмиль Золя, прославившийся в 1898 году как автор ряда статей в поддержку офицера французской армии, еврея Альфреда Дрейфуса*. Фотография Золя лежала в Володином бумажнике рядом с портретом Чернышевского.

Молодой Ульянов умел ненавидеть не менее сильно, чем любить. После казни брата он навсегда возненавидел царскую династию Романовых. Презрение к семье государственного преступника, с которым Ульяновым пришлось столкнуться в Симбирске, заставило юношу потерять уважение к среднему и высшему классам российского общества — аристократам, помещикам, купцам. Ульянова часто представляют холодным и расчетливым, но это лишь часть правды. Он был эмоциональным молодым человеком, горячо переживавшим любовь и ненависть.

Россия была для Владимира не просто страной, отставшей в проведении социальных реформ, но бастионом на пути европейского прогресса. В революциях 1848 года российские войска действовали на стороне старых монархических режимов. Пускай революционным убеждениям Владимира еще предстояло окончательно сформироваться, его путь в революцию уже был предопределен.

* В 1894 году *Альфред Дрейфус*, офицер французского Генштаба, был обвинен в шпионаже в пользу Германии. Несмотря на отсутствие доказательств, суд приговорил Дрейфуса к пожизненной каторге. Под давлением общественности Дрейфус в 1899 году был помилован, в 1906 году реабилитирован.

5

Путь в революцию

1889–1893

3 мая 1889 года на пристани, что в четырех милях от Казани, Ульяновы простились со своей казанской родней, Веретенниковыми и Ардашевыми, сели на пароход и отправились в Самару. Целых два дня шел пароход вниз по извилистой Волге, огибая отмели и острова. Путешествие по Волге понравилось бы семье намного больше, если бы их путь не лежал через Симбирск. Горечь утраты родных была еще слишком свежа. Два часа стоял пароход у симбирской пристани. Одни пассажиры сходили на берег, другие — поднимались на борт, а Ульяновы — вспоминали. Забыть Симбирск было невозможно. Точно так же многие в России никогда не смогли бы забыть, что в этой семье вырос государственный преступник, участник покушения на императора. Пройдет время, и еще один сын из этой семьи обретет недобрую славу бунтаря.

В Самаре Ульяновы погрузили свой скарб на извозчиков и поехали в новое имение, расположенное в тридцати пяти милях к востоку от города. Мария Александровна купила хутор в Алакаевке не глядя, доверившись рекомендациям Марка Елизарова — и не пожалела о покупке. В Алакаевке Ульяновых ждал просторный деревянный дом и участок земли. Места здесь были сказочно красивыми, совсем рядом с домом — холмы, леса и пруд с таким огромным количеством рыбы, что даже самый неопытный рыбак не ушел бы без улова[1]. Писатель Глеб Успенский увековечил здешние места в своей прозе*. Русские читатели, в

* В частности, в рассказе «Три деревни».

том числе и Владимир Ульянов, высоко ценили творчество Успенского. В конце 1870-х годов Успенский жил в одном из сибиряковских имений, а его жена преподавала в школе, построенной за средства Сибирякова. Магнат-золотопромышленник ценил творчество Успенского и помогал деньгами автору прекрасных рассказов о самарской природе и сельских жителях[2]. Успенский писал о трудной жизни русских крестьян, об их бесконечной борьбе с долгами, нехваткой земли и полицией. Но Успенский, в отличие от многих своих коллег по перу, никогда не идеализировал русскую деревню, раздиравшуюся постоянными конфликтами из-за земли и денег, осуждал склонность крестьян к пьянству, жестокости и нетерпимости[3]. За критику крестьянства Успенского недолюбливали многие социалисты-народники. Владимир Ульянов был не из таких. В последующие годы он, как и другие марксисты, прославился гневными выпадами против крестьян, их жизни и традиций. Обычно корни этой критики ищут в трудах Маркса и Энгельса, но не следует забывать и о прозе Глеба Успенского.

Мария Александровна надеялась, что Владимир займется хозяйством. Его двоюродные братья, Александр и Владимир Ардашевы, вели хозяйство в Кокушкине. Мать очень хотела убедить сына стать управляющим в новом имении[4], и Владимир в конце концов согласился попробовать себя в новой для него роли.

Тем временем остальные члены семьи работали и учились. Анна продолжала учебу дома — она хотела стать учительницей — и помогала матери вести домашнее хозяйство. Ольга целыми сутками сидела за книгами, надеясь поступить на медицинский факультет университета в Гельсингфорсе (Хельсинки) — единственного в России университета, куда принимали женщин[5]. Митя и Маняша учились в самарских гимназиях. Митя решил, что по окончании гимназии пойдет учиться на врача. Мать не могла нарадоваться, глядя на трудолюбие детей. Ей очень хотелось уберечь их от политики. Особенно тревожилась она за будущее Анны и Володи.

Помещик из Владимира не вышел. Он оказался никудышным хозяином. Как и повсюду в Поволжье, а особенно в Самарской губернии, алакаевские крестьяне были удручающе бедны. После освобождения крестьян от крепостной зависимости местные помещики удерживали за собой основную часть пахотных земель и не желали нести ни малейшей ответственности за своих бывших рабов. Крестьяне не могли прокормиться со своих крошечных наделов.

Традиционное отношение крестьян к своим хозяевам отражалось в принципе: «Мы — ваши, а земля — Господня». Лишь те, кто работает на земле, должны получать прибыль с нее, — так думали крестьяне. Помещичье земледелие казалось им несправедливым, неестественным. Даже к Константину Сибирякову, крестьянскому благодетелю, относились немногим лучше. Новые хозяева сибиряковских поместий вначале мечтали превратить свои хозяйства в социалистические коммуны. Не вышло. Крестьяне не желали доверять землевладельцам и сотрудничать с ними[6]. В течение нескольких лет практически все новые хозяева продали свои участки. Все — за единственным исключением.

Александр Преображенский до самого последнего дня своей жизни не смог отказаться от мечты о построении социализма в русской деревне. Преображенский познакомился с Ульяновыми и подружился с Владимиром, но дальше приятельских отношений эта дружба не пошла: слишком разными были убеждения Ульянова и Преображенского. Уже в те дни Ульянов был убежден, что нельзя построить социализм в России на базе крестьянства. Преображенский был для Ульянова безнадежным романтиком, хотя и хорошим другом[7].

Володя согласился заняться сельским хозяйством, лишь уступив настойчивым требованиям матери. Ему скорее хотелось бы заняться преподаванием. Он даже напечатал в «Самарской газете» объявление о поиске учеников[8]. Но и работа учителя не занимала много места в его жизни. Тем более не интересовало его сельское хозяйство. Владимир практически ничего не знал о том, как надо пахать, сеять, бороться с сорняками и собирать урожай, — да и не пытался научиться этому. По-настоящему его интересовала лишь революционная деятельность.

От затеи с хуторским хозяйством пришлось отказаться. Тем более, что крестьяне пользовались неопытностью бывших горожан. Имущество Ульяновых стало пропадать. Вначале исчезла лошадь, затем — корова. Когда пропала вторая корова, мать сдалась. Алакаевские земли сдали в аренду, оставив за собой лишь дом[9]. В конце концов мать продала Алакаевку одному из местных зажиточных крестьян, некоему Данилину. Возможно, это спасло Ульяновым жизнь: во время революции 1905–1906 годов алакаевские крестьяне подняли бунт и убили Данилина. Крестьянина-богатея, «кулака», деревня ненавидела так же сильно, как до него — помещиков[10]. Останься Владимир хозяйствовать на хуторе, он мог бы разделить судьбу Данилина.

В советские времена бытовало широко распространенное убеждение в том, что идеи Ленина основаны на его опыте непосредственного и тесного контакта с крестьянами Самарской губернии. В действительности же ничего подобного не было. Володя не был знаком ни с одной из алакаевских крестьянских семей и абсолютно не переживал по этому поводу. Алакаевка была для него просто дачей, где он провел пять летних сезонов подряд — учился, читал, гулял, охотился, но не собирался оставаться навсегда и стремился как можно скорее, как только будет получено разрешение от департамента полиции, покинуть «тихую гавань» алакаевского захолустья[11]. Матери Володя больше не слушался. В ответ на выходки сына она лишь тихо вздыхала: «Ах, Володя, Володя! Разве можно так себя вести?»[12]. Приказы больше не действовали. Теперь мать могла воздействовать на сына только убеждением, а иногда и хитростью.

Владимир наслаждался беззаботной жизнью на хуторе. Он любил побродить по окрестным холмам, половить рыбу в пруду, вместе с Олей почитать рассказы Глеба Успенского о самарских деревнях. Брат и сестра с удовольствием проводили время вместе до самого отъезда Ольги на учебу в Петербург осенью 1890 года[13]*. Но больше всего Володя любил уединяться с книгой. Его ужасно раздражало, когда кто-то мешал ему читать. Однажды, когда семья ждала в гости людей, с которыми Владимир до этого не был знаком, он заперся в своей комнате и углубился в чтение[14]. Исключение делалось разве что для маленькой Маняши. Владимир помогал сестричке делать домашние задания[15]. Он был строгим и требовательным учителем: на следующий день он всегда проверял, запомнила ли сестра то, что он ей говорил вчера, или же просто записала под его диктовку и забыла. Владимир явно подражал отцу, строгому наставнику. Но и к себе самому он был не менее требователен, чем когда-то Илья Николаевич — к своим детям.

Впрочем, не педагогика, а марксизм интересовал теперь Володю. Он даже взялся переводить на русский язык «Манифест Коммунистической партии»[16]. В это же время он учится читать на английском языке. На многие годы чтение на незнакомых языках станет для него чем-то вроде любимого развлечения: он мог битый час подряд изучать словари.

Революционная молодежь думала о том, каким образом должны быть проведены революционные преобразования, что имен-

* Ольга поступила на физико-математическое отделение Высших (Бестужевских) женских курсов.

но следует изменить в российской жизни. Чтобы разобраться в этом вопросе, книг Маркса, Энгельса и других зарубежных авторов было недостаточно. Ульянов понимал, что необходимо глубоко изучать российскую экономику и таящиеся в ней возможности политических и социальных преобразований. Любой девятнадцатилетний юноша, не столь начитанный, как Володя, обязательно познакомился бы с алакаевскими крестьянами. Но Ульянова, похоже, книги интересовали гораздо больше, чем люди. В июне 1889 года в ответ на прошение о разрешении продолжить учебу за границей он получил очередной отказ. Через месяц стало известно, что полиции удалось выследить и арестовать Федосеева и других членов казанского революционного кружка. Ульянов мог благодарить судьбу за то, что в это время его уже не было в Казани.

К концу лета Мария Александровна окончательно смирилась с тем, что ее сын никогда не станет настоящим хозяином на своей земле. 5 сентября 1889 года семья переезжает из Алакаевки в Самару и снимает квартиру на Воскресенской улице. Володя был счастлив. Он сразу же нашел городскую библиотеку и познакомился с местной революционной молодежью. У местных революционеров были излюбленные места встреч — в кафе, книжных лавках и библиотеках. Талантливый энергичный юноша быстро стал своим среди юных бунтарей. Особенно близко он сошелся с Алексеем Скляренко, возглавлявшим один из наиболее серьезных дискуссионных кружков. Собирались в двухкомнатной квартире у Скляренко: Володя проживал вместе с матерью и не мог предоставлять свою квартиру для нелегальных сходок. Скляренко и Ульянов задавали тон в кружке. Бывшие гимназисты требовали от своих товарищей серьезного, систематического самообразования. Ульянов читал на собраниях подготовленные им доклады по экономической истории России[17]. Скляренко требовал, чтобы члены его кружка не брались за изучение социалистических теорий, не изучив прежде культуру, экономику и историю[18]. На заседания кружка из разных регионов России приглашали социалистов всевозможных направлений. В декабре 1889 года кружок посетил М. В. Сабунаев, один из наиболее активных в то время народников, перед этим гостивший у группы Богораза в Казани[19].

Юные революционеры хотели изменить мир в пользу простых людей, но при этом даже не пытались лично познакомиться с этими самыми людьми — рабочими и крестьянами. Кружковцы прилежно изучали науки, которые невозможно было найти в про-

граммах гимназий и университетов. Сам Скляренко был знаком с жизнью крестьянства в силу своей профессии — ему, государственному служащему, приходилось по делам выезжать в сельскую местность*. Но, в общем и целом, члены кружка предпочитали доверять официальным статистическим данным о состоянии российской экономики. Ульянова интересовала исключительно теория[20]. Молодые люди искали ответа на насущные вопросы в книгах, а не в общении с людьми. Члены группы проводили время в совместном самообразовании. Скляренко поражал Ульянова умением беспощадно обличать царское правительство — на словах. Основным видом действия группы было бездействие, деятельность же заключалась в основном в расклейке листовок по ночам.

Каковы были убеждения кружковцев? Сам Скляренко стоял на позиции аграрного социализма и с явным уважением относился к народникам-террористам. В кружке Скляренко Ульянов познакомился с Сабунаевым, апологетом терроризма. Позже, в 1891 году, Ульянов встретился еще с одной сторонницей терроризма — Марией Голубевой, сосланной в Самару осенью этого года. Познакомил их Николай Долгов (также симпатизировавший террористам), сообщив Голубевой адрес семьи казненного Александра Ульянова. Долгов, ветеран революционного движения, произвел на Ульянова впечатление своим демократизмом «во всем: и в одежде, и в обращении, и в разговорах — ну, словом, во всем». Голубева безрезультатно пыталась увлечь Володю народническими идеями. Основное расхождение между ними было не в идее захвата власти (тут они как раз сходились), а в убежденности Голубевой в революционном потенциале «народа». К тому времени Ульянов уже отрицал возможность совершения революции без классовой борьбы. Лишь рабочий класс, по его мнению, был способен построить социалистическое общество[21].

Володя по-прежнему общался со сторонниками и бывшими членами «Народной Воли». Один из них, Аполлон Шухт, даже стал его другом. Шухт поселился в Самаре, отбыв срок в сибирской ссылке. В 1893 году Владимир стал крестным отцом Аси, дочери Шухта[22]. Строя планы кровавой революции, в которой должны были погибнуть старые российские традиции, сам Ульянов, во всяком случае внешне, эти традиции соблюдал.

Несмотря на тесную дружбу с бывшим народовольцем, Володя искал другие пути к построению социализма в России.

* Скляренко работал секретарем у судьи.

Ненависть к царизму — вот что объединяло их. В то время Ульянов прочитал рассказ Чехова «Палата № 6» и был одновременно восхищен талантом автора и потрясен историей психически здорового человека, запертого в сумасшедшем доме: «Когда я дочитал вчера вечером этот рассказ, мне стало прямо-таки жутко, я не мог оставаться в своей комнате, я встал и вышел. У меня было такое ощущение, точно и я заперт в палате № 6»[23].

И Ульянов, и Скляренко изучали труды, посвященные проблемам российской экономики. Скляренко особенно интересовало значение мелкого ремесленного производства для роста российской экономики. Молодые люди проводили время в постоянных дискуссиях на экономические темы. Скляренко не желал присмотреться к особенностям развития капитализма в России и тем более отвергал «историческую необходимость» в исчезновении крестьянства как класса. Как и многие революционеры того времени, Скляренко был убежден, что и после свержения монархии в стране сохранится значительный социальный класс мелких землевладельцев. Уже известный нам Александр Преображенский, сторонник социализации крестьянства, продолжал сельскохозяйственные эксперименты в поселении под Алакаевкой[24]. Для Ульянова такой подход был неприемлем. Он был твердо убежден в том, что развитие капитализма в России пойдет по британскому пути, описанному в трудах Маркса и Энгельса, по пути, предсказанному Плехановым. Железные законы экономики не оставляют места для сантиментов. Россия вступила на путь капитализма и не может не соответствовать требованиям рыночной экономики. Крестьянство обречено распасться на две противостоящих друг другу части: сельский средний класс («буржуазию») и сельский рабочий класс («пролетариат»).

Долгими зимними вечерами Володя сидел над трудами марксистов. Он прочел «Капитал» и «Нищета философии» Маркса, «Анти-Дюринг» и «Положение рабочего класса в Англии» Энгельса, труды Плеханова и еще более убедился в том, что интуиция его не подводит: будущее России — за промышленностью, урбанизацией и крупномасштабной социальной организацией. Моральные вопросы, по мнению Владимира, здесь неуместны. Он уже усвоил взгляд Маркса на философию истории: традиции общества всегда ограничиваются правящим классом в его собственных интересах, а это значит, что и мораль — порождение классовой борьбы. Любые политические, социальные и культурные ценности имеют лишь «относительную» значимость. «Абсолютного добра» не существует. Есть только одна путеводная звез-

ка: ускорение и повышение эффективности движения общества через все положенные стадии к построению коммунистического общества[25], и это — критерий правильности выбранного пути.

Остальные кружковцы, ни Алексей Скляренко, ни Исаак Лалаянц, с таким подходом согласиться не могли. Они стали революционными активистами в значительной степени потому, что хотели «служить народу». Не будучи ни рабочими, ни крестьянами, они были твердо уверены в том, что русский интеллигент обязан делать все возможное для улучшения положения угнетенных слоев общества. В этом они ничем не отличались от прочих русских интеллигентов, терзавшихся угрызениями совести. Новый товарищ казался им человеком, отрицавшим совесть, сострадание и благотворительность.

Лишь позже соратники Ульянова стали придавать значение его жесткости. А в то время они были лишь огорчены, и не более того. Владимир впервые стал постоянным членом неформальной группы своих ровесников и старался ничем не отличаться от них. Товарищи гордились тем, что среди них есть блестящий интеллектуал, всегда сопровождающий свои доклады на заседаниях кружка скрупулезно составленными графиками и таблицами. На месте Володи другой начал бы зазнаваться и демонстрировать свое интеллектуальное превосходство, но Ульянов был не из таких.

Кружковцы любили путешествовать вместе по самарским пригородам. За городом можно было свободно говорить и спорить, не опасаясь полиции, и с радостью ощущать, что время — на их стороне. Какие бы разногласия ни разделяли молодых людей, все они были убеждены в одном: прогнившая монархия должна быть уничтожена. Скляренко так страстно ненавидел все, связанное с российской властью, что во время допроса в самарской тюрьме запустил чернильницей в полицейского.

Иногда молодые люди отправлялись в путешествие на парусной лодке. Их путь лежал вниз по Волге до реки Усы, а затем назад, вверх по Волге. Споры Ульянова и Скляренко не прекращались даже в путешествиях. Володя любил эти поездки, не лишенные опасности из-за непредсказуемых ветров и течений. Ему все труднее было оставаться в Самаре, под пристальным материнским надзором, и эти три-четыре дня он наслаждался свободой и активным отдыхом.

В то время Володя не доставлял властям никаких неприятностей (разумеется, если не считать нелегальных сходок). Это был не просто «кодекс джентльмена», хорошо воспитанного человека: Ульянов не хотел подвергать себя неоправданному риску.

Но в сердце его горело пламя. Владимир всей душой ненавидел российское беззаконие и коррупцию даже в их малейших проявлениях и ни в коем случае не собирался безропотно сносить несправедливость, особенно когда сам соприкасался с ней. Существовавшую социальную иерархию Ульянов терпел — до поры до времени. Грядущая революция должна была установить принципиально новый общественный порядок, а пока что Володя не собирался отказываться от преимущества своего социального положения.

Быть дворянином, как оказалось, не так уж плохо. Переехав в Самару, семья поручила управление своим имением некоему Крушвицу. В обязанности управляющего входил сбор арендной платы за землю с крестьян-арендаторов. Владимира это не смущало. Он жил в стране с капиталистической экономикой и, в согласии с законами капитализма, вполне нормально относился к улучшению своего материального положения за счет прибыли от сдачи имения в аренду.

Однако любое нарушение его собственных законных прав так выводило его из себя, что это удивляло даже тех, кто хорошо его знал. Однажды Владимир вместе с Марком Елизаровым, мужем Анны, был в Сызрани. Чтобы переправиться через Волгу, они наняли лодочника. Но все дело было в том, что в Сызрани неофициальную монополию на переправу держал купец Арефьев, владелец пароходика-парома. На середине реки паром догнал лодку, и пассажиров заставили подняться на борт. «Никакого значения не имеет то обстоятельство, что Арефьев арендовал переправу через реку. Это его дело, а не наше. И это ни в коем случае не дает права ни ему, ни вам бесчинствовать на Волге и силой задерживать людей», — заявил Владимир капитану парома[26]. Он с дотошной тщательностью записал фамилии капитана и членов экипажа. Арефьев торжествовал рано: Володя, по словам брата Дмитрия, не собирался отказываться от борьбы из-за «инертности и „русской лени“». Вернувшись в Самару, Ульянов подал на Арефьева жалобу, обвиняя его в самоуправстве. Сызрань находится в шестидесяти милях от Самары, и Арефьев, пользуясь своим положением, всячески затягивал дело в надежде, что Ульянову в конце концов надоест ездить на заседания суда. Два слушания дела прошли безрезультатно.

Мария Александровна пыталась уговорить сына бросить эту затею. «Брось ты этого купца, они опять отложат дело, и ты напрасно проездишь, только мучить себя будешь. Кроме того, они там злы на тебя!» — говорила она. Но Володя не собирался сда-

ться. Утренним поездом он уехал в Сызрань на третье слушание дела — и на этот раз не зря. Ко всеобщему удивлению, купец Арефьев был приговорен к тюремному заключению сроком на месяц[27].

В этом деле Владимиру помог не только его упорный характер, но и отличное знание российских законов. Как только семья переехала в Самару, он попытался возобновить учебу в университете. Для этого он отправил прошение на имя министра народного просвещения: «В течение двух лет, прошедших по окончании мною курса гимназии, я имел возможность убедиться в огромной трудности, если не в невозможности, найти занятие человеку, не имеющему специального образования». Отчаявшись получить разрешение на поступление в университет обычным порядком, он попросил разрешения сдать экстерном экзамены за курс юриспруденции[28].

К прошениям Владимира добавились прошения матери, и, наконец, разрешение было получено. 12 июня 1890 года Володя начал оформлять документы в Санкт-Петербургский университет[29]. К самостоятельной учебе ему было не привыкать, к тому же деньги на необходимые книги и учебники в семье имелись, так что особых проблем с заочной учебой не предвиделось. До тех пор, пока Володе не разрешалось ездить в Петербург, Ольга и другие члены семьи привозили ему оттуда книги по его просьбе. Список литературы, необходимой для освоения университетского курса, составил двоюродный брат Владимир Ардашев[30]. Большинство революционных деятелей той поры, в отличие от Ульянова, не могло похвастаться такими же прочными и теплыми семейными связями.

Наконец-то дети Марии Александровны после горя и потрясений последних лет начали становиться на ноги. Ольге пришлось отказаться от мечты о Гельсингфорсском университете: кроме шведского языка, который она выучила, требовался и финский[31]. В 1890 году Ольга поступила на Высшие женские курсы в Санкт-Петербурге. Она решила стать педагогом. В столице уже учились ее двоюродные братья из семей Веретенниковых, Ардашевых и Залежских, и Ольга довольно часто встречалась с ними[32]. Революционными кружками она не интересовалась. Правда, ее подруги Аполлинария Якубова и Зинаида Невзорова вскоре стали активистками марксистского кружка[33]. Митя и Маняша, к радости матери, успешно учились в гимназии. Анна в июле 1889 года вышла замуж за Марка Елизарова, Володя был одним из официальных свидетелей на свадьбе сестры[34].

Владимир старательно готовился к экзаменам. Он обладал фе номенальной способностью к запоминанию материала и уже весне 1891 года был готов к первой экзаменационной сессии. Петербурге Володя снял комнату в доме на берегу Невы. Тепер Владимир и Ольга могли часто видеться. Ольга, хоть и была млад ше Володи, очень заботилась о нем. «Мне кажется, дорогая ма мо́чка, — писала она домой 8 апреля 1891 года, — что ты на прасно беспокоишься, что он надорвет здоровье. Во-первых Володя — олицетворенное благоразумие, а во-вторых, экзаме ны оказываются очень легкими. Он уже сдал два предмета и из обоих получил по 5. В субботу (экзамен у него был в пятницу) он отдыхал: утром ходил на Невский, а после обеда пришел ко мне, и мы ходили с ним по набережной Невы — смотрели ледо ход; затем он отправился к Песковским.

Ночей не спать он не будет, так как это совершенно лишнее все равно голова не может работать в течение 24 часов, так что отдых необходим. Обедать он ходит каждый день, — следователь но, прогуливается»[35].

Мать и сестры очень любили Володю. От него многого ожи дали и старались дать ему еще больше. Нет, его не баловали в обычном смысле этого слова, задаривая без меры или же позво ляя вести себя неподобающим образом. Но он, хоть и не был един ственным ребенком в семье, был окружен особой заботой, теп лотой и поддержкой матери и сестер Анны, Ольги, а позже — Марии: ведь на него возлагались особые надежды. Владимир научился извлекать выгоду из своего особого положения в се мье, что повлияло и на его будущую политическую жизнь. Он привык к тому, что все обязаны исполнять его желания. Хотя он выглядел «прирожденным лидером», но с трудом понимал, какие проблемы иногда доставлял людям. Любое препятствие вызывало у него гнев: Владимир терпеть не мог, когда что-ни будь или кто-нибудь стоял у него на пути. Будучи уже практи чески взрослым, он стал похож на мальчика, избалованного че тырьмя женщинами.

Вскоре одной из этих четырех женщин — Ольги — не стало. Ольгу не удовлетворяла учеба в Петербурге, и она планировала осуществить наконец свою мечту — уехать за границу изучать ме дицину[36]. Но в конце апреля 1891 года Ольга заболела. Ее положили в петербургскую Александровскую больницу. Владимир послал ма тери телеграмму: «У Оли брюшной тиф, лежит в больнице, уход хороший, доктор надеется на благополучный исход». Тогда Вла димир еще не видел необходимости вызывать мать из Самары в

Петербург, но вскоре Ольге стало хуже. Тиф осложнился рожистым воспалением кожи. В начале мая в Самару пришла еще одна телеграмма: «Оле хуже. Не лучше ли маме ехать завтра?»[37]. Мария Александровна немедленно купила билет на поезд до Москвы, а оттуда — до Петербурга. Увы, она приехала слишком поздно. 8 мая 1981 года — по чудовищному совпадению, в тот же день, когда в 1887 году был казнен Саша — Ольга умерла. Ей было всего девятнадцать лет. Ольгу похоронили на лютеранском Волковом кладбище на южной окраине Петербурга. После похорон мать поспешила в Самару: дома ждали младшие дети.

Похоронив дочь на лютеранском кладбище, Мария Александровна нарушила российское законодательство. Человеку, крещеному в православии, запрещалось переходить в другую веру — как при жизни, так и после смерти. Ольгу крестил православный священник, православный священник должен был и отпевать ее. Правда, власти редко вмешивались в вопросы веры и не пытались предотвратить или наказать неподчинение. Желание матери, чтобы ее дочь была погребена на лютеранском кладбище, чтобы ее отпевал лютеранский пастор, было явным знаком маргинального положения Ульяновых в обществе. После казни Александра, когда Ульяновы для всего «приличного общества» превратились в отверженных, у матери не осталось никаких иллюзий. Теперь она хотела жить так, как ей было удобно, не оглядываясь на то, что скажут другие. Не то чтобы она была очень религиозна, просто ей хотелось жить по-своему. Что же касается Володи, то он полностью порвал с религией в возрасте шестнадцати лет и был теперь атеистом, как и полагается активному приверженцу русской революционной мысли. Ему было все равно, на православном или лютеранском кладбище будет похоронена его сестра. В любом случае он должен был сделать организацию похорон как можно менее обременительной для матери.

Похоронив сестру, Владимир вместе с матерью уехал в Самару до следующей экзаменационной сессии — до сентября. За две сессии ему необходимо было сдать один письменный и тринадцать устных экзаменов по различным предметам, среди которых были церковное право и полицейское право[38]. Советские «жития» Ленина не упоминали об этих предметах: считалось невозможным, чтобы враг полицейского государства, каким была Россия, основатель первого в мире атеистического государства изучал полицейское и церковное право. Тем не менее, это было так, и по этим предметам Владимир Ульянов получил высшую

оценку — впрочем, по всем остальным тоже. Он стал единственным из всех выпускников этого года, кому удалось добиться таких высоких результатов. Владимира признали достойным диплома первой степени Императорского Санкт-Петербургского университета, и 12 ноября 1891 года новоиспеченный юрист вернулся в Самару со свидетельством-рекомендацией для трудоустройства. В этом проявилась еще одна из странностей российской жизни: молодой человек, который только что получил от государства право заниматься юриспруденцией, сам был под негласным полицейским надзором по подозрению в намерении свергнуть законный порядок в государстве!

Володя нашел работу помощника присяжного поверенного (адвоката) у Андрея Хардина, с которым тремя годами раньше он играл в шахматы по переписке. После переезда в Самару Ульяновы и Хардины сошлись ближе. Ольга подружилась с одной из дочерей Хардина и переписывалась с ней, когда жила в Петербурге[39]. Не обошлось здесь и без политики: в Петербурге адвоката Хардина считали фигурой «сомнительной благонадежности» из-за его политических убеждений и тоже держали под негласным полицейским надзором[40]. Не удивительно, что именно у Хардина Ульянов решил проходить пятилетнюю стажировку. 30 января 1892 года Владимир приступил к работе помощника присяжного поверенного.

Работа работой, но с революционным движением Ульянов расставаться не собирался. Вернувшись в Самару, он вновь стал активно посещать марксистский кружок Алексея Скляренко. В то время Поволжье преследовали беды. В 1891—1892 годах начался голод, а за ним — эпидемии тифа и холеры. Особенно страдали сельские бедняки. Согласно данным из достоверных источников, в те годы около 400 000 подданных российского императора Александра III умерли от голода и болезней. Критики императорского правительства возлагали вину за случившееся на Кабинет Министров. Писатель Лев Толстой возглавил кампанию сбора средств для голодающих. Толстому удалось собрать значительную сумму денег для закупки основных продуктов питания. По всей Европе газеты публиковали сообщения об умирающих крестьянах, отчего популярность династии Романовых за рубежом упала как никогда низко. Многие были уверены в том, что голод разразился из-за непомерных налогов, возлагавшихся на крестьян. Но в действительности, скорее всего, это мнение было несправедливым. Ведь доходы государства зависели не столько от прямого налогообложения, сколько от акцизных сбо-

ров. Следовательно, Министерству финансов не было смысла пускать по миру крестьян, чтобы обеспечить промышленный рост. Наоборот, бюджет страны в значительной мере зависел от способности крестьян покупать водку, соль и другие товары, облагаемые акцизным сбором. Без сомнения, в стране были миллионы практически нищих крестьян, но основной причиной их нищеты была не налоговая политика, а неблагоприятные погодные условия и устаревшая технология земледелия.

Однако русские радикалы не утруждали себя подобными рассуждениями. Для них голод в Поволжье был ужасающим свидетельством жестокости и бесчеловечности правящего режима, его неспособности обеспечить подданным нормальную жизнь. Россия стала позорищем в глазах всей Европы. Поставки продовольствия неудовлетворительны, больницы убоги, да и тех явно не хватает, а государственные чиновники-бюрократы не в состоянии оперативно реагировать на возникающие проблемы. Марксисты, социалисты-народники и либералы были одинаково убеждены: царизм показал свое прогнившее нутро и поэтому противники режима должны как можно скорее протянуть руку помощи добровольным организациям, стремящимся облегчить страдания голодающих людей.

Так думали все революционеры-интеллигенты — все, кроме Владимира Ульянова. Он считал ошибочным решением даже организацию отрядов по борьбе с голодом, которые должны были одновременно с основной деятельностью заниматься революционной агитацией[41]. Единственный среди революционеров Самары, а может быть — и всей империи, Ульянов утверждал, что голод является результатом капиталистической индустриализации. Сердце Владимира очерствело. Семья была в ужасе от такой бесчувственности. Анна ходила по городу, помогая больным лекарствами и советами, но Володя отказался присоединиться к ней[42]. Мария Ильинична не могла понять, как в голове брата жестокосердие могло мирно уживаться с учениями, призывающими служить бедным и угнетенным. В воспоминаниях она сравнивает Владимира с Александром — и сравнение это явно не в пользу Владимира. Вот этот редкий пример критики в адрес брата: «У него, как мне кажется, была другая натура, чем у Александра Ильича, как ни близки они были друг другу. Не было у Владимира Ильича жертвенности, хотя всю свою жизнь он отдал безраздельно делу рабочего класса»[43].

Ничто не могло поколебать убежденности молодого Ульянова в неизбежном обнищании крестьянских масс. Крестьянство

всегда и везде расплачивалось за индустриализацию — так почему же в России конца девятнадцатого века должно быть иначе? Капитализм таков по своей природе: большинству он приносит страдания, а некоторым — смерть. Все попытки сгладить эти противоречия из соображений гуманности не просто неэффективны, но даже вредны, так как они замедляют процесс развития капитализма, а следовательно, тормозят будущий прогресс на пути к социализму. Голод, как думал Ульянов, «играет роль прогрессивного фактора». От участия в помощи голодающим он безучастно отказался[44].

Поразительное жестокосердие! Ведь Владимир жил в Поволжье, посреди голода и страданий. В поисках работы и хлеба крестьяне стягивались в города. На улицах лежали трупы несчастных, умерших от истощения. Но в сердце Володи не было места для жалости и прочих сантиментов: он провел анализ происходившего и сделал свои выводы. И ведь при этом он был не просто свидетелем трагедии, но и ее непосредственным участником. Семья получала доходы с аренды алакаевских земель, и Владимир требовал от управляющего Крушвица полных и регулярных выплат согласно договоренности. Это означало, что Крушвиц обязан был взимать с крестьян арендную плату в полном объеме, невзирая на обстоятельства[45].

Все это доказывает, что Владимир Ульянов, хоть идеи аграрного социализма и оказали на него определенное влияние, не испытывал никакой жалости к крестьянам. В этом вопросе он был заодно с Георгием Плехановым, своим заочным учителем марксизма. Плеханов стал кумиром молодого Ульянова. Ульянов считал плехановскую трактовку Маркса и Энгельса непревзойденной, однако многие русские революционеры не были согласны с ней. В 1881 году активистка «Народной воли» Вера Засулич написала письмо Марксу. Полагает ли Маркс, спрашивала Засулич, что предложенная им схема социального развития, разработанная для высокоразвитых капиталистических стран, обязательно будет реализована и в аграрной России? Маркс проанализировал стадии возникновения и развития капитализма из недр феодального общества и пришел к выводу, что внутренние противоречия капитализма будут порождать один кризис за другим, а это в свою очередь побудит обнищавший рабочий класс, самим капитализмом обученный организовывать свои силы, к захвату власти.

Но, спрашивает Засулич, обязательна ли такая последовательность событий для всех стран? Есть ли шанс для России, страны

в основной аграрной, докапиталистической, прийти к социализму, вообще минуя стадию капитализма?

Да, утверждал Маркс в ответном письме. Изложенная в «Капитале» схема не претендует на универсальность. Аграрная экономика и общинные традиции России могут позволить провести в этой стране социалистические преобразования, минуя стадию капиталистической индустриализации. Следовательно, стратегия, предложенная российскими социалистами-народниками, вполне допустима. Известно, что Маркс и Энгельс восторгались российскими народниками и считали трусливыми начетчиками самозваных марксистов типа Плеханова. В российском споре марксистов с народниками Маркс был на стороне народников, а не марксистов.

В действительности позиция Маркса не была столь однозначной, как утверждала Засулич. Что же касается возможности социалистической революции, основанной на принятых в крестьянской общине принципах равенства, то Маркс уточняет, что такая революция вообще невозможна до тех пор, пока социалистические партии не захватят власть в развитых странах Запада. Оговорка, как видим, весьма существенная. Плеханов настаивал на том, что Маркс и Энгельс должны признать уже свершившееся появление капитализма в России, о чем неопровержимо свидетельствовали данные официальной статистики о росте количества и масштабов деятельности шахт, фабрик и банков. Сама Засулич, впоследствии ставшая сторонницей Плеханова, помогала ему в организации группы «Освобождение труда» в Швейцарии.

В 1883 году скончался Маркс, и Плеханов сосредоточил все внимание на трудах Энгельса. Сам Энгельс согласился с Плехановым далеко не сразу. Лишь в 1892 году, за три года до смерти, Энгельс признал, что русские марксисты (в том числе и Плеханов, и пока неизвестный широкой публике Владимир Ульянов) отвергают теорию аграрного социализма оправданно. Переписку Засулич с Марксом следовало считать лишь временным, хотя и заслуживающим уважения эпизодом. Будущее, был убежден Плеханов, за воплощением идей «Капитала» в российскую реальность.

Владимир Ульянов разделял убеждения Плеханова. Профессиональная деятельность помощника присяжного поверенного оставляла достаточно времени для революционных идей. В 1892 году Ульянов провел всего четырнадцать дел в качестве адвоката (одно из них — против своего личного обидчика купца Арефьева). Даже если учесть, что в этом году Владимир перенес брюшной тиф в легкой форме, все равно работа была совсем не утомительной[46]. В 1893 году нагрузка еще уменьшилась: всего

полдюжины дел за период с января по август[47]. Подзащитными Ульянова были в основном люди из беднейших слоев общества[48], но он не собирался становиться защитником бедноты, адвокатом-гуманистом*. Володя по-прежнему жил за счет семьи. Он прекрасно знал, что мать не будет настаивать на том, чтобы он полностью сам себя обеспечивал. Своей настоящей работой Ульянов считал изучение экономических реалий и политических возможностей развития России с последующим широким обсуждением полученных выводов.

К этому времени Владимир уже вел оживленную переписку со своим казанским товарищем Николаем Федосеевым. В Федосееве Ульянов впервые встретил человека, равного ему по интеллектуальным способностям. Вопрос, который они обсуждали, был чрезвычайно важным: что делать с крестьянством после свержения династии Романовых и установления демократической республики с рыночной экономикой? В отличие от Ульянова, Федосеев совсем не был уверен в том, что крестьянство должно капитулировать перед натиском рыночной экономики. Оно может сохраниться как значительный по численности класс мелких землевладельцев, во всяком случае, на среднем этапе развития капитализма.

Не только Федосеев, но и многие самарские марксисты полагали, что проведенный Ульяновым анализ экономической и социальной жизни России неполон и не учитывает многих факторов. Петр Маслов, бывший на три года старше Ульянова, развивал мысль Федосеева. По мнению Маслова, развитию капитализма в России препятствовали непомерно высокие налоги, в результате чего лишь самые зажиточные из крестьян могли повышать свою покупательную способность, от которой зависело развитие российской промышленности до уровня развитых капиталистических государств.

Летом 1893 года, когда Дмитрий Ульянов окончил самарскую гимназию, семья решает переехать в Москву. Годом раньше истек срок высылки Анны, и Мария Александровна наконец получила возможность исполнить свою давнюю мечту — уехать из провинции. Надо было думать о высшем образовании для Мити и Мани. Мать хотела быть рядом с ними, пока они не окончат учебу. А Владимир горел желанием вырваться из-под материнской опеки и создать себе имя в петербургских интеллектуальных кругах.

---

* Подобные случаи были не так уж редки. Один из основателей современной белорусской литературы, юрист Франтишек Богушевич в те же годы защищал в суде крестьян-бедняков бесплатно или за символическое вознаграждение.

6

Санкт-Петербург

1893–1895

20 августа 1893 года Владимир Ульянов отправился в Петербург. До Нижнего Новгорода добирался пароходом. В Нижнем Владимир остановился в гостинице Никанорова. Впервые в жизни молодой человек получил возможность путешествовать, не сообщая матери о каждом своем шаге, и проводить время так, как ему хотелось.

В конце девятнадцатого столетия Нижний Новгород оставался в первую очередь одним из крупнейших речных портов, хотя в это время здесь уже начался рост промышленности. С середины июля по начало сентября в городе ежегодно проходила знаменитая Нижегородская ярмарка, крупнейшая в России. Со всей страны на ярмарку съезжались купцы и крестьяне, собирались торговцы-мусульмане из поволжских губерний и, конечно, покупатели — всего до полумиллиона человек. Какого только товара не было на прилавках и в складах: от станков и инструментов до фетровой обуви и поясных ремней. В воздухе стоял несмолкающий гул тысяч голосов. Мелкие торговцы везли на ярмарку не образцы товаров, а всю партию сразу — кто в заплечном мешке, а кто на волах, лошадях и верблюдах. Крестьяне из глухих деревень, впервые приехавшие на ярмарку, ходили с разинутым от удивления ртом. Даже во сне они не могли себе представить крупный банк, зернохранилище или железнодорожную станцию. Но и сами крестьяне в лаптях и домотканых рубахах были экзотикой для приехавших из столицы. Здесь, в Нижнем Новгороде, Россия новая встречалась с Россией старой.

Даже если Владимир и побывал на знаменитой ярмарке, он не оставил об этом ни единой записи. Вообще его письма были, как правило, лишены подробностей. Пестроту и разнообразие российской жизни он превращал в абстрактные цифры экономических показателей. Вполне возможно, что Владимир просто решил не тратить время на осмотр складов и прилавков. Ему нужно было найти нижегородских товарищей — марксистов Павла Скворцова и Сергея Мицкевича[1]. У них с Ульяновым были общие знакомые. Когда-то, еще до приезда Ульянова в Казань, Скворцов обучал Федосеева основам марксизма[2]. Владимир был рад возможности ближе познакомиться с этими высокообразованными, начитанными людьми. До поздней ночи просидели они, обсуждая вопросы политики и экономики, а на следующее утро Ульянов поездом уехал в город Владимир. Здесь находился теперь Федосеев, как полагал Ульянов — в ссылке. Володе очень хотелось встретиться с товарищем и узнать его мнение о своих работах[3]. К сожалению, оказалось, что Федосеев не в ссылке, а в тюрьме, и встреча не состоялась. Владимир уехал в Москву. Здесь, у родных, он прожил до 31 августа, проводя время в прекрасной библиотеке Румянцевского музея, а затем поездом уехал в Петербург[4].

Санкт-Петербург казался молодому Ульянову воплощением новой России, промышленного прогресса и образованности. Старую Россию Владимир ненавидел. Несколько лет спустя в одном из писем он упрекает сестру Анну за выбор Москвы в качестве места жительства:

> «А ведь скверный город Москва, а? Сидеть там скверно, книги издавать скверно, — и почему это вы за нее держитесь? Я, право, изумился, когда Марк сообщил мне, что ты против переселения в С.-Петербург»[5].

В Петербурге Ульянова интересовали, конечно же, не сотни тысяч фабричных рабочих, а маленький кружок молодых марксистов, публиковавших статьи по вопросам российской экономической и общественной жизни. В последние десятилетия девятнадцатого века царский режим критиковали многие известные люди, в том числе Александр Герцен, Николай Чернышевский, Михаил Бакунин, Петр Лавров и Николай Михайловский. Этим писателям было нелегко сотрудничать друг с другом и еще труднее публиковать свои статьи в легальной российской прессе. Новое поколение писателей-революционеров, к которому

принадлежал и Ульянов, было совсем другим. Многие их них, в том числе Петр Струве, Михаил Туган-Барановский (друг Саши Ульянова) и Сергей Булгаков, уже активно работали в столице. Другие, как Петр Маслов, присоединились к ним позже. В поисках основных тенденций социального и политического развития страны молодые люди старательно анализировали официальные статистические данные. Подобные материалы во множестве публиковались в тогдашней России. Их авторы хорошо разбирались в политике, экономике, социологии и философии, читали в оригинале труды зарубежных авторов и искали возможность приложения новых идей к российским условиям. Подрастало первое поколение российских интеллигентов, не испытывавших чувства неполноценности перед великими писателями и поэтами — Пушкиным, Лермонтовым, Толстым и Достоевским. Молодые люди конца девятнадцатого столетия чувствовали, что именно им придется давать определенные ответы на вопрос о будущем России.

В Петербурге Владимир снял комнату «на одного» на улице Ямской — чистую, с отдельным входом из коридора, с обитой войлоком дверью, чтобы шум, доносившийся из комнат, где проживала молодая семья хозяйки, не мешал работать. Совсем недалеко, в пятнадцати минутах ходьбы, располагалась городская публичная библиотека. Уладив вопрос с комнатой, Владимир поспешил на Волково кладбище, на могилу сестры, и сообщил в письме матери о том, что крест и венок на месте. В конце письма был добавлен постскриптум: не хватает денег. Владимир все еще не получил из Самары свои адвокатские гонорары в полном объеме (сумму небольшую, так как работал он лишь периодически). Владимир спрашивал мать, выслала ли тетя Анна Веретенникова причитавшуюся Ульяновым долю прибыли от аренды Кокушкина, выплачивает ли Крушвиц арендную плату регулярно[6]. Думая о революции, Ульянов хотел в процессе ее подготовки жить с максимальным комфортом.

3 сентября 1893 года Владимир Ульянов был зачислен помощником присяжного поверенного к адвокату Михаилу Волкенштейну. Рекомендательное письмо, необходимое для вхождения молодого адвоката в круг столичных юристов, предоставил Андрей Хардин. Владимир уже написал матери о приближавшемся его первом в Петербурге выступлении в зале суда, но оно так и не состоялось. Ульянов не стал работать по специальности, решив целиком посвятить себя делу революции. Правда, время от времени он давал юридические консультации своим друзьям и

соратникам. С Волкенштейном он столкнется лишь однажды, в 1896 году, когда тот будет добиваться освобождения арестованного Ульянова под поручительство председателя Совета присяжных поверенных[7]. Володя много читает, в основном труды по проблемам развития российской экономики, сам пытается писать на эту тему. Петербургские книжные магазины были несравненно богаче самарских, к тому же здесь был доступ к нелегально изданной политической литературе. Владимир старался прочесть по возможности все труды Маркса и Энгельса. Если нужных книг не было в Петербурге (как в случае третьего тома «Капитала»), Владимир просил Марию и Митю поискать их в московских магазинах[8]. Политическую и экономическую литературу он читал запоем.

Свою первую предназначенную для печати статью «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни» Ульянов посвятил марксистской интерпретации количественных данных о положении крестьян на юге России, опубликованных в широко обсуждаемой в российских интеллектуальных кругах книге экономиста В. Е. Постникова. Копию статьи Ульянов послал в Самару Петру Маслову с просьбой передать ее затем Федосееву. Мнение товарищей было чрезвычайно важным для начинающего автора, он просил их о «возможно более детальном анализе и критике». С этой статьей молодого автора подстерегало первое в его литературной карьере разочарование: престижный журнал «Русская мысль», известный своими публикациями на тему общественной жизни России, отказался ее публиковать. Владимир думал издать эту работу отдельной брошюрой, но из этой затеи также ничего не вышло[9].

Отказ особо не удивил Владимира. Ведь совсем недавно в «Русской мысли» была опубликована статья В. П. Воронцова, посвященная книге Постникова. Поразмыслив, Ульянов решил, что либеральные взгляды Воронцова оказались для либеральной «Русской мысли» ближе, чем его собственные. Другим он объяснял, что смягчил свои выводы с целью публикации статьи, но враждебно настроенному редактору этого было недостаточно[10].

Вряд ли несовпадение взглядов было единственной причиной отказа в публикации. Во всяком случае, можно было предложить статью другим крупным изданиям, а среди них были и такие, которые публиковали работы марксистов. Выдающиеся интеллектуальные способности российских мыслителей-марксистов девяностых годов не могли не признавать даже их политические оппоненты. Проблема была не в конкуренции с Воронцовым, а

в недостаточной убедительности предложенных Ульяновым аргументов. Владимир пытался доказать, что материалы книги Постникова свидетельствуют об уже существующем преобладании капиталистических отношений в российском сельском хозяйстве и быстром распадении крестьянства на два противостоящих друг другу класса: средний класс землевладельцев и сельский пролетариат. Утверждения Воронцова о сохраняющемся влиянии сельской общины на экономику Ульянов высмеял. По его убеждению, община уже была не в состоянии сдерживать экономическую экспансию богатых крестьянских хозяйств за счет обнищания основной массы крестьян[11].

Даже если бы редактор «Русской мысли» стоял на марксистских позициях, он все равно наверняка отверг бы такой односторонний анализ книги Постникова. Однако Ульянов не желал прислушиваться к логичным объяснениям своей неудачи. К Воронцову он относился чрезвычайно враждебно, и нетрудно понять, почему. По убеждениям Воронцов был близок к народникам, но, в отличие от них, даже в частных беседах он не призывал к свержению монархии, предпочитая искать способы смягчения экономических и социальных проблем в рамках существующего строя. Но даже не это раздражало Владимира больше всего. Его гнев был направлен на убежденность Воронцова в том, что российский капитализм обречен на вялое, заторможенное развитие. Ульянов критиковал Воронцова на нелегальных собраниях марксистских кружков в Москве и Петербурге. Основной причиной заторможенности капиталистического развития России Воронцов называл высокий уровень взимавшихся с крестьян налогов, вследствие чего внутренний рынок страны оставался уязвимым. Крестьяне могли рассчитывать лишь на постоянное обнищание[12].

К недовольству Ульянова, даже среди марксистов находились сторонники экономических взглядов Воронцова. Маслов, убежденный в необходимости революции и поддерживавший Ульянова в критике аграрного социализма, все же был уверен в том, что из-за бедности подавляющего большинства крестьянских хозяйств капитализм находится в зачаточном состоянии. Надо сказать, что такого мнения придерживался не он один. Ульянов установил связь с марксистским кружком студентов Технологического института, собиравшихся на заседания в квартире Степана Радченко. В конце октября он выступил на заседании этого кружка с критикой обзорной статьи молодого талантливого инженера Леонида Красина «К вопросу о рынках». Владимир

был на редкость непримирим[13], он поразил товарищей ораторским искусством и невероятной воинственностью. Такого оппонента следовало опасаться. В феврале 1894 года Ульянов вновь участвует в заседании кружка, на этот раз проходившем в квартире инженера Роберта Классона, и вновь блещет ораторским талантом. Владимир не любил абстрактных дискуссий, не затрагивавших конкретных вопросов политики, и критиковал за них своих товарищей. Кружковцы изучали проблемы экономического развития страны, но Володе этого было мало. Он требовал, чтобы кружок занялся изучением практических возможностей свержения монархии.

Среди активных участников кружка была Надежда Константиновна Крупская. Она навсегда запомнила, как зло и сухо рассмеялся Ульянов, услышав чью-то идею о создании при кружке «комитета по обучению грамоте» рабочих местных заводов и фабрик. Ульянов спросил, как подобные идеи могут способствовать делу революции. Крупская вспоминает, что в таком тоне с ними еще никто никогда не говорил. Расстроенный Классон вскочил со своего места, теребя бороду, со словами: «Черт знает, что такое он говорит!» — «Он прав, — возразил Коробко. — Что мы за революционеры?»[14]. Классон и Коробко почувствовали, что их поставили на место. Впервые им прямо в лицо сказали, что революции сами по себе не происходят.

Имел ли Владимир право так резко критиковать своих товарищей? Спорный вопрос. Он призывал к практическому подходу в революционной борьбе, но сам ни разу не встречался с фабричными рабочими. Петербургские фабрики он видел лишь снаружи. Он жил, как рантье, не имея необходимости самому зарабатывать на жизнь. В отличие от товарищей-инженеров, его профессия не давала ему возможности лично соприкоснуться с нарождавшейся индустриальной Россией. Да он и не видел необходимости в изменении своего образа жизни. По-прежнему он полагал, что революционному делу в России наиболее эффективно будет способствовать вовлечение как можно большего числа представителей среднего класса в полемику по экономическим и политическим вопросам. Победы над Красиным, Классоном и Коробко, не самыми выдающимися мыслителями в своем поколении, дались ему слишком легко. Он не превозносился перед ними, но и не хотел оставаться скромным рядовым членом марксистского кружка. Несмотря на неудачу с «Русской мыслью», Владимир не собирался отказываться от своей цели — добиться определенного влияния в интеллектуальных кругах. В

конце концов, именно для этого он и приехал в Санкт-Петербург.

К счастью для него, в конце февраля 1894 года Классону удалось пригласить к себе домой марксистов Петра Струве и Михаила Туган-Барановского[15]. Наконец-то Ульянов получил возможность побеседовать с мыслителями своего масштаба, обсудить с ними основные проблемы российского будущего. Струве вскоре стал известен как автор книги «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России», а Туган-Барановский готовил к печати книгу «Российская фабрика». Как и Ульянов, они внимательно изучали самые свежие статистические данные. Встреча с этими людьми, финансово независимыми, недавно ставшими сторонниками марксизма, давала Ульянову шанс легально публиковать свои статьи.

Владимир сразу огорошил новых друзей ортодоксальностью мышления. Ульянов ни разу не был за границей и не мог видеть, что представляет собой высокоразвитая экономика Великобритании, Франции и Бельгии. В этом не было его вины: на все прошения разрешить ему выехать за границу Министерство внутренних дел отвечало отказом. Струве и Туган-Барановский не могли не заметить, что изоляция пошла юноше во вред. Ему следовало отказаться от абсурдной переоценки степени капиталистического развития России. Его рассуждения страдали чрезмерной схематичностью, к тому же, как казалось новым знакомым, он чересчур стремился доказать товарищам-марксистам, что его интерпретация марксизма является абсолютно «ортодоксальной». Для Струве и Туган-Барановского марксизм был всего лишь средством для понимания сути тенденций экономического развития России, но никак не символом безусловной веры. Ульянов, полагали они, слишком доверчиво внимал каждому слову Маркса, вне зависимости от того, прав тот был или ошибался. Для Ульянова же «Капитал» был книгой без малейшей погрешности, священным писанием, объектом веры, а не критики.

В то же время новые знакомые подметили в Ульянове сильное, даже слишком сильное влияние радикального народничества. Александр Ульянов был членом организации террористов-народников, сестра Анна и даже совсем юный брат Митя симпатизировали народникам[16], да и сам Володя оставался в дружеских отношениях с бывшими активистами «Народной воли». Он язвительно и безжалостно критиковал аграрный социализм, но не старался держаться подальше от сторонников его самых крайних форм. Для «легальных марксистов» Струве и Туган-Баранов-

ского убеждения Ульянова представляли невообразимую смесь самых различных влияний. Молодому человеку, считали они, необходимо подольше пожить в Петербурге, поездить за границу, а там, глядишь, повзрослеет и станет серьезнее.

В таких рассуждениях есть очевидный парадокс. Владимир Ульянов был воспитан в европейских традициях. Он свободно читал немецкую и французскую литературу, учился читать по-английски, блестяще знал труды античных классиков. Его родители учили детей гордиться достижениями русской культуры, но ни в коем случае не были националистами. Каким же это образом он мог оказаться более «русским», чем его ровесники, многие из которых не имели такого доступа к современным течениям европейской мысли? Без сомнения, отчасти Струве и Туган-Барановский были правы: Владимиру не хватало непосредственного знакомства с Европой. Но вряд ли путешествие за рубеж радикально изменило бы его убеждения. Он уже сделал основные выводы, и с этого времени, по крайней мере до тех пор пока на несколько лет не пришел к власти, он упорно считал Россию страной намного более развитой экономически и социально, чем это было на самом деле. Но и это еще не все: Владимир начал приходить к заключению, что его рекомендации по развитию его родной России должны быть применены и к остальным государствам Европы. Его «европеизация России» была всего лишь первым шагом к «русификации Европы».

Не только убеждения, но и социальное происхождение разделяло Ульянова и Струве. Между петербургским аристократом Струве и провинциалом, без году неделя дворянином Ульяновым лежала пропасть. В 1899 году Анна Ульянова начала письмо к Струве с официального обращения «Милостивый государь»[17]. Революционные активисты обычно не обращаются так друг к другу. Ульяновы поднялись по ступеням социальной лестницы российского общества, но так и не обзавелись друзьями из числа потомственных аристократов, а после казни Александра надежд на такую дружбу не оставалось. Формальное обращение Анны к Струве было одним из свидетельств социального неравенства.

Впрочем, Владимира не беспокоило положение его семьи. Он не собирался заискивать перед старой Россией и не думал, подобно сестре, сдерживать эмоции. С Туган-Барановским и Струве он говорил, как привык, поражая резкостью высказываний и «непричесанностью» идей. Даже члены группы Классона—Радченко, происходившие из семей среднего класса и более близкие к Ульянову, были поражены. Не слишком ли он

«красный»[18], спрашивали они себя. Не слишком ли много в его марксизме агрессивности, характерной для русских народников-террористов?

Ульянов пытался убедить товарищей, что увлечение народничеством он давно оставил и теперь строго следует «научному» марксизму. Но среди людей, которыми он восхищался, были именно народники-радикалы, террористы, отвергавшиеся членами группы Классона—Радченко. Известно, что Владимир увлекался трудами Петра Ткачева*. По мнению Ткачева, после смерти Маркса Энгельс перестал быть в полной мере марксистом, а его «Анти-Дюринг» предлагает чрезмерно детерминистский** анализ мировой истории. Ткачев верил в революционную волю, конспиративные организации и массовый террор и считал все это вполне совместимым с марксизмом. Даже в случае захвата власти, не сомневался этот приверженец диктатуры, революционерам придется развязать массовый террор против священников, полицейских и помещиков. В глубине души Ульянов восторгался еще одним сторонником радикальных мер, Сергеем Нечаевым. Народник-радикал Нечаев заказал убийство одного из своих сторонников, чтобы сплотить остальных вокруг общего дела. Судебный процесс над нечаевцами в 1871 году восстановил многих представителей среднего класса против нарождающегося революционного движения. Достоевский положил историю Нечаева в основу сюжета романа «Бесы».

Активисты «Народной воли» отреклись от нечаевского безнравственного самовозвеличения и криминальных методов. Но Владимир Ульянов был уверен, что именем Нечаева следует гордиться, так как у Нечаева был не только особый талант организатора и конспиратора, но и поразительная способность формулировать свои мысли. Однажды Нечаева спросили, кого из семьи Романовых следует ликвидировать. Нечаев ответил: «Весь дом Романовых!». Ульянов повторил эту фразу, назвав ее гениальной[19]. В пантеоне Ульянова-марксиста были вовсе не марксистские божества. Традиции русского народничества, в особенности идея диктатуры, оставили глубокий след в его душе.

Он глубоко ненавидел все, что поддерживало царский порядок, презирал всю династию Романовых, аристократию, священство, полицию и армейских военачальников, купечество, расту-

---

* *Петр Ткачев* (1844–1885/86), один из идеологов народничества, публицист. Участник революционного движения 1860-х годов, с 1873 года в эмиграции. Сторонник заговорщических методов борьбы.

** Детерминизм (от лат. determino — определяю), философское учение о закономерной взаимосвязи и причинной обусловленности всех явлений.

щий промышленный и финансовый средний класс. Стремление сокрушить эти опоры режима жестокими методами роднило его с Заичневским*, Нечаевым и Ткачевым. В действительности же не все народовольцы были настроены столь радикально. Даже собственный брат Ульянова Александр, член террористической группы, не отвергал основы нравственности и идею парламентских выборов. Почему же Владимир с таким энтузиазмом воспринял идеи террора и насилия? Наиболее очевидный ответ — судьба старшего брата. Во власти императора было даровать Александру жизнь, отменить смертный приговор, но он не сделал этого. Александра повесили. Этого вполне хватило для того, чтобы Владимир, тогда совсем юный, возненавидел «дом Романовых», несмотря на неопровержимую причастность Александра к заговору, имевшему целью покушение на императора. Более того, судьба брата сделала Владимира сторонником кровавых методов Ткачева и Нечаева.

Но это еще не все. Семья Ульяновых всегда мечтала о преобразованиях в России и чувствовала свою отчужденность от официальной имперской культуры, и вовсе не из-за нерусских предков в родословной. Ульяновы мечтали о «культурной», «цивилизованной» России, о том, что когда-нибудь будет положен конец системе привилегий. Мысль о возможном перевороте в русской жизни могла появиться у Владимира уже в детстве. Свою роль сыграло и полученное образование. В гимназии изучали предметы, не связанные с повседневной российской реальностью, в университете было то же самое. Жизнь гимназистов и студентов была ограничена жесткими рамками правил. Владимир ничего бы не потерял, если бы такое государство и общество было разрушено.

Впрочем, Владимир Ульянов был не так прост. Он все еще надеялся добиться широкого признания в качестве автора статей по экономическим и общественным вопросам. Несмотря на критику со стороны Туган-Барановского и Струве, он отказался пересмотреть свою концепцию. Володя не чувствовал себя побежденным в этой схватке умов и становился все увереннее. Кроме того, если раньше Ульянов лишь ненадолго отрывался от матери и семьи, то теперь он жил самостоятельно. Он изменился даже внешне, стал выглядеть гораздо старше. От отца Владимир унаследовал одну не очень приятную особенность — раннюю лысину. Как-то, шутя, он пытался узнать у сестры Марии,

* *Петр Заичневский* (1842–1896) — российский революционер, организатор кружка (1861) и студенческого движения в Московском университете. Более 20 лет провел в тюрьмах и ссылке.

нельзя ли обратить этот процесс вспять. Остатки волос и бородку он аккуратно подстригал. Неопрятности он не выносил и ругал родных, если у кого-нибудь из них пуговицы были пришиты не идеально ровно, а обувь — не отремонтирована[20].

Но и модником Владимир не был. Он любил опрятность, но терпеть не мог сам покупать себе одежду. Об этом он просил родных или просто носил одну и ту же вещь до тех пор, пока кто-то из семьи не выдерживал и не покупал ему новый костюм или пару туфель.

В его жизни до сих пор не было женщин, кроме матери и сестер. Он регулярно писал им письма из Петербурга, навещал их на даче, которую семья снимала на лето неподалеку от станции Люблино, к югу от Москвы. Отношения в семье по-прежнему были очень теплыми. В одной из поездок в Люблино Митя научил старшего брата Володю ездить на велосипеде[21]. Володя помогал Марии в учебе, когда она в 1896 году поступила на московские двухгодичные курсы. Марии приходилось нелегко. Ей отказали в разрешении поступить на Высшие женские курсы в Петербурге, где раньше училась Анна[22]. Мария была не такой способной ученицей, как старшие братья, но причина отказа, скорее всего, была не в успеваемости, а в политической активности братьев и сестры Анны. Владимир помогал сестре как мог, поддерживал ее стремление продолжить учебу за границей.

Тем временем Владимир начал проявлять интерес к противоположному полу. Много лет спустя появлялись сообщения о том, что в юности он пытался ухаживать за одной-двумя девушками. Широко распространились слухи, что он был влюблен в красавицу Аполлинарию Якубову. Он действительно встречался с Якубовой в январе 1894 года, когда ездил в Нижний Новгород. В 1897 году, если верить намекам в воспоминаниях сестры Анны, со стороны Аполлинарии какое-то чувство к нему еще оставалось*. Скорее всего, мы никогда не узнаем, как оно было на самом деле. Так или иначе, Владимир не позволял делам сердечным стоять на пути у дел общественных — даже когда незадолго до первой мировой войны в его жизни появилась Инесса Арманд.

Привычки, приобретенные еще в детстве, не исчезали. Карандаши должны были быть идеально наточенными, бумаги на письменном столе — разложенными в абсолютном порядке: уборку на рабочем месте Владимир делал ежедневно. Помимо того,

* Луис Фишер, автор биографии Ленина, высказал противоположное предположение, а именно, что Владимир сватался к Якубовой, но получил отказ. Впоследствии Якубова вышла замуж за К. Тахтарева. (См.: Луис Фишер. Жизнь Ленина. Лондон, 1970, с. 40.)

он не переносил расточительности. Если в полученных письмах попадались чистые страницы, он аккуратно вырезал их и хранил. К деньгам он относился очень бережно и предостерегал Дмитрия, чтобы того случайно не надули книготорговцы. Черновики статей он писал аккуратно, без сокращений. Ничего похожего на богемную жизнь соратников-революционеров.

Вот только о своем здоровье он в то время совсем не заботился и относился к нему с потрясающей беспечностью. Владимир мучился от сильных хронических болей в желудке, страдал мигренью, не мог спать по ночам. Доктора диагностировали «катар желудка». (В наши дни Ульянову, возможно, поставили бы диагноз «язва желудка».) Брат Саша страдал заболеваниями желудка с раннего детства. В возрасте девятнадцати лет врачи обнаружили «катар желудка» и у Анны. Больной желудок был и у Марии Александровны[23]. Очевидно, склонность к заболеваниям желудка была в этой семье наследственной, но свою роль сыграл здесь и образ жизни. Известно, что практически всегда заболевания желудка появляются тогда, когда человек питается нерегулярно и недостаточно. А любой стресс, без которого не может обойтись ни одна политическая дискуссия, еще более усугубляет проблему[24].

Марксист Владимир Ульянов был неистовым политиком. Неудовлетворенный устной дискуссией с Туган-Барановским и Струве, в конце 1894 года он пишет объемистый реферат на книгу Струве «Критические заметки», изданную тиражом 2000 экземпляров. Ульянов тоже хочет опубликовать свою работу, но из-за радикальности своих взглядов он не решается подписаться собственным именем и скрывается за псевдонимом «К. Тулин». «Господина Струве» (обращение «господин» не было в ходу среди марксистов) Ульянов называет «мелким буржуа» и, конечно же, прежде всего заявляет, что современная российская экономика уже давно приобрела «буржуазный» характер, основы капитализма уже сложились:

> «Неужели только „за последние годы"? Не выразилось ли оно вполне ясно и в 60-е годы? Не господствовало ли оно и в течение всех 70-х годов? Мелкий буржуа [г-н Струве. — Р. С.] и тут старается смягчить дело, представить буржуазность, характеризующую наше „общество" в течение всей пореформенной эпохи [после 1861. — Р. С.], каким-то временным увлечением, модой»[25].

«Легальный марксист», публиковавший свои работы в легальной прессе, Струве был убежден, что конец капитализма может

быть достигнут мирно и даже без значительных социальных конфликтов и потрясений. Ульянов подверг критике идеи Струве в брошюре, отпечатанной им на гектографе. Ульянов был уверен, что Струве заблуждается, не замечая очевидного факта: марксисты всегда были сторонниками классовой борьбы и революционного насилия[26]. Хотя он и не заявлял об это прямо в новой статье, но недвусмысленно подразумевал. В Министерстве внутренних дел намек поняли очень хорошо и арестовали тираж брошюры еще до того, как он поступил в продажу. В 1895 году весь тираж брошюры был сожжен, сохранилось лишь около сотни экземпляров. Владимир Ульянов потерпел еще одну неудачу на пути к широкой известности.

Но он продолжал верить в свое великое будущее. Он давно мечтал поехать за границу, а теперь ему хотелось этого еще сильнее: он мечтал встретиться с Георгием Плехановым и группой «Освобождение труда». 15 марта 1895 года появился шанс на воплощение мечты. К его удивлению, Министерство иностранных дел, без объяснения причин, сняло запрет на выдачу Ульянову заграничного паспорта[27]. Владимир тут же начал сборы в дорогу. Вместе с личными вещами он уложил в чемодан книги и статьи, посвященные проблемам российской экономики. 24 апреля вместе с самарским другом Исааком Лалаянцем, только что освободившимся из тюремного заключения, он уезжает в Москву. На следующий день, уже один, он сел на поезд, увезший его на запад, к границе России с владениями династии Габсбургов[28].

Мать просила Владимира написать ей, и он послушно шлет ей открытку из австрийского Зальцбурга:

> «По „заграницe" путешествую уже вторые сутки и упражняюсь в языке: я оказался совсем швах, понимаю немцев с величайшим трудом, лучше сказать, *не понимаю вовсе*. Пристаешь к кондуктору с каким-нибудь вопросом — он отвечает; я не понимаю. Он повторяет громче. Я все-таки не понимаю, и тот сердится и уходит. Несмотря на такое позорное фиаско, духом не падаю и довольно усердно коверкаю немецкий язык»[29].

В Швейцарии Ульянов, очарованный красотой альпийских вершин и озер, с удовольствием снимает дачу и нанимает горничную. Горничные, сообщает он в письме домой, получают в Швейцарии по тридцать франков в месяц, и еще их приходится кормить — и хорошо кормить![30] Владимир явно хотел свести к минимуму расходы на прислугу, как бы ни был он занят своей

политикой. А вот на заботу о здоровье пришлось потратиться. В связи с обострившимся заболеванием желудка Владимир посетил дорогого швейцарского врача, который прописал ему диету — питаться регулярно, избегать жирного и пить много минеральной воды[31].

Из Швейцарии Ульянов совершил путешествие во Францию и жил в Париже, сняв там квартиру. Вернувшись в Цюрих, он находит новое жилье за городом, у озера, а через некоторое время переезжает в Берлин, где проводит много времени в Королевской библиотеке[32]. Если ему не хватало денег, мать присылала требуемую сумму.

Владимир не любил делать подарки, чем очень огорчал родных. Перед самым отъездом из Берлина он сообщил домой, что собирается привезти для Мити книгу по анатомии. Что же он мог привезти сестре Мане?.«Я чувствую, — добавляет Владимир, — что следует накупить разной дряни»[33]. Слова человека, не склонного к сантиментам. Тем не менее, подарок был куплен. Мария была в восторге от необычного проявления щедрости со стороны старшего брата, хотя нигде не упоминала о том, что же он, собственно, ей привез. В дальнейшем он дарил ей только экземпляры своих книг.

А вот для политики Владимир не жалел эмоций. Он и за границу поехал в том числе и для того, чтобы встретиться со своим кумиром, Георгием Плехановым. Приехав в Швейцарию в мае 1895 года, он первым делом нашел в Женеве Плеханова. Марксисты очень понравились друг другу. Плеханов наконец убедился, что число его последователей в Петербурге растет. Приезд Ульянова вдохновил членов маленького кружка «Освобождение труда» на поиски путей дальнейшего расширения своего влияния. Возникла идея основать журнал «Работник», посвященный теории социализма.

Из Женевы Ульянов уехал в Цюрих, чтобы обсудить некоторые проблемы с товарищем Плеханова Павлом Аксельродом, проживавшим в деревне Адольтерн. В семье Аксельродов Владимир пробыл две недели. Ум, преданность марксизму и целеустремленность Ульянова произвели впечатление на Плеханова и Аксельрода. Владимир был страстным, пламенным адептом марксизма. В Париже он познакомился с зятем Карла Маркса Полем Лафаргом, в Берлине беседовал с талантливым немецким социал-демократом Вильгельмом Либкнехтом. Если бы Энгельс не скончался к тому времени, Владимир наверняка нанес бы визит и ему. Эти встречи не были просто повседневной полити-

ческой работой. Ульянов, хотя и не любил демонстрировать своих чувств, признавался, что был по-настоящему влюблен в Маркса и Плеханова. Молодой революционер (кстати, человек нормальной сексуальной ориентации) увлекался идеологией и ее вождями куда больше, чем женщинами.

Политика была его жизнью. 29 сентября, вернувшись в Петербург, он сообщил товарищам хорошие новости о своих новых знакомствах и связях. Путь домой лежал через Вильно, Москву и Орехово-Зуево, и везде Ульянов встречается с местными марксистами. В Берлине на Манштайнштрассе мастер изготовил по его заказу желтый кожаный чемодан с двойным дном, в котором он провез через границу большое количество нелегальной литературы[34]. На границе его узнали таможенники и не стали задерживать лишь для того, чтобы дать возможность агентам Управления Охраны (тайной полиции) проследить за ним до самого Петербурга и узнать имена его товарищей[35]. У самого Ульянова путешествие оставило незабываемые впечатления. Он планировал создать организацию более высокого уровня, чем нелегальные дискуссионные кружки в Казани, Самаре и Петербурге, и надеялся, что контакты со швейцарскими марксистами помогут ему создать сеть политических единомышленников по всей Российской империи.

Однако ближайшей целью было издание литературы. Сотрудничество между товарищами Ульянова и швейцарской группой «Освобождение труда» должно было в первую очередь сосредоточиться на издании журнала «Работник». Название свидетельствовало о том, что «Освобождение труда» ориентировалось на российское рабочее движение. Но ни сам Ульянов, ни кто-либо из его товарищей не планировал встречаться с рабочими. Петербургские марксисты, искренние и трудолюбивые интеллигенты, жили в полной изоляции от проблем городского «пролетариата», которому отводилось место авангарда в будущей революции. Лишь некоторое время спустя один из молодых марксистов почувствовал, что ему надоела политическая пассивность. Человек, предложивший перейти к действию, не относился к числу лидеров группы. Молодой марксист Юлий Мартов приехал в Петербург из Вильно. Энергичный и находчивый, Мартов еще до знакомства с Ульяновым и его товарищами создал свой дискуссионный кружок. Вскоре он пришел к выводу, что для дела революции недостаточно мыслить, дискутировать и даже печатать свои работы. Необходимо действовать. Мартов встретился с марксистами и изложил свои соображения насчет того,

каким путем можно оказывать влияние на зарождающееся рабочее движение.

Мартов, еврей по происхождению, выступал за вхождение еврейских социалистов в единую общероссийскую организацию (не исключительно еврейскую). Мартов прекрасно знал работы Маркса и Энгельса и обладал способностью исключительно быстро писать — в этом деле в кругу товарищей Ульянова соперником ему мог быть лишь сам Ульянов. Не удивительно, что молодые люди быстро сошлись. Близкой дружбе способствовало и сходство мировоззрения. Но по характеру они были очень разными людьми. Если Ульянов был аккуратным и сдержанным, то Мартов, во всяком случае в частной жизни — хаотичным и жизнерадостным. Как часто бывает среди друзей, они ценили друг друга за несходство характеров.

Мартов приехал в Петербург в октябре 1895 года и вскоре стал участником политических дискуссий. Его опыт давал ему большое преимущество. Там, откуда он приехал, было множество сторонников марксизма и марксистских кружков, они вели агитацию в основном среди рабочих-евреев, которые затем создавали свои группы*. Проблема была в том, что рабочие, получив образование с помощью марксистских активистов, почему-то стремились покинуть ряды рабочего класса. Учитель Мартова Александр Кремер дал ответ на вопрос, что делать с этим. В брошюре под названием «Наша агитация» Кремер доказывает необходимость, сохраняя марксистские дискуссионные кружки, считать одной из насущных задач агитацию среди рабочих местных фабрик. Кремер предположил, что марксизм будет распространяться быстрее и шире, если марксисты станут возглавлять забастовки рабочих, а не только старательно изучать «Капитал». В то время, когда Радченко, Классон и Ульянов изучали статистические данные по сельскому хозяйству, Кремер и Мартов участвовали в трудовых конфликтах между владельцами фабрик и десятками тысяч рабочих. Мартов выдвинул идею, что существующие в Петербурге марксистские кружки должны принять «Виленскую программу»[36].

Некоторых членов марксистских групп, так называемых «стариков», убедить не удалось. Похоже, что в их числе был и Ульянов. Для него марксизм был привлекателен именно особым вниманием

* До первой мировой войны население Вильно, как и других городов бывшего Великого княжества Литовского, в значительной степени (иногда до 50 %) составлялн евреи, еще в конце четырнадцатого столетия переселившиеся туда из Западной Европы по приглашению Великого князя Литовского Витовта.

к интеллектуальному труду, к науке. Он настаивал на том, что марксисты должны обучать рабочих. Чтобы революция оказалась успешной, необходимо широко распространять марксистское учение. Из-за такой сосредоточенности на книгах он мог по праву называться стариком. Впрочем, как вспоминает его друг Александр Потресов, партийная кличка Ульянова и была «Старик»:

> «Он был молод только по паспорту. На глаз же ему можно было дать никак не меньше тридцати пяти — сорока лет. Поблекшее лицо, лысина во всю голову, оставлявшая лишь скудную растительность на висках, редкая рыжеватая бородка, хитро и немного исподлобья прищуренно поглядывающие на собеседника глаза, немолодой, сиплый голос... У молодого Ленина, на моей памяти, не было молодости. И это невольно отмечалось не только мною, но и другими, тогда его знавшими. Недаром в «Петербургском союзе борьбы» того времени, этой первичной ячейке будущей партии, его, по годам молодого, звали «Стариком», и мы не раз шутили, что Ленин даже ребенком был, вероятно, такой же лысый и „старый“»[37].

Но на совместных переговорах верх взяли Мартов и «молодые». Был образован «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» и избран руководящий комитет, состоявший из пяти членов. От интеллектуальных дискуссий в узком кругу марксисты решили перейти к экономической и политической агитации среди рабочих заводов и фабрик. Владимиру Ульянову, несмотря на несогласие, пришлось подчиниться общему решению. В ноябре 1895 года он пишет листовку-обращение к пяти тысячам бастующих работников петербургской текстильной фабрики Торнтона[38]. Он встречается с руководителями забастовки и жертвует свыше сорока рублей на помощь рабочим, арестованным полицией. В соответствии с новым курсом «Союза борьбы» он пишет объемистую брошюру «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах». Сторонники «Союза борьбы» напечатали брошюру в нелегальной петербургской типографии с указанием ложного места публикации — город Херсон на юге Украины и фальшивой отметкой «Дозволено цензурой». Было напечатано три тысячи экземпляров. Ульянов, «красный» теоретик самых радикальных действий, наконец занялся политической деятельностью за пределами научных дискуссионных кружков.

7

Сибирская Италия

1895–1900

Наконец-то Министерство внутренних дел напало на след марксистских организаций. Владимир Ульянов и его товарищи до сих пор оставались на свободе только потому, что сидели над книгами и не представляли особой угрозы для властей. Но рост рабочего движения положил конец терпению полиции. Членов «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» следовало немедленно арестовать.

Обо всем этом Владимир Ульянов даже не подозревал. 5 декабря 1895 года он пишет домой беззаботное письмо. Он сообщает матери о том, что двоюродный брат Владимир Ардашев, ставший к этому времени квалифицированным нотариусом, предложил ему вести в суде дело от имени его конторы; о том, что хотел навестить доктора Александра Залежского, другого двоюродного брата, и не застал его дома; о том, что жизнь идет нормально, вот только очень мешают соседи, любители громкой игры на балалайках[1]. Владимира очень раздражало, когда громкие звуки мешали ему работать.

Можно понять, каким потрясением стал для него день 9 декабря, когда в его петербургскую квартиру пришла полиция. Владимир был арестован. Юлия Мартова взяли месяцем позже, когда Ульянов уже сидел в камере номер 193 петербургского Дома предварительного заключения. Это была уже не первая встреча Ульянова с полицией, и Владимир не сомневался, что на этот раз его уже не освободят, как это было в 1887 году в Казани. 21 декабря Ульянова впервые вызвали на допрос. Начальник отделе-

ния Добровольский формулировал вопросы четко и конкретно, избегая какого бы то ни было физического или психологического давления на арестованного. Ульянов имел юридическое образование и поэтому для него не составляло труда проявлять формальную уступчивость представителю власти, не сообщая, впрочем, ничего конкретного: «Не признаю себя виновным в принадлежности к партии социал-демократов или какой-либо партии. О существовании в настоящее время какой-либо противоправительственной партии мне ничего не известно»[2]. Строго говоря, он был прав: социал-демократическая партия еще не была создана, хотя Ульянов страстно мечтал о создании таковой. Общение между Добровольским и узником камеры номер 193 было коротким и не лишенным приятности.

Для Ульянова нахождение в камере предварительного заключения было отдыхом от политики. Он продолжал работу над своим трактатом, посвященным развитию российской экономики (эта работа была опубликована в 1899 году под названием «Развитие капитализма в России»). Ему разрешалось читать практически всю легально опубликованную литературу. В письме сестре Анне он язвительно шутил: «Я в лучшем положении, чем другие граждане Российской империи — меня взять не могут!»[3]. Владимир был неплохо подготовлен к возможному аресту: он заранее условился с Надеждой Крупской о шифре для нелегальной переписки[4].

Мать и Анна переехали из Москвы в Санкт-Петербург, чтобы иметь возможность посылать Владимиру передачи. Владимир просил приносить ему высококачественные карандаши, белье и продукты. В первую очередь — высококачественные карандаши. С продуктами родственники перестарались, и Владимир жаловался, что его дневные порции становятся огромными, как пасхальные куличи из романа Гончарова «Обломов»[5]. Он напомнил родным о больном желудке и прописанной врачом диете, и вскоре в камеру были доставлены бутылки с минеральной водой и клистир: доктор прописал регулярное промывание кишечника[6]. Владимир похудел, цвет его лица стал желтоватым[7], но он постоянно занимался гимнастикой, приседал, отжимался от пола, и его мускулы окрепли. Брат Дмитрий впоследствии вспоминал:

> «Владимир Ильич рассказывал, что в предварилке он всегда сам натирал пол камеры, так как это было хорошей гимнастикой. При этом он действовал, как заправский полотер: руки назад — и начинает танцевать взад и вперед по камере со щеткой или тряпкой под ногой. „Хорошая гимнастика, даже вспотеешь..."»[8].

Большинство революционных деятелей не считало необходимым заниматься физкультурой. Владимир Ильич и здесь отличался от них.

Находясь в Доме предварительного заключения, Ульянов составил проект программы марксистской партии[9]. Он писал программу «невидимыми чернилами» — молоком. Запись можно было прочитать, только нагрев лист и держа его затем над яркой лампой. «Нет такой хитрости, которой нельзя было бы перехитрить!» — заявил он как-то Анне[10]. Случались и курьезы. Однажды во время свидания, разговаривая через решетку, Владимир и Анна чересчур увлеклись словами французского и немецкого происхождения, и охранник прервал их, заявив, что на иностранных языках разговаривать запрещено. Страж решил, что брат и сестра обсуждают планы подрывной деятельности! Чтобы избежать проблем, пришлось перейти на очень простой язык[11].

Большую часть времени Владимир проводил за работой над своей книгой, но он очень страдал, не имея возможности участвовать в марксистских дискуссиях. Он писал свой трактат в политической пустоте.

Тосковал ли он по кому-нибудь из женщин? Никаких свидетельств того, что в юности у Владимира была подруга, не сохранилось. Может быть, родные из чувства ложной скромности постеснялись упоминать об этом. Тем не менее, следует отметить, что на протяжении 1920-х годов ни одна женщина не заявила, что Владимир Ильич ухаживал за ней в юности. Впрочем, отсутствие таких свидетельств может быть следствием нежелания властей предавать огласке любой эпизод из жизни Ульянова, не вписывавшийся в сюжет политического «жития». Вполне может быть, что смерть отца и казнь брата были таким сильным потрясением для юного Владимира, что на много лет единственными женщинами в его жизни стали мать и сестры. Но не стоит исключать и того, что до отъезда в Санкт-Петербург Владимир просто-напросто не успел влюбиться.

Во всяком случае, среди членов «Союза борьбы» были две девушки, небезразличные к Володе: Аполлинария Александровна Якубова и Надежда Константиновна Крупская. Когда арестованных вели на прогулку, они могли видеть часть улицы. Якубова и Крупская договорились встать на этом месте, чтобы Володя смог их увидеть. Однако в назначенное время Якубова прийти не смогла, а Крупская, хотя и простояла несколько часов, так и не увидела Ульянова. К сожалению, последующие попытки увидеться

также оказались безуспешными, а арест обеих подруг в августе 1896 года надолго оторвал их от Владимира.

29 января 1897 года почти все арестованные члены «Союза борьбы» были приговорены к трем годам административной ссылки в Восточную Сибирь. Это был один из видов наказания, практиковавшийся в Российской империи: приговоренного, не обращаясь к суду присяжных, вместо тюремного заключения высылали в тот или иной регион страны. Была разработана система определения места ссылки: чем опаснее преступник, тем дальше его ссылали. По согласованию с Министерством внутренних дел, оценивавшим степень риска, сосланному могло быть позволено проживать в частных домах, наниматься на оплачиваемую работу и совершать поездки в близлежащие города. В Сибири местные чиновники обладали достаточной властью ухудшать условия проживания ссыльных в случае нарушения ими правил.

Самое страшное, когда приговоренного отправляли к месту ссылки по этапу, в арестантских вагонах или пешком, закованного в кандалы. Не всем удавалось выдержать долгий путь сквозь снега, при скудном питании. Однако некоторым категориям приговоренных можно было попробовать добиться разрешения добираться до места назначения за свой счет, что Владимир и сделал, подав соответствующее прошение.

14 февраля всех членов «Союза борьбы» освободили на три дня для сборов в дорогу. Чтобы обсудить план дальнейших действий, революционеры собрались дома у Мартова[12]. Единогласно было решено не совершать попыток побега[13]. Но по политическим вопросам единогласия достичь не удавалось. Все считали, что «Союзу» следует держать связь с антимонархическим рабочим движением, но вопрос о том, какую роль должны играть рабочие в марксистском движении, вызывал споры. Фракция «стариков» во главе с опытным марксистом, бывшим сторонником «Народной воли» Радченко, настаивала на том, что ни один рабочий не сможет сделать для дела революции столько, сколько высокообразованный, преданный общей идее интеллигент. «Молодые», среди которых были К. М. Тахтарёв и Аполлинария Якубова, говорили о том, что у рабочих-марксистов должно быть больше возможностей участвовать в работе российских марксистских организаций. Ульянов был ближе к Радченко, чем к Якубовой, но, в отличие от остальных «стариков», не отвергал напрочь возможность участия рабочих в марксистском движении — конечно, при условии, что они получат соответству-

ющее базовое образование. Такая точка зрения, выделявшая Ульянова и из «стариков» и из «молодых», пережила второе рождение в начале двадцатого столетия, когда на повестке дня вновь встал вопрос о рабочем движении[14].

До этих времен надо было еще дожить, а пока что полиция рассмотрела прошения матерей Мартова и Ульянова о проезде сыновей к месту ссылки за свой счет и дала официальное разрешение. Петербургская издательница Александра Калмыкова, симпатизировавшая марксистам, предложила Ульянову денежную помощь, но Мария Александровна была в состоянии сама оплатить дорогу и от предложения Калмыковой вежливо отказалась[15].

Владимира слегка смущало то, что некоторые из арестованных товарищей не могли позволить себе ехать за свой счет. Но он быстро справился с искушением поехать вместе с ними в арестантском вагоне. Ни тогда, ни потом товарищеские чувства не могли заставить его отказаться от материального благосостояния. 17 февраля Владимир вместе с матерью уехал в Москву. Мария Александровна подала прошение разрешить Владимиру задержаться в Москве в связи с плохим состоянием ее здоровья[16].

Владимир покинул Москву лишь 23 февраля. В Москве он не упустил возможности провести несколько дней в библиотеке Румянцевского музея. Здоровье его пошатнулось: его преследовали «нервные срывы», не оставляющие его до конца дней. Вся семья пребывала в крайнем напряжении[17]. В дальнейшем у Владимира часто случались приступы эмоциональной нестабильности, когда он сталкивался с чем-то новым, неизведанным. Ссылка стала поворотным моментом в его жизни. Он и раньше не собирался работать по специальности, но отныне это становилось невозможным, даже если бы он того захотел. Арест и ссылка навсегда занесли его имя в «черный список» людей, к которым применялся запрет на профессию[18].

Он рассказал матери о своих тревогах, и беседа с ней, кажется, успокоила его. Отношения Владимира с матерью были на редкость теплыми. Письма к сестрам он подписывал равнодушным «Жму руку. Твой В. У.», но письма к «дорогой мамочке» часто заканчивались словами: «Крепко целую»[19]. Без сомнения, Владимир Ульянов очень любил мать. Однажды он сказал о ней: «Мама... вы знаете, она святая»[20]. Но он во многом сам, сознательно, сделал мать «святой». Постоянные жалобы на слабое здоровье поставили его в центр внимания всей семьи.

В момент выезда из Москвы Владимир не знал о том, где именно проведет срок ссылки. Власти еще не приняли определенного решения на этот счет. Володя старался оставаться спокойным, но «нервные срывы» время от времени повторялись. На московском Курском вокзале Володя распрощался с Митей. Мать, Анна и муж Анны Марк Елизаров сели в поезд вместе с Владимиром, чтобы проводить его до Тулы[21]. Дальнейший путь лежал на восток по Транссибирской железной дороге. В Туле Ульянову опять пришлось поволноваться. Поезд оказался переполненным, мест не хватало. Хотя Владимир должен был радоваться, что ему вообще позволили ехать в относительно комфортных условиях, а не в арестантском вагоне, он не мог стерпеть такого неудобства. Быстрыми шагами он прошел вдоль платформы и сердито набросился на первого попавшегося чиновника. Уверенно, как подобает профессиональному юристу и потомственному дворянину, он заявил, что железнодорожное начальство должно выполнять свои обязательства перед пассажирами, и поэтому следует прицепить к поезду дополнительный вагон[22]. Жалобу передали начальнику станции, и после энергичных переговоров ссыльный революционер добился своего. Репрессивные царские власти оказались способными на уступки, немыслимые в возглавляемой Лениным Стране Советов. Дополнительный вагон прицепили, и пассажиры с комфортом уехали в Красноярск.

В Красноярске пришлось задержаться на два месяца. Енисей еще стоял подо льдом, и надо было дождаться начала навигации. За время пребывания в городе Владимир посетил местного дантиста и удалил больной зуб. В Красноярске проживал предприниматель Геннадий Юдин[23], владелец спирто-водочного завода, известный библиофил. Марксист Ульянов познакомился с Юдиным и получил доступ в его богатую библиотеку[24]. Контакты с марксистами говорили о растущем разочаровании российских предпринимателей в царской династии. На всякий случай Владимир написал на имя иркутского генерал-губернатора прошение о назначении Красноярска в качестве места ссылки[25]. Не особо надеясь на положительный ответ, он в качестве альтернативы предложил Минусинск. Минусинский округ из-за здорового климата слыл в кругу революционеров «сибирской Италией». В Минусинске или одной из соседних деревень можно было бы жить вполне комфортно. Красноярский врач Владимир Крутовский, приверженец аграрного социализма, помог Ульянову получить справку о заболевании желудка[26]. Среди ре-

волюционеров, вне зависимости от их убеждений, царил дух товарищества.

К апрелю 1897 года место ссылки Ульянова наконец определилось: деревня Шушенское Минусинского округа Енисейской губернии[27]. На радостях Владимир попытался даже написать стихотворение о «Шу-шу-шу», или «Шуше», как назвал он еще не виденную им деревню, где ему предстояло прожить три года: «В Шуше, у подножья Саяна...»[28]. Однако вдохновение покинуло его уже после первой строфы. Поэзия была не в его стиле. Будучи человеком темпераментным, он всю свою страстность вкладывал в вопросы классовой борьбы, экономического анализа и марксистской идеологии и писал свои произведения тяжелым, неровным языком. Он по-прежнему любил литературу, но все чаще использовал ее в качестве источника своих политических идей. Он не позволял, чтобы литература отвлекала его от реальности, и не доверял полету фантазии. Ничто не должно было отвлекать его от политики, а уж в этой области он твердо знал, чего хотел.

Владимир с нетерпением ждал путешествия в «Шушу». Дорога из Красноярска обещала быть приятным приключением. Вначале следовало добраться до Минусинска — четыре дня на пароходе по Енисею. В Минусинске, столице округа, проживало 15 000 человек. Дальнейшая судьба Владимира находилась в руках минусинских властей. Теперь он был далек от всевидящих глаз петербургской полиции. 30 апреля 1897 года, когда спал паводок и на Енисее установилась навигация, Владимир поднялся на борт парохода «Святой Николай»[29]. Он был не один, а в достойной компании. Вместе с ним к месту ссылки добирались товарищи по петербургскому «Союзу борьбы» Глеб Кржижановский и В. В. Старков. Они также получили разрешение в связи со слабым здоровьем отбывать срок ссылки в деревне недалеко от Шушенского. Стоя на палубе, друзья любовались видом прекрасных гор и лесов с самой середины бурного Енисея. В Минусинске они подали заявление на получение причитающегося им месячного пособия в размере восьми рублей. Этих денег должно было хватить на самое необходимое — питание, одежду и оплату жилища. До конечного места назначения добирались в повозке, запряженной лошадьми. До Шушенского от Минусинска было около сорока миль.

В Шушенском в те дни проживало свыше тысячи человек и имелась местная администрация. Почту из Центральной России доставляли дважды в неделю, по понедельникам и четвергам. При

необходимости можно было послать телеграмму в Минусинск[30]. За околицей поселка протекала речка Шушь, приток Енисея, и летом Владимир ходил купаться на один из протоков. Из окна его дома открывался прекрасный вид на заснеженные вершины Саянских гор. Кормили здесь хорошо и сытно, так что даже отпала нужда в минеральной воде, предусмотрительно привезенной с собой по совету врача. Вскоре Владимир написал матери: «Здесь все нашли, что я растолстел за лето, загорел и высмотрю совсем сибиряком. Вот что значит охота и деревенская жизнь! Сразу все петербургские болести побоку!»[31].

Хуже всех приходилось Юлию Мартову. Его (может быть, из-за еврейского происхождения) сослали в Туруханск, поселение недалеко от Полярного круга. Зимой здесь было невыносимо холодно, почта приходила только девять раз в году. Мартову приходилось терпеть изоляцию от нормальной общественной жизни и неизбежные в этих условиях склоки среди ссыльных, слишком озабоченных политическими и личными разногласиями. Николай Федосеев, друг Ульянова, не выдержал клеветы со стороны товарищей по несчастью и застрелился[32]. (Ульянов переписывался с Федосеевым, после того как тот в 1897 году был переведен из владимирской тюрьмы в поселок Верхоленск в Северо-Восточной Сибири.)

Трудности сибирской ссылки не коснулись Ульянова. Именно здесь, в Шушенском, впервые проявились его лидерские способности. Стремясь уладить свою жизнь максимально комфортно, он не забывал о страданиях Мартова, Федосеева и других товарищей и старался поддерживать их в письмах, как мог. Наконец он решил заняться устройством своей личной жизни. Во всяком случае так следовало из письма, отправленного 8 января 1898 года на адрес Петербургского департамента полиции, в котором Ульянов просил о переводе своей «невесты» Надежды Крупской, отбывавшей ссылку в Уфе, в Шушенское[33]. Разрешение было получено почти сразу же. Как сообщал Владимир матери, предстоящую помолвку предполагалось использовать для перевода Крупской в Шушенское, как можно ближе к остальным товарищам.

Было ли в этом поступке что-нибудь помимо политического расчета? Перед отъездом Ульянова в ссылку Крупская предложила ему стать его невестой. Согласно воспоминаниям Анны Ильиничны, тогда Владимир на предложение Надежды ответил отказом[34]. Позже, приблизительно в конце 1897 года, они все же решили обручиться.

Надежда Крупская не была единственной женщиной в кругу друзей Владимира. Известно, что Владимир и Аполлинария Якубова (Кубочка, как он называл девушку) испытывали симпатию друг к другу. Когда Владимира выпустили из Дома предварительного заключения перед отъездом в ссылку, Якубова «прибежала и расцеловала его, смеясь и плача одновременно»[35]. Вполне возможно, что Якубова, красивая девушка и пламенная революционерка, нравилась Ульянову больше, чем Крупская. Намек на это можно найти в неопубликованной части воспоминаний Анны Ильиничны. Расставшись с Якубовой, Владимир произнес с большой нежностью: «Да-а-а, Кубочка!»[36]. Что означает эта загадочная фраза? В воспоминаниях Анны Ильиничны нет ни малейшего намека на то, что Владимиру нравилась Крупская. Но Анна Ильинична недолюбливала Надежду Константиновну и поэтому могла в своих воспоминаниях исказить действительные отношения Ульянова с Якубовой и Крупской.

Почему Владимир вдруг решил жениться, до конца не ясно. В декабре 1897 года в письме матери он намекает, что Надежда Константиновна еще не решилась окончательно подавать прошение о переводе ее в Шушенское[37]. Много лет спустя Мария Ильинична по этому поводу холодно заметила: «Она подала прошение о переводе к месту ссылки В. И. (Ульянова) в качестве его невесты, и они должны были пожениться, иначе Н. К. (Крупскую) быстро вернули бы в Уфимскую губернию, к первоначальному месту ссылки»[38]. Конечно, как и старшая сестра, Мария Ильинична преуменьшала взаимное влечение Владимира и его будущей невесты. Но даже Мария не отрицала, что молодые люди испытывали чувства любви и привязанности друг к другу.

По поводу отсутствия бурных страстей в начале отношений Ульянова и Крупской некоторые авторы высказываются почти злорадно, видя в этом доказательства бесчувственности Ленина. Но недавно появились свидетельства того, что такая точка зрения — не более чем предубежденность. Страстная, романтическая любовь между мужчиной и женщиной не была целью ни для Володи, ни для Надежды. Оба мало писали о чувствах друг к другу. Уже после смерти Ленина, в 1927 году, Крупская пишет гневное письмо партийному историку Владимиру Сорину. В письме она рассказывает об отношениях, принятых в кругу молодых марксистов в дни ее юности. Надежда Константиновна энергично возражает Сорину в ответ на его предположение о том, что революционеры «безнадежно влюблялись» друг в друга. Наоборот, они сознательно отвергали «буржуазные» сердечные

дела и стремились создать новый образ жизни, причем их собственные отношения должны были быть сосредоточены на общем служении делу революции. Прочный брачный союз для этих юношей и девушек имел неприятный «буржуазный» привкус: традиция, религия, экономические личные интересы и подчиненность женщины мужчине. Как отмечала Надежда, российские марксисты куда чаще, чем их европейские товарищи, образовывали свободные партнерские союзы для пользы общего дела. Большое влияние на молодых людей оказала идея революционных коммун из романа Николая Чернышевского «Что делать?», а также антибуржуазная философия Дмитрия Писарева[39]*. Крупская не особенно подробно описывала свои отношения с Ульяновым, но сделанный ею намек понятен: они нравились друг другу и любили друг друга в достаточной степени. Во всяком случае, они были уверены, что в обозримом будущем смогут работать вместе.

Надежда Константиновна была симпатичной девушкой с правильными чертами лица, хотя вряд ли кто назвал бы ее красавицей, несколько выше Владимира ростом и на год старше его. Обычно она носила платья неярких тонов, волосы закалывала на затылке простым гребнем. Надежда выглядела как типичная школьная учительница — да она и стала бы учительницей, если бы не увлеклась политикой. Крупская, как и Ульянов, происходила из мелкого дворянского рода, вот только финансовое положение ее семьи было значительно хуже. Отец Надежды Константиновны был офицером. При подавлении восстания 1863–1864 годов в Речи Посполитой он проявил недостаточную суровость к противнику, впал в немилость и был уволен из армии. Чтобы свести концы с концами, он брался за любую работу: однажды ему даже пришлось работать страховым агентом. Мать Надежды писала книги для детей, чтобы пополнить тощий семейный кошелек[40].

Семья часто переезжала с места на место. По переезде родители сразу же устраивали дочь в местную гимназию, чтобы она не прерывала учебу. Надежда научилась с юмором относиться к тяжелым обстоятельствам своей жизни. Надя росла серьезной девушкой. В возрасте восемнадцати лет она написала Льву Толстому, предлагая свое участие в начатом великим писателем

* *Дмитрий Писарев* (1840–1868) — русский публицист и литературный критик. В 1862–1866 заключен в Петропавловскую крепость за антиправительственный памфлет. В начале 1860-х годов выдвинул идею достижения социализма через индустриальное развитие страны («теория реализма»). Пропагандировал развитие естествознания, которое считал средством просвещения.

проекте перевода классики всемирной литературы на русский язык[41].

В Санкт-Петербурге Надежда познакомилась со студентами, у которых Толстой был не в почете из-за христианства и пацифизма. Постепенно она увлеклась марксизмом. Свободное время Надя чаще всего проводила за чтением и изучением иностранных языков. Девушка решила посвятить себя делу революции, и именно это нравилось в ней Ульянову больше всего. Как говорила она сама, Владимир никогда не смог бы полюбить женщину, чьи убеждения он не разделял и которая не смогла бы стать его товарищем по работе[42]. Более того, Крупская гораздо больше работала с простыми рабочими, чем сам Ульянов: она преподавала в воскресной и вечерней школе, обучая рабочих не только чтению и письму, но и основам марксизма. Надя неплохо владела передовыми для того времени педагогическими методиками. Что не менее важно, она была весьма тактичной и сдержанной. Темпераментный и переменчивый Владимир обращался с людьми очень своеобразно, и его будущей жене терпение было просто необходимо. Надежда, как свидетельствуют все, кто знал ее, всеми этими качествами обладала в избытке.

К этому времени еще два члена семьи Ульяновых попали в руки Министерства внутренних дел. Дмитрия за участие в революционном движении в 1897 году исключили из Московского университета и выслали в Тулу. Вскоре и младшая Мария была арестована и выслана в Нижний Новгород[43]. Мария Александровна разрывалась между Тулой и Нижним Новгородом. Вскоре ей удалось добиться разрешения властей, чтобы Дмитрий отбывал срок высылки по новому месту проживания семьи — в маленьком городке Подольске, расположенном в двадцати пяти милях к югу от Москвы по Курской железной дороге. Ульяновы снимали в Подольске дом. Через какое-то время сюда была переведена и Мария[44].

В Подольск семья переехала в 1898 году, когда муж Анны Марк Елизаров получил назначение в бухгалтерский отдел Курской железной дороги. Новая должность Марка давала возможность ему, его жене и теще бесплатно пользоваться услугами железной дороги[45]. В то время в Подольске проживало четыре тысячи человек. Это был уютный зеленый городок, окруженный лесами и озерами. Мария Александровна надеялась, что ее нервы наконец-то придут в норму. Она страдала от нервных расстройств и болей в желудке. Один из врачей спросил ее, не приходилось ли ей переживать за последнее время душевных потрясений.

Более бестактный вопрос трудно себе представить. «Душевных потрясений» у женщины было хоть отбавляй: безвременная смерть мужа, казнь старшего сына, арест и высылка троих детей, один из которых отбывал свой срок в далекой Восточной Сибири. Мария Александровна уже давно не мечтала, что ее дети когда-нибудь сделают нормальную профессиональную карьеру. С каждым годом прибавлялись все новые проблемы. Не удивительно, что Мария Александровна жила в постоянном напряжении.

Наконец Надежда Крупская получила разрешение на переезд в Шушенское. Еще до отъезда в ссылку ее здоровье пошатнулось, выглядела она неважно. Среди революционеров Надя была известна под псевдонимом «Рыба», или «Минога». Малоприятная кличка стала следствием начинавшейся базедовой болезни — заболевания щитовидной железы, при котором опухает шея и увеличиваются глазные яблоки. Анна Ильинична, видевшая Надежду перед ее отъездом в ссылку, безжалостно подметила, что та была похожа на селедку[46].

Перед отъездом Надежда Константиновна от имени Ульянова договорилась о публикации его экономических статей и заключила договор на перевод книги британских экономистов Сиднея и Беатрис Вебб «Теория и практика английского тред-юнионизма»*. Издатели, как сообщила Крупская Марии Александровне, разрешили Ульянову, с учетом недостаточного знания им английского языка, делать перевод с немецкого издания книги, сверяя его с английским оригиналом. Надежда понимала, что Володе необходим человек, который помогал бы ему в организации повседневной жизни: Владимир очень нуждался в деньгах, но договариваться о переводе книги супругов Вебб пришлось Надежде Крупской. Сборами в далекую дорогу — решением финансовых вопросов, оформлением необходимых документов, покупкой одежды для себя и матери, книг и продовольствия — тоже занималась в основном она. Их ждал долгий путь: поездом из Москвы, по Транссибирской магистрали, на пароходе и в повозке до сибирского села Шушенское, куда они прибыли в мае 1898 года. По приезде Крупских жизнь Ульянова стала разнообразнее. Надежда очень любила собирать грибы и попыталась увлечь «тихой охотой» Владимира. Вначале он отнекивался, а потом увлекся и вскоре стал заядлым грибником. «Из леса его не вытянешь», — писала Надежда Марии Александровне.

* *Тред-юнионы* (англ. trade-unions) — название профсоюзов в Великобритании и ряде англоязычных стран.

Сообщала она и о планах в следующем году устроить огород, Владимир уже согласился вскапывать грядки[47].

Наде приходилось привыкать к особенностям характера своего жениха, к его привычкам и образу жизни. Перед отъездом в Шушенское она купила множество книг и журналов, необходимых ему для работы. К его увлечению пешими прогулками тоже надо было привыкнуть: если Надя по воскресениям с удовольствием проводила время дома за чтением, то Володю тянуло прогуляться, и Надежда вместо чтения уходила гулять вместе с ним[48]. Особенно трудно оказалось найти общий язык с сестрами Владимира. Анна Ильинична очень ревниво восприняла появление рядом с братом чужой женщины. Легкомысленный тон Надиных писем раздражал ее. Анна невежливо высказала предположение, что Надя перед отправкой дает прочитать свои письма Володе и разрешает ему вносить правки — Надя не отрицала, что показывает Владимиру свои письма, но указывала, что считает это совершенно нормальным в отношениях мужа и жены. Анна стонала, что Володя не всегда передает в конце письма привет от Нади — Надя отвечала, что, по Володиному убеждению, все Ульяновы и так знают о том, что Надя постоянно передает им привет[49]. Анне так и не удалось спровоцировать брата нарушить правила хорошего тона. Надежда не высказала на этот счет ни единого комментария, проявив почти ангельское терпение.

Девушке приходилось учиться занимать в семье роль подчиненного. Она понимала, что от ее способности установить хотя бы внешне приличные отношения с Анной зависит спокойствие жениха, и поэтому прикусила язык. В будущем в отношениях с сестрами мужа ей придется сделать это еще не раз. Надежда благоговела перед уникальным политическим и интеллектуальным талантом своего жениха ничуть не меньше, чем его сестры. Эти три женщины хотели помогать и служить ему — и он с радостью соглашался.

Перед приездом невесты и будущей тещи Володя снял более просторный дом и нанял служанку, пятнадцатилетнюю девушку. В новом доме он выделил себе кабинет и расставил по полкам книги, в большом количестве приходившие по почте из Центральной России. Здесь же хранился альбом с фотографиями его кумиров — политических заключенных, приговоренных к каторжным работам в сибирских колониях (к счастью, ему удалось избегнуть подобной судьбы). Были в альбоме и две фотографии по-прежнему почитаемого Чернышевского[50], и портреты других деятелей революционного движения. Владимиру, хотя он и ста-

рался не проявлять особой сентиментальности в политике, тоже нужны были образцы для подражания. Он был совсем не таким хладнокровным, каким хотел казаться. До сих пор его кумиры не давали повода разочароваться в них, но позже, когда это разочарование все же наступало, Владимир очень переживал.

Он не был лишен практической сметки. Мария Александровна решила продать фамильное имение в Кокушкине, так как никто из Ульяновых там больше не жил, а семья из-за ареста и ссылки Владимира очень нуждалась в наличных деньгах. Вначале мать думала сдать дом в аренду. Если бы Володя был рядом, она, конечно, обратилась бы к нему за юридической консультацией. К счастью, Марк Елизаров имел опыт работы страховым агентом, и он посоветовал Марии Александровне продать дом по выгодной цене. Занимаясь по поручению Марии Александровны продажей дома, Марк позаботился об интересах Владимира как старшего сына и наследника, сообщив ему подробности планируемой сделки. Когда дело с продажей имения было завершено, Марк даже собирался каким-то образом переслать Владимиру кокушкинскую собаку, но Володя вежливо отказался. Во-первых, он уже завел себе пса, ирландского сеттера Женьку, а во-вторых, это слишком накладно — пересылать собаку из Поволжья в Сибирь[51].

В Шушенском Владимир вел жизнь сельского джентльмена. Брат Дмитрий прислал ему в подарок охотничью двустволку, и Владимир с огромным удовольствием ходил охотиться на лис и зайцев в окрестных лесах[52]. Полюбил он и рыбалку на Енисее. Зимой Владимир ходил с Надей кататься на коньках, и Надежда вспоминала, какое впечатление производили его выкрутасы на льду. Спорт был его страстью. При встречах с Кржижановским, человеком намного крупнее Владимира, они устраивали что-то вроде соревнования по борьбе. Ульянов и Кржижановский были исключением среди равнодушных к физкультуре революционеров. Владимир стал спокойнее, его нервные срывы прекратились, желудок перестал болеть. Свежий воздух и здоровая пища пошли на пользу членам «Союза борьбы», которым удалось выхлопотать себе поселение в «Сибирской Италии» — Минусинском округе.

Разумеется, их жизнь не была лишена неприятностей. Чтобы съездить друг к другу в гости, нужно было получать разрешение. Не все необходимое из одежды и вещей можно было купить на месте, и тогда приходилось слать запрос в Центральную Россию. Володя просил мать прислать ему хорошую соломенную шляпу на лето, кожаное пальто к зиме, а также карандаши «Hard-

muth № 6» — высланные ему ранее карандаши он быстро израсходовал.

Недостаток товаров не был самой большой проблемой в сибирской жизни. Куда больше досаждала мошкара. В Восточной Сибири водились на редкость агрессивные комары. По ночам Владимир надевал на голову сетку-накомарник, но проклятые комары впивались в руки. Тогда Володя попросил мать прислать ему пару лайковых перчаток: «Глеб [Кржижановский] уверяет меня, что здешние комары прокусывают перчатки, — но я не верю. Конечно, уж выбирать надо перчатки подходящие — не для танцев, а для комаров»[53]. Увы, история так и не донесла до нас завершение горячего спора о том, способны ли сибирские комары кусать сквозь кожаные перчатки.

Вскоре после приезда Надежды в Шушенское началась подготовка к свадьбе. С приездом Нади и Елизаветы Васильевны быт Владимира стал уютнее, к тому же появился повод делать будущей теще комплименты по поводу ее кулинарных талантов[54]. Однажды Владимир опозорился, похвалив за обедом удачно приготовленного гуся, но отметив, что мясо костлявое. Елизавета Васильевна слегка обиделась: «гусь» на самом деле был рябчиком.

День венчания приближался. Пришло письмо от Анны Ильиничны. Сестра спрашивала, когда же наконец Владимир пришлет родным приглашения. Владимир ответил довольно сердито:

> «Анюта спрашивает, — когда свадьба и даже кого „приглашаем"?! Какая быстрая! Сначала надо еще Надежде Константиновне приехать, затем на женитьбу надо разрешение начальства — мы ведь люди бесправные. Вот тут и „приглашай"!»[55]

Чтобы его не обвиняли в негостеприимности, Володя уверял родных, что хотел бы пригласить их в Шушенское на свадьбу[56]. В письме он передал опасения Елизаветы Васильевны, что дальняя дорога окажется слишком утомительной для Марии Александровны, но от себя добавил, что, в конце концов, можно ехать по железной дороге, хотя бы вторым классом[57]. Он всячески избегал прямых попыток отговорить мать от приезда в Шушенское. Это письмо было отправлено в июне 1898 года. В этом же месяце Владимир подает официальное прошение на имя местных властей о разрешении ему и его невесте вступить в законный брак. Финн Оскари Энгберг, находившийся здесь же в ссылке, выковал для молодых медные обручальные кольца. 10

июля 1898 года местный священник отец Орест обвенчал Надежду и Владимира в шушенской Петропавловской церкви[58].

Такую спешку Володя объяснял необходимостью: якобы в противном случае власти выслали бы Надежду обратно в Уфу. На самом деле Владимир просто не хотел пышной семейной свадьбы. Он с облегчением переложил обязанность сообщить родным о своих новостях на молодую жену, умевшую найти тактичные, дружеские слова.

В отношениях с родней мужа бедной Наде приходилось нелегко. Мать и сестры считали, что она обязана произвести на свет новое поколение Ульяновых. Спустя восемь месяцев после свадьбы Надежда писала свекрови: «Что касается моего здоровья, то я совершенно здорова, но относительно прилета пташечки дела обстоят, к сожалению, плохо: никакой пташечки что-то прилететь не собирается»[59]. Долгожданная «пташечка» так и не прилетела... Надя и Володя очень хотели иметь детей, но Наде никак не удавалось забеременеть. Об этом грустном факте Надя сообщила родным. Владимир не вмешивался в отношения жены и сестер, не пытался ни смягчить чувство вины молодой супруги перед своими родственниками, ожидающими от нее потомства, ни защитить ее от их требований.

В это время Ульянов писал свою книгу «Развитие капитализма в России». В тексте книги, работа над которой была завершена в августе 1898 года, содержалось свыше пятисот ссылок на литературные источники. Владимир показал рукопись товарищам по ссылке. В то время для него еще были очень важны замечания товарищей, и лишь в последующие годы он станет настолько уверенным, что будет обходиться без подобных консультаций.

Ульянов очень хотел, чтобы его книга увидела свет. Проблема была в том, что его имя никому не было известно. Он даже думал об издании книги за свой счет, но все же решился в последний раз попытаться подписать контракт с издателем, вспомнив о маленьком петербургском издательстве М. И. Водовозовой, публиковавшем книги авторов-марксистов[60]. Володя попросил Анну разведать возможность публикации и изложил свои требования. Прося сестру постараться добиться максимально высокого гонорара, он признался в том, что «нет никакого резона торопиться с получением денег»[61].

Владимир очень беспокоился о том, чтобы книга имела достойный внешний вид — была напечатана четким шрифтом, с аккуратными статистическими таблицами и без опечаток, чтобы

она вышла как можно скорее и приличным тиражом. Сошлись на 2 400 экземплярах для первого издания. Водовозова гарантировала размер гонораров, достаточный для приобретения необходимой литературы в петербургском книжном магазине Александры Калмыковой.

«Развитие капитализма в России» вышло под псевдонимом «Владимир Ильин»: революционер Ульянов хотел избежать проблем с государственной цензурой. В труде, написанном строгим стилем, он проявил солидную эрудицию и при этом избегал даже малейших непосредственных политических комментариев. Однако «Владимир Ильин» рассчитывал, что его книга, прочитанная и интерпретированная понимающими людьми, произведет эффект разорвавшейся бомбы. В книге содержались скрытые политические намеки, но кроме этого книга должна была подтвердить его статус крупного специалиста по вопросам экономического развития. Ульянов признавался, что ему не хватает знаний в области марксистской философии и политической теории. Он согласился и с тем, что еще не читал Иммануила Канта[62]*. Но в области экономики он считал себя специалистом.

Книга «Развитие капитализма в России» рассматривает все аспекты российской экономики. К ее содержанию стоит внимательно присмотреться — не в последнюю очередь потому, что Ульянов впоследствии часто использовал ее для оправдания своей политической ориентации. В общем и целом он повторяет доводы Плеханова, добавляя к ним одну весьма своеобразную особенность. Плеханов утверждал, что определенные тенденции в жизни зажиточного крестьянства свидетельствуют о росте капиталистических отношений в деревне: покупка и аренда земли, наем работников, внедрение новейших технологий и оборудования. Ульянов пошел намного дальше, чем его учитель. Он не только заявлял, что капитализм в сельском хозяйстве уже находится на продвинутой стадии развития, но и утверждал, что зажиточные крестьяне, именуемые им «сельской буржуазией», хозяйствуют настолько эффективно, что их потребность в удобрениях, технике, и других товарах обеспечивает основной рынок сбыта для промышленных предприятий по всей Российской империи. В свою очередь рост производства товаров стимулирует развитие добывающей промышленности, а это волей-неволей требует поддержки со стороны финансового сектора. Для обеспечения потребностей этих секторов эконо-

* *Иммануил Кант* (1724–1804) — немецкий философ, родоначальник немецкой классической философии, создатель философской теории критического идеализма.

мики должны быть проложены транспортные коммуникации и линии связи. Таким образом, утверждал Ульянов, сельское хозяйство следует считать не вспомогательным сектором экономики, а основным двигателем развития капитализма в России.

Ульянов уделил внимание и анализу социальной ситуации. В частности, он утверждал, что древнее определение «крестьянство» больше нельзя использовать в научных трудах, так как подавляющая часть крестьян превратилась в «сельский пролетариат», не имеющий собственной земли и земледельческих орудий и существующий за счет продажи рабочей силы на капиталистическом рынке труда. Лишь незначительная часть крестьянства может считаться богатой — это «сельская буржуазия», кулаки (держащие всю свою деревню как в сжатом кулаке). Промежуточный слой, середняки, должен вот-вот распасться на две части: подавляющее большинство из них должно пополнить ряды бедняков-пролетариев, а меньшинство — разбогатеть до уровня кулаков. Популярные в среде народников представления о царящем в крестьянской общине духе солидарности и равенства — не более чем вздор. Перспективы развития российской экономики — созревание уже сложившихся капиталистических отношений как в городе, так и в деревне.

В этом анализе содержались скрытые нападки на существовавшие в России немарксистские экономические теории. Ульянову, как ему самому казалось, удалось продемонстрировать, что владение зарубежными колониями вовсе не является предпосылкой развития капитализма. Кроме того, Ульянов показывал, что зависимость капитализма от иностранных инвестиций и предпринимательства также не является критической. Россия, заявлял он, проходит путь трансформаций на основе своих собственных ресурсов. Ульянов подробно останавливается на необходимости учитывать особенности российской экономики в регионах, где капиталистические отношения наиболее развиты: в Петербурге и Варшаве — металлургия, в регионе Москвы — текстильная промышленность, в Донецком бассейне — уголь, в Баку — нефть, на Украине и юге России существует эффективное земледелие, в Восточной Сибири и Балтийском регионе растет производство молочных продуктов.

Несмотря на то что в стране по-прежнему существуют экономически отсталые регионы, во многих местах уже сложилась высокоэффективная, быстро развивающаяся экономика, и вскоре она превратит старую Россию в страну, способную конкури-

ровать с развитым капиталистическим Западом. Ульянов высмеял экономических аналитиков, утверждавших, что экономика России зашла в тупик. Россия, уверен Ульянов, раз вступив на путь капитализма, в соответствии с законами экономического развития обязательно пройдет его до конца.

Конечно, проведенный Ульяновым анализ был во многом тенденциозным, но следует признать, что сделан он мастерски. Ульянов проявил способность довести анализ до предельно возможных логических выводов, при этом обеспечивая их исключительно теми данными, которые подтверждают ход мысли автора. Читателям, думающим не только об экономике, но и о политике, должно было стать ясно, что подразумевал молодой автор: если Россия уже является капиталистической страной, то давно пришло время свергнуть монархический строй. Царский режим безнадежно устарел. Капиталистической стране нужны демократия и гражданские права. Более того, если капитализм в России уже достаточно развит, то вскоре после «буржуазно-демократической революции», направленной против монархии, может совершиться попытка еще одной, более глубокой революции — социалистической. Ульянов издал экономический трактат, который, он был уверен, принесет марксизму тысячи новых приверженцев в России.

Помимо всего, Ульянов хотел доказать, что российские марксисты идут в ногу с европейской мечтой о социализме. То, что происходит сегодня в Германии, завтра может случиться в России. Даже находясь в ссылке, Владимир просматривал все доступные ему журналы в поисках информации о Германии. После смерти Энгельса в 1895 году героем Ульянова среди социал-демократов стал теоретик экономии, политики и философии Карл Каутский*. Каутский очень серьезно относился к теории и мечтал о социализме на «научной основе», называя себя защитником наследия Маркса и Энгельса. Каутский, высоко ценивший систематичность в знаниях и в действиях, пришелся Ульянову по сердцу. Особенно воодушевило Владимира то, как Каутский защищал Маркса и Энгельса от критики Эдуарда Бернштейна, некогда сотрудничавшего с самим Энгельсом, а теперь пытавшегося провести «ревизию» ключевых концепций марксизма. Бернштейн отрицал, что развитое капиталистическое обще-

* *Карл Каутский* (1854–1938) — один из лидеров и теоретиков германской социал-демократии и 2-го Интернационала, центрист. В 1880-х — начале двадцатого века написал ряд марксистских работ, с 1905 года начал выступления против радикальных марксистов (Р. Люксембург и др.).

ство делится на два основных класса, буржуазию и пролетариат, не одобрял революции, предпочитая эволюцию и мирные реформы, и утверждал, что если для построения социализма требуется вначале разрушить капиталистическую экономику, то тогда построение социализма невозможно вообще. Для Ульянова и Каутского ревизионизм Бернштейна означал измену принципам марксизма[63].

Ульянова ужасала мысль, что ревизионизм не ограничивается Германией. Он пришел и в Россию. Летом 1899 года Анна Ильинична прислала брату в Минусинск текст, написанный двумя марксистами, российскими эмигрантами С. Н. Прокоповичем и Екатериной Кусковой. Совершенно случайно она придумала безымянному документу название «Credo». На основании опыта рабочего движения в Западной Европе авторы утверждали, что не следует втягивать бедных и необразованных российских рабочих в революционные политические движения. Вместо этого рабочие должны сосредоточить свои усилия на скорейшем улучшении условий труда и повышении уровня жизни. Плеханов и «Освобождение труда» были в шоке: ведь авторы отрицали не только ведущую роль рабочего класса в свержении монархии, но и политическую деятельность вообще! Плеханов назвал Кускову и Прокоповича ренегатами, изменниками делу марксизма. Анна Ильинична, назвав документ «Credo», невольно придала ему намного большее значение, чем он того заслуживал*. Позже она сожалела о том, что невольно подняла суету вокруг малозначительного документа[64]. Беспощадный Владимир вызвал к себе в Шушенское шестнадцать ссыльных товарищей по «Союзу борьбы», и они разгромили «Credo» до последнего слова, пункт за пунктом.

Ульянов был так разгневан на ревизионистов, что Анна даже удивилась, не потерял ли он чувство меры. Работа над «Развитием капитализма в России» была завершена, и Владимиру не терпелось вновь ввязаться в политическую «драку»: в начале 1900 года истекал срок его ссылки. За 1899 год он опубликовал пять обзорных статей в солидных петербургских журналах, в том числе статью, посвященную книге Каутского «Аграрный вопрос», а также критическую статью о трудах Бернштейна. Восьмой номер журнала «Научное обозрение» опубликовал его научную статью «Теория реализации».

---

* «Credo» (лат. «Верую») — 1) убеждения, взгляды, основы мировоззрения (напр., политическое кредо, научное кредо). 2) Церковный Символ веры на латинском языке. В советское атеистическое время слово «кредо» лишилось своей двусмысленности.

Мало-помалу шушенский ссыльный приобретал опыт и известность. За годы, проведенные в ссылке, он прочел множество книг, тщательно изучил труды Маркса, Энгельса и Каутского, ознакомился с немарксистской экономической мыслью, в том числе с трудами Гобсона, Листа и Сисмонди*, неокантианской философией** (и сразу же отверг ее как противоречащую материалистическому мировоззрению). Он по-прежнему читал труды российских социалистов-аграриев и все так же высмеивал их по любому поводу, но теперь его безжалостная критика распространялась и на марксистов, осмелившихся вносить мало-мальски серьезные изменения в плехановскую версию марксизма.

Владимир и Надежда ждали решения Министерства внутренних дел. Срок ссылки Нади еще не закончился, и ей предстояло вернуться в Уфу. Еще не было известно, где позволят поселиться Владимиру.

Володя очень тяжело переносил неопределенность, его нервы опять разыгрались, он потерял аппетит[65]. За три года жизни в Шушенском, активно занимаясь спортом, он приобрел здоровый румянец, а теперь побледнел и похудел.

К 19 января 1900 года Владимиру наконец позволили покинуть Сибирь. Семья начала собираться в дорогу. Книги (а их набралось целых 500 фунтов) уложили в сундуки. До Ачинска предстояло ехать в открытой повозке, при тридцатиградусном морозе, а Надина мать постоянно кашляла[66]. Тем не менее никто из них не желал ждать весны или хотя бы потепления. Решили выезжать 29 января. К этому дню стало известно, что Владимиру запрещено проживать в Петербурге, Москве и других университетских и крупных промышленных городах. Молодым супругам предстояла разлука до конца Надиной ссылки. В свое время Надя приехала в Шушенское, чтобы поддержать Владимира, но теперь он не собирался платить ей тем же и ехать в Уфу, за семьсот миль к востоку от Москвы. Его манила революция, а не романтические чувства, и он выбрал Псков, до которого от Петербурга всего 170 миль поездом[67]. По дороге он решил на

---

* *Фридрих Лист* (1789–1846) — немецкий экономист. Сторонник протекционизма, выступал за государственное вмешательство в экономику. *Симонд де Сисмонди* (1773–1842) — швейцарский экоиомист и историк. Выступал за активное вмешательство государства в экономику в целях торможения прогресса (поскольку машины вытесняют рабочих). *Джон Гобсон* (1858–1940) — английский экономист. В своем главном труде «Империализм» (1902) дал описание осиовных тенденций в экономике.

** Неокаитианство — течение философии второй половины девятнадцатого — начала двадцатого века, пытавшееся возродить философию И. Канта.

день-два задержаться в Уфе и помочь жене и теще устроиться на новом месте.

В Подольске, к югу от Москвы, его ждали мать, сестры и брат. Анна вспоминает о первом впечатлении после долгой разлуки:

> «Сразу вспоминается, как были мы удручены его внешним видом: исхудавший, заросший длинной бородой [это недопустимо? — Р. С.] он поднимался по лестнице. Первым раздалось горестное восклицание матери: „Как же ты писал, что поправился? Какой ты худой!"
>
> Позже выяснилось, что брат действительно поправился в ссылке, но за последние недели сдал»[68].

К тридцати годам Владимир Ульянов достиг определенного успеха и признания. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, вышедший в 1900 году в Петербурге, поместил короткую статью о нем как об экономисте. Пускай он еще не был Лениным в прямом смысле слова (знаменитый псевдоним появится позже), в определенном смысле слова можно сказать, что он уже стал Лениным. Убежденный марксист, он сохранял уважение к российским революционерам-террористам. Ульянов был писателем-теоретиком, и его революционные планы основывались на книгах и журнальных статьях, а не на непосредственном опыте общения с рабочими, но он не сомневался в абсолютной истинности марксизма. Не следует забывать, что марксизм соответствовал его потребностям и стремлениям, сложившимся задолго до того, как он впервые прочитал труды Маркса, Энгельса и Плеханова. Его родители верили в прогресс, рационализм и просвещение, верили в построение новой, «европейской» России. Им так и не удалось достичь полного социального признания, а после казни Александра от них отвернулось все общество. Отверженный правящими слоями «азиатской», средневековой и невежественной старой России, Владимир Ульянов жаждал мести — и его местью должна была стать ведущая роль в революции.

С самого детства Владимир стремился добиваться своего. Когда ему нужна была помощь, рядом были родные и молодая жена. Особым здоровьем он не отличался, тщательно скрываемая неуверенность в себе проявлялась в постоянных нервных срывах и разных болезнях. По характеру он был одновременно вспыльчивым и переменчивым, педантичным, решительным и способным к самодисциплине.

Владимир был на редкость несентиментальным человеком, уже в те годы способным не замечать страдания других, но в глубине сердца скрывающим глубокую эмоциональную привязанность — не к тем, кто был рядом, а к людям, сформировавшим его как политика. Это были Маркс, Александр Ульянов, Чернышевский и российские народники-террористы. У него были свои собственные идеи, но он агрессивно преподносил их как ортодоксальный марксизм чистейшей воды. Еще не сформировавшись как политический лидер, Владимир Ульянов был лидером по характеру и твердо решил, не тратя времени зря, всеми силами ускорять приход революции.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЛЕНИН И ПАРТИЯ

Ну что сказать о нашем житье-бытье? Ничего особенного. Все мы, то есть я, Надя и зять, в добром здравии и погружены в работу.

Елизавета Васильевна Крупская

8

Организация революционеров

1900–1902

После возвращения из сибирской ссылки путь Владимира Ильича Ульянова в революцию лежал не через Петербург или Псков, а через Цюрих, Мюнхен и Лондон. Владимир знал, что члены «Союза борьбы» находятся под колпаком у полиции, а их переписка контролируется. Он вновь подал прошение о выдаче ему заграничного паспорта. Очевидно, в полиции решили, что за границей с ним будет меньше хлопот, потому что 5 мая Владимир уже держал в руках долгожданный паспорт[1]. Во второй половине июля он уехал из России. Его целью был Цюрих, где проживал Плеханов.

Полиция разрешила Владимиру навестить жену перед отъездом. Вместе с ним в Уфу из Москвы поехали Мария Александровна и Анна. Ехали поездом, затем пароходом. В дороге брат и сестра говорили о семейной родословной. Впервые Владимир узнал, что среди его предков со стороны матери были евреи. Вполне возможно, что к этому времени он уже знал о «татарских» (как их называла Анна) корнях отца[2]. Но о еврейских корнях матери Анна узнала, скорее всего, не раньше 1897 года, когда Владимир уже был в ссылке. Так что не исключено, что очередную новость о своей родословной Володя услышал именно на борту парохода, идущего в Уфу. Впрочем, не так важно, когда именно это произошло; гораздо важнее, как сам Ульянов воспринял эти новости, и здесь у историков нет никаких сомнений: Владимир высоко ценил евреев, о чем и сказал сестре. За примером не надо было далеко ходить — евреем был близкий друг

Ульянова Юлий Мартов. Ульянов не сомневался, что именно благодаря значительному еврейскому населению южных регионов России революционная деятельность в этих регионах развивается активнее, чем в Москве[3]. Не по этому ли поводу он раскритиковал «вялый и расхлябанный» русский характер и сказал, что люди со смешанным этническим происхождением очень полезны обществу?[4]

В Уфе Владимир познакомил мать и сестру с тещей. Надежда Константиновна с матерью проживали в доме на углу улиц Тюремной и Жандармской (Владимир язвил, что более подходящего адреса для его жены не найти). К огорчению Нади, женщины не очень поладили между собой. Впоследствии Надя жалела, что родня мужа не задержалась в Уфе подольше, и винила себя за то, что слишком была занята работой. Чтобы заработать на проживание, Наде пришлось заняться репетиторством, кроме того, она писала для различных журналов статьи по теории педагогики[5].

Проблемы отношений между родственниками не очень волновали Владимира. Он думал об эмиграции, и чисто практические вопросы беспокоили его намного больше. Возвращаясь из Уфы в Подольск вместе с матерью, Ульянов радовался, что после его возвращения из ссылки ее расшатанные нервы более-менее пришли в порядок. Пока Володя был в Сибири, Мария Александровна постоянно болела. Увидев сына живым и здоровым, она успокоилась и повеселела. В Подольске Владимир замечательно отдохнул, целыми днями гуляя и купаясь в озере Пахра. Места здесь были совсем неплохие — широкие поля и березняки, где в изобилии росли грибы, но Владимир уже решил, что уедет. Да он и не смог бы остаться в Подольске, даже если бы и захотел, так как местом его проживания был определен Псков. Но туда Ульянов не поехал. Из Москвы его путь лежал через Смоленск и Варшаву. По дороге в «русскую Польшу» Владимир задерживался в разных городах, где встречался с местными марксистами. Он не знал, что за каждым его шагом пристально следят агенты «охранки»[6]. Революционеры Российской империи определенно недооценивали силу тайной полиции. Но Ульянова ничто не смогло бы остановить, он хотел действовать и действовал.

В Швейцарии Владимира приняли члены плехановской группы «Освобождение труда». В Цюрихе, на Хофбанплатц, его встретил Павел Аксельрод. Радость встречи омрачало лишь одно: привезенный из России план создания марксистской газеты

оказался камнем преткновения. «Освобождение труда» отлично справлялось с выпуском книг и брошюр, но для свержения империи Романовых этого было недостаточно. Необходимо было создать марксистскую газету и организовать политическую партию. Первые шаги в этом направлении были сделаны в марте 1898 года в Минске, где девять активистов марксистского движения провели Первый съезд Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП), как они назвали это мероприятие. В манифесте съезда (а организатором его создания был не кто иной, как Петр Струве) было заявлено, что революцию против династии Романовых возглавит рабочий класс, а результатом ее станет установление демократической республики. Через несколько недель все участники съезда, кроме одного, были арестованы. Действующая партия так и не была создана.

Первый съезд РСДРП, в общих чертах, следовал плехановскому пониманию марксизма, но в Российской империи, где марксизм толковался невероятно широко, оно было далеко не единственным. При всем уважении к Плеханову, никто не мог гарантировать, что именно он будет определять ход дискуссии на тему, когда проводить Второй съезд РСДРП и проводить ли его вообще. Среди российских марксистов одни требовали немедленного возобновления террористических актов, другие предлагали направить рабочее движение в неполитическое русло и свести его к профсоюзным акциям, третьи вообще были уверены, что революцию должен совершать средний класс, а вовсе не рабочие. Ульянов настаивал, что в условиях такого разнобоя необходимо как можно скорее создать марксистскую газету, которая не только будет способствовать организации созыва партийного съезда, но и обеспечит триумф плехановской линии в новой партии.

Новый толчок этим идеям дало появление на рубеже столетий ряда серьезных конкурирующих политических группировок. На протяжении 1890-х годов марксисты доминировали в политических и экономических дебатах о кризисе монархии. Сторонники народовольческих идей теснились в малочисленных и малорезультативных кружках вроде тех, которые посещал юный Ульянов в Казани и Самаре. Эти группы не оказывали особого влияния на общественное мнение. Либералы имели возможность публиковаться в легальной прессе, однако у них не было практически никаких формальных организаций. Но теперь у марксистов появились серьезные конкуренты. В 1901 году Виктор Чернов организовал партию социалистов-революционеров (эсе-

ров). Новая партия воскрешала старые идеи народников о том, что будущее социалистическое общество окажется более эффективным, если оно будет основано на традициях деревенской общины. Даже либералы, хотя и не имели пока своей партии, активно пропагандировали свои идеи, и недалек был тот час, когда «легальный марксист» Петр Струве перейдет на их сторону и окажет помощь в создании организации, на основе которой впоследствии возникла партия конституционных демократов (кадетов).

Ульянов убеждал товарищей, что время работает против марксистов, и поэтому крайне необходима единая марксистская газета, организованная и обеспеченная должным образом. Он мог надеяться на помощь со стороны своего нового друга Александра Потресова, у которого были связи с петербургской предпринимательницей Калмыковой, владелицей книжного магазина. Калмыкова, снабжавшая Ульянова книгами во время сибирской ссылки, с революционными активистами не торговалась. Узнав от Потресова о плане создания марксистской газеты, она согласилась стать спонсором первых номеров.

Ульянову пришлось решать множество практических вопросов. Во-первых, редколлегия газеты должна была иметь возможность быстро и разными путями связываться с крупнейшими промышленными центрами России. Швейцария была слишком далека от России. Гораздо больше подходил для этой цели южногерманский Мюнхен. Здесь предстояло поселиться Ульянову, Александру Потресову и Юлию Мартову, здесь же должны были находиться и ветераны революционного движения — Георгий Плеханов, Павел Аксельрод и Вера Засулич.

Однако именно с Плехановым у Ульянова возник серьезный конфликт. Аксельрод, хоть был далеко не лучшим писателем и редактором, высоко ценил талант Владимира. Сам он, чтобы выжить в эмиграции, вместе с женой основал заводик по производству кефира и из-за этого был вынужден резко сократить другую деятельность. Засулич тоже хорошо относилась к Ульянову. Она вовсе не была такой агрессивной, как о ней думали (в 1878 году она застрелила петербургского генерал-губернатора Ф. Ф. Трепова), а к молодому поколению марксистов относилась по-матерински. Даже Плеханов был вынужден признать, что идея создания марксистской газеты не лишена смысла. Но возглавлять эту газету, руководить ее деятельностью должен был он, Плеханов. Ульянов быстро рос как лидер и вскоре мог составить конкуренцию самому Плеханову.

Аксельрод предупредил Владимира, что с Плехановым следует обходиться как можно тактичнее. Вначале Ульянов так и поступал: он был чрезвычайно привязан к Плеханову, считая его своим учителем. Впоследствии, когда Надежда Константиновна вспоминала о роли любви в жизни ее мужа, она называла любовью не только отношения между мужчиной и женщиной, но и интеллектуальное партнерство[7]. Однако для молодых людей было невыносимым плохо скрываемое стремление Плеханова к единоличной власти. Одно время Ульянов с Потресовым даже думали бросить всю эту затею с газетой и вернуться в Россию, в подпольные марксистские кружки, так как Плеханов считал их молодыми карьеристами. Вера Засулич предложила компромисс: при обсуждении редакционных вопросов предоставить Плеханову два голоса. Ульянов и Потресов согласились[8]. Возвращаясь домой после бурных дебатов, стоя на палубе парома, везущего их через озеро, они вдруг поняли, что сдались почти без боя. Ведь в глубине сердца они надеялись, что именно Ульянов, Мартов и Потресов будут руководить деятельностью газеты, а Плеханов и марксисты старшего поколения станут простыми членами редколлегии. Оказалось, что Плеханов, приглашая молодых марксистов, совсем не подразумевал равноправного сотрудничества с ними. Конкуренты в лице новых эмигрантов были ему не нужны[10]. Все эти мысли Владимир записал на листке из записной книжки, купленной в венском Гранд-Кафе Штейндла[9].

Молодые люди чувствовали себя глубоко оскорбленными. С ними обращались не просто как с карьеристами, в них видели «детей», «пешек», «наивных пижонов» и даже «рабов»! Ульянов понял, что человек, перед которым он преклонялся, отверг его «любовь». Владимир решил, что вся эта история — «недостойная вещь»:

> «Мою влюбленность в Плеханова тоже как рукой сняло, и мне было обидно и горько до невероятной степени. Никогда, никогда в моей жизни я не относился ни к одному человеку с таким уважением и почтением, *vénération*; ни перед кем я не держал себя с таким „смирением" и никогда не испытывал такого грубого пинка»[11].

О своих чувствах Владимир рассказал Аксельроду и Засулич. Аксельрод пожалел молодого человека, а Засулич была так потрясена, что товарищи даже боялись, как бы она не наложила на себя руки. Никогда больше, ни раньше, ни позже, Владимир

Ульянов не раскрывал перед другими своих чувств в такой степени. Даже сохранившиеся любовные письма Владимира Ильича к Инессе Арманд более сдержанны. Глубокая эмоциональная привязанность Владимира к Плеханову чем-то напоминала влюбленность мужчины в женщину. Ульянов никак не мог поверить, что один из его кумиров предал его. (Второй кумир Ульянова, Карл Каутский, разочарует Владимира много позже, лишь в 1914 году.) Читая многословные записи Ульянова о ссоре с Плехановым, можно заметить то, о чем Владимир не упоминает прямо: он думал, что в случившемся есть и его вина. Ему все еще не хватало уверенности в себе. Вот почему он постоянно ссылается на Потресова: он пытается убедить себя, что во всем случившемся виноват именно Плеханов, так как Потресов тоже испытывал схожие чувства обиды и разочарования.

Впрочем, во всей этой истории Ульянов не был абсолютно невинным. Читая между строк его записи, мы видим, что он действительно хотел руководить новой газетой. Пусть Плеханов оказался высокомерным и тщеславным, но все же он не зря подозревал, что молодые люди могут потеснить его с почетного места главы российских марксистов, и Ульянов, хоть и не любил копаться в своих чувствах, определенно осознавал это. Бывший кумир превратился в воплощение неискренности, лицемерия и интриганства. Горький опыт не прошел для Ульянова даром. Никогда больше он не позволял неконтролируемым чувствам вмешиваться в политические отношения: «И влюбленная юность получает от предмета своей любви горькое наставление: надо ко всем людям относиться „без сентиментальности", надо держать камень за пазухой»[12]. Почти библейская история о Давиде и Голиафе!*

Уже лишенный иллюзий относительно Плеханова, Ульянов все же решает 15 августа встретиться с ним и провести переговоры. Плеханов, пытаясь подчинить себе Ульянова, устроил истерическую сцену. В запале он кричал, что вообще бросит политику. Ульянов и Потресов невозмутимо слушали. Им было что предложить Плеханову, и они знали, что в конце концов ему все равно придется выслушать их. Так и произошло. К этому времени самоуверенность Плеханова ушла, как вода сквозь песок, и он согласился с условиями Ульянова и Потресова: шестеро предполагаемых редакторов должны подготовить к печати сборник статей. В процессе подготовки сборника выяснится, смогут ли

* Легендарный библейский царь Давид в молодости победил превосходившего его силой великана Голиафа, бросив в него камень из пращи. (См.: I Царств, глава 17.)

его авторы продолжать сотрудничество, и только тогда можно будет вести речь о газете. Плеханов согласился, так что большой драки удалось избежать. Из этого сражения Ульянов и Потресов вышли победителями. В этот же день, 15 августа 1900 года, они уехали из Цюриха в Мюнхен.

Дорога заняла несколько дней, так как вначале пришлось заехать в Нюрнберг и переговорить со знакомыми членами социал-демократической партии Германии. Необходимо было решить вопросы, связанные с изданием — найти дружески настроенное издательство и печатников, владеющих русским языком, создать сеть распространителей, а также удостовериться в финансовой поддержке, которую обещала оказать Александра Калмыкова через каналы Струве. Наконец-то Владимир Ульянов смог полностью посвятить себя великому делу. То, что он планировал сейчас, могло произвести такой эффект, о каком члены петербургского «Союза борьбы» не могли и мечтать. Ульянов предложил идею создания газеты и нес полную ответственность за ее реализацию.

Вопросы конспирации Владимиру тоже приходилось решать самостоятельно. Ему теперь нельзя было писать домой, как прежде, открыто: вся его почта просматривалась. В первый его отъезд за границу в 1895 году это было не так важно, но теперь он занимался намного более опасным делом — создавал газету, которая должна была поддерживать связи с нелегальными политическими группами в России. В письме матери, отправленном из Мюнхена, он сообщал, что находился в Париже, и просил родных писать ему на имя некоего Франца Модрачека, проживающего по адресу «Smecky, Prag, Oesterreich, Австрия»[13]. Он успокоил мать, что денег и белья ему хватает, и пообещал ей: «Собираюсь вскоре приняться за свои воды, чтобы лечиться правильнее»[14]. Его опять беспокоили боли в желудке. Письмо Владимира изобилует множеством подробностей. Он сообщает, что с разговорным немецким дела идут не так хорошо, как хотелось бы, и поэтому он занимается с местным чехом, владеющим немецким[15]. В целях конспирации он сообщил, что якобы переезжает в Прагу. (Господин Модрачек существовал в действительности, но проживал он не в Праге, а в Мюнхене[16].)

Что могла подумать обо всем этом Мария Александровна? Скорее всего, она просто радовалась, что ее сын был вне досягаемости для «охранки». К тому же от него, пусть и нечасто, приходили письма. Он интересовался жизнью брата и сестер и помогал им советами. Все Ульяновы, особенно Владимир, охот-

но давали друг другу советы по разным случаям[17]. Ностальгия его не мучила, хотя без Нади он чувствовал себя довольно одиноким[18].

Все же Мюнхен — это не Россия. Владимир никак не мог привыкнуть к теплой зиме, без мороза и глубокого снега: «В сущности, даже и зимы-то никакой нет, а так, какая-то дрянненькая осень, мокроть стоит»[19]. Но всем остальным он был вполне доволен. Первый номер новой газеты под названием «Искра» был уже набран, отредактирован и вычитан. В конце декабря он вышел в свет. (Первый номер «Искры» был отпечатан в Дрездене, за 270 миль к северу от Мюнхена[20]. Не далековато ли от первоначальной идеи выбора Мюнхена из соображений простоты связей?) Стиль нового издания был ортодоксально-марксистским. Читателю приходилось не только иметь семь пядей во лбу, но и бытъ в курсе всех международных социалистических дебатов. Первый номер вышел тиражом всего в несколько сотен экземпляров. На протяжении нескольких недель курьеры вывозили его различными путями — через германскую, австрийскую и турецкую границы. В 1901 году вышло двенадцать номеров. Строго говоря, «Искра» была не газетой, а журналом в форме газеты. Новое издание предназначалось для революционных активистов марксистской ориентации и должно было заменять центральный комитет еще не созданной партии. Начало было положено; следующим шагом должна была стать консолидация «Искры» как органа пропаганды в период подготовки Второго съезда РСДРП. Несмотря на изматывающую техническую работу, связанную с выпуском газеты, Ульянов взялся и за эту, намного более сложную задачу. По его мнению, в первую очередь следовало прийти к соглашению по вопросу о том, каким образом должна быть организована партия. Владимир с жаром взялся за написание брошюры на эту тему.

1 апреля 1901 года из России приехала Надя. Перед отъездом она выслала Владимиру письмо, но на центральном мюнхенском вокзале ее никто не встретил. Походив немного туда-сюда, Надя взяла извозчика и поехала искать господина Модрачека. Модрачек оказался чехом, с трудом говорившим по-немецки. После долгих попыток объясниться Надежда смогла разобрать, что ее муж живет под псевдонимом «Риттмайер». Она вернулась на станцию, сдала багаж в камеру хранения и поехала на трамвае по указанному адресу, где обнаружился пивной погребок. Обратившись к хозяину погребка с вопросом, где можно найти господина Риттмайера, Надя услышала: «Это я!» В расстроен-

ных чувствах Надя воскликнула: «Нет, это мой муж!». Эти слова услышала госпожа Риттмайер и вмешалась в разговор: «Ах, это же, наверное, жена господина Майера. К нему должна была приехать жена из Сибири».

Фрау Риттмайер отвела Надежду в комнату «господина Майера» и оставила супругов наедине. Надя была вне себя: «Черт возьми, ты не мог написать мне и сообщить, где тебя искать?». Оправдываясь, Владимир сказал жене, что послал ей несколько писем; наверное, они не дошли до адресата. Мир в семье был восстановлен.

В «Искре» Надежда занялась организацией корреспонденции. Вне сомнения, ее недавний опыт убедил Ульянова, что без специалиста в области шифрованной переписки ему не обойтись. В мае 1901 года в Германию приехала мать Надежды. Теперь Надя смогла избавиться от хлопот по дому, к тому же Екатерина Васильевна помогала с написанием зашифрованных посланий[21]. Нельзя сказать, чтобы от Володи не было совсем никакой пользы в домашних делах: он вытирал пыль со своих книг, пришивал к своей одежде оторвавшиеся пуговицы, чистил свою обувь, выводил бензином пятна со своих пиджаков, чинил и поддерживал в порядке «как хирургический инструмент» свой велосипед[22]. Но все это касалось только его личных вещей. Всю работу по дому, как было принято в то время, делали женщины. Даже революционеры вроде Ленина не видели в таком разделении труда ничего несправедливого. Надя, хоть и была сторонницей эмансипации женщин, не смешивала теорию с практикой собственной семейной жизни.

В эмигрантской жизни молодых супругов находилось место и для развлечений. Они посещали театры, читали русскую литературу, ходили на концерты. Владимир, как и вся семья Ульяновых, был страстным любителем Вагнера. Музыка вагнеровских опер глубоко проникала в его душу. Иногда он приходил в такое возбуждение, что не мог усидеть на месте и уходил после первого действия[23]. Под маской ученого сухаря скрывалась романтическая душа, которая изредка вырывалась наружу, но даже среди самых близких товарищей мало кому удавалось это увидеть.

Целыми днями Ульянов работал над брошюрой. Название «Что делать?» он позаимствовал из одноименного романа Чернышевского. Чернышевский в 60-х годах XIX столетия придумал план создания революционных коммун, Ульянов решил создать план организации подпольной политической партии для действия в не-

благоприятных условиях российского царского режима на рубеже столетий. Публиковать брошюру взялся издатель И. Г. В. Дитц из Штутгарта. Установили продажную цену: один российский рубль или две немецких марки. В целях конспирации автор выбрал новый псевдоним — «Н. Ленин». Он придумал его совсем недавно и подписывал им письма к Плеханову. В это время Ульянов проживал под видом болгарского юриста Иордана К. Иорданова в комфортабельной квартире на улице Зигфридштрассе в зажиточном мюнхенском предместье Швабинг.

Почему именно «Ленин»? По этому поводу было выдвинуто множество псевдопсихологических гипотез. Ленин — от сибирской реки Лены? От имени девушки Лены, в которую Ленин был влюблен в юности? От русского слова «лень»; может быть, Владимир Ульянов, как облаченный во власяницу средневековый монах, хотел постоянно напоминать себе о необходимости неустанно трудиться?

Все эти рассуждения смехотворны. Владимир Ульянов, во всяком случае, посмеялся бы над ними от души. Российские революционеры использовали десятки псевдонимов. Под каким из них они входили в историю, зависело от множества факторов — в первую очередь от того, какой псевдоним они использовали в важнейшие моменты своей жизни. Иордан К. Иорданов, мирно проживавший в мюнхенском районе Швабинг, ничем особенным себя не проявил, иначе мы говорили бы сейчас не о марксизме-ленинизме, а о марксизме-иордановизме.

Не вошел в историю и «В. Ильин», автор «Развития капитализма в России». Рецензий на книгу поступило до обидного мало, в основном негативных. Нельзя сказать, что Ульянов спокойно перенес неудачу. Одним из критиков его книги был народник М. Энгельгардт[24]. Ульянов не парировал этот выпад, скорее всего лишь потому, что Энгельгардт не был марксистом, поэтому вступать с ним в полемику не было смысла. Куда труднее было перенести критику со стороны Павла Скворцова, товарища-марксиста, с которым Ульянов познакомился еще в 1893 году в Нижнем Новгороде. Скворцов придрался к проведенному Ульяновым анализу российской экономики, в особенности к фундаментальной предпосылке о том, что различные секторы российской экономики гармонично сочетаются и поэтому экономических кризисов быть не должно[25]. Критика была небеспочвенной: Ульянов так сильно хотел продемонстрировать реальные и потенциальные достижения российского капитализма, что в данной книге почти не уделил внимания факторам, препятство-

давшим его развитию (в других работах он с радостью указывал на подверженность капиталистической экономики, в том числе российской, периодически повторяющимся кризисам). Он потребовал права защиты своего труда и получил его[26], но статья в защиту книги привлекла внимание читающей публики не больше, чем сама книга. Даже марксисты практически не заметили появления «Развития капитализма в России».

И вот теперь перед российскими марксистами лежала книга «Что делать?», подписанная псевдонимом «Н. Ленин». Именно под этой фамилией Владимир Ульянов вошел в историю, под этой фамилией он приобрел всемирную известность. Книга «Что делать?» в прямом смысле слова сделала Ленину имя. Книга, в которой не было каких-либо значительных теоретических новшеств, вызвала бурю споров в узком кругу своих читателей. Сам автор был уверен, что его труд — не более чем «ортодоксальный марксизм» в применении к практическому вопросу партийной организации. Надо признать, что здесь автор был не вполне откровенным. Он писал «Что делать?» в лихорадочном состоянии — как всегда, когда он осмеливался бросить вызов глубоко укоренившимся правилам и традициям. Конечно, по замыслу автора, книга должна была раздражать, возбуждать и провоцировать читателя, но все же буря дискуссий вокруг «Что делать?» застала Ульянова врасплох. В конце концов именно эта бурная полемика привела к созданию коммунистической партии и к революции 1917 года, поэтому брошюру «Что делать?» можно считать классикой политической мысли двадцатого столетия.

Ульянов (теперь мы можем называть его Лениным) предложил несколько принципов партийной организации, кажущихся очевидными. Он говорил о подпольной деятельности партии — но как могло быть иначе, если «охранка» смотрела в оба глаза? Далее, партия должна быть дисциплинированной и централизованной — но в царской России другая партия просто не выжила бы. Партия должна быть основана на единой фундаментальной идеологии и стратегии — но как иначе отличалась бы одна партия от другой? Правда, не все российские марксисты соглашались с этими принципами. Так называемые «экономисты» не были в восторге ни от проекта создания партии, ни от идеи главенства рабочего класса в революции против царской династии. Но подавляющее большинство марксистов соглашалось с тем, что уж если создавать партию, то это должна быть партия нелегальная, централизованная, дисциплинированная и идеологически целостная. Страницы брошюры обильно усыпаны цитатами из Марк-

са, Энгельса и Каутского. Ленин уверял, что предложенная им программа Российской социал-демократической рабочей партии укладывается в рамки традиционного европейского марксизма, хоть и учитывает политические реалии российской жизни.

Если это на самом деле так, почему же тогда брошюра «Что делать?» вызвала такую бурную полемику? Одна из причин — предубежденное отношение марксистов к «организационному вопросу», затронутому Лениным. Многим из них книга Ленина неприятно напоминала традиции российских народников шестидесятых и семидесятых годов, буквально одержимых поддержанием внутренней дисциплины и контроля, от которых все равно было мало толку. Именно неудача народников привела к тому, что на протяжении восьмидесятых и девяностых годов многие приверженцы революционных идей пополнили ряды сторонников марксизма плехановского толка. Поэтому марксисты настороженно восприняли настойчивое предложение Ленина вновь развязать дискуссию по «организационному вопросу».

Надо сказать, что Ленин сам вызвал эту настороженность. Уже само называние «Что делать?» позаимствовано у писателя-народника. В тексте содержится множество ссылок на методы внутренней организации, разработанные в созданной в 1876 году партии «Земля и воля». Ленин нашел хвалебные слова для лидеров террористической «Земли и воли» П. А. Алексеева, И. Н. Мышкина, С. Н. Халтурина и А. И. Желябова. Петр Ткачев тоже не был обойден вниманием и одобрением: «Подготовленная проповедью Ткачева и осуществленная посредством „устрашающего“ и действительно устрашавшего террора попытка захватить власть — была величественна»[27]. Упоминание Ткачева несло особую опасность для репутации Ленина, так как оно было помещено в одном разделе с критикой марксиста Л. Надеждина, предлагавшего вернуться к политике террористических актов против конкретных представителей власти.

Критикуя Надеждина, Ленин противопоставил ему Ткачева с его политикой «массового террора», которая должна была способствовать нарастанию революционной ситуации в стране. Для противников «Искры» все это было еще одним доказательством того, что в тело российского марксизма незаметно просочились зловредные традиции середины девятнадцатого столетия. Ленин казался им террористом-народником, скрывающимся под маской марксиста.

Предложенная Лениным структура партии тоже настораживала. Ленин подчеркивал необходимость конспиративности, но

здесь виделся намек не только на нелегальную, «подпольную» деятельность партии, но и на абсолютную конспирацию. По убеждению марксистов, революция не может произойти без массовых движений и классовой борьбы, а Ленин, казалось, предлагал вернуться к засекреченной группировке заговорщиков, с подавляющей, сверхцентралистской дисциплиной. Весь первый раздел брошюры представлял собой атаку на «свободу критицизма» в партии. Ленин даже не пытался притворяться абсолютным демократом. Дисциплина и единство прежде всего — и для достижения этой цели, как пояснял он позже в своем варианте проекта устава партии, не желающие активно работать под руководством одной из официально признанных партийных организаций должны быть исключены из партии.

На обвинения в потворстве идеям народников Ленин приготовил множество ответов. В условиях российской политической ситуации, уверял он, делать фетиш из выборности и публичных дискуссий равнозначно самоубийству. Дело даже не в том, что кто-то может «контрабандно» протащить в партию немарксистские идеи. Дисциплина и централизованность необходимы из чисто практических соображений. Более того, уверял Ленин, он одобряет внутреннюю партийную демократию, принятую среди немецких социал-демократов. Когда Россия, как ожидается, станет более свободной страной, тогда и российские марксисты смогут перенять эти принципы. Невозможно было отрицать, что в других аспектах Ленин оставался противником идей социалистов-аграриев. Он едко высмеивал идею построения социалистического общества по модели крестьянской общины, издевался над мыслью о возможности избежать в России развития капиталистической экономики, язвил по поводу морализаторства народников, вроде Николая Михайловского — и восхвалял «научное мышление» Маркса и Энгельса в вопросах, касавшихся общества. Особое внимание Ленин уделял рабочему классу как авангарду революционного движения против монархии. Революционное движение не будет иметь успеха, утверждал он, если промышленные рабочие не выйдут на улицы.

Ленину удалось защитить свою книгу. Искровцы, в том числе Плеханов, волновавшиеся по поводу ее содержания, успокоились. Некоторые историки впоследствии пытались доказать, что Ленин был предельно «ортодоксальным» марксистом. Подобная точка зрения, характерная для советских ученых, нашла влиятельных сторонников и за рубежом[28]. Но все дело в том, что марксизм вообще не сформировал учения, которое можно было

бы с определенностью назвать «ортодоксальным». Наследие Маркса невозможно истолковать однозначно. Ленин был одним из многих последователей Маркса, боровшихся за право называться аутентичными интерпретаторами его учения. Желая приспособить марксизм к особым условиям Российской империи, Ленин открыто использовал отдельные идеи и практические методы российского народничества. Но когда началась полемика вокруг «Что делать?», ему, чтобы сохранить реноме «ортодоксального» марксиста, пришлось стать предельно осторожным в высказываниях. Владимиру тем более приходилось быть осторожным, потому что он и в дальнейшем собирался выдвигать спорные предложения по организации и деятельности партии.

Однако сторонников «Искры» подобные тонкости не волновали. Многим из них казалось, что шумиха вокруг «Что делать?» только отвлекает внимание людей от деловых качеств Ленина, его энергичности и преданности делу революции. В последнем не приходилось сомневаться. Ленин заявил: «Дайте нам организацию революционеров, и мы перевернем всю Россию!»*. Он упорно шел к этой цели. Как мог, он подбадривал и поддерживал товарищей-активистов. Он сумел внушить им, что всегда понимает их, как бы трудно им ни приходилось, но ждет от них результативного труда. Российские марксисты, говорил он, не могут творить «чудеса», но и чрезмерная рациональность тоже вредит: «Мы должны мечтать!».

Это были речи страстного проповедника. Никогда еще марксисты Российской империи не говорили таким языком. И пускай Ленин ни тогда, ни потом не блистал изяществом стиля, пускай его трудно назвать «Златоустом» — угловатый стиль был для последователей скорее плюсом, давал им понять, что Ленин сродни им. Изящные слова и элегантные аргументы вряд ли помогут свергнуть династию Романовых. Куда уместнее здесь шершавый и воинственный ленинский стиль. Ленин и его последователи требовали, чтобы политика партии имела солидное интеллектуальное обоснование, но не менее важным для них было решительное и бескомпромиссное действие. Ленин называет демократические процедуры «опасной игрушкой» — ну и что? Он знает, что говорит: ведь не зря он работал в нелегальных политических организациях на территории России. Ленин в запале полемики не совсем честно представляет аргументы своих умеренных оппонентов — ну и что? Зато он вникает в их идеологию, пропа-

* Ленин перефразирует известное высказывание Архимеда о рычаге: «Дайте мне точку опоры, и я переверну Землю!».

ганду, а особенно в их надежды и страхи так глубоко, как ни один из ведущих марксистов.

Успех книги «Что делать?» среди читателей (кроме, разумеется, противников Ленина) стал первым признанием лидерских способностей Владимира. Широко бытует ошибочное мнение о том, что в книге «Что делать?» Ленин предложил детальные практические указания по организации нелегальной политической партии. Ничего подобного: практических руководств «от начала до конца» в книге не найти. В следующей работе Ленина под названием «Письмо к товарищу о наших организационных задачах» также на удивление мало деталей. Но ему удалось уловить глубинные стремления российских марксистов — необходимость лидерства, без которого нет политики. Члены центрального органа партии должны руководить местными партийными организациями, местные организации должны вести за собой рабочий класс, а рабочий класс поведет за собой другие угнетенные классы и слои российского общества, и тогда ничто не сможет спасти монархию. Неудивительно, что книга Ленина легла в основу учения ленинизма и сохраняла свою значимость долгое время после ее написания в 1901—1902 годах, несмотря на то что жизнь в стране уже изменилась. Даже после Октябрьской революции 1917 года, в совершенно иных условиях, основные положения этой книги продолжали влиять на решения и действия партии коммунистов.

«Что делать?» написана в период между апрелем 1901 года и февралем 1902 года и опубликована в издательстве Дитца в марте. Обычно Ленин писал очень быстро, не часто ему приходилось тратить так много времени на написание пятидесяти тысяч слов. Он прекрасно осознавал, насколько противоречива природа его книги, и старался во время работы над ней держаться подальше от Мартова, своего самого близкого друга. Чувство нетерпения, переполнявшее Ленина, проявлялось и в его поведении, в жестах: у него появилась привычка во время беседы засовывать большие пальцы рук за края жилета, сжимая ладони в кулак. Товарищи-марксисты быстро переняли новую ленинскую манеру держаться во время разговора[29].

У Ленина появились последователи, и число их росло. Владимир беседовал с ними индивидуально, и вскоре им пришлось бороться за его внимание. Теперь Надежде Константиновне приходилось ограждать мужа от нежелательного внимания. Содержание разговоров он держал в секрете. Если к нему приставали с вопросами, с кем он говорил и откуда узнал те или иные

новости, он отвечал одной фразой: «От кого узнал? Ласточка на хвосте принесла!»[30] Новым последователям Ленина приходилось привыкать к тому, что поймать его становилось все сложнее. Случалось так, что навстречу разочарованному посетителю выходила Надежда Константиновна и сообщала, что Владимира Ильича, к сожалению, сейчас нет дома, но он передавал привет и наилучшие пожелания[31]. Владимир Ильич, кстати, в это время вполне мог быть дома — скорее всего, он просто был занят разговором с кем-то другим. Общение с последователями приходилось сокращать. Дружелюбие Ленина простиралось до определенного предела. В отличие от других политэмигрантов, он всегда сохранял дистанцию между собой и своими последователями. Ленин был явно не из тех, кого можно было по-приятельски похлопать по плечу[32].

Работа над «Что делать?» затянулась еще и потому, что Ленин был занят другими делами. Он помогал редактировать «Искру», вместе с товарищами писал проект программы партии, готовясь к партийному съезду. Работа была утомительной и отнимала много времени. Помирившись в 1900 году с Плехановым, Ленин пытался привлечь того к участию в работе над проектом программы партии, однако Плеханов колебался. Отказ Плеханова огорчил Ленина. Сам он написал подобный проект, еще находясь в ссылке в Шушенском. Сторонники «Искры» полагали, что газета обязательно должна опубликовать хоть какой-нибудь проект: в преддверии партийного съезда неизбежно должны были возникнуть дебаты по его организации и проведению. Плеханов в это время целиком отдался полемике со Струве, который отошел от марксизма и стал либералом, но Ленин решил, что отказ Плеханова — ярчайшее свидетельство того, что тот неспособен возглавить партию. Однако именно Плеханов, отец российского марксизма, должен был составить первый проект и тем самым дать партии свое «благословение».

Наконец Плеханов, не выдержав настойчивых просьб Ленина, сдался. К началу 1902 года проект был готов. Шесть редакторов «Искры» договорились, что через неделю каждый из них представит свои предложения по его улучшению. Решили встретиться дома у Ленина, в его квартире в Швабинге. Плеханов явно нервничал — и не только потому, что ему пришлось ехать из Швейцарии в Мюнхен. Он чувствовал, что приходит час расплаты за высокомерное обращение с молодежью. Так и оказалось. Все эти дни Ленин выискивал слабые места в плехановском проекте (Плеханов, например, подразумевал, что рабочий класс

составляет большинство среди населения Российской империи). Кроме того, проект был написан чересчур мягким языком: там, где следовало бы сказать «негодование», Плеханов употреблял слово «недовольство». Ленин отослал Плеханова назад в Швейцарию для доработки проекта. Учитель и ученик поменялись местами[33]. Условились о том, что предложения по улучшению проекта будут посылать почтой. Ленин написал свой вариант проекта и внес в него разделы, касающиеся промышленных рабочих и аграрного вопроса. Между Мюнхеном и Женевой завязалась раздраженная переписка, похожая скорее на перестрелку.

Подготовка проекта отнимала много сил и нервов. Ленин критиковал Плеханова за то, что его проект был скорее декларацией принципов, чем рабочей программой партии борьбы[34]. Плеханов взял реванш, когда Ленин представил ему на рассмотрение свои поправки и дополнения. Тон комментариев Плеханова показался Ленину «намеренно оскорбительным»:

> «Автор замечаний напоминает мне того кучера, который думает, что для того, чтобы хорошо править, надо почаще и посильнее дергать лошадей. Я конечно, не больше «лошади», одной из лошадей, при кучере Плеханове, но бывает ведь, что даже самая задерганная лошадь сбрасывает не в меру ретивого кучера»[35].

В конце концов Ленин и Плеханов достигли согласия, и 1 июня 1902 года проект программы партии наконец был напечатан в двадцать первом номере «Искры». В него вошли некоторые из поправок, на внесении которых настаивал Ленин. В первую очередь речь идет о понятии «диктатура пролетариата». Ленин требовал, чтобы оно непременно присутствовало в проекте. Этим словом Маркс называл вторую стадию грядущей революции, а первой стадией должно было стать свержение династии Романовых и утверждение «буржуазно-демократической республики».

На этой стадии решающую роль должны сыграть рабочие, которые не получат никаких выгод от укрепляющейся капиталистической экономики. На второй стадии должен произойти захват «пролетариатом» власти, что должно знаменовать начало построения социализма в России. Следуя Марксу, Плеханов включил термин «диктатура пролетариата» в свой первый проект программы, но впоследствии исключил его из-за размолвки с Лениным. Ленин в агрессивной форме потребовал возвращения

«диктатуры пролетариата» в проект, и Плеханов согласился — это был один из тех случаев, когда Плеханов с радостью уступал требованиям молодого конкурента. Оба, и Плеханов и Ленин, согласились с тем, что при установлении социалистического строя для представителей прежних правящих классов не должно оставаться гарантированных гражданских прав. Последующие события показали, что Ленин видел диктатуру пролетариата намного более жестокой и деспотичной, чем мог предполагать Плеханов в 1902 году. Но в то время они достигли согласия — во всяком случае, так им казалось.

Другие изменения, внесенные в проект, были не менее важными. Ленин вынудил Плеханова заявить, вопреки здравому смыслу, что якобы капитализм уже является доминирующим способом производства в российской экономике[36]. Это была всего лишь маленькая уступка на словах, но Ленин подразумевал гораздо большее. Как заклинание, он твердил, что в России уже построена развитая капиталистическая экономика, а это значит, что движение к социализму должно быть максимально быстрым — намного быстрее, чем это мог принять Плеханов и другие товарищи. В 1917 году Ленин использует плехановскую уступку именно для этой цели. В идеологии не бывает мелочей.

В проект было внесено еще одно существенное предложение Ленина — а именно то, что партия должна бороться за возвращение крестьянам земли, потерянной ими при вступлении в действие Указа 1861 года. Это должно произойти вскоре после свержения монархии. Ленин не призывал отдать крестьянам всю землю, речь шла всего лишь о потерянных при реформе территориях размером до 4 процентов от земель, находящихся в личном пользовании крепостных до их освобождения. Ленин планировал таким образом сделать партию более привлекательной для крестьянства. Следуя логике традиционного марксизма, Ленин не мог предложить передать крестьянам с их отсталой технологией ведения хозяйства всю землю. То, что он предлагал, было всего лишь приманкой для привлечения крестьян на сторону РСДРП. За такую политику в крестьянском вопросе Ленина просто высмеяли. Ведь партия социалистов-революционеров во главе с Черновым предлагала экспроприировать всю землю не только у традиционных землевладельцев, помещиков, но и у недавно появившихся зажиточных фермеров, и передать остальным крестьянам. В этом вопросе марксисты вряд ли могли состязаться с эсерами, но Ленин хотел предложить крестьянам хоть что-нибудь, чтобы привлечь их на сторону РСДРП. Ленин умел

импровизировать и доверял инстинкту не менее, чем интеллекту. Его аграрный проект выглядел неубедительно, но само направление интуитивного поиска не вызывает сомнений. Создаваемая партия обязательно должна была учитывать, что 85 процентов населения Российской империи составляют крестьяне.

За реверанс в сторону крестьян Ленин пережил бурю нападок. Для чего, спрашивали товарищи, такая снисходительность в аграрном вопросе? Да и много ли крестьян, зная о соблазнительных предложениях партии Чернова передать им всю землю, соблазнятся обещаниями Ленина передать им когда-то отрезанные полоски? И разве желание Ленина потакать крестьянству не является еще одним доказательством того, что он на самом деле не столько марксист, сколько социалист-народник? Вот так и случилось, что накануне грядущего партийного съезда не Плеханов, а Ленин привлек наибольшее внимание марксистов после публикации проекта в «Искре». В маленьком мирке российских марксистов было невозможно найти того, кто относился бы к Ленину равнодушно. Его или обожали, или ненавидели.

Двойственное отношение к Ленину становилось еще сильнее из-за его манипулирования подготовкой съезда. Агенты «Искры» (Ленин любил это слово) не отличались особой справедливостью при отборе делегатов на съезд; в их число попали его сестра Мария, брат Дмитрий и старый друг Глеб Кржижановский. Ленин высоко ценил проверенную личную преданность[37]. Он прилагал все усилия, чтобы на съезд попало как можно меньше противников «Искры». Возвращаясь в Россию, агенты «Искры» везли книгу «Что делать?» и проект программы партии. У российских марксистов должно было сложиться впечатление, что в «Искре» собрались достойные руководители партии. И действительно, хотя близкие товарищи прекрасно видели недостатки Ленина, Плеханова и Мартова, достоинств им было не занимать. Агенты «Искры», неутомимые и непреклонные, были готовы пожертвовать личной свободой в борьбе за партию, за вовлечение рабочих в марксистское движение, за дело революции. Многие из них уже видели в Ленине своего вождя и верили, что «из искры возгорится пламя».

9

«Священный огонь»

1902–1904

«Искрой» заинтересовалась баварская полиция. Оставлять редакцию в Мюнхене становилось опасно, необходимо было найти такое место, где никто не обращал бы особого внимания на иностранных марксистов. Очевидной альтернативой Баварии была Швейцария, но конфликты с Плехановым были еще слишком свежи в памяти, поэтому молодые искровцы задумали поискать для размещения редакции другое место. Решили попытать счастья в Лондоне. Местная полиция славилась безразличным отношением к революционерам, и не только к зарубежным, но и к немногим британцам, попадавшим в ее поле зрения. К тому же в Лондоне имелась прекрасная почтовая связь, а местные музеи, библиотеки и картинные галереи были ничуть не хуже, чем в любом крупном европейском городе.

Итак, Ленину и Надежде Константиновне пришлось собирать вещи и уезжать из Мюнхена. С короткими остановками в Кельне и Льеже они добрались до Ла-Манша, пересекли на пароме пролив, пересели на поезд и в один из апрельских дней 1902 года сошли на перрон лондонского вокзала Виктория. У вокзала Ульяновы сели в двухколесную повозку и поехали в район Сент-Панкрас. Российский эмигрант и сторонник «Искры» Николай Алексеев заранее снял для Ульяновых квартиру в доме номер 30 на Холфорд-сквер. Неподалеку, на Сидмаут-стрит, нашли себе жилье Мартов, Потресов и Засулич. Сам Алексеев жил на Фредерик-стрит, чуть вниз по холму от Холфорд-сквер. Издательство «Twentieth Century Press», с которым Алексеев вел переговоры насчет публикации «Искры», тоже

находилось совсем рядом, в доме номер 37а по Клеркенвелл-Грин. От квартиры Ленина было рукой подать и до улицы Грейт-Рассел-стрит, где располагался Британский музей с прекрасной библиотекой и читальным залом. Благодаря личным контактам Ленин получил рекомендательное письмо генерального секретаря Всеобщей федерации тред-юнионов И. Х. Митчела для получения права входа в Ридинг-Рум (читальный зал) музея. Вскоре в журнале читального зала появилась запись о том, что к числу постоянных читателей прибавился «доктор Якоб Рихтер». По рабочим дням Ленин обычно забегал вначале на Сидмаут-стрит, решал необходимые дела с Мартовым, а затем шел в Британский музей, где под огромным стеклянным куполом Ридинг-Рум его ждало постоянное рабочее место, стол номер L13. Незадолго до выхода в свет очередного номера «Искры» к обычному маршруту добавлялось посещение типографии на Клеркенвилл-Грин.

Здесь, в треугольнике между Холфорд-сквер, Грейт-Рассел-стрит и Клеркенвилл-Грин, среди кварталов эпохи короля Георга, террасами спускающихся по лондонским холмам, проходила политическая жизнь Ленина. Искровцы были довольны своим местом жительства: они приехали в Лондон не для контактов с британским трудовым движением, а для возможности спокойно сосредоточиться на пропаганде своей партии. В этом отношении районы Сент-Панкрас и Блумсбери подходили как нельзя лучше. Лондон нравился Ленину все больше и вскоре стал, наряду с Женевой, одним из его любимых городов Европы. (Для сравнения, Москва казалась ему «скверным» местом[1].) В Лондоне можно было не опасаться Управления Охраны, здесь были великолепные библиотеки, надежная типография и превосходная связь, и к тому же — все условия для отдыха. Владимир и Надя любили по воскресеньям ходить в знаменитый Гайд-парк послушать выступления ораторов под открытым небом или же садились в омнибус и ехали осматривать город, любуясь с верхней площадки зеленью парков и скверов.

Богемный образ жизни товарищей, совместно проживавших в квартире на Сидмаут-стрит, раздражал Ленина. «Коммуна», — презрительно именовал он их жилье. Язык разоблачал Ленина: марксист, верящий в неизбежность и желательность построения коммунистического общества, с отвращением воспринимал идею коммунальных квартир. Слово «коммуна» было для него ругательным; он предпочитал язык порядка, аккуратности и послушания. Богемные привычки товарищей-искровцев являлись для

Ленина воплощением худших черт характера восточноевропейской интеллигенции:

> «Он больше всего любил порядок, царивший всегда в его кабинете и в его комнате, в отличие, например, от комнаты Мартова: у Мартова всегда был самый хаотический беспорядок — всюду валялись окурки и пепел, сахар был смешан с табаком, так что посетители, которых Мартов угощал чаем, часто затруднялись брать сахар. То же самое творилось и у Веры Засулич»[2].

В доме номер 30 по улице Холфорд-сквер такая неряшливость была невозможна. Ленин не запрещал курение в квартире, но лишь стоило гостю зажечь сигарету, как Владимир многозначительно хмурил брови и открывал окно — в любую погоду, даже если на улице лежал снег.

Ленин осуждал стиль жизни Мартова и Засулич, но и на его собственные привычки нашелся грозный критик — хозяйка квартиры, строгая миссис Йо. Она настойчиво потребовала, чтобы постояльцы не нарушали местные традиции и повесили на окна занавески. В конце концов «доктор и миссис Рихтер» вынуждены были уступить[3]. Оказалось, что следовать лондонским традициям — дело нелегкое. Раздражала необходимость спускаться в подвал за углем для камина и за водой[4]. Английская еда не пришлась супругам по вкусу (особенно местный деликатес, тушеные говяжьи хвосты), и готовить пришлось Надиной матери и самой Наде (не лучшей из поварих, по ее собственному признанию).

Но не только английское тушеное мясо, английские пирожные и английская замороженная рыба раздражали Ленина в Лондоне. Еще одно разочарование поджидало его в церкви «Семи Сестер», расположенной в семи милях к северо-востоку от Холфорд-сквер. Здесь Ленин впервые увидел английских социалистов, которые молились Богу. Для Ленина настоящий социализм был неразрывно связан с атеизмом. Став марксистом, Ленин выбрал путь прогресса и науки, поэтому словосочетание «христианский социализм» звучало для него абсурдно. Об английских социалистах, как и об англичанах вообще, Ленин вряд ли мог сказать хоть одно доброе слово.

С английским языком тоже возникли проблемы. Несмотря на то что Ленин перевел книгу супругов Вебб, его разговорный и письменный английский были далеки от совершенства. Ему было легче понимать местных ирландцев, чем коренных лондонцев[5].

(Существует неподтвержденное предположение, что Ленин говорил по-английски с ирландским акцентом.) Поэтому Ленин пригласил англичанина Генри Реймента, чтобы тот давал ему уроки разговорного английского. Вместе с Рейментом Ленин ходил на политические митинги в Ист-энд. Здесь они случайно встретили евреев-эмигрантов из России. Внешний вид и привычки этих людей показались Рейменту экзотическими. Ленин расценил смущение своего преподавателя как еще одно доказательство «замкнутости» англичан[6]. Вполне возможно, что знакомство с российскими евреями из Ист-энда, многие из которых были сторонниками идей международного социализма, возродило его веру в «европейскую социалистическую революцию». В марте 1903 года он выступил в Нью-Александра-Холл с речью перед еврейским отделением социал-демократической федерации[7]. Ленин осуждал замкнутость англичан, но и сам он жил довольно замкнуто[8]. В лондонских районах Сент-Панкрас и Блумбери он построил вокруг себя что-то вроде маленькой России.

Однажды ранним осенним утром 1902 года в двери дома по Холфорд-сквер постучали. На пороге стоял Лев Троцкий. Он бежал из сибирской ссылки и теперь, находясь в Англии, надеялся стать одним из членов редколлегии «Искры». Троцкому, сыгравшему в революции 1917 года не менее значительную роль, чем Ленин, тогда еще предстояло утвердить себя в качестве марксистского лидера. Троцкий рвался увидеть Ленина, но время было раннее и Ленин, выше всего ценящий режим, отказался вставать раньше обычного. Пока Владимир умывался и одевался, Надежда Константиновна расплатилась с извозчиком и приготовила для гостя чашечку кофе. Именно кофе: хозяйка, англичанка до мозга костей, обязательно подала бы чай[9]. Через какое-то время в гостиную вошел выспавшийся Ленин и представился гостю. Ленин и Троцкий быстро сошлись, и какое-то время спустя Ленин уже водил Льва по Лондону, показывая ему местные достопримечательности. Вскоре дружба между ними стала столь крепкой, что Ленин предложил кандидатуру Троцкого на место седьмого редактора «Искры». Плеханов возразил. Лев Троцкий был для него «учеником Ленина», и принять его в состав редакции означало то же самое, что дать Ленину право дополнительного голоса[10].

Приближался партийный съезд, и между редакторами «Искры» опять начались размолвки. В апреле 1903 года было решено перенести редакцию из Лондона в Женеву, а это значило, что Ленину опять придется часто видеться с Плехановым. Идею пе-

реезда предложил Мартов — именно для совместной работы с Плехановым, отсутствие которого мешало работе. По мнению Мартова, в Женеве появится возможность восстановить товарищеские отношения в коллективе редакции[11].

Ленин был единственным, кто проголосовал против переезда. Он заявил товарищам, что Плеханов всегда создавал проблемы, что именно из-за него редакцию не разместили в Швейцарии сразу. Но никто не захотел слушать: как говорится, других не суди, на себя погляди. Ленин был в отчаянии. «Черт подери! — воскликнул он, придя домой. — Никто не осмеливается возражать Плеханову!»[12]. В ожидании переезда его нервы вновь разыгрались. Затем появились симптомы воспаления нервных окончаний на груди и спине, Владимир слег в лихорадке. Надя, полистав учебник медицины, пришла к выводу, что у Ленина стригущий лишай*. Она посоветовалась с К. М. Тахтаревым, проживавшем в Сент-Панкрас российским марксистом. Тахтарев, в течение нескольких лет учившийся на врача, согласился с предположительным диагнозом. Надя купила в аптеке йод и намазала мужу больные места. Диагноз был абсолютно неверным, и от неправильного лечения начались мучительные боли. В последующие годы официально заявлялось, что Ленин не мог позволить себе заплатить гинею** за визит лондонского врача[13]. На самом деле Ленин никогда не скупился на докторов. Скорее всего он и Надежда просто запаниковали. Им и в голову не пришло усомниться в компетенции Тахтарева.

В конце апреля 1903 года семья переезжает в Швейцарию. Сразу после переезда Ленин слег и пролежал в постели две недели. К этому времени врачи поставили точный диагноз — рожистое воспаление, или, как его тогда называли, «священный огонь». Это тяжелое инфекционное заболевание (воспаление кожи и подкожных тканей) в наши дни лечится антибиотиками, но в начале двадцатого века оно вполне могло оказаться смертельным. Доктора прописывали больному отдых и постельный режим в течение нескольких недель, пока болезнь не пройдет[14].

Чтобы личные конфликты не мешали совместной работе, Плеханову и Ленину приходилось приспосабливаться друг к другу. В руках Ленина находилась подготовка к съезду. Агенты «Искры» сновали между Россией и Швейцарией. Ленину пришлось не раз пожалеть, что он вынужден был покинуть Лондон: здесь,

* У автора ошибочно «ишиас».

** Гинея — английская золотая монета, чеканилась в 1663–1817 годах; с 1717 года равнялась 21 шиллингу.

в Швейцарии, не удавалось держать все дела под абсолютным контролем. В марте 1902 года был учрежден организационный комитет съезда, которому предстояло решать, какие организации в России и за рубежом получат право делегировать кандидатов на съезд. Ленин уже настраивал соответствующим образом членов оргкомитета, чтобы обеспечить искровцам преимущество. Но теперь за его действиями пристально наблюдал Плеханов. К счастью для Ленина, Плеханов решил, что его деятельность приносит пользу «Искре». Большую опасность для искровцев представлял многочисленный еврейский Бунд*, члены которого выступали против абсолютной централизации, а также женевская газета «Рабочее дело», редакция которой не желала, чтобы все решения от имени рабочего класса принимала интеллигенция. Ленин, получив от Плеханова желанную свободу действий, искал все возможности для обеспечения численного перевеса сторонников «Искры» на съезде и уменьшения количества потенциальных оппонентов.

В чем именно эти действия заключались, можно понять из письма Ленина к одному из агентов «Искры»:

> «Очень и очень обрадовался, узнав, что вы двинули быстро дело ОК [Организационного комитета] и составили его из шести... Держитесь построже с Бундом! За границу тоже пишите как можно строже (Бунду и «Рабочему делу»), сводя функцию заграницы до такого минимума, который не может ни в каком случае получить значение. Технику съезда вы ведь можете поручить особым делегатам от Вас или особым *агентам* Вашим: не передавайте этого дела *никому* и не забывайте, что заграничная публика в конспирации швах»[15].

Здесь Ленин, непревзойденный мастер манипулирования людьми, передает ученику секреты своего мастерства.

Местом проведения съезда был выбран Брюссель, столица Бельгии. Перед отъездом в Брюссель Ленин съездил на отдых в Бретань, где встретился с матерью и сестрой Анной. Как ни странно, он не взял с собой Надежду Константиновну. Непонятно, по какой причине она осталась в Лондоне. Известно, что Надежда, несмотря на холодность со стороны родственников Ленина, а в

---

* *Бунд* (на идише Bund — союз) («Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России») — социал-демократическая организация, представлявшая главным образом еврейских ремесленников западных областей Российской империи, основанная в 1897 году в Вильно. В 1898–1903 годах и с 1906 года входила в РСДРП, стояла на позициях меньшевизма.

особенности Анны Ильиничны, никогда не прекращала попыток установить с ними нормальные отношения. Скорее всего, перед съездом у Надежды было слишком много работы: из России приходило множество шифрованных посланий, требующих немедленной расшифровки. Однако мать Ленина не поверила в это правдоподобное объяснение, сочтя его одной из всевозможных отговорок своей невестки[16]. В «холодной войне» родственников с супругой Ленин не поддерживал ни одну из сторон. Как всегда, он поступал так, как считал нужным. Необходимость оставить супругу в Лондоне его не смущала, не отказываться же из-за этого от встречи с матерью? Крупская понимала: если она хочет сохранить семью, ей придется мириться с родственниками мужа, как бы плохо они к ней ни относились. К тому же Крупская была не просто женой, а товарищем по борьбе и прекрасно знала, что такое партийная дисциплина. Ленин командовал, она подчинялась.

Ленин очень скучал по матери. В каждом письме к ней он сообщал множество подробностей о предстоящей поездке, о расписании поездов, давал советы насчет гостиниц и багажа. К тоске по любимой матери добавлялась и ностальгическая нотка: «Хорошо был летом на Волгу! Как мы великолепно прокатились с тобой и Анютой весною 1900 года! Ну, если мне не удается на Волгу, — надо поволжанам сюда. И здесь есть хорошие места, хотя в другом роде» *. К тому же поездка в Бретань давала возможность хотя бы на короткое время уйти от изматывающих партийных диспутов[17]. Ленин признался в этом не кому-нибудь, а несимпатичному Плеханову. Перед боем, то есть перед съездом, ему был жизненно необходим отдых.

Из Бретани Ленин направился поездом в Бельгию. Через какое-то время туда приехала и Крупская. Для проведения съезда выбрали Бельгию, а не Швейцарию еще и потому, что проживающим в Швейцарии многочисленным марксистам-эмигрантам было совсем ни к чему привлекать к себе внимание местных властей. Съезд мог затянуться, поэтому для делегатов сняли в Брюсселе жилье. 17 июля съезд был открыт, и практически сразу же оргкомитетом заинтересовалась бельгийская полиция, потому что петербургская «охранка» переслала своим бельгийским коллегам информацию о деятельности некоторых из его участников. Пришлось спешно переезжать в Лондон. Благодаря личным связям искровцев удалось быстро найти жилье, и пять

* ПСС, т. 55, с. 223.

шей спустя, 29 июля, съезд продолжил работу. Делегаты встречались в самом невероятном для подобного мероприятия месте — в конгрегационистской церкви Братства (точнее, часовне), находящейся на улице Саутгейт-Роуд в северной части города. Местный пастор, преподобный Ф. Р. Суэнн, был убежденным социалистом[18]. Ленину было неприятно, что социалистам приходится собираться в христианском храме. Ленин был не одинок в своих чувствах: место сбора раздражало многих делегатов, правда, по соображениям безопасности, и заседания были перенесены в здание Английского клуба на Шарлотт-стрит.

На съезде разгорелась жестокая борьба. Манипуляции Ленина по отбору кандидатов в делегаты были осуждены. Бундовец Владимир Акимов предложил Плеханову отречься от Ленина, но получил отпор. У Наполеона, заявил Плеханов, была привычка заставлять своих маршалов разводиться с женами, и кое-кто сдался, хоть и любил жену. В этом отношении товарищ Акимов, продолжал Плеханов, напоминает Наполеона: он хочет любой ценой развести меня с Лениным[19]. В свое время Ленин признался, что был влюблен в Плеханова, и вот теперь Плеханов подтверждал, что между ним и Лениным существует нечто вроде «супружества». Оба имели в виду совсем не то, что подразумевал в своих трудах Зигмунд Фрейд: бессознательно они подавали друг другу сигналы о том, что является их действительной страстью, их жизнью — политические идеи и политические свершения. Без сомнения, говоря о своей преданности «супружеству», Плеханов кривил душой. До открытия съезда Ленин периодически выводил его из себя, но эти конфликты совсем ни к чему было выносить на съезд.

Ни одно заседание не обходилось без жарких дискуссий по малейшему поводу. Не только Ленин, но и многие другие делегаты придирались к каждой мелочи, даже к вопросам чисто практического порядка, как будто перед ними лежала бомба, готовая взорваться в любой момент. Любой рутинный вопрос подвергался тщательнейшей проверке на предмет соответствия философским принципам марксизма. Делегаты буквально увязали в мелочах. Даже такой чисто практический вопрос, как место Бунда в партийной структуре, оказался взрывоопасным. Правда, для этого взрыва были очевидные предпосылки. Делегаты от Бунда представляли тысячи рядовых членов крупной организации, действовавшей у западных границ Российской империи, как раз в тех краях, где когда-то жил старый Мошко Бланк, прадед Ленина. Бундовцы заявили, что с ними обошлись несправедли-

во, так как из сорока трех делегатов съезда Бунд представляли всего лишь пятеро. Большинство делегатов отвергло аргументы бундовцев, и тогда они потребовали широкой автономии внутри партии. Предложение вызвало бурные споры: члены Бунда отбирались по национальному признаку, а съезд не желал давать преимуществ ни одной из этнических групп.

Среди искровцев тоже были люди еврейского происхождения — Аксельрод, Мартов и Троцкий. Но они давно отреклись от всего еврейского, они и марксистами стали отчасти для того, чтобы окончательно расстаться со своим религиозным и этническим происхождением. Естественно, они не были в восторге от марксистов-бундовцев, которые вели агитацию в первую очередь среди евреев. Скрытый антисемитизм искровцев не остался незамеченным. Бундовцы решили, что евреи-ренегаты — худшие из всех предателей. При голосовании, однако, оказалось, что требований бундовцев не поддерживает никто, кроме них самих.

Затем последовала дискуссия о программе партии. Здесь на первый план вышел Ленин. К удивлению тех, кто еще не знал его, Ленин мастерски перетягивал колеблющихся на свою сторону. Выступая перед делегатами, Ленин признался, что не всегда проявлял умеренность в политике. Ссылаясь на «Что делать?», он заявил: «Теперь все мы знаем, что „экономисты" перегнули палку в одну сторону. Чтобы выпрямить, ее следует перегнуть в другую сторону, что я и сделал». Эти слова были хоть и не извинением в прямом смысле слова, но, по крайней мере, далеко не тем неприкрытым высокомерием, которого ожидали от Ленина критики. Все пошло именно так, как хотели Ленин и Плеханов: проект программы партии со словами о необходимости «диктатуры пролетариата» был принят. Больше всего проблем вызвала разработанная Лениным часть программы, посвященная аграрному вопросу, но искровцы держались единым фронтом и добились утверждения программы. Плеханов наверняка боролся с искушением подставить Ленина, но не сделал этого: договор дороже денег. Чтобы держать съезд в своих руках, искровцам необходимо было самим держаться вместе.

До поры до времени так и было — до тех пор, пока съезд не приступил к обсуждению устава партии. Ленин и Мартов выступили с предложениями, конкурирующими между собой. Еще ранее, в Мюнхене, Лондоне и Женеве, Мартов возмущался властностью Ленина. Он чувствовал, что должен поставить этот вопрос перед делегатами съезда, хотя бы для сохранения чувства

собственного достоинства. Мартов хотел, чтобы устав партии ограничивал претензии Ленина и ему подобных властолюбцев.

Конфликт вспыхнул из-за требований, предъявляемых к членам партии. На словах разница между предложениями Ленина и Мартова выглядела микроскопической. Ленин предложил, что «членом партии может считаться всякий, признающий ее программу и поддерживающий партию как материальными средствами, так и личным участием в одной из партийных организаций». Такая формулировка казалась Мартову чрезмерно авторитарной, и он предложил вариант, казавшийся ему более мягким: «Членом РСДРП считается всякий, принимающий ее программу, поддерживающий партию материальными средствами и оказывающий ей регулярное личное содействие под руководством одной из ее организаций»[20]. В действительности слова Мартова о работе «под руководством» были еще более жесткими, чем формулировка Ленина.

Историки зря извели уйму чернил, пытаясь найти смысловые противоречия двух формулировок. Проблема была вовсе не в языковых тонкостях, разногласие между Лениным и Мартовым заключалось не в словах, а в сущности. Мартову виделась партия, члены которой могли бы высказываться независимо от центрального руководства, а Ленину нужна была жесткая централизация, централизация и еще раз централизация, а все остальное, во всяком случае на данный момент, должно быть подчинено этой потребности.

Вопрос был поставлен на голосование, и Ленин проиграл — двадцать восемь голосов «против», двадцать два «за». Все же Ленин, как и другие искровцы, был прирожденным борцом. Потрясение от неудачи быстро прошло, проигравшие с явным удовольствием назвали себя «твердыми искровцами». Обстановка в зале заседаний накалялась. Освистывание противников на заседаниях стало обычным делом, а некоторые были готовы пойти еще дальше. Один из «твердых», Александр Шотман* набросился с кулаками на товарища, решившего перейти в лагерь Мартова. Ленин оттащил Шотмана со словами, что только дураки ведут спор при помощи кулаков[21]. С самого начала в РСДРП не гнушались недостойных приемов. Одному из тогдашних своих сторонников Ленин так и заявил, как всегда с трудом выговаривая

* *Александр Шотман* (1880–1937) — государственный и партийный деятель, в 1899–1902 годах — член петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», с 1911 года член Гельсингфорсского комитета Социал-демократической партии Финляндии, участник Октябрьской революции 1917 года.

согласные: «Политика — грг-г-гязное дело!» Грязное дело политика или чистое, но она была делом Ленина, и в этом деле он уже достиг мастерства.

Жесткое и нетерпимое поведение Ленина на съезде восхищало его сторонников, но внутренний раскол в «Искре» смешал все планы насчет руководства партией. У Ленина были на этот счет свои задумки, о которых он поведал по секрету Мартову. Ленин предлагал сократить до трех человек количество членов редколлегии «Искры», предполагаемого официального издания партии, принеся в жертву Аксельрода, Потресова и Засулич. Такой маневр, как должен был предвидеть Мартов, даст ему и Ленину возможность контролировать Плеханова в любой внутриредакционной дискуссии. Мартов, однако, колебался, его смущала чрезмерная воинственность Ленина на партийном съезде. К несчастью, Мартов всегда был никудышным тактиком, иначе он не позволил бы делу зайти столь далеко. За это время Ленин убедил Плеханова, что все равно от трех членов редколлегии особого толку не было. Когда съезд приступил к обсуждению состава центральных партийных органов, сторонники Ленина набросились на Мартова, выступившего с критикой ленинских предложений, обвиняя его в лицемерии: «Он знал! Он не протестовал!»[22].

Мартову не везло. К тому времени, когда съезд приступил к обсуждению этих вопросов, состав делегатов изменился. Бундовцы и «экономисты», потенциальные сторонники Мартова в борьбе против Ленина, покинули съезд в знак протеста. На месте Мартова Ленин сделал бы все возможное и невозможное, но убедил бы потенциальных сторонников остаться на съезде. Но Мартов не обладал ленинской хитростью. Ленин поставил свой вопрос на обсуждение перед аудиторией, где большинство было на его стороне. Овечку оставили на съедение волку.

Расправившись с Мартовым, «твердые» бросили все силы на реализацию концепции централизма, дисциплины и активности. Во главе партии должен был стоять Совет, которому подчинялись состоящая из трех человек редакция «Искры», и Центральный Комитет, также состоящий из трех человек. Голосование по структуре и составу этих органов завершилось победой Ленина и Плеханова. Им предстояло совместно руководить партией, и они не переживали из-за того, что победа была достигнута ценой исхода Бунда и других группировок. Ленин придумал для своей фракции новое название — большевики. Как всегда, он на шаг опередил своих противников. В решающий момент дис-

куссии Ленину не было равных в изобретательности, будь то вопрос тактики или необходимость найти острое слово или точное название. Мартов выиграл в вопросе об уставе партии; на месте Мартова Ленин обязательно выдумал бы для своей фракции триумфальное название. У Мартова был шанс, и этот шанс он упустил. Но дальше он совершил куда более серьезную ошибку: согласившись с новым названием фракции Ленина, он дал своей группе название «меньшевики». Тактические просчеты Мартова стали очевидными, когда съезд обсуждал кандидатуры членов Центрального Комитета и редакции «Искры».

Теперь большинство делегатов съезда было на стороне Ленина и Плеханова. В Центральный Комитет партии вошли Глеб Кржижановский, В. А. Носков и Ф. В. Ленгник; в редакции «Искры» остались Ленин, Плеханов и Мартов. Важнейшим результатом съезда стало создание Российской социал-демократической рабочей партии с официально принятыми партийными уставом и программой.

Мир оказался недолгим. Плеханов, вновь ставший подозрительным по отношению к Ленину, пожалел о том, что поддерживал его на съезде. Партия, о создании которой он мечтал почти двадцать лет, наконец родилась — и оказалось, что родились сиамские близнецы, требующие разделения. Плеханов впал в сильную «послеродовую» депрессию, настолько серьезную, что даже признавался в посещавших его мыслях о самоубийстве. Конфликты между Лениным и Плехановым начались вскоре после эмиграции Ленина из России в 1900 году и достигли апогея на съезде Заграничной лиги русской революционной социал-демократии, проходившем в Женеве в октябре 1903 года. Заграничная лига была признана съездом партии официальным органом, координирующим деятельность всех членов партии, проживающих за пределами Российской империи — в Швейцарии, Англии и Франции.

Женевские заседания Лиги дали российским эмигрантам возможность впервые после произошедшего на съезде раскола вздохнуть полной грудью. Мартов взял быка за рога и набросился на Ленина. В своей длинной речи он обвинял Ленина в том, что его союз с Плехановым на съезде был неискренним. До начала съезда Ленин сказал Мартову: «Разве ты не видишь, что мы должны держаться вместе, тогда Плеханов всегда будет оставаться в меньшинстве и ничего не сможет с этим поделать?».

После доклада Мартова Ленин, хлопнув дверью, покинул зал заседаний. Плеханов, еле дождавшись конца доклада, заявил о

своем желании уйти из редакции «Искры», чтобы положить конец разгорающейся борьбе фракций. Ленин, в свою очередь, чувствовал себя настолько обезоруженным, что также заявил о своем выходе из редакции «Искры» и Совета партии. Будущий король партии решил покинуть королевский двор. Его большевики стали меньшинством. Ленин забыл о необходимости «всегда держать камень за пазухой». В первый и последний раз в жизни он добровольно ушел с высокого поста. Вскоре он пожалел о своем поступке, но постепенно раскаяние превратилось в гнев, так как Плеханов все более сближался с Мартовым и фракцией меньшевиков[23].

Все же у Ленина глубоко за пазухой еще оставался как минимум один камень. Он лихорадочно работал. Ленин оповестил агентов «Искры» о том, как его «обманули». В мае 1904 года он опубликовал книгу «Шаг вперед, два шага назад», в которой изложил свою точку зрения на внутрипартийные дискуссии. Одним из членов новоизбранного Центрального комитета партии был Глеб Кржижановский, старый друг Ленина, его товарищ по петербургскому «Союзу борьбы» и сибирской ссылке. В ноябре 1903 года Кржижановский приехал из России в Женеву. В разговоре с ним Ленин прямо заявил, что хочет войти в состав Центрального Комитета. Кржижановский с радостью согласился. На демократические процедуры ни у Ленина, ни у его ближайших сторонников «не нашлось времени». Раз Ленина обманули, то мошенничество должно быть разоблачено. У Ленина открылось второе дыхание. С этого времени сварливость и не совсем честные приемы стали неотъемлемой частью его политического искусства. Со временем он достиг совершенства в этом специфическом искусстве. Выйдя из состава Совета партии, он хотел войти в него на правах представителя Центрального Комитета.

Книга «Шаг вперед, два шага назад» была написана Лениным в качестве самозащиты. Склонность Ленина к подробностям, придирчивость к мелочам кажется навязчивой. Как пригодилась ему здесь приобретенная еще в гимназии способность сопоставлять данные! Весьма полезным оказалось и юридическое образование, благодаря которому Ленин мог использовать все возможности, предоставляемые уставом партии. На демократию ему, собственно говоря, было наплевать, но для него было важным разоблачить противников, нарушивших демократичные процедуры. Ленин собирал все возможные доказательства того, что с ним обошлись несправедливо. Ранее сам критиковавший мо-

ральную чувствительность в экономическом и социальном анализе, он продемонстрировал чувство оскорбленной нравственности.

Напряженный стиль жизни и политической деятельности Ленина не прошел даром, его здоровье опять пошатнулось. В ранее закрытых медицинских архивах хранятся данные о том, что он был близок к нервному срыву. «Я же не машина», — жаловался он друзьям[24]. Еще весной 1903 года он перенес «священный огонь» — рожистое воспаление. Конечно, не стресс стал причиной болезни, но он точно не способствовал быстрому выздоровлению.

Уже перед Вторым съездом РСДРП, как заметила Надежда Константиновна, его нервы превратились в натянутые до предела струны. После окончания съезда они не выдержали. Ужасные дни, когда Ленин мучился от приступов мигрени, сменялись ужасными бессонными ночами. После рабочего дня, проведенного в библиотеках, «железный человек» российской социал-демократии возвращался в свою женевскую квартиру в доме номер десять по улице Шмен дю Фуайе, еле держась на ногах от усталости. Если бы его постоянно повторяющиеся проблемы со здоровьем начались лишь в 1903–1904 годах, то можно было бы подумать, что они вызваны внутрипартийной борьбой фракций, однако симптомы болезни наблюдались уже в течение многих лет, только теперь приступы стали острее и чаще, чем раньше. Ленин решил заняться собой. Он читал новейшие книги по медицине, обращался к лучшим швейцарским врачам. Один из ведущих специалистов обследовал его желудок и выписал некое лекарство, которое якобы помогло — во всяком случае, на какое-то время[25].

Впоследствии Ленин говорил сестре Марии Ильиничне, что он потерял рецепт этого лекарства[26]. Для такого педанта, каким был Ленин, потеря важного рецепта — факт удивительный. Скорее всего, Ленин просто не хотел волновать сестру рассказами о состоянии своего здоровья. На приеме Ленин наверняка сказал врачу о бессоннице, мигренях и постоянной усталости. От врача он вернулся очень озабоченным, так как врач сказал, что дело не в желудке. На вопрос Ленина врач ответил коротко: «Это мозг»[27]. Ленин никому не объяснял, что именно доктор имел в виду. Если учитывать медицинскую науку того времени, можно предположить два диагноза. Согласно одному из предположений, Ленин страдал неврастенией; согласно другому — Ленин унаследовал болезнь, погубившую его отца.

Неврастения стала популярным диагнозом с конца девятнадцатого столетия. Это диагноз ставили больным, страдающим головными болями, болями в желудке и постоянной усталостью. Как тогда полагали, эти симптомы являются следствием истощения нервной системы, вызванного хаотичным темпом жизни человека в большом городе. Обычно в качестве лечения больному рекомендовался полный отказ от больших умственных нагрузок, что считалось намного более важным, чем лечебная диета. В последние годы жизни Ленина некоторые врачи ставили ему этот же диагноз и всегда просили его снизить темп работы. Состояние Ленина вполне соответствовало описанию неврастении в тогдашней медицинской литературе. В наши дни далеко не все врачи согласны с тем, что болезнь с названием «неврастения» существует вообще, и мало кто из специалистов стал бы уверять, что симптомы болезни Ленина связаны с состоянием его центральной нервной системы*. Но даже если представить, что врач поставил Ленину другой диагноз, например «цереброваскулярная недостаточность», все равно рекомендации были бы теми же: радикально и надолго уменьшить рабочую нагрузку.

К сожалению, именно этого Ленин не мог себе позволить. Для этого ему пришлось бы отказаться от активного участия в политике, а политика была смыслом всей его жизни. Он согласился делать более долгие перерывы в работе, но проводил отпуск так, как привык еще в дни юности, когда летом жил в Кокушкине. Никаких серьезных изменений в его образе жизни не последовало. Такой пациент мог привести в отчаяние любого врача.

Приступы желудочных болей, мигрени и бессонницы явно связаны с периодами бурных политических противоречий. Состояние здоровья и ленинский стиль ведения политики влияли друг на друга не лучшим образом. В результате Ленин был чрезмерно возбужденным. Ситуацию осложняла растущая убежденность Владимира в собственном предназначении. Он поставил перед собой цель возглавить грядущие революционные преобразования, которые должны быть быстрыми и глубокими. Ленин чувствовал, что именно он призван не только теоретически обеспечить антимонархическое политическое движение, но и направлять его. Разочаровавшись в Плеханове, Ленин решил, что среди российских марксистов нет никого, кто мог бы сравниться с его собственным интеллектуальным и политическим потенциалом. Все это лишь усиливало его внутреннюю напряженность. В

* В последнее десятилетие двадцатого века стал популярным диагноз «синдром хронической усталости».

то время Ленин еще не привык к изоляции. В 1904 году произошел конфликт Ленина с его близким другом Глебом Кржижановским, в результате Ленин впал в депрессию. Если бы не его непоколебимая вера в собственную правоту, он сломался бы еще в первые годы эмиграции, так и не став партийным лидером. Но Ленин «знал» о том, что он прав, и это помогало ему выстоять перед напором критики.

Но даже веры в собственное предназначение могло оказаться недостаточно, если бы не постоянная помощь и поддержка родных. Мать, сестры и брат поддерживали в нем убеждение, что он не может ошибиться. Надежда Константиновна за все долгие годы их супружества лишь изредка перечила ему. Дома его всегда ждала надежная, безопасная пристань. В эмиграции он жил в основном в городах, которые считал подходящими для себя. Он любил жить в Мюнхене, Лондоне и Женеве. Исключением стал Париж, где Ленину пришлось прожить с 1908 по 1912 год. Он так и не смог приспособиться к жизни во французской столице.

В детские годы в гимназии и дома Владимира считали «золотым мальчиком». Таким он оставался для родных всегда. Им казалось, что все в нем свидетельствует о его гениальности — начитанность, требование постоянного внимания со стороны других, соблюдение режима и любовь к регулярным занятиям физкультурой, стремление давать советы по любому поводу, от политики и философии до медицины. Во время работы Ленин требовал соблюдения абсолютной тишины и распространял это требование даже на себя самого. Как вспоминает Надежда Константиновна, во время коротких перерывов в работе Ленин ходил по кабинету на цыпочках. Наедине с собой кот превращался в тихую мышь[28]. Поражало его навязчивое стремление к порядку. Он не мог чувствовать себя спокойно, пока не наводил порядок в своих делах, будь то расположение карандашей на письменном столе или политико-экономическая программа РСДРП. Среди политиков трудно найти еще одного такого же педанта. Кажется странным, что такой человек мог признавать чей-то авторитет, хотя бы Маркса и Энгельса, но это лишь кажущийся парадокс: Ленин был убежден, что никто, кроме него, не может дать верное толкование трудов классиков марксизма, хотя ни устно, ни письменно не заявлял об этом напрямую вплоть до первой мировой войны.

Что касается политики, то члены семьи Ленина были целиком на его стороне. Надежда Константиновна оказалась вели-

колепным организатором, на ее плечи легла подавляющая часть партийной переписки. Брат Дмитрий Ильич в 1900–1902 годах был агентом «Искры», потом стал делегатом Второго съезда РСДРП. Анна Ильинична была партийной «связной», перевозя сообщения из Европы в Россию и обратно, впоследствии к ней присоединилась Мария Ильинична. Партийные убеждения Анны, Дмитрия и Марии были отражением убеждений Владимира. В январе 1904 году родственники Ленина вместе с женой Дмитрия Антониной были арестованы[29]. Что бы ни случалось с детьми, Мария Александровна, ни на что не жалуясь, отправлялась вслед за ними к месту их административной ссылки.

Поддержка родных была особенно важной для Ленина в 1903–1904 годах, когда он был одинок и находился в изоляции. Ленин не сомневался в собственной правоте, но он еще не стал железным и непоколебимым борцом, и его нервы были на пределе. Если бы не дружеская атмосфера поддержки и заботы, он вряд ли смог бы добиться таких успехов в политической карьере.

Николаю Валентинову*, как и другим сторонникам Ленина, было абсолютно все равно, честно ли ведет себя Ленин на внутрипартийных диспутах, следует ли он партийному уставу. Главное, что Ленин был настоящим лидером. Особенно нравились сторонникам острые слова Ленина о необходимости «перевернуть Россию». Никого из них не волновало то, что в Ленине слишком многое напоминало о народничестве. Он не делал секрета из того, что ему нравятся одиозный журнал Петра Ткачева «Набат» и еще более одиозные прокламации Сергея Нечаева. За соучастие в убийстве швейцарские власти в 1872 году лишили Нечаева прав и выдали его российским властям, но Ленин рекомендовал своим последователям читать его воззвания и извлекать из них уроки[30]. Следует сказать, что практически все российские марксисты в той или иной степени сохраняли уважение к народникам старшего поколения и якобинцам времен Французской революции. Во всяком случае, молодые редакторы «Искры» ничего не имели против терроризма.

Ленин был настоящим партийным руководителем, беззаветно преданным делу революции. Он умел находить подход к людям. Валентинов приехал в Женеву без гроша в кармане, и Ленин помог ему найти временную работу носильщика. Работа оказалась слишком тяжелой для Валентинова, и Ленину пришлось

---

* *Николай Валентинов* (Вольский) (1879–1964) – российский публицист и философ. После Второго съезда РСДРП (1903) примыкал к большевикам, с 1904 года меньшевик. Считал необходимым обогатить марксизм идеями Э. Маха и Р. Авенариуса.

опять прийти на помощь, уже в самом прямом смысле: тележку толкали вдвоем. Валентинов никогда не забыл о том, как помог ему Ленин. Но и многим другим марксистам, прибывавшим из России, было за что благодарить Ленина. Очень часто он, узнав от Надежды Константиновны о времени их приезда, приходил встречать новоприбывших к поезду, расспрашивал их о политической ситуации в России, о том, все ли у них в порядке и не нужна ли помощь.

Молодые годы Владимира Ульянова прошли среди книг, в просторных, уютных домах, где основную работу делала прислуга, но он с детства был приучен не гнушаться никакого труда. В семье Ульяновых заносчивость была вне закона, и дети послушно, без малейшего протеста делали то, что требовалось. Хотя детей не готовили к физическому труду, родители приучили их к мысли, что ради великой цели никакой труд не является зазорным. Для Ильи Николаевича великой целью было дело народного просвещения, для Владимира — революция, а просвещение должно было стать ее следствием.

Победа на Втором съезде РСДРП принесла Ленину меньше последователей и сторонников, чем он ожидал. Раскол эмигрантов на большевиков и меньшевиков, за малым исключением, был встречен в России с откровенным неодобрением. Разделение только что созданной партии на две фракции повергло российских марксистов в шоковое состояние. Лишь немногие организации, вроде крайне левых петербургских марксистов, согласились с партийной политикой Ленина.

Ленин не только не приобрел новых сторонников, но и лишился старых друзей. Они всегда считали, что Владимир поступает чересчур опрометчиво, но теперь многим казалось, что он вообще утратил всякое чувство меры. Одним из недовольных был Глеб Кржижановский. Ему давно надоели бесконечные внутрипартийные склоки. Через несколько дней после того как Ленин вошел в состав Центрального Комитета, Кржижановский, вопреки желанию Ленина, попытался примирить враждующие фракции. Для этого он предложил вывести из состава Совета партии ленинца Л. Гальперина и ввести в ЦК кого-нибудь из меньшевистской фракции Мартова. Ленин был вне себя от гнева, но Кржижановский прямо заявил: практически все, в том числе и сторонники, считают сепаратистскую деятельность Ленина ошибочной, и праздновать безоговорочную победу бессмысленно. Последовал весьма эмоциональный разговор, о котором Кржижановский даже после Октябрьской революции будет вспо-

минать с негодованием[31]. Кржижановский обвинил Ленина в эгоцентризме и непримиримости.

Ленина без конца ругали, пытались урезонить. В конце концов терпение Кржижановского и Носкова лопнуло. В феврале 1904 года они обратились к Ленину с письмом от имени Центрального Комитета: «Все умоляем Старика бросить склоку и начать работу, ждем листков и брошюр и всяких советов, лучший способ поправить нервы и лучший ответ на ругань»[32].

Из этого предложения ясно, что равенство между членами ЦК было лишь формальным. Ленин был «Стариком», старейшиной, главным организатором, советчиком, непревзойденным писателем, и с ним следовало быть тактичным. Ему нельзя было приказывать, его можно было только просить. Превосходство Ленина признавалось безоговорочно, но это не помешало членам Центрального Комитета обратить внимание на тот факт, что «Старик» чересчур увлекся вопросами внутрипартийной дисциплины и организации за счет своих основных обязанностей партийного руководителя. Нервы Ленина, всегда принимавшего критику близко к сердцу, опять разыгрались.

Кржижановский и Носков уверяли, что от готовности Ленина пойти на уступки зависит решение партийных проблем. Ленин в ответ жаловался членам ЦК, напоминая им, что он «не машина» и до сих пор не может забыть, как оскорбили его Плеханов и Мартов[33]. Маневр не помог. Хотя к весне 1904 года все восемь членов Центрального Комитета были большевиками, лишь двое из них поддерживали Ленина. Остальные были уверены, что Ленину следует быть не в Швейцарии, а в России — там, где проходила их собственная деятельность.

В мае 1904 года приехавший в Женеву Носков выступил от имени Центрального Комитета и приказал Ленину подчиниться партийной дисциплине. В частности, Носков запретил Ленину начинать кампанию за созыв Третьего съезда партии. ЦК стремился преодолеть партийный раскол, а съезд только усилил бы враждебность фракций. Носков пытался предотвратить публикацию резко антименьшевистской работы Ленина «Шаг вперед, два шага назад», но ему не хватило настойчивости. В конце концов, им удалось достичь компромисса: книга отдается в печать, а Ленин и Носков становятся объединенными представителями Центрального Комитета за границей. Ленин оказался чрезвычайно несговорчивым. Формально результаты переговоров означали, что Носков сдался и Ленин получил возможность действовать по-своему.

Необходимость работать совместно с Носковым казалась Ленину унизительной. Если Носков был уверен, что он сделал доброе дело для партии, то Ленин — что все дело революции под угрозой:

«Партия разорвана фактически, устав обращен в тряпку, организация оплевана, только благодушные пошехонцы могут еще не видеть этого. А кто это понял, тому должно быть ясно, что на натиск мартовцев надо отвечать натиском же (а не пошлым рассусоливанием о мире и т. п.). Для натиска и надо употребить все силы»[34].

Огромной силой воли Ленин преодолевал как свои собственные сомнения (а их было не много), так и критические замечания (поступавшие в невероятном количестве).

В первой половине июня 1904 года Ленин и Крупская решили отдохнуть от внутрипартийной войны. В начале года Ленин попал в дорожную аварию (его велосипед врезался в трамвай), он сильно разбил лицо и несколько недель ходил с забинтованной головой. Здоровье его опять начало шалить, мигрени и желудочные боли усилились, беспокоили последствия когда-то перенесенного рожистого воспаления. Отпуск решили провести в горах. Ленин и Крупская пригласили в путешествие Марию Эссен, одну из двух сторонников Ленина в Центральном Комитете. Три большевика взвалили на спины рюкзаки и двинулись в путь с экземпляром швейцарской газеты «Baedeker» в руке, условившись по возможности избегать разговоров о политике*.

Путешествие удалось на славу. В Швейцарии существовала хорошо налаженная система обслуживания туристов, путники могли заранее заказать номер в гостинице по телеграфу. Сеть телеграфных отделений в Швейцарии была самой плотной в мире. Как утверждала «Baedeker», в Швейцарии практически невозможно встретить плохую гостиницу или пансион. Трое туристов могли спокойно отдыхать, зная, что к их услугам всегда будет хорошая гостиница и прекрасное питание.

Вначале поехали на пароходе в Монтрё, посетили крепость Шильон. Ленин никогда не изменял своей привычке выклады-

* Как это удавалось Ленину, можно судить по воспоминанию Марии Эссен о том походе в горы: «Наконец, добрались. Ландшафт беспредельный, неописуема игра красок. Перед нами, как на ладони, все пояса, все климаты. Нестерпимо ярко сияет снег, несколько ниже — растения севера, а дальше — сочные альпийские луга и буйная растительность юга. Я настраиваюсь на высокий стиль и уже готова декламировать Шекспира, Байрона. Смотрю на Владимира Ильича: он сидит, крепко задумавшись, и вдруг выпаливает: „А здорово гадят меньшевики!..“» (ВоВИЛ, т. 3, с. 112–113).

ваться до предела, даже если это касалось отдыха. Они очень много ходили пешком, а при подъеме на гору Ленину приходилось поторапливать спутниц, отставших на горной тропе. В конце июля путешественники поселились в пансионе у озера Лак-де-Бре. Это был чудесный долгий отдых.

В Женеву вернулись не ранее 2 сентября[35]. Ленин с супругой сняли новую квартиру в доме 91 по улице Рю де Каруж, застроенной высокими доходными домами, где на первых этажах располагались магазинчики и кафе, а над ними — квартиры. Политэмигранты давно облюбовали этот район. Улочки, прилегавшие к Рю де Каруж, были настоящей «маленькой Россией». Ленин чувствовал себя здесь как дома. После самого длинного за всю его взрослую жизнь отпуска он чувствовал себя посвежевшим и готовым к новой борьбе.

Уезжая в отпуск, Ленин понимал, что рискует утратить положение в партии. В его отсутствие Носков вполне мог бы дискредитировать его перед Центральным Комитетом. Но без отпуска Ленин просто свалился бы с нервным приступом. Перед отъездом он передал свои полномочия надежным друзьям, но ни у кого из них не было ленинского таланта сопротивляться непреодолимому. Сам Носков жалел о том, что пошел на компромисс с Лениным. В июле 1904 года он приступил к работе в России. Постепенно ему удалось перетянуть членов ЦК на свою сторону в вопросе о необходимости объединения большевиков и меньшевиков. Для этой цели была разработана особая декларация. Ленина обвиняли в том, что он не пишет партийную литературу. Большевистский Центральный Комитет выступил против своего руководителя-большевика.

Узнав об этом, Ленин (после отпуска к нему вернулись физические и умственные силы) созвал своих немногих сторонников-эмигрантов. Было решено совершить поездку по России и организовать так называемое Бюро комитетов большинства с целью подготовки созыва Третьего съезда РСДРП. Финансовую сторону дела обеспечивал молодой талантливый писатель-марксист Александр Богданов. Откровенно говоря, Ленин был не всегда справедлив по отношению к Богданову. Если тот забывал вовремя отправить нужное письмо, Ленин, не смущаясь, мог отругать Богданова за «свинство», хотя прекрасно понимал, что с Богдановым необходимо сохранять дружеские отношения — не только из-за денег, но и из-за необходимости личной поддержки, без которой Ленину вряд ли удалось бы взять реванш. Поэтому приходилось быть сдержаннее. Ленин решает покинуть

Искру» и вместе с Богдановым и Анатолием Луначарским организовать новую газету «Вперед» — конкурент «Искре». Первый номер новой газеты вышел 22 декабря 1904 года. К разочарованию Носкова, оказалось, что в России у Ленина есть немало сторонников. Книгу «Что делать?» прочитало немалое количество российских марксистов, для которых Ленин по-прежнему оставался потенциальным руководителем партии.

Между членами партии началась настоящая гражданская война. Ленин создал параллельную организацию, которая должна была выступить как основная боевая сила против меньшевиков и несогласных большевиков. В таком настроении руководитель Российской социал-демократической рабочей партии встретил 1905 год.

10

Россия далекая и близкая

1905–1907

Революционный кризис в России был предсказан задолго до его начала. В стране действовало множество нелегальных политических партий, стремившихся к свержению ненавистной династии Романовых. У Ленина было множество причин ненавидеть царскую династию, от личных идеологических убеждений до семейной трагедии, причиной которой считался царь; у других были свои причины для ненависти. Но не всегда посреди неординарной ситуации находится столь же неординарная личность, способная взять под свой контроль развитие событий. В первой российской революции такой личности не нашлось.

Российская империя бурлила негодованием. Страна, получившая название полицейского государства, уже не могла держать народ под контролем. Управлению охраны не хватало ни денег, ни людей. Новое столетие началось с неурожаев, крестьяне начинали роптать. Рабочие возмущались отсутствием профсоюзных организаций, которые отстаивали бы их права перед работодателями. Национальные меньшинства, особенно поляки, создавали нелегальные антигосударственные организации. В стране кипела нелегальная политическая деятельность. Партия социалистов-революционеров (эсеров) летом 1904 года совершила покушение на министра внутренних дел В. К. Плеве. Даже либералы становились активнее: Петр Струве, к этому времени порвавший с марксизмом, возглавил недавно созданное объединение «Союз освобождения», основной деятельностью которого была организация публичных банкетов и выступления перед публикой с речами, содержавшими скрытые нападки на царский

режим. Императору Николаю II, взошедшему на престол в 1894 году, опасность грозила буквально со всех сторон.

Из-за опрометчивого вступления России в войну с Японией с целью усиления российского влияния на Дальнем Востоке положение в стране стало еще хуже. По Транссибирской магистрали в район военных действий перебрасывались наземные войска, корабли Балтийского флота отправились на другой конец Евразии навстречу японской армаде. Сообщения о назревавшей катастрофе поступали на протяжении последних месяцев года. Войска оказались запертыми в дальневосточном Порт-Артуре, армии не хватало продовольствия и боеприпасов, воинская дисциплина хромала, военное и политическое руководство было отвратительным. Трагедия смешалась с фарсом: Балтийский флот, проходя через Северное море, по ошибке открыл огонь по британскому рыболовному траулеру, приняв его за японский военный корабль, из-за чего едва не началась война с Великобританией. Репутация царя в глазах всего народа падала все ниже.

9 января 1905 года, в воскресенье, к Зимнему дворцу направлялась мирная процессия. Тысячи нарядно одетых мужчин, женщин и детей несли царю Николаю II петицию с просьбой о предоставлении всеобщих гражданских прав. Лояльные к власти рабочие хотели передать петицию лично царю. Впереди колонны шел православный священник Георгий Гапон. Демонстрацию организовало возглавляемое Гапоном «Собрание русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга», профсоюзная организация, действовавшая под строгим контролем полиции. Идею создания подконтрольных профсоюзных организаций выдвинул Сергей Зубатов, глава московской полиции. Гапон, вначале выступивший как посредник, постепенно перешел на сторону рабочих.

На подходе к Зимнему дворцу демонстрантам приказали разойтись, но они не подчинились. Императора во дворце не было. Офицеры, охранявшие дворец, отдали приказ открыть огонь по толпе, погибли сотни демонстрантов. Жестокий расстрел мирной рабочей манифестации вызвал волну демонстраций и забастовок по всей империи. Вера людей в царя была разбита.

Не прошло и суток после Кровавого воскресенья, как известия о случившемся достигли Женевы. Анатолий Луначарский и его жена первыми увидели сообщение в газете за 10 января и поспешили к Ленину, который в те дни снимал квартиру на Рю Давид Дюфор. Услышав о гибели невинных людей у Зимнего дворца, Ленин обрадовался: ведь это значило, что царизм стоит

на краю пропасти, трон Ивана Грозного и Петра Великого колеблется.

Ленин и Луначарский вместе с супругами направились на Рю де Каруж, в кафе-столовую Пантелеймона и Ольги Лепешинских. Заведение Лепешинских, ветеранов марксистского движения, стало любимым местом встречи марксистов-эмигрантов. Хозяева не рассчитывали на большую прибыль, зато здесь можно было дешево поесть и сколько угодно говорить о политике и партийных организациях. За столами, заставленными чашками с кофе, мисками с супом, тарелками с пирожками с капустой и колбасой, всегда собирались группы оживленно беседующих людей. В тот день кафе Лепешинских было переполнено. Эмигранты почуяли запах революции.

События в Петербурге застали эмигрантов врасплох. Что им следовало делать в этой ситуации, если информация о событиях в России доходила до них не напрямую, а через швейцарских журналистов? Большинство решило не возвращаться в Россию, а ждать развития событий и разрабатывать планы возможных действий для своих российских последователей. Не сталкиваясь лично с быстро меняющейся ситуацией в Петербурге, они были вынуждены анализировать события и делать прогнозы, опираясь на свои идеологические убеждения.

Ленин не сразу осознал необходимость фундаментального изменения стратегии. Первой его реакцией на события Кровавого воскресенья было бесконечное повторение фраз о первейшей необходимости организационного разделения с меньшевиками. В декабре 1904 года он твердил каждому члену Бюро комитетов большинства, что примирение с теперешней, меньшевистской редакцией «Искры» невозможно. Ленин обрушил бурю гнева на Носкова, пытавшегося примирить фракции во время отсутствия Владимира Ильича. С Носковым Ленин поступил так, как сделал бы на его месте любой дворянин, будь он помещиком или армейским офицером: прервал все личные контакты с ним[1]. Однако поддержки у членов Центрального Комитета, даже у своих близких сторонников, Ленин не нашел. Они продолжали спокойно готовиться к Третьему партийному съезду, на котором большевики и меньшевики должны были воссоединиться. Ленин надеялся, что события Кровавого воскресенья положат конец этой глупости и большевики наконец поймут, что большевизм — единственно правильная революционная тенденция. Но с ним не согласился даже его друг Сергей Гусев, член Центрального Комитета. Ленин обрушил на «презренных формалистов»

поток гневных писем. Плевать, даже если все они перейдут к Мартову! Такие большевики — позор для большевизма! Никаких компромиссов!

Все эти послания приходилось зашифровывать Надежде Константиновне. Может быть, это она обратила внимание мужа, что от агрессивного тона больше вреда для партии, чем пользы. Во всяком случае, сам или с помощью супруги, Ленин понял, что если он потеряет Сергея Гусева и других товарищей-большевиков, то его единственными сторонниками останутся супруга, брат и две сестры. Какими бы убежденными революционерами эти люди ни были, вряд ли их сил хватит для того, чтобы перевернуть Россию.

Но от идеи решительного размежевания с меньшевиками Ленин не мог отказаться:

> «Либо мы сплотим действительно железной организацией тех, кто хочет воевать, и этой маленькой, но крепкой, партией будем громить рыхлое чудовище новоискровских разношерстных элементов, либо мы докажем своим поведением, что мы заслужили гибели как презренные формалисты»[2].

Эти оскорбительные высказывания большевики не могли воспринимать всерьез. Они удивлялись, как сюрреалистически неуместны были легкомысленные слова товарища по партии о внутрипартийной «войне» в дни, когда тысячи россиян и японцев гибли на фронтах русско-японской войны. Не слишком ли это жестоко — делать чудовище из меньшевиков, маленькой группы убежденных марксистов? Еще сильнее недоумевали товарищи из-за того, что Ленин настаивал на необходимости оказывать политическую поддержку японской стороне ради дела революции. Позже, в годы первой мировой войны, Ленин вновь заговорит о необходимости военного поражения своей страны. Любая иностранная армия, атаковавшая царскую Россию, обычно казалась ему менее реакционной, чем имперское государство, и уже поэтому заслуживавшей поддержки со стороны российских марксистов. Все что угодно, лишь бы свергнуть Романовых! Но не странно ли, что первейшей задачей большевиков Ленин называет вовсе не свержение ненавистной династии, а закрытие меньшевистской газеты «Искра» в далекой Швейцарии? Не сошел ли он с ума? Многие начинали подумывать, что совершили ошибку, поддержав Ленина в его конфликте с Мартовым в 1903 году.

Возглавляемый большевиками Центральный Комитет шел навстречу Третьему, Объединительному съезду РСДРП. На съезд были приглашены представители всех мало-мальски значительных партийных комитетов в России. Местом проведения съезда вновь был избран Лондон. Огорченный Ленин отправил Надежду Константиновну покупать билеты на ночной лондонский поезд. Через несколько дней состав, оставив позади Швейцарию и Францию, остановился у лондонского вокзала Чаринг-Кросс. Ленин и Надежда Константиновна сняли квартиру в доме 16 на Перси-Серкус в районе Сент-Панкрас.

Открытие съезда было назначено на апрель. Тревога Ленина постепенно рассеивалась: Плеханов, Мартов и остальные искровцы отказались от участия в съезде, небезосновательно утверждая, что при проверке действительности депутатских мандатов Центральный Комитет не был абсолютно беспристрастен. Меньшевики объявили о проведении собственного съезда в Женеве. Следовательно, Третий лондонский съезд можно было назвать съездом большевиков, несмотря на то что членам ЦК все-таки удалось убедить горстку меньшевиков принять в нем участие. Ленину несказанно повезло. Он чувствовал себя как тяжелобольной, внезапно исцеленный невидимым гениальным врачом. Он мечтал о созыве большевистского съезда — и получил его. Теперь ему не нужно было в расстроенных чувствах шататься по Блумсбери, злясь на искровцев, испортивших ему настроение.

Съезд давал Ленину возможность разъяснить прибывшим из России делегатам свои стратегические идеи, узнать новости о происходящем в Петербурге и губерниях. Он всегда умел четко, острыми словами, излагать свои мысли; пожалуй, лишь Александр Богданов, товарищ и соперник, мог здесь составить ему конкуренцию. Ленин любил партийные съезды, любил встречать делегатов, обмениваться мыслями с делегатами-рабочими. Вместе с Николаем Алексеевым Владимир Ильич снабжал прибывающих на съезд марксистов адресами дешевых квартир и комнат, давал советы по английскому произношению (ничуть не смущаясь, что сам произносил звук «р» грассируя, как француз)[3]. По вечерам делегаты собирались за кружкой пива в маленьком немецком пабе на Грейс-Инн-роуд, чтобы поговорить о партийных делах. Кое-кто из собравшихся обязательно припоминал, как много идей почерпнул Ленин у российских террористов-народников девятнадцатого столетия и у террористов-якобинцев эпохи Французской революции 1792–1794 годов.

Наконец делегатам удалось найти подходящее помещение для заседаний, и 12 апреля 1905 года в условиях строжайшей секретности съезд начал работу. (Секретность была такова, что историки до сих пор не выяснили, в каком здании проходил съезд.) Ленин, чья репутация среди российских большевиков и эмигрантов в последнее время ощутимо пошатнулась, внезапно получил возможность взять реванш. Он председательствовал на большинстве заседаний и манипулировал повесткой дня в своих интересах. В последней попытке объяснить товарищам, как следует совершать революцию, он преподнес оживленной аудитории ряд лозунгов: «вооруженное восстание», «временное революционное правительство», «массовый террор», «экспроприация помещичьих земель»[4]. Каждый новый лозунг слушатели встречали восторженными аплодисментами. В то время не было принято публиковать протоколы заседаний, иначе Ленин не говорил бы о диктатуре и терроре с таким откровенным энтузиазмом. Аудитория не нашла в его словах ничего предосудительного. Большевикам предстояло совершить революцию, бороться с контрреволюционными силами, так почему же они должны воздерживаться от методов борьбы, проверенных еще Робеспьером* во время Французской революции? Большевики мыслили трезво и расчетливо. Если им суждено сыграть решающую роль в свержении российской монархии, то с неизбежностью придется защищать политические и экономические завоевания революции, поэтому их целью должно стать вхождение в состав революционной администрации. Слова Ленина брали слушателей за живое, касались их самых сокровенных убеждений.

Правда, не все могли совместить новые лозунги с традиционным пониманием марксизма. Делегатам было непонятно, как марксистская партия может стремиться войти в правительство, цель которого — укрепление капиталистической экономики. И на чем должна остановиться аграрная реформа, если помещичьи земли подлежат конфискации? Делегат М. К. Владимиров спросил, не должна ли партия остановиться, не доходя до специфически социалистических действий, например создания коллективных крестьянских хозяйств? Ленин невозмутимо возразил: «Никаких остановок!»[5].

---

* *Максимилиан Робеспьер* (1758–1794) — деятель Французской революции конца восемнадцатого века. Фактически возглавив в 1793 году революционное правительство, способствовал казни Людовика XVI, созданию революционного трибунала. Сосредоточил в своих руках практически неограниченную власть; организатор массового террора.

Меньшевики, узнав о нововведениях Ленина, сочли доказанным факт его отхода от марксизма. Восхищается Ткачевым и воспевает террор — раз. Заигрывает с крестьянством — два. Склонен к жестокости и диктату — три. Ленин попытался предотвратить волну критики, написав брошюру «Две тактики социал-демократии в демократической революции», работу над которой он продолжал и в дни съезда. Он стремится не только оправдать свои радикальные лозунги, но и поучить работе товарищей-большевиков. Обвиняя российских товарищей в медлительности при создании профсоюзов и других рабочих организаций, с гневом призывая их отказаться от склонности к нелегальной деятельности, он пытается убедить товарищей быть в меньшей степени «ленинцами»! В очередной раз шокируя товарищей, он заявил о необходимости превращения РСДРП в крупную партию со свободным вступлением.

Владимир Ильич не считал, что предлагает резкую перемену курса. «Шаг вперед, два шага назад» была написана в другое время и в других условиях, в той книге Ленин вел речь о необходимости централизованного руководства, но не собирался давать детальных и неизменных указаний об особенностях внутрипартийной структуры и деятельности партии. Теперь же, утверждал Ленин, появилась реальная возможность совершения революции, поэтому партия должна вести работу по-другому. В противном случае революция оставит такую партию далеко позади. Ленин не менял убеждений, изменились лишь практические подходы, так как изменилась политической ситуации. В России назревала революционная ситуация, и партия была обязана использовать ее — именно для этого она и была создана. Ленин готовил партию, а точнее свою фракцию, к осознанию и использованию открывающихся возможностей. Он кипел, как котелок на горячей плите.

Съезд показал силу и слабость Ленина. Вопреки его возражениям, съезд решил ограничить влияние эмигрантов на партию. В частности, было решено перевести Центральный Комитет и редакцию центральной партийной газеты (теперь она называлась «Пролетарий») в Россию. Ленину дали понять, что он, если и дальше желает руководить фракцией большевиков, должен вернуться в Петербург. В течение шести месяцев он не обращал на предупреждение товарищей никакого внимания. В России его ждал арест, поэтому даже решение партийного съезда не могло заставить его покинуть безопасную Швейцарию. Ленин повел себя не как лидер, а скорее как теоретик революции. Он по-прежне-

му был (абсолютно безосновательно) уверен, что сможет руководить деятельностью большевиков в России из Швейцарии по переписке!

Ленин не мог понять, что в России на свободу вырвались силы, непредсказуемые, как вулкан. Из книг он знал о Французской революции, о революциях 1848 года и о Парижской коммуне 1871 года, но это были лишь знания о «классовых интересах» тех или иных политических сил. Подобно Марксу, Ленин стремился сосредоточиться на внутренней логике политических событий, забывая при этом о факторе непредсказуемости и хаотичности, без которых не обходилась ни одна великая революция.

Но все же Ленин не страдал самодовольством. Он, хотя и отказывался возвращаться в Петербург, прекрасно понимал необходимость держать руку на пульсе петербургских событий. Через несколько недель после «Кровавого воскресенья» в Женеву прибыл бежавший из России Гапон. Марксисты холодно встретили православного священника, и лишь Ленин беседовал с ним подолгу. Эти двое сразу пришлись друг другу по душе. Они даже подарили друг другу по экземпляру своих книг — факт, достойный внимания: обычно Ленин дарил свои книги лишь тем, кто произвел на него особое впечатление.

Ленин пригласил Гапона на Рю де Каруж, поговорить о российских событиях. Гапон не был ни ученым теоретиком, ни членом партии, но, что особенно нравилось Ленину, он хорошо знал ту жизнь, которая до сих пор оставалась малопонятной для эмигрантов. В глазах Ленина крестьянский сын Гапон, враждебный к императору и высшей церковной иерархии бородатый харизматик, был человеком, способным глубоко понимать чувства простых русских людей[6]. Когда-то он был лояльным царским подданным и перешел на сторону революционеров лишь после расстрела мирной рабочей демонстрации у Зимнего дворца. С этим человеком можно было поговорить о сенокосе, трущобах и воскресных школах — о той стороне жизни, которую так мало знал Ленин. Особенно заинтриговал Ленина гапоновский лозунг «Всю землю — народу!», намного более радикальный, чем выдвинутое когда-то Лениным требование вернуть крестьянам отрезанные при земельной реформе полоски земли. Гапон оправдывал свой радикализм теологически. Лишь Бог, говорил священник, является единственным хозяином земли, а крестьяне — всего лишь арендаторы, поэтому им следует помогать именно с арендой земель. Разумеется, Ленин отверг религиозное обосно-

вание идеи Гапона, но сама идея отмены частной собственности на землю глубоко вдохновила его[7]. Еще большее впечатление на Ленина произвело открытое письмо Гапона к российским социалистическим партиям с призывом прийти к соглашению между собой и совместно готовиться к вооруженному свержению царизма. Перед Лениным был представитель духовного сословия, понимающий практические задачи революции, и воинствующий атеист одобрительно высказался об идеях Гапона на страницах большевистской газеты «Вперед»[8].

Ленин был не совсем обычным марксистом. Со временем он научился черпать идеи из самых разных источников. Многие из его идей коренятся в трудах старших поколений российских мыслителей-социалистов. Будучи теоретиком революции, он оставался беззаветно предан идее совершенствования человечества, рожденной философами эпохи Просвещения. Ленин ощущал необходимость выхода за пределы марксистского братства, чтобы искать и находить новые элементы революционной стратегии, но при этом всегда пользовался традиционной марксистской терминологией.

Несмотря на отклонения от «классического» марксизма, Ленин продолжал придерживаться марксистской аксиомы о двух этапах построения социализма: вначале — буржуазно-демократическая революция, затем — революция социалистическая. Тем не менее, ленинские построения любой марксист назвал бы несколько странными. В «Двух тактиках...» звучит настойчивая мысль о том, что либералам и другим партиям среднего класса нельзя доверять даже первую стадию революционного процесса — буржуазно-демократическую революцию. Еще более странно выглядит мысль о необходимости «временной революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства». Ленин заявил, что идея диктатуры послужит мощным средством вовлечения в революцию представителей низших социальных слоев.

Меньшевики выступили категорически против идеи диктатуры. Диктатура, утверждали они, означает фактический отказ от двухстадийности революционного процесса. Меньшевики справедливо предполагали, что буржуазия не сможет справиться с диктатурой, если та будет пользоваться широкой поддержкой простого народа. К тому же диктатура вряд ли является самым эффективным способом построения рыночной экономики и введения всеобщих гражданских прав. С точки зрения меньшевиков, весь проект Ленина представлял собой смесь несовместимых противоположностей.

Ленин не стал отвечать на меньшевистские нападки. Он убедил последователей-большевиков в собственной правоте, и теперь ему совсем не хотелось в процессе публичной дискуссии обнажать слабые места своей теории. К тому же он и сам верил, что его учение по-прежнему находится в рамках традиционного марксизма. И все же ему приходилось бороться с искушением представить публике вызревающую идею одностадийной революционной стратегии. Он написал статью «Картина временного революционного правительства», в которой схематически описал идею «непрерывной революции», но, поразмыслив, отказался ее публиковать.

Следует заметить, что далеко не все марксисты с неодобрением относились к нарушению марксистских традиций. Троцкий, вдохновившись идеями немецкого марксиста Александра Гельфанда-Парвуса*, предложил следующую недвусмысленную схему: большевики захватывают власть, образуют «правительство рабочих» и не допускают к власти либералов. Троцкий не хотел оставаться всего лишь проповедником революции, он стремился активно руководить ею. Вернувшись летом в Россию, он присоединился к бастовавшим петербургским рабочим.

Летом 1905 года дела у Российского государства пошли совсем плохо. С дальневосточных фронтов приходили ужасающие сообщения. Армия потерпела сокрушительное поражение в февральской битве под Мукденом, а в мае под Цусимой был уничтожен военный флот, обогнувший половину земного шара на пути до места сражения. Император срочно вызвал ушедшего ранее в отставку графа Витте**, которому удалось договориться о мире с Японией с удивительно малыми для России потерями. Вся страна переживала чувство национального оскорбления.

В России нарастало революционное движение, городские рабочие поднимались на забастовки, в мае появилось нечто новое в российской истории — Советы, выборные органы представителей низших социальных классов, взявшие на себя полномочия местных правительственных органов. Впервые появившись в

---

* *Александр Гельфанд-Парвус* (1869–1924), участник российского и германского социал-демократического движения. С 1903 года меньшевик. Участвовал в революции 1905–1907 годов; сослан в Туруханск; бежал в Германию. Вместе с Л. Д. Троцким разрабатывал так называемую теорию «перманентной революции». Занимался предпринимательством. В годы первой мировой войны выступал в поддержку Германии; сотрудничал с немецким Генштабом.

** *Сергей Витте* (1849–1915) — российский государственный деятель, министр путей сообщений в 1892 году, финансов с 1892 года, председатель Комитета Министров с 1903 года, Совета Министров в 1905–1906 годах. Инициатор введения винной монополии (1894), проведения денежной реформы (1897), подписал Портсмутский мир (1905). Автор Манифеста 17 октября 1905 года, провозглашающего гражданские свободы и созыв Государственной думы. Разработал основные положения столыпинской аграрной реформы.

Иваново-Вознесенске, Советы быстро распространились по всей стране, готовясь создать альтернативу местной администрации. В сентябре Троцкий стал председателем Петербургского Совета. Из подполья вышли нелегальные политические партии. Даже либералы наконец-то создали партию конституционных демократов (кадетов). Полиция не решалась вмешиваться в ход событий. Повсеместно создавались профсоюзы, цензура практически исчезла, крестьяне начали брать древесину из помещичьих лесов и пасти свой скот на помещичьих пастбищах. Об автономии объявили Польша и Грузия. Над царским режимом нависла смертельная опасность.

Все эти события происходили в отсутствие Ленина. Большевики не раз осуждали его за нежелание возвращаться в Россию. В сентябре Александр Богданов твердо потребовал, чтобы Ленин немедленно приезжал. Интеллектуал Богданов, марксист-теоретик, плодовитый писатель и неутомимый революционер, ставший большевиком именно под влиянием ленинского призыва к действию, прочитав книгу «Что делать?», прямо заявил Ленину, что не может понять, почему тот боится возвращаться в Россию. Ленин пропустил обвинение Богданова мимо ушей. Он никогда не рисковал понапрасну своей личной безопасностью и не делал красивых революционных жестов. Дело руководителей революционного движения, по мнению Ленина — обеспечивать тактику, стратегию и идеологию революции, не подвергая себя опасности попасть под арест. В данный момент его полностью удовлетворяла работа в эмиграции — интеллектуальные дебаты, публикации в прессе и копание в библиотеках. Встретив Ленина на женевской улице Рю де Каруж, никто не смог бы заподозрить этого аккуратно одетого интеллигента в том, что он считает главной целью своей жизни изменение политической и социальной структуры всего мира.

Но вот из Петербурга пришли сообщения о том, что царское правительство наконец решило провести значительные реформы. 17 октября 1905 года император издал манифест о гражданских правах и созыве Государственной думы. Ленин решил, что теперь он может не бояться агентов «охранки». В начале ноября Ленин сел на поезд, следовавший через Германию. Его путь лежал в столицу Швеции Стокгольм, где местные большевики уже приготовили для него фальшивые документы и купили билеты на паром из Стокгольма в Хельсинки. Впервые за пять лет Ленин ступил на землю, которой правил российский император. Из Хельсинки предстояло ехать поездом до Петербурга. 8 нояб-

ря Ленин и Крупская, оставив позади российско-финскую административную границу, проходившую у Белоострова, сошли на перрон Финского вокзала российской столицы. Их встречал большевик Николай Бурёнин. Для Ленина и Надежды Константиновны товарищи сняли квартиры, где им предстояло провести несколько недель[9].

Вначале Ленин собирался действовать открыто, поэтому легально зарегистрировался в полиции. Но буквально на следующий день его иллюзиям пришел конец: район окружили плохо замаскированные агенты «охранки». Пришлось переходить на нелегальное положение, но все же Ленин решился навестить мать и Анну, проживавших в поселке у станции Саблино. Он поддерживал регулярные контакты с большевиками, работавшими в Советах, профсоюзных и других организациях, жадно ловя новые впечатления от революционной России. Жизнь Ленина в основном текла так же, как и в эмиграции: он писал газетные статьи и брошюры, заседал на бесконечных дискуссиях в партийных комитетах, изредка выступал на съездах и конференциях. В Петербурге он прожил с ноября 1905 до лета 1906 года, выезжая лишь изредка — в Финляндию, в Москву, а в апреле 1906 года — в Стокгольм на Четвертый съезд РСДРП. По-прежнему его целью оставалось руководство большевистской фракцией и усиление ее влияния в РСДРП.

Ленин не был народным трибуном. Произносить пламенные речи на публичных митингах и собраниях, подобно Троцкому, — это не для него. За все это время он лишь однажды попробовал себя в роли оратора. Произошло это в мае 1906 года на партийном собрании в Народном доме. Перед «экзаменом» Ленин ужасно волновался, но, выйдя на трибуну, быстро успокоился. Все шло как полагается. «Товарищ Карпов», как представили оратора, стоял на трибуне, слегка наклонившись вперед, сжимая в кулаках лацканы пиджака, и, прищурившись, смотрел на публику. Его резкая речь состояла из уже известных лозунгов. Удивленным слушателям показалось, что оратор явно считает свои лозунги единственным средством ускорения построения социализма в России. Ленину приходилось учиться выступать на публике, учиться быть политиком двадцатого века.

Сравнение с Троцким, впрочем, не вполне справедливо. Взлет и падение Петербургского Совета, где произносил пламенные речи Троцкий, происходили в основном еще до приезда Ленина. Теперь же всем революционным политикам, а не только Ленину, приходилось приводить в порядок свои партийные дела.

Работы было невпроворот. Большевики по-прежнему презирали Советы и преувеличивали необходимость политической конспирации. Ленин доказывал, что давно пора превращать большевистскую фракцию в массовую партию, пора участвовать в работе различных политических организаций и на деле готовить революцию.

Рекомендации Ленина были приняты с явной неохотой, и тогда Ленин заявил о необходимости прихода в РСДРП молодежи. Неважно, будут ли поначалу новые члены партии марксистами. Необходимо привлечь радикально настроенных активистов из среды рабочего класса, людей, соскучившихся по реальному действию. Этим людям следует предоставить полную свободу высказывать свои чувства, свое революционное нетерпение. Промышленные рабочие, состоящие и не состоящие в РСДРП, говорил Ленин, должны взять дело революции в свои руки, и политическим партиям не следует ограничивать рабочих. Рабочий класс должен стать авангардом всех сил, выступающих против российского царского режима.

Ленин неоднократно высказывал сожаление, что в 1871 году Парижская коммуна не прибегла к репрессиям. В 1905 году он не только подтвердил свою приверженность жестоким методам борьбы, но и проявил очевидную страсть к насилию, призывая к кровавому массовому террору. У него не было личного стремления убивать или калечить, он даже не мог смотреть на забой скота, но тем не менее незадолго до возвращения в Россию в послании к членам Боевого комитета, входившего в большевистский ЦК, он написал: «Тут нужна бешеная энергия и еще раз энергия. Я с ужасом, ей-Богу, с ужасом вижу, что о бомбах говорят *больше полгода* и ни одной не сделали!» Ленин предложил создавать вооруженные отряды рабочих и студентов (вне зависимости от того, являются ли эти люди членами РСДРП). Предполагалось, что эти отряды будут взрывать отделения полиции, убивать шпионящих за революционерами агентов «охранки», грабить банки и «конфисковать» необходимые для вооруженного восстания ресурсы[10]. Воображение Ленина лихорадочно работало. Во время уличных боев, представлял он, отряды будут встречать посланные против них войска, забрасывая их с крыш градом булыжников и поливая кипятком, ну а полицейских можно обливать кислотой[11]. (В действительности же такая тактика была бы не только опасной, но и непрактичной, так как вызвала бы масштабные репрессии со стороны солдат и полицейских.) Ленину не приходилось лично иметь дела с бомбами, булыжника-

ми или кислотой, но он испытывал удовлетворение, выплескивая агрессивные мысли на бумагу. Глубоко в его душе клокотала ярость.

Ленина не беспокоило, что его слова могут кого-то отпугнуть:

> «Конечно, всякая крайность нехороша; все благое и полезное, доведенное до крайности, может стать и даже, за известным пределом, обязательно становится злом и вредом. Беспорядочный, неподготовленный, мелкий террор может, будучи доведен до крайности, лишь раздробить силы и расхитить их. Это верно, и этого, конечно, нельзя забывать. Но, с другой стороны, нельзя забывать и того, что теперь лозунг восстания *уже дан*, восстание *уже начато*»*.

Здесь Ленин явно не в ладах с логикой: начав с осуждения крайностей, он вдруг переходит к резкому утверждению, что вооруженный мятеж уже идет полным ходом!

Не прошло и месяца, как московские большевики начали действовать именно так, как он хотел. Но московское восстание, организованное городским Советом, окончилось катастрофой. Восстание началось в середине декабря на Пресне, в рабочем районе. Против отважных повстанцев были брошены войска, незадолго до этого разогнавшие Петербургский Совет, действовавший в здании Технологического института. После подавления московского восстания Ленин пришел к заключению, что следует прекратить преждевременные попытки начать революцию и попытаться извлечь максимум пользы из октябрьского императорского манифеста. В начале 1906 года должны были состояться выборы в парламент — Государственную думу. Новый российский парламент обладал ограниченной властью, император сохранял за собой право роспуска парламента и издания обязательных для исполнения указов. Но, как настаивал Ленин, большевики должны баллотироваться в Думу, чтобы получить возможность легально вести партийную пропаганду.

В середине декабря 1905 года в финском городе Тампере, в трех сотнях миль к северо-западу от Петербурга, состоялась большевистская партийная конференция. Ленин упорно настаивал на своей новой стратегии, резко порывавшей со всем, что заявлял он после Третьего партийного съезда. Он даже готов был

* ПСС, т. 11, с. 341.

примириться с меньшевиками, с которыми в течение двух лет вел непримиримую войну как с еретиками, искажающими учение марксизма. На вопрос, почему Ленин так враждебно относится к идее компромисса, тот обычно с полным презрением отвечал, что соглашатели-большевики ничем не лучше меньшевиков. И вот теперь он заявляет о желании воссоединиться с меньшевиками! Несложно понять, на что рассчитывал Ленин. Он терял контроль над действиями большевистской фракции, а меньшевики, в большинстве своем сторонники участия в работе Советов и Государственной думы, создали бы равновесие фанатичным большевикам.

Большевиков и меньшевиков разделяли принципиальные разногласия. Если Ленин выступал за «временную революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства», за классовый союз рабочих и крестьян, за массовый террор и ограничение в правах среднего класса, то меньшевики, наоборот, заявляли, что именно средний класс должен возглавить «буржуазно-демократическую революцию», в результате которой должны немедленно вступить в действие универсальные гражданские права. Ленину пришлось приложить немало сил, чтобы объединение большевиков и меньшевиков на предстоящем Четвертом съезде партии стало возможным. Прежде всего следовало убедить съезд дать добро на участие социал-демократов в легальной политике. Раз уж царское правительство вынуждено пойти на уступки, грех этим не воспользоваться. На пути к назначенной цели Ленин не считал зазорным совершать самые невероятные маневры.

Местом проведения съезда был избран Стокгольм. В апреле, когда делегаты собирались в шведской столице, Ленин начал переговоры с руководителями фракции меньшевиков. Среди делегатов съезда меньшевики имели некоторое численное преимущество и, без сомнения, взяли бы верх в дебатах. Поэтому Ленин мог свободно высказывать свои мнения относительно политики партии, в том числе и те, которые диаметрально отличались от убеждений меньшевиков. Ленину нравилось быть агрессивным: в усовершенствованном варианте проекта экспроприации помещичьих земель в пользу крестьянства он призывал к «национализации земли» силами «временной революционной диктатуры. Но и меньшевики расширили ряд своих требований по аграрному вопросу, призывая к «муниципализации земли». При этом, утверждали они, удастся избежать появления централизованной бюрократии, неизбежной при реализации ленинского

плана. Ленин легкомысленно предположил, что управление сельским хозяйством окажется для революционного правительства простой административной задачей — помогать крестьянам, арендующим землю по очень низкой цене, во внедрении эффективных сельскохозяйственных технологий. С этим не согласились ни меньшевики, ни критики Ленина среди большевиков. Централизованное управление национализированным сельским хозяйством, возражали они, задача невероятной сложности. К сожалению, Ленин трагически недооценивал опасность бюрократизма.

Съезд отверг и предложения Ленина по аграрной политике, и другие его инициативы. Меньшевики предоставили доказательства, что руководство фракции большевиков соучаствует в ограблении российских банков. На съезде назревал скандал. Меньшевики считали подобные методы финансирования партии неприемлемыми, а действия Ленина, тайно санкционировавшего преступления, недостойными. К всеобщей критике подключился Плеханов. Он заявил, что ленинские революционные стратегии, а особенно идея о союзе с крестьянством, напоминают идеологию российских народников. Ленину было нелегко держать себя в руках, тем более что руководство большевистской фракции немедленно предложило ему, сторонника участия в выборах, начать кампанию их бойкота. Необычная расплывчатость ответной речи Ленина выдавала его смятение. В конце съезда меньшевики неожиданно вынесли на голосование предложение вступить в избирательную кампанию в том регионе Российской империи, где выдвижение кандидатов было еще возможным, — на Кавказе. Ленин был одним из немногих большевиков, проголосовавших «за». Предложение меньшевиков было принято — единственная приятная для Ленина новость на этом съезде.

В Центральный Комитет объединенной партии вошли семь меньшевиков и всего лишь три большевика. Ленина в их числе не было. Товарищи-большевики предупредили Владимира Ильича, что его последние предложения, в особенности идея о национализации земли и об участии в работе Думы, им не по душе. В мрачном настроении, с издерганными нервами поднялся он на палубу парома, идущего в Петербург.

Вскоре, однако, появился повод для хорошего настроения. Большевики решили сохранить организационный аппарат, отдельный от остальной партии, и основали секретный Большевистский центр. Ленин был вновь допущен к партийному руководству наряду с Красиным и Богдановым. Теперь он получил

возможность готовить отмену тех решений съезда, с которыми не мог согласиться. Богданов был всецело на его стороне.

В последнее время Ленин и Богданов стали близкими друзьями и даже решили поселиться вместе. После событий 1905 года имперский режим вновь набирал силу, и революционеры, боясь попасться на глаза агентам Управления охраны, уезжали из столицы. Перебрав несколько вариантов, Ленин и Богданов остановили свой выбор на двухэтажной даче «Ваза» в финском поселке Куоккала, находившемся всего в сорока милях по железной дороге от Петербурга и в пяти милях — от административной границы России с Великим княжеством Финляндским. Выбор был продиктован соображениями безопасности. Конечно, в Финляндии было не так безопасно, как в Швейцарии, но все же она обладала определенной автономией в составе Российской империи. Российско-финская административная граница не была чистой формальностью — таможенники требовали предъявить паспорта и предоставить багаж для осмотра. В Финляндии существовали своя валюта и свои почтовые марки. И вообще, финны были совсем не похожи на русских. В здешних заведениях запрещалось заказывать спиртное, не сопровождая его каким-нибудь блюдом. Из финских портов регулярно ходили паромы на Любек, Штеттин, Стокгольм и британский Гулль; в случае опасности можно было уехать в Западную Европу, не возвращаясь в Россию.

Финляндия, территория которой вошла в состав Российской империи в 1809 году, была почти что заграницей. Финские социалисты так ненавидели царский режим, что готовы были протянуть руку помощи любым его жертвам. Для размещения Большевистского центра Финляндия подходила как нельзя лучше. Здесь Ленин, Богданов и их супруги могли в спокойной обстановке писать статьи, вести организационную работу и обозревать российскую политику с безопасного расстояния. Незадолго до отъезда Ленин навестил мать на даче в Саблино. 20 августа 1906 года он прибыл в Куоккала и пробыл там до конца ноября 1907 года, лишь ненадолго выезжая на важнейшие партийные мероприятия — партийные собрания в финских городах Тампере, Териоки и Виипури, конгресс Социалистического Интернационала в Штутгарте и лондонский Пятый съезд РСДРП. Ленин еще не знал, что сможет вернуться в Россию лишь через десять лет.

На Пятом съезде РСДРП с самого начала и до самого конца не было согласия. Ленин больше не нуждался в нормальных от-

ношениях с меньшевиками: они уже сыграли свою роль, помогли убедить большевиков выдвинуть кандидатов в Думу. За услугу меньшевики получили достойное вознаграждение: незадолго до начала Пятого съезда Ленин изрек, что меньшевики извращают принципы марксизма. Те не остались в долгу и обвинили Ленина в лицемерии. Говорил об объединении партии, а сам создал раскольничий Большевистский центр с отдельными источниками финансирования, недоступными меньшевикам. Диспуты между фракциями разгорались по любому вопросу — о крестьянстве, российском либерализме и даже философии.

Ленин мог считать, что съезд удался. На нем присутствовали представители различных партий марксистской ориентации с пограничья Российской империи. Польская делегация, во главе которой стояли Роза Люксембург и Лео Иогихес*, была склонна поддерживать Ленина в стратегическом вопросе о союзе социал-демократов не с кадетами, а в первую очередь с другими социалистическими партиями, в том числе крестьянскими. Меньшевики возражали; некоторые из большевиков, вроде Богданова, которому по-прежнему не нравилась идея об участии партии в работе Думы, — тоже. Ленин провел переговоры с польской, литовской и латышской делегациями, обеспечив себе преимущество по некоторым позициям, что оказалось весьма полезным в течение нескольких последующих лет.

Но в Центральный Комитет Ленина не избрали. Он вновь стал объектом критики, опять всплыл вопрос о соучастии большевиков в вооруженных ограблениях. Сторонников Ленина заклеймили за «анархистские тенденции» и потребовали прекратить нападения на банки. Ленину было все равно. Ему уже не нужно было маневрировать между большевиками и меньшевиками, теперь его целью стала полная гегемония во фракции большевиков. С легким сердцем он отправился на Штутгартский конгресс Социалистического Интернационала. На конгрессе Ленина поддержала Социал-демократическая партия Германии, благодаря чему, к его несказанной радости, была принята декларация о борьбе с империализмом и милитаризмом, причем в формулировке даже более жесткой, чем предлагал Ленин. Однако Роза

* *Роза Люксембург* (1871–1919), одна из руководителей и теоретиков польской социал-демократии, а после эмиграции в Германию — леворадикального течения в германской социал-демократии и 2-м Интернационале. Одна из организаторов «Союза Спартака» и основателей (1918) Коммунистической партии Германии (КПГ). *Лео Иогихес* (1867–1919), более известный под партийным псевдонимом Ян Тышка, деятель польского и немецкого рабочего движения. Один из организаторов и руководителей социал-демократии Королевства Польского и Литвы (с 1893), «Союза Спартака», с января 1919 года руководитель КПГ.

Люксембург предупредила Ленина, что на практике немецкие социал-демократы будут в гораздо меньшей степени следовать идеям антимилитаризма и антиимпериализма, чем тот думает. В ответ Ленин сказал, что Люксембург одержима навязчивой идеей фракционного раскола. В 1914 году, когда время докажет истинность слов Розы Люксембург, ему еще придется пожалеть о своем заявлении.

Пятнадцать месяцев прожил Ленин в деревянных стенах дачи «Ваза». Это время стало для российских революционеров периодом кризиса. Из финской Куоккалы Ленин наблюдал, как царский режим вновь вставал на ноги. К его досаде, хотя крестьяне проголосовали за кандидатов, стоявших за передачу земли крестьянству, выборы в Первую Думу оказались неудачными для большевиков. Тем не менее, Первая Государственная Дума стала рассадником оппозиционных настроений. Либералы во главе с кадетами выступили против законодательно установленных императором ограничений властных полномочий Думы. Император Николай II, решив, что политические партии находятся под его контролем, распустил Думу и объявил о новых выборах. Кадеты, собравшись в Виипури, призвали россиян отказаться от уплаты налогов и призыва на военную службу до тех пор, пока правительство не будет проявлять уважение к законным избранникам народа.

Вторая Дума оказалась ничуть не лояльнее к императору, чем первая. Император окончательно потерял доверие к либералам. Какое-то время он еще надеялся на Александра Гучкова и консервативную партию «октябристов», пытавшихся заставить заработать ограниченные конституционные реформы, но затем и Гучков лишился царского доверия.

Более всех император доверял министру внутренних дел Петру Столыпину. Подавляя крестьянские бунты в бытность саратовским губернатором, он безжалостно вешал бунтовщиков и, с помощью виселицы — «столыпинского галстука», навел порядок в сельской местности. Столыпин осознавал, что силовые методы не смогут спасти монархию, и предложил ряд других, более эффективных мероприятий. Став новым председателем Кабинета Министров, он решил преобразовать Думу, изменив избирательное законодательство в пользу дворянства. Помимо этого Столыпин начал аграрную реформу, целью которой было постепенное превращение сельской крестьянской общины в многочисленный класс независимых и обеспеченных фермеров.

В попытках реформы Ленин увидел еще одно доказательство того, что царский режим не в состоянии существовать в условиях современного капитализма. Столыпинская аграрная реформа должна была идти «прусским путем», а не «американским». (Ленин имел в виду, что при этой реформе российские помещики-землевладельцы, как в Пруссии, сохраняют доминирующее положение.) Шанс сделать сельское хозяйство открытым для тех, кто хотел обрабатывать землю, как это произошло в девятнадцатом столетии на американском Западе, был упущен. Теперь единственным путем модернизации российской экономики, как считал Ленин, оставалась революция.

На даче в Куоккала Ленин часто обсуждал с Богдановым экономические и политические проблемы государства. Богданов, единственный большевик, способный сравниться с Лениным в силе интеллекта, так и не смог привыкнуть к авторитарности ленинских идей. Но так как Богданов жил на втором этаже дома и всякий раз, спускаясь в сад, проходил мимо комнат, где располагались Ленин с супругой, то он не мог избегать разговоров с Лениным и, следовательно, споров. Постепенно между Лениным и Богдановым стали нарастать разногласия по поводу политической теории, культуры и философии. Спорили они и по вопросам тактики действий большевиков: Ленин настаивал на участии в думских выборах, Богданов был решительно против. Став друзьями в борьбе против меньшевиков, они стали соперниками за лидерство в большевистской фракции.

11

Вторая эмиграция

1908–1911

Ленин очень надеялся, что сможет остаться в Финляндии. Он предполагал, что политическая реакция в стране может продлиться несколько лет, но не хотел бы уезжать из Куоккала[1]. Однако положение в России изменилось. В июне 1907 года император распустил Вторую думу. В избирательное законодательство были внесены изменения, обеспечивавшие дворянам-землевладельцам большее количество мест в парламенте и, соответственно, большее влияние. Агенты Управления охраны вновь начали охоту за лидерами революционного движения. До сих пор большевики свободно ездили в Куоккала, а российская полиция не имела ни малейшего понятия о том, где находится Большевистский центр.

Но вот в конце ноября поступили сведения, что в окрестностях Куоккала рыщет полиция. Ленин немедленно уехал в Хельсинки: командир должен остаться невредимым, даже если его офицеры попадут в плен. Надежда Константиновна осталась на даче вместе с супругами Богдановыми и Иосифом Дубровинским. Они жгли партийные документы, которые нельзя было увезти с собой за границу. По совету Надежды гору свежего пепла зарыли, чтобы не привлекать внимания полиции, остальные документы отдали на сохранение финским марксистам. Все это время хозяева дачи стояли на страже, готовясь предупредить квартирантов в случае обыска. Опасались самого худшего, но, к счастью, полиция охотилась не за ними, а за группой эсеров-террористов и ничего не знала о жителях дачи «Ваза».

Ленин поселился в деревне Огльбю неподалеку от Хельсинки. Товарищи по партии помогли ему снять комнату в доме се-

стер-финок, где Ленин сразу же погрузился в работу над статьями по аграрному вопросу. Через несколько дней к нему приехала Надежда Константиновна. К тому времени стало окончательно ясно, что избежать эмиграции не удастся. В противном случае большевиков ждал арест[2].

Большевистский центр решили перенести в Швейцарию. Но сказать легко, а сделать трудно: при переезде было необходимо сохранить налаженную систему связи с Россией. Вопросами партийной переписки занималась Крупская. Она вернулась в Петербург, чтобы договориться с товарищами, а заодно навестить мать. Елизавета Васильевна чувствовала себя плохо и отказалась ехать в Швейцарию вместе с дочерью и зятем[3].

Ленин полностью доверял Надежде в партийных делах. Опасаясь за собственную безопасность, он решил уезжать из Финляндии, не дожидаясь возвращения супруги из Петербурга. Для Надежды были оставлены подробные инструкции, как найти его в Стокгольме. Надя стоически отнеслась к поступку мужа. Она не догадывалась, что Ленин, уходя от опасности быть арестованным, подвергал свою жизнь еще большей опасности. Первоначальный план предусматривал, что Ленин доберется до Або (Турку) и сядет на паром, идущий в Стокгольм (навигация не прекращалась круглый год, в зимнее время путь расчищали ледоколы). Но на вокзале в Хельсинки и пристани в Турку дежурили агенты «охранки», отслеживая покидавших Российскую империю большевиков, меньшевиков и эсеров. Финские товарищи посоветовали Ленину добраться до острова Нагу (Науво), находящегося в Ботническом заливе в двадцати милях к юго-западу от Турку, и сесть на стокгольмский паром там[4]. Ленин согласился. На лодке он переправился на остров Кустё. В целях конспирации он по ночам перебирался с места на место, нигде не задерживаясь подолгу. С Кустё Ленин в сопровождении председателя местной партийной организации и знакомого офицера финской полиции, симпатизировавшего революционерам, переправился на остров Лилль Мелё. Впереди лежал остров Нагу, где 12 декабря Ленин должен был сесть на паром, идущий в Стокгольм.

Последний отрезок пути Ленину предстояло преодолеть пешком по льду. Финские товарищи забыли предупредить, что лед в проливе еще ненадежен и ему всю дорогу придется перепрыгивать через трещины. В качестве проводников Ленин, обычно чрезвычайно осторожный, взял двух не особо склонных к трезвости местных крестьян. В назначенный день, когда все собра-

лись в условленном месте, из всей троицы трезвым был только Ленин. На середине пути до Нагу вспучившийся, потрескавшийся лед стал уходить у них из-под ног, и лишь чудом, отчаянно рванувшись, они выбрались на ровную твердую поверхность. «Эх, как глупо приходится погибать», — подумал Ленин[5]. Большинству людей смерть в ледяной воде покажется трагической, а вовсе не глупой. Так легкомысленно говорить о пережитой опасности может лишь человек, уверенный в своем блестящем будущем.

Наполеон требовал от своих маршалов в первую очередь удачливости. Ленин в 1907 году был удачлив невероятно. Как и планировалось, на острове Нагу он сел на стокгольмский паром и уже на следующий день был в Швеции. Вскоре к нему приехала Надежда, завершив к тому времени партийные дела. Из Стокгольма супруги поехали в Берлин, оттуда — в Женеву.

Через какое-то время Ленин написал письмо Максиму Горькому, ненавязчиво напрашиваясь на приглашение на итальянский остров Капри недалеко от Неаполя, где жил в то время писатель[6]. Ленин и Крупская перенесли тяжелый грипп, но не только необходимость поправить здоровье и отдохнуть звала Ленина в Италию. Он не хотел оставаться в Женеве, городе, где когда-то им так уверенно строились планы революции в России. Как-то в разговоре с Надеждой он простонал: «Чувствую, что вернусь сюда и лягу здесь в могилу»[7]. Ленин говорил от чистого сердца, его революционный оптимизм потерпел поражение. Появится ли у него когда-нибудь еще хоть один шанс сыграть решающую роль в истории родной страны? Уехав в конце 1905 года из Швейцарии, он почти все время провел в Финляндии, в Петербурге пробыл совсем недолго и почти все время был вынужден скрываться. Как же он сможет возглавить российскую революцию? В разговоре с другом он как-то проговорился: «А мало я знаю Россию. Симбирск, Казань, Петербург, ссылка и — почти все!»[8].

Маленькая лужица сомнения быстро испарилась. Уже через несколько недель Ленин, как и прежде, уверенно составлял программу действий большевиков, настолько уверенно, как будто лучше всех знал положение в Российском государстве и обществе. Находясь в эмиграции, он почти не пересматривал своих стратегических планов. Анализируя события 1905–1906 годов, он пришел к выводу о правильности большевистской политики в этот период. Почему революция все-таки провалилась, он не пояснял. Ленин верил, что революционная ситуация в России обязательно должна повториться, и предполагал, что большеви-

ки должны быть готовы на этот раз не оплошать. Ни в коем случае нельзя терять веру.

В Женеве Ленин и Крупская прожили несколько месяцев — вначале снимали квартиру в доме номер 17 на улице Рю де Депон, затем переехали в дом номер 61 по Рю де Марашер. Их здоровье и настроение понемногу улучшились. Однако Богданов вместе с остальными руководителями большевистской фракции решил, что Швейцария не подходит для партийной работы и следует перенести Большевистский центр в Париж. Ленин был против переезда, но он не мог противостоять общему решению. В декабре 1908 года Ульяновы, с грустью расплатившись с женевским хозяином квартиры, отправились в Париж. Поселились вчетвером — Ленин с женой, теща Елизавета Васильевна и приехавшая к брату Мария Ильинична. Жили довольно мирно. Елизавета Васильевна, хотя и относилась к «научной работе Нади и зятя»[9] с уважением, обычно говорила Ленину прямо в лицо все, что думала, и далеко не всегда это были комплименты. Ленин, в свою очередь, не оставался в долгу. «Какое самое страшное наказание для двоеженца? —шутил он. — Две тещи»[10]. Правда, семейные размолвки никогда не были долгими. Ленин и Елизавета Васильевна очень уважали друг друга, более того, относились друг к другу с любовью и сочувствием. Однажды в воскресенье, когда все лавки были закрыты, Елизавета Васильевна с утра была в дурном настроении. Как оказалось, у нее кончились папиросы. Ленин, не выносивший даже запаха табака, отправился на поиски и купил для тещи пачку папирос[11].

Какое-то время семья обходилась без прислуги. Не из-за бедности: денег, в общем-то, хватало: Ленин, как член Центрального Комитета, получал какую-то сумму из партийной кассы. Другим источником доходов были гонорары издательств. Кроме того, у большевиков была своя отдельная казна, куда поступали средства, полученные членами Центра в наследство и добытые при ограблении банков. Елизавета Васильевна тоже вносила скромный вклад в супружеский бюджет. Но им никак не удавалось найти домработницу. Русские пользовались у французских служанок дурной репутацией требовательных и ненадежных работодателей. Муж Анны Марк Елизаров, приехав в Женеву после путешествия по Японии, раскритиковал родных за такой образ жизни, тем более что он не выносил Надеждину стряпню. Прямолинейный Марк так и заявил: «Лучше бы вы „Машу“ какую завели». Анна Ильинична обычно возмущалась, что у ее мужа что на уме, то и на языке[12], но если бы она могла услышать язви-

тельное замечание Марка, то не имела бы ничего против, так как в отношениях с Надеждой Анна тоже не утруждала себя особой тактичностью. Ульяновы решили прислушаться к совету Марка и сделали последнюю попытку найти прислугу. На этот раз им все же удалось преодолеть местную русофобию. В квартире появилась домработница, и Надежда Константиновна перестала атаковать своей кулинарией слабый желудок мужа[13].

Самого Ленина бытовая суета не касалась. Обычно он не готовил себе еду и не интересовался качеством приготовленной пищи, только спрашивал, не вредно ли ему есть то или иное блюдо. Надежда говорила с невольным юмором, что ее муж покорно ест все, что ему дают[14]. Ленин, так редко шедший на уступки в политике, в быту позволял женщинам относиться к себе по-матерински. Как мальчик, он спрашивал их: «А можно мне это есть?». Были в характере Ленина и другие особенности, подкупавшие родственниц. Елизавета Васильевна всегда поражалась, что ее зять не садился за работу, не вытерев начисто письменный стол[15].

С юных лет Ленин увлекался ездой на велосипеде. В Женеве он часто уезжал на выходные дни на велосипедную прогулку в горы вместе с Надеждой Константиновной и Марией Ильиничной. Владимир, самый выносливый из троих, ехал рядом то с одной, то с другой спутницей, чтобы подбодрить уставших женщин. В то время велосипедные прогулки в горах вошли в моду у приезжавших в Женеву туристов. Особенно нравился такой отдых французам, немцам и англичанам. В швейцарской газете «Baedeker» появилась заметка о том, что французские и немецкие туристы нашли легкий способ подъема на крутые склоны — они нанимают лошадь, привязывают к ней велосипед и, не напрягаясь, поднимаются в гору с помощью двигателя мощностью в одну лошадиную силу. Англичане, не желавшие быть кисейными барышнями, «лошадиной силой» не пользовались. Ленин, хотя и был германофилом, в этом вопросе поддерживал англичан. Для него выходной был напрасно прошедшим днем, если в этот день он не толкал себя вперед. Было бы лучше, если бы он и других мог толкать, грустно шутили Надежда Константиновна и Мария Ильинична. Даже по вечерам, за столом в маленьком пансионе, Ленин оставался командиром. Он заставлял Марию Ильиничну съедать всю свою порцию до крошки, а не то, уверял он, на следующий день хозяева уменьшат порции вдвое, а цену оставят прежней[16].

Ленин всегда тщательно ухаживал за своим велосипедом и очень беспокоился, как бы его не украли. В Париже он каждый

день ездил на велосипеде в Национальную библиотеку. Библиотека Ленину не нравилась: приходилось чересчур долго ждать заказанных книг, к тому же надо было платить консьержке десять сантимов за парковку велосипеда. Однажды Ленин не обнаружил своего транспортного средства на обычном месте — его любимый «хирургический инструмент» украли. Консьержка заявила, что она брала деньги только за право оставить велосипед, но не нанималась стеречь его[17]. Компенсации от консьержки Ленин получить не смог, женщина оказалась твердой, как скала. Пришлось купить новый велосипед.

С этим велосипедом Ленин попал в дорожную аварию. В декабре 1909 года он поехал в Жювизи-сюр-Орж, что в десяти милях от центра Парижа, смотреть полет на аэроплане. По дороге домой его сбил автомобиль. Ленин сильно ушибся, а велосипед превратился в груду металлолома. К счастью, нашлись свидетели аварии, и Владимир Ильич решил добиваться справедливости через суд. Ему уже приходилось проявлять настойчивость при отстаивании своих прав в 1892 году, когда он судился с сызранским купцом Арефьевым, но теперь к естественному желанию восстановить справедливость добавилось марксистское рвение, так как парижский шофер оказался виконтом. Ленин, хоть и сам был потомственным дворянином, не проявил ни малейшего чувства классовой солидарности и добился от виконта денежной компенсации[18].

Ленин не любил Париж и часто называл город «скверной дырой»[19] — возможно, из-за политических причин. Во Франции ему не давали покоя меньшевики и антидумские большевики во главе с Богдановым. Не все большевики, разделявшие позицию Ленина по отношению к Богданову, придавали достаточное значение вопросу об участии в Думе, и это добавляло Ленину беспокойства. Другие партии не интересовали его вовсе. Он вполне любезно приветствовал эсеров, заходивших в парижские кафе, где обычно собиралось российское эмигрантское «сообщество». Но иногда, как вспоминает Виктор Чернов, ленинские шутки становились чересчур воинственными:

> «...Я ему говорю: „Владимир Ильич, да приди вы к власти, вы на следующий день меньшевиков вешать станете!". А он поглядел на меня и говорит: „Первого меньшевика мы повесим после последнего эсера", — прищурился и засмеялся»[20].

«Юмор вешателя» стал одним из проявлений непрекращавшихся внутрипартийных дискуссий. После того как представи-

тели большевистской фракции вошли в Третью Думу, союз с меньшевиками вроде Мартова и Дана, ранее необходимый для успешной предвыборной борьбы, стал ненужным, и Ленин со свежими силами набросился на меньшевиков.

Кроме меньшевиков, у Ленина был противник среди своих — Богданов. Сторонники Богданова выступали против всякого участия большевиков в работе Государственной Думы, что могло дестабилизировать внутрипартийную обстановку. Противники Думы делились на две группы. Первая, наиболее радикальная, призывала к немедленному отзыву депутатов-большевиков из Думы. Вторая, куда входил Богданов, требовала направить депутатам ультимативное требование выйти из состава Думы под угрозой исключения из фракции большевиков. Первых прозвали «отзовистами», вторых — «ультиматистами». И те, и другие призывали сосредоточить все силы на подготовке вооруженного восстания. Эти люди, думал Ленин, живут как будто в замкнутом пространстве, не воспринимая окружающей действительности.

Сам Ленин тоже подливал масла в огонь разногласий. Если Богданов был убежден, что следует побуждать рабочий класс к культурному самосовершенствованию, то Ленин подчеркивал ведущую роль интеллигенции в этом процессе. По мнению Ленина, совсем не обязательно, чтобы вся интеллигенция происходила из среднего класса, но все же именно интеллектуалы должны обучать рабочих социализму. Богданов был категорически не согласен с Лениным и считал, что социалистические идеи достигнут зрелости лишь тогда, когда изменится вся культура общества. В настоящее время, говорил Богданов, в обществе доминирует буржуазная культура с ее индивидуализмом, авторитарным стилем, формализмом и лицемерием. Должна возникнуть новая, «пролетарская» культура, но интеллектуалы не смогут ее создать, потому что сами они — плод буржуазной культуры.

Отношения Ленина с Богдановым становились все более напряженными. В политический спор вмешалась философия. Богданов читал труды Иммануила Канта, неокантианцев Рихарда Авенариуса и Эрнста Маха*, с уважением относился к Марксу, но

---

* *Рихард Авенариус* (1843–1896) — швейцарский философ, один из основоположников эмпириокритицизма (махизма). Считал, что в опыте снимается противоположность материи и духа; выдвинул теорию «принципиальной координации», согласно которой «без субъекта нет объекта» (без сознания – материи). *Эрнст Мах* (1838–1916), австрийский физик, философ-идеалист, один из основателей эмпириокритицизма (махизма), автор трудов по механике, газовой динамике, физиологической акустике и оптике; открыл и исследовал ударные волны. Считал, что исходные понятия классической физики (пространство, время, движение) субъективны по своему происхождению; мир — «комплекс ощущений», задача науки — их описание.

не делал из него идола. На даче «Ваза» он писал книгу «Эмпириомонизм», где излагал свои философские взгляды. В отличие от Богданова, Ленин не проявлял особого интереса к философским дискуссиям, охватившим всю просвещенную Европу. Когда Богданов заявил, что философские убеждения Ленина, его представления об абсолютной истине, вечных категориях мысли и демонстрируемой реальности окружающего мира — давным-давно устаревшая чепуха, Ленин пришел к выводу, что пора нанести решительный удар по Богданову и его мировоззрению.

Терять Ленину было нечего. Его противники в большевистской фракции набирали силу и в России и за рубежом, а сторонники оставались в меньшинстве. К тому же было ясно, что в ближайшее время революционный кризис в России вряд ли повторится. Следовательно, можно было приступать к старой тактике раскола. На случай, если второй эмиграции суждено будет затянуться, Ленин хотел иметь надежную и активную большевистскую фракцию, созданную по его, Ленина, образу и подобию.

Когда Горький пригласил Ленина вместе с Богдановым в Италию, на остров Капри, Ленин поначалу отказался, несмотря на то что раньше сам просил Горького о приглашении, но в апреле 1908 года, еще до переезда в Париж, все же приехал на Капри. Он старался не показывать неприязни к Богданову, играл с ним в шахматы и, как с удивлением замечал Горький, «проигрывая, сердился, даже унывал, как-то по-детски»[21]. Ленин хотел быть первым во всем и видел в Богданове лишь конкурента, несмотря на то что оба они избегали разговоров о политике. Только на рыбалке Владимир Ильич по-настоящему отдыхал. Местные рыбаки научили Горького и Ленина ловить рыбу без удочки, наматывая леску на указательный палец. Когда рыба клюнет, леска задрожит, зазвенит. «Кози: дринь — дринь. Капиш?» — говорил итальянец. Забавное объяснение понравилось Ленину. Когда рыба наконец клюнула, он азартно закричал: «Ага! Дринь-дринь!». Так и прозвали его итальянские рыбаки. За долгую политическую жизнь у Ленина было множество прозвищ и партийных псевдонимов, но лишь одно из них, «синьор Дринь-дринь», не имело к политике никакого отношения. После отъезда Ленина рыбаки, встретив Горького, спрашивали: «Как живет сеньор Дринь-дринь? Царь не схватит его, нет?»[22].

Всего лишь неделю провел Ленин на Капри. Он плохо понимал итальянский язык и совсем не понимал неаполитанский диалект. Но за эти дни он постарался увидеть как можно больше местных достопримечательностей: он взбирался на Везувий,

побывал в неаполитанском Национальном музее. В Италии Ленин ожил. Уютная вилла, где жил Горький, лазурное море, рыбалка, романтические итальянские баллады, жизнерадостные и гостеприимные местные жители вернули ему бодрое настроение и силу духа. Ленин был готов к новым политическим схваткам.

В поезде, шедшем из Неаполя через Рим, через Альпы в Швейцарию, Ленин окончательно решил: как только вернется в Женеву, сразу же заявит о решительном разрыве с Богдановым и объявит кампанию по очистке большевистской фракции от его сторонников. Но войны с Богдановым не получилось.

Богданов, в отличие от Ленина, совсем не был одержим организационными мелочами, он устал от бесконечных внутрифракционных интриг, не оставлявших времени на писательский труд. Конфликты с Лениным надоели Богданову, и после встречи на Капри он, не вступая с ним в перебранку, просто вышел из состава редакции большевистской газеты «Пролетарий». Но пока Богданов оставался в составе Больщевистского центра, Ленин не мог быть уверенным, что ему удастся убедить всех членов фракции в необходимости участия в работе Государственной думы и других легальных общественных организаций. Горький пытался доказать себе и друзьям, что в разногласиях с Богдановым Ленин не дойдет до раскола фракции[23]. Писатель ошибался: Ленин твердо решил идти на окончательный разрыв с Богдановым.

Раскол стал возможен благодаря тому, что незадолго до этого группе Ленина удалось добиться определенной финансовой независимости от Богданова. И произошло это весьма необычным путем. В 1907 году внезапно скончался Н. П. Шмит, молодой племянник богатого московского промышленника Саввы Морозова, симпатизировавший революционерам. Его капитал, составлявший не одну тысячу рублей, достался двум его сестрам. При участии Ленина большевики придумали смелый план: сторонники Ленина В. К. Таратута и А. М. Андриканис должны были вскружить сестрам головы и добиться их согласия на вступление в брак. Тогда наследство Николая Шмита в качестве приданого перешло бы к мужьям, а от них — в партийную казну. С точки зрения нравственности этот план был более чем сомнительным, но Ленин считал его вполне приемлемым: что во благо революции, то и хорошо. С юных лет Ленин говорил, что в политике нет места сентиментальным чувствам, и вот теперь парадоксальным образом сентиментальные чувства должны были послужить политическим целям.

В разговоре с друзьями Ленин признался, что сам он не смог бы осуществить подобный план — не хватило бы наглости. Ленин был воспитан по-джентельменски, и лично ему все в этой затее было не по вкусу. Но при этом он имел явную слабость к нахальным, грубоватым большевикам-рабочим типа Таратуты: «Он хорош уже потому, что ни перед чем не остановится. Вот скажите мне прямо, смогли бы вы ухаживать за богатой купчихой ради ее денег? Нет. И я бы не стал, не смог бы себя преодолеть. А Виктор [Таратута] смог... Вот что делает его незаменимым»[24].

Как это ни удивительно, дерзкий план удался. Хитроумные соблазнители убедили девушек согласиться на брак. Ленин нервно ждал, что же будет дальше. Теперь все зависело от того, насколько верными партийному долгу окажутся новоиспеченные мужья. Андриканис, не выдержав соблазна, перехитрил Ленина и денег не отдал, Таратута тоже вначале повел себя не совсем так, как от него ожидалось, но в конце концов его удалось убедить и он перечислил в партийную казну значительную сумму денег. Группировка Ленина наконец добилась финансовой независимости от Большевистского центра, от Богданова и его приверженцев.

Теперь можно было идти на раскол. Прежде всего Ленин порвал всякие личные отношения с Богдановым. Это произошло в феврале 1909 года. (Точно так же в 1904 году он поступил с Носковым, подозревая того в клевете.) В июне члены редакции «Пролетария» встретились на расширенном редакционном собрании в парижском кафе «Капю» при участии представителей Большевистского центра. К моменту начала заседания Ленин провел соответствующую работу в рядах фракции, в результате политику Богданова подвергли критике как отклонение от пути революционного марксизма, а самого Богданова исключили из фракции большевиков.

Марксистское политическое и экономическое видение мира требовало солидного философского обоснования. Ленин решил бросить вызов Богданову-философу. В мае 1908 года он поехал в Лондон, чтобы закончить работу над книгой «Материализм и эмпириокритицизм». Он поселился в доме 21 1 по Тевисток-Плейс в районе Блумсбери, недалеко от Британского музея. Каждый день Владимир Ильич работал в читальном зале музейной библиотеки[25]. Быстро — чересчур быстро — он прочитал основные труды философов, которыми так восхищался Богданов. Работа над книгой тоже не заняла много времени. «Материализм и эм-

пириокритицизм» должен был стать оружием в борьбе с противниками большевиков. Книга стала философской «библией» официальных советских интеллектуалов, несмотря на то что в ней неоднократно проявляется личная обида Ленина на Богданова, Совершенно ясно, почему Ленин воплотил свои личные чувства в страницы философского трактата. Как учили философы восемнадцатого столетия, Ленин, внук европейского Просвещения, верил в силу науки, в существование абсолютной истины и первичность материального мира; если же человек отрицает эти постулаты, то он принадлежит к лагерю реакционеров даже в случае, если называет себя марксистом.

Богданов, утверждал Ленин, является опасным релятивистом*, верящим в ничто. Он не желает понять, что некоторые факты уже давно открыты и доказаны раз и навсегда — в частности то, что восприятие является надежным способом познания окружающего мира. Утверждая это, Ленин следует естественнонаучным идеалам восемнадцатого столетия, согласно которым человеческое сознание является точным отражением окружающей действительности. Сознание, доказывает Ленин, фиксирует реальность, как фотоаппарат, и дает безошибочные основания для познавательных процессов. Отрицая такое понимание мира, Богданов оказывается заодно со священниками и мистиками, то есть предает не только идеи марксизма, но и все российское рабочее движение и дело революции.

Хотя момент издания книги был определен исходя из политических соображений, Ленин не кривил душой: он действительно был убежден, что Богданов отошел от основных принципов марксизма. Вопрос в том, насколько верны ленинские философские предпосылки. Богданов утверждал, что теория познания порождает социальный анализ, социальный анализ порождает экономику, экономика — политическую стратегию. Следовательно, если Богданов заблуждается в области теории познания, он неизбежно заблуждается и в политической сфере. Ленин хотел создать впечатление, что его собственные построения, в отличие от Богданова, полностью логичны. Но в них слишком громко звучит протест. Если учесть резкие и внезапные повороты в политической карьере Ленина, то невольно возникает подозрение, что Ленину необходимо было создать образ себя как мыслителя. Это дало бы ему возможность удовлетворять желание (отчасти обусловленное политически, отчасти инстинктивное)

* *Релятивизм* (от лат. relativus — относительный), признание относительности, условности и субъективности познания.

снять все преграды для достижения позиции власти в России и для себя лично, и для своей фракции. Протестующие заявления о сохранении идеологической чистоты были не более чем маской. Надев маску и глядя в зеркало, Ленин уже не думал о том, хорошо ли закрыто его лицо. Увлекись Ленин самоанализом, он превратился бы в сомневающегося в себе политика вроде Мартова или Чернова. Но Ленин хотел бороться и побеждать, и он не мог позволить неуверенности встать на его пути к победе.

С 1908 года Ленин не сказал о Богданове ни единого доброго слова. Он как будто начисто забыл, как помогал ему Богданов в 1904 году, когда вся его политическая карьера была под вопросом. Два года, прожитых на даче в Куоккала, дружба между семьями стерлись из памяти. Ожидая от ближайших последователей такой же забывчивости. Ленин даже обиделся на сестру Анну, когда та сказала, что в книге «Материализм и эмпириокритицизм» брат перегнул в полемическом запале[26]. Если бы он узнал, что Анна и Мария с удовольствием прочли книгу Богданова «Инженер Менни», он разозлился бы еще сильнее[27].

Всю жизнь Ленин действовал согласно принципу, что любое соглашение с противниками будет способствовать распылению сил. Каждый раз, идя на раскол внутри партии или фракции, он был уверен, что таким образом освобождается от ненадежных элементов и консолидирует вокруг себя ядро большевистской организации. Он не учитывал, что каждый раскол сеет сомнения и возражения в умы его сторонников. Организация уменьшала численность, но не становилась от этого сплоченнее. Так произошло и на заседании редакции, на котором был исключен Богданов. Большевистский центр согласился на исключение Богданова, но отверг предложение Ленина о поиске источников финансирования для издания в Санкт-Петербурге крупнотиражной легальной газеты. Наоборот, Центр даже хотел закрыть эмигрантский еженедельник «Пролетарий». Благодаря вмешательству Ленина газету удалось сохранить, правда, уже в виде ежемесячника. Еще менее обрадовала Ленина новость о том, что Большевистский центр собирается провести переговоры с находившимся в Вене Троцким и предложить сотрудничество и финансовые средства большевиков для издававшейся Троцким популярной газеты «Правда».

Чего Ленин не ожидал никак, так это того, что исключение Богданова и антидумской группировки нарушит баланс мнений в пользу сторонников сотрудничества с меньшевиками. Одного из них, А. И. Любимова, избрали секретарем Большевистского

центра. (В остальном Любимов был малозначительной фигурой.) Ленин отказался подчиняться решению Центра и истерически напал на Любимова, безуспешно требуя от него ужесточения условий сотрудничества с Троцким.

Домашняя жизнь тоже не радовала. Ленину, привыкшему жить под опекой родных, теперь приходилось самому заботиться о них. Тяжело заболела Мария Ильинична — вначале тифом, затем аппендицитом. Ленин нашел хорошую больницу и врачей (Мария, обожавшая брата сверх всякой меры, была в восторге от его заботы и внимания)[28]. Война на несколько фронтов измотала его нервы. Вскоре после собрания Большевистского центра Ленину пришлось вместе с женой, тещей и Марией уехать на отдых в деревню Бонбон в департаменте Сены и Луары, покорно согласившись на невероятно тяжелое условие — не говорить о политике и не заниматься делами[29]. Естественно, слова он не сдержал, да и вряд ли родные серьезно верили в его обещания.

Даже среди сторонников Ленина находились люди, которых беспокоил вопрос: как получилось, что один человек с такой легкостью смог превратить партию в руины? Меньшевик Федор Дан слышал этот вопрос очень часто. Его ответ был недвусмыслен: «Да потому, что нет больше такого человека, который все двадцать четыре часа в сутки был бы занят революцией, у которого бы не было других мыслей, кроме мыслей о революции, и который даже во сне видит только революцию. Подите-ка справьтесь с ним»[30]. Коротко и ясно. С Лениным было трудно поладить, так как он был непримиримым раскольником, а на расколы шел с такой легкостью потому, что только свои идеи считал абсолютно полезными и наиболее подходящими для дела революции.

Именно со стороны большевиков и сторонников большевизма раздавалась наиболее серьезная критика в адрес Ленина. Даже Горький не желал терпеть «хулиганский» тон ленинских высказываний. Из книги «Материализм и эмпириокритицизм», вышедшей в петербургском издательстве Л. Крумбюгеля, Горький смог осилить только несколько страниц, а потом раздраженно швырнул книгу в угол. О своих впечатлениях от прочитанного Горький написал Богданову. Есть такие люди, пишет Горький, которые громче всех кричат «Я марксист!», «Я пролетарий», а затем садятся своим ближним на голову и осыпают их руганью. Если в человеке не пульсирует живое чувство осознания своей связи с народом, если он жертвует чувством товарищества ради собственного тщеславия, то такой человек ничего не стоит. В своей кни-

ге, продолжает Горький, Ленин именно таков. Он затеял дискуссию об «истине» не для того, чтобы истина восторжествовала, а для того, чтобы доказать: «Я марксист! Лучший в мире марксист — я!»[31].

Можно представить, как больно ранили бы Ленина эти слова, если бы он лично услышал их от Горького. Симпатизировавший большевикам Максим Горький предполагал, что поступками Ленина движет тщеславие, меньшевики же обвиняли лидера большевиков в мании величия.

Удача отворачивалась от Ленина. Вернувшись из деревни Бонбон после пятинедельного отсутствия, Ленин и Надежда Константиновна сняли квартиру на тихой улочке Рю Мари-Роз. Новости партийной жизни огорчали: пока Ленин отдыхал, другие члены Большевистского центра провели переговоры с Троцким и установили контакт с Мартовым. Даже Григорий Зиновьев, ближайший соратник, отказался поддержать Ленина.

Взбешенный Ленин заявил о выходе из редакции газеты «Социал-демократ», органа Центрального Комитета РСДРП. Опытный политик, он прекрасно понимал необходимость сдерживать эмоции, но далеко не всегда ему удавалось держать себя в руках. Если Ленин взрывался, никому, кроме него самого, не удавалось его успокоить. И на этот раз, успокоившись и обдумав свой поступок, Ленин пожалел об опрометчивом решении и вернулся в редакцию «Социал-демократа». В январе 1910 года его поджидало еще одно суровое испытание — долгожданный парижский пленум Центрального Комитета. Объединенный Центральный Комитет, большинство в котором составляли большевики, постановил распустить Большевистский центр и закрыть большевистский ежемесячник «Пролетарий», а также потребовал перенести центр тяжести партийного руководства из Парижа в Россию. Была создана Русская коллегия, получившая право действовать от имени Центрального Комитета на территории России. Деньги сестер Шмит, добытые большевиками без какой-либо помощи со стороны меньшевиков, следовало передать в распоряжение Центрального Комитета и группы попечителей — немецких марксистов в лице Карла Каутского, Франца Меринга и Розы Люксембург. Победа над Богдановым в июне 1909 года дорого обошлась большевикам-ленинцам: после пленума Центрального Комитета они потеряли даже то, что имели.

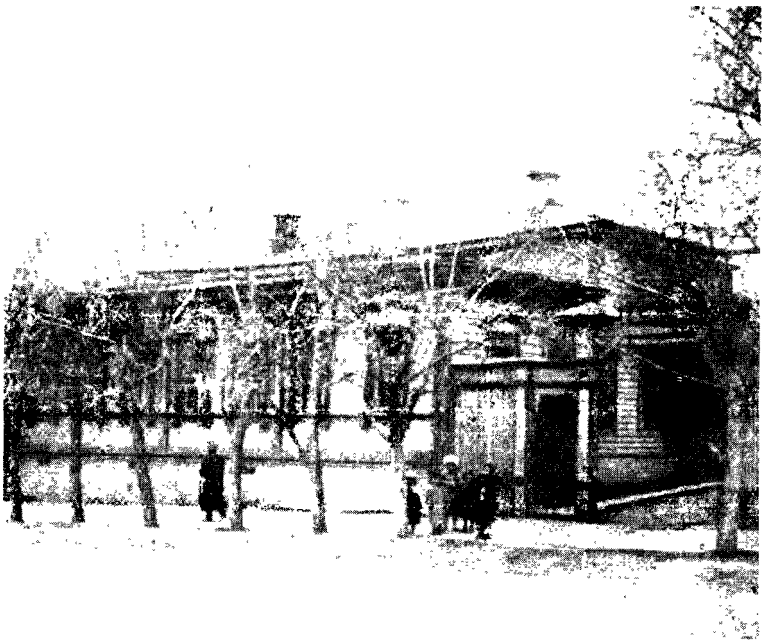
И все же Ленину опять удалось вывернуться. Российские марксисты, ярые критики эмигрантов, сами находились в замешательстве. Агенты «охранки» с легкостью разгоняли местные ко-

митеты. Среди марксистов появились сторонники роспуска партии, призывавшие ее активистов действовать исключительно в рамках легального рабочего движения. «Ликвидаторы», как прозвал их Ленин (в основном это были меньшевики) составляли в партии меньшинство, но их существование давало большевикам повод заявлять, что только они остаются по-настоящему преданными делу революции. Левые марксисты, как отзовисты, так и ультиматисты, теряли популярность среди интересующихся политикой рабочих. Ленин чувствовал, что вскоре может пробить час его торжества.

В личной жизни Ленина час торжества уже наступил. Его семейная жизнь началась и продолжалась без каких-либо глубоких романтических чувств с обеих сторон. Вполне возможно даже, что Ленин иногда заглядывался на других женщин — членов большевистской фракции. К тому же его жена чувствовала себя неважно и выглядела не лучшим образом. Бедная Надежда Константиновна! Многолетняя базедова болезнь оставила след на ее внешности в виде выпученных глаз и распухшей шеи. Из-за болезни Надежда располнела, ее мучило учащенное сердцебиение. Давным-давно супруги Ульяновы перестали надеяться на прибавление в семействе. Не исключено, что базедова болезнь стала причиной бесплодия Надежды. (Известно, что в некоторых случаях у больных женщин нарушается менструальный цикл.) Ленин жалел жену и настаивал на операции, но Надежда отказывалась, так как знала, что небезопасная операция вовсе не гарантирует излечения. В свои сорок один год Крупская стала совсем непривлекательной. Она никогда не была особенно жизнерадостной, а теперь превратилась в неповоротливую женщину с нездоровым лицом. В ней уже ничего не оставалось от энергичной девушки, когда-то ставшей женой Владимира Ульянова.

До этого времени, по-видимому, Ленину удавалось устоять перед плотскими искушениями. Все изменилось, когда Ленин встретил в Париже Инессу Арманд, или просто Инессу, как называли ее друзья. Она была вдовой. Отец ее был француз, мать — англичанка. Инесса с детства жила в России. Она вышла замуж за Александра Арманда (в семье Армандов она училась, чтобы сдать экзамен на домашнюю учительницу*). У нее родилось пятеро детей. Через какое-то время брак с Александ-

* Домашней учительницей, преподавательницей музыки и французского языка, была и бабушка Инессы, воспитывавшая рано осиротевшую внучку. В возрасте семнадцати лет она сдала экзамен на звание домашней учительницы, а в восемнадцать вышла замуж. (См.: П. Подляшук. Товарищ Инесса. М., 1987.)



Дом Ульяновых на улице Московской в Симбирске

Григорий Зиновьев

Карл Радек

ом стал чистой формальностью, и Инесса ушла к младшему брату жа, Владимиру. Этой связи не суждено было продлиться дол- в 1909 году Владимир скончался от туберкулеза. После его мерти Инесса, прихватив троих детей, уехала в Западную Евро- (Александр Арманд продолжал материально поддерживать вшую жену). К этому времени Инесса уже давно участвовала революционном движении, побывала в ссылке в северной Ар- гельской губернии. В Париже она стала членом большевист- кой фракции РСДРП. Инесса свободно владела русским, фран- зским и английским языками. Партии были очень нужны та- ие высокообразованные члены.

Тридцатипятилетняя Инесса Арманд была красавицей, что тверждают фотографии, сохранившиеся в советских архивах. Опубликованные в советских книгах, они никогда не произво- т такого впечатления, как оригиналы[32]. Не исключено, что в оветские времена фотографии Инессы при воспроизведении в ечати специально ретушировали, чтобы сделать ее менее кра- ивой и таким путем положить конец слухам об отношениях ежду ней и Лениным. Она действительно была красавицей — инные, волнистые золотисто-каштановые волосы, высокие, тко выраженные скулы, нос с легкой горбинкой, восхитительно увственные ноздри, чуть выдающаяся вперед верхняя губа, бе- ые ровные зубы, роскошные темные брови и изящная фигура, охранившаяся даже после пяти родов. На семейных фотогра- иях она скорее похожа на старшую сестру своих детей, чем на ать. Внешность Инессы обманула даже агентов охранки, недо- ценивавших ее революционную деятельность в течение несколь- их лет. Инесса была очень жизнерадостной. Она любила ездить рхом в женском седле, с удовольствием играла на рояле Бет- овена и никогда, хотя очень любила своих детей, не позволяла емейным хлопотам засосать себя. Во всяком случае, дети не стали атери помехой для внебрачных связей.

Отношения между Лениным и Инессой развивались медлен- о, и инициатива исходила со стороны Инессы. Позже она пи- ала об этом Ленину* в красноречивых строках:

> «Тебя я в то время боялась пуще огня. Хочется увидеть тебя, но лучше, кажется, умереть на месте, чем войти к тебе, а когда ты почему-либо заходил в комнату Н. К.**, я сразу терялась и глупела. Всегда удивлялась и завидовала смелости других, которые

* Это единственное сохранившееся личное письмо Арманд к Ленину.
** В комнату Крупской, где находилась в этот момент Инесса.

прямо заходили к тебе, говорили с тобой. Только в Лонжюмо и затем следующую осень в связи с переводами и пр. я немного попривыкла к тебе. Я так любила не только слушать, но и смотреть на тебя, когда ты говорил. Во-первых, твое лицо так оживляется, и, во-вторых, удобно было смотреть, потому что ты в это время этого не замечал»[33].

В том же письме Инесса добавляет: «Я тогда совсем не была влюблена в тебя, но и тогда я тебя очень любила»[34]. Но вскоре она по-настоящему влюбилась. Некоторые авторы делают вывод, что любовной связи между ними не было, так как не сохранилось ни одного письма, подтверждающего такую же страсть и со стороны Ленина[35]. Молчанию Ленина не стоит удивляться. В середине 1914 года, когда отношения между ними уже охладели, Ленин попросил Инессу вернуть его письма[36]. Скорее всего, он хотел уничтожить свидетельства прошедшего романа: а для чего еще могли понадобиться ему старые письма?

Знакомые и последователи лидера большевиков также были уверены, что в 1910–1912 годах у Ленина был роман с Инессой Арманд. Французский марксист Шарль Раппопорт, встретив их беседующими в кафе на улице Авеню д'Орлеан, заметил, что Ленин не сводит своих монгольских глаз с «маленькой француженки»[37]. Намек на особые отношения Ленина и Арманд можно найти и в воспоминаниях Лидии Фотиевой, ставшей после Октябрьской революции секретарем Ленина. Во время одного из посещений парижской квартиры Ленина Фотиева обратила внимание, что Надежда теперь спит в комнате матери, а не в супружеской спальне[38].

В сентябре 1911 года Инесса переехала на улицу Рю Мари-Роз и поселилась совсем недалеко от квартиры Ленина, в доме номер 2. Может быть, этому свидетельству не следует придавать решающего значения. Но одна только интенсивность последующей переписки Ленина и Арманд дает основания предполагать, что все же это была внебрачная связь, а не просто легкий флирт. Очевидно, что их связывала глубокая взаимная страсть, хотя Ленин, в отличие от Инессы, не выражал своих чувств в письмах. Что же могло привлечь этих людей друг к другу? Для Ленина важнее всего было то, что Инесса, как сама она призналась в своем последнем дневнике, стремилась посвятить всю свою жизнь служению великой цели. Познакомившись с революционной стратегией большевиков, Инесса поняла, что это именно то, что ей нужно. Пламенный революционер и одновременно

привлекательная женщина, жизнерадостная красавица, высококультурная в широчайшем смысле слова — не удивительно, что Ленин полюбил ее. Инессу же, как можно судить по сделанным ею записям, покорили живые глаза Владимира, его вера в себя и величавая осанка. Вначале Ленин ничего не знал о том, какой горячий интерес проявляет к нему Инесса, но это лишь усилило ее страсть. Она решила, что обязательно добьется любви этого человека, казавшегося ей неотразимо привлекательным. На какое-то время ей удалось одержать победу.

Жертвой страсти Инессы стала Надежда, после замужества в 1898 году полностью посвятившая свою жизнь политической карьере мужа. Надежда была на редкость терпеливой женщиной, но, что вполне понятно, ей хотелось подвести черту под своим участием в «треугольнике». Подробности случившегося супруги унесли с собой в могилу. Возникшую пустоту активно заполняли разнообразные слухи. Поговаривали, что Надежда собиралась уйти от мужа. Ленина ужасала мысль, что его брак может распасться. Он чувствовал себя в долгу перед больной женой, так много сделавшей для него, и сочувствовал ей. Для полного счастья ему нужно было быть с Инессой, не теряя при этом супругу. Надежда была непревзойденным личным секретарем и умела организовать домашний быт. Инесса никогда не смогла бы заменить Надежду в этой роли и, скорее всего, вообще отказалась бы от подобных обязанностей. Если верить слухам, Ленин попросил жену остаться с ним[39]. Надежда так и сделала, но вначале полностью убедилась в том, что страсть к Инессе не лишила Ленина чувства супружеской привязанности.

Надежда и Инесса не испытывали неприязни друг к другу. В конце 1911 года они вместе работали в партийной школе в поселке Лонжюмо в десяти милях к югу от Парижа, где Ленин и Крупская снимали квартиру в доме 140 по улице Ле Гранд Рю[40]. Ульяновы всегда переживали, что у них нет своих детей, и с удовольствием играли с детьми Инессы, проживавшими вместе с матерью на парижской улице Мари-Роз. Ленин с супругой стали для малышей дядей и тетей. Теплые отношения с детьми Арманд сохранились и позже, в Москве.

Не только личная жизнь радовала Ленина в те годы. Он уже давно свыкся с эмигрантской жизнью, с необходимостью постоянно переезжать с квартиры на квартиру, из страны в страну. Но в течение трех лет после бегства из Финляндии в конце 1907 года он стал настоящим политическим бродягой, кочуя, как цыган, по центру Европы, постоянно встречаясь с разными

людьми, посещая партийные встречи — и, конечно, отдыхая и наслаждаясь жизнью. Он побывал в Берлине, Берне, Брюсселе, Копенгагене, Женеве, Лейпциге, Льеже, Люцерне, Лондоне, Неаполе, Ницце, Париже, Штутгарте и Цюрихе — и это далеко не полный список. Он научился сохранять баланс между политической активностью и жизнью для себя, и всегда находил время для поездок на отдых в бретонскую деревню или на остров Капри. В августе 1910 года Ленин встретился в Стокгольме с матерью. Мать и сын провели вместе две недели, из поездки Ленин привез шведский клетчатый плед, подарок матери. Радовали и успехи партийной школы в Лонжюмо. Ленин с удовольствием читал лекции энергичным, любознательным ученикам-рабочим, надеясь сделать их большевиками.

Нервы его по-прежнему пошаливали, раздражительность не исчезала. В его жизни с избытком хватало поводов для стресса: и история с наследством Шмита, и дорожная авария, и философская (строго говоря, не вполне философская) полемика с Богдановым. Тем не менее, Ленину гораздо лучше удавалось держать себя в руках, чем обычно. В его жизни было так много радостей — он путешествовал, работал, учился, ездил на велосипеде, слушал музыку. Но самой большой радостью было для него время, проведенное в обществе Инессы Арманд.

Ленину удалось выйти из организационного тупика, ограничивавшего его деятельность рамками большевистской фракции. 28 мая 1911 года в Париже состоялось совещание Центрального Комитета РСДРП. Ленин шел на совещание не без робости. Он не надеялся, что ему удастся каким-либо образом повлиять на решения совещания, так как все решали сторонники союза с меньшевиками вроде Любимова. Однако решения совещания оказались для Ленина выгодными. Было решено создать три органа: Заграничную организационную комиссию, Российскую организационную комиссию и Техническую комиссию. Первые две должны были заняться подготовкой созыва партийной конференции. От участия в конференции меньшевики отказались. Затем Серго Орджоникидзе, сторонник Ленина в Российской организационной комиссии, выдвинул Заграничной организационной комиссии ультиматум с требованием подчинить свою деятельность Российской организационной комиссии. В ответ на это заявление Лео Иогихес, польский представитель в Центральном Комитете, заявил об уходе. Ленин и Орджоникидзе получили великолепную возможность взять реванш. В декабре 1911 года в Париже под видом совещания представителей всей РСДРП

состоялось собрание лидеров большевистской фракции во главе с Лениным. Решили заменить Зарубежную организационную комиссию новой структурой — Комитетом заграничной организации, поручив ему проведение партийной конференции.

Так, вопреки всем ожиданиям, Ленин готовился совершить невероятный прыжок "из грязи в князи" — от подвергаемого критике лидера части фракции до одного из руководителей партийной конференции, на которой можно будет объявить, что большевики-ленинцы — это и есть настоящая партия. Правда, лишь самые преданные соратники смогли бы утверждать, что Ленин достиг своей цели честным путем, соблюдая партийные уставы. Так или иначе, Ленин добился своего. После конференции, думал он, на остальные фракции можно будет не обращать внимания. Если удастся восстановить имидж законности действий, можно будет избрать новый Центральный Комитет, новый редакционный совет новой партийной газеты, и партия станет большевистской. Трехлетняя вторая эмиграция, начавшись с поражения, должна была завершиться триумфом.

Только ветеран фракционной борьбы, каким был Ленин, мог обманывать себя с таким энтузиазмом.

12

Почти Россия!

1912–1914

Великие философы и социологи девятнадцатого столетия Джон Стюарт Милль, Герберт Спенсер, Огюст Конт, Джереми Бентам*, Карл Маркс и Фридрих Энгельс, как и большинство их современников, унаследовали принятую столетием раньше основную аксиому эпохи Просвещения: человек по сути своей является рациональным и предсказуемым. На основании этой аксиомы строились теории о культуре, обществе и поведении человека. Однако в общем хоре диссонансом звучали другие голоса. Английский философ Томас Карлейль высказал предположение, что практически во всех человеческих сообществах большинство людей лишь тогда способны к целенаправленной рациональной деятельности, когда ими руководит выдающаяся харизматическая** личность. Датский религиозный философ Сёрен Кьеркегор и русский писатель Федор Достоевский указывали на скрытые темные стороны человеческой души, способ-

---

* *Герберт Спенсер* (1820–1903) — английский философ и социолог, один из родоначальников позитивизма, идеолог либерализма. Развил механистическое учение о всеобщей эволюции; в этике — сторонник утилитаризма. *Джон Стюарт Милль* (1806–1873) — английский философ и экономист, идеолог либерализма, основатель английского позитивизма, в этике соединял принцип эгоизма (утилитаризм) с альтруизмом. *Огюст Конт* (1798–1857) — французский философ, один из основоположников позитивизма и социологии. Позитивизм рассматривал как среднюю линию между эмпиризмом и мистицизмом; наука, по Конту, познает не сущности, а только явления. Выдвинул теорию трех стадий интеллектуальной эволюции человечества (теологической, метафизической и позитивной, или научной), определяющих развитие общества. Разработал классификацию наук (по степени уменьшения их абстрактности). *Джереми Бентам* (1748–1832) — английский философ, социолог, юрист, родоначальник философии утилитаризма.

** *Харизма* (греч. charisma — милость, божественный дар) — исключительная одаренность; харизматический лидер — человек, наделенный в глазах его последователей авторитетом, основанным на исключительных качествах его личности — мудрости, героизме, «святости».

ные руководить поведением человека. В конце девятнадцатого столетия появилась теория австрийского психолога Зигмунда Фрейда о роли бессознательных мотивов, толкающих человека на действия, не планируемые сознательно. Одну из главных идей эпохи Просвещения, идею прогресса, отвергал и немецкий философ Фридрих Ницше. Как и Карлейль, Ницше доказывал, что решить проблемы человеческого общества (если это вообще возможно), способен только выдающийся руководитель, предлагающий обществу образец героизма. Особую роль выдающихся личностей в противодействии порокам индустриального общества подчеркивали и другие мыслители, среди которых такие видные теоретики социологии, как Макс Вебер, Роберт Михельс, Гаэтано Моска и Густав Лебон*.

Можно ли сказать, что эти авторы хоть в какой-то мере повлияли на политику Ленина? В книге «Что делать?» Ленин демонстрирует понимание жизненной важности правильного руководства. Он действует так, как будто без него все дело партии потерпит крах. Для того чтобы российское рабочее движение смогло вооружиться правильными политическими идеями, «массами» должна руководить партия, а партией должен руководить он, Ленин. Григорий Зиновьев вспоминал, что Ленин верил в свое особое «призвание»[1].

Тем не менее, Ленин, похоже, не придавал особого значения трудам вышеупомянутых авторов. Его раздражало, когда Александр Богданов, Николай Бухарин, Анатолий Луначарский и другие товарищи-марксисты черпали идеи из популярных в то время книг по философии, культуре, социологии и экономике, если авторы этих книг не были марксистами. Своим мировоззрением, окончательно сформировавшимся к концу девятнадцатого века, он был вполне доволен и не собирался его менять, хотя практические подходы менял постоянно, вплоть до конца жизни. Ни один из авторов, появившихся после 1900 года, не

---

* *Макс Вебер* (1864–1920) — немецкий социолог, историк, экономист и юрист, автор концепции «понимания», по которой социальное действие объясняется через истолкование индивидуальных мотивов. Выступал против марксизма. В происхождении западноевропейского капитализма отводил решающую роль протестантизму. *Гаэтано Моска* (1858–1941) — итальянский юрист и социолог, автор концепции о «политическом или правящем классе» — разновидности теории элиты. Демократию считал расширенной аристократией. *Гюстав Лебон* (1841–1931) — французский ученый, социальный психолог. Выдвинул один из первых вариантов теории «массового общества» В книге «Психология народов и масс» (1895) рассматривал толпу как иррациональную разрушительную силу, подавляющую индивидуальность человека. Отвергал идею социального равенства и социализм. *Роберт Михельс* (1876–1936) — историк, экономист и социолог. Родился в Германии, в 1926 принял итальянское гражданство. Выдвинул «железный закон олигархических тенденций» в демократическом обществе, утверждавший необходимость «активного меньшинства» (элиты) и отвергавший господство масс.

нашел у Ленина одобрения. В его трудах совсем нет или очень мало ссылок на Карлейля, Фрейда, Кьеркегора, Михельса, Ницше или Вебера (хотя в книжном шкафу его кремлевского кабинета среди прочих книг стояла «Так говорил Заратустра» Ницше)[2]. Куда важнее для Ленина было расширить и углубить знание трудов Маркса, Энгельса, Плеханова и Каутского. Вооруженный ссылками на труды классиков марксизма, Ленин мог выглядеть ортодоксальным марксистом даже тогда, когда был предельно далек от ортодоксальности. Неутомимый и талантливый спорщик, Ленин всегда мог в нужный момент найти нужную цитату в трудах классиков для оправдания проводимой им политики — ведь классики марксизма были далеки от единообразия. Он стремился к лидерству и не хотел отвлекаться на участие в философских дискуссиях по проблемам, выдвинутым критиками марксизма.

Ленин так часто подчеркивал свою преданность ортодоксальному марксизму, что невольно возникают подозрения, будто он стремился что-то утаить. Восторженное отношение к народникам-террористам Ленин сохранил даже после скандала вокруг «Что делать?», когда ему пришлось прекратить публично заявлять о своих симпатиях.

Можно ли утверждать, что тайные интеллектуальные пристрастия Ленина ограничивались любовью к народникам? Скорее всего, нет. После 1917 года в переписке Ленин восторженно отзывается о Макиавелли*. Идея флорентийского мыслителя о допустимости жестоких методов в управлении государством была близка Ленину. Очевидно, нравился Ленину и Дарвин; на рабочем столе в кремлевском кабинете стояла бронзовая статуэтка, изображающая сидящую на груде томов Дарвина обезьяну, сосредоточенно изучающую человеческий череп[3].

Невозможно представить, чтобы Ленин, часами просиживая в библиотеках, изучал только труды теоретиков марксизма и сборники экономической статистики. Известно, что во время первой мировой войны он жадно поглощал книги немецких авторов — философа Гегеля и военного теоретика Клаузевица*, ока-

---

* *Никколо Макиавелли* (1469–1527) — итальянский политический мыслитель, историк и писатель. Видел главную причину бедствий Италии в ее политической раздробленности, преодолеть которую способна лишь сильная государственная власть. Ради упрочения государства считал допустимыми любые средства. Отсюда термин «макиавеллизм» для определения политики, пренебрегающей нормами морали.

** *Георг Вильгельм Фридрих Гегель* (1770–1831) — немецкий философ, создавший систематическую теорию диалектики. Ее центральное понятие — развитие — есть характеристика деятельности абсолюта (мирового духа), который переходит в отчужденное состояние инобытия — в природу и возвращается к себе в человеке в формах «субъективного духа» (пси-

...шие на него определенное влияние. Возвращался он в те годы ...к древним классикам, особенно Аристотелю. Как можно су...ить по записным книжкам самого Ленина, эти авторы способ...ствовали формированию ленинской революционной стратегии. То же самое можно сказать о Дарвине и Макиавелли. Работы Дарвина пользовались у марксистов особой популярностью. Ленин не мог не знать знаменитого дарвиновского аргумента: «побеждает сильнейший». Не признававший «сентиментальности» в политике, прирожденный борец, для которого слова «жить» и «бороться» были синонимами, Ленин должен был испытывать к Дарвину и Макиавелли некое подобие родственных чувств.

Все, кто близко соприкасался с Лениным (за исключением разве что членов его семьи), рано или поздно начинали уставать от его воинственности. Но для большевистских организаторов готовившейся партийной конференции час разочарования еще не настал. Их лидером был грузин Серго Орджоникидзе, пламенный революционер, организатор подпольных партийных групп в России, бесстрашно рвавшийся в бой с царизмом и презиравший меньшевиков за нерешительность. Ленин был его героем. В свою очередь Ленину были нужны именно такие люди, как Орджоникидзе.

Познакомившись с жизнью эмигрантов-большевиков, Орджоникидзе согласился с Лениным: фракции недостает сплоченности. Эту проблему должна была решить грядущая конференция. Местом ее проведения избрали не Париж или Женеву, где марксисты составляли значительную часть российской диаспоры, а Прагу, столицу богемских земель, в те годы входивших в империю Габсбургов. Выбор был весьма удачным для Ленина и большевиков. Во-первых, в Прагу было неудобно добираться как из России, так и из Франции. Во-вторых, здесь не было колонии российских марксистов. Кроме того, можно было надеяться, что пражская полиция не станет преследовать делегатов, так как власти Австро-Венгрии были рады любым врагам российского режима. И наконец, чешские марксисты наверняка помогут российским товарищам в проведении конференции. Ленин и Орджоникидзе рассчитывали, что те немногие делега-

---

хической деятельности индивида), сверхиндивидуального «объективного духа» (право и мораль, семья, общество, государство) и «абсолютного духа» (искусство, религия, философия как формы самосознания духа). История по Гегелю — прогресс духа в сознании свободы, последовательно реализуемый через «дух» отдельных народов. Осуществление демократических требований мыслилось Г. в виде компромисса с сословным строем, в рамках конституционной монархии. *Карл фон Клаузевиц* (1780–1831), немецкий военный теоретик и историк, генерал-майор прусской армии (1818). Сформулировал положение о войне как продолжении политики.

ты, которые все же доберутся до Праги, будут (за единичным исключением) большевиками. Предстояло доказать, что на Пятом съезде РСДРП большевики были крупнейшей из фракций и, следовательно, имеют право определять политику партии без оглядки на меньшевиков.

Расчеты оказались верными. Чешские социалисты тепло встретили приехавших в Прагу делегатов, помогли расселить их по квартирам. Заседания проходили в социал-демократическом Народном доме на улице Гибернской, протянувшейся от средневековой Пороховой башни до железнодорожного вокзала. Трехэтажное здание Народного дома с просторным внутренним двором, бывший дворец Кински, теперь находилось в собственности социал-демократической партии.

Как и предполагал Ленин, подготовка к конференции прошла спокойно. Из меньшевиков приглашения получили лишь несколько человек, сторонников Плеханова. Остальные меньшевики (составлявшие большинство в своей фракции), которые отказывались порвать отношения с так называемыми ликвидаторами, приглашений не получили. В ответ разгневанный Троцкий организовал альтернативную партийную конференцию в Вене. В результате в Пражской конференции приняли участие всего восемнадцать делегатов, шестнадцать из которых — большевики. Некоторые из них, обнаружив несправедливость, попытались в последнюю минуту исправить положение, рассылая собственные приглашения. Орджоникидзе не препятствовал самодеятельности делегатов, надеясь, что все равно оппоненты большевиков не успеют приехать на конференцию вовремя и в количестве, угрожающем преимуществу большевиков. Зато Ленин возмутился и пригрозил, что уйдет, если самодеятельные приглашения будут приняты.

Это было чересчур даже для Ленина. Орджоникидзе уже давно подозревал, что фракционные устремления «проклятой эмиграции» губят партию; теперь же он смог в этом убедиться. И тогда голос Орджоникидзе присоединился к большевистскому хору критиков Ленина.

Никогда раньше Ленину не приходилось так туго, как на этой партийной конференции. Делегаты поставили вопрос ребром: если большевики-ленинцы согласны с меньшевиками в вопросе о необходимости легальной политической активности, то почему же Ленин кричит на каждом углу о беззаконии Мартова и меньшевиков? От ответа Ленин уклонился, да и, честно говоря, никакого мало-мальски рационального ответа он дать не мог.

Тем не менее, Пражская конференция в значительной степени прошла именно так, как рассчитывал Ленин. Приглашенные в последний момент меньшевики не приехали. Конференция заявила о своем праве избрать новый Центральный Комитет и определять политику всей партии. В новый Центральный Комитет попал только один меньшевик — Давид Шварцман. Особое внимание делегаты конференции уделили необходимости участия в Государственной думе и других легальных организациях. Но при этом, добившись тактических успехов, Ленин утратил часть личного авторитета. Во-первых, было решено, что центральное руководство фракции должно действовать в России, а не в эмиграции. Этого можно было достичь в первую очередь путем отмены официального признания Комитета заграничной организации (его секретарем была Инесса Арманд), благодаря которому Ленин имел возможность воздействовать как на товарищей-эмигрантов, так и на партию в целом, в качестве представителя Центрального Комитета за рубежом. Во-вторых, конференция постановила, что из семи человек, входящих в состав Центрального Комитета, будут лишь два представителя эмиграции — Ленин и Зиновьев. Центр тяжести должен был сместиться из эмиграции в Россию, от борьбы фракций — к практической организации и пропаганде.

Орджоникидзе не мог знать, что в игру уже вступили другие силы, заинтересованные в срыве решений Пражской конференции. Российский император поставил перед тайной полицией конкретную задачу — развалить РСДРП, и никто лучше Ленина не смог бы справиться с этой задачей. Поддержка политической карьеры Ленина стала одним из негласных приоритетов «охранки».

После пражской конференции у российской тайной полиции появилась возможность эффективного воздействия на РСДРП. В состав новоизбранного Центрального Комитета вошел петербургский профсоюзный деятель Роман Малиновский, рабочий-большевик, блестящий оратор. В 1912 году Малиновский стал одним из большевистских депутатов Четвертой Государственной думы. Ленин высоко ценил Малиновского и не подозревал, что тот в трудную минуту своей жизни согласился стать платным агентом «охранки». По планам тайной полиции, Малиновский должен был всячески способствовать раскольнической деятельности Ленина.

По возвращении в Россию часть членов нового ЦК была арестована, но Малиновский оставался на свободе, его авторитет среди российских большевиков рос. С каждым арестом очеред-

ного члена ЦК улучшалось и положение Ленина, он получил возможность вводить своих людей в Центральный Комитет. Критика действий эмигрантов, прозвучавшая на партийной конференции со стороны Орджоникидзе, абсолютно не испугала его. Со смешком он заявил, что не боится быть осужденным за борьбу фракций. В прошлом ему приходилось преодолевать и не такие трудности.

В таком настроении Ленин уезжал из Праги в Париж. Он не собирался мириться ни с буквой, ни с духом реформ, затеянных Орджоникидзе в большевистском руководстве, и надеялся, что в скором времени политическая жизнь вернется в привычное русло. В письме матери он сообщил, что остается в Париже. Следовать решениям Пражской конференции Ленин не желал и планировал сосредоточить все силы на достижении прочного лидерства в большевистской фракции.

Будучи самой одиозной фигурой среди руководства РСДРП, Ленин тем не менее пользовался достаточно солидной репутацией среди ее членов. О его идеях и деятельности было осведомлено руководство всех российских партий социалистического толка, все эмигранты-социалисты из российских диаспор Цюриха, Женевы и Парижа были с ним знакомы. Руководство марксистских организаций Германии и Польши, считавшее Ленина единственной существенной преградой на пути к объединению российских марксистов, с тревогой ждало его очередного непредсказуемого шага.

Значимость фигуры Ленина признавали и составители российских энциклопедий и энциклопедических словарей — к моменту его возвращения в Россию в 1917 году ему было посвящено в общей сложности пятнадцать энциклопедических статей[4]. Но популярность Ленина ограничивалась весьма узким кругом, большинству читающей российской публики его имя ничего не говорило. Когда петербургский издатель Михаил Кедров на свой страх и риск попытался издать трехтомное собрание сочинений Ленина, ему удалось найти только около двух сотен подписчиков. Все же Кедров издал ленинские труды тиражом в три тысячи экземпляров, но лишь половина из них нашла покупателей. В 1912 году разочарованный Кедров продал остаток тиража на макулатуру[5].

Десятки исследователей, изучивших многотомные собрания сочинений Ленина «от корки до корки» и сделавших вывод о широкой известности Ленина в России до начала первой мировой войны, почему-то не обратили на этот факт никакого вни-

мания. На самом же деле большинство подданных Николая II никогда не слышало о Ленине. Ему удалось добиться лишь незначительного прогресса по сравнению с концом девяностых годов, когда он впервые представил свои труды на суд петербургских читателей. Подавляющее большинство россиян не имело никакого представления о том, кто такой Ленин, как он выглядит, каковы его убеждения. Тем, кто все же купил его книги, работы Ленина казались маловразумительными и чересчур нетерпимыми. Никаких значимых общественных дискуссий по их поводу не последовало.

Непризнание публики не могло поколебать ни веры Ленина в себя, ни базовых предпосылок его теории. Первой из них была убежденность в том, что Европа стоит на пороге революции. Во-вторых, по мнению Ленина, социальные слои общества, в течение долгого времени находившегося в застывшем состоянии, способны к быстрому развитию до уровня, необходимого для выполнения революционных задач. В-третьих, Ленин полагал, что к моменту захвата власти революционная партия может быть сколь угодно малой: гораздо важнее, чтобы даже крошечная партия состояла из твердо убежденных в правоте революционного учения людей, способных вести пропаганду своих идей. Четвертую из своих базовых предпосылок Ленин предпочитал не высказывать вслух: он не сомневался, что настоящим революционером можно назвать лишь того, кто твердо придерживается стороны Ленина во фракционных дискуссиях.

Своих базовых убеждений Ленин не менял никогда. Он прекрасно знал, что даже самые антиэмигрантски настроенные из большевиков признают его личные способности и не могут отрицать, что эмигранты обеспечивают непрерывность существования партии вопреки всем стараниям царской «охранки». В эмиграции собрались интеллектуалы, способные к творческой и организационной работе. Они создают партийные документы — так сказать, коллективную память партии. Пускай недостатки и слабости Ленина стали достоянием гласности на Пражской конференции, все равно мало кто из большевиков серьезно полагал, что партия должна избавиться от него.

Весной 1912 года в письме матери Ленин сообщает:

> «Собираемся на лето уехать в Fontenay — под Парижем и обдумываем полное переселение туда на круглый год. Дорого в Париже — цену на квартиру подняли, да притом здоровее и спокойнее, верно, будет в предместье. На днях примусь ездить и искать»[6].

Ленин никогда не писал матери о политике. С сестрой Анной, проживавшей вместе с матерью в Саратове, он мог быть более откровенным. В отдельном письме на ее имя он рассказывает, какая буря критики обрушилась на организаторов Пражской конференции со стороны других партийных «групп и подгрупп» — доходило даже до кулаков. Но в целом, пишет Ленин, он доволен жизнью в среде российской революционной эмиграции в Париже[7].

В Фонтене Ленин так и не переехал. Большевистский Центральный Комитет, ослабленный арестами, все же не отказался от плана переноса деятельности на территорию России. Реализацию этого плана было решено начать с издания в Петербурге легальной газеты. Начиная с 1906 года политические партии получили возможность легально действовать и иметь печатные органы на территории России. Как Николай II ни манипулировал основным законом, все же он не отменял его полностью. Разумеется, свобода слова в Российской империи имела свои границы. Издание, призывавшее к свержению династии Романовых или установлению «диктатуры пролетариата», было бы немедленно закрыто. Тем не менее, у противников царского режима оставались определенные возможности для публикации материалов критического характера. Большевики и меньшевики, таким образом, тоже могли открыто пропагандировать свои идеи. Но Ленин, хотя и был сторонником выдвижения большевистских кандидатов в Государственную думу, с неохотой согласился на издание ежедневной легальной газеты. Скорее всего, он не доверял никому из большевистских редакторов и хотел лично контролировать все материалы, появлявшиеся в прессе с санкции большевистской фракции. Однако ему пришлось смириться с решением, принятым новым составом ЦК.

22 апреля 1912 года первый номер газеты «Правда» вышел в свет. Ленин оказался между двух огней. Оставаясь во Франции, он утратил бы всякое влияние на российских большевиков. Но если бы он решился нелегально вернуться в Россию, дело кончилось бы арестом. В конце концов было найдено разумное компромиссное решение — переехать к самым границам Российской империи, в Галицию. Эта часть Речи Посполитой в то время входила в состав Австро-Венгрии. Надежда Константиновна навела справки и получила положительный ответ. Напряженные отношения между Петербургом и Веной гарантировали, что в случае чего удастся избежать высылки в Россию. Выбор пал на Краков. Из 150 тысяч жителей города российские политэмиган-

ты составляли, по некоторым оценкам, до 12 тысяч, в основном поляков, но попадались и русские. Краковский Союз помощи политзаключенным оказывал новоприбывшим эмигрантам материальную помощь. Из Кракова в Петербург и обратно регулярно ходили поезда, почта шла недолго. Краков прекрасно подходил для размещения Центрального Комитета партии. Хоть Ленин и не хотел переезда, все же новое место давало определенные преимущества.

4 июня Ленин, Крупская и ее мать вместе с Зиновьевым, его женой Зинаидой Лилиной и их маленьким сыном Степой выехали из Парижа. По дороге в Краков на несколько дней задержались в Лейпциге. В Краков они приехали совершенно открыто и не предпринимая никаких мер по соблюдению секретности. Местная газета «Час» опубликовала сообщение, что Ленин остановился в гостинице «Виктория». Инесса Арманд без всякой конспирации посылала на имя Ульяновых открытки из Парижа[8].

Труднее всего оказалось установить связи с местными социалистами. Член РСДРП Сергей Баготский условился о встрече с Лениным и Крупской на скамейке в тенистой аллее сада у главного корпуса Ягеллонского университета. На длинной аллее стояло множество одинаковых скамеек, но все же Ленин и Крупская точно в назначенный час были на месте. Пришел туда и Баготский. Полчаса просидели они на одной скамейке, не узнавая друг друга, пока, наконец, Надежда Константиновна не обратилась к незнакомцу со словами: «Вы, вероятно, Баготский, и ждете нас. Я — Ульянова»[9]*.

Существуют маловероятные предположения, что переезд в Краков состоялся по настойчивой просьбе Надежды Константиновны, стремившейся увезти мужа от Инессы Арманд. Если это так, то в этом случае невозможно объяснить, зачем Крупская планировала на лето 1912 года отправить мать на отдых в курортное местечко Аркашон на побережье Атлантики, в десяти милях к юго-западу от Бордо, излюбленное место отдыха российских политэмигрантов, где Крупская обязательно встретилась бы с Инессой.

Переезд в Краков имел не личные, а политические причины: перенос деятельности Центрального Комитета на территорию

* Как вспоминает далее Крупская, Баготский представлял себе Ленина высоким широкоплечим мужчиной с черной окладистой бородой. Ошибочное представление о внешности Ленина, основанное на его статьях и книгах, складывалось у многих революционеров и даже у их противников.

России по решению Пражской конференции. Ленину было необходимо поддерживать тесные связи с Петербургом. Не было смысла оставаться в Париже и для Инессы после упразднения Комитета заграничной организации, в котором она была секретарем. После переноса центра большевистской эмиграции в Краков Инесса продолжала видеться с Лениным. Более того, в июле 1912 года она гостила у Ленина и Крупской в Кракове перед тем как перейти российскую границу, направляясь на нелегальную революционную работу.

К этому времени близкие отношения между Лениным и Инессой уже прекратились. Инициатором разрыва стал Ленин. В отчаянии Инесса умоляла Ленина передумать, убеждая его, что их отношения никому не вредят (скорее всего, речь шла о Надежде). До самой смерти, последовавшей в 1920 году, Инесса сохраняла нежные чувства к Ленину. Но тот оставался непреклонным. Даже если слухи об ультиматуме Надежды Константиновны — ложь, все равно Ленин не мог не задуматься о том, насколько прочны его отношения с Инессой. Он чувствовал, что больше не может оскорблять супругу, столько лет прожившую с ним. Можно предположить, что Ленин отдавал предпочтение Надежде как надежному и трудолюбивому помощнику в делах, проверенному политическому союзнику. Так или иначе, он игнорировал все искушения и мольбы со стороны Инессы.

В Кракове Ленину понравилось. Столица Галиции, провинции на востоке Австро-Венгерской империи, до 1597 года была столицей Польского королевства. Высоко над рекой Вислой вознесся королевский замок Вавель. Здесь, в крипте кафедрального собора, в саркофагах покоятся польские короли и королевы. В самом центре города, в углу Рыночной площади стоит маленькая церковь св. Альберта, миссионера, крестившего Польшу по латинскому обряду. Посреди Рыночной площади возвышается старинное здание торговых рядов Сукенице с двойным рядом аркад. Здесь же, на Рыночной площади, красуется готический костел Пресвятой Девы Марии с великолепным резным алтарем работы Вита Ствоша*. Каждый час на башне раздается сигнал горниста. Эта старинная традиция — дань памяти подвигу краковского горниста в 1241 году, когда на город внезапно напало монгольское войско. Увидев приближавшихся врагов, трубач затрубил тревогу и был убит вражеской стрелой. К северу от Рыночной площади стоит здание основанного в 1364

* *Вит Ствош* (нем. Фейт Штос) (ок. 1455–1533) — немецкий и польский скульптор, работавший в стиле перехода от поздней готики к Возрождению.

году Ягеллонского университета, где учился Николай Коперник. В университете, что было особенно важно для Ленина, имелся неплохой читальный зал, а неподалеку от университета — множество уютных кафе и других мест, где собиралась культурная публика.

Вскоре после приезда в Краков Ленин и Крупская сняли квартиру в пригороде, в доме 218 по улице Звежинецкой, на другом берегу Вислы от центра города. Неподалеку жил и польский товарищ Якуб Ганецкий*, оказывавший Ленину большую помощь. Жизнь в пригороде имеет свои преимущества — можно ходить на прогулку в поля, купаться в реке. Вместе с Баготским Ленин часто ездил на поезде в Татры.

Не только культура и отдых нравились Ленину в Кракове. Здесь все напоминало о доме, о России. По базарным дням в город съезжались крестьяне, так похожие на российских, а краковский еврейский квартал Казимеж вполне мог бы сойти за еврейское местечко где-нибудь на западе Российской империи. Сразу после переезда Ленин пишет матери:

> «Я как раз тоже должен дать новый адрес. Из Парижа я нынешним летом забрался очень далеко — в Краков. Почти Россия! И евреи здесь похожи на русских, и граница русская в 8 верстах (поездом от Границы часа два, от Варшавы 9 часов), бабы босоногие в пестрых платьях — совсем как Россия!»[10].

Надежда ходила делать покупки в Казимеж. Цены у еврейских мясников были в два раза меньше, чем у их польских конкурентов. Ей пришлось научиться торговаться, что удалось далеко не сразу. Если торговец вначале заламывал слишком высокую цену, Надежда разворачивалась и уходила из лавки, и тогда лавочник, конечно, звал ее обратно. На просьбу продать кусок мясного филе мясник невозмутимо отвечал: «Господь Бог корову сотворил с костями, так разве могу я продавать мясо без костей?»[11].

Преимущества жизни в Польше не замедлили проявиться. Ленин не знал польского языка и не собирался его учить, вполне обходясь жестами и простыми русскими фразами. С польскими социалистами он разговаривал на немецком языке, государствен-

---

* *Якуб Ганецкий* (1879–1937), деятель польского и российского революционного движения, один из руководителей социал-демократии Королевства Польского и Литвы, был делегатом Второго, а затем Стокгольмского и Лондонского съездов РСДРП от СДКПиЛ, в 1907 году избран членом ЦК РСДРП, в 1917 году — член Заграничного бюро ЦК РСДРП (б).

ном в Австро-Венгрии. Почти все необходимые книги можно было найти в читальном зале библиотеки Ягеллонского университета. От квартиры на Звежинецкой было рукой подать до почтового отделения, а до вокзала полчаса ходьбы — все, что нужно для активной переписки с Россией. А если появлялась необходимость передать в Петербург особо секретное послание, это можно было сделать в приграничном Люблине. У крестьян, проживавших в пограничной десятимильной зоне по обе стороны границы, были особые удостоверения личности, позволявшие им свободно переходить из России в Австро-Венгрию и обратно, прихватывая заодно большевистскую секретную корреспонденцию[12].

Все же не большевики во главе с Лениным представляли для российского царизма наибольшую угрозу — хотя бы потому, что в составе большевистского Центрального Комитета действовал агент «охранки» Роман Малиновский. Поэтому даже самые секретные ленинские планы сразу же становились известными Петербургу, и тут не могли помочь ни утонченная шифровка, ни невидимые чернила, ни даже люблинская почта. Ленин, хотя и не питал особых иллюзий насчет краковских политэмигрантов, всего этого знать не мог. Для царского режима поляки были намного опаснее русских. В Кракове активно действовала левая Польская социалистическая партия Юзефа Пилсудского, целью которой было восстановление независимого Польского государства. Разумеется, достижение этой цели означало бы для Австро-Венгрии потерю польских земель, но дестабилизация «российской» Польши была настолько желательной для Вены, а уверенность империи Габсбургов в собственной мощи настолько высокой, что Пилсудский пользовался практически неограниченной свободой действий и действовал более или менее открыто. В полях и лесах вокруг Кракова проходили обучение вооруженные формирования, которым предстояло вступить в бой с силами российской армии. Пилсудский так ненавидел царизм, что готов был оказывать помощь всем его врагам, в том числе большевикам. Люди Пилсудского помогали им организовать пересылку сообщений на территорию России.

В квартире Ленина на Звежинецкой часто гостили посетители из России, иногда оставаясь и на ночлег. Члены редакции газеты «Правда» и шестеро избранных в ноябре 1912 года большевистских депутатов Четвертой Государственной думы всегда были у Ленина желанными гостями и находили помощь добрым советом насчет политических маневров, редакторской линии «Правды» или текста думских речей.

К концу года из всех членов Центрального Комитета, избранных в Праге, на свободе оставались лишь трое — Ленин, Зиновьев и Малиновский. Соответственно рос авторитет этих людей. Мало-помалу притихли негодующие голоса по поводу раскольнической деятельности Ленина.

У жизни в эмиграции, пусть даже так близко от российской границы, есть и свои недостатки. В течение многих лет Ленин не мог видеться с матерью, сестрами, братом. Здоровье матери слабело, а в личной жизни Анны произошли существенные перемены. В 1911 году, когда Анна Ильинична с мужем жили в Саратове, в местной прессе появились сообщения о саратовском вундеркинде по имени Георгий Лозгачев. Мальчик в очень раннем возрасте сам научился читать, а теперь пытался изучать церковнославянский и древнееврейский языки[13]. Шестилетний веснушчатый Георгий, или просто Гора, был родом из бедной семьи и не мог рассчитывать на хорошее образование. Анна и Марк решили взять мальчика на воспитание и получили согласие его родителей. О том, стоит ли брать мальчика, Анна посоветовалась с Марией[14]. Владимир, скорее всего, попытался бы отговорить сестру, потому что ее революционная политическая деятельность плохо совмещалась с материнскими обязанностями: через несколько месяцев Анну арестовали и посадили в саратовскую тюрьму. (В 1917 году Гора и дядя Володя станут добрыми приятелями.) Тем временем Мария сделала еще одну попытку начать стабильную профессиональную карьеру, получив квалификацию домашней учительницы французского языка. Дмитрий Ильич работал врачом в Крыму, его семейная жизнь с Антониной терпела крах и дело шло к разводу. Ленин, хотя и жил на самой границе с Россией, не мог принять никакого участия в семейных драмах родных.

Владимир и Надежда прекрасно понимали Анну, ее желание иметь детей. Как многие бездетные пары, они безмерно любили детей своих знакомых. По вечерам, окончив работу, Ленин с удовольствием играл со Степой, сынишкой Зиновьевых, как ребенок бегая по всему дому, лазая по мебели и прыгая на кроватях. Родители Степы жаловались на шум, но Ленин отвечал: «Не мешайте — мы играем!». Как-то Ленин сказал Зиновьевым: «Эх, жаль, что нет у нас такого Степы!».

Разочарования и радости личной жизни Ленин никогда не смешивал с политикой. По переезде в Краков он делал все, чтобы взять под контроль деятельность российских большевиков. Сюда, в Галицию, приезжали члены Центрального Комитета; в

период между ноябрем 1912 и концом 1913 года состоялось семь заседаний ЦК[15]. Ленин по-прежнему консультировал редакторов «Правды» и большевистских депутатов Государственной думы, но все же теперь его действия контролировались российскими товарищами. После Пражской конференции Центральный Комитет разделился на Русское бюро и Заграничное бюро. Последнее состояло из Ленина и Зиновьева, секретарем была Надежда Константиновна. Деятельность Заграничного бюро была подчинена Русскому бюро. Ленину приходилось повиноваться. Он уже не мог единолично руководить фракцией из-за рубежа, политика партии определялась по согласованию с членами Русского бюро.

Командовать думскими депутатами от фракции он тоже не мог. Они стали влиятельными фигурами российской политики, известными далеко за пределами своей партии. От РСДРП в состав Четвертой Думы вошли шестеро большевиков и семеро меньшевиков, и Ленину очень хотелось, чтобы большевистские депутаты образовали свою, отдельную от меньшевиков думскую фракцию. Живя в эмиграции, Ленин не имел возможности ежедневно встречаться с депутатами-большевиками, поэтому он недостаточно хорошо понимал особенности их работы. Даже талантливый большевистский деятель из Грузии Иосиф Сталин, сам не отличающийся большой терпеливостью, советовал Ленину действовать с меньшим напором и вербовать сторонников «жесткой политики» среди депутатов не приказом, а убеждением[16]. Вначале сторону Ленина занял лишь один из депутатов-большевиков — и это был не кто иной, как агент «охранки» Роман Малиновский.

С редакцией «Правды» тоже было не все гладко. До начала первой мировой войны редакция отвергла сорок семь статей из 331, написанных Лениным для газеты[17]. Раздраженный Ленин отправил петербургскому редактору «Правды» письмо следующего содержания: «Почему зарезали мою статью об итальянском съезде? Вообще не грех бы извещать о непринятых статьях. Просьба эта вовсе не чрезмерная. Писать „для корзины", т. е. статьи выкидываемые, очень невесело»*. В середине девяностых годов Владимир Ульянов, тогда еще молодой петербургский революционер-активист, написал ряд замечательных коротких статей, прекрасно подходивших для марксистской пропаганды среди рабочих на заводах и фабриках. В последующие годы, вопре-

* ПСС, т. 48, с. 74.

на настойчивым просьбам товарищей, Ленин отказывался писать подобные статьи, отдавая предпочтение длинным «теоретическим» статьям и книгам, вызывавшим лишь внутрипартийную межфракционную полемику. Конечно, литературное творчество Ленина этим не ограничивалось, он писал статьи для «Правды» и тексты речей для депутатов от своей фракции, но очень не любил писать на заказ, по составленному кем-то плану.

Ленину пришлось бы намного хуже, если бы царским властям не удалось арестовать так много критиковавших его членов ЦК и редакторов «Правды», и среди них — Иосифа Сталина. После Пражской конференции Сталин вошел в состав ЦК, а осенью 1912 года был назначен главным редактором «Правды». «Замечательному грузину», как называл Сталина Ленин, тоже не нравилась жестокая непрекращающаяся травля меньшевиков, тем более что Ленин требовал того же и от «Правды». Вскоре «охранка» арестовала Сталина. На его место пришел Яков Свердлов, но и он был арестован.

В мае 1913 года, после ареста Свердлова, главным редактором «Правды» стал Мирон Черномазов, послушно выполнявший волю Ленина, в первую очередь потому, что, как и Малиновский, был агентом «охранки». Властям необходим был повод для закрытия «Правды» в виде агрессивных редакторских статей. Ленин, конечно, ничего не знал о роли тайной полиции во всей этой истории. Живя за границей, он не мог видеть, как работает Черномазов. Прояви Ленин бдительность, он, возможно, заподозрил бы Черномазова в провокаторстве, но тут повел себя на удивление наивно.

В конце концов Ленин добился именно такой фракционной политики, к которой стремился — и в результате петербургские рабочие лишились возможности регулярно читать «Правду», так как газету периодически закрывали. Не лучшим образом шли дела и в Думе. В ноябре 1913 года Ленину удалось убедить депутатов-большевиков выйти из совместной меньшевистско-большевистской думской коалиции. Этому способствовали и внешние обстоятельства: рабочее движение в стране нарастало, а меньшевистская газета «Луч» не спешила выказывать поддержку бастующим рабочим. Разорвав коалицию с меньшевиками, большевики тут же погрязли во внутрифракционной полемике, что отпугнуло от них простых рабочих. В этом смысле Ленин несет часть ответственности за то, что российским большевикам не удалось в полной мере воспользоваться сложившейся на заводах и фабриках ситуацией. В Ленине было слишком много от

конспиратора-фракционера, но слишком мало от национального лидера.

Переехав из Парижа в Польшу, Ленин настойчиво потребовал у немецких попечителей (Карла Каутского, Франца Меринга и Клары Цеткин) передачи денег семейства Шмит в распоряжение Центрального Комитета. Каутский возмутился. Своей непримиримостью и склонностью к конфликтам Ленин слишком напоминал типичного российского социалиста девятнадцатого столетия. С его стороны было весьма неразумным заявлять, что большевистский Центральный Комитет является неоспоримым воплощением руководства всей РСДРП. После нескольких попыток привести большевиков и меньшевиков к компромиссу Каутский и Меринг решили умыть руки и заявили о выходе из совета попечителей под предлогом слабого здоровья. Тогда Ленин атаковал третьего члена совета попечителей, Клару Цеткин, направив на ее имя официальное письмо с требованием передать деньги ЦК под угрозой судебного разбирательства. Посоветовавшись со швейцарским адвокатом Карлом Цграгеном, Ленин обратился к французскому социалисту, адвокату апелляционного суда Жоржу Дюко де ля Ай, пообещав ему 5000 франков за быстрый и успешный исход дела[18]. Французский адвокат не смог сотворить чуда, и тогда Ленин обратился к его немецкому коллеге Альфреду Кану.

В декабре 1913 года Каутский решил, что бесконечными фракционными конфликтами в РСДРП (как финансовыми, так и политическими) должно заинтересоваться брюссельское Международное социалистическое бюро. Ленин был взбешен: любая дискуссия, начатая Международным социалистическим бюро, привела бы не только к потере наследства Шмита, но и побудила бы европейских социалистов начать кампанию за объединение фракций РСДРП. Ленину оставалось лишь оттягивать время. Он согласился на участие большевиков в совместном заседании всех фракций РСДРП с целью «взаимного обмена мнениями».

По желанию Ленина, представлять большевиков в Брюсселе должна была Инесса Арманд. В июле 1912 года она уехала из Кракова в Россию, была арестована, через несколько месяцев тюремного заключения заболела туберкулезом и вышла на свободу под залог*. В августе 1913 года она нелегально переходит российскую границу и направляется в Галицию[19]. Но в это вре-

* Освобождения Инессы Арманд добился ее бывший муж Александр под залог 5400 рублей. См.: П. Подляшук. Товарищ Инесса М., 1987, с. 124.

мя Ленина уже не было в Кракове. Врачи порекомендовали Надежде Константиновне дышать свежим воздухом, и Ленин с супругой переехал в местечко Бялы Дунаец, что в шестидесяти милях к югу от Кракова по направлению к зимнему курорту Закопане, и сняли там большой деревянный дом. Связь с Россией в местечке была ненамного хуже, чем в Кракове. В соседнем местечке Поронин дважды в день останавливался почтовый поезд из Кракова; письмо из Петербурга доходило за два дня. Ленин устал от городской жизни. Необходимость ходить за почтой в Поронин давала прекрасный повод для велосипедной или пешей прогулки, к тому же совсем близко были горы, а Ленин так любил прогулки в горах! В начале октября Владимир Ильич и Надежда Константиновна вернулись на зиму в Краков. Год спустя, в 1914 году, Ленин с супругой опять поехали на лето в Поронин.

После многих лет, проведенных в Швейцарии, Италии и Франции, Бялы Дунаец и Поронин казались Ульяновым экзотикой. Гурали (горцы) были совсем не похожи на краковских поляков. Смуглолицые мужчины в черных шляпах с плоскими полями, белых рубахах и бежевых брюках и женщины в ярких платьях разговаривали с приезжими на редкость неприветливо. Жизнь здесь не менялась в течение столетий: местные жители строили деревянные дома из толстых бревен, держали коров и сеяли в долинах рожь. На протяжении многих миль не было ни одной фабрики, а изделия местных ремесленников шли в основном для собственного потребления. Через Поронин проходила железная дорога из Кракова в зимний курорт Закопане, куда съезжались тысячи отдыхающих и туберкулезных больных, обеспечивая работой местных жителей и скупая на сувениры кружева и деревянные резные изделия местной работы. Строительство железной дороги положило начало процессу вывода региона из изоляции, не завершенного полностью и по сей день, к концу двадцатого столетия. «Место здесь чудесное, — пишет Ленин сестре Марии. — Воздух превосходный, высота около 700 метров»[20].

А вот Надежде Поронин не очень понравился. Ей было противно торговаться с хозяйкой о цене на квартиру. Нанятая домработница оказалась бестолковой и туповатой. Да еще дожди, гораздо более частые, чем в Кракове. Врачи ошиблись: местный климат не пошел ей на пользу. Базедова болезнь прогрессировала и сильно сказывалась на сердце, а низкое атмосферное давление предгорной местности только ухудшало со-

стояние больной. После долгих уговоров Ленину удалось убедить жену в необходимости хирургической операции на щитовидной железе. В июне 1913 года Надежда Константиновна в сопровождении мужа отправилась в швейцарский Берн к профессору Теодору Кохеру.

Раньше Надежда не решалась оперироваться из-за очень высокого риска: каждый пятый пациент умирал под ножом хирурга. Профессору Кохеру удалось снизить уровень смертности пациентов до одного из двух сотен. Ведущий мировой специалист в области болезней щитовидной железы, лауреат Нобелевской премии 1909 года по медицине, шестидесятилетний профессор Кохер разработал новую методику, при которой у больных удалялся определенный участок железы. К 1913 году Кохер провел свыше пяти тысяч операций, и во многих случаях ему удавалось добиться полного или частичного излечения. В наши дни существуют эффективные лекарства для лечения базедовой болезни, но до первой мировой войны метод Кохера считался наилучшим. К сожалению, операция стоила очень дорого, и Ленин обратился в редакцию «Правды» с просьбой о материальной помощи. О том, получил ли он эту помощь, не сохранилось никаких сведений. Ленин повез бы жену к Кохеру в любом случае: Ульяновы жили скромно, но никогда не экономили на отдыхе, книгах и медицинском обслуживании. На внутрипартийных переговорах Ленин постоянно жаловался на бедность, но в случае необходимости деньги у него всегда находились.

От Кракова до Берна — семь сотен миль поездом на запад, через всю Австро-Венгрию. Прибыв в Берн, Ленин потребовал у профессора Кохера немедленно оперировать жену. Дискуссия с доктором ни к чему не привела, и Надежде пришлось ждать своей очереди. Она со страхом ждала болезненной операции, проводившейся без наркоза, к тому же профессор Кохер не был особо разговорчив с пациентами, но решение было принято, и оставалось лишь надеяться на лучшее. Ленин тоже боялся за успех операции, но не выдавал своего страха и подбадривал жену, убеждая ее, что Кохер, конечно, человек капризный, зато хирург замечательный. После операции у Надежды Константиновны резко поднялась температура, но вскоре все пришло в норму. Она быстро поправлялась, и доктор Кохер рассчитывал на значительное улучшение ее состояния. Ленин терпеливо навещал жену в больнице, но постепенно вынужденное бездействие стало ему надоедать. Доктор Кохер посоветовал Надежде Константиновне после выхода из больницы еще две недели провести на

курорте в соседних Альпах, но супруги отказались. Как только Надежда Константиновна достаточно окрепла, они уехали из Швейцарии.

По возвращении Надежды в Краков ее отношения с Инессой стали намного ближе, чем в Париже. Вместе с Владимиром Ильичом они часто ходили на прогулки. Товарищи-большевики называли их «партией прогулистов» и «партией антисинемистов» — в пику малоподвижным Каменеву и Зиновьеву, вместо прогулок предпочитавших просиживать в синематографе, как тогда называли кино. «Партию антисинемистов» Ленин в шутку переделал в «партию антисемитов» (Каменев и Зиновьев по происхождению были евреями), что лишний раз доказывает, как мало было ему дела до еврейских корней в собственной родословной. Инесса очень любила музыку и часто приглашала Ленина с Надеждой Константиновной послушать фортепианные концерты Бетховена. Ленин очень любил Бетховена, Надежда — в меньшей степени. Русская литература в местных книжных лавках была в дефиците, и Ленин жадно набрасывался на книги русских классиков, которые удавалось достать. Томик «Войны и мира» Толстого он зачитал буквально до дыр. Но в целом Ленин и его друзья были очень довольны культурной жизнью и отдыхом в Галиции.

К ноябрю Инесса уехала из Кракова. Из Парижа она пишет Ленину:

> «Расстались, расстались мы, дорогой, с тобой! И это так больно. Я знаю, я чувствую, никогда ты сюда не приедешь! Глядя на хорошо знакомые места, я ясно сознавала, как никогда раньше, какое большое место ты еще здесь, в Париже, занимал в моей жизни, что почти вся деятельность здесь, в Париже, была тысячью нитей связана с мыслью о тебе. Я тогда совсем не была влюблена в тебя, но и тогда я тебя очень любила. Я бы и сейчас обошлась без поцелуев, только бы видеть тебя, иногда говорить с тобой было бы радостью — и это никому не могло бы причинить боль. Зачем было меня этого лишать? Ты спрашиваешь, сержусь ли я за то, что ты „провел" расставание. Нет, я думаю, что ты это сделал не ради себя»[21].

Это письмо отвергнутой возлюбленной, по-прежнему верящей в то, что желанный мужчина любит ее больше, чем собственную жену. Наверняка Инесса думала, что Ленин пошел на разрыв с ней из-за уважения к чувствам Надежды.

В отчаянии Инесса пустила в игру свой последний козырь – дружеские отношения с Надеждой и заботу о ней. Неужели все трое не могут жить, не испытывая чувства неудобства и вины друг перед другом? Попытка оказалась безуспешной. В последующих письмах Инесса становится настойчивее, но Ленин неумолим. В одном из писем Инессе он признался, что может назвать близкими, по-настоящему уважаемыми друзьями лишь нескольких женщин, но Инесса поняла слова Ленина неправильно и решила, что лишь две-три женщины оказались достойны его уважения, о чем и сообщила в ответном письме. На обвинения в высокомерии Ленин ответил довольно резким письмом, датированным июлем 1914 года:

«Никогда, никогда я не писал, что я ценю только трех женщин. Никогда!!! Я писал, что самая моя безграничная дружба, абсолютное уважение и доверие посвящены только 2–3 женщинам. Это совсем другая, совсем-совсем другая вещь.

Надеюсь, мы увидимся здесь после съезда и поговорим об этом».

В отношениях с Инессой Ленин балансировал над пропастью. Он хотел убедить ее в своем благопристойном поведении и сохранить с ней дружеские отношения, но и это еще не все: Инесса была необходима Ленину для выполнения важнейших партийных поручений. Поэтому он хотел провести черту между чувствами и политикой. Пусть его роман с Инессой окончен (и он недвусмысленно подчеркивал это в своих письмах), но она по-прежнему остается его подчиненной в партийных делах. Заручившись ее согласием представлять фракцию большевиков на брюссельской встрече российских марксистских фракций для «взаимного обмена мнениями», Ленин буквально засыпал Инессу советами, как держаться и что говорить.

Тем временем в политической жизни появились новые проблемы. В думской фракции большевиков разразился кризис, причиной которого стал Роман Малиновский. Летом 1914 года Малиновский, не выдержав двойной игры, отказался от депутатского кресла и тайно покинул Петербург. Через несколько дней он объявился в Галиции. К тому времени в России уже ходили слухи, что Малиновский — полицейский агент. В то время Ленин был всецело поглощен финансовыми и политическими переменами в Международном социалистическом бюро, к тому же его личная жизнь только начинала приходить в норму.

К предупреждениям он не прислушался и от конфликта с Малиновским уклонился.

С Малиновским, думским депутатом и членом большевистского Центрального Комитета, самым известным большевистским активистом в России, Ленин был в достаточно близких отношениях. Недруги Ленина всегда говорили, что тот чересчур снисходителен к своему ближайшему окружению, в котором могли находиться весьма сомнительные личности. Таратута и Андриканис обманным путем женились на богатых наследницах, а Камо* грабил банки, чтобы пополнить казну большевистской фракции. Ленин, будучи организатором теневой деятельности своих товарищей, защищал их от критики, как только мог. Главное, чтобы человек следовал политической линии большевистской фракции, а все остальное было для Ленина не столь важным.

Противники большевиков были в ужасе от такой моральной неразборчивости; Ленин поднимал их на смех. Его неоднократно предупреждали о возможном предательстве Малиновского. Безрезультатно: для Ленина Малиновский был идеалом большевика-ленинца, к тому же он был лучшим оратором и организатором, чем все остальные депутаты-большевики, вместе взятые. Малиновский умел говорить языком, понятным простым рабочим. Почему же, скажите на милость, Ленин должен не доверять такому человеку? Не кроются ли здесь происки врагов большевистской фракции?

Тем не менее, Центральный Комитет организовал комиссию для проверки слухов о Малиновском. Центральную роль в ней играли Ленин и Зиновьев, но и сами они были объектами наблюдения. Осуждая Малиновского, они фактически осуждали бы самих себя и свою деятельность. В такой ситуации любое доказательство было бы сомнительным, к тому же Малиновский умел мастерски путать улики. Депутаты думской большевистской фракции сочли, что Ленин, испытывая к Малиновскому чувство симпатии, чересчур с ним церемонится. В похожей ситуации в 1906 году на неофициальном суде партия эсеров обвинила священника Георгия Гапона в сотрудничестве с полицией, приговорила его к смерти и привела приговор в исполнение — Гапона повесили. Малиновскому, однако, повезло. Благодаря Лени-

* *Камо* (Симон Тер-Петросян) (1882–1922), деятель российского революционного движения. Один из организаторов подпольных типографий, транспорта оружия и литературы, денежных «экспроприаций». В 1918–1920 годах организатор партийного подполья на Кавказе и юге России.

ну и Зиновьеву комиссия ЦК пришла к выводу, что обвинения против него не доказаны и его следует признать невиновным.

Заседания тайной комиссии проходили в июне. К этому времени Ленин окончательно потерял чувство реальности в восприятии ситуации в России. Его политическая интуиция, острая как бритва в 1917 году, в середине 1914 года абсолютно не действовала — и это при том, что в габсбургскую Польшу ежедневно поступали новости из России. В июне–июле петербургские рабочие бастовали против правительства и владельцев фабрик. На улицах заводских районов росли баррикады. Впервые после 1905–1906 годов царская власть стояла перед лицом серьезных испытаний, но из Галиции от Ленина не поступало никаких указаний. Он не придавал особого значения и нараставшему в Европе дипломатическому кризису, готовившемуся бросить континент в пламя страшной войны. Совсем другие проблемы беспокоили Ленина — Брюссель, Каутский, деньги семейства Шмит, Инесса и Малиновский. В те дни он думал лишь о том, как бы набрать очки в дискуссиях с лидерами социалистических партий России и остальной Европы. Он не сталкивался напрямую с реальной российской жизнью — войной, голодом, обнищанием народа. Только в 1917 году, бросившись в водоворот российской политической жизни по возвращении из эмиграции, Ленин смог стать политиком высочайшего уровня.

13

Борьба за поражение

1914–1915

Гроза разразилась в августе 1914 года*. Германия объявила войну России. Так завершился дипломатический кризис, сотрясавший Европу на протяжении нескольких недель. Все началось с выстрела сербского националиста, оборвавшего жизнь эрцгерцога Франца Фердинанда, наследника австрийского престола. Покушение произошло в столице Боснии Сараево. 23 июля Вена направила Сербии ультиматум оскорбительного содержания. Россия объявила о поддержке Сербии. Германия потребовала от России отвода войск, угрожая в противном случае начать войну против России на стороне Австрии. Требования германской стороны Россия пропустила мимо ушей. На протяжении пяти последних лет отношения России с Германией и Австро-Венгрией становились все более напряженными, и Николай II решил, что пришло время положить конец оскорблениям его династической и императорской гордости. Великобритания и Франция (блок Антанта) объявили о вступлении в войну на стороне России против Германии, Австро-Венгрии и Оттоманской империи (коалиции Центральных держав). Началась первая мировая война. Ситуация вышла из-под контроля с такой молниеносной быстротой, что даже опытные дипломаты не смогли повлиять на ход событий.

Война назревала давно. В любой стране, в том числе России, политические партии и газеты были готовы с проклятиями обрушиться на правительство за малейшее проявление слабости по

* 1 августа (19 июля по старому стилю).

отношению к врагам нации. Вопреки нараставшей напряженности, на ранних стадиях дипломатического кризиса правительства продолжали надеяться, что вооруженного конфликта удастся избежать. В августе все надежды рухнули, две коалиции великих держав вступили в борьбу. Германии и Австро-Венгрии приходилось вести войну на два фронта: на западе — против объединенных сил Франции и Великобритании, на востоке — против России.

Несложно понять, почему Ленин с такой легкомысленностью отнесся к нараставшему кризису. За пределами своей партии он имел лишь самые общие представления о политике. К необходимости внимательно присмотреться к поворотам в политике российского правительства относился с пренебрежением. Столь же мало интересовало его развитие дипломатического кризиса летом 1914 года. Он привык смотреть на мир с марксистской точки зрения, сосредоточившись на экономических и политических основах правящих режимов. В утешение Ленину можно было бы сказать, что он оказался не единственным человеком в Европе, которого война застигла врасплох, но от этого ему вряд ли стало бы легче. Не нужно обладать особой проницательностью, чтобы понять, как опасна была для него любая война между Россией и Австрией. В Галиции его в самом начале войны могли арестовать как российского шпиона, а если бы регион оккупировали российские войска, Ленина наверняка арестовали бы как предателя интересов России.

Ленин заметил ошибку слишком поздно. Когда Россия объявила о мобилизации, полиция Австро-Венгрии начала наводить справки о проживавших в стране иностранцах. Для местных властей Ленин был весьма подозрительной фигурой. Он проживал в нескольких милях от российской границы, регулярно посещал пограничные почтовые отделения, вел активную переписку с Петербургом, принимал в своем доме российских политических деятелей, бродил по горам в окрестностях Закопане и расспрашивал местных жителей о ценах на жилье, климате, этническом составе населения и маршрутах кратчайшего проезда от одной деревни до другой. Да еще у него был пистолет «браунинг». До карикатурного образа российского шпиона не хватало разве что непроницаемого выражения лица и черного плаща.

Военная истерия захватила польские города и местечки. Местные священники говорили, что российские эмигранты отравляют колодцы. Домработница Ульяновых, захваченная общей паникой, рассказывала соседкам-крестьянкам в Бялом Дунайце всякие небылицы о своих хозяевах. Дело вполне могло кон-

читься самосудом, несмотря на то что до тех пор Ленин считался почетным эмигрантом, врагом царского режима. Надежда Константиновна сочла благоразумным избавиться от прислуги, заплатив ей жалование вперед и купив билет до Кракова[1]. Но это не помогло избавиться от всеобщей подозрительности местных жителей по отношению к эмигрантам из России. Если бы Ленин в эти дни находился в Кракове, где профессиональный уровень полицейских был повыше, ему удалось бы отделаться меньшим. 7 августа (дата не уточнена) в дом, где жил Ленин с семьей, из расположенного неподалеку местечка Новы Тарг пришел служащий полиции. Он был настроен решительно: каждого полицейского, если он не арестовывал человека, признанного впоследствии шпионом, ждало наказание.

Короткий обыск подтверждал худшие подозрения полицейского. Среди вещей Ленина обнаружились подробные записи о состоянии сельского хозяйства, в том числе статистические данные. Полицейский решил, что это зашифрованные разведданные, предназначенные для передачи в Петербург. В пользу шпионской версии говорил и найденный при обыске пистолет «браунинг». Даже банка с клеем показалась полицейскому подозрительной — а не бомба ли это? Позже Ленин и Надежда Константиновна смогли рассмотреть во всей этой истории комический аспект, а тогда им было не до смеха.

Наконец полицейский решил, что к дальнейшему расследованию будут привлекать только Ленина. Галантность польской полиции по отношению к дамам спасла Надежду Константиновну (хотя она, сторонница эмансипации женщин, не просила о снисхождении). Вначале полицейский собирался сразу же увезти Ленина в местечко Новы Тарг. Ленин поклялся, что не собирается бежать, и ему было позволено самостоятельно приехать поездом в Новы Тарг на следующий день. Как только полицейский ушел, Ленин поспешил в Поронин к Сергею Баготскому и Якубу Ганецкому. Те срочно дали телеграммы знакомым политикам-марксистам по всей Австро-Венгрии, чтобы собрать как можно больше доказательств того, что Ленин — не шпион[2]. Тем временем Ленин направил телеграмму начальнику краковской полиции, прося подтвердить свой статус политэмигранта (что тот и сделал). Отправив телеграммы, Ленин вернулся в Бялы Дунаец. К счастью, в этот день в деревню приехал большевик В. А. Тихомирнов, и Ленин предложил ему поселиться в своем доме. В присутствии мужчины Надежда Константиновна и ее мать могли чувствовать себя спокойнее[3].

На следующий день, 8 августа, Ленин поехал в Новы Тарг и попал в тюрьму. Пока он сидел в камере номер 5, друзья хлопотали о его освобождении. К Баготскому и Ганецкому присоединился Зиновьев, которого по какому-то недосмотру полиция оставила на свободе. Зиновьев сел на велосипед и поехал по знакомым — агитировать их заступиться за Ленина. Польский марксист Зигмунд Марек обратился с письмом к властям. На просьбу о помощи быстро откликнулись Виктор Адлер в Вене и Герман Диаманд во Львове[4]*. «Уверены ли вы,—спросил Адлера австрийский министр, — что Ульянов враг царского правительства?» «О, да! — ответил Адлер. — Более заклятый враг, чем Ваше превосходительство!»[5]. Надежда Константиновна и Ганецкий регулярно навещали Ленина в тюрьме и старались подбодрить его, хотя тот в тюрьме не скучал, проводя время в разговорах с сокамерниками, большинство из которых сидело за мелкие правонарушения. У Ленина появилась возможность вспомнить свою профессию юриста, устроив в камере юридическую консультацию для готовившихся к суду товарищей по несчастью. Несмотря на слабое знание польского, Ленин пользовался уважением сокамерников. «Бычий хлоп!» (крепкий мужик) — говорили они.

19 августа Ленина освободили. Ему позволили вернуться в Бялы Дунаец, но было ясно, что большевикам придется уезжать из Галиции. Российская армия быстро продвигалась вперед и в любой момент могла оккупировать Галицию. В этом случае рассчитывать на милость новых властей не приходилось. Ленин решил переехать в нейтральную Швейцарию и обратился за поручительством к швейцарскому марксисту Герману Грейлиху. 26 августа семьи Ленина и Зиновьева выехали в Краков. Эмигранты получили разрешение на поездку в Вену, где Виктор Адлер помог им оформить необходимые документы для переезда в Швейцарию, состоявшегося (по непроверенным данным) 3 сентября.

Со всех концов воюющей Европы стекались в мирную Швейцарию российские революционеры. В сентябре Ленин пишет Владимиру Карпинскому:

«Говорят, в Женеву устремилась теперь новая французская эмиграция из Парижа, Брюсселя и т. п. Нет ли чрезвычайного вздорожания цен, особенно на квартиры? Затем, нам придется устра-

* *Виктор Адлер* — лидер австрийских социал-демократов, депутат парламента Австро-Венгрии. *Герман Диаманд* — львовский депутат парламента.

иваться временно: можно ли найти помесячно меблированные комнаты (две маленькие) с пользованием кухней?»*

С помощью товарищей Ленин нашел квартиру в доме 11а по улице Доннербюльвег в Берне. События политической жизни не радовали. Еще до отъезда из Галиции Ленин узнал, что социал-демократические депутаты немецкого рейхстага проголосовали за выдачу немецкому правительству военных кредитов. Ленин был изумлен и испуган. «Это конец Второго Интернационала!» — воскликнул он в разговоре с Баготским. Речь шла о неспособности немецких социал-демократов следовать принятой на Штуттгартском конгрессе Второго Интернационала резолюции о том, что социалистические партии должны делать все возможное для предотвращения любых действий правительств, ведущих к началу войны в Европе либо любой другой части света. На том конгрессе Ленину пришлось оказать давление на немецких марксистов, чтобы они приняли резолюцию, но он не мог даже представить себе, что партия немецких социал-демократов, самая авторитетная в составе Второго Интернационала, не сдержит своего слова.

Немецкие социал-демократы пользовались непререкаемым авторитетом у марксистов всей Европы. Не был исключением и Ленин. Как ни гордился он своей страной и российским большевизмом, все же социалистическую революцию в Европе, по его мнению, должны были возглавить не россияне, а немцы. Несмотря на финансовые пререкания с Карлом Каутским, Ленин по-прежнему высоко ценил его, считая идеалом марксиста и главным защитником «ортодоксального» марксизма. И вот теперь этот человек отказывается выступить против своей партии и высказаться против войны! Для Ленина поступок Каутского был равносилен поддержке милитаризма и империализма и достоин всяческого осуждения.

Немецкие социалисты были не одиноки. В военное время социалистические партии, как правило, поддерживали свои правительства. Большинство социалистов Германии, Австрии, Франции и Великобритании осознавало, что национальная независимость их государств находится под угрозой. Лишь немногие социалистические партии, в первую очередь российские, остались верны политике Второго Интернационала и активно выступали против войны, но и в их рядах не было единства. Некоторые из большевиков, меньшевиков и эсеров тоже были твердо убежде-

* ПСС, т. 49, с.3.

ны, что они, вопреки ненависти к монархии, должны поддерживать вооруженные силы своей страны в борьбе против империалистской агрессии Германии. Даже Георгий Плеханов прекратил выступать против правительства и призвал всех российских социалистов, кому не чуждо чувство патриотизма, последовать его примеру. Сотни российских политэмигрантов в Париже записывались добровольцами в союзнические армии, многие специально приезжали для этого во Францию.

Тем не менее, основная масса большевиков, меньшевиков и эсеров оставалась на антивоенных позициях. Одни были убежденными пацифистами, другие, хотя и не отрицали возможность войны как таковой, считали необходимым для социалистов всех воюющих стран оказывать давление на правительства с целью положить конец военному конфликту. Многие, в том числе меньшевик Юлий Мартов, считали необходимой частью плана прекращения войны свержение царской династии.

Среди российских марксистов позиция Ленина, изложенная еще до переезда в Швейцарию в виде тезисов в статье «Задачи революционной социал-демократии в европейской войне», отличалась крайним экстремизмом. Соглашаясь с Мартовым как в том, что военный конфликт в Европе носит «буржуазный, империалистический, династический» характер, так и в признании поступка немецких социал-демократов недостойным, Ленин приходит к радикальным выводам: «С точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России, наименьшим злом было бы поражение царской монархии и ее войск»[6]. Мало, считал Ленин, осудить все без разбора «империалистические» правительства; марксисты должны приветствовать победу Германии в войне с Россией. Такая точка зрения тем более удивительна, что у Ленина не было никакого повода предпочитать одних «империалистов» другим.

Его язык становится все более нетерпимым. Российские войска он именует «бандой черносотенцев», бездумно сравнивая призванных на войну рабочих и крестьян с головорезами-антисемитами из реакционной «Черной сотни», которые до войны устраивали в России еврейские погромы. Сформулированная Лениным до 1905 года большевистская стратегия революции призывала к «классовому союзу» рабочего класса и крестьянства. Теперь, сидя в нейтральной Швейцарии посреди воюющей Европы, он отзывается о тех и других в оскорбительных терминах.

На встречах с эмигрантами-большевиками Ленину пришлось отвечать за свои слова. Первая из этих встреч прошла за горо-

ном, в лесу под Берном, чтобы не раздражать швейцарские власти, стремившиеся удерживать страну как можно дальше от военной политики. На ней присутствовал Ф. Н. Самойлов, депутат Думы от фракции большевиков. (Вернувшись в Россию, Самойлов привез вести о дискуссиях в среде эмигрантов.) После Берна Ленин выступал перед группами большевиков в Женеве и Цюрихе. Он встретился с Карпинским, после чего вокруг экстремистского содержания и языка ленинских «Задач...» поднялся шум.

Ленину пришлось отступить — во всяком случае, на несколько шагов. Он по-прежнему настаивал на желательности поражения России, но теперь начал утверждать, что кампанию за поражение своих правительств должны начать социалисты всех воюющих стран. Он так плохо разбирался в политике ведения войны, что, не утруждая себя доказательствами (хотя и называл себя приверженцем «научной», «практической» политики), заявлял о возможности поражения для всех воюющих сторон одновременно. Не желая того сознательно, он не исключил из своих рекомендаций национальный фактор. Ленин утверждал, что его идеи имеют общеевропейское происхождение и значимость, но он всегда был очень русским европейцем. Что бы там ни происходило в Европе, думал он, режим Николая II следует искоренить.

Новая идея овладела Лениным: он пришел к выводу, что война в Европе приблизила начало европейской социалистической революции (Ленин всегда планировал революционную стратегию в европейском масштабе). Несмотря на горькое разочарование в немецкой социал-демократии, постигшее его в августе 1914 года, он не терял веры в неизбежность крушения капитализма. Социалистические партии обязаны сплотить рабочих, поднять их на революционную политическую борьбу. Отказ подавляющего большинства социалистических лидеров дать отпор «шовинизму» не смущал Ленина: в назревшей ситуации, по его убеждению, даже совсем маленькие группы убежденных, опытных революционеров (например, большевики) могут привлечь рабочих на свою сторону, и, следовательно, революцию можно осуществить и в военное время.

Ленин придумал новый лозунг: европейская гражданская война! «Империалистическую» войну, по его мнению, следует превратить в войну «гражданскую». Как обычно, Ленин не разрабатывает новую идею детально, ограничиваясь общими положениями. Рабочие всех европейских стран должны объединиться в борьбе против объединенной европейской буржуазии (средних

классов). Не классовый мир, а классовая борьба — вот что необходимо в дни войны.

Еще в 1913 году в письме к Горькому Ленин заявлял: «Война Австрии с Россией была бы очень полезной для революции (во всей Восточной Европе) штукой, но маловероятно, чтобы Франц Иосиф и Николаша [императоры Австро-Венгрии и России. — Р. С.] доставили нам сие удовольствие»[7]. К вящей радости Ленина, стараниями правительств великих европейских держав невероятное совершилось.

Удивительно абсолютное равнодушие Ленина к масштабам человеческих страданий. Но, надо сказать, в равнодушии он был не вполне одинок. Одной из причин, почему кровавая война так долго не вызывала народного негодования в воевавших странах, был недостаток информации с Восточного и Западного фронтов. И генералы Центральных держав и Антанты, и простые граждане воюющих стран не представляли в полной мере, какая чудовищная резня происходит в Европе под предлогом защиты национальных интересов. Но все же, живя в нейтральной Швейцарии, где пресса пользовалась невиданной для остальной Европы свободой, Ленин не мог не понимать, что эта война — самая разрушительная за всю недавнюю историю Европы. По дороге в Швейцарию он видел множество раненых, переполнявших краковские госпитали, но, обходясь без ненужных сентиментальностей, не упоминал о них в своих работах. Говоря «война», «борьба» и «конфликт», как это ни поразительно, Ленин гораздо чаще имеет в виду межфракционные внутрипартийные стычки, чем трагедию мирового масштаба. Даже в такой ситуации он остается одержимым внутрипартийной борьбой.

Нельзя сказать, что Ленин не был знаком с трудами товарищей-марксистов, писавших о чудовищных условиях на обоих фронтах. И Мартов, и Аксельрод не сомневались, что нравственная и политическая обязанность социалистов — немедленно прекратить массовую резню, поставленную на поток. Однако не следует забывать, что в свое время Ленина не тронул голод в Поволжье, разразившийся в 1891–1892 годах; мало взволновало его и количество убитых и раненых в русско-японской войне 1904–1905 годов. Более того: в Швейцарии он встречался с российскими солдатами, слушал их рассказы о пережитом, а также возобновил переписку с Романом Малиновским, который был призван на войну и попал в немецкий плен. Ленин располагал информацией, но игнорировал ее, оставаясь непроницаемым для потока сообщений о гибели людей на фронте и в тылу.

За годы войны Ленин стал еще бесчувственнее, чем был раньше. Никаких «сентиментальностей» в политических суждениях! — таков был его девиз. Но счастливым человеком его никак нельзя было назвать. Он был возбужден, как никогда раньше, а ведь он от природы не отличался спокойствием. В его суждениях все меньше логики и рассудительности, ему все труднее сдерживать себя. В дурном настроении он готовился к выступлению перед публикой, в составе которой не было большевиков — да и с большевиками Ленин чувствовал себя ненамного комфортнее. Даже сестру Анну раздражали его агрессивные и жестокие слова: «Вы меня терроризируете: я боюсь всякого неосторожного выражения»[8]*. Возглавлявший Русское бюро ЦК Александр Шляпников сказал членам фракции, что в отношении к товарищам-большевикам Ленин перешел всякие границы[9]. Анна Ульянова согласилась со Шляпниковым и еще больше рассердила брата, безапелляционно заявившего в ответ, что Анна никогда не разбиралась в политике[10]. Анна, обычно боготворившая брата, высказала вполне разумное предположение, что тот не в состоянии держать себя в руках. Ленин, не ожидавший отпора, даже слегка растерялся.

В марте 1915 года, в Берне, скончалась мать Надежды Константиновны. Годы бесконечных переездов из города в город вслед за дочерью и зятем не прошли бесследно для ее ухудшавшегося с каждым годом здоровья. Незадолго до смерти она унаследовала от сестры крупную сумму денег и стала, по словам дочери, «капиталисткой»[11]. Елизавета Васильевна всегда говорила зятю правду в глаза, но, несмотря ни на что, они неплохо ладили друг с другом. Надежда Константиновна была убита горем.

Смерть члена семьи стала потрясением, но бесконечная борьба против европейских марксистских лидеров изматывала Ленина еще сильнее[12]:

> **«Вот она, судьба моя. Одна боевая кампания за другой — против политических глупостей, пошлостей, оппортунизма и т. д. Это с 1893 года. И ненависть пошляков из-за этого. Ну, а я все же не променял бы сей судьбы на „мир" с пошляками».**

Не правда ли, разоблачающий комментарий? (Важно отметить, что Ленин написал эти слова в личном письме к Инессе, перед которой он обычно всегда пытался себя оправдывать). Железный Ленин оказался способным пожалеть себя. Но не бу-

---

* Из соображений конспирации Анна обращается к брату от чужого имени, на «Вы».

дем закрывать глаза на то, что даже в необычном для Ленина выражении жалости к себе он считает себя вправе бороться со своими глупыми, пошлыми, оппортунистическими (эти определения он дает без тени сомнения) оппонентами. С фотографий военных лет на нас смотрит человек с изможденным лицом и необычно расплывшейся фигурой, выглядящий старше своих лет — это следы постоянного стресса. В довоенное время Ленин был неутомимым борцом, но теперь силы его на исходе.

Ленина спасла убежденность в собственной непогрешимости. Когда он размышлял над политическими идеями своих противников, исчезала даже самая сильная депрессия, и он снова становился самим собой, уверенным и воинственным. Ленин никогда не подвергал сомнению свои убеждения: он уже выработал линию революционной политики в военное время, эта линия является единственно верной, и всем дискуссиям на эту тему пора положить конец. Если же российские и европейские марксисты откажутся последовать за ним — что ж, значит, они заблуждаются.

Вся жизнь Ленина проходила в политике, за ее пределами он был близок лишь с немногими людьми. Таким человеком была его мать. В последние годы ее здоровье стало сдавать. Письма Ленина к матери полны нежных, заботливых слов. Не испытывая симпатии к его занятиям политикой, мать неизменно поддерживала сына. Ленин, его брат и сестры оставались для нее просто детьми. Мария Александровна верила, что ее дети не могут сбиться с пути. Она становилась на их сторону, если у них возникали проблемы с властями, старалась по возможности быть рядом с ними в ссылке. Она поехала бы и за Лениным, но он, боясь потерять личную свободу, не позволил этого. Он отклонил ее предложение сопровождать его в сибирскую ссылку в 1897 году, на следующий год не пригласил на свадьбу; о том, чтобы мать последовала за ним в эмиграцию, вообще не могло быть и речи. Мать встречалась с сыном в 1903 году на отдыхе в Бретани, а в 1910 году она приезжала к нему в Стокгольм. Увидев сына после долгой разлуки, она не закричала от радости, как сестра Мария. Проявления материнской любви были традиционно сдержанными — она подарила сыну плед и уговаривала его лучше питаться, он казался ей слишком худым[13].

В июле 1916 года в возрасте восьмидесяти одного года Мария Александровна скончалась. Она наверняка была одной из тех самых «двух-трех» близких Ленину женщин, упомянутых в письме к Инессе Арманд в июле 1914 года. Все Ульяновы неохотно про-

являли свои чувства, когда речь шла о личных делах; не сохранилось никаких сведений, что Ленин, услышав о смерти матери, которая была его опорой в течение долгих лет, повел себя иначе. Он не мог даже приехать на похороны. Не он, а Марк Елизаров и друг семьи Владимир Бонч-Бруевич сопровождали гроб с телом Марии Александровны на лютеранское Волково кладбище в Петербурге.

Все эти годы Ленин не теряет связи с Инессой, ведет с ней переписку. Инесса помогала Ленину при переезде из Галиции. Когда началась война, она переехала из Парижа в Швейцарию и поселилась в горной деревне Лез Авантс, недалеко от Монтре. Вскоре по настоянию Ленина она переехала в Берн. Как и в Галиции, «партия прогулистов», состоявшая из Инессы, Надежды и Ленина, уходила в совместные походы на природу. На привалах, как вспоминает Надежда, каждый уходил в любимое занятие — Ленин работал над текстами предстоявших выступлений, Надежда изучала итальянский язык, Инесса трудилась над взятым из дому шитьем или читала труды по феминизму (ее очень волновала проблема эмансипации женщин)[14].

В январе 1915 года, находясь в горном поселке, Инесса послала Ленину составленный ею план будущей брошюры по женскому вопросу. Реакцию Ленина вызвал лишь один из пунктов этого плана, а именно требование «свободы любви» для женщин. Это требование, заявил Ленин, «не пролетарское, а буржуазное». Ленин призывает Инессу обратить внимание на «*объективную логику* классовых отношений в делах любви» и завершает письмо на своем невозможном английском: «Friendly shake hands!» (дружески жму руку)[15].

Замечание Ленина вызвало резкий «обмен любезностями». Инесса почувствовала, что в критических словах Ленина кроется неприемлемое отношение к идее дать женщинам «карт-бланш» на внебрачную связь когда угодно и с кем угодно. В ответ Инесса уверяет, что ничего подобного ей не приходило в голову, а Ленин отождествляет «свободу любви» и «свободу адюльтера». Ленин резко возражает: «Выходит, что *я* „отождествляю", а Вы *меня* разносить и разбирать собрались?»[16]. В первом письме о проекте брошюры Ленин допустил бестактность, и вот теперь Инесса берет реванш. Без сомнения, в ней еще живо желание отомстить за разрыв отношений в середине 1912 года.

Письмо Инессы задело Ленина за живое. «Даже мимолетная страсть, — писала Инесса, — ...поэтичнее и чище, чем ...поцелуи без любви» супругов. Ленин едко отвечает:

«Поцелуи без любви у пошлых супругов *грязны*. Согласен. Им надо противопоставить... что? Казалось бы: поцелуи *с любовью*? А вы противопоставляете мимолетную (почему мимолетную?) „страсть" (почему не любовь?) — выходит по логике, будто поцелуи без любви (мимолетные) противопоставляются поцелуям без любви (супружеским)... Странно»[17].

Это и было бы странным — если бы Инесса действительно писала о «свободе любви» в узком, ограниченном Лениным в рамках данной дискуссии смысле. Ленин защищал себя — не только свою систему социальных принципов, но и свою верность супруге, ясно давая понять, что в его собственном браке нет ничего «пошлого»*. В семейной жизни Ульяновых бывали трудные периоды, но, несмотря ни на что, Ленин и Надежда Константиновна всегда много значили друг для друга. Протестуя против случайных связей, Ленин бросал камешек и в свой огород. Известно, что в прошлом Инесса не отказывала себе во внебрачных партнерах, тогда как Ленин, наоборот, всегда говорил о необходимости прочных взаимных обязательств.

Ленин справился со своими чувствами к Инессе. Теперь он мог давать ей намного больше чисто практических советов и рекомендаций, чем раньше. Обращение «ты» исчезает из его писем к ней, уступая место официальному «Вы». Ленин просит Инессу переселиться ближе к остальным членам фракции, а не жить, как отшельница. Он заботится о ней почти по-отечески. Но какие из этого можно сделать выводы? Инесса по-прежнему влюблена в Ленина, но о его ответных чувствах мы можем только догадываться. Наверное, в его душе остался какой-то отголосок прежнего чувства. Иначе трудно понять, для чего он с такой болезненной страстью оправдывается перед ней, уверяя ее в правдивости и благородстве своих убеждений. Однако следует помнить, что Ленин хотел не только сохранить дружбу с Инессой, но и удержать ее в большевистской фракции. В годы войны он с головой ушел в политику. Ленин мечтательно пишет Инессе о том, как когда-то был «влюблен» в Карла Маркса. Не пытался ли он таким образом ослабить ее эмоциональную привязанность к себе?

Заявив о желательности военного поражения России и необходимости «европейской гражданской войны», Ленин поте-

* В его единственной внебрачной связи — тоже, как следует из продолжения цитаты: «...не лучше ли противопоставить мещански-интеллигентски-крестьянский брак без любви — пролетарскому гражданскому браку с любовью, (с добавлением, *если уж непременно хотите*, что и мимолетная связь-страсть может быть грязная, может быть и чистая)».

ра многих сторонников. На его стороне оставалась лишь Надежда Константиновна, да еще немногие большевики, в том числе Зиновьев. Большинство эмигрантов уже не доверяло ленинским словам. К тому же его публичные выступления в городах Швейцарии часто сопровождались скандалами. Во время выступления Плеханова в Лозанне в октябре 1914 года Ленин демонстративно отвернулся. Когда Плеханов завершил выступление, Ленин яростно набросился на него, называя шовинистом, навсегда отделившим себя от марксизма[18]. Многие из последователей Ленина были слишком обязаны ему, чтобы полностью порвать с ним, но настоящих друзей ему явно не хватало.

К досаде Ленина, его влияние в России также было незначительным. Живя в Галиции, он вел активную переписку с Россией, принимал приезжавших оттуда товарищей, участвовал в регулярных заседаниях партийных органов. В Берне все это стало невозможным. Восточный фронт надвое разрезал континент с севера на юг, письмо в Швейцарию шло несколько недель. Контакты швейцарской эмиграции с Россией были незначительны и велись через Германию и страны Скандинавии. И в таких условиях Ленину приходилось убеждать большевиков, что они и дальше могут работать на благо революции.

Состояние большевизма в самой России нельзя было назвать процветающим. В годы войны большевики проявили себя как заклятые враги не только царской династии, но и государства в целом. Полиция устроила настоящую облаву на большевиков, беспощадную и эффективную. В первую очередь перед судом предстали думские депутаты от большевистской фракции и их консультанты, среди которых был и Лев Каменев. (Каменев отрекся от ленинской политики «пораженчества», что привело Ленина в ярость.) Затем последовали аресты членов большевистских комитетов и групп как в столице (к этому времени Санкт-Петербург был переименован в Петроград, так как историческое название города звучало слишком по-немецки), так и в губерниях. Выход всех большевистских легальных изданий был полностью запрещен. Другие легальные издания отказывались печатать статьи авторов-большевиков, если в них находили хотя бы намек на критику правительства и государства. В конце 1915 года в крупных промышленных городах вспыхнули забастовки, быстро подавленные полицией. При этом очередная группа большевистских активистов попала в тюрьму, а затем была выслана в Сибирь. В сентябре 1915 года возобновило работу Русское бюро ЦК. Возглавил его Александр Шляпников, а членами стали Г. И. Осипов,

Е. А. Дунаев и Анна Ульянова. Никто из них не имел предыдущего опыта руководства фракцией.

В крушении большевистской фракции на территории России лишь один аспект мог иметь положительное значение для Ленина и Зиновьева: теперь они могли беспрепятственно распространять свои идеи среди российских товарищей. Они возродили «Социал-демократ», центральный печатный орган эмигрантов-большевиков, и публиковали в нем свои статьи, ни с кем не советуясь. Курьеры доставляли газету на территорию Российской империи. Кроме газеты, совместно с группой молодых русских авторов во главе с Николаем Бухариным и Георгием Пятаковым в швейцарском местечке Божи-сюр-Кларан в окрестностях Монтре был основан марксистский теоретический журнал.

Но эти успехи были слишком незначительны на фоне дальнейших неудач. Мало того, что письма из России в Швейцарию добирались неделями. За все годы эмиграции, начиная с 1900 года, у Ленина никогда не было так мало адресатов в России. В таком списке Надежды Константиновны оставалось всего двадцать шесть человек, проживавших не в эмиграции, а в России, и к концу 1916 года шестнадцать из них уже были выведены из игры. Агенты «охранки» резко сократили размер и без того небольшой фракции. Из десяти адресатов, поддерживавших связь с Лениным в течение войны, все, кроме троих, находились в Петрограде, Москве или сибирской ссылке[19]. «Нам нужны прямые связи с другими городами», — с отчаянием писала Надежда Константиновна[20]. Это был голос вопиющего в пустыне. Так или иначе, практически вся корреспонденция, прежде чем попасть к адресатам, проходила через руки Шляпникова и Анны Ульяновой. Чтобы привезти в Россию написанное Лениным, Шляпникову приходилось ездить в Осло к Александре Коллонтай. С таким хрупким партийным аппаратом нечего было и пытаться совершить революцию в России.

14

Ожидание

1915–1916

В январе 1917 года, выступая в цюрихском Фолькскхаус (Народном доме) перед молодыми швейцарскими социалистами, Ленин произнес самую пессимистичную из своих речей:

> «Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции. Но я могу, думается мне, высказать с большой уверенностью надежду, что молодежь, которая работает так прекрасно в социалистическом движении Швейцарии и всего мира, что она будет иметь счастье не только бороться, но и победить в грядущей пролетарской революции»[1].

Начиная с девяностых годов девятнадцатого столетия, Ленин говорил о неизбежности социалистической революции в Европе. И вот теперь он заявляет, что может и не дожить до нее.

До начала войны не проблема европейской социалистической революции, а внутрипартийная политика фракций приводила Ленина в дурное настроение. В письме Инессе Арманд он признается:

> «Ох, эти делишки, подобия дел, суррогаты дел, помеха делу, как я ненавижу суетню, хлопотню, делишки и как я с ними неразрывно и навсегда связан! Это еще один признак того, что я обленился, устал и в дурном расположении духа. Вообще я люблю свою профессию, а теперь я часто ее ненавижу»*.

---

* ПСС, т.48, с. 285. Два последних предложения Ленин написал по-английски.

Критика со стороны немарксистов не волновала Ленина, но дискуссии вокруг фракции большевиков, разгоревшиеся в годы войны, подействовали на него угнетающе. Он стал настолько раздражительным, что даже потерял обычную уверенность в себе. В самом начале 1917 года, после новогодних праздников, в письме к товарищу он признался: «Ехать в Женеву я бы *не* хотел: (1) нездоров; нервы не годятся. Рефератов я *боюсь*; (2) 22 января у меня здесь занято, и я должен готовиться к *немецкому* докладу. Поэтому не обещаю приехать»[2].

В это время Ленину пришлось расстаться и с привычным бытовым комфортом. Мать, всегда делившая свою пенсию с детьми, скончалась 14 июля 1916 года. Большевистская фракционная казна иссякла. Большевики уже не могли действовать в России открыто, правительство закрыло газету «Правда», число активных сторонников большевизма резко сократилось, к тому же большинство из них не разделяло убеждений Ленина. Анна Ильинична, работавшая в составе Русского бюро ЦК, пыталась помочь брату и попросила его прислать заявление с перечнем основных расходов на месяц[3].

Все равно денег, присылавшихся из России, никогда не хватало. Приходилось искать другие источники дохода. Ленин и Крупская попытались стать внештатными журналистами, но проблема состояла в том, что писали они по-русски, а в далекой, воевавшей России было нелегко найти издателей, готовых публиковать их статьи. Надежда Константиновна разработала проект «Педагогической энциклопедии», предполагаемая читательская аудитория которой не ограничивались марксистскими активистами. Ленин также искал возможности литературного заработка. Жить стало совсем не легко, пришлось экономить буквально на всем. С говядины и курятины перешли на конину. Новой одежды не покупали. Ленин, всегда такой аккуратный и чистоплотный, в заношенном костюме и стоптанных ботинках выглядел неопрятно.

В феврале 1916 года Ульяновы переехали в Цюрих. Нашли дешевую комнату в доме 14 по Шпигельгассе у сапожника Титуса Каммерера[4]. Здесь, на уютной зеленой Шпигельгассе, в соседнем доме номер 12 восемьдесят лет назад немецкий драматург Георг Бюхнер написал знаменитую пьесу «Войцек». По соседству с домом, в котором проживали Ульяновы, находилась мясная лавка господина Руффа, где готовили домашнюю колбасу[5]. Доносившиеся оттуда запахи так раздражали Ленина (из-за больного желудка он не переносил жирного), что он, привыкший

проветривать комнату даже в холодные зимние дни, все время держал окна закрытыми[6].

Зато с соседями Ульяновым повезло. Кроме них, в квартире Каммерера снимали комнаты семья немецкого солдата-булочника, итальянец и пара австрийских актеров с красивой рыжей кошкой*. К восхищению Ленина, жена Каммерера Луиза высказывала убеждение, что солдаты должны обратить оружие против своих правительств. Луиза научила Надежду Константиновну готовить дешево и быстро. Время было военное, страна испытывала трудности с импортом мяса, и правительство Швейцарии обратилось к гражданам страны с призывом два дня в неделю не потреблять мяса. Мясные лавки работали в эти дни, как обычно. В один из таких дней Надежда Константиновна (может быть, случайно, а может быть, и нарочно) купила мясо. Вернувшись домой, она спросила хозяйку, каким же образом власти собираются контролировать выполнение призыва — может быть, по домам ходят контролеры? Фрау Каммерер со смехом ответила, что только буржуи откажутся проявлять чувство гражданской ответственности, а рабочий класс — никогда. И добавила, видя смущение Надежды Константиновны: «К иностранцам это не относится»[7].

Для Ленина Каммереры были образцовыми пролетариями. Он игнорировал тот факт, что на самом деле они принадлежали к классу «мелких буржуа» и были в какой-то степени капиталистами — владели обувной лавкой и сдавали комнаты внаем. Но Ленин видел и слышал лишь то, что хотел. Он нашел людей, во многом согласных с ним, и убедил себя, что они принадлежат к одобряемому им социальному слою — пролетариату. Идеи Октябрьской революции пришли к Ленину из многих источников, среди которых были не только многотомные труды Карла Маркса. Луиза Каммерер, сама того не зная, стала одним из таких источников. Забота супругов Каммерер о народном благе утвердила Ленина в правоте его убеждений. В 1917 году он будет подчеркивать необходимость для государства рабочих вести «контроль и наблюдение» за выполнением задач революции.

Жизнь Ленина вновь была исполнена смысла. Он утвердился в своей марксистской вере. Из трудов Маркса и Энгельса он «знал», что впереди ожидает светлое и прекрасное будущее — завершающая стадия в мировой истории. Ленин крепко держался за свои убеждения и предпосылки — на них, как на прочном скалистом основании, он мог построить любое утверждение о

* Как вспоминает Надежда Константиновна, «вокруг газовой плиты собирался целый женский интернационал». (ВоВИЛ, т.2, с. 208.)

политике и экономике, какое только хотел. Вслух он заявлял, что легко распознаваемая внутренняя логика марксизма позволяет выработать лишь одну верную стратегию для каждой конкретной ситуации. Эти слова были лишь отговоркой: на самом деле Ленин был уверен, что истинным является только его собственное толкование марксизма. Он не изменял этому убеждению, несмотря на то что и его толкование марксизма, и его практическая политика за годы долгой политической карьеры неоднократно менялись.

Не изменил он своим убеждениям и в годы эмиграции. К началу мировой войны лишь немногие из марксистов восьмидесятых годов все еще оставались на политической арене, и одним из них был Ленин. Он был настолько уверен в собственной правоте, что никогда не пытался поставить перед собой вопрос о правильности своих действий. И если в его жизни возникали трудности — во фракции большевиков, в международном социалистическом движении, в отношениях с родственниками, в супружестве, в эмоциональном состоянии или физическом здоровье — он находил возможности справляться с ними. Он смотрел вперед, где его ждало блестящее будущее.

Ленин верил, что мировая история на его стороне — или, скорее, он на стороне Истории. Приступы одолевавшей его депрессии бывали сильными, но недолгими. У Ленина не было ни малейшего сомнения в том, что европейская социалистическая революция неизбежно произойдет, с ним или же без него. Несмотря на пессимизм его речи перед молодыми швейцарскими социалистами, Ленин обычно не сомневался в том, что начало революции не заставит себя долго ждать. На протяжении военных лет он только и делал, что предсказывал взрыв революционной активности.

С доводами Ленина о готовности европейского рабочего класса подняться на революционную борьбу против своих правительств не могли согласиться многие социалисты, в том числе Мартов и Каутский. А идею Ленина о необходимости разделения социалистического движения внутри каждой из стран они и вовсе не считали благоразумной: как же, спрашивали они, социалисты смогут возглавить объединенный рабочий класс европейских стран, если они сами будут разделены? Плеханов пошел еще дальше и заявил, что немецкие рабочие настолько патриотичны, что в случае военного поражения Германии на российском фронте они просто отбросят пустые слова о принципах Второго Интернационала.

Даже своим немногим сторонникам Ленин казался безнадежным вздорным утопистом, потерявшим чувство реальности. Ленину было все равно, что о нем говорят. Он по-прежнему утверждал, что российская монархия станет одной из вероятных жертв войны, без конца повторяя, как угодил большевикам Николай II, ввязавшись в военный конфликт с Германией, так что теперь революция в России — дело ближайшего будущего. Свержение царского режима, по мнению Ленина, необходимо не только само по себе: оно является важнейшей предпосылкой для революции в остальных странах Европы. По словам Ленина, «царизм во сто раз хуже [немецкого] кайзеризма»[8]. Свержение мощного реакционного царского режима будет той критической точкой, после которой станут возможными социалистические революции в разных странах Европы. Эту мысль он изложил в следующих словах: «Буржуазно-демократическая революция в России теперь уже не только пролог, а неразрывная составная часть социалистической революции на Западе»[9].

В годы войны Ленин размышлял о том, как можно сократить путь к социализму. В последний раз эти мысли занимали его в 1905 году. Теперь он вновь задумался над тем, не ошибаются ли большевики, разделяя общепринятую марксистскую идею о двух стадиях социалистической революции в каждой из стран. Вначале, как традиционно было принято считать, должна состояться «буржуазно-демократическая революция», упрочняющая капитализм и демократию, и только затем ожидалась революция социалистическая, приводящая к власти рабочий класс. В годы войны Ленин убеждал марксистов левого крыла отказаться от «теории этапов»[10]. Ему так хотелось верить в возможность совершения социалистической революции сразу, без промежуточного этапа! Даже его собственная теория двухстадийного революционного процесса, разработанная до войны, с точки зрения традиционного марксизма выглядела сомнительно. Предложенная Лениным идея «временной революционно-демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства» для кого угодно (кроме разве что сторонников Ленина) была не чем иным, как схемой незамедлительного введения социализма. В 1916 году Ленин опять почувствовал, что нужно торопиться. Ни в коем случае марксисты не должны упустить ни единого шанса захватить и удержать власть в России.

Возможные альтернативные сценарии развития событий только усиливали нетерпение. С одной стороны, Ленин не считал невероятной возможность военной победы России над Германи-

ей; с другой, он не исключал возможность того, что при продолжающихся военных неудачах российской армии Николай II может подписать сепаратный мирный договор* с Германией и Австро-Венгрией на Восточном фронте. Если, рассуждал Ленин, царь действительно окажется неспособным проявлять гибкость, то антисоциалистические думские партии могут его сместить. Здесь Ленин видел несколько вариантов: в частности, формирование политической коалиции между умеренными консерваторами Александра Гучкова и либералами Павла Милюкова. Другой вариант — Милюков идет на союз с правыми эсерами Александра Керенского. Все эти возможные варианты, по твердому убеждению Ленина, может и должна предотвратить революция, возглавляемая большевиками.

Что должно представлять собой новое социалистическое правительство? Ленин размышляет над этим вопросом в личных записях, которые он начал вести с 1916 года. В своих размышлениях Ленин был не одинок. Свое видение будущего социалистического государства было и у группы молодых большевиков, базировавшейся в швейцарском местечке Божи-сюр-Кларан. Молодым марксистам также не терпелось начать революцию. Николай Бухарин, в частности, заявил, что доставшиеся в наследство от павшего режима государственные структуры не поддаются реформированию на социалистический лад. Капиталистическое государство, по мнению Плеханова, должно быть полностью разрушено. В качестве доказательства он указывал на развитые капиталистические страны с чрезвычайно мощной государственной властью, разработавшей беспрецедентно эффективные и безжалостные методы политического, социального и экономического давления и контроля. Власти этих стран даже смогли склонить к сотрудничеству респектабельные социалистические партии и используют их для укрепления лояльности рабочего класса. Значит, после свержения проклятого режима марксисты не должны оказаться настолько наивными, чтобы сохранить (и в этом Бухарин видел фундаментальную ошибку Каутского) существующие государственные органы — гражданские службы, армию, органы управления экономикой. Социализм должен построить совершенно новое революционное государство.

Вначале идеи молодого марксиста показались Ленину слишком анархистскими, к тому же тот осмелился вторгнуться в дав-

---

* *Сепаратный мир* (от лат. separatus — отдельный) — мирный договор или перемирие, заключенные с противником одним из государств, входящих в коалицию стран, ведущих войну, без ведома или согласия своих союзников.

нюю сферу интересов Ленина. Молодой бросил вызов старшему. Однако постепенно отношение Ленина к младшему коллеге изменилось. Бухарин разглядел главную трудность, с которой придется столкнуться в процессе формирования социалистических органов управления, а его критика слабых мест теории Каутского тем более была достойна всякой похвалы. Бухарину, однако, не удалось объяснить, каким образом будут сформированы социалистические административные органы. Поразмышляв над этим вопросом, Ленин пришел к выводу, что ключ к решению проблемы лежит в событиях 1905 года, в рабочем движении. В ленинской тетради появляются рассуждения о роли рабочих Советов как инструмента установления социализма. Бухарин навел Ленина на мысли, оказавшие решающее влияние на дальнейшие события. Семена стратегии Октябрьской революции 1917 года начинали прорастать в Швейцарии, еще до свержения монархии. В те дни Ленин еще не был вполне уверен в деталях своей стратегии, ему требовалось время для ее дальнейшей разработки, но генеральная линия была уже выработана, и он оставался ей верен.

Однако пальма первенства в разработке детального плана наиболее эффективного пути искоренения «буржуазного государства» принадлежит не Ленину и не Бухарину. Еще до начала войны Александр Богданов, соперник Ленина, предложил идею формирования абсолютно новой «пролетарской культуры» как необходимого условия построения социализма. «Буржуазную культуру», неразрывно связанную с индивидуализмом, абсолютизмом и авторитарностью, следует устранить. Богданов чувствовал, что социалистическая революция не может быть успешной, если перемены в экономике и политике не будут сопровождаться культурными преобразованиями.

Еще в 1916 году Ленин не был готов пойти так далеко. Он по-прежнему верил в существование такой реальности, как абсолютная истина, и был убежден, что человек, направив мыслительную активность в соответствии с доктринами марксизма, может познать эту абсолютную истину. Богданов придерживался абсолютно противоположного мнения. Рабочие, по мнению Богданова, должны научиться обходиться без надзора со стороны буржуазной интеллигенции, создать свою собственную, коллективистскую культуру и опробовать новые формы социального опыта. Ленин соглашался с необходимостью культурного развития рабочих, но эта необходимость, возражал он, носит ограниченный характер: в первую очередь рабочих нужно научить

читать, писать, считать. Богданов казался Ленину просто мечтателем.

Лишь «буржуазная культура», по мнению Ленина, способна обеспечить рабочих знаниями, необходимыми для совершения социалистической революции. Не «буржуазную культуру» следует уничтожить, а «буржуазное государство». Следовательно, никаких компромиссов, никакой дипломатии. Как всегда, Ленин мыслил политически и строил свои собственные планы. Рабочие Советы, предполагал Ленин, не допустят сползания социалистической революции на путь компромиссов и предательства, как это произошло с немецкими социал-демократами, крупнейшей европейской марксистской партией.

Как и прежде, Ленин непоколебимо верил в истинность марксизма, в авангардную роль партии, в предсказуемость «исторического развития», в преимущества урбанистической, индустриальной цивилизации, в неизбежное крушение капитализма, классовую борьбу и неотвратимость европейской социалистической революции. Не сомневался он и в необходимости диктатуры. Ленин предпочитал оставаться одиноким борцом, возглавляющим маленькую партийную фракцию, чем хоть в чем-либо идти на компромисс со своими глубинными убеждениями. Он не собирался менять и свой стиль ведения полемики, вновь и вновь заявляя, что всего лишь защищает и детализирует базовые принципы традиционного марксизма.

Ленин знал, что Каутский разделяет многие из этих принципов. Не зря же в свое время Каутский был одним из кумиров Ленина. Следовательно, рассуждает Ленин, Каутский пришел к верным принципам марксизма неверным путем. Углубляясь в исследование корней каутскианства, Ленин с неизбежностью исследует эволюцию своих собственных убеждений. О своих размышлениях Ленин не сказал никому, доверив их страницам своих тетрадей. Правда, он начал работу над философской статьей по данному вопросу, но так и не завершил ее до самого возвращения в Россию в 1917 году.

В поисках материалов для статьи Ленин проводил много времени в Бернской публичной библиотеке, жадно читая философскую литературу. Вскоре он пришел к потрясающему заключению, о чем сделал следующую запись в своей философской тетради:

«*Афоризм*: Нельзя вполне понять „Капитала" Маркса и особенно его первую главу, не проштудировав и не поняв *всей* „Логики"

Гегеля. Следовательно, никто из марксистов не понял Маркса не проштудиров»[11].

Ленин был невероятно доволен собой. Он чувствовал, что ему удалось нащупать нечто такое, что до сих пор упускали все остальные последователи Маркса и Энгельса — найти единственно верное истолкование марксистской традиции. Он, Ленин — истинный хранитель наследия и продолжатель классиков марксизма!

В кругу социалистической интеллигенции, к которому принадлежал Ленин, считалось дурным тоном хвастаться личными успехами. Поэтому Ленин держал свое открытие при себе. К новому пониманию марксизма он пришел после интенсивного изучения философской литературы. Ленин прочел соответствующие труды основоположников марксизма (в первую очередь «Тезисы о Фейербахе» Маркса), изучил работы Гегеля, оказавшего немалое влияние на формирование идеологии Маркса и Энгельса (особенно тщательно — гегелевскую «История философии»), а также Фейербаха.

На этих авторах Ленин не остановился. Его привлекло творчество Аристотеля. Впервые после окончания гимназии он возвращается к изучению наследия классиков античности. Гегель, значительно повлиявший на философию Маркса, всегда открыто указывал на Аристотеля как на одного из своих предшественников по многим фундаментальным гносеологическим и онтологическим* аспектам. Этих утверждений Ленину было достаточно для того, чтобы пристальнее присмотреться к Аристотелю. Знакомство с ним пришлось начинать с нуля: в Симбирской классической гимназии Аристотеля не изучали. Если бы Ленин мог знать и о других корнях философии Маркса (что в начале столетия было невозможным), он наверняка обратился бы к творчеству философов-досократиков. Об одном из них, Гераклите**, Маркс написал блестящую диссертацию. Но и у Аристотеля Ленин обнаружил множество интересных идей.

---

* *Гносеология*— раздел философии, в котором изучается закономерностн и возможности познания, отношения знания к объективной реальности, исследуются ступени и формы процесса познания, условия и критерии его достоверности и истинности. *Онтология* — раздел философии, учение о бытии (в отличие от гносеологии — учения о познании), в котором исследуются всеобщие основы, принципы бытия, его структура и закономерности.

** *Гераклит Эфесский* (кон. 6 — нач. 5 в. до н. э.), древнегреческий философ. Считал первоначалом сущего мировой огонь, который есть также душа и разум (логос); он «мерами вспыхивает и мерами угасает»; путем сгущения из огня возникают все вещи, путем разрежения в него возвращаются. Высказал идею непрерывного изменения, становления («все течет», «в одну реку нельзя войти дважды»). Противоположности пребывают в вечной борьбе («раздор есть отец всего»), в то же время в космосе существует «скрытая гармония».

Надо сказать, что читать этих авторов непросто. Тяжелый язык гегелевской «Истории философии» требовал определенных усилий, а с «Метафизикой» Аристотеля дела пошли совсем туго, так как после окончания гимназии Ленин не занимался древнегреческим и изрядно подзабыл его. Пришлось пользоваться текстом с параллельным немецким переводом. Ленин научился очень быстро понимать любой текст еще в школе. Он неплохо говорил на немецком и французском (хуже — на английском), но читал на этих языках намного быстрее. Немногие могли сравниться с ним в способности находить нужные книги и быстро извлекать из них необходимую информацию.

В творчестве классиков Ленин искал дополнительные доказательства истинности марксистской теории — но не только. Не вполне отдавая себе в том отчет, он искал в произведениях классиков обоснования для своей собственной теории. Ленин получил европейское воспитание и образование, его родители и учителя искренне верили в силу науки, просвещения и прогресса. В этой культурной среде традиционно было принято выводить путь развития культуры от великих древнегреческих и древнеримских писателей. Классические авторы, стоящие у истоков европейской цивилизации, всегда были бесценным источником свежих интеллектуальных идей.

Правда, Ленин, следуя марксистским традициям, старался не употреблять слова типа «цивилизация» в положительном контексте: Маркс учил, что ни одно «цивилизованное» общество в истории не обходилось без эксплуатации и угнетения. Но иногда Ленин проговаривался, и тогда из-под марксистского лидера проступал типичный представитель европейского среднего класса, интеллигент конца девятнадцатого столетия, для которого «жить хорошо» означало «жить по-европейски». Цивилизация принадлежит Европе, а весь остальной мир (в том числе США в их недавнем прошлом) подлежит европеизации. Людей, не достигших высокого культурного уровня, Ленин называл коротко и просто: «готтентоты»*. Да, он не был лишен предрассудков, характерных для образованного представителя привилегированного класса великой империи.

Что Ленин открыл для себя в трудах Аристотеля? Язык сделанных в то время записей передает, насколько Ленин был взволнован прочитанным. По сути дела, он, не говоря об этом прямо, отказывается от многих положений своей теории познания,

* *Готтентоты* (самоназвание — кой-коин), народ в Намибии, Ботсване и ЮАР, коренное население Южной Африки.

ложенной в 1908 году в книге «Материализм и эмпириокритицизм». (Ленин с удовольствием критиковал Каутского и других ведущих марксистов, но только не себя.)

Ленинская теория познания, изложенная в его книге — наименее разработанная из всех аналогичных теорий, предложенных теоретиками марксизма. Ранее он утверждал, что человеческий разум воспринимает «внешнюю действительность», как фотоаппарат, всегда абсолютно точно фиксируя и воспроизводя ее. В записях, сделанных в годы войны, Ленин утверждает совсем другое:

> «Познание есть отражение человеческой природы. Но это не простое, не непосредственное, не цельное отражение, а процесс ряда абстракций, формирования, образования понятий, законов etc., каковые понятия, законы etc. (мышление, наука = „логическая идея") и охватывают условно, приблизительно универсальную закономерность вечно движущейся и развивающейся природы»[12].

Невозможно представить себе, чтобы такая фраза могла выйти из-под пера Ленина до 1914 года.

Наконец-то Ленин нашел логическое обоснование для своего рискованного, исследовательского подхода к политике. Если ранее он заявлял, что его стратегия и тактика базируются на объективных научных принципах, то теперь единственным верным критерием для проверки правильности той или иной стратегии для него становится «практика». Меняющиеся, подвижные, гибкие, относительные, взаимосвязанные, единые в противоположностях идеи охватывают мир реальности. Эту истину, полагает Ленин, утверждают труды Аристотеля, Гегеля и Маркса. Ничто не является неизменным или абсолютно определенным, все взаимосвязано. Природа материальных и социальных отношений такова, что различные факторы приходят в столкновение друг с другом и — в силу этого «диалектического» процесса — дают сложные, изменяемые результаты. Поэтому в политике необходим эксперимент, и марксисты обязаны признать, что на этом пути могут быть всевозможные «прорывы», «скачки» и «разрывы последовательности». Все это, уверял Ленин, будет хорошим философским противоядием против Каутского.

Удовольствие, с которым Ленин формулирует свои выводы, наводит на мысль о том, что Ленин в своих философских поисках не был лишен предвзятости. Отнюдь не из простой любознательности он проводил время в Бернской публичной библиоте-

ке за чтением Гегеля, Фейербаха и Аристотеля. Если бы оказалось, что эти авторы подтверждают позицию Каутского, Ленин в поиске доказательства истинности своих убеждений просто-напросто обратился бы к книгам других авторов. Что бы Ленин ни читал (это проявилось еще в его экономических работах, написанных в девяностых годах), он никогда не упускал из виду свою политическую миссию. Следует особо подчеркнуть, что с тех пор Ленину не удалось ни на шаг ближе подойти к связной, логичной формулировке своей точки зрения. Его записи полны противоречий. Провозглашая «условную, приблизительную» природу познания, он по-прежнему продолжает верить в достижимость абсолютной истины и в независимое существование внешнего бытия. Его отрывистые, путаные записи характерны скорее для человека, не сдавшего экзамена по философии даже за первый курс. К тому же они неискренни: Ленин и в мыслях не держал признать, что он в значительной мере изменил свои убеждения, с позиции которых критиковал теорию Богданова в 1908 году. Ленин очень не любил признавать свои ошибки.

Теперь Ленин был готов во всеоружии встретить события 1917 года. Если раньше он менял тактическую политику, как бы подчиняясь внезапной прихоти, то теперь у него было твердое логическое обоснование, в том числе и для оправдания разрыва с любым из европейских марксистов, в чем-либо не согласных с ним. Это стало ясным, когда крайне левые социалисты, выступавшие против правительств своих стран, начали координировать свои действия. Ленин был всецело за такую координацию, но, увы, не он был лидером в данном вопросе, и товарищи вряд ли могли на него равняться.

За необходимость созыва международной встречи социалистов, настроенных против войны, уже давно выступали швейцарец Роберт Гримм и итальянец Одино Моргари, не оставался в стороне и Юлий Мартов. Все они были напуганы легкостью, с которой многие из социалистов отказались от борьбы против своих правительств в годы войны. Противники войны написали множество статей и книг, в которых излагались различные причины развязки военного конфликта — личные, династические, дипломатические, экономические и империалистические. Не все из авторов были пацифистами по убеждениям (хотя и таких было немало), но все они были твердо убеждены в том, что войну пора остановить. Ленин, сторонник «европейской гражданской войны», выделялся на этом фоне, как палец, торчащий из прорехи.

Гримм и его сторонники сходились в главном: обе воюющих между собой коалиции одинаково плохи, ни для одной из сторон война не является справедливой. Выход — в принципах интернационализма. Победа любой из сторон приведет к аннексиям и контрибуциям, что будет триумфом одного империализма над другим. Достигнутый таким образом мир недостоин своего названия. С таким подходом Ленин был полностью согласен. Поэтому, когда Гримм пригласил его принять участие в антивоенной конференции левых социалистов воюющих стран Европы, для проведения которой было избрано швейцарское местечко Циммервальд, Ленин согласился.

В поисках аргументов, подтверждающих его теории, Ленин много и усердно работал. Он провел тщательное исследование состояния мировой капиталистической экономики: в его записях содержатся ссылки на 148 книг и 232 статьи. С интересом прочитав книгу Бухарина, посвященную этой проблеме, Ленин захотел изложить собственное видение данного вопроса. Бухарин, как казалось Ленину, преувеличивал непрерывность и бесконфликтность развития капиталистической экономики. Абсолютно неверно рассчитывать, считал Ленин, что в конце концов капитализм создаст «всемирный экономический трест»: Бухарин забыл одну из аксиом марксизма — экономики капиталистических стран нестабильны по своей природе и не способны плодотворно сотрудничать.

В результате появилась книга «Империализм как высшая стадия капитализма». По просьбе Ленина Анна Ильинична нашла возможность легальной публикации книги в Петрограде, однако перед подписанием контракта с издателем она отредактировала труд брата, благоразумно вырезав из него множество едких выпадов в сторону Каутского. Ленину приходилось либо соглашаться с правками, либо разрывать контракт. Он решил уступить, хотя и без особого удовольствия. Публикация книги была назначена на 1917 год. Однако книга об империализме, предназначенная для издания в имперском государстве, вышла в свет уже после падения монархии в феврале 1917 года.

К моменту выхода книги уже существовала богатая марксистская литература, посвященная проблемам империализма. Идеи Рудольфа Гильфердинга* развивали Карл Радек, Роза Люксем-

* *Рудольф Гильфердинг* (1877–1941), один из лидеров австрийской и германской социал-демократии и Второго Интернационала, теоретик австромарксизма. Его книга «Финансовый капитал» (1910) — одна из первых попыток марксистского анализа новых тенденций в развитии капитализма конца девятнадцатого — начала двадцатого века.

бург, И. И. Скворцов-Степанов*, Николай Бухарин и Карл Каутский. Все они сходились на том, что капитализм вступил в период зрелости, характеризующийся доминированием «финансового капитала». Национальные экономики, конкурирующие между собой в силу самой природы капитализма, вынуждены искать внешние рынки, захватывать колонии и воевать с другими империалистическими государствами за их колонии и внешние рынки.

Эта литература оказала на Ленина немалое влияние. Эффективность немецкой военной экономики произвела на Ленина не меньшее впечатление, чем на Гильфердинга. Военное регулирование производства и потребления, получившее в Германии ироническое наименование «Kriegsozialismus» (военный социализм), по мнению Гильфердинга, могло принести социалистам немалую пользу, создав одну из предпосылок для всеобщей социалистической революции. Однако во всем остальном Ленин был категорически не согласен с Гильфердингом. Тот считал, что в революции можно и следует избежать насилия; Ленин, наоборот, не видел никакого другого пути совершения революции, кроме насильственного. «Надо сначала *взять самим* власть, — пишет он, — а не зря говорить о „власти“»[13].

Гильфердинг и Каутский считали возможным такой вариант разрешения конфликтов между капиталистическими странами, когда конфликтующие стороны придут к соглашению о совместной эксплуатации колоний. Этот план ужасал Ленина, принять его означало согласиться с тем, что капитализм будет существовать вечно. Прогноз Ленина представлял собой абсолютно противоположную картину: интересы империй с неизбежностью должны сталкиваться. Существующие империи Ленин расположил по уровню экономического прогресса. Первое место он отдал США, за ними следовали Германия и Япония, затем Британия и Франция, а Португалия лишь незначительно опережала Россию, замыкавшую список. Окончание войны, уверен Ленин, не принесет долгого и стабильного мира. Не стоит предаваться иллюзиям, войны будут повторяться вновь и вновь, так как невозможно смягчить противоречия между капиталистическими державами и лишь социалистическая революция сможет положить им конец.

В сентябре 1915 года Ленин приехал в альпийское местечко Циммервальд близ Берна, где по инициативе Гримма и Морга-

* *И. И. Скворцов-Степанов* (1870–1928) — политический деятель, публицист, переводчик «Капитала» К. Маркса.

ри проходила первая из двух международных социалистических конференций (вторая состоялась в апреле 1916 года в Кинтале). Обе конференции не собрали значительного числа участников. Троцкий по этому поводу съязвил, что даже спустя полстолетия после образования Первого Социалистического Интернационала все европейские интернационалисты по-прежнему могут уместиться в четырех повозках[14].

Единственным, кого обрадовало малое количество делегатов, был Ленин: чем их меньше, тем выше пропорция сторонников радикальных взглядов, подобных ленинским. К резкому неудовольствию Ленина, приглашения были высланы Карлу Каутскому и Гуго Гаазе*, также отказавшемуся открыто заявить о разрыве с Социал-демократической партией Германии — и, что хуже всего, Гаазе обещал приехать.

Вначале Ленин позволял Зиновьеву вести переговоры с делегатами из других стран, стоящими на сходных позициях, но затем, не доверяя Зиновьеву полностью, взял дело в свои руки и связался непосредственно с Карлом Радеком, польским евреем, некогда состоявшим в членах Социал-демократической партии Германии. Уговорить Радека было непросто, Ленину пришлось отказаться от лозунга борьбы социалистов за военное поражение своих стран и прекратить требовать от интернационалистов полного разрыва с легальными социалистическими партиями, проголосовавшими за выдачу военных кредитов правительствам своих стран.

Радек оказался здравомыслящим человеком. Он великолепно знал, кто такой Ленин, и был полон решимости не допустить превращения Циммервальдской конференции в дискуссию политических доктринеров. И все же Радеку не удалось привлечь на свою сторону большое количество делегатов конференции: вся так называемая «Циммервальдская левая» состояла из восьми человек, включая самих Радека с Лениным**.

Поладив с Радеком, Ленин решил вести себя хорошо и не раскачивать лодку (точнее, повозку). Конфликт возник лишь однажды, когда Георг Ледебур*** выступил против призыва Радека к уличным демонстрациям. Ленин воскликнул: «Немецкому движению предстоит принять решение. Если мы действительно стоим

* *Гуго Гаазе* (1863–1919) — один из лидеров германской социал-демократии, в 1911 году был избран председателем правления германской социал-демократической партии, депутат рейхстага в 1897–1907 и 1912–1918 годах, один из основателей Независимой социал-демократической партии Германии (НСДПГ) в 1917 году.

** Всего в Циммервальдской конференции участвовали 38 делегатов.

*** *Георг Ледебур* (1850–1947) — один из основателей и лидеров НСДПГ, участник Ноябрьской революции 1918 года.

на пороге революционной эпохи, когда массы поднимутся на р
волюционную борьбу, то мы обязаны упомянуть и о средств
необходимых для этой борьбы»[15]. Слова Ленина логичны и п
полнены веры. По сути дела, делегатов Циммервальдской ко
ференции призывали прямо говорить о вещах, о которых мн
гие предпочли бы умолчать, опасаясь по возвращении дом
столкнуться со многими трудностями.

Все же левому крылу удалось кое-чего добиться. В принят
конференцией заявлении утверждалось, что войну развязали
продолжают вести соперничающие империалистические сил
Делегаты осудили социалистические партии, проголосовавш
за выдачу правительствам военных кредитов (не называя, впр
чем, эти партии конкретно), а также заявили, что останови
войну можно лишь участием в «непримиримой классовой бор
бе пролетариата»[16].

Другие участники конференции, в первую очередь Робе
Гримм, были удовлетворены итогами конференции в гораз
большей степени, и не без причины. В декабре 1915 года соц
ал-демократическая фракция немецкого рейхстага, под влияни
вернувшегося из Циммервальда Гуго Гаазе, начала открыто кр
тиковать политику выдачи военных кредитов. Совместно с К
утским Гаазе призвал социалистов всей Европы оказать макс
мальное давление на правительства с целью подписания «ми
без аннексий». Получив убедительный аргумент против Лени
(события в рейхстаге доказывали, что убеждением можно добит
ся положительного результата), Гримм с надеждой ждал следу
ющей конференции, открытие которой было назначено на 2
апреля в Кинтале.

Надежды Гримма не сбылись. Сорок делегатов, съехавшихс
в Кинталь, с самого начала ввязались в шумные агрессивные дис
куссии. Внутри делегаций начались конфликты, поступали пред
ложения лишить мандатов некоторых из депутатов. Кое-кто и
приглашенных по разным причинам вообще не приехал в Кин
таль, в числе отказавшихся были Гаазе и Каутский. Они резк
возражали против основанной в Циммервальде Международно
социалистической комиссии, считая ее создание посягательство
на права Международного социалистического бюро, несмотр
на то что Бюро в годы войны практически не действовало.

Отсутствие Каутского и Гаазе чрезвычайно обрадовало Ле
нина. С 1914 года Каутский был для него воплощением полити
ческого предательства, «Mädchen für Alle» (девушкой для всех)
политической проституткой, готовой отправиться в постель с ке

годно, лишь бы избежать столкновений с германским правительством. Своего отношения к Каутскому Ленин не изменил уже никогда: Каутский — ренегат, и не дай Бог, если его прежнее влияние на европейский марксизм возобновится.

В Кинтале Ленин выглядел ничуть не ярче, чем в Циммервальде. Крайне левых делегатов (известных как «Циммервальдская левая») на конференции было не много, и все они относились к Ленину с подозрительностью. Тем не менее, у Ленина были причины для радости. Несмотря на то что многие делегаты считали необходимым любой ценой положить конец войне, Кинтальская конференция осудила пацифизм, а также призвала к «энергичным действиям, направленным на свержение капиталистического класса». Эти решения были близки к идее Ленина о революции как способе окончания войны. По окончании голосования Ленин был намного счастливее, чем мог надеяться.

К счастью для Ленина, критиковавшиеся им за оправдание действий своего правительства немецкие марксисты не догадывались, что сам он находился с этим правительством в довольно необычной связи. Все началось с того, что Ленин присылал политическую литературу для большевиков, находившихся в немецких лагерях для военнопленных. Группу пленных большевиков возглавлял не кто иной, как Роман Малиновский, призванный в российскую армию и попавший в немецкий плен. Ленин по-прежнему отказывался верить в сотрудничество Малиновского с российской полицией. По поручению Ленина Малиновский выступал с докладами перед российскими военнопленными, пропагандируя большевистские идеи[17].

Так как Ленин выступал за поражение России в войне, германское высшее командование не чинило ему препятствий. Германский посланник в Берне барон Гисберт фон Ромберг узнал о деятельности Ленина от Александра Кескуэлы, эстонского националиста, сторонника свержения царской династии. Другим источником информации для германского правительства стал Александр Гельфанд-Парвус*, чьи идеи оказали в 1905 году значительное влияние на Льва Троцкого. Парвус, член левого крыла Социал-демократической партии Германии и критик ее ревизионистской политики, помимо всего прочего, был зажиточным бизнесменом и вел некие темные дела в Скандинавии, Турции и на Балканах, в том числе выполняя определенные поручения германского правительства. В стокгольмской фирме Пар-

* А. Л. Гельфанд-Парвус эмигрировал в Германию из России.

вуса работал Якуб Ганецкий, сторонник Ленина. Ленин нечасто встречался лично с Парвусом и Кескуэлой, однако имеются серьезные косвенные доказательства того, что в результате этих контактов в адрес большевиков с немецкой стороны начали поступать финансовые вливания.

С помощью тайного финансирования со стороны тех, кого он публично именовал «германскими империалистами», Ленин надеялся развязать «европейскую социалистическую революцию». Свои действия он считал вполне логичными. Главное — свержение капитализма, а значит, все, что будет способствовать делу революции — во благо. Распространение большевистских идей на территории России и в немецких лагерях для военнопленных — не исключение. Единственная загвоздка в том, что Ленину приходилось плести интриги под покровом абсолютной секретности: если бы в те дни о тайной деятельности Ленина стало хоть что-нибудь известно, его политическая карьера на этом бы и окончилась — всего за несколько месяцев до Февральской революции 1917 года. И тогда вся история двадцатого столетия пошла бы совсем другим путем.

Все недели, оставшиеся до конца 1916 года, и в течение первых недель 1917 года Ленин повторял привычные слова о том, что революция «назрела», «нарастает», «неотвратима», что время на стороне тех, кто придерживается предписаний «ортодоксального» марксизма и будет воплощать их в жизнь, свергая капиталистические правительства. Ленин не надеялся, что европейская социалистическая революция произойдет за одну ночь. В некоторых странах, подчеркивал он, попытка революции поначалу потерпит поражение. Может случиться вторая мировая война, а может быть, даже третья. Никто из крайне левых социалистов, да и европейских политиков вообще, кроме Ленина, не высказывал ничего подобного. Ленин, хотя и был от природы подстрекателем, к революции относился предельно серьезно. Каждой клеткой своего тела он чувствовал, что ему выпало жить в революционную эпоху. Эпоха может длиться очень долго, эпоха может состоять из предельно запутанной последовательности событий, в эпохе могут быть взлеты и падения, поражения и победы. Ленин был готов к долгой борьбе, в которой, он знал, ему и его партии понадобятся умение приспосабливаться, проницательность и стойкость. Стойкость — в первую очередь. Что касается верности избранной стратегии, то здесь Ленин не сомневался ни на йоту.

Знакомым, плохо знавшим гранитную твердость его характера, такая верность избранной цели казалась поразительной. Приближался к концу 1916 год. Ленину было сорок шесть. Человек огромного умственного и практического таланта, он до сих пор не имел возможности проявить свои способности, влияя на события в родной стране. Его, одного из ведущих российских марксистов, хорошо знали в европейском Втором Социалистическом Интернационале и в петербургских кабинетах Управления охраны, он написал ряд книг и стал плодовитым журналистом, его имя попало в российские энциклопедии, но число его сторонников в России с каждым днем таяло. В его политические прогнозы не верила даже родная сестра Анна. Он терял связь с большевиками из российских местных комитетов. Человек, проповедовавший идеи революции марксистам в России и за ее пределами, искал утешения в книгах Гегеля и Аристотеля. За пределами его маленькой фракции вряд ли нашелся бы хоть один простой российский рабочий, которому бы что-нибудь говорило имя Ленина. Должно было произойти что-то чрезвычайное, чтобы этот человек стал во главе Российского государства. Железной воли, целеустремленности и таланта было недостаточно, необходима была удача.

Удачу принес наступающий 1917 год.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЗАХВАТ ВЛАСТИ

Entre nous, если меня укокошат, я Вас прошу издать мою тетрадку «Марксизм и государство» (застряла в Стокгольме). Синяя обложка, переплетенная. Собраны все цитаты из Маркса и Энгельса, равно из Каутского против Паннекука.

Ленин летом 1917 года

15

Другая страна

Февраль—апрель 1917

В конце февраля произошел политический взрыв, давно предсказанный Лениным. В Петроград пришла революция. Первыми забастовали работницы текстильных фабрик. Почин текстильщиц подхватили рабочие Путиловского металлургического завода. Волна забастовок разрасталась. На помощь полиции, неспособной справиться с беспорядками своими силами, были брошены отряды казаков. Столичные революционеры, большевики, меньшевики и эсеры, поначалу растерялись и не смогли организовать уличные демонстрации: в конце 1915 — начале 1916 года «охранка» успешно подавила забастовки рабочих, и теперь вполне могло произойти то же самое.

Но на этот раз народ был настроен решительно. Рабочие протестовали против невыносимых условий труда и нехватки продовольствия; войска, призванные прекратить беспорядки, перешли на сторону рабочих. Революционеры вновь обрели уверенность. По Невскому проспекту в центр Петрограда промаршировали многолюдные манифестации, и никто не осмелился разогнать их. Вновь вышла на свет Четвертая Государственная Дума, в работе которой указом царя был объявлен перерыв. Депутаты сформировали теневой комитет, надеясь использовать развитие событий, пока они совсем не вышли из-под контроля. Узнав об этом, Николай II, находившийся в это время в ставке верховного главнокомандующего в Могилеве, запаниковал. Тем временем меньшевики реорганизовали Петроградский Совет и начали кампанию за республиканский строй. Социалистические

партии поняли, что пришло время революции. То же самое почувствовал и император. 2 марта он решает отречься от престола — вначале в пользу сына и наследника Алексея, страдающего гемофилией, затем — в пользу брата Михаила. Восставшие сочли эту уступку недостаточной. Михаил отрекся от власти в пользу руководителей Государственной думы, образовавших Временное правительство. Так закончила свое существование династия Романовых, правившая Россией с 1613 года.

Вести о революции застали цюрихских эмигрантов врасплох. Они не могли адекватно оценить нарастание кризиса власти в родной стране, и новость о петроградских событиях прозвучала для них как гром среди ясного неба. Ленин оказался ничуть не прозорливее других эмигрантов. Он терпеливо ждал, чем все закончится.

В тот день все было как обычно. После обеда Ленин собирался уходить в библиотеку, Надежда убирала со стола и мыла посуду, как вдруг в квартиру вбежал один из эмигрантов, М. Г. Бронский, со словами: «Вы ничего не знаете?! В России революция!»[1]. Ранним утром пришли телеграммы с потрясающей новостью, и швейцарские газеты уже опубликовали сообщения о событиях в Петрограде. Революция, долгожданная революция, великая революция против царского режима наконец началась. Ленин с супругой поспешили к озеру, где под навесом вывешивали свежие номера газет. Может быть, Бронский преувеличивает? Эмигранты боялись, что это какая-то ошибка, но на сей раз ошибки не было. И швейцарские газеты, и телеграммы из Петрограда сообщали об одном и том же. Ошеломленные Ульяновы перечитали сообщения несколько раз[2]. Сомнений не оставалось: в России произошла революция, монархии больше нет. Потомок ненавистной династии, император Николай II, чей отец был так безжалостен к Александру Ульянову, превратился в гражданина Романова.

Весь остаток дня Ленин провел с товарищами-эмигрантами. Революционеры счастливо пожимали друг другу руки, обменивались поздравлениями, пели революционные песни, и баритон Ленина звучал в общем радостном хоре. Надежда Константиновна от волнения совсем потеряла голову. Впоследствии она не могла припомнить никаких подробностей этого праздничного дня.

Ленин не мог руководить петроградскими событиями напрямую, так как связь с петроградским Центральным Комитетом осуществлялась через Александру Коллонтай, находившуюся в Осло.

...арта 1917 года Ленин отправил в Осло телеграмму о необходимости придерживаться старых большевистских лозунгов. Ленин предупреждал, что политика партии по отношению к войне должна оставаться неизменной: социалисты ни в коем случае не должны позволить себе выступить в «защиту отечества», большевики должны отвергнуть идею воссоединения с меньшевиками. Необходима своя, большевистская партия, целью которой станет международная пролетарская революция и завоевание власти Советами рабочих депутатов. Не забыл Ленин и о недопустимости каких-либо компромиссов с Каутским[3]. Это было просто политическое требование, ультиматум, вызов, перчатка, брошенная к ногам Временного правительства. Ленин не мог допустить, чтобы в России правили Милюков, Гучков и Керенский (годом раньше Ленин предсказал, что они могут образовать коалицию). Владимир Ильич думал о восстании. Советы должны захватить власть! Революция должна распространиться за пределы России! Каждый настоящий социалист должен способствовать делу Революции во всей Европе!

Составляя текст своих посланий, Ленин еще не знал никаких подробностей о происходящем в России и не консультировался ни с кем из большевистских эмигрантов. Он предполагал (совершенно ошибочно), что Николай II организует контрреволюционное движение. Слова о недопустимости компромисса с Каутским лишний раз доказывают, как далек был Ленин от истинных потребностей и стремлений революционных петроградских рабочих. Просто Ленин, лидер по натуре, не мог оставаться в стороне, ему хотелось направлять события. От Коллонтай пришла ответная телеграмма с просьбой о дальнейших указаниях, и указания последовали, хотя Ленин понятия не имел, каким образом они дойдут из Осло в Петроград.

Ленин думал о немедленном возвращении в Россию. Он не хотел повторять ошибку, совершенную в 1905 году, когда он вернулся в Россию лишь через месяц после начала революции. Но теперь, когда Европа разделена войной, вернуться намного сложнее. Путь через Францию или Северное море закрыт: страны Антанты ни за что не пропустили бы российских социалистов по своей территории. Не было пути и через Средиземное море: непредсказуемые турецкие власти вряд ли дали бы революционерам транзитные визы. Приходилось искать другие пути. Самым фантастическим из придуманных Лениным планов был следующий: найти похожего на Ленина глухонемого шведа для получения документов, и по этим документам поездом проехать

через Германию в Данию, оттуда в Финляндию, а затем — в Ро сию. Надежда Константиновна резонно заметила, что в доро Ленин обязательно начнет ругать во сне меньшевиков и выда себя. Другие планы, приходившие на ум, были ничуть не реал нее. Чего стоила одна только идея перелететь через границу аэроплане, по тем дням крайне ненадежном виде транспорт Ленин думал об этом всерьез, пока кто-то не сказал ему, чт во-первых, ни один аэроплан не способен летать на такие ра стояния, а во-вторых, даже если бы и летал, все равно его сра же сбила бы вражеская артиллерия.

Наконец из всех идей осталась только одна, и придумал Мартов: попробовать добиться от германского правительства ра решения на транзит в обмен на такое же количество интернир ванных в России немцев. Роберт Гримм провел от имени росси ян переговоры с Гисбертом фон Ромбергом, германским ко сулом в Берне. Через какое-то время из Берлина пришел поло жительный ответ. Теперь оставалось лишь добиться формальн го согласия Временного правительства — и тут возникла пр блема в лице министра иностранных дел Павла Милюкова. Ма тов предложил подождать до тех пор, пока Петроградский С вет не убедит Милюкова выдать разрешение.

Однако Ленин больше ждать не мог. Несправедливо обвини Гримма в некомпетентности, он обратился за помощью к одно му из его крайне левых оппонентов, Фрицу Платтену. Платте встретился с Ромбергом и передал ему предложения Ленина Зиновьева. Ромберг быстро уладил вопрос, добившись от гер манского Министерства иностранных дел разрешения на про езд по территории Германии любого количества российски эмигрантов в поезде, получающем на время поездки экстерри ториальный статус. Освобождения немецких военнопленных н требовалось вообще[4*].

Вне себя от радости, Ленин немедленно продумал вместе Зиновьевым все детали предстоящей поездки. Каждый из трид цати двух пассажиров должен был сам оплатить проезд, так ка немецкое правительство не выделяло никаких субсидий. Вмест с большевиками ехали представители других социалистически фракций — в частности, женщина из еврейского Бунда с четы

---

* Георгий Вернадский цитирует слова немецких генералов о возвращении Ленина в Россию. Генерал Гофман: «Точно так же, как я бросаю гранаты по траншеям врагов, как я пускаю против них ядовитые газы, я имею право использовать против вражеских сил средства пропаганды». Генерал Людендорф: «За отправление Ленина в Россию наше правительство приняло на себя особую ответственность». (См.: Г. Вернадский. Ленин — красный диктатор. М. 1998.)

ростетним сыном Робертом. Договорились, что 27 марта все участники поездки приедут в Цюрих и встретятся в отеле «Цеппингерхоф», а затем местным поездом доедут до германской границы. Ленин попросил Платтена, так умело договорившегося с Ромбергом, сопровождать их в поездке. При этом Ленин мог рассчитывать, что на пути от Швейцарии до Дании ему не придется разговаривать ни с одним немцем.

Надежда Константиновна попыталась убедить мужа ехать одному. Она хотела задержаться, чтобы успеть упаковать большевистские архивы, собрать и уложить необходимые вещи, привести в порядок банковские счета и договориться со знакомыми о переписке. Помимо всего, она хотела бы взять с собой прах матери, чтобы перезахоронить его в России[5]. Но Ленин требовал, чтобы жена ехала вместе с ним, ведь их ждет революция. Главное, не забыть взять с собой самые необходимые вещи, а также, как в то время было принято у русских, одеяла и подушки. В оставшееся до отъезда время путешественникам приходилось терпеть косые взгляды остальных эмигрантов.

В назначенный день пассажиры с цюрихского вокзала отправились в Шафхаузен, где их уже ждал немецкий поезд. На таможенном пункте в деревне Таинген пассажирам пришлось расстаться с частью продуктовых припасов, прихваченных сверх разрешенного лимита (конфискованный шоколад и сахар швейцарские власти разрешили переслать друзьям и родственникам). Дальнейший путь лежал через Альпы. Переехав германскую границу, поезд задержался в Готмадингене. На перроне российским эмигрантам приказали отделиться от остальных пассажиров и пройти в зал ожидания. Здесь к ним подошли два немецких офицера, представились и попросили разделиться на две группы, женщины отдельно, мужчины отдельно. Эмигранты перепугались, не случится ли чего-нибудь с мужчинами. На всякий случай они кольцом окружили Ленина, главу большевистской фракции. Паника оказалась напрасной: офицеры объяснили, что они просто хотели ускорить процесс заполнения деклараций[6]. Когда все документы были готовы, эмигранты заняли места в своем вагоне II-III класса, и поезд отправился в свой исторический путь.

Условия поездки были оговорены заранее. В самом конце вагона в отдельном купе разместились два немецких офицера; перед их купе на полу мелом провели линию, отделявшую «российскую» часть вагона от «немецкой». Знаменитое название «пломбированный вагон» не следует воспринимать буквально, так

как только трое дверей вагона были опечатаны, а четверта рядом с купе немецких офицеров, оставалась открытой. Эми ранты могли общаться с людьми, заходившими в поезд по доро ге. Во Франкфурте Платтен вышел, чтобы купить для пассажи ров пиво и газеты, и попросил нескольких солдат помочь ем занести покупки в вагон. Вместе с солдатами в вагон заглянул железнодорожные рабочие. Неугомонный Карл Радек* сразу ж занялся любимым делом — начал агитировать рабочих совершит революцию в Германии.

К неудовольствию Ленина, германское правительство дал разрешение на проезд в эмигрантском вагоне лидеру немецки профсоюзов Вильгельму Янсону. Янсон сел на поезд в Штутгарт Посоветовавшись, россияне решили, что не будут общаться с Ян соном, о чем ему было сообщено через Платтена. Не хватало еще чтобы в Россию дошли слухи о разговорах с гражданином враж дебного государства на вражеской территории. Эмигрантам и бе того пришлось немало рисковать[7].

Волнения последних дней совсем издергали Ленина. Он и лучшие времена не бывал особо спокойным, а теперь любой шум выводил его из себя. Ленин специально занял отдельное купе для себя и супруги, чтобы иметь возможность в дороге спокойно работать, однако в соседнем купе расположилась очень шумная компания — Радек, Инесса Арманд и Григорий Сафаров с мо лодой женой Ольгой Равич. Если эти четверо прекращали петь то лишь для того, чтобы начать громко хохотать над очередным анекдотом Радека. Поздно вечером Ленин не выдержал, ворвался в соседнее купе и гневно набросился на Ольгу[8]. Бедная Ольга стала первой невинной жертвой революционных репрессий — невинной, потому что громче всех шумела не она, а Радек. Ольга пострадала в силу молодого возраста и отсутствия политическ кого влияния. Радека Ленин не тронул, тем более он не мог повысить голос на Инессу, не рискуя разбередить старые душевные раны. Обитатели купе дружно вступились за Ольгу, и Ленину пришлось ретироваться.

Твердость характера он проявил при решении другого быто вого вопроса. Курильщики ходили курить в туалет, так как в одном купе с ними ехали некурящие. Из-за этого у туалета скап ливалась очередь, что, деликатно говоря, причиняло определен ные неудобства. Чтобы как-то решить проблему, Ленин приду мал талонную систему регулирования доступа к туалету. Из лис

* Как вспоминает Крупская, Радек ехал под видом россиянина. (См.: ВоВИЛ, т. 2, с. 227.)

из бумаги он вырезал талоны двух видов: на право посещения туалета по прямому назначению и на право выкурить одну папиросу. Курильщикам пришлось уменьшить число выкуренных папирос, шум и споры в очереди у дверей туалета утихли. Конечно, не следует придавать этому малозначительному комическому эпизоду слишком много значения, но нельзя не отметить, что даже в бытовых мелочах Ленин проявлял подход, типичный для организации социалистического общества. Он не сомневался в том, что социалистический строй требует в первую очередь централизованной и координированной системы оценки потребностей и распределения продуктов и услуг. После победы Октябрьской революции Ленин пойдет еще дальше и запретит всякую деятельность, которую сочтет неприемлемой. Но пока что ему приходилось сдерживаться. Он не мог полностью запретить курение, но вынудил курильщиков ограничивать свое желание дымить сколько вздумается и где вздумается*.

Когда Ленин наводил порядок среди курильщиков, Радек предположил, не думает ли тот когда-нибудь возглавить революционное правительство[9]. Каким невероятным казался этот прогноз в день, когда поезд с эмигрантами-большевиками целый день простоял на запасном пути в Берлине![10]

30 марта 1917 года, шесть дней спустя после выезда из Швейцарии, поезд достиг северного порта Засниц. Здесь пришлось заполнять новые декларации. Ленин предложил пассажирам в целях предосторожности придумать себе новые псевдонимы. Новые декларации приняли без звука, хотя чрезмерная конспирация не имела никакого смысла, ведь немцы располагали подробными данными о российских пассажирах. В результате, когда доверенный помощник Ленина Якуб Ганецкий послал из шведского Треллеборга телеграмму с запросом, находится ли среди пассажиров господин Ульянов, немцы вначале ответили, что такого в списке нет.

Когда наконец выяснилось настоящее имя лидера большевиков, пассажиры купили билеты на паром «Королева Виктория», в этот же день выходивший из Засница в Треллеборг. Море было неспокойным, российские пассажиры страдали от морской болезни, и только Ленина, Зиновьева и Радека ни разу не стошнило. Не исключено, что они просто прихвастнули, но их рассказ вполн-

* «На три ордера одной категории, три билета категории А, предназначенных для законно пользующихся оным помещением, следовал один билет для курящих. Это вызвало споры о том, какие потребности человеческие имеют большую ценность...» (См.: К. Радек. В пломбированном вагоне, ВоВИЛ, т. 4, с. 110.)

не может оказаться правдой — если бурные политические деба ты на палубе парома на самом деле отвлекли их от дурноты.

В Треллеборге россиян встретил Ганецкий и устроил для ни настоящий пир. Изголодавшись за дорогу, гости набросились н угощение, и только Ленин не отходил от Ганецкого, слушая но вости о событиях в России. На следующий день путешественни ки поездом отбыли в Стокгольм, где их вновь ждал торжествен ный прием. Впервые за всю политическую карьеру Ленина ег принимали зарубежные официальные лица. Мэр Стокгольм Карл Линдхаген устроил для россиян завтрак. В газете «Politiken появилась статья о возвращающихся эмигрантах и — опять впер вые — фотография Ленина. Краткое пребывание в Швеции ста ло для большевиков ступенью на пути к славе.

Радек понимал, что теперь Ленину волей-неволей придетс заняться своим внешним видом, о чем и сообщил с обычным дл него сарказмом:

> «Вероятно, добропорядочный вид солидных шведских товарище вызвал в нас страстное желание, чтобы Ильич был похож на че ловека. Мы уговаривали его купить хотя бы новые сапоги. Он ехал в горских сапогах с гвоздями громадной величины. Мы ем указывали, что если полагалось портить этими сапогами тротуа ры пошлых городов буржуазной Швейцарии, то совесть должн ему запретить с такими инструментами разрушения ехать в Пет роград, где, быть может, теперь вообще нет тротуаров»[11].

Пришлось лидеру большевиков пойти в магазин и купить под ходящую к данному случаю одежду и обувь. Теперь Ленин, оде тый как полагается, был полностью готов к борьбе с российским Временным правительством.

31 марта россияне вечерним поездом отправились из Стокгольма в Финляндию. (Ганецкий, Радек и В. В. Воровский* остались, чтобы вести зарубежные дела большевиков.) Теперь у Ленина и Надежды Крупской не было отдельного купе. Напротив Ленина сидел грузинский большевик Георгий Сухиашвили. Он вспоминает, как Владимир Ильич «быстро пожирал глазами газеты». Читая российскую прессу, он постоянно ругал меньшевиков: «Ах, канальи!... Ах, изменники!»[12]. Через несколько часов (за это время прозвучал не один десяток сердитых ленинских вос-

---

* *Вацлав Воровский* (1871–1923) — политический деятель, публицист. Один из первых литературных критиков-марксистов. С ноября 1917 года посол в скандинавских странах, с 1921 года полпред в Италии.

описаний) поезд подъехал к городу Харапанда на финской границе. Здесь пассажиры вышли. На санных упряжках они, переехав через дорожный мост, отправились в пограничный поселок Торнео, где перед отъездом в Хельсинки их быстро досмотрели российские пограничники. Перед отправлением поезда Ленин купил свежие номера «Правды», уселся в уголок в зале ожидания и погрузился в чтение. Здесь его поджидали две очень неприятных новости. Во-первых, газета публиковала неопровержимые свидетельства того, что Малиновский был агентом «охранки». Потрясенный Ленин побледнел. Зиновьев вспоминает: «Несколько раз Ильич с глазу на глаз возвращается к этой теме. Короткими фразами. Больше шепотом. Смотрит в глаза. „Экий негодяй! Надул-таки нас. Предатель! Расстрелять мало!"»[13] Второй неприятностью были новости из большевистского Центрального Комитета, во главе которого стояли Лев Каменев и Иосиф Сталин, освободившиеся из сибирской ссылки: Центральный Комитет принял политику условной поддержки Временного правительства. Теперь Ленин ругал большевиков из ЦК с таким же презрением, как совсем недавно — меньшевиков.

Дальнейший путь возвращавшихся эмигрантов лежал из Хельсинки в Петроград. Поезд шел со скоростью не свыше сорока миль в час, нетерпение пассажиров нарастало. За двадцать миль к северу от столицы, в Белоострове, поезд задержался на русско-финской административной границе. Обычный паспортный контроль, таможенные формальности. Навстречу возвращавшемуся главе фракции большевистский ЦК выслал Каменева — поприветствовать Ленина и рассказать о том, что ждет его в Петрограде. Ленин сразу же набросился на Каменева: «Что это вы там пишете в „Правде"? Мы видели пару номеров и какими только именами вас не называли!»

Поздним вечером 3 апреля поезд подходил к российской столице. Ленин нервничал. Вопреки заверениям Каменева, он боялся, что сразу же по прибытии его арестуют. Однако Каменев не соврал. На столичном Финляндском вокзале пассажиров встречало большевистское руководство, а также эсеры и меньшевики из Петроградского Совета. За двадцать минут до прихода поезда кронштадтские моряки выстроились в почетный караул; их командир надеялся, что Ленин обратится к матросам с приветственным словом. Время близилось к полуночи. Меньшевик Николай Чхеидзе, председатель Петроградского Совета, готовился выступить с приветственной речью. У вокзала собралась толпа рабочих и солдат. (Точно так же на Курском вокзале

встречали лидеров социалистических партий, возвращавшихся из сибирской ссылки.) Все, не отрываясь, смотрели на север, откуда наконец показался свет приближавшегося поезда. Толпа отступила к зданию вокзала. Паровоз, как огнедышащий дракон, окруженный клубами пара, с грохотом остановился. Впервые за десять лет Ленин ступил на российскую землю.

С самого начала планы встречавших пошли наперекосяк. Ленин отказался присоединиться к общему ликованию и духу товарищества. В импровизированной речи перед моряками из почетного караула он заявил, что Временное правительство обманывает их[14]. С первой же минуты на российской земле Ленин повел себя так, как собирался действовать и в дальнейшем. В сопровождении Надежды Константиновны и Каменева он прошел в зал, ранее предназначавшийся для императорской семьи. Здесь Ленина, как почетного эмигранта, приветствовал Чхеидзе. Чхеидзе призвал Ленина к сотрудничеству всех социалистических сил, но Ленин лишь взглянул на него и произнес нечто о «мировой социалистической революции». Выйдя из здания вокзала, Ленин взобрался на броневик, подогнанный к вокзалу местными большевиками, и оттуда обратился к собравшимся. Он говорил о необходимости свержения капиталистического строя в России и остальной части Европы, о том, что истинные социалисты должны отказаться от какой бы то ни было поддержки Временного правительства.

Слушатели менее всего ожидали от Ленина этих слов. Те из них, кто стоял достаточно близко и мог все слышать, подумали, что оратор совсем потерял голову. Каменев, как и остальные большевики, решил, что за десять лет эмиграции Ленин полностью оторвался от реальности. Даже Надежда Константиновна, кажется, усомнилась в его здравомыслии[15]. Слова Ленина понравились лишь немногим. Александра Коллонтай и Александр Шляпников были в их числе. Однако нашлись и сторонники из числа рядовых членов фракции большевиков, которым также была не по душе поддержка Временного правительства. У Ленина опять появился шанс — и эта возможность с течением времени должна была лишь возрастать — сформировать антиправительственную партию. Человек, стоявший на броневике поздней апрельской ночью, не был одиноким волком; он был членом партийной группы, становящейся все слышнее и сильнее. В Петроград вернулся лидер, способный придать ясность большевистским идеям и решительность — большевистской деятельности.

Еще в дороге из Швейцарии в Россию Ленин набросал в общих чертах план будущей стратегии — «Апрельские тезисы». На пути из Белоострова в Петроград он оттачивал четкие, язвительные формулировки «Тезисов». Их было десять, одни довольно подробные, другие — краткие. Создавая «Тезисы», Ленин рассчитывал приобрести сторонников из числа не только большевиков, но и всех крайне левых социалистов, недовольных Временным правительством.

На тему «Апрельских тезисов» написано множество работ. Большинство из них исходит из предпосылки, что Ленин как политик не был склонен к словесным недомолвкам, но это мнение абсолютно неверно. Ленину действительно хотелось, чтобы большевики взяли власть, но прямо заявлять об этом было бы опасно. Он вернулся в Петроград не для того, чтобы стать жертвой собственной неосторожности, поэтому ему приходилось маскировать недвусмысленные цели под осторожными формулировками. За время войны представление Ленина о большевизме изменилось. Он отошел от традиционного для российских марксистов подхода к буржуазно-демократической революции как первой стадии революционного процесса, за которой последует вторая стадия — социалистическая революция, сопровождающаяся социальным и экономическим крушением капитализма. В апреле 1917 года он потребовал отказа от «старого большевизма» и сведения двух стадий революционного процесса в одну. Явного изложения новых требований Ленин избегал: то ли он не желал признавать, что его собственные стратегические планы изменились, то ли не хотел ввязываться в новые теоретические дискуссии в момент, когда был занят прежде всего утверждением своей политики действий.

В «Апрельских тезисах» Ленин доказывает, что прежде всего следует сместить Временное правительство, ибо лишь таким путем можно радикальным образом решить политические, экономические и социальные проблемы России и завершить войну подписанием мира на условиях, приемлемых для всех воюющих народов.

Ленинская революционная стратегия после 1905 года, когда он задался целью совершения буржуазно-демократической революции и установления «временной революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства», вызывает ряд серьезных вопросов. Ленину никогда не удавалось успешно отражать обвинения в том, что его идеи, будучи претворены в жизнь, породят деспотический режим, а может быть, и гражданскую

войну. «Апрельские тезисы» давали ответы на эти обвинения в еще меньшей степени, чем предыдущие работы Ленина. Деспотический, репрессивный режим был составной частью ленинского стратегического плана, но Ленин не желал признавать очевидного факта. Он, так любивший логические пышности в текстах, в данном случае не заботился о сохранении логики и не отвлекался на всякие «мелочи». Пришло время, твердо заявил Ленин, начинать движение к власти.

4 апреля Ленин сделал несколько публичных выступлений на собраниях. Первое из них состоялось рано утром в помещении Петроградского комитета большевиков, располагавшегося на Кронверкском бульваре в особняке, ранее принадлежавшем балерине Матильде Кшесинской, бывшей любовнице императора Николая II. Ленин произнес гневную обличительную речь против перестраховщиков из большевистского ЦК. Кажется, волнения и трудности последних дней эмиграции и долгая дорога не оставили на этом человеке никакого следа: он был яростен, как дикий бык, нетерпелив и непреклонен, как стрела, направленная в цель. Слушатели не могли поверить своим ушам: такой решимости до сих пор не проявлял ни один из членов партии.

Да и в других партиях мало кто мог сравниться с Лениным в решимости и уверенности. Большинство лидеров российской политики, хаотичной и непредсказуемой, в той или иной степени сомневались в правильности избранного пути и поэтому нуждались в поддержке и одобрении товарищей. Правда, были и исключения. Ни лидер партии кадетов Павел Милюков, ни эсер Александр Керенский в такой поддержке не нуждались, твердо переносили любую критику и были готовы взять на себя ответственность за развитие революции в России, если обстоятельства будут способствовать этому. Точно так же думал и Ленин, только он, в отличие от конкурентов, не собирался заниматься перестройкой Временного правительства. Целью Ленина была вторая революция.

Но прежде всего Ленину нужно было обжиться в непривычных условиях. Вернувшись в Петроград, он даже не знал, где остановится на ночлег. Об этом позаботились родные. В доме 48 по улице Широкой на Петроградской стороне, в районе к северо-востоку от центра города, жили Анна Ильинична с супругом Марком. Вместе с ними в квартире многоэтажного дома, построенного на рубеже столетий, проживала Мария Ильинична. Именно сюда пришли Владимир Ильич и Надежда Константиновна после встречи в ЦК.

Ульяновы еще не разобрались до конца в бурных российских событиях. Ясно было лишь одно: время скитаний по заграницам ушло безвозвратно. Надежда Константиновна вспоминает о первом семейном вечере в Петрограде:

> «Когда мы остались одни, Ильич обвел комнату глазами, это была типичная комната петроградской квартиры, почувствовалась реальность того факта, что мы уже в Питере, что все эти Парижи, Женевы, Берны, Цюрихи — это уже действительно прошлое. Перекинулись парой слов по этому поводу»[16].

Долго беседовать не пришлось: было уже поздно, а назавтра предстояли важные встречи. Ленин с супругой спали раздельно. Гора Лозгачев, приемный сын Анны и Марка, повесил над кроватями Ульяновых лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»[17] Сцена весьма характерная: супружеская жизнь в этой семье давно отошла на задний план, Владимир Ильич и Надежда Константиновна думали прежде всего о политических задачах. В 1907 году возможность непосредственно влиять на события российской политики ускользнула от них, и вот теперь она возвращалась. Второй раз упускать такую возможность было никак нельзя.

Но прежде чем броситься в политический водоворот, Ленин хотел исполнить сыновний долг перед покойной матерью. После завтрака он попросил друга семьи, большевика Владимира Бонч-Бруевича, раздобыть автомобиль для поездки на Волково кладбище, где покоились Мария Александровна и Ольга. Бонч-Бруевич ждал, что у могил матери и сестры Ленин расплачется, но тот сдержал слезы. С самого детства Ульяновых приучали не показывать чувств. В этом отношении Бонч-Бруевич был намного более типичным русским, чем Ленин.

В Петрограде Ленин наслаждался общением с сестрами, которых так давно не видел. (С братом Дмитрием, по-прежнему работавшим врачом в Крыму, он встретится лишь через два года.) Владимир Ильич с удовольствием играл с маленьким Горой Лозгачевым. Анна Ильинична была очень строгой хозяйкой, в ее присутствии все дети должны были идеально себя вести. Она не разрешала мужу баловать приемного сына[18]. Но ругать Владимира Ильича она не осмеливалась. Когда брат с племянником поднимали шум, она уходила из комнаты. А те переворачивали все кверху дном — им ничего не стоило начать бросаться стульями. Это были грубоватые, мужские игры, Владимир Ильич гонял

бедного Гору по всей комнате. Однажды они так разбушевались, что пришлось вмешаться Надежде Константиновне: «Володя! Ну, ты его уже совсем замучил, оставь ребенка в покое! Посмотри, что вы наделали — вы же сломали стол!»[19] Это Ленин внезапно прыгнул на мальчика, и оба свалились, опрокинув стол. Услышав грохот, в комнату вбежала перепуганная Анна Ильинична[20]. Если бы что-нибудь подобное сотворил ее муж, ему наверняка досталось бы по первое число, но брат — другое дело. Владимиру, любимцу всей семьи, можно было простить что угодно. Конечно, его можно было пожурить (мягко, очень мягко), но перечить ему не дозволялось. Как и в детстве, Владимир Ильич оставался семейным баловнем.

После казни Александра Анна Ильинична перенесла сестринскую любовь и восхищение на среднего брата. Для сестры Владимир был воплощением идеала писателя и общественного деятеля. К тому же успешная общественная карьера брата могла залечить старые раны, нанесенные семье при царском режиме. В глазах сестры Владимир, намеревавшийся уничтожить пережитки ненавистного режима, был борцом за благородное дело.

Мы не знаем, как часто Ленин вспоминал о казни старшего брата. Зато известно, что он был склонен к политическим суждениям, далеким от здравомыслия. Под маской хладнокровного политика скрывалась страстная натура. Что бы конкретно ни думал Ленин о царском режиме, он пламенно выступал против всего существовавшего в царской России общественного порядка. Банкиров, аристократов, промышленников он презирал, а либералы казались ему ничуть не лучше консерваторов и крайних реакционеров. Во Временном правительстве Ленин, в отличие от остальных революционеров, видел не воплощение нового политического строя, а всего лишь новую форму старого. Следуя своей версии марксистской теории, он обвинял «министров-капиталистов» и их сторонников во всех возможных грехах. Не только марксизм был повинен в непримиримости Ленина. На его душе тяжким грузом лежала память о страданиях семьи. Стоя у родных могил на Волковом кладбище, он не мог не вспоминать, как травили и презирали Ульяновых в Симбирске после казни Александра. Владимир Ильич не умел забывать и прощать. Став взрослым, он начал обвинять любых противников царского режима, если они не были социалистами. Такие борцы с царизмом были для него ничуть не лучше самого царизма. Ленин, хотя он никогда не заявлял об этом прямо, хотел свести старые счеты со всем российским обществом. Он жаждал мес-

...В этом желании Ленин не был одинок. Свои счеты с царизмом были не только у оставшихся в живых его родных, не только у членов его партии, но и у многих других россиян.

С такими мыслями возвращался Ленин с Волкова кладбища, направляясь на второе в этот день политическое совещание, проходившее в зале 13 Таврического дворца. До революции в этом здании находилась Государственная дума, а теперь здесь заседали Временное правительство и Петроградский Совет. Здесь же проходили совещания и собрания крупных политических партий. 3 апреля сюда съехались большевики на Всероссийскую конференцию Советов рабочих и солдатских депутатов. Те, кто до сих пор не слышал выступлений Ленина, были поражены. Ленин заклеймил большевиков, выступающих за примирение с меньшевиками (правда, не называя конкретных имен). Перед слушателями прозвучали и «Апрельские тезисы» с разъяснением их смысла. Аудитория, кроме разве что Александры Коллонтай и Александра Шляпникова, была в шоке. Каменев решил, что его товарищ утратил остатки здравого смысла. Друзья Ленина надеялись, что со временем он вживется в реалии российской общественной жизни и наконец успокоится. Не может же это безумие продолжаться вечно?

Выступление Ленина длилось около полутора часов. У собравшихся не было возможности устраивать долгие дебаты по его содержанию, потому что Ленина ждало третье за тот день выступление в этом же здании внизу, в бывшем зале заседаний Думы, где должно было состояться общее собрание меньшевистских и большевистских делегатов Всероссийской конференции Советов рабочих и солдатских депутатов. В зал 13 поднялись представители от фракции меньшевиков, чтобы через товарищей-большевиков убедить Ленина принять участие в этом собрании.

На собрании, где председательствовал Николай Чхеидзе, Ленин вновь изложил свою платформу — в третий раз за день. Голова его была ясна, тело полно энергии, как будто не было долгого, тяжелого пути из Швейцарии. На этот раз его выступление носило критический характер. Первым объектом беспощадной ленинской критики стал меньшевик Ираклий Церетели из Петроградского Совета, призывавший к объединению фракций. По мнению Церетели, преждевременный приход партии к власти в государстве грозил катастрофическими последствиями. Церетели миролюбиво предложил сотрудничество Ленину, но тот, подойдя к трибуне, немедленно крикнул разочарованному оратору: «Никогда!»[21] И. П. Гольденберг, бывший большевик, в сво-

ем выступлении сравнил Ленина с анархистом середины девятнадцатого столетия Михаилом Бакуниным, выступавшим против самого Маркса:

> «Трон, пустовавший тридцать лет со дня смерти Бакунина, теперь занят. С этой кафедры водружено знамя гражданской борьбы в среде революционной демократии. Программа Ленина — чистое бунтарство, которое ведет нас в трясину анархии. Это тактика всемирного апостола разрушения — Бакунина»[22].

Естественно, после такой атаки не могло быть и речи о быстром примирении большевиков и меньшевиков. К выступлению Гольденберга присоединились и другие ораторы. В перерыве Чхеидзе высказал о произошедшем свое мнение: «Вне революции останется один Ленин, а мы все пойдем своим путем»[23].

В одиночестве Ленин не остался. Он был вполне доволен результатами первого рабочего дня в Петрограде, и в течение последующих недель намеревался закрепить достигнутое. При любой возможности он клеймил Временное правительство, клеймил меньшевиков и эсеров за поддержку Временного правительства, клеймил большевиков, симпатизирующих меньшевикам и эсерам. Он выступал на собраниях, писал статьи в «Правду», направлял действия большевистского Центрального Комитета. В поисках новостей он беседовал с приезжающими в Петроград из российских губерний, перечитывал прессу других партий и не терял связи с находившимся в Стокгольме Радеком, чтобы иметь возможность держать руку на пульсе военной и политической ситуации в Европе. «Апрельские тезисы» должны были лечь в основу революционной стратегии большевиков, и этой главной цели была посвящена вся кипучая деятельность Ленина.

Нельзя сказать, чтобы в эти дни Ленин совсем не проявлял гибкости. Ему хватило такта признать в «Апрельских тезисах», что далеко не все сторонники Временного правительства — отъявленные империалисты. Он осознавал, что большинство рабочих и солдат остается патриотами своей страны, желающими военного поражения Германии. Вести большевистскую пропаганду среди них следовало очень осторожно. Без надежной поддержки широких народных масс будет невозможно удержать власть, а для успешного обращения значительных народных масс в большевизм большевики должны прежде всего достичь большинства в Советах и других массовых организациях. Поэтому большевики должны использовать и укреплять любую возможность дей-

ствовать легально. Решающее значение имеет пропаганда партийных идей в прессе и на открытых собраниях общественности. Ленин не хотел создавать себе новые трудности, открыто пропагандируя действия, которые вызвали бы репрессии со стороны полиции.

Вернувшись в Петроград, Ленин понял, что его лозунги никуда не годятся. Подавляющее большинство слушателей с глубокой тревогой воспринимало его слова о необходимости «превращения империалистической войны в европейскую гражданскую войну». Рабочих, солдат и крестьян совсем не радовала перспектива «революционной войны» и диктатуры. Что же касается ленинского обращения к социалистам всех стран Европы бороться за поражение своих правительств в войне, то оно звучало просто оскорбительным для всех слоев российского общества.

Прежние лозунги исчезают из статей, написанных Лениным для «Правды», из текстов многочисленных выступлений на различных открытых собраниях. Разумеется, он продолжает верить в их истинность и полное соответствие эпохе социалистических преобразований — эпохе, по твердому убеждению Ленина, уже наступившей. Однако в данный момент от этих лозунгов следовало воздержаться. Прислушавшись к предостережению Каменева, Ленин так и сделал. Но все же его призывы, даже в измененном виде, резко контрастировали с программой Временного правительства. Ленин призывал к власти Советов, требовал национализации крупных промышленных предприятий и банков, настаивал на необходимости государственной экспроприации сельскохозяйственных угодий. Призывая к установлению мира во всей Европе, он убеждал, что этого может достичь только социалистическая администрация, созданная Советами.

Ленин не уставал повторять, что меньшевики и эсеры, поддерживающие идею сотрудничества Петроградского Совета с Временным правительством, в лучшем случае глупцы, а в худшем — ренегаты. Он полностью отвергал главный аргумент своих оппонентов, который некогда разделял и сам — а именно, что Россия находится на слишком низком уровне промышленного и культурного развития, чтобы можно было говорить о начале перехода к социализму. Он напрочь отрицал, что лучшей защитой для страны от вражеского завоевания стал бы политический альянс всех классов российского общества. А над лозунгом о защите завоеваний Февральской революции как важнейшей задаче момента он открыто смеялся, хотя и соглашался с мнени-

ем, что теперь Россия стала «самой свободной страной в мире». Ленин, как заезженная грампластинка, без конца повторял: меньшевики и эсеры находятся в подчинении у кадетов, а все вместе они составляют империалистическое правительство. Павел Милюков, сторонник расширения российской территории за счет Оттоманской империи, стал в новом правительстве министром иностранных дел. Не доказывает ли это, говорил Ленин, что с заменой Николая II на Временное правительство в государственной политике России ничего не изменилось?

Дальнейшие события развивались в пользу Ленина. Стало известно, что Милюков уведомил союзные правительства стран Антанты о поддержке новым правительством России военных целей, выдвинутых при Николае II. 20 и 21 апреля в российской столице прошли массовые демонстрации протеста, в результате Милюкову и Гучкову пришлось покинуть Кабинет Министров. Князь Львов образовал новую правительственную коалицию, в которую вошли представители социалистических партий, в том числе обладателями министерских портфелей стали меньшевики и эсеры. Представители этих партий приобретали все большее влияние в верхних эшелонах власти. Но при этом они принимали на себя часть ответственности за неспособность Временного правительства справиться с многочисленными кризисами в стране.

24 апреля на Всероссийской конференции большевиков, проходившей в бывшем особняке Кшесинской, Ленин взял быка за рога. Нота Милюкова доказывает, сказал он в своем выступлении, что Временное правительство не достойно доверия. Речь Ленина растопила лед в сердцах колебавшихся большевиков. (На конференцию были приглашены в основном большевики, поддерживавшие «Апрельские тезисы» либо колебавшиеся, ярых противников «Тезисов» в зале было не много.) Многие из противников Ленина к этому времени уже покинули ряды большевистской фракции, к тому же Ленин смягчил язык своих публичных выступлений, что несколько успокоило сомневавшихся. Успокоились даже те, кто совсем недавно атаковал Ленина в ЦК. Ленин согласился с мнением товарищей, что в данный момент следует бросить все силы не на восстание, а на пропаганду. Но за закрытыми дверями особняка Кшесинской, выступая перед делегатами большевистской конференции, он вновь потребовал установления социалистической диктатуры. Лишь она, подчеркивал Ленин, способна дать землю крестьянам, хлеб и работу рабочим, национальное самоопределение нерусским народам, и

всем — мир. В ответ последовали возражения, что Ленин отвергает традиционную марксистскую идею о многостадийности исторического развития. Большинству делегатов, однако, не хватило терпения, чтобы углубляться в детали. Обращение Ленина, призывавшее большевиков сыграть свою роль в неминуемой революции в России и других странах Европы, уничтожило последние сомнения. Ленин торжествовал победу. Его выступления по «национальному вопросу» и «аграрному вопросу» также прошли «на ура». Большевизм вновь твердо вставал на ноги[24].

Пламенные выступления Ленина произвели огромное впечатление на слушателей и еще более укрепили его положение в партии. И Ленин, и остальные делегаты конференции видели, что ситуация в стране меняется в пользу крайне левых. Трудности, с которыми сталкивалось новое российское правительство, в текущих условиях были практически непреодолимыми. Промышленность и торговля деградировали, не хватало продовольствия, с фронтов приходили тяжелые вести. Государственная администрация, неповоротливая с самого начала, находилась в угрожающем положении. Рабочие, солдаты и крестьяне, получившие после свержения монархии доступ к открытой политике, ожидали от новой власти гораздо большего, но Временное правительство было не в состоянии выполнить их требования.

16

Поле битвы

Май–июль 1917

Битву за партию Ленин выиграл. Теперь ему предстояло завоевать поддержку простых граждан. Убеждать присутствовавших на партийной конференции большевистских лидеров и активистов было намного проще, чем создать сеть пропаганды и агитации вне рамок фракции. Чтобы «власть Советов» стала реальностью, следовало увлечь идеями большевизма значительную часть населения страны. У большевиков не было абсолютной уверенности в успехе своего начинания.

Лозунги Ленина предназначались не только для рабочих, солдат, матросов и крестьян. Он хотел добиться поддержки националистов нерусского происхождения. В бедах России, заявлял он, в первую очередь повинны крупные промышленники, банкиры и помещики. Эта малочисленная группа эксплуататоров паразитирует на теле народа — эксплуатируемого большинства. Ленин всегда претендовал на научность и отсутствие сентиментальности, но как далек от этих принципов язык его воззваний, эмоциональный и нравоучительный. Чтобы не увеличивать число противников большевизма, Ленин избегает угроз и оскорблений в адрес мелких предпринимателей, лавочников и ремесленников, не говорит ничего плохого о христианских священниках, муллах и раввинах, не критикует чиновников и служащих. Он стремится очистить поле для главной политической битвы — битвы «пролетариата» с «буржуазией».

Во всех ленинских статьях и выступлениях этого времени красной нитью проходят слова: буржуазия уже перешла в наступление, и теперь единственной силой, способной защитить рабо-

чий класс, являются большевики и только большевики. Империалистическое по своей сути Временное правительство, по словам Ленина, послушно интересам российских грабителей-капиталистов и вводит в заблуждение простой народ:

> «Разруха грозит. Катастрофа идет. Капиталисты привели и приводят все страны к гибели. Спасение одно: революционная дисциплина, революционные меры *революционного класса*, пролетариев и полупролетариев, переход всей государственной власти в руки этого класса, который сможет на деле ввести именно такой контроль, на деле провести победоносно „борьбу с тунеядством"»[1].

Чрезвычайно своеобразен язык Ленина, его непримиримый марксистский жаргон. (Для уха подавляющего большинства сограждан термины типа «пролетарий» и тем более «полупролетарий» звучали довольно странно.) Для Ленина характерны язвительные и колкие выпады, без конца повторяющиеся слова о разрухе, катастрофе, гибели. Его выступления с трибуны публика слушала, как завороженная. Пронизывая слушателей пристальным взглядом, он расхаживал по трибуне, заложив большие пальцы рук за края жилетки. Типичная для школьного учителя жестикуляция дополняла имидж человека, владеющего настоящим знанием и готового делиться этим знанием со слушателями. Вообще-то говоря, Ленин, не был блестящим оратором. Ему не сразу удавалось войти в ритм речи, к тому же он с детства не выговаривал звук «р». Но эти недостатки не мешали аудитории, а неуклюжая, коренастая фигура оратора производила впечатление страстности и силы воли. Собственно говоря, до изобретения звукоусиливающей аппаратуры слова оратора на открытых собраниях и митингах зачастую бывало трудно расслышать, и аудитория делала выводы не столько из услышанного, сколько из увиденного. Имидж бескомпромиссного, воинственного лидера, выступающего в поддержку рабочего дела, производил не меньшее впечатление на слушателей, чем содержание его речей.

Определенное значение имел и новый внешний вид Ленина. Перед отъездом из Швеции Ленин по настоятельной просьбе Карла Радека купил новый костюм, обувь и кепку. Тяжелые стоптанные альпинистские ботинки были преданы забвению. Новой визитной карточкой Ленина стала знаменитая, вошедшая в историю (в том числе в историю моды) «ленинская кепка». Комментаторы обычно утверждали, что Ленин пользовался головным

убором, типичным для российских рабочих того времени. В действительности же Ленин купил свою любимую кепку в Стокгольме. Мягкие просторные кепки, подобные ленинской, на рубеже столетий носили художники[2]. Как и остальные политики, Ленин носил элегантный деловой костюм, но кепка, придававшая его облику нечто простецкое, резко выделялась на фоне стильных шляп — точно так же, как и бесшабашная ленинская политика.

В отличие от политиков-конкурентов, Ленин наслаждался революцией, получал наслаждение от каждого прожитого дня и ждал того же от остальных россиян. Он призывал их отбросить нерешительность и с энтузиазмом ухватиться за открывающиеся перед ними возможности. С удовольствием общался Ленин с рабочими и солдатами, приходящими на собрания послушать его выступления. Он любил шумную, возбужденную атмосферу собраний и митингов, где воплощались в жизнь его марксистские убеждения. Как-то, вернувшись в квартиру Ульяновых в доме номер 48 по Широкой улице, он признался Надежде Константиновне, что наконец-то нашел себя в политике[3].

Адаптация к бурной российской политике стоила Ленину немалого труда. На одном из собраний (это было вскоре после возвращения в Россию) Ленин сидел в президиуме рядом с Александрой Коллонтай. Перед самым выступлением он вдруг запаниковал и попросил Александру выступить от его имени. Коллонтай, любившая выступать перед широкой аудиторией, очень удивилась: она всегда считала Ленина уверенным в себе политическим лидером. Как могла, она успокоила Владимира Ильича, убедив его в том, что бояться и смущаться нечего. Дружеская поддержка пришлась кстати, Ленин набрался мужества и выступил. С тех пор его вера в себя никогда не нуждалась во внешней поддержке с чьей бы то ни было стороны[4].

Даже противники ленинской политики часто признавались, что его публичные выступления производят незабываемое впечатление. То же самое утверждали и читатели ленинских статей. Ленин, как никто другой, умел излагать свои аргументы. С убежденной воинственностью он рисовал образы врагов и проводимой ими политики. Невольно люди начинали думать, что этот человек способен взять государственную власть в свои руки. Министры Временного правительства по сравнению с ним выглядели безвольными и нерешительными. Кадетам, меньшевикам и эсерам приходилось находить компромиссы друг с другом, для Ленина же слово «компромисс» было непристойностью. Он при-

навал лишь точку зрения, основанную на понятии «классовая борьба». В эти дни Ленин очень много пишет: лишь за май 1917 года в «Правде» опубликовано 48 ленинских статей. Основным проводником партийных идей была газета «Правда», и ни одно имя не появлялось на ее страницах так часто, как имя Ленина. Ленин чувствовал себя в своей стихии. Всеми своими действиями и мыслями он ставил знак равенства между собой и своей партией. Остальные газеты страны держались того же мнения: Ленин — единственная альтернатива политическому status quo.

На протяжении мая и июня Ленин двадцать один раз выступал перед публикой. Здесь и короткие выступления на закрытых партийных собраниях, и пространные изложения большевистской политики и существующего положения (в том числе на Первом Всероссийском съезде Советов). Но основную часть своей энергии Ленин берег для «Правды». Он был политиком печатного слова. Блестящий ученик гимназии, превратившийся в марксистского теоретика, именно он впервые в российском марксизме использовал газету «Искра» как инструмент создания нелегальной политической партии. Основой революционной политики, пробным камнем для проверки истинности революционных убеждений для него всегда было печатное слово. Товарищи, предпочитавшие выступать на митингах и собраниях, попадали под огонь ядовитой ленинской критики[5]. Как видим, общепринятое мнение о том, что в период между Февральской и Октябрьской революциями Ленин проявлял в равной степени мастерское владение всеми приемами ведения политики, не соответствует действительности.

В 1917 году не только политическая, но и культурная жизнь в революционном Петрограде била ключом. Появились в продаже ранее запрещенные книги, открывались художественные выставки, устраивались уличные карнавалы, проходили многочисленные концерты симфонической музыки, выступал всемирно известный оперный певец Федор Шаляпин. Но Ленина не было на этом празднике культуры. Причины этого он так позже объяснял Максиму Горькому:

> «Но часто слушать музыку не могу, действует на нервы, хочется милые глупости говорить и гладить по головкам людей, которые, живя в грязном аду, могут создавать такую красоту. А сегодня гладить по головке никого нельзя — руку откусят, и надобно бить по головкам, бить безжалостно, хотя мы, в идеале, против всякого насилия над людьми. Гм-гм, — должность адски трудная!»[6].

Это слова человека, осознающего, что для успеха в деле революции он не должен доверять собственным чувствам; слова человека, желающего быть готовым безжалостно, с применением насилия, бороться не только против врагов партии, но и против кого угодно. Для Ленина не составляло особого труда подавлять великодушные порывы; он делал это с чрезвычайной легкостью, и чем дальше, тем легче. Конкретные политические задачи данного момента — вот что определяло его действия и мысли.

Однако, прежде чем начать бить по головам, Ленин должен был взять власть. Партии большевиков предстояло свергнуть Временное правительство и основать новые революционные административные органы. Переход к социализму, по мнению Ленина, должен был произойти путем перехода власти к Советам и другим массовым организациям, на основе которых должны быть сформированы административные органы.

С этой точки зрения, для партии большевиков было жизненно важно как можно скорее войти в состав Советов. Большевикам предстояло участвовать в избирательной кампании и в перспективе сменить меньшевиков и эсеров на ведущих постах в Советах. Отвечая на страницах «Правды» на обвинения в подготовке маленькой партией большевиков государственного переворота, Ленин писал: «Только тогда мы будем за переход власти в руки пролетариев и полупролетариев, когда Советы рабочих и солдатских депутатов станут на сторону нашей политики и захотят взять эту власть в свои руки»[7]. Ленин утверждал, что не готовится к захвату власти вне зависимости от общественного мнения, а приоритетом для партии большевиков в настоящее время является завоевание большинства в Советах.

Министры на свой страх и риск игнорировали деятельность Советов, хотя само существование Временного правительства стало возможным благодаря молчаливому согласию Петроградского Совета. В июне должен был состояться Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Советы намеревались основать общенациональную сеть административных органов, параллельную Временному правительству, и Ленин готовил свою партию к возможности использовать эту сеть в качестве инструмента управления страной.

Ленин был готов вносить изменения в свою политику, подстраивая ее к требованиям масс. В «Апрельских тезисах» он призывал к национализации сельскохозяйственных земель. Однако опрос общественного мнения, проведенный членами партии эсеров, выявил враждебное отношение крестьян к любой фор-

ие национализации земель, и Ленин решает отказаться от лозунга национализации. Ближайшие сподвижники по партии, в особенности Сталин, долго убеждали Ленина, что крестьяне начали беспощадную войну с помещиками, поэтому не имеет смысла даже пытаться объявлять землю собственностью государства. К августу Ленин был готов изменить свое мнение по этому вопросу: ведь без поддержки широких крестьянских масс было бы невозможно удержать власть. Большевистский Центральный Комитет выдвинул новый лозунг — «социализация земли», что давало крестьянам практическую свободу распоряжаться землей. Конечно, Ленину была ближе идея национализации, но ради поддержки со стороны крестьянства можно было и уступить.

Когда Ленину стало известно, что петроградские рабочие начали устанавливать на своих предприятиях «рабочий контроль», он внес еще одно изменение в свою политику. Идея о непосредственном, без направляющей деятельности партии, контроле рабочих за деятельностью предприятий всегда была не по душе Ленину. (Точно так же он ранее отрицал способность крестьянских общин управлять жизнью в своих деревнях.) Но теперь, в условиях революционной ситуации, Ленин настаивал на необходимости привлечения рабочих масс к делу революции, необходимости повышать «творческую инициативу» рабочих. Руководство партии большевиков обязано приложить все усилия для руководства революционным процессом «сверху», а «массы» должны поддержать революцию «снизу». Большевикам приходилось учиться слышать живые голоса рабочих, солдат и крестьян. В 1905–1906 годах большевизм был слишком теоретическим учением. В то время активисты фракции испытывали отвращение к участию в работе Советов, профсоюзов и других массовых организаций, что вызывало гнев Ленина. Теперь, в 1917 году, нельзя повторять старых ошибок. Партия большевиков должна быть максимально гибкой и динамичной, следовательно, она обязана поддерживать петроградских рабочих, желающих контролировать действия руководства своих предприятий.

В мае–июне 1917 года окончательно определились основные направления политики большевиков. ЦК партии и газета «Правда» выступали за революционный переход власти к Советам, за прекращение военных действий на Восточном фронте, а затем — достижение мира во всей Европе. Они призывали к национализации крупных промышленных предприятий и банков, установлению рабочего контроля на предприятиях, передаче земли крестьянам, национальному самоопределению и интенсивному куль-

турному развитию нерусских народов. Авангардом этого политического движения должна была стать партия большевиков, направляющая социальные низы к их общему предназначению — социалистической революции. По замыслу Ленина, российская революция должна быстро распространиться на другие страны Европы, где к власти придут братские социалистические партии. То, что удалось сделать российским рабочим, заявляет Ленин, тем более удастся рабочим развитых промышленных стран.

Сторонникам Ленина такие перспективы показались весьма привлекательными. В эти месяцы пути большевиков и меньшевиков окончательно разошлись. Впервые большевики образовали отдельную от меньшевиков политическую партию. О том, кто ее возглавит, споров не возникало. Став главой партии, Ленин попытался привлечь к партийной работе Надежду Константиновну в качестве секретаря, но той новые обязанности не понравились:

> «Между тем у меня с секретариатом дело все не налаживалось. Конечно, Ильичу было гораздо труднее работать без личного секретаря, но по российским условиям, чтобы быть тем личным секретарем, каким я была раньше, мне нужно было бывать и в редакции и на заседаниях ЦК — это было неудобно. Потолковали с Ильичом, решили — брошу секретарство, уйду в просвещенческую работу»[8].

Эти слова Крупской о себе как о личном секретаре Ленина были опубликованы лишь в 1989 году. До тех пор господствовала официальная точка зрения, что ни дома, ни на работе у Ленина не было никаких привилегий. К тому же присутствие Надежды Константиновны рядом с Лениным усиливало его влияние в ЦК, что явно не нравилось товарищам. Пришлось формально восстановить равные права членов ЦК. Секретарскую работу стала выполнять Елена Стасова, затем ее сменил Яков Свердлов. Ленин предпочел бы на этой должности супругу, но ему пришлось уступить, к тому же он вскоре с облегчением убедился, что и Стасова, и Свердлов являются не меньшими поклонниками его политической деятельности, чем Надежда Константиновна.

Надежда Константиновна сказала далеко не всю правду о причинах перехода на другую работу. Во время ее непродолжительной работы в Секретариате ЦК секретарем редакции «Правды» работала Мария Ильинична. Между женщинами то и дело разгоралось соперничество за внимание Владимира Ильича. Сест-

ры Ленина часто ругали Надежду Константиновну за ее неумение готовить. Крупская никогда не пыталась изображать из себя шеф-повара, а потому не обижалась. Но ей было очень неприятно выслушивать колкости Марии Ильиничны по поводу того, что Владимир Ильич с огромным удовольствием ест приготовленную супругой курятину. Мария Ильинична не могла понять, что поскольку в Швейцарии брату приходилось питаться кониной, отнюдь не удивительно, что он с такой радостью воспринял изменения в семейном меню. Не желая переносить домашние конфликты в центральные органы партии, Надежда Константиновна ушла из секретариата ЦК и сосредоточилась на партийной и педагогической работе в Выборгском районе столицы.

Надежду Константиновну по-прежнему беспокоила базедова болезнь, шалило сердце, но она решила сделать для революции все, что сможет. Кроме партийного долга, у нее была еще одна обязанность — морально поддерживать лидера большевиков. Безумный темп политической гонки не давал ему возможности ни на минуту расслабиться. Вернулись головные боли и бессонница. Мария Ильинична говорила, что здоровье брата подорвала жизнь в эмиграции, где у него не было возможности регулярно и полноценно питаться. Но в Петрограде стало еще хуже, так как Ленин почти не бывал дома. На заседаниях ЦК и редакции «Правды» ему, некурящему, приходилось сидеть в густом табачном дыму. Владимир Ильич чувствовал, что его силы на исходе. Возможно, в то время его уже беспокоили сердечные приступы, участившиеся в последующие два года. Но Ленин никому не говорил об этом. Всю жизнь он шел к революции, и теперь, когда исторический момент настал, он не мог позволить себе упустить свой единственный шанс. Он твердо верил, что без него революция, пущенная на самотек, обязательно потерпит поражение.

Надежда, как могла, пыталась помочь мужу, но это было нелегко. Ленину часто приходилось выступать на партийных собраниях и перед толпами народа:

> «1 мая Владимир Ильич выступал на Марсовом поле. Это был первый праздник мая после свержения царской власти. Выступали все партии. Первое мая было *праздником* пожеланий и надежд, связанным с историей всемирного рабочего движения, с его идеалом мира и социализма. В тот день я лежала в лежку и выступления Владимира Ильича не слыхала, но приехал он не радостно возбужденный, а какой-то усталый.

Он и тогда очень уставал, и потому я не горазд его расспрашивала о работе. С прогулками тоже плохо выходило. Раз ходили на Елагин остров, но показалось там очень людно и толкотливо. Ходили сидеть на набережную Карповки. Потом взяли привычку ходить по малолюдным улицам Петроградской стороны»[9].

Вместо альпийского воздуха, вместо энергичного подъема по узким горным тропам, вместо велосипедных поездок — короткая прогулка вдоль петроградских кварталов, прилегающих к дому.

Но со временем Ленин смог в значительной степени перекладывать важную партийную работу на плечи товарищей по ЦК. Свердлов прекрасно справлялся с обязанностями секретаря, Каменев активно работал в Петроградском Совете, Зиновьев был блестящим оратором, Сталин великолепно выполнял порученные ему задания. На сторону партии большевиков стали переходить другие марксисты, прежде не поддерживавшие большевизм. Одним из них был Феликс Дзержинский, активист польской социал-демократии, ранее тесно сотрудничавший с Розой Люксембург. Более того, как ни удивительно, число приверженцев большевизма пополнил не кто иной, как Троцкий, в мае 1917 года вернувшийся из поездки по Северной Америке. Решение Ленина немедленно перейти к социалистической революции казалось Троцкому молчаливой поддержкой троцкизма. Поэтому Троцкий, решительно порвав с меньшевиками, с удовольствием вступил в единственную крупную партию, безусловно враждебную Временному правительству. Годы препираний Троцкого с большевистской фракцией еще не изгладились из памяти большевистского руководства, и Ленину пришлось на какое-то время отвлечься от основной работы, чтобы убедить менее расчетливых товарищей принять бывшего врага, обладающего прекрасным литературным даром, ораторскими и организаторскими способностями. К Ленину прислушались и Троцкого в партию приняли.

Все же влияние Ленина как внутри партии, так и за ее пределами было ограниченным. Тем более важной была для него деятельность надежной команды товарищей. Ведь большинство людей даже не знало, как Ленин выглядит: российские газеты не печатали его фотографий. В отличие от Александра Керенского, мастера политических технологий образца 1917 года, Ленин не имел возможностей заказать документальный фильм о себе.

В суровой «Правде» не печатали карикатур на Ленина, плакаты с его изображением появились лишь после Октября. Вопреки общепринятому мнению, пропагандистские технологии большевиков в 1917 году не отличались полетом воображения и фантазии. Здесь большевики значительно отставали от других политических партий, уже использовавших фотографии и рисунки для презентации своей деятельности. Но и антибольшевистские издания не могли способствовать популяризации образа Ленина. В кадетской газете «Речь» Ленин на карикатурах представал не приземистым и коренастым, каким был в действительности, а огромным, как медведь. К тому же карикатуристы часто забывали нарисовать его неизменные усы, зато значительно прибавляли волос на голове (Ленин начал лысеть в двадцать лет).

По возвращении в Россию из Цюриха Ленин не покидал Петербурга, уклоняясь от всех приглашений из регионов. Новости о жизни российских губерний он узнавал из газет или от провинциалов, приезжавших в Петроград. Удивительное дело: Временное правительство и антибольшевистские партии наделяли Ленина почти мистической силой и властью (и, надо сказать, этот образ не рассеялся и до наших дней), но на самом деле партия большевиков совсем не была похожа на хорошо смазанный и отлаженный командный механизм. Региональные комитеты не желали четко следовать генеральной линии, выработанной в ЦК. Как и в любой другой политической партии тех дней, в организационной структуре партии большевиков царила анархия. Точно так же, как и остальные партии, большевистская партия зависела от капризов телеграфа и почты. Послания из Петрограда в российскую провинцию шли очень медленно, а то и терялись по дороге. Газета «Правда», центральный печатный орган партии, выходила тиражом всего девяносто тысяч экземпляров (на 160 миллионов россиян)[10], и при этом половина тиража расходилась внутри столицы. Связь между Лениным и простыми россиянами была очень слабой.

Но все равно именно в Ленине враги большевизма видели единственную серьезную угрозу политической стабильности. Либеральные и консервативные издания считали поездку Ленина по территории Германии в специальном вагоне верным доказательством того, что Ленин — немецкий шпион. Менее респектабельная пресса разыгрывала антисемитскую карту и заявляла, что Ленин действует в интересах еврейства. Антиленинская кампания в прессе возбудила страсти, угрожавшие личной безопасности большевистского лидера. Однажды в помещение редакции

«Правды» ворвались две дамы из высшего общества с криком «Мы пришли бить Ленина!» К счастью для Ленина, это был единственный случай. Можно представить себе, что произошло бы, если бы на месте женщин оказался отряд казаков. После этого случая большевистский ЦК принял меры предосторожности: теперь Ленина повсюду сопровождала группа партийцев.

Все чаще Ленин задумывался о том, как найти слабое место во Временном правительстве. Для этой цели как нельзя лучше подошла бы крупная политическая демонстрация, желательно с участием вооруженных солдат и матросов. Детально разработанного плана восстания, да и вообще какого бы то ни было плана, у него не было, он лишь искал слабину власти, за которую можно было бы ухватиться. Первую пробу сил он совершил в апреле, организовав демонстрацию протеста против ноты Милюкова. Вторая попытка должна была состояться в июне. ЦК партии готовил проведение вооруженной демонстрации одновременно с открытием Первого съезда Советов. Неудивительно, что Временное правительство забеспокоилось. Министры провели консультации с меньшевиками и эсерами из Петроградского Совета, обеспокоенными не менее самих министров. Солидаризируясь с Петроградским Советом, Временное правительство решило запретить большевистскую демонстрацию. (Вместо этого Петроградский совет должен был организовать совместную демонстрацию меньшевиков, эсеров и большевиков в поддержку Первого съезда Советов.) Социалисты гордились тем, как ловко они обезвредили бомбу, подложенную Лениным. Чтобы закрепить победу, на проходившем с 3 по 24 июня съезде Советов социалисты основали Всероссийский Центральный исполнительный комитет (ВЦИК) с целью координации действий всех Советов страны ко времени следующего съезда.

После Февральской революции Церетели, Чхеидзе, Дан и Либер, лидеры социалистического движения, успешно действовали в Петроградском Совете. Своим высшим достижением они считали соглашение между Петроградским Советом и Временным правительством о гражданских правах и национальной обороне. Когда Милюков, министр иностранных дел, попытался уклониться от подписания соглашения, Петроградский совет добился его отставки и формирования правительственной коалиции, в которую вошли представители меньшевиков и эсеров. Руководство этих партий рассматривало сотрудничество с Временным правительством как большое благо для российской революции.

Но для Ленина любая форма сотрудничества с Временным правительством была предательством, изменой идеалам социализма. Ленин не жалел гневных слов для критики людей, давно и хорошо ему знакомых: Мартова, Чернова, Церетели и Дана. Он вел полемику с ними уже в течение многих лет, что не мешало ему при случае выпить чашечку кофе с тем или иным оппонентом в одном из парижских или цюрихских кафе. Во время эмиграции несовпадение политических взглядов не мешало социальным контактам, но в 1917 году отношение Ленина к политическим оппонентам необратимо изменилось. Он пришел к выводу, что после Февральской революции меньшевики и эсеры перешли все границы допустимого. Ленин не тратил времени на детальное опровержение их политики — отчасти из чувства отвращения к «изменникам», отчасти из нежелания привлекать излишнее внимание к сильным сторонам оппонентов. Прежде всего, они абсолютно справедливо отрицали наличие убедительных доказательств готовности Европы к всеобщей социалистической революции. Российские социалисты принимали активное участие в созыве в Стокгольме конференции европейских социалистов, выступавших против войны. Но при этом они считали, что забывать о необходимости защищать Россию от стран германского блока было бы безответственным. К тому же они неосторожно задели больное место Ленина, напомнив, что были времена, когда мысль о том, что Российская империя уже достигла достаточного для перехода к социализму уровня промышленного и культурного развития, вызывала у него смех.

Не менее активно, чем в Советах, меньшевики и эсеры действовали на министерских постах. Министр сельского хозяйства Виктор Чернов дал право земельным комитетам, во главе которых стояли крестьяне, брать под контроль необрабатываемые земли вопреки протестам помещиков. Матвею Скобелеву* удалось, преодолев сопротивление владельцев фабрик и заводов, через Министерство труда ввести на предприятиях обязательное страхование здоровья, системы техники безопасности на рабочем месте и решения производственных конфликтов в суде. Церетели, занимая пост министра почт и телеграфов, продолжал бороться за предоставление широких автономий нерусским регионам страны, в том числе Финляндии и Украине.

* *Матвей Скобелев* (1885–1939) – российский политический деятель, меньшевик, с 1912 года один из лидеров социал-демократической фракции Государственной Думы, в 1917 году министр труда Временного правительства. (У автора имя министра указано ошибочно — Михаил.)

Однако события в стране развивались не в пользу меньшевиков и эсеров. На какое бы соглашение им ни удавалось уломать кадетов, партнеров по правительственной коалиции, все равно этого было недостаточно для решения задач, стоявших перед страной и правительством. Бешено нарастала инфляция, производство с такой же скоростью падало, возросшие после падения Романовых заработки быстро обесценились. В городах не хватало продовольствия. Нарастал кризис центральной власти. Временное правительство утрачивало контроль над регионами, губерниями и городами. Фактически в стране создалась ситуация двоевластия — выборные органы, в первую очередь Советы, действовали так, как будто они обладали государственной властью. Рабочий контроль, зародившийся в Петрограде, распространялся на другие регионы страны. Российские и украинские крестьяне, презирая право частной собственности, пасли свой скот на помещичьих пастбищах и вырубали помещичьи леса. Увеличивалось количество случаев экспроприации помещичьих земель, разграбления усадеб. Солдаты тысячами дезертировали с Восточного фронта. Миллионы беженцев скапливались в городах. Временное правительство не решалось приступить к базовым реформам до окончания войны, а войне, казалось, не будет конца. В такой ситуации простые россияне начинали думать, что Временное правительство действует исключительно в пользу самой высокообеспеченной части общества. Общественное мнение склонялось на сторону большевиков.

Временному правительству не хватало профессионализма в управлении страной. Военный и морской министр Александр Керенский предпочел смириться с решением о возобновлении наступления на Восточном фронте, принятым еще императором. Правительство хотело доказать странам-союзницам, что на него можно положиться. К тому же быстрая победа над Австрией отвлекла бы российских критиков от промахов правительства во внутренней политике.

Отчитываясь за свою деятельность перед делегатами Первого съезда Советов, министры, не видя никакой реальной альтернативы, чувствовали себя вполне уверенно. Выступая 3 июня на открытии съезда, Церетели спросил, может ли кто-либо из присутствующих назвать партию, которая бы рискнула взять в свои руки государственную власть и принять на себя ответственность за происходящее в революционной России. Ленин невозмутимо слушал. Выступление Церетели предоставило ему случай, которого он так долго ждал. На следующий день Ленину дали право

пятнадцатиминутного выступления. Он поднялся на трибуну и произнес:

> «Сейчас же целый ряд стран накануне гибели, и те практические меры, которые будто бы так сложны, что их трудно ввести, что их надо особо разрабатывать, как говорил предыдущий оратор, гражданин министр почт и телеграфов, эти меры вполне ясны. Он говорил, что нет в России такой партии, которая выразила бы готовность взять власть целиком на себя. Я отвечаю: „Есть! Ни одна партия от этого отказаться не может, и наша партия от этого не отказывается: каждую минуту она готова взять власть целиком"»*.

Большевики дружно зааплодировали. Однако подавляющее большинство слушателей не восприняло всерьез заявления стоявшего на трибуне невысокого, просто одетого человека с резким голосом и манерами школьного учителя. По залу заседаний пробежал смешок.

Прошло не так уж много времени, и веселье сменилось страхом. Временное правительство встало перед двумя серьезнейшими проблемами, причиной которых было оно само. 18 июня началось долгожданное наступление российских войск на Восточном фронте. С самого начала оно было рискованной авантюрой. Немецкие войска бросили против российской армии подкрепление, и наступление, начавшись удачно, захлебнулось. Керенский сам, буквально на блюдечке с голубой каемочкой, поднес Ленину материал для большевистской пропаганды; чем хуже шли дела на фронте, тем лучше для большевиков. Второй проблемой был назревающий раскол в самом правительстве. Вторую неделю между социалистами и кадетами не утихали яростные споры, причиной которых стал предложенный социалистами план предоставления Украине региональной автономии, против чего выступали кадеты. Правительственная коалиция трещала по всем швам.

У Ленина и большевистского ЦК просто руки чесались от желания предложить правительству еще одно испытание в виде многотысячной политической демонстрации. Попытка большевиков организовать вооруженную демонстрацию во время съезда Советов провалилась, и они решили вновь попытать счастья. Идея эта зародилась не у Ленина — к тому времени среди активистов

* ПСС, т. 32, с. 266–267.

партии большевиков было множество людей крайне левых убеждений, с нетерпением ожидавших, когда же наконец ЦК позволит им выступить против Временного правительства. Немало горячих голов нашлось в одном из центральных партийных органов, а именно большевистской Военной организации, координировавшей партийную агитацию и пропаганду в вооруженных силах. Но и за пределами партии нарастала поддержка массовых насильственных действий. Резко против Временного правительства были настроены матросы Кронштадтского военно-морского гарнизона. Все больше петроградских солдат и рабочих пополняли ряды сторонников партии. Все чаще звучали их голоса, призывавшие большевистский ЦК воплотить в действие лозунг «Вся власть Советам».

Ленин чутко ловил настроение народа. Он беседовал с простыми рабочими, солдатами, матросами и крестьянами. В 1905 году революция прошла мимо него, заточенного в швейцарской эмиграции. Теперь же он наблюдал развитие событий своими глазами, сопоставлял увиденное и делал выводы, с мастерской интуицией взвешивая все «за» и «против» в политической игре. В отличие от оппонентов, Ленин просто не умел быть нерешительным. Он прекрасно понимал необходимость держать под контролем ситуацию, готовую измениться в любую минуту. Исполненный решимости, Ленин поддержал перед большевистским ЦК предложение организовать вооруженную демонстрацию. Он не излагал своих планов на бумаге, но, тем не менее, до Временного правительства дошли слухи, что большевики с санкции Ленина готовят насильственный захват государственной власти. Такое допущение нельзя полностью исключать, но не стоит полагать, что в то время в голове Ленина уже существовал четкий план действий. Вероятнее всего, Ленин импровизировал, проводил разведку с целью узнать, насколько сильно сопротивление Временного правительства.

Естественно, он ничего не имел против того, чтобы попробовать свергнуть правительство, если на улицы Петрограда выйдет достаточное количество вооруженных людей, готовых пойти за большевиками. Многие из большевиков недвусмысленно чувствовали, что Ленин готов к решающей битве. Орджоникидзе назвал готовящуюся демонстрацию первой серьезной попыткой покончить с властью коалиционного правительства[11]. Для Военной организации тем более не существовало никаких законов, кроме собственного мнения. С 16 по 23 июня Ленин выступил на Всероссийской конференции Военных организаций с

речью, в которой призывал избегать рискованных авантюр[12]. Мы должны, заявил Ленин, быть особо внимательными и осторожными, чтобы не вызвать никаких провокаций, так как один неверный шаг станет погибелью для всего дела[13]. Ленин догадывался, что в исключительно напряженной политической обстановке к его словам не особо прислушаются. В любой момент могло произойти что угодно. Так и случилось — и именно в тот момент, когда Ленин, впервые после возвращения в Россию, уехал из Петрограда. Он смертельно устал и хотел хоть немного отдохнуть на природе. Поэтому он с удовольствием принял приглашение Владимира Бонч-Бруевича и его супруги погостить у них на даче в финском поселке Нейвола, в десяти милях к северо-западу от Териоки.

Уже не одну неделю Ленин жаловался на здоровье. По поручению большевиков он должен был выступать от имени партии на Первом съезде Советов с ответной речью на отчет министра Чернова по аграрному вопросу. За два часа до предполагаемого выступления Ленину позвонил Николай Муралов, чтобы напомнить о партийном поручении. Но в ответ Ленин, нарушив партийный этикет, посоветовал Муралову выступить самому и повесил трубку[14]. 29 июня Ленин выехал из Петрограда с Финляндского вокзала в сопровождении сестры Марии и большевистского поэта Демьяна Бедного, знавшего дорогу от железнодорожной станции до деревни Нейвола. Надежда Константиновна осталась в Петрограде: оставив обязанности личного секретаря Ленина, она с удовольствием занималась партийной работой в Выборгском районе, где у нее было множество дел[15]. После завершения романа Ленина с Инессой Арманд отношения между супругами стали свободнее. Надежда Константиновна не нуждалась в отдыхе и не считала нужным ехать в деревню за компанию с мужем, к тому же ей вовсе не хотелось быть рядом с Марией Ильиничной, бульдожьей хваткой вцепившейся в обожаемого брата. Бонч-Бруевич слегка удивился неожиданному появлению компании, так как Ленин не сообщил о точном времени своего приезда. Все последующие дни Ленин отдыхал. Прогулки, сауна и купание постепенно возвращали его к жизни.

Впоследствии Ленина обвиняли в том, что он желал спрятаться в финской деревне на случай неудачи восстания[16]. Подобное предположение нельзя считать совершенно абсурдным, хотя вообще-то оставлять важнейшие события без своего присутствия и руководства было не в стиле Ленина. К тому же от Петрограда до деревни Нейвола всего несколько часов езды на поезде.

Никаких доказательств, подтверждающих предположение о же лании Ленина скрыться, не существует. Скорее всего, он про сто не мог преодолеть накопившуюся физическую и умственну усталость, не отходя от дел, — у него совсем не оставалось си Подобное уже случалось в 1904 году, когда Ленин, несмотря н то что его конкурент В. А. Носков мог воспользоваться его от сутствием, был вынужден уехать на отдых. Теперь, как и тогда необходимо было срочно приводить в порядок пошатнувшееся здоровье.

Рано утром во вторник 4 июля Ленина разбудил присланны большевистским ЦК Максимилиан Савельев, сотрудник редак ции «Правды», тесно связанный с большевистскими радикала ми из Военной организации. Савельев привез новости, заставив шие Ленина мгновенно забыть о своих болезнях. В Петрограде стихийные демонстрации могли в любой момент выйти из-по контроля, и Временное правительство готовилось принять контр меры. Если стихийные демонстрации перерастут в стихийно восстание, оно неизбежно потерпит крах, в этом случае кровопролитие станет неизбежным. В такую минуту Ленину нельзя был оставаться в тихой финской деревушке. Он должен быть в Пет рограде, рядом с товарищами из ЦК. Ленин, Мария Ильинична, Бонч-Бруевич и Савельев быстро собрали вещи и поспеши ли на станцию. Первым же поездом они уехали к российско финской административной границе в Белоострове, а оттуда в Петербург. Они ехали по легальным паспортам, и Бонч-Бруе вич опасался, как бы их не задержали, но все обошлось. С Фин ляндского вокзала, не заходя домой, они направились в особ няк Кшесинской и к полудню были на месте.

В городе уже несколько дней было неспокойно. Не прекра щались забастовки и демонстрации, у здания большевистского ЦК собирались толпы рабочих, солдат и матросов, ожидавших приказа выступать против Временного правительства. Ленина по просили выступить перед собравшимися с балкона особняка Вначале Ленин отнекивался, но ему пришлось уступить настой чивым просьбам товарищей из Кронштадта. Ленин уже не со мневался, что ситуация накалилась до предела, а лидеры Воен ной организации ведут себя крайне безответственно. Обратив шись к собравшимся в особняке, он воскликнул: «За это вам следовало бы задать хорошую порку!»[17] Затем вышел на балкон и обратился к толпе с призывом сохранять спокойствие. Анти правительственная демонстрация, заявил Ленин, должна быть мирной и только мирной. Люди ждали от Ленина совсем други

ков. Они надеялись, что Ленин, написавший столько пламенных строк о необходимости смещения Временного правительства, поддержит их желание действовать немедленно и жестко. Однако в партии к мнению Ленина прислушивались. Рано утром 5 июля большевистский ЦК уступил и объявил о переносе демонстрации, планировавшейся на этот день.

Однако на этом проблемы не кончились. Временное правительство дало санкции на проведение тщательного расследования источников финансирования партии большевиков. У контрразведки имелись причины для подозрений, что большевиков финансирует германское правительство. Несмотря на желание большинства министров дождаться конца расследования, кое-какие материалы все же просочились в прессу. Необходимую информацию получили и в Петроградском военном гарнизоне. 5 июля петроградская газета «Живое слово» назвала Ленина немецким шпионом[18]. Это стало началом атаки на Ленина со всех сторон. В это же утро состоялось нападение на редакцию «Правды», на следующий день — на особняк Кшесинской. Большевикам пришлось попрятаться и сидеть тише воды, ниже травы.

Как раз в это время у Временного правительства возникли проблемы, связанные с предоставлением Украине региональной автономии. В результате князь Львов был вынужден оставить пост премьера, и его место занял эсер Александр Керенский. Правительство решило провести официальное расследование событий 3–4 июля, чтобы установить степень виновности в случившемся большевистского ЦК и Военной организации. 6 июля были выданы ордера на арест Ленина, Зиновьева и Каменева. В квартире Марии Ильиничны и Марка Елизарова произвели тщательный обыск. В это время дома были Марк, Мария Ильинична и Надежда Константиновна. На вопрос, где может быть Ленин, Крупская неосторожно сказала, что он остался в Нейвола[19]. Но Ленин уже был в Петрограде: вначале он скрывался на квартире у М. Л. Сулимовой, затем у Н. Г. Полетаева. К счастью, солдаты обыскивали квартиру Елизаровых не очень тщательно. В довершение всего они приняли высокого, грузного Марка за Ленина и взяли его вместе с Надеждой Константиновной под стражу, что лишний раз доказывает, настолько внешность Ленина была неизвестна широкой публике.

Ленин и товарищи решали, как поступить дальше. Может быть, ему следует сдаться властям и сесть в тюрьму? Вначале Ленин был готов пойти и на это. Большевики провели переговоры с Центральным Исполнительным Комитетом съезда Сове-

тов об условиях добровольной сдачи Ленина властям[20]. Некоторым из партийных руководителей казалось, что гласный суд над Лениным может быть единственным средством для снятия обвинений с партии. По их мнению, ради этого стоило поступиться личной безопасностью Ленина. Услышав об этом, перепуганная Мария Ильинична сказала, что ни в коем случае нельзя подвергать опасности партийного лидера. Лучше всего тайно переправить его в Швецию[21].

Центральный Исполнительный Комитет не мог дать абсолютной гарантии, что Ленин, попав в тюрьму, останется в живых. В большинстве газет появились голословные утверждения, что Ленин выполняет приказы немецкого правительства. Атмосфера мстительности сгущалась. В сложившейся ситуации Ленина сдайся он властям, вполне могли бы казнить. Поэтому было решено, что он будет скрываться, невзирая на последствия. Квартира Полетаева, расположенная в многолюдном доме, не годилась в качестве укрытия[22]. Необходимо было срочно найти для Ленина новое убежище. 7 июля Ленин и Зиновьев в сопровождении жены Зиновьева Зинаиды Лилиной со всеми предосторожностями перебрались в квартиру ветеранов большевистского движения Сергея и Ольги Аллилуевых. Надежды Константиновны с ними не было.

Аллилуевы жили с комфортом, в подъезде их дома по 10-й Рождественской улице даже сидела хорошо одетая консьержка. Сергей и Ольга сняли эту квартиру совсем недавно, поэтому можно было надеяться, что здесь Ленина искать не будут. Ленин поселился в комнате, подготовленной для Иосифа Сталина, обычно проживавшего вместе с Аллилуевыми. Связь с членами ЦК Владимир Ильич поддерживал с помощью записок. Дети Аллилуева вспоминали, как за дверью комнаты день и ночь скрипело перо: Ленин работал[23].

Все же Ленин и Зиновьев хотели хотя бы на время уехать из Петрограда в сельскую местность, чтобы ждать развития событий в более безопасных условиях. Они не могли сами выбрать себе место для убежища: даже в этом приходилось полагаться на товарищей. Ленин и Зиновьев уже не были хозяевами и творцами революционной ситуации.

17

Перед бурей

Июль—октябрь 1917

9 июля Ленин и Зиновьев в сопровождении товарищей из ЦК тайно покинули Петроград. В целях безопасности они не взяли с собой жен. Перед самым отъездом Ленин решил, что ему следует изменить внешность. Ольга Аллилуева, недавно получившая квалификацию медсестры, забинтовала ему лицо и лоб. Посмотрев в зеркало, Ленин понял, что с повязкой он будет привлекать гораздо больше внимания, чем без нее. Вряд ли ему удалось бы уйти дальше консьержки, сидевшей в подъезде.

Его собственная идея была гораздо проще: сбрить усы и бородку. Сталин, находившийся в это время у Аллилуевых, взбил мыльную пену и побрил Ленина[1]. (Сам Ленин почему-то не решался произвести над собой эту манипуляцию.) «Вот теперь хорошо, — сказал Ленин довольно. — Я похож на финского крестьянина, и вряд ли кто меня узнает»[2]. Для пущей уверенности Ленин позаимствовал у Сергея Аллилуева пальто и кепку[3]. Действительно, те, кто привык видеть Ленина в костюме и головном уборе, купленных по настоянию Радека в Стокгольме, ни за что не узнали бы Ленина. Из квартиры Аллилуевых в сопровождении рабочего-большевика Николая Емельянова Ленин и Зиновьев направились на Приморский вокзал, конечную станцию короткой железнодорожной ветки, проходившей вдоль Финского залива от Петрограда до Сестрорецка. В жаркие июльские дни поезда были переполнены дачниками, уезжавшими из столицы на свежий воздух. Не доезжая до Сестрорецка, все трое сошли на станции Разлив, где у Емельянова был

деревенский дом с участком земли. Беглецов разместили на просторном сеновале.

Большевики приехали в Разлив поздно ночью и сразу же улеглись спать. Уже на следующий день Ленин взялся за прерванную работу: детальное изложение своих стратегических идей для Центрального Комитета. После подавления вооруженных демонстраций в Петрограде, по приказу Керенского, занявшего пост министра-председателя Временного правительства, шла облава на большевиков. За решетку уже попали Троцкий, Коллонтай и Каменев. После того как партия одобрила «Апрельские тезисы», основная деятельность большевиков, по планам Ленина, должна была развиваться в двух направлениях: продвижение своих кандидатур в Советы, а также критика Временного правительства и его министров из числа меньшевиков и эсеров. Но что следовало делать теперь? Как конкретно должна выглядеть стратегия выживания и продвижения ЦК в условиях преследования?

Даже скрываясь на сеновале у станции Разлив, Ленин продолжал навязывать свои идеи товарищам из ЦК. Невозможность прямых контактов лишь добавляла едкости его строкам. Он уже не сомневается в том, что «всякие надежды на мирное развитие русской революции исчезли окончательно», Керенский установил «военную диктатуру», а Советы превратились в «фиговый листок контрреволюции». Теперь Ленин призывает большевиков отказаться от лозунга «Вся власть Советам» и полностью сосредоточиться на подготовке вооруженного восстания и формирования революционного правительства[4]. Фактически речь шла о полном отказе от политики, ставшей ядром стратегии партии начиная с апреля 1917 года. Большевики уже привыкли к плану, согласно которому после захвата власти они будут управлять страной посредством Советов. И вот — такой поворот! Ленин даже не удосужился объяснить партийным активистам, как им следует оправдывать радикальные изменения в стратегии партии перед рабочими и солдатами.

13 и 14 июля, в отсутствие Ленина, состоялось продолжительное заседание ЦК. Петроградские «июльские дни» поставили партию на грань катастрофы, большевикам приходилось срочно обсуждать дальнейшую стратегию партии. ЦК решительно отверг ленинские «Июльские тезисы»[5]. Разъяренный Ленин ответил статьей «К лозунгам», никак, однако, не повлиявшей на решение ЦК сохранить прежний лозунг «Вся власть Советам». Точку зрения ЦК выразил Сталин, сказав, что ЦК однозначно

поддерживает Советы, в которых члены и сторонники партии составляют большинство. Ленин явно терял влияние на центральное руководство партии.

С точки зрения безопасности, сеновал в Разливе мог быть лишь временным убежищем. Емельянов предложил Ленину и Зиновьеву перебраться из деревни на сенокос за озером Разлив, подальше от посторонних глаз. Изгнанников поселили под видом косарей в шалаше, сплетенном из веток и покрытом сеном. Сюда, как и прежде, регулярно приезжали из Петрограда курьеры со свежими газетами и новостями из ЦК, а иногда, под покровом ночи, наведывались и большевистские руководители. В полевых условиях Ленин не прекращал работать. Он вернулся к ранее начатому труду по марксистской политической теории (позже опубликованному под названием «Государство и революция»). Интеллектуальный труд всегда помогал Ленину успокоиться, а здесь, вдалеке от столицы, ничто не мешало сосредоточиться. Необходимые для работы материалы были у Ленина под рукой. Жизнь в Разливе протекала тихо и спокойно. Беглецы с удовольствием помогали Емельянову косить и сгребать сено, купались в озере. Однажды Зиновьев вздумал пойти поохотиться в запрещенном месте и нарвался на лесника Аксенова. Лесник потребовал сдать ружье и попытался составить протокол, но Зиновьев притворился работающим на сенокосе финном, ни слова не понимающим по-русски. К счастью для Зиновьева, Емельянову удалось убедить Аксенова отпустить «работника». Понятно, что больше Зиновьев на охоту не ходил[6].

Тихую, спокойную жизнь в шалаше отравляли надоедливые комары. Николай Емельянов вспоминает:

> «Рядом и кухня устроена: на кольях висит котелок, греется чай. Но ночью невыносимо: надоедливые комары совсем не дают покоя; как от них ни прячься, а они достигнут своего, и нередко приходится быть искусанным, но ничего не поделаешь — надо смириться»[7].

Правда, лето 1917 года было очень влажным, а в дождливые дни комары успокаивались. Но в дождливую погоду не очень-то уютно сидеть в протекающем шалаше. Ленин и Зиновьев не могли руководить великой Революцией в промокшем и простуженном виде. Близилась осень, нужно было думать о новом убежище[8]. Зиновьев не так опасался ареста, как Ленин, и решил инкогнито вернуться в Петроград. Ленин же боялся, что в Пет-

рограде его обязательно повесят, поэтому попросил товарищей из ЦК устроить ему переезд в Финляндию.

Из Разлива Ленин и Зиновьев уезжали вместе. Им достали парики, что было не так просто: полиция запретила парикмахерским прокат и продажу париков без предоставления документов, удостоверяющих особую необходимость. Петроградский большевик Дмитрий Лещенко смог получить парики по удостоверению театрального кружка железнодорожников. Теперь следовало раздобыть документы, необходимые для пересечения российско-финской административной границы[9]. Лещенко принес в шалаш у озера тяжелую фотокамеру и ранним утром, сразу после восхода солнца (чтобы не попасться на глаза случайным прохожим), сфотографировал Ленина и Зиновьева в их новом обличье. У фотографа не было штатива, поэтому он присел, держа камеру на груди, а Ленин и Зиновьев встали на колени. В таких условиях фотографу пришлось для уверенности сделать несколько снимков, а затем Лещенко поехал в Петроград, чтобы напечатать фотографии и вклеить их в фальшивые паспорта[10]. Из нечетких негативов удалось выбрать один более-менее подходящий.

Согласно разработанному плану, Ленин и Зиновьев должны были нелегально перейти границу в начале августа. Вместе с Емельяновым и финскими большевиками Эйно Рахья и Александром Шотманом Ленин и Зиновьев должны будут сесть на поезд на станции Левашево, расположенной на полпути между Петроградом и Белоостровом, доехать до станции Удельная, где предстояло провести ночь в квартире финского рабочего Эмиля Кальске. Оттуда Зиновьев вернется в Петроград, где будет скрываться на подготовленных большевистским ЦК конспиративных квартирах. А Ленин, главная цель полицейской облавы, направится к северу в сторону Финляндии.

От озера Разлив до станции путникам предстояло пройти семь миль на восток через лес, болото и речку без моста. Очень скоро Ленин пожалел, что не проверил дорогу заранее. Не очень долгий путь оказался полон приключений.

Все началось с того, что Емельянов заблудился в лесу. Затем попали на тлеющие торфяники. Дальше — хуже: оказалось, что из еды Шотман взял лишь три огурца, забыв даже хлеб. Лишь через несколько часов голодные и усталые путники услышали далекий гудок поезда. Радость оказалось недолгой: вместо станции Левашево они вышли на Дибуны. Ленин был очень зол на Шотмана:

«Надо отдать справедливость Владимиру Ильичу, ругал он нас за плохую организацию пресвирепо. Нужно-де было приобрести карту-трехверстку, почему предварительно не изучили дороги и прочее? За „разведку" тоже досталось: почему „кажется", а не точно узнали, какая станция?»[11]

Но Дибуны, в конце концов, тоже станция по Финляндской железной дороге, хотя и не та, что требовалось. Ленин мог надеяться, что дальше дела пойдут лучше.

Дела, к несчастью, пошли еще хуже. Емельянов и Шотман остались на перроне, а Ленин, Зиновьев и Рахья спрятались. Пока ждали поезда до Удельной, к Емельянову, показавшемуся чем-то подозрительным, подошел вооруженный юнкер* и арестовал его. Но вот пришел поезд. В этот момент к Шотману обратился некий молодой человек с винтовкой. Отвлекая его внимание от товарищей, Шотман был вынужден сесть в поезд один. Он так перенервничал, что вышел на станции Озерки, не доехав до Удельной трех миль. До квартиры Кальске Шотман добрался лишь в три часа ночи.

К трем оставшимся путешественникам удача оказалась милостивее. Как оказалось, они сели в тот же поезд, доехали до Удельной и спокойно переночевали на квартире Калъске в полумиле от станции**. Вечером следующего дня Ленина переодели кочегаром и в сопровождении Шотмана, Рахья и еще одного финна, Пекка Парвиайнена, пошли к поезду номер 293, направлявшемуся в Териоки. Машинист паровоза Гуго Ялава, знакомый Шотмана и Рахья, должен был отвезти Ленина в Финляндию. У паровоза для конспирации Ялава разыграл сценку с Рахья:

«— Куда вас несет в такую пору? — буркнул я для отвода глаз.

Товарищ Рахья ответил:

— К себе на дачу, в Териоки.

И тут же попросил, указывая на Ильича, взять на паровоз товарища, объяснив, что это журналист, который хочет познакомиться ближе с ездой на паровозе.

---

* *Юнкер* (нем. Junker) — в российской армии звание унтер-офицера из дворян.

** Шотман вспоминает: «Около трех часов утра я добрался до Кальске. Когда я вошел в комнату, я не верил своим глазам: на полу лежали и хохотали над моим растерянным видом Ленин, Зиновьев и Рахья. Оказывается, что они, сидя под откосом, видели, как арестовали Емельянова и как меня реалист [ученик реального училища] чуть не штыком подсаживал в вагон. Они сели вместе со мною в поезд, и так как они не растерялись, как я, то и доехали спокойно до станции Удельная, а пока я плелся от Озерков, они успели поужинать и уже почти засыпали, когда я пришел». (См.: ВоВИЛ, т. 4, с. 252.)

Я согласился. Ильич взялся за поручни и влез на паровоз, а товарищ Рахья пошел в порожний вагон. Своему помощнику я объяснил, что это — местные дачники. Чтобы не мешать работе во время шуровки топки, Ильич уходил на тендер* и укладывал в клетку дрова»**.

Дорога прошла без приключений. В Териоки, за двадцать пять миль от Удельной, Ленин и Рахья сошли с поезда и на лошадях поехали в поселок Ялкала, за девять миль от Териоки в глубь финской территории. Наутро Ленину предстояло вновь сесть в поезд и поехать в Лахти. Не обошлось без приключений: перед отъездом Ленина тщательно загримировали, приклеили ему бороду и усы, но по дороге борода начала отклеиваться. Пришлось срочно удалять грим и остатки бороды, а у Ленина не было с собой ни вазелина, ни воды[12]. Ленин любил писать об «искусстве революции», но оказался невеликим мастером революционного грима.

На станции Лахти из-за этого пришлось лишний раз переволноваться: после удаления грима и клея лицо Ленина выглядело не лучшим образом. Однако на него никто не обратил внимания. Шотман уехал готовить прибытие Ленина в Гельсингфорс (Хельсинки). Финские марксисты в течение многих лет очень близко сотрудничали с большевиками из-за их доброжелательного отношения к «национальному вопросу»[13]. Они прекрасно умели дурачить российские власти, к тому же им, в отличие от Емельянова, не нужны были карты, чтобы не заблудиться в собственной стране. 10 августа Ленин прибыл в Хельсинки. На протяжении следующих недель он переезжал с одной конспиративной квартиры на другую. Одно время он скрывался у социал-демократа Густава Ровио. Более безопасного места невозможно было себе представить, потому что Ровио был гельсингфорсским полицмейстером. Удивительно: российский министр внутренних дел обещал 200 000 рублей за поимку Ленина, а в это время его подчиненный в Хельсинки укрывал Ленина от ареста![14]

Курьеры поддерживали связь Ленина с Петроградом и Стокгольмом. Постепенно он привык к новому режиму работы. В финском подполье, в отличие от эмиграции, рядом с ним не было ни товарищей из центральных органов партии, ни Надежды Кон-

---

* *Тендер* — прицепная часть паровоза для хранения запасов воды, топлива и размещения вспомогательных устройств.

** ВоВИЛ, т. 4, с. 257.

стантиновны. Правда, она дважды навещала мужа по документам некоей «работницы, старухи Атамановой». Но он не просил ее остаться. Опасаясь за свою безопасность, он даже не проводил супругу до вокзала[15].

Ленин все еще сердился на товарищей из ЦК за то, что они отвергли его предложения и новые лозунги. Немного успокаивала работа над новой книгой под названием «Государство и революция». Еще до отъезда из Швейцарии Ленин делал наброски будущей книги в темно-синей тетради, рядом с краткими замечаниями насчет прочитанных трудов Маркса и Энгельса. Ленин верил, что новая книга, если только ее удастся напечатать, станет шедевром политической мысли. В письме Каменеву Ленин просил озаботиться о темно-синей тетради в случае, если его самого арестуют и казнят: «Entre nous*, если меня укокошат, я Вас прошу издать мою тетрадку «Марксизм и государство» (застряла в Стокгольме). Синяя обложка, переплетенная. Собраны все цитаты из Маркса и Энгельса, равно из Каутского против Паннекука**»[16]. Скрываясь в Хельсинки, с нарастающим волнением Ленин писал одну главу за другой. Ему хотелось как можно скорее отдать книгу в печать. Тогда весь мир увидит, что его интерпретация марксизма — единственно верная из всех существующих.

За книгу «Государство и революция» Ленина не раз обвиняли в чудовищной неискренности и лицемерии. Книга предсказывает неизбежный приход светлого будущего, когда рабочий класс станет правящим, когда простые рабочие будут управлять государством и обществом. Но после октября 1917 года прекрасные мечты обернулись своей полной противоположностью. Советское государство очень быстро превратилось в однопартийную диктатуру, силой подавлявшую забастовки и политические протесты рабочих. Долгая, темная тень сомнений скрывает истинные намерения Ленина во время работы над книгой.

Следует признать, что Ленин, стремившийся к власти политик, часто бывал склонен к лицемерию. Его критерий нравственности был чрезвычайно прост: способствует ли то или иное действие делу революции или же препятствует ему. Он редко опускался до открытой лжи, но мастерски умел увиливать от истины и изрекать утверждения, вводящие противников в заблуждение.

---

* Между нами (франц.).

* *Антоний Паннекук* (1873–1960) — нидерландский политический деятель и астроном, в начале 20-х годов — один из лидеров ультралевой Коммунистической рабочей партии Германии (псевдоним — К. Хорнер). Автор ряда научных трудов по исследованию строения Галактики, физике звездных атмосфер, истории астрономии.

В 1917 году на Ленина, мастера нечестной политической игры, посыпались обвинения намного более серьезные: и что он всегда знал о двойной игре агента «охранки» Малиновского, и что сам он — платный германский агент. Либеральная и консервативная пресса обвиняла Ленина в измене родине. До событий февраля 1917 года Ленин еще мог отрицать предательство Малиновского, но все иллюзии рухнули, когда были открыты документы Министерства внутренних дел. В начале лета Ленину пришлось присутствовать на официальном слушании дела Малиновского и защищаться от обвинений в соучастии. Ленин сказал, что «охранка» и Малиновский сумели всех одурачить, а большевики никогда сознательно не шли на союз с царской тайной полицией. В тот раз ему поверили.

Опровергнуть обвинения в том, что после Февральской революции большевистский ЦК сознательно стал немецкой марионеткой, было намного труднее. Имелось множество косвенных доказательств того, что Берлин снабжал большевиков деньгами. 4 июля, когда правительство вело борьбу с беспорядками в центре Петрограда, организованными большевиками и их сторонниками, российская контрразведка передала имеющуюся у нее информацию редакторам петроградских газет. Не располагая прямыми доказательствами, агенты контрразведки считали вполне правдоподобным, что Якуб Ганецкий пересылал в большевистский ЦК деньги, полученные от германского посредника Гельфанда-Парвуса. Очевидно Ганецкий, официальный представитель Заграничного бюро большевистского ЦК в Стокгольме, на самом деле тайно пересылал в Россию деньги в виде банковских кредитов, а наличность — с курьерами.

В настоящее время стало известно, что германское правительство выделяло миллионы марок на проведение в России пропаганды мира. Нельзя считать случайностью тот факт, что большевики, обладавшие лишь незначительным меньшинством в Советах и других массовых организациях, после Февраля за короткий промежуток времени основали целый ряд газет. Вряд ли мы когда-либо узнаем, насколько детально Ленин был осведомлен о немецких субсидиях, но вообще-то он был политиком, любящим все держать под контролем. Было бы слишком легковерным считать, что Ленин не знал о том, что происходит. Однажды агенты контрразведки едва не взяли Ганецкого с поличным у финской границы в Торнео. Они еще не раз пожалеют о том, что так бездумно передали материалы незаконченного дела в петроградские газеты.

Не следует забывать, что Ленин был юристом по образованию. Поэтому он с легкостью опроверг компрометирующее обвинение в прямых действиях по инструкции германского правительства. Он мог смело отрицать личный разговор с Парвусом и открыто посмеяться над предположением, будто бы получал от Ганецкого деньги на личные нужды. Тогда ему не пришлось открыто лгать, что руководство партии большевиков под его личным наблюдением не получало денег от военного противника России. Если бы он попался в руки Временного правительства теперь, он не вывернулся бы с такой легкостью. Но он сидел в Финляндии, под безопасной крышей дома хельсинского полицмейстера Ровио, и спокойно ждал, пока уляжется буря вокруг «немецкого золота».

Работа над книгой «Государство и революция» шла медленнее, чем рассчитывал Ленин. К началу Октябрьской революции книга еще не была завершена. Ленин старался написать свой новый труд как можно быстрее из чисто практических соображений: книга должна была стать решающим вкладом в устойчивость его партии, в ее способность действовать в условиях текущей политической ситуации. Более того, он стремился разъяснить наиболее подходящую, с его точки зрения, для российских большевиков и крайне левых партий других стран стратегию создания социалистического государства. (Ленину нравилось провозглашать себя теоретиком.) В новой книге Ленин заявляет, что все другие социалистические партии, в первую очередь меньшевики и эсеры, а также германские социал-демократы, предлагают неверную стратегию построения социализма. Ленин обрушил гору обвинений на Каутского, чьи идеи, по его мнению, лежат в основе политики меньшевиков и эсеров. Не менее половины книги посвящено рассмотрению политических преобразований в направлении общеевропейской социалистической революции, предсказанных Марксом и Энгельсом и уже частично реализованных в российских Советах рабочих и солдатских депутатов.

«Государство и революция» содержит ряд фундаментальных высказываний. Карл Маркс, заявляет Ленин, признавал, что в большинстве случаев социалисты придут к власти насильственным путем. При капитализме буржуазия (говоря современным языком — средний класс) пользуется целым рядом преимуществ, в том числе таких, как высокий образовательный уровень и финансовая обеспеченность. Поэтому она пустит в ход все средства, не останавливаясь и перед преступлениями, лишь бы не

допустить революции. Следовательно, социалисты должны признать насилие необходимым спутником исторических перемен. Более того, революционная социалистическая власть не сможет долго просуществовать, если она откажется и дальше применять насильственные методы. Значит, необходима «диктатура пролетариата». В самом начале социалистической революции действия правительства должны недвусмысленно основываться на принципах классовой борьбы. Бывшие высший и средний классы общества должны быть лишены гражданских прав. Власть перейдет к рабочему классу, который будет вдохновлять общество на социалистические реформы, и не только в России, но и во всех индустриально развитых государствах.

Старательно прикрываясь наследием Маркса и Энгельса, Ленин пытается показать, что классики марксизма предложили описание ряда стадий пути мирового сообщества к идеальному обществу — коммунизму. На практике это должно выглядеть следующим образом. В результате насильственных революционных действий будет свержен капитализм и установится диктатура пролетариата. Эта диктатура, на первых порах беспощадная, будет постепенно сменяться социалистическими принципами и практиками. По мере того как остатки старых правящих классов ослабнут настолько, что уже не будут представлять угрозы для социалистического государства, необходимость в классовой дискриминации исчезнет. Зрелый социализм будет содействовать огромному прогрессу общества по сравнению с капитализмом. Нижние слои общества научатся управлять государством, а экономика, освободившись от капиталистических ограничений, начнет активно развиваться именно в тех отраслях, которые способствуют удовлетворению реальных потребностей людей. Тем не менее, при социализме все же сохранится определенная степень политического и социального неравенства, а также необходимость существования государства.

Ленин подчеркивал, что сущность государства заключается в применении принуждения в интересах правящих классов, стремящихся занимать доминирующее положение над остальными классами общества. При социализме правящим классом будет пролетариат.

Но высшей целью марксизма, утверждает Ленин, всегда было построение справедливого общества без угнетения и эксплуатации. Такое общество будет построено на самой последней стадии общественного развития. При коммунизме будет реализован принцип: от каждого по способностям, каждому по потребнос-

тям. В таком обществе материальное вознаграждение будет одинаковым для всех, и каждый сможет максимально развить данные ему от природы способности. Человек сможет заниматься и физическим, и умственным трудом. Весь народ будет участвовать в управлении, отпадет необходимость в профессиональных политиках, профессиональных чиновниках и профессиональных вооруженных силах. Согласно Ленину, даже кухарке можно будет доверить принимать решения, за которые раньше были ответственны министры. Когда будет построен коммунизм, государство отпадет.

Ленин представлял себя всего лишь простым рабочим, землекопом, извлекшим на поверхность основы марксизма, погребенные целыми поколениями интерпретаторов. Из числа могильщиков марксизма Ленин выделял в первую очередь Каутского, отрицающего не только необходимость применения насилия в революции, но и высшую цель — построение коммунистического, бесклассового общества. Каутский и Мартов незамедлительно отреагировали, поставив вопрос об обоснованности ленинской теории. Маркс, указали они, использовал термин «диктатура пролетариата» редко и не отрицал возможность мирного пути социалистических преобразований. Более того, в своих последних работах Маркс признал, что общество развитых капиталистических стран не разделено на две полярные группы в виде крошечной группы капиталистов и огромного обедневшего рабочего класса, а включает в себя увеличивающуюся со временем прослойку специалистов — инженеров, преподавателей, ученых и администраторов.

Каутский и Мартов подвергли критике и социологический подход Ленина. Неужели он не понимает, что любая диктатура пролетариата* с неизбежностью будет представлять собой диктатуру класса, являющегося демографическим меньшинством? Неужели он не осознает, что развитые капиталистические общества испытывают постоянно растущую потребность в высококвалифицированных, профессиональных работниках? Не ближе ли такая позиция Ленина к авторитарным революционерам девятнадцатого столетия, выступавшим против Маркса и Энгель-

* Традиционное значение слова «пролетариат»: «класс людей, выполняющих неквалифицированные работы в промышленности, обладающих незначительной собственностью или не имеющих собственности» (Cambridge International Dictionary of English, 1995), что соответствует русскому понятию «чернорабочий». В СССР слово «пролетариат» приобрело значение «класс наемных рабочих, лишенных средств производства» (Толковый словарь русского языка С. Н. Ожегова). Это отличающееся от традиционного значение слова «пролетариат» сохраняется и после краха СССР: «Пролетариат, см.: Рабочий класс» (Российский энциклопедический словарь, 2000).

са — Вильгельму Вейтлингу, Луи-Огюсту Бланки* и Петру Ткачеву, сторонникам терроризма как метода ведения политики?

На страницах «Государства и революции» Ленин избегает дискуссии о государственном терроре. На протяжении оставшихся до конца 1917 года месяцев он лишь вскользь упоминал о нем. Россию 1917 года он сравнивал с Францией в 1793 году:

> «Якобинцы объявили врагами народа тех, кто „способствует замыслам объединенных тиранов, направленным против республики".
>
> Пример якобинцев поучителен. Он и посейчас не устарел, только применять его надо к революционному классу XX века, к рабочим и полупролетариям. Враги народа для этого класса в XX веке — не монархи, а капиталисты, как класс. (...)
>
> „Якобинцы" XX века не стали бы гильотинировать капиталистов — подражание хорошему образцу не есть копирование. Достаточно было бы арестовать 50—100 магнатов и тузов банковского капитала, главных рыцарей казнокрадства и банковского грабительства; достаточно было бы арестовать их на несколько недель, *чтобы раскрыть их проделки*, чтобы показать всем эксплуатируемым, „кому нужна война"»[17].

Можно усомниться, насколько Ленин в действительности рассчитывал на то, что кампания террора, развязанная его планируемым правительством, будет мягкой и непродолжительной. Ленин был способен не только на мелкое жульничество и обман: иногда он изрекал чудовищную политическую ложь.

Во всяком случае, ясно, что Ленин в 1917 году вовсе не был сторонником свободомыслия в социализме, каким его часто представляют[18]. Словам «свобода» и «демократия» он придавал уничижительный оттенок, смеялся над идеей разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную. Он презирал даже общественную жизнь как таковую: после совершения социалистической революции, считал он, гражданам нечего будет заниматься «политиканством», а парламентаризм — это совсем не то, к чему следует стремиться. Социалистическое общество,

---

* *Вильгельм Вейтлинг* (1808—1871) — немецкий рабочий, член «Союза справедливых»; рассматривал революцию как стихийный процесс, в котором главная роль принадлежит деклассированным элементам, пропагандировал идеи «уравнительного коммунизма». *Луи Огюст Бланки* (1805—1881) — французский коммунист-утопист, участник революций 1830 и 1848 годов. Заочно (был в тюрьме) избран членом Парижской Коммуны 1871 года. Успех социальной революции связывал с заговором организации революционеров, которых, по его мнению, в решающий момент поддержат народные массы.

по Ленину — не место для многопартийности, культурного плюрализма или защиты интересов различных социальных меньшинств. Проблема гражданских прав личности абсолютно не заботила Ленина. Диктатура пролетариата должна делать выводы исключительно с точки зрения классовой борьбы, а с этой точки зрения, например, гражданская война — не несчастье для народа, а естественный и желательный этап на пути продвижения к социализму.

В целом «Государство и революция» производит гнетущее впечатление. Ленин не смог распознать преимущества правительства, базирующегося на либерально-демократических ценностях. Но это — лишь часть всей правды. Мы вынуждены признать, что книга не только не признает универсальных гражданских свобод, но и недвусмысленно предлагает начать целенаправленную кампанию борьбы против этих свобод.

Для подавляющего большинства читателей книга Ленина, опубликованная лишь в 1918 году, представляет собой непроходимые джунгли цитат и аргументов. Но она, тем не менее, отражает основные стратегические предпосылки Ленина, в той или иной степени разделявшиеся его товарищами из Центрального Комитета. Книга должна была сузить разногласия в партийном руководстве и упрочить первенство Ленина как теоретика идей большевизма.

Во время работы над книгой Ленин находил время и для написания статей в партийные издания. Так он не терял влияния на членов партии по всей России и давал им знать, что по-прежнему активно действует. На протяжении июля и августа он продолжает настаивать на необходимости изменения политики партии. Сравнивая российские события с историей Франции, он заявляет, что Александр Керенский, сменивший князя Львова в кресле премьер-министра, хочет стать Бонапартом* российской революции, чтобы, стравив между собой различные общественные классы и поднявшись над всеобщей дракой, установить личный деспотизм. 25 июля был назначен новый Кабинет Министров, большинство в котором составляли социалисты. Тем не менее, Ленин утверждал, что в политике нового состава Временного правительства нет ничего социалистического: это буржу-

* *Наполеон I* (Наполеон Бонапарт) (1769–1821) — французский император в 1804–1814 годах и в марте–июне 1815 года, уроженец Корсики. Начал службу в войсках в 1785 году в чине младшего лейтенанта артиллерии, выдвинулся в период Французской революции (достигнув чина бригадного генерала), затем стал командующим армией. В ноябре 1799 года совершил государственный переворот (18 брюмера), в результате которого стал первым консулом, с течением времени фактически сосредоточившим в своих руках всю полноту власти; в 1804 году провозглашен императором. Установил диктаторский режим.

азная классовая диктатура. Конечно, Ленин переоценивал сплоченность и «контрреволюционную сущность» российского правительства, во главе которого стоял Керенский, но не подлежит сомнению, что новый Кабинет Министров действительно стремился всеми силами предотвратить повторение событий 3–4 июля, и в первую очередь восстановить законность и порядок в вооруженных силах и гражданской общественной жизни. Вновь была введена смертная казнь за дезертирство и другие серьезные военные преступления. По договоренности с Керенским Лавр Корнилов, новый главнокомандующий, должен был с помощью войск навести порядок в Советах, профсоюзах и фабрично-заводских комитетах.

В обстановке полной секретности с 26 июля по 2 августа прошел Шестой съезд партии большевиков. Ленин, опасаясь ареста, на съезд не приехал, и у партии появилась возможность критически оценить ситуацию. Среди прочих были подняты вопросы о том, действительно ли неизбежна европейская социалистическая революция, реальна ли революционная война, можно ли быстро обратить вспять процесс экономического упадка. Все же оптимизм Ленина продолжал оказывать влияние на партийное руководство, более того, оно начинало прислушиваться к ленинским рекомендациям. В частности, на съезде было решено отказаться от лозунга «Вся власть Советам» и, после долгих дебатов, заменить его на «Вся власть пролетариату при поддержке беднейшего крестьянства и революционной демократии, организованной в Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Трудно представить себе более громоздкую словесную конструкцию. Ленин, отсутствовавший на съезде, нужен был большевикам гораздо больше, чем они признавали.

Августовские ленинские рекомендации агрессивны и нетерпеливы. Ленин заявляет, что кабинет Керенского действует именно так, как он, Ленин, всегда предсказывал: ведет войну до конца, затыкает рот оппозиции в вооруженных силах, угрожает разогнать активные городские Советы. Он более склонен искать поддержки у кадетов и верховного командования, чем идти на соглашения с социалистическими партиями (в знак протеста против такой политики подал в отставку с министерского поста эсер Виктор Чернов). Тем не менее, меньшевики и эсеры отказывались выступать против Керенского. Юлий Мартов, левый меньшевик, предложил идею прихода к власти социалистической администрации, основанной на представленных в Советах партиях, но товарищи по партии идею Мартова отвергли. Мень-

шевики и эсеры как будто сговорились с «военной диктатурой» Керенского. А тем временем трудности в стране нарастали. Крестьяне захватывали помещичьи земли, солдаты дезертировали с Восточного фронта, рабочие брали заводы и фабрики под свой контроль. Нарастала деградация в промышленности и сельском хозяйстве, поставки продуктов питания резко сократились. 21 августа германские войска взяли Ригу. Ленин без конца спрашивал товарищей из большевистского ЦК, почему Временному правительству до сих пор позволяют оставаться у власти.

Затем начался мятеж Корнилова. 12 августа в Москве под руководством Керенского прошло государственное совещание, на котором стала очевидной популярность Верховного главнокомандующего Лавра Корнилова среди правых политических и военных кругов. Керенский начал опасаться Корнилова. Вмешательство помощников только ухудшило отношения между Керенским и Корниловым. По ранее достигнутому соглашению с Керенским Корнилов вел на Петроград воинские подразделения с целью подчинить Советы и покончить с двоевластием в стране. 28 августа Керенский, опасаясь военного заговора, приказал Корнилову отвести войска от Петрограда. Корнилов в свою очередь решил, что Керенский не в состоянии управлять государством, и отказался подчиниться приказу. В отчаянии Керенский обратился за помощью к Советам с просьбой выслать в отряды, наступающие на Петроград, депутатов-агитаторов, чтобы убедить военных подчиниться Временному правительству и позволить заключить Корнилова под стражу. Партии Советов просьбу Керенского выполнили, при условии, что партия большевиков вновь выходит на открытую политическую арену.

Ленин был в восторге. 1 сентября он начинает работу над статьей «О компромиссах», в которой предлагает вернуться к лозунгу «Вся власть Советам» и говорит о возможности мирного перехода к социалистической администрации. После подавления корниловского мятежа Керенскому приходилось быть внимательнее к меньшевикам и кадетам, в особенности после того как стало известно о секретной поддержке Корнилова со стороны кадетов.

> «Только во имя этого мирного развития революции — возможности, *крайне* редкой в истории и *крайне* ценной, возможности, исключительно редкой, только во имя ее большевики, сторонники всемирной революции, сторонники революционных методов, могут и должны, по моему мнению, идти на такой компромисс»[19].

Ленинский «компромисс» заключался в том, что большевики будут придерживаться ненасильственных методов в случае, если социалисты сформируют правительство, целиком и полностью подчиняющееся Советам, провинциальные Советы образуют местные администрации, а большевикам будет гарантирована «свобода агитации»[20]. Ленин догадывался, что вряд ли эти условия будут выполнены в полном объеме. 3 сентября Ленин пишет дополнение к статье «О компромиссах», в котором утверждает, что последние события означают упущенную возможность исторического компромисса[21]. Речь шла о нежелании меньшевиков и эсеров разорвать связи с кадетами. Керенский сформировал состоящую из пяти членов Директорию, выступающую против лозунга «Вся власть Советам»[22].

Свою точку зрения Ленин развивал и в последующих статьях. 12 сентября он отправил письмо на адрес большевистского ЦК, Петроградского комитета и Московского комитета. К этому времени большевики уже составляли большинство в Петроградском и Московском Советах. Ленин полон нетерпения: «Взяв власть *сразу* и в Москве и в Питере (неважно, кто начнет; может быть, даже Москва может начать), мы победим *безусловно и несомненно*»[23]. Члены ЦК чувствовали, что Ленин безответственно относится к вопросу партийной безопасности. 13 сентября, еще не получив вышеупомянутого письма, они решили внести основные положения статьи «О компромиссах» в партийную декларацию для оглашения на Всероссийском демократическом совещании партий левой ориентации, назначенном на 14 сентября. Стратегические «прыжки» Ленина становились все более невыносимыми для товарищей по партии. Они не сомневались, что Ленин не осознает ситуацию в России в полной мере. Ленин же неуклонно держался своей линии. 13 сентября он пишет второе, более подробное послание, озаглавленное «Марксизм и восстание», где противопоставляет текущую ситуацию июльским событиям. Рабочий класс, убеждает он, наконец-то занял сторону партии, народ настроен на революцию, а противники большевиков попали в капкан собственной нерешительности. Пришло время восстания[24].

15 сентября ЦК партии в присутствии Троцкого и Каменева, вышедших из тюрьмы, рассмотрел послания Ленина. Большевики пришли в ужас. Страшно было даже подумать, что сделал бы Керенский, узнав о содержании ленинских писем. Было решено сжечь все копии писем, оставив лишь один экземпляр[25]. Не приходилось сомневаться, что следование призывам Ленина к не-

медленному восстанию стало бы катастрофой для большевиков. Большинство Советов по-прежнему оставалось в руках меньшевиков и эсеров. Попытка Петроградского Совета захватить власть дала бы Керенскому прекрасный повод окончательно устранить партию большевиков из общественной жизни. Но Ленин знал, что у него есть сторонники и в партии, и среди солдат, и среди рабочих. Отказываясь подчиниться решениям ЦК, Мария Ильинична передала копии посланий Ленина в Петроградский комитет[26].

Желая лично участвовать в петербургских событиях, Ленин попросил Шотмана убедить ЦК разрешить ему вернуться в Петроград. ЦК просьбу Ленина отклонил. В гневе Ленин воскликнул: «Я этого так не оставлю, так я этого не оставлю!»[27]. Шотман, для которого политическая утопия Ленина казалась столь же неприемлемой, как и призывы к немедленному восстанию, сказал Ленину, что социалистическая революция — дело очень сложное, что «нет людей, умеющих управлять сложным государственным аппаратом». В ответ Ленин вспылил:

> «Пустяки! Любой рабочий любым министерством овладеет в несколько дней; никакого особого уменья тут не требуется, а техники работы и знать не нужно, так как это дело чиновников, которых мы заставим работать так же, как они теперь заставляют работать рабочих-специалистов»[28].

На протяжении всего 1917 года Ленин заявлял, что грядущая социалистическая революция окажется легким делом, что большинство рабочих, крестьян и солдат поддержат партию большевиков. То же самое он заявил и в разговоре с Шотманом. Придвинувшись к нему и прищурив левый глаз, Ленин спросил: «Кто же тогда будет против нас?»[29].

Ленин, конечно, для пущего эффекта преувеличивал, но он был уверен в своих словах. Правда, он очень редко делился с кем-либо своими глубинными мыслями и расчетами. Очевидно, он хотел придать уверенности товарищам по партии в том, что после захвата власти у них все пойдет на лад. Но не исключено, что он просчитывал и другие варианты развития событий. Он прочел немало книг о Французской революции, и в российских событиях всегда искал аналогии с событиями во Франции. Робеспьер и якобинцы были его героями, он восхищался их отчаянной, хотя и неудачной, попыткой установить стабильный революционный режим. Невозможно представить, что Ленину не

приходила в голову мысль о затяжном кровопролитии, которое начнется в стране после прихода большевиков к власти в результате внутреннего и внешнего сопротивления. Существуют документальные свидетельства того, что Ленин в публичных выступлениях умышленно смягчал свою точку зрения по этому вопросу, чтобы не отпугнуть людей от партии большевиков. Так, он с гневом выступил против Троцкого, угрожавшего противникам большевизма гильотиной. Он не отвергал террор как таковой, но заметил, что с гильотиной не шутят[30]. В то же время он уверял себя, что социалистическая революция, возглавляемая большевиками, будет совсем не такой, как все предыдущие революции, ведь на ее стороне выступят народные массы, вначале в России, затем во всей Европе. Потому не будет необходимости в продолжительных и широкомасштабных репрессиях.

Тот факт, что средние классы российского общества выступят против партии большевиков, Ленина не беспокоил. Будущее России виделось ему в выборе между двумя крайностями: диктатурой буржуазии и диктатурой пролетариата. Впервые после возвращения из Швейцарии он открыто заявлял в центральной партийной прессе о диктаторских намерениях. Кадеты, меньшевики и эсеры, заявлял он, не в состоянии управлять страной, корниловский мятеж доказал уязвимость их стратегий. Теперь пришло время решения главной задачи — восстания против Временного правительства.

В нарушение партийной дисциплины, не сообщая Шотману, Ленин договорился с Густавом Ровио, чтобы тот нашел ему конспиративную квартиру в Выборге, финском городке неподалеку от российско-финской административной границы. Ленину вновь потребовался парик. С новым париком произошел комический эпизод. Ровио привел Ленина к театральному специалисту, но оказалось, что на изготовление парика уйдет несколько недель. Ленин спросил, не найдется ли у мастера готового парика. Более-менее подходящий по размеру парик нашелся, но он был с сединой, и мастер вначале отказывался продавать его Ленину, так как в парике тот выглядел шестидесятилетним. Естественно, Ленин не собирался говорить мастеру, что парик нужен ему не для красоты, а для маскировки[31]. В конце концов мастера все же уговорили. Ровио достал для Ленина фальшивый паспорт и нашел ему квартиру в Выборге, где тот поселился у финского товарища[32]. Приехав в конце сентября в Выборг, Ленин сразу же начал искать возможности переправиться в Петербург. Несколько дней спустя, опять ничего не сообщая Шот-

ману, он отправился в путь в седом парике, переодевшись лютеранским пастором[33]. Воинствующий атеист возвращался в Петроград в обличье Божьего слуги. Вместе с рабочим Эйно Рахья Ленин приехал в Россию на паровозе, машинистом которого был все тот же Гуго Ялава, в августе привезший Ленина в Финляндию[34].

В Петрограде он поселился на квартире молодой большевички, агронома Маргариты Васильевны Фофановой, в доме по улице Сердобольской на Выборгской стороне, рядом с Финляндской железной дорогой. Фофановой пришлось смириться с тем, что Ленин сразу же установил «твердый режим»:

> «Он сказал мне, чтобы я ему ежедневно утром, не позднее половины девятого, доставляла все выходящие в Петрограде газеты, включая и буржуазные. Были установлены часы завтрака и обеда. Тогда же Владимир Ильич добавил: „Первую неделю, Маргарита Васильевна, вам будет очень трудно. Все сейчас падает на вас одну“»[35].

Вместе с Фофановой поручения Ленина исполнял Рахья. Никто больше не бывал в квартире, кроме Надежды Константиновны и Марии Ильиничны. Когда Фофанова выходила, Ленин почти все время сидел в квартире взаперти. Но он искал возможности встречи с товарищами из ЦК, чтобы донести до них свой план немедленного вооруженного восстания.

10 октября на квартире Галины Флаксерман, супруги левого меньшевика Николая Суханова, было организовано заседание ЦК. Суханов из партийной вежливости согласился провести эту ночь в своем рабочем кабинете. Галина вскипятила самовар, принесла печенье. Заседание началось в десять часов вечера. Транспорт ходил нерегулярно, поэтому присутствовали лишь двенадцать членов ЦК. Слова, прозвучавшие в эту ночь, имели огромное влияние на все последующие события. Основным вопросом повестки дня был вопрос захвата власти большевиками. В неярко освещенной комнате Ленин, переодетый лютеранским пастором, читал доклад «О текущем моменте». Большинство товарищей не видели Ленина несколько месяцев, и его «пасторская» внешность немало их позабавила. Плохо пригнанный седой парик постоянно сползал с головы, и Ленин все время приглаживал его обеими руками. Выглядело все это довольно смешно.

Впрочем, веселиться долго не пришлось. Свердлов зачитал сообщения о текущих событиях, а затем слово взял Ленин. Целый

час он страстно говорил о восстании, не скрывая гнева и нетерпения. Ленин заявил, что Центральный Комитет проявляет безразличие к вопросу о восстании. Момент настал. Народные массы устали от слов и резолюций. «Большинство теперь за нами», — уверял Ленин. Крестьяне, хоть и не голосуют за большевиков, захватом помещичьих земель способствуют падению авторитета Временного правительства, по словам Ленина, замышляющего сдать Петроград немцам. После доклада последовали длительные энергичные дебаты. Все понимали, какой опасный путь предлагает Ленин. Но на рассвете 11 октября, при подсчете голосов, Ленин торжествовал победу: его предложение было принято десятью голосами против двух[36].

Это означало, что ЦК должен был сосредоточить всю энергию на «технической стороне» планируемого восстания[37]. Довольный Ленин с триумфом вернулся на квартиру Фофановой. Правда, ему не удалось добиться всего, чего он хотел. Так, он предложил, чтобы съезд Советов Северной области, открытие которого намечалось на 11 октября в Минске, был использован для начала решительных действий[38]. Это предложение не было включено в текст окончательной резолюции. Как предложили Троцкий и другие товарищи, ЦК должен принять меры, чтобы восстание было как можно меньше похоже на захват власти одной партией. Было решено, что следует подождать Всероссийского съезда Советов, который должен был состояться в Петрограде в этом же месяце[39]. Предложение Ленина было абсолютно непрактичным. Если бы к нему прислушались, партия выявила бы свое намерения слишком рано. Ленин часто говорил об искусстве восстания, но сам не следовал своим же словам. Все же он, обладая недюжинной силой убеждения, был настоящим лидером.

Двумя, высказавшимися на ночном заседании ЦК против немедленного восстания, были Каменев и Зиновьев, люди, находившиеся в первых рядах партийного руководства. Они написали совместное заявление и разослали его в основные комитеты партии, утверждая, что в скором времени эсеры и меньшевики под давлением общественности сформируют правительство в коалиции с большевиками; что рабочие не поддержат насильственный приход большевиков к власти; что, наконец, вера Ленина в неизбежность социалистической революции в Европе на практике ничем не подтверждается[40].

Возникшее разногласие должно было уладить очередное заседание ЦК. 16 октября члены ЦК собрались на северной окраине столицы в живописном деревянном здании Лесновско-Удель-

линской районной думы, возглавлявшейся большевиками. В целях конспирации заседание проходило ночью. В зале присутствовали представители Петроградского комитета, Военной организации, московских комитетов и других партийных органов. Были здесь и потенциальные сторонники Зиновьева и Каменева, отсутствовавшие на предыдущем заседании. Ленин был настроен решительно. Из-за обычных конспиративных предосторожностей он опоздал к началу заседания. И заявил гневно и напористо:

> «Положение ясное: либо диктатура корниловская, либо диктатура пролетариата и беднейших слоев крестьянства. Настроением масс руководиться невозможно, ибо оно изменчиво и не поддается учету; мы должны руководствоваться объективным анализом и оценкой революции. Массы дали доверие большевикам и требуют от них не слов, а дел (...)»[41].

Начались дебаты. Ленину пришлось выслушать многих ораторов из различных регионов, уверявших, что рабочие и солдаты не желают участвовать в восстании. Выступили со своими возражениями Каменев и Зиновьев. В отчаянии Ленин, разнервничавшись, сорвал с головы парик[42]. Но к началу голосования поддержка критиков иссякла. При подсчете голосов оказалось, что за Ленина высказались девятнадцать человек, против — лишь двое при четырех воздержавшихся.

Участникам заседания оставалось решить лишь один вопрос: следует ли большевикам провоцировать столкновение с Временным правительством. К единому мнению по этому вопросу так и не пришли. Ленин произнес: «Собрание выражает полную уверенность, что ЦК и [Петроградский] Совет своевременно укажут благоприятный момент и целесообразные способы наступления»[43].

Неопределенность дала Ленину возможность санкционировать быстрые и решительные действия. Но все же он вернулся на квартиру Фофановой в сердитом настроении. В три часа ночи в заседании был объявлен перерыв, но дорога домой заняла целых два часа — как сказал Ленин, по вине сопровождавших. К тому же на улице был дождь и сильный ветер, парик Ленина сдуло в лужу вместе со шляпой, и теперь он был весь в грязи[44]. Фофанова выстирала ленинский парик в горячей воде с мылом, но от этого Ленин не стал спокойнее. Он опасался, что большевистский ЦК не будет следовать договоренностям. На протяже-

нии последующих дней он забрасывал членов ЦК посланиями. На три последующих заседания ЦК, состоявшихся в период между 20 и 24 октября, Ленина не приглашали. Разумно предположить, что, по мнению товарищей, Ленину недоставало знания ситуации, а также выдержки, необходимой для планирования действий. Они готовили восстание, планируя провести его по-своему — с помощью Военно-революционного комитета Петроградского Совета. Начало вооруженного выступления должно было совпадать с открытием Всероссийского съезда Советов.

24 октября Ленин пребывал в лихорадочном напряжении. Целый день Фофанова бегала по городу, выполняя поручения Ленина; и каждый раз, когда она возвращалась, ее ждало новое послание, требовавшее строчной доставки. Ленин умолял товарищей из ЦК разрешить ему присоединиться к ним. Он просил Фофанову рассказывать ему о том, что происходит на городских улицах. Ответ крайне взволновал его. Мосты над Невой были разведены: Временное правительство не собиралось сдаваться без боя. Ленин был вне себя от гнева на товарищей из ЦК: «Я их не понимаю, чего они боятся?»[45].

Вечером он написал в ЦК гневное послание:

> «Нельзя ждать!! Можно потерять всё!!...
>
> Кто должен взять власть?
>
> Это сейчас неважно: пусть ее возьмет Военно-революционный комитет или „другое учреждение", которое заявит, что сдаст власть только истинным представителям интересов народа, интересов армии (предложение мира тотчас), интересов крестьян (землю взять должно тотчас, отменить частную собственность), интересов голодных...»[46].

Ленин пообещал Фофановой подождать ее возвращения до одиннадцати часов вечера. Но еще раньше пришел Рахья. Ленин выслушал его сообщения и заявил, уже не сдерживаясь: «Да, сегодня должно начаться»[47]. Выпили по чашке чая, перекусили, затем Ленин надел парик и забинтовал щеку, чтобы остаться неузнанным. Около восьми часов вечера они выскользнули из дома, оставив для Фофановой записку: «Ушел туда, куда Вы не хотели, чтобы я уходил. До свидания. Ильич»[48]. Поймав трамвай, поехали в Смольный, где с начала августа находился Петроградский Совет. По дороге Ленин расспрашивал кондукторшу, что случилось в центре города. Попасть в Смольный было непросто: предстояло пройти через патруль. Солдаты Керенского спра-

шивали у прохожих пропуска. Решающую роль сыграла решительность Рахья. Ленину не пришлось даже вставить слово.

Руководители большевистского ЦК и Военно-революционного комитета, как и было условлено, готовились к восстанию против Временного правительства. Они не знали, что Ленин уже шел к ним. У входа в ярко освещенное здание Смольного Рахья вытащил два фальшивых пропуска.

А Фофанова в это время торопилась домой. Она боялась опоздать (Ленин обещал ждать ее только до одиннадцати часов) и взяла извозчика, но нашла лишь записку на столе. Ленин уже был в Смольном, в комнате номер 71, и убеждал, уверял, побуждал, просил, умолял товарищей ускорить локомотив революции. Власть, государственная власть была такой близкой и доступной! Момент социалистической революции, исторический момент, к которому Ленин шел целых тридцать лет, настал.

18

Октябрьская революция

Октябрь—декабрь 1917

В ночь с 24 на 25 октября на петроградских улицах было неспокойно. По приказу Военно-революционного комитета лояльные к Советам армейские гарнизоны и вооруженные отряды Красной гвардии, состоящие из рабочих-добровольцев, направились на взятие под контроль вокзалов, почты, телеграфа и ряда других мест. 24 октября Керенский объявил о закрытии большевистских газет и отдал приказ развести мосты над Невой. В ответ Троцкий заявил о необходимости защищать Советы. ВРК планировал завершить захват власти к моменту открытия Второго съезда Советов, назначенного на 25 октября, чтобы на съезде большевики могли заявить о свержении Временного правительства как о свершившемся факте.

Подготовка вооруженного восстания проходила в не самом подходящем для этого месте — в здании Смольного института, где до 1917 года находилось учебное заведение, принадлежащее Воспитательному обществу благородных девиц. Здание с античными колоннами на фасаде и огромным залом, построенное по проекту итальянского архитектора Кваренги, должно было стать символом привилегированности и традиций, но ему было уготовано превратиться в колыбель революции. В ночь на 25 октября в это здание пришел Ленин, чтобы сыграть свою роль в грандиозном действии.

Ленина провели в комнату номер 71, он уселся в угол и стал ждать товарищей. В шумном, прокуренном здании шла подготовка к открывающемуся съезду Советов. Смольный гудел, как улей, в течение вечера и ночи прибывали все новые делегаты.

Все понимали, что принятые на съезде решения определят и дальнейший ход революции, и судьбу Временного правительства.

Большевики, в этот самый момент осуществлявшие захват власти, размещались в одном здании с меньшевиками и эсерами, стремившимися не допустить этого. В комнату, где сидел Ленин, вошел меньшевик Федор Дан, эсер Абрам Гоц и бундовец Марк Либер, все трое находились на руководящих постах в своих партиях. Один из них вынул из кармана своего пальто, висевшего здесь, сверток с хлебом, колбасой и сыром, собираясь разделить еду с товарищами. Ленин сидел тихо, надеясь, что с париком и забинтованной щекой его не заметят. Однако Дан и его товарищи узнали Ленина тут же и быстро вышли из комнаты[1]. Поведение Дана, Либера и Гоца можно назвать революционным этикетом: они предпочли не вступать в словесную перепалку с противником в личной беседе, а выступить против него с трибуны зала заседаний съезда. Ленин проводил их хохотом.

В 2 часа 35 минут дня 25 октября в главном зале Смольного началось экстренное заседание Петроградского Совета. В зале стояла необычная для подобных мероприятий тишина. Троцкий, председатель Петроградского Совета, вышел на трибуну и произнес исторические слова: «Власть Керенского свергнута. Часть министров арестована. Оставшиеся неарестованными будут в скором времени арестованы»[2]. Под аплодисменты собравшихся Троцкий заявил, что к власти придет социалистическое правительство, и предоставил слово Ленину. В зале поднялась овация, не стихавшая несколько минут[3]. Когда аплодисменты смолкли, Ленин с триумфом произнес:

> «Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась.
>
> Какое значение имеет эта рабочая и крестьянская революция? Прежде всего, значение этого переворота состоит в том, что у нас будет Советское правительство, наш собственный орган власти, без какого бы то ни было участия буржуазии. Угнетенные массы сами создадут власть. В корне будет разбит старый государственный аппарат, и будет создан новый аппарат управления в лице советских организаций»[4].

Ленин преувеличивал. Временное правительство еще не было свергнуто, борьба за Петроград только началась. Однако слова Ленина о том, что решительный бой за власть в основном уже

выигран, стали очередной ступенькой на пути к власти, уничтожив остатки нерешительности среди членов большевистского ЦК, Военно-революционного комитета и депутатов Петроградского Совета.

Левый меньшевик Николай Суханов, вошедший в зал заседаний посреди речи Ленина, вспоминает, как его удивило неожиданное появление Ленина, в течение нескольких месяцев скрывавшегося в подполье:

> «Когда я вошел, на трибуне стоял и горячо говорил незнакомый лысый и бритый человек. Но говорил он странно знакомым хрипловато-зычным голосом, с горловым оттенком и очень характерными акцентами на концах фраз... Ба! Это — Ленин. Он появился в этот день после четырехмесячного пребывания в „подземельях“»[5].

Большевистский лидер вновь открыто руководил своей партией и революцией.

На заседании съезда Советов можно было объявлять о совершившемся захвате власти. Меньшевики и эсеры могли сколь угодно возражать против свержения Временного правительства, но они были не в силах повернуть ход событий назад. Об опасности, которую они представляли ранее, можно было забыть. Другая проблема также утратила актуальность — а именно, что меньшевики и эсеры (чего так боялся Ленин) сами выступят против Временного правительства и потребуют отставки Керенского. (Поздно вечером 24 октября Предпарламент* принял ноту недоверия Керенскому и призвал к немедленному заключению мира на Восточном фронте и передаче помещичьих земельных угодий в руки крестьянства.) Ленин не собирался делиться властью с меньшевиками и эсерами, но не говорил об этом в большевистском ЦК до начала восстания, иначе, не исключено, ЦК вообще отказался бы от поддержки вооруженного восстания. В ночь с 24 на 25 октября Ленин прежде всего старался держать меньшевиков и эсеров на расстоянии, стремясь создать условия для доминирующей роли большевиков при формировании будущего правительства. Поэтому следовало брать власть как можно скорее, без малейшей задержки.

---

* *Предпарламент* (официальное название — Временный совет Российской республики), 20 сентября — 25 октября (3 октября — 7 ноября) 1917 года. Создан на Демократическом совещании в качестве представительского органа всех российских партий до созыва Учредительного собрания; был ограничен совещательными функциями; большевики вышли из Предпарламента.

Все было готово к решительному наступлению. Крейсер «Аврора», команда которого находилась на стороне большевиков, поднялся по Неве к Зимнему дворцу. Повстанцы захватили Государственный банк, почтовые и телеграфные отделения, железнодорожные вокзалы. Зимний дворец, где заседало Временное правительство, был окружен. Керенскому удалось бежать, он надеялся собрать за пределами столицы силы для подавления восстания.

Рано утром большевистский Центральный Комитет собрался для обсуждения вопроса о составе нового правительства. Инициатором собрания стал не Ленин, а В. П. Милютин, член правого крыла партии большевиков, не спавший несколько ночей. Как видим, не все происходившее ранним утром 25 октября было делом рук Ленина. Революционеры осознавали, что они зашли слишком далеко, что отныне поворот назад невозможен. Революция началась, и она должна пройти успешно. Из членов большевистского ЦК, собравшихся в комнате 36, Ленин был наименее уставшим, поэтому ему поручили написать воззвание от имени Военно-революционного комитета. В 10 часов утра Ленин передал Владимиру Бонч-Бруевичу текст воззвания для публикации в прессе. Воззвание гласило:

«К гражданам России.

Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание советского правительства — это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!» [6]

Заявив о переходе власти в руки Военно-революционного комитета, Ленин был готов к буре гнева со стороны меньшевиков и эсеров. В Петрограде открывался Второй съезд Советов.

Начало съезда было назначено на 2 часа дня, но его пришлось отложить, так как большевистское руководство хотело завершить взятие Зимнего дворца до начала съезда. Взятие Зимнего заняло больше времени, чем рассчитывал Военно-революционный комитет. Ленин не скрывал гнева: «Почему так долго? Что делают наши военачальники? Затеяли настоящую войну! Зачем это? Ок-

ружение, переброски, цепи, перебежки, развертывание... Разве это война с достойным противником? Быстрей! В атаку! Хороший отряд матросов, роту пехоты — и все там!»[7] Но ВРК не желал тратить силы понапрасну. Керенский бежал, явной военной угрозы не наблюдалось. Осада последней столичной крепости Временного правительства продолжалась целый день.

В 10 часов 35 минут вечера было наконец решено открыть Второй съезд Советов. От имени Центрального Исполнительного Комитета съезд открыл Федор Дан. В зале собралось 670 делегатов, из них три сотни большевиков. Для того чтобы при голосовании получить большинство, им было необходимо привлечь на свою сторону других делегатов. К счастью, таких нашлось немало. Левое крыло эсеров решило отделиться и создать свою партию. (Как и большевики, левые эсеры выступали за передачу земли крестьянам.) Многие из беспартийных делегатов тоже хотели видеть новое правительство, созданное на основе Советов. Помимо всего прочего, Ленин надеялся, что меньшевики и эсеры, оскорбленные событиями предыдущей ночи, в знак протеста покинут зал заседаний. Он старательно гнул к такому исходу, но при этом не делал никаких публичных заявлений, не подписывал никаких деклараций и даже не выступал с трибуны в течение первого заседания съезда. В президиуме в качестве представителя большевиков и левых эсеров сидел Троцкий.

Мартов с места заявил о необходимости начала переговоров для преодоления текущего кризиса. Предложение Мартова съезд принял с восторгом, но затем, после ряда выступлений меньшевиков, эсеров и бундовцев, резко критиковавших акты насилия на петроградских улицах, большая группа социалистов антибольшевистского направления покинула зал —к несказанной радости Ленина, пока что остававшегося в тени. В сложившейся обстановке Мартов и меньшевики-интернационалисты также решили покинуть зал. Троцкий осудил поступок Мартова, Ленин был несказанно рад, что события пошли именно так, как он предполагал.

Ленин был вынужден держаться предельно осторожно. Во-первых, в глазах противников он представал воплощением крайней непримиримости и деструктивности, и даже многие из большевиков не могли согласиться с его воинственным стилем поведения. Во-вторых, среди рядовых большевиков и в особенности членов большевистского ЦК было широко распространено мнение, что новое правительство должна образовать не одна партия, а коалиция всех социалистических партий. После нача-

ля восстания в ЦК вернулся Каменев. Ленин проигнорировал попытку Каменева и Зиновьева предотвратить революцию, но теперь, когда большевистское руководство старалось представить себя в качестве защитников интересов народа от гнета Временного правительства, Каменев был очень кстати — он представлял умеренный большевизм. Большинство делегатов съезда из числа большевиков были избраны местным электоратом в депутаты Советов именно за отсутствие радикализма. Поэтому члены большевистского ЦК могли счесть за лучшее не давать слово Ленину 25 октября 1917 года. Но равным образом это решение мог принять и он сам, без всякого давления со стороны товарищей. В этот день Ленин оставался в тени — он оказывал моральную поддержку товарищам из Военно-революционного комитета и большевистского ЦК, участвовал в дискуссиях о составе и политике нового правительства, о котором предполагалось объявить на следующий день.

Об Октябрьской революции 1917 года снимали фильмы, писали книги, пели песни и даже ставили балетные спектакли, но все они распространяли искаженный образ Ленина — бородатого Ленина, Ленина-оратора, энергично потрясающего кулаком. В действительности же, в исторический день 25 октября 1917 года Ленин вышел на трибуну лишь для краткого сообщения. Он вообще не был великим революционным оратором. Да и выглядел он в эти дни не так, как обычно: привычные усы и борода отросли лишь через несколько недель. До января 1918 года он даже отказывался фотографироваться. Вопреки сложившемуся мнению, главная роль Ленина была сыграна не на трибуне съезда Советов, а за кулисами. И именно эта, внешне незаметная, роль стратега и вдохновителя революции оказалась решающей для ее успеха.

Вечером 25 октября Ленин, наконец убедившись, что руководство восстанием находится в надежных руках, позволил себе уйти из Смольного. После полуночи сопротивление обороны Зимнего было сломлено, его падение было предрешено. На следующий день руководителю большевиков предстояло создавать не новые лозунги, а правительственные декреты. Раньше большевики резко критиковали Керенского, теперь же новое правительство должно было предложить народу совсем другую политику. Но вначале Ленину, практически не спавшему, надо было отдохнуть. Бонч-Бруевич пригласил его к себе на квартиру, находившуюся неподалеку (вежливо намекнув, что парик больше не нужен). В сопровождении охраны Ленин отправился к Бонч-

Бруевичу. Смертельно уставший, он задремал в автомобиле. Дома Бонч-Бруевич уступил товарищу по партии свою кровать, улегшись на диване в гостиной. Но Ленин никак не мог уснуть. Когда Бонч-Бруевич провалился в сон, он тихо прокрался в гостиную, сел к столу и начал работать над текстом декретов, которые предстояло огласить с трибуны съезда Советов 26 октября[8].

Ленин работал с огромным подъемом, не замечая страшной усталости. Ведь он служил великому делу. Но у него был и еще один, не столь возвышенный повод для усердной работы. 21 октября на заседании ЦК (на котором Ленин по решению товарищей отсутствовал) было решено просить Ленина подготовить тезисы к съезду Советов, но он до сих пор не написал ни строки, опасаясь, что восстание не произойдет. Возможно, Ленин даже подозревал товарищей из ЦК, что они специально хотят нагрузить его работой, чтобы он не выходил из квартиры Фофановой. Теперь же он мог выполнить просьбу товарищей. К утру тезисы в основном были готовы.

«Декрет о мире» и «Декрет о земле» сыграли огромную роль в истории двадцатого столетия. Ленин осознавал, что создает документы исторической важности. Ему предстояло не только объявить о социалистической революции и новом правительстве, но и предложить новую стратегию государственной политики, полностью противоположной той, что была при Николае II, князе Львове и Александре Керенском. Власть в России должна быть основана на совершенно иных принципах, чем ранее, и принципы новой власти следовало как можно скорее представить делегатам съезда Советов. Позже, передавая Бонч-Бруевичу тексты декретов для публикации в виде брошюр, Ленин попросит его по дороге зайти в книжный магазин Сытина на Невском проспекте и купить на распродаже оставшиеся экземпляры отрывных календарей на 1917 год. В ответ на недоуменный вопрос Ленин пояснит, что рабочим и солдатам не хватает бумаги для папирос, и они просто-напросто пустят на раскурку розданные им тексты декретов. Ленин планировал раздавать старые календари сторонникам партии большевиков — на курево, чтобы первые декреты Советской власти использовались исключительно по их прямому политическому назначению[9].

Утром следующего дня Бонч-Бруевич и Ленин, так и не отдохнув как следует, отправились в Смольный. Ленин приветствовал встречных, поздравляя их с рождением социалистической революции. Анатолий Луначарский зачитал перед делегатами съезда составленный Лениным текст манифеста. Уже в Смольном Ле-

нин продолжил работу над текстом «Декрета о мире», «Декрета о земле» и резолюцией об образовании рабоче-крестьянского правительства, прерывая работу для того, чтобы встретиться с делегатами съезда и товарищами из ЦК. Большевики обратились к левым эсерам с призывом войти в правительственную коалицию, но те отказались. Ленин, таким образом, без особого труда получил возможность сформировать однопартийное правительство. В девять часов вечера под грохот аплодисментов он наконец появился на трибуне съезда. К этому времени уже было решено, что он должен возглавить новое правительство — стать председателем Совета Народных Комиссаров (Совнаркома).

Заседание съезда Советов продолжалось в ночь с 26 на 27 октября. Вместе с Владимиром Бонч-Бруевичем, Львом Троцким и Владимиром Милютиным Ленин продолжал работу над правительственными документами. Он написал текст проекта «Декрета о рабочем контроле», опубликованного позже, а также «Декрета о печати», принятого и опубликованного 27 октября. Ленинские декреты — чистейшее выражение ленинских планов. Ленин заявил, что возглавляемое им правительство не будет похоже ни на одно из существовавших в мировой истории. Народ должен знать обо всех внутренних правительственных дискуссиях, а обсуждение и принятие решений должно проходить в обстановке полной гласности.

В речах, произнесенных в эти дни, Ленин ни разу не упомянул о марксизме, а о социализме говорил лишь очень бегло. Не заявлял он и о том, что ставит ближайшей целью установление классовой диктатуры, а стратегической целью — создание коммунистического, бесклассового общества, описанного в «Государстве и революции». Ленин не торопился открывать карты. Будучи главой партии, он хотел показать большевизм как можно более привлекательным для тех рабочих, солдат, крестьян и интеллигенции, кто пока что не был его сторонником. Поэтому он благоразумно отложил до поры до времени такие слова, как «террор», «диктатура», «гражданская война» и «революционная война». Воздерживался он и от привычных проклятий в адрес христианских священников, раввинов и мулл, промышленников, помещиков и крестьян-кулаков, либеральной, консервативной и реакционной интеллигенции. Вместо этого Ленин делал особый, еще больший, чем в «Государстве и революции», акцент на «революции снизу». В каждом своем выступлении он призывал «массы» брать инициативу на себя и проявлять самодеятельность. Ленин стремился представить большевиков как партию, способ-

ствующую революции, совершаемой руками народа и ради народного блага.

О создании нового правительства, Совнаркома, было объявлено 26 октября. Возглавивший его Ленин, избегая титулов «премьер» или «президент», стал называться председателем. Троцкий стал народным комиссаром иностранных дел; Сталин — народным комиссаром по делам национальностей. Члены большевистского ЦК с энтузиазмом приняли министерские обязанности и направились в оставшиеся от прежней власти министерства — претворять в жизнь политику Октябрьской революции. Они наивно полагали (отметая всякую критику своей наивности со стороны меньшевиков и эсеров), что уже через несколько часов пример российской революции подхватят рабочие всей Европы — ну, может быть, не через несколько часов, а через несколько дней, в самом крайнем случае — через несколько месяцев.

Наиболее яркий пример революционного нетерпения показывал Ленин. Текст «Декрета о мире», зачитанный им лично с трибуны съезда Советов, не содержит открытых призывов к «европейской социалистической революции»: ведь Ленин обращается не только к народам, но и к правительствам воюющих стран — к тем самым правительствам, которые он совсем недавно называл неисправимо империалистическими. Но по своей сути декрет требует совершения революций в воюющих государствах:

> «Правительство предлагает всем правительствам и народам всех воюющих стран немедленно заключить перемирие, причем со своей стороны считает желательным, чтобы это перемирие было заключено не меньше как на три месяца, то есть на такой строк, в течение которого вполне возможно как завершение переговоров о мире с участием представителей всех без изъятия народностей или наций, втянутых в войну или вынужденных к участию в ней, так равно и созыв полномочных собраний народных представителей всех стран для окончательного утверждения условий мира»*.

После трех лет кровопролития эти слова ударили как громом. Бойня на Восточном фронте была немедленно приостановлена.

Вторым великим актом реформ нового правительства стал «Декрет о земле», также зачитанный на съезде Советов лично

* ПСС, т. 35, с. 15.

Лениным. Так как Ленин все откладывал начало работы над текстом, ЦК попросил Владимира Милютина, одного из ведущих партийных специалистов в области экономики, совместно с Юрием Лариным подготовить проект декрета; но окончательно завершил работу над ним все же Ленин. В основу пунктов декрета лег список требований крестьянства, созданный партией эсеров в июне. Ленин написал объемистый текст преамбулы, сухим, невыразительным языком объявив о конфискации земельных владений, принадлежащих помещикам, церкви и членам императорской семьи. С юридической точки зрения «Декрету о земле» не хватало логичности: он не указывал однозначно, в чьи руки переходят конфискованные земли — земельных комитетов, крестьянских общин или крестьянских Советов.

Отсутствовала определенность и в терминологии. Так, текст «Декрета о земле» заявлял о неприкосновенности земель «рядовых крестьян и казаков», но при этом отсутствовало определение, кто же считается «рядовым». В то же время декрет утверждал, что «право частной собственности на землю отменяется навсегда».

Ленин не думал о юридических тонкостях; его первые декреты должны были иметь демонстративный эффект и стимулировать прогресс революции. Не была особым секретом и цель, которой он хотел добиться — побудить крестьян к коллективному захвату и последующему возделыванию земель, в настоящее время им не принадлежащих. Не подлежали разделу лишь крупные землевладения с высокоразвитой культурой земледелия. Слова Ленина демонстрируют неограниченное доверие к крестьянству. Свою позицию Ленин разъяснял в выступлении перед делегатами съезда Советов:

> «Преступление совершило то правительство, которое свергнуто, и соглашательские партии меньшевиков и с.-р., которые под разными предлогами оттягивали разрешение земельного вопроса и тем самым привели страну к разрухе и к крестьянскому восстанию. Фальшью и трусливым обманом звучат их слова о погромах и анархии в деревне. Где и когда погромы и анархия вызывались разумными мерами?» [10]

Конечно, Ленина нельзя считать истинным защитником крестьянства. Он предполагал, что между крестьянами, захватившими землю, начнется соревнование по законам капитали-

стической рыночной экономики. Впоследствии, надеялся он, советское правительство сможет выступить на стороне «сельского пролетариата» и национализировать землю. Конечной целью оставалось создание социалистических коллективных хозяйств.

Ленин не собирался ставить будущее Октябрьской революции в зависимость от демократических процедур. В свои первые дни в Смольном он попытался принудить Якова Свердлова и остальных членов ЦК объявить об отсрочке выборов в Учредительное собрание. От предложения Ленина Свердлов отказался. Большевики всегда заявляли, что они — единственная партия, способная обеспечить своевременный созыв Учредительного собрания, поэтому они не могли откладывать выборы. В данном случае ленинский цинизм был отвергнут с самого начала.

Меньше споров среди членов ЦК вызвало другое требование Ленина — о безжалостном подавлении сопротивления советскому правительству. Отряды Военно-революционного комитета патрулировали петроградские улицы. Революционные войска выступили против казачьих отрядов Керенского. 27 октября Ленин подписал «Декрет о печати» — первый документ нового правительства, создававший возможность введения цензуры. Любой печатный орган, призывавший к сопротивлению Совнаркому, подлежал закрытию. Более того, «закрытию подлежат органы прессы, сеющие смуту путем явно клеветнического извращения фактов»*. Большевики, ранее боровшиеся за свободу прессы, не замедлили присвоить себе право информационной монополии. В Декрете говорится, что Совнарком считает вводимые меры временными, однако вопрос, в самом ли деле Ленин верил во временность цензуры, остается открытым. На протяжении 1917 года он неоднократно заявлял, что принцип свободы печати действует только на руку буржуазии. Невозможно поверить, чтобы в горячке революционной борьбы Ленин решил изменить мнение по этому вопросу.

Однако непосредственная угроза новой власти исходила все же не от консервативной и либеральной прессы, а от Керенского. В данной ситуации сторонники меньшевиков и эсеров получили больше возможностей оказывать на Совнарком давление с целью формирования коалиции социалистических партий. С другой стороны, на Ленина и Троцкого давили и члены правого крыла партии большевиков, в том числе Каменев.

* Декреты Советской власти. М. 1957, т. 1, с. 25.

Всероссийский исполнительный комитет железнодорожного союза (Викжель) предупредил, что объявляет забастовку в случае, если не будет создана правительственная коалиция. Большевистский ЦК поручил Каменеву провести переговоры с представителями Викжеля, меньшевиков и эсеров. Ленин не доверял Каменеву, но не мог ничего поделать. Поразительно, что до тех пор ему удавалось сдерживать свою обычную нетерпимость и непримиримость, так как 30 октября Каменев согласился с планом создания правительственной коалиции всех социалистических партий, в которую не входили бы Ленин и Троцкий[11].

К этому времени вопросы внутрипартийной дипломатии уже не были сдерживающим фактором для Ленина. Положение Совнаркома было достаточно прочным: железнодорожники вряд ли откликнулись бы на призыв Викжеля к забастовке, а собранные Керенским казачьи отряды под командованием генерала Краснова потерпели поражение на Пулковских высотах под Петроградом.

Теперь Ленин мог нанести ответный удар Каменеву. Решающая схватка произошла 1 ноября на заседании большевистского ЦК. Ленин и Троцкий держались мнения, что следует направить ультиматум остальным социалистическим партиям о возможности создания правительственной коалиции только в том случае, если по предварительной договоренности в основу политики коалиционного правительства будут положены большевистские принципы. Это был способ сорвать переговоры, формально не прерывая их. Руководство меньшевиков и эсеров, имея многолетний опыт контактов с Лениным, никогда не строило оптимистических иллюзий о возможности сотрудничества с этим человеком. И ленинские идеи террора и диктатуры, и его деспотический стиль поведения были для них абсолютно неприемлемы. Руководство социалистических партий не поддерживало закрытие Лениным кадетских газет, но после того как Совнарком запретил выход правой меньшевистской прессы, стало ясно, что и на этом он не остановится. 2 ноября ЦК большевиков принял резолюцию, согласно которой партия возвращалась к прежней политике недопустимости компромиссов с эсерами и меньшевиками.

Следующий конфликт возник 4 ноября, когда Каменев и четверо его коллег заявили о выходе из ЦК. По причине несогласия с отказом Ленина вести открытые переговоры о создании социалистической правительственной коалиции группа народных комиссаров заявила о своем выходе из Совнарко-

ма*. Ленин и Троцкий оставались непреклонными. На повестке дня стоял вопрос революционной политической консолидации; секретарь ЦК Свердлов, народный комиссар по делам национальностей Сталин и внутреннее ядро ЦК были тверже железа. Все они понимали, что юное советское правительство еще не столкнулось с главными испытаниями. Каждый новый день существования Совнаркома у власти они рассматривали как большой успех. Но мéнее всего им хотелось бы войти в историю России и Европы в роли побежденных, вынужденных бежать из Петрограда. За стенами Смольного кипела работа. Захватившим власть ленинцам, ввязавшимся в большую политическую игру в масштабах партии и в масштабах страны, требовалась немалая сила, выдержка и вера. Пока что они не могли быть уверены в абсолютной победе. Из Смольного потоком шли декреты, инструкции, прокламации и повестки.

После начала вооруженного восстания прошли две недели. Для новой власти было жизненно важно укрепить свои позиции, а для этого следовало достигнуть трех основных целей. Во-первых, распространить административный авторитет Совнаркома на остальную Россию. Во-вторых, завершить обнародование революционных декретов. В-третьих, заключить договор с коалицией Центральных держав на Восточном фронте. Враги новой власти не сомневались, что с последней, невероятной сложной задачей справиться не удастся. Большевики наивно верили, что солдаты вражеских армий начнут брататься с российскими солдатами; что рабочие, проголосовавшие за большевиков, и далее будут постоянно их поддерживать; что нарастающий развал экономики можно будет быстро преодолеть с помощью государственного регулирования. Пришедшие к власти люди недооценивали силу вековых традиций, оказывающих влияние на общественное сознание — традиций религиозности, социальных различий и политической пассивности. Враги советского режима изображали Ленина и его сторонников в лучшем случае безответственными недоучками-полуинтеллигентами. Наиболее реакционные политические элементы рисовали совсем другой портрет Ленина — еврея, космополита, русофоба, одного из врагов Российского государства.

---

* Заявление группы народных комиссаров подписали В. Ногин, А. Рыков, В. Милютин, И. Теодорович. Позже к нему присоединились комиссар путей сообщения Рязанов, комиссар по делам печати Н. Дербышев, комиссар государственных типографий И. Арбузов, комиссар Красной гвардии Юренев, зав. отделом конфликтов в Министерстве труда Г. Федоров, Г. Ларин и комиссар труда Шляпников. (См.: История гражданской войны в СССР, т. 2, М. 1943, с. 542.)

Мало кто из россиян в те дни мог предчувствовать, что власть Советов продержится хотя бы несколько лет, и вряд ли кто думал, что она просуществует долгих семь десятилетий. Даже высшее большевистское руководство не было до конца уверено в жизнеспособности новой администрации. Эти люди жили, буквально сидя на чемоданах. В этой ситуации высшее партийное руководство искало поддержку — и находило ее. Несмотря на ряд стратегических и тактических просчетов, фигура Ленина становилась все более привлекательной для губернских партийных лидеров. В конце концов, он уже доказал, что способен быть настоящим лидером. А лидер понадобится в любом случае — в том числе, если удастся пережить текущий политический кризис.

Ленин ни на минуту не сомневался в том, что он способен на многое. Свои цели, во всяком случае в широком смысле слова, он знал. Большевикам, повторял он, предстоит столкнуться с последствиями октябрьского захвата власти. А для этого необходима жесткая, даже авторитарная власть. (Разумеется, это держалось в секрете от рабочих, голосовавших за большевиков.) В апреле, когда Ленин заявил о необходимости для большевиков готовиться к взятию власти, он стал объектом насмешек. Не обращая внимания на скептиков, Ленин закалял свою партию, и вопреки всем ожиданиям, большевики действительно взяли власть. Теперь он вновь становился объектом критики, никто не хотел верить, что революция может победить окончательно лишь под его стратегическим руководством. Но Ленин уже давно, в течение не менее десяти лет, не принимал всерьез эсеров, меньшевиков и кадетов. В отличие от других революционеров, он не сомневался в истинности своих убеждений и расчетов, даже если они казались окружающим эксцентрическими. Ленин никогда не боялся выступать соло; тем более теперь, придя к власти, он не поддавался мысли, что его голос может дрогнуть — и он со всей страстью пел гимн великой революции.

Для Ленина характерно использование двойственных терминов при разъяснении своей стратегии. Он стремился к революции сверху и революции снизу, к диктатуре и демократии, к авторитарному подавлению и освобождению одновременно. Тексты его произведений, написанных в 1917 году, пестрят полярностями. Но, играя словами, Ленин бросает все силы на укрепление авторитета и власти Совнаркома, сметая все препятствия на своем пути. Принуждение все больше берет верх над убеждением. Ленин рассылает инструкции, отдает команды, дает санк-

ции на акты насилия вплоть до неприкрытого государственного террора.

В первые дни на посту председателя Совнаркома Ленин работает над текстами новых государственных декретов. 29 октября появился проект «Декрета о восьмичасовом рабочем дне». Наконец-то основатель диктатуры рабочего класса позаботился о конкретных интересах рабочих. В этот же день написан проект «Декрета о народном образовании», согласно которому Совнарком обязан обеспечить возможность всеобщего, бесплатного, светского образования для детей. 2 ноября принята «Декларация прав народов России», в которой Совнарком заверяет граждан России в отказе даже от малейших следов прежних национальных и религиозных привилегий. Народам бывшей Российской империи гарантировалось национальное самоопределение вплоть до отделения. Декларацию подписали Ленин и Сталин. 14 ноября вышел «Декрет о рабочем контроле», проект которого был написан Лениным ранее. Декрет давал право рабочим заводов и фабрик контролировать управление своим предприятием через выборный комитет рабочего контроля.

Новые декреты выходили один за другим. 1 декабря Совнарком утвердил Высший совет народного хозяйства, ответственный за регулирование и управление промышленностью, банковской сферой, сельским хозяйством и торговлей. Декретом от 14 декабря были национализированы все банки, а на протяжении последующих недель в руки государства перешел ряд крупных промышленных предприятий. Большевики выполняли программу, принятую еще до прихода к власти.

Кроме декретов, следующих дореволюционным обещаниям партии большевиков, были и другие. Ранее Ленин старался сохранять шутливый тон, говоря о необходимости подражать французским якобинцам в организации государственного террора. Придя к власти и окончательно распрощавшись с идеей коалиции социалистических партий, он показал свое истинное лицо и заговорил об этом всерьез. Именно он внес на рассмотрение Совнаркома идею о воссоздании в России тайной политической полиции, аргументируя свою позицию необходимостью защиты революции. Так была создана Чрезвычайная комиссия (ЧК)*. По

* *Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК)* — в 1917–1922 годах орган, созданный для борьбы с контрреволюцией и саботажем. Основан (во главе с Ф. Э. Дзержинским) в декабре 1917 года. В 1918 году были созданы местные органы ВЧК: губернские, уездные (упразднены в январе 1919 года), транспортные, фронтовые и армейские ЧК. ВЧК проводила массовые жестокие репрессии (в основном по классовому принципу), осуществляла «красный террор». В 1922 году реорганизована в Государственное политическое управление (ГПУ).

рекомендации Ленина ее возглавил Феликс Дзержинский, которому была предоставлена огромная власть и независимость даже от Совнаркома в «борьбе против контрреволюции и саботажа». Слово «чрезвычайная» в названии нового государственного органа говорило о его предполагаемой временности. Следует сказать, что на данном этапе Ленин еще не призывал к развязыванию широкомасштабного массового террора.

Этот шаг стал роковым. Ленин был не из тех, кто верил в силу законности. Его вполне устраивала политическая полиция, не ограничиваемая процессуальными тонкостями. Фактически Ленин и Дзержинский получили возможность сколь угодно расширять функции ЧК. Ленин постоянно говорил и писал о буржуях-кровопийцах и классовой войне. Левый эсер Исаак Штейнберг*' в беседе с Лениным о дальнейших намерениях большевиков воскликнул: «Тогда зачем мы возимся с наркоматом юстиции? Давайте честно назовем его комиссариатом общественного уничтожения и будем этим заниматься». На что Ленин ответил: «Хорошо сказано... именно так и должно быть... но мы не можем сказать это»[12]. Невозможно доказать, что Ленин ставил партийной целью полное уничтожение среднего класса («буржуазии»), но он действительно не проявлял жалости к богатым людям, аристократии и прочим привилегированным сословиям. В нем никогда не утихало чувство негодования по отношению к старой правящей элите, впервые остро пережитое еще в 1887 году, после казни брата Александра.

Мысли Ленина постоянно возвращались к произведениям российских политических радикалов девятнадцатого столетия. В разговоре со старым знакомым он сказал: «Верно. Мы уничтожаем, но помните ли вы, что говорил Писарев, помните? „Ломай, бей все, бей и разрушай! Что сломается, то все хлам, не имеющий права на жизнь, что уцелеет, то благо..." Вот и мы, верные писаревским — а они истинно революционные — заветам, ломаем и бьем все...»[13]. Невозможно удостоверить истинность этих слов из независимых источников, но все же эта цитата не лишена правдоподобия. Ленин действительно хотел уничтожить старый режим до основания, чтобы от него не осталось даже следов, и в этой борьбе годилось любое оружие.

Никто пока не догадывался, как далеко мог зайти Ленин в удовлетворении жажды мести, прячущейся под интеллектуальной оболочкой ленинской версии марксизма. Первые три меся-

* Исаак Штейнберг был в правительстве Ленина наркомом юстиции и вышел из Совнаркома в знак протеста против ратификации Брестского мирного договора.

ца, прошедшие после Октябрьской революции, ничего не решали. В промышленных городах Советы перешли на сторону Совнаркома и заявили о принятии на себя государственной власти. Крестьяне России и Украины следовали предписаниям «Декрета о земле». Нерусские народы, в первую очередь финны, пользовались предоставленными им возможностями национального самоопределения. Германские и австрийские дипломаты обсуждали с представителями большевиков возможные варианты развития событий на Восточном фронте после окончания перемирия. Большевикам даже удалось переманить на свою сторону левых эсеров, уговорив их занять посты в Совнаркоме, что и произошло, начиная с 9 декабря. Пока что все шло как надо. Но как долго могло все это продолжаться? Превратится ли Октябрьская революция в Петрограде во всероссийскую, затем — общеевропейскую, а там и мировую социалистическую революцию, предсказанную Лениным в «Апрельских тезисах» и книге «Государство и революция»?

19

Диктатура готова к осаде

Зима 1917–1918

Ленин думал о выживании и распространении революции. Эти вопросы волновали и других членов Совнаркома и большевистского ЦК, но они, в своем большинстве, были слишком заняты своими непосредственными обязанностями. И лишь Троцкий уделял общеполитическим проблемам не меньше внимания, чем Ленин, однако Ленин не всегда был рад предложениям Троцкого, вступавшим в противоречия с его собственными идеями. Ленин предпочитал думать и решать самостоятельно, предоставив ближайшим соратникам возможность сосредоточиться на руководстве народными комиссариатами. Товарищей, жаловавшихся, что им не хватает опыта управления государством, Ленин успокаивал словами: «Вы думаете, у кого-нибудь из нас он есть?»[1].

Большевики и левые эсеры продолжали утопически верить, что европейская социалистическая революция неизбежна, а революционная трансформация России пройдет легко и быстро. Не был исключением и Троцкий, обычно не менее практичный и расчетливый, чем другие большевистские лидеры. Он надеялся, что его работа на наркомовском посту будет весьма непродолжительной — он войдет в бывшее Министерство иностранных дел, ставшее Народным комиссариатом, опубликует тексты секретных договоров Николая II с Антантой, а потом просто «закроет лавочку». Троцкий явно недооценивал реальное положение дел на Восточном фронте. Другие члены правительства были столь же наивны. Председатель Высшего Совета народно-

го хозяйства Николай Осинский целыми днями сидел над составлением статистических отчетов, призванных усовершенствовать структуру промышленности и сельского хозяйства, а экономика тем временем катилась в пропасть. В дни, когда солдаты бросали позиции на фронте, прыгали в попутные поезда и ехали в родные деревни, народный комиссар по военным делам Николай Подвойский с головой ушел в составление планов реорганизации вооруженных сил. По мнению Ленина, ярчайшим примером абсурдного поведения на новом посту был Юрий Ларин — не проходило и недели, чтобы он не внес предложения по фундаментальной реорганизации того или иного народного комиссариата.

Сам Ленин тоже был утопическим мыслителем, но все же в большинстве случаев проводимая им политика соответствовала интересам политического выживания, хотя иногда случалось и так, что партия проявляла большую гибкость, чем ее основатель. В стремлении к власти Ленин многое пересмотрел в своей линии действий, а после захвата власти для него стала аксиомой защита революции любой ценой. Он чувствовал себя в своей стихии, с радостью принимая на себя историческую ответственность за разработку программы действий по спасению революции и расширению ее достижений.

Еще в октябре 1917 года Ленин предвидел, что большевики не смогут победить на выборах в парламент страны — Учредительное собрание. Другой проблемой, беспокоившей Ленина, оставалось состояние экономики. Руководитель государства начинал сомневаться, что городским рабочим хватает дисциплины и верности долгу, необходимых для настоящей социалистической революции. Решение национального вопроса также не давало поводов для радости: предоставленные возможности самоопределения не привели к революционному захвату власти в Финляндии и Украине. И, что хуже всего, не наблюдалось никаких восстаний в Германии, Австрии, Франции и Великобритании. «Европейская социалистическая революция» заглохла.

Вернувшийся из Брест-Литовска в Петроград Троцкий сообщил Ленину, что Центральные державы перейдут в наступление на Россию, если предложенные ими условия мирного договора будут отвергнуты. В апреле 1917 года, возражая оппозиционерам из числа большевиков, Ленин уверял, что революция — дело несложное, и насмехался над мрачными предсказаниями меньшевиков и эсеров о судьбе большевизма. Теперь же перед ним стояла противоположная цель — убедить товари-

щей, что задачи революции будут намного сложнее, чем он заявлял ранее.

После периода вынужденного заточения Ленин наконец получил возможность непосредственно наблюдать за происходящим за стенами Смольного. 10 ноября 1917 года он и Надежда Константиновна переехали в двухкомнатную квартирку на втором этаже, маленькую, но уютную. Супруги снова были вместе. Надежда Константиновна вспоминает о их первом после революции семейном жилье:

> «Наконец мы поселились с Ильичем в Смольном. Нам отвели там комнату, где раньше жила какая-то классная дама*. Комната с перегородкой, за которой стояла кровать. Ходить надо было через умывальную. В лифте можно было подниматься наверх, где был кабинет Ильича, где он работал»[2].

Ленину и Крупской не приходилось проводить много времени дома. С самого утра Ленин был либо в своем кабинете в комнате номер 81 на третьем этаже северного крыла здания, либо в расположенной напротив кабинета приемной, обычно переполненной народом. Ленин часто превращал беседы в приемной в короткие речи по текущим вопросам[3]. Жилище Ульяновых не было похоже на тихую домашнюю гавань, так как рядом располагался зал заседаний Совнаркома. Троцкий с семьей жил напротив квартирки Ленина. По коридору постоянно ходили шумные группы людей. Англичане сказали бы, что Ульяновы «живут над магазином».

Крупскую назначили членом коллегии Народного комиссариата просвещения. Она была настолько занята, что не могла уделять мужу много внимания, даже если бы он попросил об этом. Революция была делом не только Ленина, но и Надежды Константиновны. Супруги Ульяновы были политическими сотрудниками, но работали в разных сферах, к тому же товарищи из ЦК были против возвращения Надежды Константиновны на должность секретаря. Какое-то время домашним хозяйством в семье Ленина не занимался никто. Как вспоминает Крупская, Ленин жил буквально впроголодь:

> «Я целыми днями была на работе, сначала в Выборгском районе, потом в Наркомпросе. Ильич был порядочно-таки беспризорный.

---

* *Классная дама* — воспитательница в женских гимназиях и прогимназиях дореволюционной России.

Желтышев [телохранитель Ленина] носил Ильичу обед, хлеб, то, что полагалось по пайку. Мария Ильинична привозила иногда Ильичу из дому всякую пищу, но меня не бывало дома, регулярной заботы о его питании не было»[4].

Возможно, что Надежда Константиновна пытается подчеркнуть важность своей роли в организации семейного быта и неспособность Марии Ильиничны ухаживать за братом. Но, так или иначе, у обеих были свои политические обязанности, и Владимир Ильич был предоставлен сам себе. В результате он забывал вовремя поесть и заходил в столовую Смольного, чтобы наскоро перекусить бутербродом с селедкой[5]. Его здоровье опять начало сдавать, вернулись бессонница и головные боли[6].

Если у Ленина и Крупской появлялась возможность побыть вдвоем, они ходили на прогулку, чаще всего без охраны. Както раз они прошли мимо десятка домохозяек, собравшихся у Смольного и громко кричавших на них. Женщины не узнали Ленина, они кричали на всех, кто выходил из Смольного*[7]. Несмотря на то что имя Ленина каждый день появлялось в газетах, сам он и его супруга могли ходить по улицам, не опасаясь быть узнанными.

Диктаторский режим Ленина неоднократно подвергался критике, чаще всего в прямом и резком тоне, но появлялась и сатира. Наиболее яркое из сатирических произведений того времени вышло в эсеровской газете «Дело народа», опубликовавшей ряд коротких рассказов Евгения Замятина, где Ленин выступал под именем Тета. На случай, если до читателя не сразу дойдет, кто это такой, Замятин назвал его приемным сыном Ульяна Петровича — явный намек на фамилию Ульянов. Это бездомный, маленький лысый человечек, вся польза от которого заключается в помощи Ульяну Петровичу в оформлении документов в местном полицейском участке. У этого самого Тета есть очень странная привычка — он любит пить чернила во время работы. Когда его послали в деревню, чтобы изучить сообщения о случаях заболевания холерой, он запретил болезнь, а заразившегося крестьянина приказал выпороть, но тот совершил антиправительственное действие — умер. В конце концов Тета превращается в чернильную кляксу и исчезает[8].

* Крупская вспоминает об этом случае: «Одна баба, уходя, вернулась и шепотом спросила меня, указывая на Малькова [коменданта Смольного]: „Ленин это, что ли?“ Я махнула рукой». (См.: ВоВИЛ, т. 2, с. 270.)

Замятин попал в точку, указав на нелепость действий и стиля речи нового правительства. Но, по мере того как большевики закрывали критически настроенную политическую прессу, у сатириков оставалось все меньше возможностей для публикации. Делалось это не из-за личной обиды Ленина, а из его желания положить конец всякой критике, исходящей не от членов большевистской партии. Репрессии следовали одна за другой, и со временем режим Ленина стал намного жестче, чем мог предполагать Замятин.

Тем временем здоровье вождя революции из-за постоянного физического и умственного переутомления серьезно пошатнулось. Объем работы в Совнаркоме и ЦК партии был огромным, и в ближайшее время никакого облегчения не предвиделось. Государственная власть требовала всестороннего проникновения во все аспекты политической, социальной и культурной жизни. Обеспокоенная состоянием мужа, Надежда Константиновна в минуты отдыха старалась отвлечь его от мыслей о работе. Если раньше во время прогулок они часто говорили о политике, то теперь единственной политической темой их бесед оставалась работа Надежды Константиновны в Народном комиссариате просвещения — и то инициатором этих разговоров была не она сама, а Ленин. Оказывая супругу прямую моральную поддержку, Крупская помогала ему и непрямым образом — справлялась с проблемами своей работы сама, не рассказывая о них мужу[9]. Мария Ильинична и Анна Ильинична в эти дни заходили к брату в гости лишь ненадолго и не могли уделять ему много внимания.

Со временем режим работы и домашний быт семьи Ульяновых стали более упорядоченными. У Ленина появились помощники — Владимир Бонч-Бруевич и Николай Горбунов, личный шофер Степан Гиль; Маргарита Фофанова и другие молодые большевички выполняли секретарскую работу. Домашнее хозяйство Ленина и Крупской теперь вела домработница, чей труд оплачивался из государственной казны, и Ленин стал наконец нормально питаться, во всяком случае, несравненно лучше, чем в Финляндии, где он сам готовил еду на примусе.

Ленин и Крупская поселились в Смольном из соображений физической безопасности. Жизнь в самом сердце великой революции очень нравилась им, и они не собирались переселяться в обычную городскую квартиру. В городе они бывали редко, ограничиваясь прогулками по улицам, прилегающим к Смольному. Конечно, Ленину приходилось выступать перед публикой на партийных мероприятиях в разных местах города (в частно-

сти, перед рабочими Путиловского завода), но не очень часто. В основном его бурная политическая активность проходила в стенах Смольного. Политика и раньше была центром всей его жизни, он не переставал заниматься партийными делами даже во время летнего отпуска (Крупская предполагала, что он и во сне занимается политикой), но первые недели после Октябрьской революции, проведенные в Смольном, стали для Ленина настоящим наслаждением. Здесь Ленин принимал посетителей «с мест», то есть из-за пределов столицы. В 1905 году знакомство со священником Георгием Гапоном, когда они день за днем проводили в беседах, стало одним из решающих моментов в его политической жизни. Теперь Ленин беседовал в Смольном с рабочими, солдатами и крестьянами.

Здесь, в Смольном, были сосредоточены все органы революционной власти — ЦК партии большевиков, Военно-революционный комитет, Совнарком, Петроградский Совет и Центральный Исполнительный Комитет съезда Советов. Ленин оказывал прямое, постоянное влияние на каждый из этих органов. Месяцы, проведенные в Разливе и Хельсинки, когда Ленин зависел от посыльных, державших связь между ним и партийным руководством, и годы эмиграции с ненадежной почтовой связью, фракционной борьбой и полицейскими провокаторами, проникавшими внутрь партии, ушли безвозвратно. Вся высокая политика концентрировалась в стенах одного здания и прилегающих кварталов.

Ленин чувствовал, что он был создан специально для этого момента, для этой великой революции, для начала новой эпохи в мировой истории, и делился радостью с товарищами. Если же события начинали развиваться не так или не совсем так, как он предсказывал, Ленин тут же извлекал из памяти одну из своих любимых поговорок. Он часто цитировал Гёте: «Сера теория, мой друг, а древо жизни вечно зеленеет». В устах человека, постоянно делившего свою партию на фракции из-за проблем марксистской догматики, эти слова звучат парадоксально. Все же Ленина нельзя считать одномерным политиком: он всегда умел импровизировать и прислушиваться к голосу интуиции, о чем заявил в Центральном Исполнительном Комитете (ЦИК) съезда Советов в своем обычном высокопарном стиле: «Социализм не создается по указам сверху. Его духу чужд казенно-бюрократический автоматизм; социализм живой, творческий есть создание самих народных масс»[10]. Тем не менее, Ленин не собирался полностью доверять дальнейшее развитие событий этим самым

«народным массам». Государственные и партийные органы должны были добиться максимального влияния и полномочий, какие только были возможны в условиях революционной России.

В этой области предстояло сделать очень многое. До сих пор члены ЦК партии большевиков занимались выработкой генеральной линии партии и подчинялись требованиям партийной дисциплины. Совсем другого требовала работа в новых государственных учреждениях. Шумные заседания Центрального Исполнительного Комитета часто затягивались на несколько дней, депутаты были не в состоянии быстро перейти к законодательной деятельности. Был сформирован президиум ЦИК во главе со Свердловым, но порядка от этого стало немногим больше. В Совнаркоме наблюдалась та же картина: длинные, самооправдывающие речи и бесконечные дискуссии по тривиальным практическим вопросам.

Чтобы навести порядок, Ленин ввел ряд формальных процедур. В частности, народным комиссарам давалось максимум десять минут для отчетного выступления[11]. Если же отчет о деятельности превращался в теоретический доклад, Ленин прерывал докладчика. Опоздавшим к началу заседаний Ленин объявлял выговор и даже мог наложить на них взыскание, а посторонних разговоров во время заседаний он просто не мог терпеть. Сам он строго придерживался принятых правил поведения и требовал того же от других. Одной из проблем была перегруженность народных комиссаров работой, из-за чего они не могли лично присутствовать на заседаниях и присылали вместо себя кого-нибудь из заместителей. Для многих участников заседания Совнаркома превратились в нечто вроде клуба по интересам. К тому же, далеко не все из них были большевиками; многие принадлежали к партии левых эсеров или были ее сторонниками. Ленин был одним из немногих, кто относился к ситуации с чувством достаточной ответственности, так как решения Совнаркома должны были приниматься максимально быстро и быть обязательными для всех. Он всегда стремился ускорить ход событий, разработав план действий и контролируя его выполнение.

Председатель Всероссийской чрезвычайной комиссии Феликс Дзержинский, ответственный за укрепление революционной дисциплины, сам стал одним из постоянных нарушителей порядка. Он полностью игнорировал запрет Ленина на курение во время заседаний Совнаркома, где курящие составляли большинство. Людям было трудно высидеть до конца заседания без перекуров.

Несколько раз Дзержинский под разными предлогами выходил из комнаты с длинным столом, покрытым зеленым сукном, а затем, думая, что Ленин на него не смотрит, задымил прямо в зале заседаний у печной отдушины.

В хаотичной обстановке Смольного Ленин думал о дальнейшей политике возглавляемого им государства. Он начинал приходить к выводу, что текущая политика партии тормозит продвижение к желанным социалистическим переменам, к коммунизму в России и во всем мире. Увиденное за стенами Смольного во время коротких прогулок укрепляло его в мысли, что политику партии пора менять. Перемены, последовавшие в 1918 году, были настолько радикальными и резкими, что это породило предположения (существующие до сих пор), будто все, что бы Ленин ни предпринял, является следствием давно задуманного плана, цель которого — скрыть истинные намерения на его пути к власти. Такая интерпретация означала бы, что творец Октябрьской революции — циник величайшего масштаба, задумывавший намного более жесткую государственную политику, чем та, что была оглашена во время его нахождения в оппозиции. Одни из критиков говорили о ленинской мании величия, другие — о тайных субсидиях, полученных ЦК большевиков от германского правительства, в результате чего якобы всю внешнюю политику партии, в особенности после захвата власти, контролировала Германия.

Но Ленин, каким бы хитроумным и ненадежным партнером он ни был, всегда оставался верен главной цели — построению коммунизма. Он наслаждался властью, жаждал власти, стремился удержать власть над партией и партию у власти — но власть ему нужна была не сама по себе, а для той же высшей цели: большевики должны были начать создание нового мира, без эксплуатации и угнетения. В 1917 году, когда большевики получали деньги из Германии, Ленин не считал себя германским агентом, даже если германские власти и думали, что купили его. Каждая из сторон не сомневалась, что ей удалось провести партнера.

В воображении Ленина уже возникал долгий период развития революции, ее превращения в европейскую социалистическую революцию. Этот процесс мог сопровождаться гражданской войной (почти наверняка), войнами между социалистическими и капиталистическими государствами, а если социалистическая революция не охватит всю Европу и конкуренция между империалистическими государствами сохранится — то и второй ми-

ровой войной. Большевики, к неудовольствию Ленина, никак не могли понять, что следует ожидать отступлений от прямого курса, что политика, в общем-то, на практике оказывается намного более грязным делом, чем предписывает теория. Те же из товарищей, кто это осознавал, доставляли Ленину немало хлопот в недавнем прошлом. Именно Каменев и Зиновьев предупреждали, что следствием захвата власти станет политическая катастрофа. Такого же мнения придерживались и народные комиссары, подавшие в отставку. Даже Сталин, оставаясь в дни кризиса рядом с Лениным, никогда не верил в неизбежность европейской социалистической революции. Для Ленина было чрезвычайно важно привлечь всех этих людей на свою сторону, убедить их забыть прошлые конфликты. Он очень нуждался в их помощи в ситуации, когда подавляющее большинство партийных руководителей возмущалось по поводу предложенных Лениным радикальных изменений в политике партии. Ведь в свое время эти люди приняли «Апрельские тезисы» не в последнюю очередь потому, что согласились с аргументами Ленина о легкости осуществления социалистической революции в России и еще большей легкости — в Германии.

Среди ленинских нововведений было одно, не вызвавшее споров среди большевиков. С самого первого дня революции он напрасно пытался убедить товарищей, что выборы в Учредительное собрание следует отложить, так как большевики их не выиграют. В ноябре прогнозы Ленина оправдались: за большевиков была подана лишь четверть голосов*. В руководстве партии крепло убеждение, что результаты выборов следует проигнорировать. С этим соглашались даже те из большевиков, кто мечтал о правительственной коалиции социалистических партий. Левые эсеры придерживались такого же мнения. В результате Ленин получил гарантию согласия Совнаркома на роспуск Учредительного собрания сразу же после начала его работы в январе 1918 года.

Большевики и левые эсеры не могли допустить, чтобы выборы в Учредительное собрание поставили под удар революционные преобразования в России и других странах. Захватив власть, они не собирались кому-либо ее передавать, пусть даже и в результате выборов. В первую очередь они были революционерами, а демократами — лишь постольку, поскольку демократия способствовала делу революции. К тому же мероприятия по

* За эсеров проголосовало около 59% избирателей, за большевиков — 25%, за кадетов — 5%, за меньшевиков — около 3%, избрано 715 депутатов.

подготовке выборов, унаследованные от Временного правительства, ставили их в невыгодное положение. Список кандидатов от партии эсеров был создан еще до ноябрьского раздела партии. В результате у крестьян, ставших сторонниками левых эсеров после принятия ленинского «Декрета о земле», не было возможности голосовать именно за них, а не за эсеров вообще. К тому же выборы были назначены на конец ноября, когда подавляющее большинство россиян еще не было знакомо с ленинскими нововведениями в государственной политике. По мнению совнаркомовской коалиции, на победу можно было рассчитывать лишь в случае, если выборы будут отложены на несколько месяцев.

Обо всем этом думал Ленин, планируя разгон Учредительного собрания. Он предложил хитроумный план: позволить избранным членам Учредительного собрания открыть заседание в Таврическом дворце, а затем представители Совнаркома потребуют от эсеров, составлявших большинство, согласиться с политикой Совнаркома и с советской формой правления. Если же члены Учредительного собрания откажутся, то на следующий день их просто не впустят в здание Таврического дворца. При этом можно будет обойтись практически без кровопролития.

Другое масштабное предложение Ленина — подписание сепаратного мирного договора с коалицией Центральных держав, оказалось для совнаркомовской коалиции намного более спорным, чем вопрос об Учредительном собрании. Большевики всегда утверждали, что война носит империалистский характер, и единственный способ положить ей конец — европейская социалистическая революция. Этому, по мнению большевиков, должны были способствовать ведение пропаганды на фронте и братание солдат воюющих армий. Если же это не даст результата, то следует развязать «революционную войну» и принести социализм в Европу на штыках. (Большевики оптимистически полагали, что без революционной войны удастся обойтись.) Идея подписания сепаратного мира была для них немыслима — впрочем, как и для любой другой российской политической партии.

Ленин выступал против идеологии, созданной с его же собственной помощью. Первые признаки изменения ленинской политики проявились 17 декабря. В этот день Ленин отдал приказ издать опросник с целью собрать сведения о российской военной готовности. Он хотел получить ответы на многие вопросы. Способна ли армия отразить германскую атаку? Имеет ли смысл и дальше настаивать на «революционной войне»? Предпочтут ли

солдаты подписание сепаратного мира продолжению военных действий? Полученные данные подтвердили опасения Ленина: российские армии на Восточном фронте были предельно ослаблены, а оставшиеся на передовой солдаты в большинстве своем хотели мира любой ценой[12].

Всегда существовали спекуляции, что ленинский опрос мнений о войне был лишь маской, прикрывающей истинные причины его политики — инструкции, полученные от немецких «хозяев». Те, кто верил в «немецкое золото», полученное большевиками за Октябрьскую революцию, утверждали, что подписание сепаратного мира на Восточном фронте было одним из обязательных условий сделки[13]. Предположение более чем маловероятное: Ленин мог давать германским дипломатам какие угодно обещания и делать какие угодно намеки, но не таким он был человеком, чтобы держать слово, данное алчному империалистическому правительству. Он действительно оказал германской армии большую услугу, опубликовав 26 октября «Декрет о мире» и «Декрет о земле», но он издал бы эти декреты в любом случае, вне зависимости от финансовых контактов с Берлином. Услуга эта заключалась в том, что после издания ленинских декретов российские солдаты, в большинстве своем крестьяне, начали массово дезертировать с Восточного фронта и возвращаться в родные деревни, чтобы успеть к переделу земель. Однако Центральным державам этого было недостаточно: Россия должна была формально отказаться от любых претензий на суверенитет Латвии, Польши и Беларуси, что должно найти отражение в тексте договора. Желание Ленина пойти на уступки было продиктовано не финансовой зависимостью, а опасением, что в случае отказа Совнаркома немедленно подписать договор Центральные державы позже выдвинут еще более жесткие требования. Так и случилось — в январе 1918 года.

К тяжелым раздумьям о ситуации на Восточном фронте добавлялись тревоги об экономической и социальной политике Советского государства. Легкой революции, предсказанной Лениным, не получилось. Приходилось формулировать новую государственную стратегию. Но для этого Ленину необходимо было хотя бы немного отдохнуть от ежедневного труда в Совнаркоме и ЦК партии. Перегрузки совсем расшатали слабое здоровье Владимира Ильича, а единственным его отдыхом были короткие прогулки вокруг Смольного. Через два месяца после появления на публике на Втором съезде Советов Ленин решает вырваться из Смольного на короткий отдых.

24 декабря Ленин, Надежда Константиновна и Мария Ильинична встретились на Финляндском вокзале с Эйно Рахья. Поезд повез их в давно знакомом направлении — на север, в Финляндию. На этот раз целью поездки был туберкулезный санаторий «Халила» у деревни Усиккирко в сорока пяти милях к северу от российской столицы. Здесь уже находился член ЦК Ян Берзинь с семьей. Наступил один из редких моментов в жизни Ленина — отдых: хрустящий глубокий снег, свежий воздух, прогулки по лесу... Советское правительство недавно предоставило Финляндии независимость. С точки зрения закона, Ленин пересекал государственную границу без разрешения. Но, конечно же, в эти дни он думал не о законности своего нынешнего пребывания в Финляндии, а вспоминал о том, как ему приходилось скрываться здесь в 1907 и 1917 годах. Неосознанно он при разговоре понижал голос, как будто его могли услышать возможные агенты Министерства внутренних дел! Ленин как будто забыл, что теперь он сам контролирует действия тайной полиции. К сожалению, короткий световой день не позволял много гулять, и большую часть времени Ленин сидел в помещении,— сидел за работой у письменного стола, раздираемый противоречивыми мыслями.

Но даже в санатории ему не удалось скрыться от товарищей из Совнаркома. Не успел он туда приехать, как поступило сообщение от Сталина с просьбой вернуться в Смольный к полудню 28 декабря. Сталин просил у Ленина совета касательно отношений с Украиной[14]. Так и не удалось Ленину как следует отдохнуть. 29 декабря он вернулся в Петроград. Из Финляндии Ленин привез несколько незавершенных статей, но их содержание было настолько пессимистичным, что он не стал отдавать их в «Правду». Причиной пессимизма, конечно, были не темные финские ночи, а дурные предчувствия, что дни Октябрьской революции сочтены. если только Совнарком не наведет, наконец, порядок в России.

В этих рукописях, сохранившихся в ленинском архиве, Ленин обращается к Советам и другим общественным организациям, призывая их не тратить время впустую и проводить меньше общественных собраний. Рабочие, по мнению Ленина, стали позволять себе слишком много. К бастующим типографским рабочим следовало бы применить такие же меры пресечения, как к хулиганам, и брать их под арест, если они не выйдут на работу. Советский режим казался Ленину чересчур мягким, поэтому уже давно необходимо было ввести всесторонний учет и контроль:

«Программа этого учета и контроля проста, ясна, понятна всякому: чтобы хлеб был у каждого, чтобы все ходили в крепкой обуви и в недраной одежде, имели теплое жилье, работали добросовестно, чтобы ни один жулик (в том числе и отлынивающий от работы) не гулял на свободе, а сидел в тюрьме или отбывал наказание на принудительных работах тягчайшего вида, чтобы ни один богатый, отступающий от правил и законов социализма, не мог уклониться от участи жулика, по справедливости долженствующей стать участью богатого»*.

Как видим, Ленин не собирался проявлять никакой жалости даже к тем слоям общества, которые с таким энтузиазмом поддерживали большевиков.

Действия Ленина, осознавал он это в должной мере или нет, отражали его готовность к последствиям Октябрьской революции с учетом политических и экономических отступлений. Ленинский стиль мышления всегда отличался авторитарностью, но теперь, проявившись в острой форме, она стала очевидной. Во время краткого отдыха в финской деревне Усиккирко Ленин записал тему статьи, начать работу над которой он планировал в ближайшее время: «Сначала победить буржуазию в России, потом воевать с буржуазией внешней, заграничной, чужестранной»[15]. В первую очередь — политическая консолидация, укрепление революционного дела в России, а с распространением революции на развитые промышленные государства придется немного подождать. Ленинские рукописи того времени свидетельствуют, что борьба за победу над российской буржуазией будет сопровождаться широким устрашением «масс». Жестокое сердце Ленина продолжало каменеть.

За стенами Смольного Ленин обсуждал со Свердловым подготовку к отмене результатов первых (и последних вплоть до 1993 года) относительно свободных и всеобщих выборов в российской истории. Ленин и Троцкий не делали секрета из своей враждебности к Учредительному собранию. На протяжении всего декабря они утверждали, что эти выборы не являются истинным отражением интересов народа. С ними соглашались члены ЦК партий большевиков и левых эсеров. Шла открытая подготовка к насильственным действиям не на страницах «Правды», а на городских улицах. По приказу Свердлова приводились в боевую готовность лояльные режиму воинские формирования, в том

* ПСС, т. 35, с. 203.

числе отряды Красной гвардии и латышских стрелков*. Другие социалистические партии, находившиеся в оппозиции к совнаркомовской коалиции — меньшевики, правые эсеры, бундовцы — не могли оказать сколько-нибудь серьезного противодействия.

1 января 1918 года служебный автомобиль повез Ленина в сопровождении Марии Ильиничны, Фрица Платтена и Николая Подвойского на митинг в Михайловский манеж в центре Петрограда. На протяжении ноября–декабря Ленин совершил не одну такую поездку для выступлений на различных собраниях, не предпринимая особых мер по обеспечению безопасности, тем самым с удовольствием подчеркивая, что он — популярный в народе политик, стоящий во главе народной революции. Произнеся энергичную речь, с энтузиазмом воспринятую партийцами и пришедшими с ними в Манеж рабочими, около семи часов вечера Ленин и его спутники поехали назад в Смольный, где их ждал ужин. Они не заметили, что в темноте за ними следили двое вооруженных мужчин.

Как только машина выехала из Манежа, мужчины вышли на тротуар, прицелились и выстрелили. При звуке выстрелов Платтен инстинктивно закрыл Ленина своим телом. Неумелая попытка покушения едва не оказалась удачной. Платтен, совершивший мужественный поступок, был ранен в руку. По приезде Ленина в Смольный Дзержинский отдал приказ о розыске нападавших. Несколькими днями спустя стало известно, что покушение совершили монархисты. Тем не менее, у Совнаркома появился повод обвинить социалистов, не входивших в совнаркомовскую коалицию, в соучастии в терроризме и антинародных актах насилия, тем самым очернив партии, составлявшие большинство в Учредительном собрании.

Ленина часто обвиняли в личной трусости, боязни за свою безопасность. Действительно, при Николае II и Временном правительстве он скрывался от полиции за границей в то время, когда другие члены партии рисковали собой. Но после 25 октября 1917 года он вел себя совсем иначе. Он возглавил социалистическую революцию, и все его поступки должны быть достойны героя книг по истории. Каждый новый день существования советского правительства был еще одной страницей в анналах большевизма. Ленин, переживший для совершения дела всей

---

* *Латышские стрелки* — латышские стрелковые части, созданные в 1915 году во время 1-й мировой войны, а также военнослужащие этих формирований. В 1916 году были развернуты в Латышскую стрелковую дивизию. Участвовали в Октябрьской революции и Гражданской войне до конца 1920 года.

своей жизни, теперь в такой же степени подвергался опасности, как и остальные большевики.

Но он не хотел понапрасну жертвовать собой. Ему надо было обязательно выжить, ему предстояло еще сделать так много для выживания революции, а это означало быстрые и беспощадные действия. В этом направлении Ленина толкали и его идеология, и ленинский темперамент, и — может быть — его слабое здоровье: Ленин чувствовал, что у него остается не так уж много времени. Революция звала своего вождя, и ничто не должно было стоять на ее пути. Следующие несколько дней Ленин вплотную занялся подготовкой к началу работы Учредительного собрания, о котором он даже говорить спокойно не мог. Первое заседание Учредительного собрания должно было состояться 5 января 1918 года. Ленин появился в Таврическом дворце в состоянии крайнего напряжения. Впереди было спланированное им событие исторической значимости — насильственное закрытие Учредительного собрания. К моменту начала заседания Ленин был бледен, как полотно, хотя и знал, что эсерам Виктора Чернова нечего противопоставить вооруженным большевистским отрядам. От имени большевиков выступил Свердлов; участие Ленина ограничилось насмешками над происходящим. Выставив вместо себя Свердлова, Ленин продемонстрировал неуважение к Чернову, своему старому политическому оппоненту, не говоря уже о презрении к свободным и всеобщим выборам как методу политической борьбы.

План, разработанный Совнаркомом, срывался. Избранный председателем Чернов все никак не объявлял о закрытии заседания. Ленин предложил прямое вмешательство, и после короткой дискуссии его предложение было принято: следовало закрыть заседание и не допустить его возобновления назавтра. Выглядело это следующим образом. По приказу Ленина начальник караула анархо-коммунист Анатолий Железняков заявил ошарашенному Чернову, что «караул устал» и следует освободить помещение*. Чернову ничего не оставалось, как подчиниться.

Так как Учредительное собрание одобрило не все до единого совнаркомовские декреты, у Ленина появилось более чем достаточно поводов заявить перед ВЦИК съезда Советов, что Учредительное собрание должно быть распущено. Все легитимные права, соответственно, переходили к съезду Советов, а созданная в декабре Чрезвычайная комиссия, политическая полиция

* Это произошло в 4 часа 40 минут 6 января. (См.: ВоВИЛ, т. 2, с. 287.)

нового режима, получала возможность начать охоту за врагами Совнаркома. Ленин добился желаемого без темпераментных речей перед Учредительном собранием и съездом Советов. В одиночку, без единомышленников из совнаркомовской коалиции, победа была бы невозможной. Взяв власть, Совнарком был готов укреплять ее силовыми методами, необходимыми в данной ситуации. До Октябрьской революции этого не мог предусмотреть ни один партийный лидер; после 5 января 1918 года необходимость применения силы осознавали все. Если бы партийные лидеры могли предвидеть такое развитие событий заранее, то они, не исключено, вообще не дали бы санкции на захват власти. Но, согласившись ранее с настойчивым требованием Ленина свергнуть Временное правительство в указанные им сроки, теперь они были вынуждены считаться с последствиями и отказаться от обвинений во всем Ленина.

20

Брест-Литовск

Январь—май 1918

После разгона Учредительного собрания перед Лениным встала задача исключительной трудности — убедить членов совнаркомовской коалиции подписать сепаратный мир на условиях Центральных держав. Пожалуй, это была самая жестокая битва за всю его жизнь. Ему уже не раз приходилось выступать против партийного большинства — и сразу по возвращении из Швейцарии, когда «Апрельские тезисы» нарушили равновесие в партии, и в октябре 1917 года, когда он настоял на свержении Временного правительства. Но ленинские идеи о войне и мире натолкнулись на массовое сопротивление. Большевики, совершив революцию и приняв «Декрет о мире», не соглашались подписывать мирный договор с империалистическими Берлином и Веной.

Все яснее становился масштаб военной угрозы России на Восточном фронте. В последние недели 1917 года народный комиссар иностранных дел Троцкий вернулся в Петроград с переговоров в прифронтовом Брест-Литовске* в надежде, что перемирие можно будет продолжать до бесконечности, а там и общеевропейская революция наступит. Но уже 7 января 1918 года, вновь посетив Брест-Литовск, Троцкий возвращался в озабоченном настроении. Центральные державы выдвинули ультимативные условия заключения мира. Опасаясь ужесточения условий ультиматума, Ленин потребовал немедленного заключения мира

---

* Ныне г. Брест (Беларусь). Старое название «Брест-Литовск» сохранилось со времен Речи Посполитой.

на предлагаемых условиях. Троцкий не согласился и в свою очередь предложил затягивать переговоры по принципу «ни войны, ни мира». 8 января 1918 года Ленин представил перед делегатами Третьего съезда Советов свою точку зрения, изложенную в «Тезисах по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира». Однако большевики, справившись с первым шоком от столь резкого изменения курса, отвергли предложение Ленина. Конечно, большинство из них осознавало нереальность «революционной войны», но политика Троцкого «ни войны, ни мира» понравилась им больше, чем предложение Ленина. Ленин, однако, продолжал настаивать, что надежнее подписать мир немедленно,

На следующий день на заседании ЦК он открыто заявил:

> «Несомненно, мир, который мы вынуждены заключать сейчас, — мир похабный, но если начнется война, то наше правительство будет сметено, и мир будет заключен другим правительством (...). Стоящие на точке зрения революционной войны указывают, что мы этим самым будем находиться в гражданской войне с германским империализмом и что этим мы пробудим в Германии революцию. Но ведь Германия только еще беременна революцией, а у нас уже родился вполне здоровый ребенок — социалистическая республика, которого мы можем убить, начиная войну»[1].

Большевики все равно должны быть готовы распространять революцию по всей Европе, но в первую очередь необходимо защищать социалистическое отечество.

Убедить товарищей по партии такими аргументами было практически невозможно. Эсеры же вообще не хотели слышать ничего подобного. Ленину и до 1917 года приходилось оказываться в такой ситуации, но тогда он мог позволить себе риск оказаться в изоляции, теперь же, будучи руководителем правящей партии — нет. От решения о подписании сепаратного мира зависела судьба государства. На стороне Ленина оказались люди, выступавшие против его революционной стратегии в 1917 году: Сталин, Каменев и Зиновьев. Сталин настаивал, что на Западе нет никакого революционного движения; Ленин, непоколебимо веривший в неизбежность европейской социалистической революции, дистанционировался от позиции Сталина.

Ленину необходимо было приложить все усилия, чтобы пробить стену недоверия оппонентов, заставить их заколебаться. Он предпринял разумный ход — сосредоточился на Бухарине, все-

гда отрицавшем возможность для России успешно вести войну с германским капитализмом. По мнению Бухарина, если политика «ни войны, ни мира» окажется неэффективной, то «революционная война» станет единственной альтернативой, имеющей для партии идеологическое обоснование. С этим соглашалось большинство партийных лидеров.

К этому времени часть оппонентов Ленина уже не рассматривала революционную войну как реальную возможность. Сам Ленин, выступая на заседаниях ЦК и многолюдных петроградских митингах, постоянно подчеркивал свою приверженность идее европейской социалистической революции. Секретари ЦК Свердлов и Стасова от имени Ленина распространяли информацию среди провинциальных партийных деятелей. При подготовке к Седьмому съезду партии Ленин вновь применил свой старый прием: мандаты делегатов получили преимущественно те из партийных активистов, кто лояльно относился к политике Ленина. Кроме того, он дал понять, что в случае принятия решений против него он покидает ЦК и начинает общепартийную кампанию за подписание сепаратного мира.

Как и предсказывал Ленин, терпение правительств Центральных держав иссякло. 10 февраля 1918 года на переговорах в Брест-Литовске Троцкий получил очередной ультиматум: в случае отказа подписать мир на условиях Берлина и Вены Центральные державы переходят к наступательным действиям на территории России. Слабость политики «ни войны, ни мира» стала очевидной.

Пытаясь спасти положение, Троцкий заявил обеим сторонам на переговорах о выходе России из войны. 16 февраля представители Центральных держав заявили, что возобновляют наступательные действия на Восточном фронте через два дня, если мирный договор не будет наконец подписан. 17 февраля состоялось заседание ЦК, на котором присутствовал Троцкий. Ленин раздал опросники, предложив членам ЦК ответить на вопросы, что бы предпринял каждый из них в тех или иных непредвиденных обстоятельствах[2]. Он хотел убедиться, что каждый член ЦК, подобно ему самому, чувствует персональную ответственность за принятое решение. Решительность — вот что всегда отличало Ленина. Члены ЦК должны были понять, что теперь им предстоит принять решение, от которого зависит их дальнейшая жизнь. Однако при голосовании большинством голосов, правда, незначительным, вновь была одобрена блефовая политика Троцкого.

Ленин пришел в ярость. Любое решение, принятое в ЦК, неизбежно будет иметь свои последствия на Восточном фронте и на всем ходе войны. В те дни политическая жизнь страны буквально висела на волоске. 18 февраля, в день, когда Центральные державы должны были перейти в наступление, ЦК собрался вновь. Ленин умолял товарищей проявить гибкость:

«Вчера особенно характерным голосованием было, когда все признали необходимость мира, если [революционного] движения в Германии не произойдет, а наступление будет. Существует сомнение, не хотят ли немцы наступления для того, чтобы сбросить Советское правительство. Мы стоим перед положением, когда необходимо действовать!»

Заявление Ленина вновь было отвергнуто. Тем временем германские войска перешли в наступление, значительно продвинулись вдоль побережья Балтики и к вечеру, практически не встретив отпора, взяли Двинск* и остановились в сорока милях от Петрограда. Спешно было созвано новое заседание ЦК. Ленин заявил: «История скажет, что вы предали революцию».

Наконец-то к аргументам Ленина прислушались. При голосовании сторонники Ленина победили оппонентов во главе с Бухариным семью голосами против пяти. Троцкий, убедившись в ошибочности прежней политики, встал на сторону Ленина. Позже Троцкий утверждал, что был готов выступить за продолжение войны лишь в случае, если его поддержит вся партия. Может быть, он говорил правду, что, тем не менее, не помешало ему поставить перед членами ЦК вопрос о принятии помощи со стороны Антанты в случае, если мирный договор с Германией и Австро-Венгрией не будет подписан. 22 февраля на заседании ЦК предложение Троцкого было принято**.Тем временем со стороны Центральных держав поступил очередной и последний ультиматум: Совнарком должен отказаться от претензий на суверенитет не только Польши, но и балтийских губерний и Украины. В случае отказа подписать мирный договор на этих условиях армия Центральных держав переходит в массированное наступление. 23 февраля измученные члены большевистского ЦК собрались вновь, чтобы выслушать сообщение Свердлова об уль-

* Ныне г. Даугавпилс (Латвия).

** Сам Ленин на заседании не присутствовал, но прислал записку следующего содержания: «Прошу присоединить мой голос за взятие картошки и оружия у разбойников англо-французского империализма». Резолюция Троцкого о принятии помощи прошла шестью голосами против пяти.(См.: Л. Фишер. Жизнь Ленина. Лондон, 1970, с. 311.)

тиматуме. На принятие решения Совнаркому было дано время до семи часов утра следующего дня. Это заседание ЦК стало решающим, что отразилось в словах Ленина: «Эти условия надо подписать. Если вы их не подпишете, то вы подпишете смертный приговор Советской власти через три недели»[3].

На Карла Радека и других противников мира Ленин обрушился с язвительной тирадой:

> «Вы хуже курицы. Курица не решается перешагнуть через круг, начерченный вокруг нее мелом, но она может для своего оправдания хотя бы сказать, что этот круг начертала вокруг нее чужая рука. Но вы-то начертали вокруг себя собственной рукой формулу и теперь смотрите на нее, а не на действительность... Теперь вы хотите, чтобы победили капиталистические правительства во имя нашей революционной формулы»[4].

В момент, когда Ленин шел в атаку на оппонента, его речь становилась ярче и образней.

Однако дискуссия о войне и мире была все еще далека от завершения. Критики Ленина даже в его присутствии говорили о необходимости исключения его из Совнаркома и начале революционной войны. Даже Сталин сомневался в правильности решения о принятии условий ультиматума. Однако у большинства членов ЦК не было никакой охоты продолжать борьбу. Ленин был тверд, как скала, когда другие колебались. Он вновь заявил, что не стоит угрожать ему отставкой — он сам уйдет из Совнаркома, если к его мнению не прислушаются, и возобновит кампанию за подписание мирного договора. На этот раз Ленин победил. Семью голосами против четырех при четырех воздержавшихся ЦК партии большевиков принял решение о подписании мирного договора — как раз вовремя, чтобы успеть уложиться в срок ультиматума. Если бы Ленин и на этот раз проиграл, правительства Центральных держав наверняка прекратили бы все дальнейшие переговоры с большевиками и возобновили наступление, и после оккупации центральной России советское государство прекратило бы существование.

Мирный договор был подписан 3 марта в Брест-Литовске. Коалиция Центральных держав, в общем и целом следуя его условиям, воздержалась от вступления на территорию России, заняв территории Польши, Украины и балтийских губерний. На этой огромной территории находилась половина промышленных и сельскохозяйственных ресурсов бывшей Российской империи и

треть ее населения. Помимо того, правительство Германии получило возможность переброски войск с Восточного фронта на Западный с целью подготовки массированного удара против французских и английских войск. Решение, принятое 23 февраля в присутствии пятнадцати большевиков, имело последствия мирового масштаба.

В России большевистская пресса, игнорируя эти последствия, не давала широкой картины международных отношений. В результате партийного контроля над прессой члены остальных политических партий не могли получать прямую информацию о событиях в Европе. Ленин, не сомневаясь в собственной правоте, сразу же начал убеждать большевиков в возможности использовать передышку, предоставленную мирным договором. Перед подписанием договора среди членов большевистского ЦК возникла перепалка, кого следует включить в состав делегации, кому придется поставить личную подпись под текстом договора. Очевидным кандидатом был Ленин, но ему удалось повернуть дело так, что его кандидатура даже не обсуждалась. Участники мирных переговоров также отказались от участия в составе делегации. Очевидно, что не было смысла обращаться и к сторонникам Троцкого или Бухарина. На незавидную роль пришлось согласиться Григорию Сокольникову. Не в первый и не в последний раз Ленин оставался в стороне от действий, которые могли бы запятнать его будущую политическую репутацию. Ни одна из российских партий, за исключением большевиков, не одобряла Брестского мира. В случае неудачи Ленин дорого заплатил бы за рискованную игру на международной арене. Инстинкт советовал ему снизить личную опасность до минимума.

С подписанием мирного договора политическая борьба в Петрограде еще не завершалась. Ленину предстояло добиться ратификации договора на готовившемся партийном съезде, чего никто не мог гарантировать. Хуже всего, что среди левых эсеров, партнеров по правительственной коалиции, не наблюдалось никаких разногласий в вопросе о «революционной войне»: они единогласно и решительно отвергали нововведения в ленинской политике. Ленину приходилось действовать постепенно, шаг за шагом, и первым шагом должна была стать победа на предстоящем съезде партии. 6 марта Ленин выступил на открытии съезда с речью:

«Страна мелкокрестьянская в своем составе, дезорганизованная войной, доведенная до неслыханного состояния. поставлена в

необычайно тяжелое положение: армии нет у нас, а приходится продолжать жить рядом с хищником, который вооружен до зубов, который еще пока оставался и остается хищником и которого, конечно, агитацией насчет мира без аннексий и контрибуций пронять было нельзя. Лежал смирный домашний зверь рядом с тигром и убеждал его, чтобы мир был без аннексий и контрибуций, тогда как последнее могло быть достигнуто только нападением на тигра»[5].

Ленинский сарказм резко контрастировал с серьезностью оппозиции Бухарина. Однако Бухарин вынужден был сдаться и заявить, что революционная война невозможна и у него нет принципиальных возражений против ратификации сепаратного мирного договора.

Стычка между Лениным и левой бухаринской оппозицией носила скорее односторонний характер. Чувствуя, что настроение съезда склонилось на его сторону, Ленин мог позволить себе не реагировать на выпады Бухарина и «левых». Он мог оставаться спокойным и тогда, когда Зиновьев и Троцкий затеяли спор о действенности прежней политики «ни войны, ни мира». Вступив в дискуссию с Бухариным касательно содержания программы партии, Ленин вежливо попросил оппонента, угрожавшего отказом продолжить работу в ЦК партии на следующий срок, не делать этого. В миг победы Ленин позволял себе быть великодушным.

Одержать победу над «левыми» Ленину помогли не только его собственный опыт, мастерство и настойчивость, но и отсутствие этих качеств в рядах оппозиции. Левые большевики, именовавшие себя левыми коммунистами, не верили в реальную осуществимость революционной войны. Им не раз приходилось сталкиваться с враждебной реакцией рабочих, которых в первую очередь призвали бы на фронт в случае революционной войны. Что же касается крестьян, составлявших большинство в рядах армии Российской империи, то не только «левым» было известно, что солдаты-крестьяне в своем большинстве проголосовали за мир ногами: кто дезертировал, кого демобилизовали. Однако оппоненты Ленина не сделали из этих фактов надлежащих выводов и продолжали ворчать по поводу сепаратного мира. Один за другим левые большевики уходили из ЦК партии и Совнаркома. Покидали совнаркомовские посты и левые эсеры. Борясь с таким «политическим ребячеством», Ленин старался быть дипломатичным и убеждал народных комиссаров поддержать рабо-

че-крестьянскую революцию. Это ему удалось — один за другим ушедшие возвращались на работу в Совнарком на неофициальной основе.

Тем временем военная угроза со стороны Германии оставалась. Совнарком не мог гарантировать, что немцы, вопреки подписанному договору, не двинут войска на Петроград. Поэтому когда встал вопрос о переводе правительства в Москву, совнаркомовцы нехотя согласились. Перед подписанием договора армии Центральных держав продвигались вперед, практически не встречая сопротивления. По инициативе Совнаркома уже в течение месяца шло формирование Рабоче-Крестьянской Красной Армии, но пока что ее отряды были немногочисленны, а военная подготовка хромала. Такое войско не могло оказать достойный отпор армиям Германии и Австро-Венгрии. 10 марта основной состав и служащие правительства отбыли ночным поездом из Петрограда в Москву.

Вначале они поселились в гостинице «Националь» у Охотного ряда, недалеко от северной кремлевской стены. Ленин, Надежда Константиновна и Мария Ильинична нашли временное пристанище в двухкомнатном номере с ванной. Служащие гостиницы чистили постояльцам обувь и обеспечивали их быт[6]. В последующие годы возникло предположение, что Ленин не позволял себе пользоваться подобными услугами, однако воспоминания Надежды Константиновны свидетельствуют об обратном. Она могла идеализировать действия и привычки своего мужа в политике, но только не в быту[7].

За стенами «Националя» с утра до вечера бурлили шумные базары Охотного ряда, собирались группами громко споривше студенты и революционные активисты, стены были оклеены листовками и плакатами. По всему району несли охрану военизированные отряды (Совнарком особенно доверял латышским стрелкам). Несмотря на постоянный шум, Ленин установил обычный режим дня, к которому привык еще в Лондоне, Цюрихе и Париже, — вставал довольно поздно. Даже во время революции он не хотел жертвовать привычным режимом дня[8].

Ленин принимал посетителей из губерний, встречался на московских улицах с самыми разными людьми, поэтому он был хорошо осведомлен об условиях жизни простых людей в советской России. Но сам он не жил их жизнью, стены гостиницы «Националь» и кремлевского рабочего кабинета надежно защищали его от жестокой реальности — разрухи, голода и войны. Когда ему рассказывали, как трудно живется людям, он пропус-

кал услышанное сквозь фильтр собственной идеологии и изменял политику своего правительства лишь в случае, когда само существование советского режима находилось под угрозой.

В роскошном «Национале» члены правительства оставались лишь до тех пор, пока не были проведены ремонтные работы в Кремле. Ленин не любил Москву. Ему намного больше нравился близкий к западной культуре Петроград. Москва же и физически, и культурно воплощала традиционные русские ценности, что для Ленина было отнюдь не комплиментом этому городу. Он мечтал о новой России, свободной от ностальгии по царским временам, православия и крестьянского духа. В 1898 году он назвал Москву «скверным городом» и никогда не отказывался от этих слов[9].

Москва представляла собой скорее «большую деревню», чем крупный столичный город. Иностранцы (а Ленин и сам был в Москве чуть-чуть иностранцем) с удивлением отмечали, что многие москвичи все еще носят холщовые рубахи и лапти, что почти нигде нет тротуаров, а в непогоду даже на главных улицах транспорт увязает в грязи. В отличие от прямых петроградских проспектов, московские улочки представляли собой невообразимо запутанный лабиринт, но именно это очень нравилось москвичам. Каждый из них, от банкира до уличного торговца, чувствовал, что пестрота и хаотичность московских улиц очень много говорят о России — стране, столицей которой была Москва на протяжении многих веков, пока в начале восемнадцатого столетия Петр I не перенес столицу в только что построенный Санкт-Петербург. Московские владельцы фабрик и заводов были самыми ярыми приверженцами русского национализма. За последние двадцать лет они застроили Москву величественными зданиями, архитектурный стиль которых представлял собой смесь русских традиций и новейших веяний. Среди московских текстильных магнатов, тесно связанных с российской деревней, было немало староверов. Они продолжали считать Москву настоящей столицей «матушки-Руси» и ненавидели петроградскую элиту, якобы предавшую российские национальные интересы и продавшуюся западному капиталу.

В Кремле Ленину сразу же пришлось столкнуться с рядом проблем практического характера — и из некоторых из них он наверняка сделал нужные выводы. На следующий день после прибытия в Москву он в сопровождении Бонч-Бруевича попытался войти в Кремль, но у Троицких ворот его задержал охранник. Сторонник большевизма не узнал большевистского вождя.

Потребовалось несколько минут разбирательства, прежде чем Ленина пустили в Кремль*.

Хоть Ленин и не любил Москву, он не смог остаться равнодушным перед архитектурным величием Кремля. Огромная, треугольная в плане крепость возвышается на 130 футов над уровнем Москва-реки. За стенами общей длиной в полторы мили прячется целая коллекция великолепных старинных зданий, из которых выделяется Большой кремлевский дворец. Рядом стоит Успенский собор, в котором в допетровскую эпоху короновали российских царей. Здесь же стоит здание судебных установлений, построенное при Екатерине II. Колокольни, золотые купола, Царь-колокол и Царь-пушка, казармы, арсенал, просторные площади — все это Кремль. На каждой из кремлевских башен красовался двуглавый орел, символ царского величия и славы. Здесь, в Кремле, Ленин на каждом шагу видел символы строя, для уничтожения которого он пришел к власти.

И все это богатство и роскошь находилось в ужасающем запустении после февральского падения монархии в 1917 году и битвы красногвардейцев с офицерами-монархистами осенью этого же года. Бывшее здание судебных установлений, где предполагалось разместить Совнарком и поселить Ленина с семьей, находилось в жутком состоянии. По всему Кремлю валялся неубранный конский навоз, здесь же — сено, какие-то тряпки, вывороченные из мостовой булыжники, и повсюду — особенно весной — грязь, грязь, грязь. Ленина вместе с Троцким и остальным большевистским руководством временно разместили в «кавалерских покоях» (Кавалерском корпусе). Некоторые из бывших слуг Николая II оставались на своих местах. Большевикам запомнился пожилой человек по фамилии Ступишин, бывший царский лакей. Он из всех сил старался поддерживать принятый еще при царях порядок. За обедом он подавал Ленину и Троцкому еду на царском фарфоре с орлами и позволял приступать к еде, лишь убедившись, что изображенные на тарелках двуглавые орлы находятся точно посередине перед едоками. Ленин, непривычный к подобному обращению, старался относиться ко всему с юмором. Тем более, что еду им подавали со-

---

* По воспоминанию Крупской, Ленин очень смеялся над анекдотом, опубликованном в одной из «буржуазных» газет: «Услышал памятник Пушкину, что в Кремле творился что-то неладное, решил посмотреть сам, сошел с пьедестала и направился к Кремлю. Видит — сидит кучка солдат. Пушкин хотел пройти в Кремль. Тогда на него закричал один из красноармейцев: „Куда прешь, товарищ?“ Пушкин остановился в недоумении. „Да ты кто?“ — спросил красноармеец. „Я, — отвечал Пушкин, — я... камер-юнкер“ [придворное звание]. „Юнкер!“ — вскричали красноармейцы и направили штыки на Пушкина». (См.: ВоВИЛ, т. 2, с. 297.)

всем не царскую. Иногда у кремлевских поваров не было ничего, кроме гречневой каши и жидкого овощного супа.

Постоянное помещение для Совнаркома и для себя лично Ленин получил лишь в конце месяца, и то лишь после настойчивых требований назвать имена виновных в задержке[10]. Бонч-Бруевич подготовил для Ленина, Надежды Константиновны и Марии Ильиничны уютную квартиру с удобствами на втором этаже бывшего здания судебных установлений — три комнаты, прихожая, кухня, ванная и комната домработницы. По соседству располагалось Управление Совнаркома. Ленин мог войти в зал заседаний прямо из своего рабочего кабинета.

Кремлевская квартира стала для Ленина домом. Но ему так много времени пришлось провести в странствиях, что вряд ли в 1918 году он чувствовал себя в своей квартире по-настоящему дома, тем более что жить приходилось фактически на рабочем месте. Надежда Константиновна и Мария Ильинична, занятые не меньше Ленина, не могли создать атмосферу семейного уюта. Все трое жили буквально на ходу. Правда, меньше приходилось беспокоиться о деньгах. Ленин даже объявил Бонч-Бруевичу официальный выговор за то, что тот повысил его оклад председателя Совнаркома без его разрешения[11]. Все, что ему было нужно, — чистая, тихая квартира и кабинет, доверху набитый книгами. Поселившись в здании Сената, он в первую очередь попросил доставить ему толковый словарь Владимира Даля и карту бывшей Российской империи. На стену он повесил портрет Карла Маркса, а несколько позже — большой портрет террориста-народника Степана Халтурина*. Мария Ильинична и Надежда Константиновна получили возможность не думать об уборке и готовке — за бытом следила домработница. У Владимира Ильича был и личный шофер, Степан Гиль. Наладив быт, Ульяновы завели кошку. Часто Ленин приходил в зал заседаний Совнаркома с кошкой на руках. Умное животное быстро сообразило, что здесь его никто не тронет, и уютно располагалось прямо в ленинском кресле. Кормили кошку Надежда Константиновна и домработница, а если у домработницы был в этот день выходной, то Надежда Константиновна просила совнаркомовскую секретаршу позаботиться о домашней любимице. Ленину она не доверяла, боясь, что тот забудет покормить кошку вовремя.

---

* *Степан Халтурин* (1856/57–1882) в феврале 1880 года с целью покушения на императора Александра II произвел взрыв в Зимнем дворце, с 1881 года член Исполкома «Народной воли», повешен в Одессе за участие в убийстве одесского военного прокурора В. С. Стрельникова.

Если Ленин и не успевал покормить свою кошку, то не из-за забывчивости, а из-за предельной занятости[12]. Надежда Константиновна работала не меньше мужа. Они приходили домой лишь на обед и на ночь. Вся жизнь Ленина проходила в Кремле. Из Кремля он мог заказать любую нужную ему книгу из любой библиотеки России, позвонить по телефону в любую губернскую столицу. Ленин принимал посетителей-«ходоков», толпами стекавшихся в Кремль. Здесь же или по соседству жили со своими семьями народные комиссары и ближайшие товарищи по партии — Троцкий, Свердлов, Каменев и Сталин, и Ленин мог остановить для разговора любого из них буквально у дверей собственных квартир. Здесь же, в Кремле, Ленин устраивал приемы для официальных лиц или угощал крестьян, пришедших к нему с прошением по какому-либо вопросу.

За пределы Кремля Ленин выезжал для выступлений на многочисленных заводских митингах. Он навещал Надежду Константиновну, когда она проходила лечение в санатории в Сокольниках на северо-восточной окраине города, и сам несколько раз выезжал на отдых в поселок Горки в двадцати милях от Москвы, но все остальное время он проводил в центре новой столицы. Имея все возможности посещать любые города и поселки, он выезжал лишь в Петроград в 1919 и 1920 году, да и то ненадолго. Он часто говорил о ностальгии по Волге, но так ни разу и не поехал туда. Его место было там, где вершилась революционная политика.

Известно, что Ленин требовал соблюдения дисциплины и порядка даже в мелочах. Товарищи-большевики часто раздражали Ленина своей безалаберностью. Поздно вечером, уходя из кабинета, Ленин никогда не забывал выключить свет. К сожалению, остальные сотрудники Совнаркома не всегда думали о необходимости экономить электроэнергию. Вот и ходил председатель Совнаркома по коридорам, выключая напрасно горящие лампочки[13]. Никто из коллег Ленина не мог сравниться с ним в аккуратности: они, разумеется, забывали заточить карандаши, пришить пуговицы, вовремя вернуть книги в библиотеку. Ну и как, скажите на милость, делать революцию с такими людьми? И все же Ленин был очень доволен: революция, начавшаяся в октябре 1917 года, уже пережила одиннадцатимесячную Парижскую коммуну 1871 года.

Пожалуй, здесь Ленин ближе всего подошел к проявлению сентиментальных чувств — разумеется, не считая его энтузиазма по отношению к рабочему классу. У Надежды Константиновны

иллюзий касательно рабочих не было. Во время поездок по городу она повсюду видела следы вандализма: разбитые витрины, ободранные крыши. Крупская всерьез пыталась убедить мужа, что рабочих, виновных в вандализме, следует наказывать, что никакого социализма не будет, если на подобные действия не обращать внимания.

Советская цензура запрещала упоминать о разногласиях супругов Ульяновых по этому вопросу. Известно, что Надежде Константиновне так и не удалось переубедить мужа. Он писал картину будущего широкими мазками, и картина эта предусматривала рабочую революционную инициативу и установление диктатуры рабочего класса. Все соображения «буржуазной нравственности» он отбросил несколько лет назад, однако после революции его отношение к «массам» во многом изменилось. Каждый раз, когда вставал вопрос выбора между авторитарным режимом правления и раскрепощением широких масс, Ленин делал выбор в пользу того, что способствовало бы укреплению советского режима, чаще всего в пользу авторитарной власти.

В самом начале существования совнаркомовской коалиции отношения между большевиками и левыми эсерами складывались довольно неплохо. Эсеров полностью удовлетворял ленинский «Декрет о земле» и подписанный в феврале 1918 года «Основной закон о социализации земли», созданный при активной поддержке эсеров. Данный закон ратифицировал передачу крестьянам сельскохозяйственных земель. Но последние нововведения Ленина вывели эсеров из себя: Ленин потребовал, чтобы местные Советы обеспечили поставку продуктов питания в города.

Он неустанно повторял, что в деревне полно зерна, и лишь из-за жадности зажиточных крестьян-кулаков центральные и местные правительственные органы не могут обеспечить горожан продовольствием. Ленин был готов к жестким мерам еще до подписания Брест-Литовского договора. По планам Ленина, вначале следовало установить государственную монополию на торговлю зерном, а затем, в перспективе — отнять земельные владения у частников, не делая исключения и для крестьян, и передать их государству. Естественно, все это усложняло и без того напряженные отношения с эсерами, которые согласились войти в правительственную коалицию лишь при условии, что им будет предоставлена возможность заботиться об интересах крестьянства.

Однако ленинский план укрепления государства не предусматривал никаких компромиссов. 14 января 1918 года Ленин написал проект очередного совнаркомовского декрета, в котором недвусмысленно сказано:

> «Совет Народных Комиссаров предлагает Всероссийскому продовольственному совету и Комиссариату продовольствия усилить посылку не только комиссаров, но и многочисленных отрядов для самых революционных мер продвижения грузов, сбора и ссыпки хлеба и т. д., а также для беспощадной борьбы со спекулянтами вплоть до предложения местным Советам расстреливать изобличенных спекулянтов и саботажников на месте»[14].

Так ленинские задумки последних недель начинали приобретать вид государственной политики. Но пока что сдвиг в сторону ужесточения, однозначно прочитывающийся в этих строках, никак не проявлялся в ленинских речах.

Весной 1918 года Совнарком без малейших угрызений совести подавлял те из местных Советов, в которых большинство мест занимали меньшевики. Чрезвычайная комиссия и недавно созданная Красная Армия делали все, чтобы предотвратить всякое сопротивление советской власти. Советский режим уже не ограничивался охотой на своих обычных врагов в лице кадетов, меньшевиков и эсеров. Теперь к числу его жертв добавились и те слои населения, с помощью которых большевики пришли к власти.

Ленин оставался при убеждении, что рабочий класс, однажды поддержав большевиков, уже никогда не встанет на сторону врагов большевизма, однако его вера в «пролетариат» всегда имела относительный характер. Еще в 1902 году в книге «Что делать?» Ленин писал о полной неспособности рабочих выработать революционную политику действий без твердого и правильного руководства со стороны марксистской интеллигенции. В лучшем случае Ленина можно назвать идеологическим патерналистом*. Теперь же ничто не могло помешать ему отнять у рабочего класса гражданские права, чтобы никто не смел оспорить главенство советской власти. На своем рабочем месте Ленин был столь же мало склонен к демократии и не терпел даже малейшего нарушения дисциплины. (Известно, что Ленин однажды раскритиковал американского теоретика Ф. У. Тейлора как

* *Патернализм* (от лат. paternus — отцовский), покровительство, опека старшего по отношению к младшим, подопечным.

защитника интересов капиталистов, что не помешало ему воплощать в жизнь практические принципы тейлоризма*.)

По глубокому убеждению Ленина, диктатура была жизненно необходима новой власти. Пересматривая в апреле 1918 года партийную стратегию на страницах своей брошюры «Очередные задачи Советской власти», Ленин говорит о сохраняющейся внешней угрозе государству, к которой добавляются огромные, все нарастающие внутренние проблемы с продовольственными поставками, транспортом, промышленным производством и эффективностью управления. «Но диктатура, — говорит Ленин, — есть большое слово. А больших слов нельзя бросать на ветер. Диктатура есть железная власть, революционно-смелая и быстрая, беспощадная в подавлении как эксплуататоров, так и хулиганов». Эти слова Ленин подкрепляет выводом, шокировавшим даже его ближайших сторонников: «...*виноват* в мучениях голода и безработицы *всякий*, кто разрушает трудовую дисциплину в любом заводе, в любом хозяйстве, в любом деле». Для борьбы с нарушителями дисциплины следует применять диктаторские методы: «Виноватых в этом надо уметь находить, отдавать под суд и карать беспощадно»[16].

Разгон Учредительного собрания и подписание Брестского мира укрепили Ленина в мысли о том, что следует любой ценой оставаться у власти, даже если против него встанут все политические партии, общественные группы и даже граждане страны. Политика большевиков отпугнула даже эсеров, и если бы только их. Повороты в государственной политике привели к отчуждению от новой власти значительных групп населения. Рабочие и крестьяне, положительно воспринявшие первые ленинские декреты в самом начале революции, все чаще начинали сталкиваться с враждебным отношением либо, что также немаловажно, с безразличием к себе. Под властью большевиков оставалась часть территории бывшей Российской империи, населенная преимущественно русскими, и на этой территории большевики были политическим меньшинством, со всех сторон окруженным противниками. Решение проблемы Ленин и левые коммунисты видели в ужесточении политики, а не в компромиссах с несогласными. После подписания Брестского мира большевики не могли похвастаться растущим согласием в их рядах, но ощущение нахождения в осажденной крепости заставляло их держаться вместе.

---

* *Тейлоризм* — система организации труда, основанная на глубокой специализации и рационализации трудовых операций, направленная на интенсификацию труда, предложенная американским инженером Ф. У. Тейлором (1856–1915).

Единству большевиков еще более способствовало усиление государственного вмешательства в промышленность и сельское хозяйство, а также увеличение доли государственной собственности. Все слышнее становились голоса, призывавшие Совнарком отказаться от государственной хлебной монополии, установленной еще Временным правительством, и позволить крестьянам самостоятельно торговать зерном на рынках, так как крестьяне прятали урожай, не желая сдавать его себе в убыток. Звучали требования допустить частную торговлю, что оживило бы товарообмен между городом и деревней. Кадеты, меньшевики и эсеры, находясь в составе Временного правительства, способствовали установлению хлебной монополии; теперь же, лишившись своих постов, они настаивали на резком изменении государственной политики, так как экономика страны падала в пропасть.

Подобные меры не входили в планы новых хозяев страны. Не для того они совершали социалистическую революцию, чтобы отменять антикапиталистическое регулирование, пусть даже введенное «капиталистическим» Временным правительством. Тем временем постепенно исчезали разногласия среди большевиков по поводу мер, необходимых для предотвращения полного развала экономики. Однако несколькими месяцами позже Бухарин, Осинский и их сторонники выступили с критикой Ленина за нерешительность в организации быстрого перехода к социализму в экономике, требуя полной национализации промышленности, сельского хозяйства, торговли, финансовой сферы, транспорта и связи. Некоторые из «левых» считали, что того же требует и Ленин, но если бы они внимательнее прочитали его труды, написанные в период между Февральской и Октябрьской революциями, они бы не заблуждались на этот счет. Ленин действительно утверждал, что Россия жизненно нуждается в социалистических преобразованиях и готова к ним, что вся полнота власти должна перейти к массовым организациям, созданным по классовому принципу (в частности, Советам), но при этом, заявляя о полных и немедленных преобразованиях в области политики, настаивал на необходимости осторожного обращения с экономикой.

Согласно Ленину, национализации подлежали лишь наиболее крупные и современные капиталистические предприятия. В условиях России под это определение подходили банки, железные дороги, крупнейшие заводы и шахты, а также некоторые из сельскохозяйственных имений. Национализация не должна была затрагивать остальную часть экономики — ту, в которой

было занято большинство работающего населения страны. Ленин, хотя не заявлял об этом вслух, признавал, что Россия остается страной крестьян, ремесленников и лавочников, а банки, крупные заводы и фермы с интенсивным земледелием представляют собой исключение на фоне десятков тысяч мелких предприятий.

Следовательно, экспроприации подлежали лишь самые «продвинутые» предприятия. Оставшиеся следовало укрупнить, оснастить современной техникой и технологиями, и лишь затем могла идти речь об их национализации. Ленин был убежден, что с первой частью задачи лучше всего справится капитализм. Это значит, что революционному, социалистическому государству придется защищать частный сектор в промышленности и сельском хозяйстве, способствуя его росту. С легкой руки Ленина симбиоз большевистской политики с капиталистической экономикой получил название «государственный капитализм». Название соответствовало желанию Ленина оставаться в пределах марксистского постулата о нескольких стадиях экономического развития. (Правда, от принципа многостадийности в политике он отказался.) Такой подход разочаровал большевиков, многие из которых, если не большинство, мечтали перевернуть весь мир вверх ногами и настаивали на бескомпромиссной революционной стратегии. Бухарину хотелось бы национализировать не только банки и металлургические заводы, но даже мастерские, ларьки и крестьянские земельные участки.

Критикуя Ленина, «левые» исходили из марксистской терминологии: по их мнению, ленинская стратегия делает слишком много уступок капитализму. Они могли бы, не кривя душой, сказать, что эта стратегия неработоспособна вообще. Ленин планировал вначале использовать капитализм, а затем избавиться от него. Он уже провел национализацию банков, крупных предприятий и шахт, ввел систему жесткого государственного регулирования внешней торговли, заявил об отказе нового правительства от обязательств по внутренним и внешним долгам, лишил гражданских прав самую обеспеченную часть населения и создал Чрезвычайную комиссию. В стране установилась классовая диктатура. И при всем этом Ленин еще надеялся найти промышленников, которые согласились бы сотрудничать с ним! Правда, один такой бизнесмен, В. П. Мещерский, все же нашелся, но начавшиеся переговоры вскоре прервались. Ленинский термин «государственный капитализм» показался Мещерскому чересчур социалистическим.

Чем яснее оценивал Ленин масштаб предстоящих трудностей, тем больше он склонялся к необходимости усилить государственное вмешательство и контроль над всеми сферами жизни, инстинктивно чувствуя невозможность каких-либо компромиссов. Ленинская революционная теория до 1917 года отличалась непоследовательностью и противоречивостью. После прихода к власти Ленину пришлось превращать абстрактные идеи в практически осуществимые меры, избавляясь при этом от прежних внутренних противоречий. Ленин сделал выбор в пользу централизма, иерархии и дисциплины, а в его произведениях с особой отчетливостью начинают звучать темы террора и насилия. Он по-прежнему считал необходимым проявление народной инициативы, но так как популярность партии большевиков неуклонно падала, он решил, что будет сам руководить и направлять, чтобы другие (будь то весь народ или рабочий класс как его часть) не пошли в не удовлетворяющем его направлении.

При этом нельзя утверждать, что Ленин отказался от социальной ориентации своего учения. Отнюдь нет: Ленин постоянно подчеркивает необходимость создания государства, в котором рабочий класс будет пользоваться преимуществами. Он не отрицает, что первейшая задача новой власти — создать эффективные органы управления, причем рабочим следует предоставить максимум возможностей для продвижения на руководящие должности. Ленинский социализм имеет откровенно, недвусмысленно урбанистический характер. Деревня подлежит индустриализации, крестьяне должны превратиться в работников и управляющих в коллективных хозяйствах. Малые предприятия и фермы должны постепенно исчезнуть, уступив место крупным. Ленину казалось, что большое предприятие в любом случае будет функционировать лучше, эффективнее малого. Чем больше — тем лучше!

Ленин постоянно твердил: сущность социализма — это учет и контроль, поэтому очень важно сосредоточить усилия на повышении уровня грамотности и дисциплины. Людей следует научить читать, писать, считать, быть организованными. Необходимость воспитывать в людях альтруизм, доброту, терпимость и терпение в ленинские планы не входила. Особый акцент в ленинской идеологии делался на классовой борьбе и гражданской войне, а в такой ситуации милосердие — непростительное проявление сентиментальности. Первейшая задача каждого — неуклонное и динамичное продвижение к партийной цели. При этом, если потребуется, на организации, группы либо отдельных граждан может быть оказано давление.

Следует сказать, что Ленин немало взял у капитализма. В отличие от «левых коммунистов», он настаивал на использовании «буржуазных специалистов» на их прежних должностях в промышленном производстве, сельском хозяйстве, банковской сфере и армии, пока не появились новые, лучшие специалисты из рабочих. Принцип соревновательности, основной для капитализма, на этапе «перехода к социализму» тоже следует сохранить, чтобы, соревнуясь между собой, социалистические организации двигали общество к цели, определенной центральными государственными органами.

Ленин был далек от предположения, что успех социалистической революции обеспечат функционеры, действующие в соответствии с книжными рекомендациями и тщательно разработанными правилами. Действие, неустанное и активное действие, не ограниченное процедурными рамками, — вот чего он требовал. Не моральные критерии, а степень полезности тех или иных мер для дела революции должна стать определяющей: цель оправдывает средства. У большевиков есть научные знания о том, что следует сделать. Ни на миг не сомневаясь в непревзойденной истинности своего учения, Ленин стремился направить все общество по определенному им пути. Ленинский стиль правления был деспотичным по своей природе. Абсолютная и безусловная приверженность таким общечеловеческим ценностям, как демократия, социальная справедливость или правосудие, с точки зрения Ленина, достойна презрения.

Книг, анализирующих советский строй, вначале было мало, так как потенциальные авторы были слишком заняты политической деятельностью. Когда они, наконец, смогли перевести дыхание, в свет вышел ряд работ, посвященных анализу событий Октябрьской революции. Как в России, так и во всей Европе авторы классических трудов по теории социализма исходили в основном из предпосылки, что переход к социализму будет означать немедленное вовлечение народа в общественную и политическую деятельность, творчество масс, законность и демократию в разных сферах, в том числе в управлением производством, а также учет народного мнения при принятии решений. Еще до 1917 года было множество поводов усомниться в том, что Ленина, воспевающего диктатуру, можно назвать стопроцентным социалистом. Подобные обвинения можно было предъявить не только Ленину, но и другим защитникам диктатуры: французу Луи-Огюсту Бланки, немцу Вильгельму Вейтлингу, россиянину Петру Ткачеву. Но Ленин, в отличие от них, пришел к влас-

ти, поэтому именно в его адрес высказывались наиболее серьезные обвинения. С точки зрения меньшевиков, эсеров и большинства зарубежных социалистов, Совнарком назывался социалистическим правительством незаслуженно и только позорил социализм.

Враги Ленина пытались отрицать его принадлежность к международному социалистическому братству, но и сам он отказывался признавать членов остальных социалистических партий настоящим социалистами. Чтобы окончательно отделить себя от них, он настоял на переименовании партии большевиков в Российскую коммунистическую партию. Произошло это в марте 1918 года, на Седьмом партийном съезде. Новое название должно было свидетельствовать о стремлении большевиков к достижению высшей цели — построению коммунистического общества. Но люди недоумевали: почему «коммунистический» лидер продолжает называть себя социалистом? Почему он говорит о необходимости продвигать «европейскую социалистическую революцию»? Для тех, кто нашел в себе желание прочитать книгу Ленина «Государство и революция» (книга наконец вышла, хотя и в незавершенном виде, так как у Ленина не было свободного времени, чтобы дописать последнюю главу), ответ был очевиден. Социализм, как утверждал Ленин, всего лишь первая стадия посткапиталистического развития общества на пути к коммунизму, поэтому вполне возможно быть коммунистом и социалистом одновременно. Такое смешение понятий дало либералам и консерваторам всех стран возможность заявлять, что любое социалистическое правительство с неизбежностью приведет к политическому, социальному и экономическому притеснению, характерному для ленинской России. Не удивительно, что социалисты чувствовали себя оскорбленными.

21

Под прицелом

Май—август 1918

В 1918 году Ленин так говорил о достижениях партии большевиков:

> «И вот эта политика, этот лозунг „Власть Советам!“, насаждаемые нами в сознание широчайших народных масс, дали нам возможность в октябре победить так легко в Петербурге, превратили последние месяцы русской революции в одно сплошное триумфальное шествие.
>
> Гражданская война стала фактом. То, что нами предсказывалось в начале революции и даже в начале войны, и к чему тогда в значительной части социалистических кругов относились с недоверием или даже с насмешкой, именно превращение империалистической войны в войну гражданскую, 25 октября 1917 года стало фактом для одной из самых больших и самых отсталых стран, участвовавших в войне. В этой гражданской войне подавляющее большинство населения оказалось на нашей стороне, и вследствие этого победа давалась нам необычайно легко»[1].

Ленин был абсолютно уверен в том, что идеи, вдохновившие Октябрьский переворот, доказали свою истинность.

Лишь только партия Ленина стала правящей партией, он отбросил прежнюю осторожность и начал высказывать соображения, которые могли не понравиться рабочим, крестьянам и солдатам — и, конечно же, многим членам ленинской партии. Он уже открыто повторял свои любимые слова — диктатура, тер-

рор, гражданская война и империалистическая война. Ленин был уверен (и его действия в значительной степени были следствием этой уверенности), что для защиты революции внутри страны не понадобится масштабных насильственных мер с применением оружия. В отличие от Ленина в те дни мы знаем, что случилось дальше: началась гражданская война. Только поэтому нас так поражают ленинские слова.

Ошибку Ленина не следует отрывать от его общего представления о социалистической революции. Конечно, он читал о гражданских войнах в Британии середины семнадцатого века или Франции конца восемнадцатого века, но в прочитанном его больше всего интересовало то, как армии представляют интересы различных социальных классов. Для Ленина гражданская война представляла собой более либо менее интенсивную классовую борьбу. Лучше всего он изучил масштабную политическую борьбу, начатую Парижской коммуной в 1871 году. С точки зрения Ленина, Парижская коммуна предлагала рудиментарную модель народного самоуправления. Он неоднократно восхищался достижениями Коммуны за время ее недолгого существования, пока она не пала под натиском правительственных войск Адольфа Тьера.

Из-за склонности упрощать Ленин полагал, что Коммуна потерпела неудачу в первую очередь из-за того, что не смогла создать твердый режим и организовать сильные вооруженные формирования. Исходя из этого, Ленин сделал утешительный вывод, что «трудящиеся классы» России не повторят ошибок Коммуны, что их численное и организационное превосходство означает гарантию победы. Он убедил себя в том, что «гражданская война», начавшаяся после Октября, подходит к концу.

Конечно, оставались еще проблемы, «но в главном, — писал Ленин, — задача подавления сопротивления эксплуататоров уже решена в период с 25 октября 1917 г. до (приблизительно) февраля 1918 г., или до сдачи Богаевского.

На очередь выдвигается теперь, как очередная и составляющая своеобразие переживаемого момента,... задача — организовать *управление* Россией»[2].

Кто такой Богаевский? Его имя упоминается только в малоизвестных сообщениях о ходе военных действий на юге России в 1918–1919 годах. Африкан Богаевский, казачий офицер, в бою был захвачен большевиками в плен, но затем отпущен на свободу под обещание не воевать против большевиков. Как ошибался Ленин! Он даже представить себе не мог, какая страшная буря

поднимается в России. На юге России гражданская война не кончалась, как предполагал Ленин, она только начиналась. Генералы Алексеев и Корнилов собирали добровольческую армию, и она была лишь одной из трех крупных формирований, созданных российскими офицерами, поклявшимися свергнуть большевистское правительство в Москве.

О свержении большевиков мечтали не только белые офицеры. После разгона Учредительного собрания эсеры, собравшись в Самаре, основали организацию социалистической ориентации, претендовавшую на право называться единственно легитимным правительством России, — Комитет членов Учредительного собрания, или Комуч. Даже левые эсеры начинали подумывать о восстании против Совнаркома. Вот-вот по всей стране должны были разразиться масштабные вооруженные конфликты, а Ленин ничего не предчувствовал. Знаменитая ленинская стратегическая интуиция, проявившаяся в дни Октября 1917 года, на этот раз подвела вождя большевиков.

В мае 1918 года Ленин предпринял ряд попыток взять под контроль разрушенную экономику страны. До тех пор местные органы предпринимали некоординированные усилия по обеспечению поставок продовольствия в города. На заседаниях Совнаркома Ленин настаивал на немедленном принятии разработанного им плана введения продовольственной диктатуры*. Ему казалось, что президиум Высшего совета народного хозяйства тормозит координирующую деятельность государства в промышленности и сельском хозяйстве. Глава президиума, В. П. Милютин, вернувшись домой после ленинской «головомойки», записал в своем дневнике:

> «Совнарком вынес выговор президиуму. Ильич даже заявил, что „стоило бы президиум на недельку посадить под арест на хлеб, на воду, но по слабости нашей ограничимся выговором..." — что на воду и даже в воду можно посадить, это верно, но чтобы на хлеб — это утопия и даже Наркомпрод не позволит такой роскоши»[3].

Милютину не помогло даже то, что он был одним из немногих большевиков, поддерживавших Ленина в дискуссии о Брест-Литовском договоре. Глава Совнаркома был предельно разгневан.

---

* *Продовольственная диктатура* — система чрезвычайных мер советской власти в 1918–1921 годах по организации продовольственного снабжения (централизация заготовки и распределения продовольствия, монополия хлебной торговли, реквизиция хлеба, продразверстка и др.). Проводилась в жизнь Наркомпродом, вызвала массовые выступления крестьянства. Отменена с введением нэпа.

Поставка зерна в города — вот о чем беспокоился Ленин. О гражданской войне он думал меньше всего. Троцкому, занявшему пост народного комиссара по военным делам, Ленин сказал, что деятельность формирующейся Рабоче-Крестьянской Красной Армии на девять десятых должна быть посвящена обеспечению продовольственных поставок. На заседании Совнаркома Ленин заявил: те, кто прячет хлеб, должны быть признаны преступниками, к ним следует относиться как к «врагам народа», государство должно вести беспощадную террористическую войну против сельской буржуазии и любой другой буржуазии, уклоняющейся от продовольственных поставок[4]. За громоздкими фразами скрываются чувства, обуревавшие Ленина. Совнарком предпочел более сдержанную формулировку, но сущность осталась той же. У большевистского руководства просто руки чесались усилить государственный контроль над сельским хозяйством. Совнарком дал добро на введение продовольственной диктатуры, для обеспечения которой повсеместно должны быть организованы комитеты бедноты (комбеды), с которыми предстояло взаимодействовать посланным в деревню комиссарам. Скрытые запасы зерна («продовольственные излишки»), обнаруженные у зажиточных крестьян, следовало сразу же взвесить, часть зерна передать беднейшим крестьянам деревни, а остальное увезти в город.

К лету 1918 года стало очевидно, что российские промышленники не откликнулись на предложение Ленина о сотрудничестве. К удивлению коллег, Ленин в качестве альтернативы предложил заключить коммерческие соглашения с германскими бизнесменами. В последующие годы о ленинской альтернативе не упоминали; а документы хранили в засекреченных архивах Совнаркома — несложно понять, почему. Большевики всегда критиковали европейских социалистов за то, что те неспособны организовать борьбу за свержение «европейской буржуазии», Ленин с самого начала войны громил Каутского за нежелание выступать против германского правительства, финансовых и промышленных магнатов, а теперь он хочет заключить с этими же магнатами коммерческую сделку.

Однако не следует забывать, что с первых же дней революции Ленин планировал осуществить переход к социализму при помощи капиталистов. Если российские капиталисты отказались от сотрудничества, почему бы не прибегнуть к помощи германских? Тем более, что планируемый контракт с германскими предпринимателями вовсе не означал постоянных уступок «герман-

скому империализму». Ленин не мог понять, почему партия отказывается проявлять такую же гибкость, как ее руководитель.

Ленин оставался Лениным. Он был непрочь максимально использовать экономическую мощь капиталистической Германии, но продолжал надеяться, что дни ее сочтены. Лозунг «европейской социалистической революции» оставался на повестке дня. Рано или поздно, думал Ленин, крайне левые социалисты победят по всей Европе. Выступая в марте 1918 года перед Четвертым съездом Советов с речью о Брест-Литовском договоре, Ленин заявил: «Мы знаем, что так или иначе Либкнехт победит, что это неизбежно в развитии рабочего движения». Конечно, до той поры, пока за дело не возьмется Карл Либкнехт, договор не может дать абсолютную гарантию «передышки» в России:

> «Да, тот мир, к которому мы пришли, непрочен в высшей степени, та передышка, которую мы получили, может быть сорвана каждый день и с запада, и с востока, — и в этом нет сомнений; наше международное положение такое критическое, что мы должны напрягать все силы, чтобы продержаться как можно дольше, пока зреет западная революция, зреющая гораздо медленнее, чем мы того ждали и желали, но несомненно зреющая; она, несомненно, впитывает и захватывает все больше горючего материала»[5].

Убедить съезд ратифицировать уже подписанный договор оказалось невероятно трудно. Хуже всего, что даже член ЦК Сокольников, лично подписывавший договор, выступил с заявлением, что немцам доверять невозможно, а договор был ошибкой. 10 мая Сокольников выступил против ратификации договора на заседании ЦК. Только решительность Ленина спасла Россию от нового витка войны.

Дальше события пошли еще хуже. В конце месяца произошел один из инцидентов, случавшихся в то время по всей России: группа солдат подняла бунт против советской власти. Но на этот раз справиться с мятежниками было нелегко. Еще до установления советской власти в российский плен попали тысячи чехов и словаков, и теперь, по соглашению с Антантой, они направлялись через Сибирь на Дальний Восток, чтобы оттуда через Северную Америку переправиться на Западный фронт и участвовать в боях с Центральными державами. Советское правительство, не доверяя Чехословацкому корпусу, отдало приказ о его разоружении. Чехи отказались подчиняться. Первое столкновение произошло в мае. После этого тридцатипятитысячный

корпус, против которого Совнарком не мог выставить ни одного равного по силе воинского формирования, развернулся в обратном направлении и начал продвижение к Центральной России. Чехи выразили готовность под командованием самарского Комуча выступить против Ленина и народных комиссаров.

Ответственность за подавление мятежа лежала на Троцком. Ленин, занятый подготовкой Пятого съезда Советов, не смог почувствовать, какую смертельную опасность представляет Чехословацкий корпус. На протяжении июня 1918 года большевики и эсеры, бывшие партнеры по правительственной коалиции, смотрели друг на друга со все возрастающим недоверием. К 4 июля, дню открытия съезда, напряжение достигло такой силы, что каждая из партий выставила охрану своей делегации. 6 июля, в разгар работы съезда, левый эсер Яков Блюмкин, сотрудник ЧК, попытался спровоцировать срыв выполнения обязательств Брест-Литовского договора. Блюмкин достал пропуск в германское посольство в Москве. Пройдя в здание, он попросил о встрече с послом Вильгельмом фон Мирбахом. Во время беседы Блюмкин вытащил револьвер, выстрелил в посла и скрылся. Мирбах был смертельно ранен. Блюмкин надеялся, что убийство посла вызовет дипломатический инцидент, результатом которого станет революционная война большевиков с империалистической Германией.

О случившемся сообщили Ленину и Дзержинскому. Разгадав замысел Блюмкина, Ленин срочно принял меры для предотвращения германского вторжения. Во-первых, он нанес визит в германское посольство и выразил соболезнование от имени Совнаркома, заверив берлинское правительство в желании советских властей поддерживать с Германией дружественные отношения. Во-вторых, Дзержинский получил от Ленина приказ арестовать членов ЦК партии левых эсеров.

Операция по задержанию эсерских лидеров проводилась по-большевистски непрофессионально. Явившись в дом по Трехсвятительскому переулку, где размещался ЦК левых эсеров, Дзержинский сам попал под арест. Ленин не знал, что делать. Если нельзя доверять даже Дзержинскому, то кому вообще можно доверять? (Один из возможных ответов: Троцкому. Но тот в это время был занят борьбой с мятежом чехословацкого корпуса, к тому же Ленин относился к Троцкому с некоторым подозрением.) Ленин решил взять дело в свои руки. Теперь перед ним стояли сразу две задачи: арестовать состав ЦК левых эсеров и освободить Дзержинского. Он связался с командиром латышских

стрелков генералом И. И. Вацетисом и сообщил, что Совнарком может не дожить и до утра. Может быть, Ленин преувеличивал, чтобы возбудить у Вацетиса чувство гордости и незаменимости, но, что более вероятно, он действительно чувствовал огромную опасность, нависшую над властью. Если в октябре 1917 года плохо организованная группа людей смогла захватить власть, что мешает повториться этому сценарию еще раз? Вацетис, к огромному облегчению Ленина, согласился помочь.

Кажется, дела у Ленина пошли на лад. Визит в германское посольство сыграл ожидаемую роль. Латышские стрелки Вацетиса тоже не подвели. 7 июля был захвачен ЦК левых эсеров, его члены арестованы. Вместе с Дзержинским, вышедшим на свободу живым и невредимым, Ленин решил, что одного из арестованных следует казнить, несмотря на то что не было очевидных доказательств их участия в покушении на Мирбаха. Это должно было доказать Германии, что большевики намерены всеми силами защищать мирный договор. Мысль о том, что социалисты будут расстреливать социалистов, их не смущала. 9 июля 1918 года Дзержинский лично расстрелял члена ЦК левых эсеров В. А. Александровича.

Ленин мучительно переживал, что ЧК во время всей этой истории сработал непрофессионально. Как случилось, что левые эсеры смогли организовать вооруженное выступление против большевиков? 7 июля, под свежим впечатлением от событий, Ленин решил своими глазами посмотреть на бывшую штаб-квартиру левых эсеров в Трехсвятительском переулке. Как обычно, за рулем автомобиля сидел Степан Гиль. Внезапно на дорогу выскочила группа вооруженных людей и потребовала немедленно остановиться. Ленин попросил Гиля подчиниться, но в этот момент раздались выстрелы.

Стрелявшие оказались большевиками. Ленин отпустил их, отругав, как учитель напроказившего школьника: «Нельзя так, товарищи, зря палить из-за угла, не видя, в кого палишь!»[6]. Менее подходящей в данной ситуации фразы невозможно и придумать. На этом, однако, приключения не кончились. На обратном пути от Трехсвятительского переулка машину Ленина опять задержали — на этот раз полуофициальный молодежный патруль. Ленин предъявил документы председателя Совнаркома. Патруль не поверил, арестовал Ленина и доставил его в милицейский участок (хорошо, что хоть не стреляли). В участке, когда все выяснилось, Ленин и милицейский командир облегченно расхохотались[7].

Но и на этом знакомство Ленина с опасностью жизни в Советской республике не окончилось. По дороге от милицейского участка по машине Ленина опять стреляли[8]. Стрелявшие промахнулись. Гиль выжал газ до упора. В Кремль Ленин и Гиль приехали не столько испуганные, сколько предельно уставшие. За одну короткую поездку по Москве они несколько раз подвергались смертельной опасности.

Случившееся не многому научило Ленина. На протяжении последующих недель он так и не сделал никаких выводов. А тем временем на Волге зрела намного большая опасность. Комуч, получивший поддержку в лице Чехословацкого корпуса, готовился к наступлению на Центральную Россию. На пути от Самары до Казани войска продвигались практически беспрепятственно. Троцкий направил отряды Красной Армии на Волгу. К всеобщему удивлению, в битве у Свияжска большевики задержали дальнейшее продвижение чехословацкого корпуса. Но успехи на юго-востоке сопровождались нараставшими неудачами на севере. Британские войска высадились в Архангельске; Ленин опасался, что они направятся к Петрограду. Осознавая слабость Красной Армии, он тайно обратился к Германии с просьбой о помощи. Решение Ленина было крайне рискованным, так как никто не мог гарантировать, что по пути к Архангельску германские войска сами не займут Петроград. Правда, кризис удалось вовремя смягчить, и военная помощь генерала Людендорфа так и не понадобилась Совнаркому, однако могло быть и иначе. «Советская власть» и однопартийное государство находились под постоянной угрозой[9].

Ничто не могло в достаточной степени утолить ленинскую жажду мести презренным пережиткам имперского российского общества. Он люто ненавидел Александра III, императора, не пожелавшего помиловать Александра Ульянова, и хотел свести личные счеты с его потомками. С 30 апреля Николая II, его жену Александру и детей содержали в екатеринбургском особняке Ипатьева. В любой момент антибольшевистские силы могли прорваться на Урал и освободить императорскую семью. Уже не один месяц ЦК большевиков в обстановке секретности решал, что же делать с Романовыми. С региональными большевистскими руководителями Урала поддерживалась постоянная связь.

К моменту отречения от престола император Николай II стал объектом всеобщего неуважения, но стоило ему превратиться в гражданина Романова, как симпатии к нему стали возрастать. Для Ленина и большевиков изменение статуса Романовых не

имело особого значения; бывшего императора и его семью следовало как минимум нейтрализовать. Троцкий предложил выслать его в Москву и судить за совершенное им и в его имя до 1917 года. Какое-то время Ленин колебался, возможно потому, что не желал, чтобы его имя было прямым образом связано с казнью Романовых по приговору суда. Член ЦК левых эсеров В. А. Александрович был казнен тайно, и Ленин остался как бы в стороне от этого события. Но вражеское кольцо вокруг территории, на которой Советы удерживали власть, сжималось все туже, и Ленин согласился с аргументами о необходимости сделать решительный шаг. Ранним утром 18 июля 1918 года бывшего императора и членов его семьи разбудили, вывели в подвал Ипатьевского дома, поставили к стене и расстреляли.

Это убийство стало одним из самых страшных за все время революции. Вместе с бывшим императором и его женой погибли их четыре дочери, больной гемофилией сын и несколько слуг. Находясь в заключении, Николай II читал Ветхий Завет и романы русских классиков девятнадцатого века и вел себя, как благородный отец семейства. Чтобы хоть как-то отвлечься, Романовы разыгрывали друг для друга короткие пьески. Царица Александра вела домашнее хозяйство, укладываясь в более чем ограниченный бюджет. В их последних дневниках практически нет записей о большевистских вождях: царица Александра упоминает имя Ленина лишь однажды. Императорская семья больше всего боялась, что Николая II заставят поставить свою подпись под Брест-Литовским договором. Как плохо они знали Ленина! Никто из большевиков, в том числе Ленин, и думать не думал о том, чтобы использовать царя для придания легитимности советской власти. Но в одном Романовы были правы: жить им или не жить решал Ленин. 4 июня 1918 года императрица Александра сделала в дневнике запись следующего содержания: «В 10 принимала ванну. Ленин отдал приказ перевести часы на два часа вперед (экономия электричества), и в 10 нам сказали, что уже 12. В 10 сильная гроза»[10]. Романовы, как и большинство россиян, оказались совсем сбитыми с толку большевистскими нововведениями. Этим растерянным людям, религиозным и очень буржуазным по образу жизни, Ленин представлялся антихристом.

Не только за никудышное управление страной Ленин решил истребить Романовых. С удовольствием, с искренним удовлетворением он давал себе волю расправляться с любым представителем проклятого царского режима. Он ненавидел весь российский средний класс, правивший Россией до 1917 года — тот

класс, который отвернулся от Ульяновых после казни Александра Ильича. В те дни для помещиков, священников, учителей, инженеров, гражданских служащих родные Владимира Ульянова превратились в отверженных. Так почему же он должен теперь защищать этот класс?

Ленин противоречит сам себе. В «Государстве и революции», книге, предельно оптимистичной по отношению к рабочему классу, Ленин говорил о необходимости оставить буржуазных специалистов на своих местах — до тех пор, пока не будут подготовлены новые специалисты из рабочих. Теперь же, в середине 1918 года, ленинские высказывания провоцируют волну репрессий по отношению к «буржуазии».

Неужели Ленин не представлял, во что выльются его призывы, какие последствия все это будет иметь для таких необходимых для государства «буржуазных специалистов»? Не стоит полагать, будто Ленин целенаправленно хотел причинять страдания ученым, преподавателям, бухгалтерам и писателям. Скорее всего, в этих высказываниях проявились особенности ленинского мировоззрения. Ленин смотрел на весь мир сквозь призму классовой борьбы, а в классовой борьбе все средства хороши, в том числе и террор.

Большевики, развязавшие в стране террор, тоже становились мишенью террористов. В январе 1918 года лишь по случайности не был убит Ленин. В июле от рук террористов погиб член Петроградского ЦК партии большевиков В. Володарский. Рост насилия в России стал следствием Октябрьской революции, и в этом смысле Ленин в значительной степени несет ответственность за происходившее в те годы в стране. Но когда маховик насилия набрал обороты, Ленин уже не был единственным, на кого можно было бы взвалить всю вину. Председатель Совнаркома стал заложником собственной политики террора по отношению ко всем мыслимым врагам советского правительства.

Всю весну и лето 1918 года Ленина мучили старые проблемы со здоровьем, бессонница и головные боли. За период с апреля по август он не опубликовал ни одного крупного произведения по марксистской теории или большевистской партийной стратегии. В этом не было бы ничего странного, если бы речь шла о другом политике. Надежда Константиновна писала, что болезнь не давала Ленину работать[1]. Находясь в болезненно возбужденном состоянии (возможно, из-за бессонных ночей), он не мог принимать спокойных, взвешенных политических решений: все делалось в панике, все делалось во гневе.

Болезненное состояние Ленина с очевидностью проявляется в письме, отправленном 11 августа 1918 года пензенским большевикам:

«Товарищи! Восстание пяти волостей кулачья должно повести к *беспощадному* подавлению. Это требует интерес *всей* революции, ибо теперь *взят* „последний решительный бой" с кулачьем. Образец надо дать.

1) Повесить (непременно повесить, дабы *народ* видел) *не меньше 100* заведомых кулаков, богатеев, кровопийц.

2) Опубликовать их имена.

3) Отнять у них *весь* хлеб.

4) Назначить заложников — согласно вчерашней телеграмме.

Сделать так, чтобы на сотни верст народ видел, трепетал, знал, кричал: *душат* и задушат кровопийц кулаков.

Телеграфируйте получение и *исполнение*.

Ваш Ленин.

P.S. Найдите людей *потверже*[12]».

Эти ленинские слова, потрясающие и по тону и по содержанию, в советское время держались в секрете. Расплывчатое определение жертв — «кулаки, богатеи, кровопийцы» — практически гарантировало начало массовых репрессий. Ленинское послание давало благословение на репрессии. Людей следовало казнить только за принадлежность к определенной социальной категории. Целые регионы Пензенской губернии назывались «волостями кулачья». Следствием вольного обращения с определениями могли стать вооруженные отряды, врывающиеся в деревни и громящие всех их обитателей без разбора, как «кулачье». Ленин рассчитывал запугать все сельское население, а не только зажиточное меньшинство, — опрометчивый шаг, учитывая ленинские планы создания сельских комитетов бедноты. Отвратительнее всего звучит требование демонстративно повесить «кулаков». Не ружейный залп и быстрая смерть, — нет, публичная казнь через повешение. Зная, что на такое сможет согласиться далеко не каждый большевик, Ленин просит пензенских товарищей найти «людей потверже».

Это ленинское послание — не исключение, а правило для лета 1918 года и всего периода гражданской войны. Так, он требует, чтобы город Баку при его взятии был разрушен до основания и чтобы предупреждения об этом были расклеены по всему городу (это, по мнению Ленина, должно было предотвратить колла-

борацию)[13]. Все моральные ценности попраны, все сдерживающие барьеры отброшены. В Европу двадцатого века вернулось средневековье.

Особенно сильно разгневался председатель Совнаркома, когда ему сообщили о действиях Комуча в Поволжье. Может быть, здесь проявилось подсознательное желание Ленина отомстить всему региону за презрение к семье Ульяновых, вызванное казнью Александра? Во всяком случае, к кровавому подавлению мятежа в Поволжье Ленин отнесся с поразительным безразличием.

В Поволжье жил и работал юристом двоюродный брат Ленина Владимир Ардашев, с которым Володя Ульянов в детстве проводил лето в семейном имении Кокушкино. В юности Ленин часто и подолгу гостил у Ардашевых, позже они навещали его в эмиграции. Летом 1918 года в Москву пришла весть: ни в чем не повинный Владимир Ардашев расстрелян большевиками в Екатеринбурге только за то, что принадлежал к нежелательной категории «буржуазии».

Но даже смерть брата не смутила Ленина. Владимир Ардашев не заслуживал подобной участи, он был добропорядочным человеком и не интересовался политикой. Но по всей логике событий он, как и любой россиянин, стоял перед выбором: либо за диктатуру пролетариата, либо против. В нараставшей гражданской войне Владимир Ардашев занял ошибочную позицию.

Политика была для Ленина важнее семейных связей. Он ни разу не задался вопросом: чего же стоит такая революция, если она потворствует физическому уничтожению благонамеренных и честных граждан, профессионалов своего дела? Сам Ленин старался держаться подальше от революционной мясорубки. Ему, книжному фанатику, жившему в мире абстрактных политических терминов, совсем не нужно было наблюдать за жестокой реальностью. Гибель невинных людей была для него всего лишь неизбежным следствием исторического прогресса, который не может быть чистеньким. Так думал Ленин, когда требовал начать массовый террор в Поволжье. Возможные невинные жертвы его не волновали.

Московское лето 1918 года было очень тревожным. Убийство Мирбаха и мятеж левых эсеров 6 июля застали большевистского вождя врасплох. 7 июля во время поездки по Москве его жизнь несколько раз подвергалась опасности. Но самая большая опасность пришла 30 августа. В этот день Мария Ильинична умоляла брата не выезжать из Кремля. Уже появились сообщения о по-

кушении на главу петроградской ЧК, но ничего более конкретного ни Мария Ильинична, ни Бухарин, также убеждавший Ленина никуда не ехать, не могли сказать[14]. Ленин рассмеялся и сказал, что планы на день у него составлены на несколько дней вперед.

30 августа ему предстояло выступить на двух рабочих митингах. Первый из них должен был состояться на Хлебной бирже в Басманном районе, к северу от Кремля; второй — в Замоскворецком. Выезжая без охраны (с ним был только шофер Степан Гиль)[15], Ленин действовал в полном соответствии с духом партии. Учение большевизма преуменьшало политическую роль личности, поэтому партийные лидеры не должны были как-либо выделяться. Безрассудные поступки, во всяком случае, снимают с Ленина голословные обвинения в трусости. В июле 1917 года, когда Ленин предпочел бежать в Финляндию, а не оправдываться перед судом в том, что он не германский шпион, в его адрес еще можно было высказывать определенные подозрения. Но в 1918 году он вел себя совершенно иначе. Почти ежедневно он вместе с другими большевистскими лидерами испытывал судьбу, появляясь на публике.

В этот день, выступая на митинге на Хлебной бирже, Ленин сказал взволнованным слушателям: «Пусть каждый рабочий и крестьянин, кто еще колеблется в вопросе о власти, посмотрит на Волгу, на Сибирь, на Украину, и тогда ответ сам собой придет — ясный и определенный!»[16]*. Второй митинг проходил на заводе Михельсона. Как религиозный фанатик, отстаивающий чистоту вероучения, Ленин заявил собравшимся рабочим: «Где господствуют „демократы" — там неприкрашенный, подлинный грабеж!»**. Глава Совнаркома чувствовал себя на коне.

Окончив выступление, Ленин пошел к автомобилю. У выхода к нему подошли две женщины с жалобами на действия продзаградотрядов, не пускающих крестьян в Москву торговать зерном; Ленин согласился, что продзаградотряды на самом деле действуют неподобающим образом[17]. Степан Гиль уже завел мотор. Когда до автомобиля оставалось всего несколько шагов, раздались выстрелы. Стреляли в Ленина. Две пули попали в цель, хлынула кровь. На заводском дворе поднялся страшный шум, присутствовавшие большевики сразу же закрыли собой своего раненого вождя. Ленина отнесли в машину. Гиль сохранял спо-

* Речь шла о регионах, в которых советская власть на момент выступления Ленина была свергнута.

** Ленин говорил в первую очередь об Америке.

койствие. Он решил отвезти Ленина прямо в Кремль, так как ехать в больницу было небезопасно, никто не мог гарантировать, что в засаде не спряталась еще одна группа террористов. С точки зрения медицины, Гиль рисковал жизнью Ленина, так как не знал, насколько опасны раны, но, если вспомнить все произошедшее тем летом в Москве, он был прав: Кремль действительно был самым безопасным местом в городе[18].

По приезде в Кремль Ленин повел себя совсем неразумно. Из ран хлестала кровь, но он не дал Гилю отнести себя наверх и сам пошел по лестнице, хотя в его состоянии всякое движение могло серьезно ухудшить состояние. Одна пуля пробила левую лопатку и прошла сквозь тело, остановившись у правой ключицы; вторая засела слева у основания шеи. Спотыкаясь и пошатываясь, Ленин поднялся по лестнице, вошел в спальню и упал на стул. Увидев раненого брата, Мария Ильинична ужаснулась. Никаких хирургов в Кремле не было, за кремлевскую стену пускали только большевистских руководителей, членов их семей, обслуживающий персонал и охранников.

Пришлось срочно искать кого-нибудь, кто имел бы медицинскую подготовку. Нашли двоих: Веру Величкину, жену В. Бонч-Бруевича, и Веру Крестинскую, жену члена большевистского ЦК Николая Крестинского. Пока они осматривали Ленина, Мария Ильинична решила приготовить чего-нибудь поесть, но в квартире никаких продуктов не нашлось. Мария Ильинична, прекрасная домохозяйка, готова была рвать и метать.

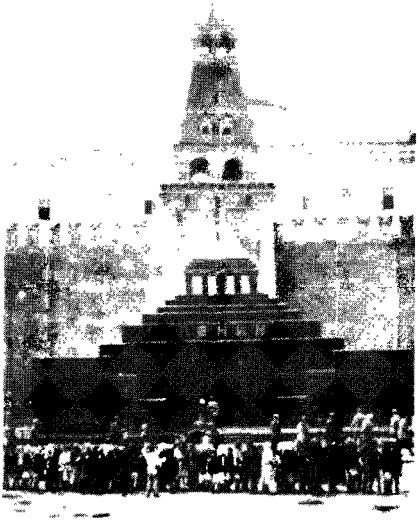
Тем временем с собрания в Московском университете вернулась Надежда Константиновна. Когда Алексей Рыков сообщил ей о случившемся, она вначале решила, что Ленин при смерти, так как при осмотре обнаружилось, что пуля пробила ему легкое[19]. Никто даже не пытался успокоить ее. Среди собравшихся нарастала паника. Насмерть перепуганная домработница-латышка заперлась в своей комнате. Мария Ильинична решила послать кого-нибудь в овощную лавочку за лимоном, потом передумала: а вдруг лавочник окажется соучастником убийц и подложит отраву?

В конце концов четыре женщины, хлопотавшие возле раненого Ленина — Надежда, Мария и две Веры — ограничились тем, что послали в аптеку за лекарствами[20]. О том, почему аптекарю следует доверять больше, чем лавочнику, уже не думали.

На следующий день для осмотра раненого вызвали из больницы высококвалифицированных хирургов. Ранним утром 31 августа приехали профессора В. Н. Розанов и В. М. Минц[21]. На

Ленин среди пассажиров "пломбированного вагона" в Стокгольме, несколько дней спустя после приезда из Германии. Женщина в большой шляпе, идущая за Лениным — Надежда Крупская; следом за ней идет Инесса

Вверху: Посмертная маска Ленина, работы скульптора Сергея Меркурова



Справа: Первый мавзолей, 1924 год

шите кипела вода, стерилизовались бинты. Доктора раздели Ленина и осмотрели раны, перебитую пулей руку подвесили на вытяжение[22]. Ленин наконец понял, насколько серьезно его положение: «Это конец? Если скоро, то скажите мне прямо, чтобы кое-какие делишки не оставить»[23]*. Доктора успокоили Владимира Ильича, что его состояние скоро стабилизируется.

1 сентября Ленин окреп настолько, что смог перенести рентгеновское обследование[24]. Он сообщил врачам, что раны не сильно беспокоят его. Пули, сидевшие в теле, врачи решили не трогать[25], но запретили Ленину делать резкие движения и предписали период длительного покоя, лучше всего за пределами Москвы.

Пока рука висела на вытяжке, Ленин не мог встать с кровати, но удерживать его в постели становилось все труднее. К счастью, за несколько недель до этих событий в руки государства перешел большой особняк в деревне Горки в двадцати двух милях к югу от столицы[26], куда можно было доехать по шоссе или на поезде до станции Герасимовка. Прежние владельцы, генерал Рейнбот с супругой, не жили там уже несколько лет, и дом с электричеством, телефоном и центральным отоплением был совершенно пуст. Ничто не мешало быстро переоборудовать особняк в санаторий. 25 сентября 1918 года, когда Ленин чувствовал себя уже достаточно хорошо, шофер повез его в Горки.

Подводя итоги первого года революции, можно сказать: ни российские, ни тем более иностранные наблюдатели не смогли предсказать приход Ленина и его партии к власти. Если бы не было мировой войны, не было бы и Октябрьской революции. Вызванные войной экономическая разруха, административный кризис и политический хаос дали Ленину шанс, и он его не упустил. Приспосабливая свое мышление и поведение к возможностям товарищей, Ленин руководил партией смело, решительно и чутко. Конечно, и без Ленина Временное правительство почти наверняка не устояло бы, но деятельность Ленина привела к тому, что после свержения указанной властной структуры в стране установился предельно авторитарный режим, а гражданская война стала неизбежной. Ленин неистовствовал, угрожал, рисковал, совершал чудовищные ошибки. Делая вид, что в основе его действий лежит научный подход, он совершил такую революцию, какую хотел, привлекая марксис-

* Воспоминание доктора Б. С. Вейсброда.

тские определения в качестве идеологического обеспечения. Деятельность Ленина раздробила социалистическое движение в России и Европе, превратила его в ряд противоборствующих группировок. Ленин начал строительство нового мира, но его инструментами стали идеологическая полемика, политическая борьба и гражданская война. Ему еще предстояло доказать реалистичность своих прогнозов. В разгар вооруженного столкновения, когда множество противников Совнаркома собирали силы для решительного наступления, Ленин искал себе оправдание и надеялся найти его.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

НА ЗАЩИТЕ РЕВОЛЮЦИИ

Больше у меня ничего нет

Ленин в 1922 году

22

Военачальник

1918–1919

Трудно найти другого такого политика, который меньше подходил бы на роль полководца гражданской войны, чем Ленин. Старший сын в семье, потерявшей кормильца, он не подлежал призыву в царскую армию, и впоследствии не делал тайны из своей неопытности в делах военных[1]. Он, конечно, штудировал классический труд Клаузевица «На войне», но пометки, оставленные им на полях книги, весьма своеобразны. Главный вывод Ленина из военной теории Клаузевица состоял в том, что ведение войны это просто дело техники. Никаких трудностей с этой стороны он не ждал. После того как его партия захватила власть, он оставил практические вопросы другим и почти не касался проблем Красной Армии. Из соображений безопасности он носил с собой маленький черный «браунинг», но никогда из него не стрелял. Единственным опытом военного, так сказать, рода стали для него успехи на заячьем фронте в Шушенском, да еще стрельба по лисам и уткам во время охотничьих экспедиций в Подмосковье. Но это уже касается персональной склонности вождя к насилию. О крупномасштабных боевых действиях с участием больших масс людей он судил большей частью понаслышке и слабо представлял себе интенсивность, с которой пожар гражданской войны распространялся по просторам бывшей Российской империи.

И все же по крайней мере в одном отношении он готов был к войне. Сугубо гражданская неопытность позволяла Ленину, не задумываясь, отдавать приказы на использование вооруженной силы, а пролитые в результате моря крови не мешали ему спать по ночам. Писатель Максим Горький однажды спросил его, как

он определяет меру применения силы. По мнению Горького, Ленин был слишком склонен к использованию ЧК и Красной Армии. Но Ленин отделался шуткой: «Какой мерой измеряете Вы количество необходимых и лишних ударов в драке»?[2]. Ленину важно было выиграть сражение. Только педантов могла заботить тщательно выверенная мера насилия. Ленин предпочитал переусердствовать с ударами, лишь бы не дать противнику подняться.

Кстати, несмотря на всю свою удаленность от полей сражений, с ролью военачальника он освоился чрезвычайно быстро. Ленин представлял собой стержневой элемент большевистской партийной машины во всех отношениях. Наркомвоендел Троцкий зарабатывал авторитет вождя партии, находясь в гуще Красной Армии. На своем личном поезде, вскоре получившем название «поезд Троцкого», он без устали мотался по фронтам. Среди комиссаров, командиров и рядовых бойцов о нем слагали легенды. Другие ближайшие соратники тоже обнаружили незаурядные таланты. Бухарин стал незаменимым редактором «Правды». Каменев управлялся с городским хозяйством Москвы, а Зиновьев — Петрограда. Сталин возглавлял наркомат по делам национальностей и мог работать на любом участке, где требовались железные волевые решения. Свердлов, правая рука Ленина в Кремле, сумел скоординировать работу не только Секретариата партии, но и ЦИКа съезда Советов. Все они проявили умение пользоваться властью, острый ум и непоколебимую веру.

Все они старались привести мир вокруг себя в соответствие с революционными доктринами и страстно жаждали увеличения личной власти. Первый год после Октябрьской революции стал для них суровым уроком. Внушенная Лениным убежденность 1917 года в то, что Советы могут стать ядром «диктатуры пролетариата», сменилась горьким разочарованием властью. В теории они были марксистами ленинского типа. Предметами их поклонения были порядок, дисциплина, иерархия и монолитное единство. Они требовали беспрекословного исполнения приказов и безжалостно насаждали свою волю. Каждый из них давал понять подчиненным, что результаты должны быть получены немедленно. Руководящая верхушка большевиков рассматривала власть, как инструмент скорейшего изменения политического и экономического положения в мире. Реальность власти, однако, оказалась совершенно иной. Российская империя развалилась. Экономика и снабжение пришли в полный упадок. Политики ввязались в длительную военную борьбу с неясным исходом. Нищета, голод и болезни стали обычным явлением. В этой ситу-

ации большевиков могла спасти только полностью централизованная система управления. И в этом заключалось как практическое, так и теоретическое требование момента.

Вина за всеобщую неразбериху частично лежала на самих большевистских руководителях в центре и на местах. Каждый из них имел собственное представление о революции. Вертикаль управления завязла в путанице бесчисленных Советов, профсоюзов и прочих выборных органов. В письме астраханским коммунистам Ленин был вынужден грозить (или, по крайней мере, сделать вид, что грозит) расстрелом в случае неповиновения. Между центральными органами управления велись постоянные споры. Ленину обычно удавалось уладить любые разногласия такого рода. Но он был вождем Октябрьской революции и обладал значительным персональным авторитетом. Другим членам ЦК и Совнаркома приходилось тяжелее. Личная зависть и межведомственное соперничество обострились до предела. Не помогала даже принятая большевиками практика создания новых органов управления на месте старых, не справившихся с поставленными задачами. В работе «Государство и революция» Ленин высмеял разграничение функций между государственными учреждениями как присущую капитализму попытку среднего класса замаскировать реальность «буржуазной диктатуры»; но после 1917 года он и его партия на себе испытали ошеломляющее влияние хаотической природы исполнительной власти.

Ленин призывал соратников к более активной работе и, в некоторых случаях, подавал личный пример. Споры Троцкого со Сталиным приводили его в бешенство. Оба они засыпали его письмами с взаимными упреками; лютая ненависть друг к другу сквозила в каждом их слове. Он же был не прочь поиграть в строгого отца партии. Когда лидер моряков Павел Дыбенко* был арестован за неподчинение, Ленин отвел его жену, Александру Коллонтай, в сторону: «Именно Вы и Дыбенко должны служить примером для широких масс, все еще далеких от понимания новой Советской власти — вы, которые пользуетесь такой популярностью»[3]. Он обещал выпустить Дыбенко только под личное поручительство Коллонтай за его поведение в будущем. Никто, кроме Ленина, не мог бы найти лучшего подхода к Коллонтай.

Но решения, которые он предлагал большевикам, были большей частью абстрактными. Он призывал к централизму, поряд-

* *Павел Дыбенко* (1889–1938) — в Октябрьскую революцию член Петроградского ВРК, член Комитета по военным и мор. делам, в 1917 году председатель Центробалта, в 1918 году нарком по морским делам. В гражданскую войну — командующий группой войск, Крымской армией, начдив. С 1928 года командующий войсками ряда военных округов.

ку, дисциплине и — все чаще — к наказанию. Теоретик организованности никогда не был способен дать дельный совет по конкретному организационному вопросу. Даже в работе «Что делать?» он поленился снизойти до деталей; а когда этого совсем нельзя было избежать, как в «Письме к другу по нашим организационным вопросам», ограничился достаточно схематичным набором рекомендаций. Так или иначе, до своего выздоровления в конце 1918 года он не придавал особого значения организационным аспектам. Вместо этого он занимается ответами на обвинительные публикации его врагов. Одним из таких для него всегда был Карл Каутский. В санатории Ленин сочиняет брошюру «Пролетарская революция и ренегат Каутский». Первый раз в жизни он не пишет собственноручно. Период восстановления занял несколько недель, и даже Ленин был вынужден прибегнуть к диктовке секретарю Совнаркома, Марии Володичевой. Наконец-то Ленин раскрывает, что у него на уме. И что же он считает самым важным в период обрушившихся на него личных бед и политических трудностей? Дать отпор Каутскому, теоретику, о существовании которого даже не подозревало большинство граждан молодой республики Советов и который отнюдь не принадлежал к верхушке марксистского движения в Германии.

Работа написана в обычном ленинском стиле, разве что местами резковато. Тут и там различные словесные выкрутасы в духе 1917 года. Он высмеивает неприятие Каутским «диктатуры» и провозглашает:

> «Либералу естественно говорить о демократии вообще. Марксист никогда не забудет поставить вопрос: «Для какого класса?». Всякий знает, например, — и «историк» Каутский знает это тоже, — что восстания или даже сильные брожения рабов в древности сразу обнаруживали сущность античного государства как *диктатуры рабовладельцев*. Уничтожала ли эта диктатура демократию *среди* рабовладельцев, *для* них? Всем известно, что нет»[4].

Так подтверждается мысль о том, что ленинский, а значит, единственно возможный социализм может быть построен только с помощью диктатуры. Ленин ставит вопрос прямо: «Диктатура есть власть, опирающаяся непосредственно на насилие, не связанная никакими законами»[5].

При всем этом Ленин скромно умалчивает о том, что идея, собственно, не его. Он упоминает Маркса, Энгельса и Плеханова, но, практически, никого больше. Ни слова о так восхи-

щавших его террористических группах социалистов-аграрников. Не афиширует он и другую дорогую для него фигуру, писателя пятнадцатого века Никколо Макиавелли. Если Маркс писал о необходимости диктаторских репрессий, то Макиавелли конкретно расписал методику эффективных мер подавления. Уже накликавший на себя беду восхвалением русских народников в 1902 году Ленин не хочет, чтобы его ассоциировали с мыслителем, за которым веками тянется дурная слава пропагандиста аморальных методов правления. Даже упоминая Макиавелли в конфиденциальной переписке, например в письме Молотову, датированном 1922 годом, Ленин представляет его не по имени, а как «одного умного писателя по государственным вопросам»[6]. Макиавелли, по секрету сообщает он Молотову, «справедливо сказал, что если необходимо для осуществления известной политической цели пойти на ряд жестокостей, то надо осуществлять их самым энергичным образом и в самый кратчайший срок, ибо длительного применения жестокостей народные массы не вынесут». А кое-кто утверждает, что Ленин всегда стремился ограничить степень жестокости своего режима. На самом деле он стоял за применение жестокости в самой интенсивной форме, но кратковременном, дабы избежать необходимости чрезмерного ее растягивания во времени.

Несмотря на то что мы не знаем, когда Ленин прочел Макиавелли, он, вне всякого сомнения, был горячим приверженцем последнего. После Октябрьской революции Ленин изучил труды еще нескольких авторов. Имена некоторых нам известны. Среди них Джон Мейнард Кейнс*, который в трактате «Экономические последствия мира» осудил Версальский договор**. В данном случае Ленин не скрывал своих чувств; ведь Кейнс обрушился с критикой на территориальные и экономические при-

---

* *Джон Мейнард Кейнс* (1883–1946) — английский экономист и публицист, основоположник кейнсианства, теории государственного регулирования экономики. По Кейнсу, основные цели — поддержание «эффективного спроса» и «полной занятости». Экономическая программа включает: всемерное увеличение расходов госбюджета, расширение общественных работ, абсолютное или относительное увеличение количества денег в обращении, регулирование занятости и др.

* *Версальский мирный договор* — договор, завершивший 1-ю мировую войну. Подписан в Версале 28 июня 1919 года державами-победительницами — США, Британской империей, Францией, Италией, Японией, Бельгией и др. с одной стороны, и побежденной Германией — с другой. Условия договора были выработаны на Парижской мирной конференции 1919–1920 годов. Договор устанавливал новые государственные границы в Европе. Колонии Германии были поделены между державами-победительницами. Сухопутная армия Германии была ограничена 100 тыс. чел., установлены также другие ограничения в вооружениях. Германия обязалась платить репарации. Неотъемлемой частью Версальского мирного договора был статус Лиги Наций. США не ратифицировали договор и в августе 1921 года заключили с Германией особый договор, почти идентичный Версальскому, но не содержавший статей о Лиге Наций.

тязания Антанты в 1919. Читал Ленин и «Закат Европы» Освальда Шпенглера*. По мнению Шпенглера, капитализм обречен в силу природной цикличности цивилизаций: рождение, жизнь и затем смерть. Книга не понравилась Ленину, предпочитавшему экономическое и политическое объяснение причин упадка, который он связывал с природой рыночной экономики. Он обозвал Шпенглера буржуазным хныкуном[7]. Похоже, что если Ленин читал ради удовольствия, то часто это было удовольствие от язвительного презрения к авторам.

И все же его ум был озабочен главным образом домашними проблемами. Все усилия он сосредоточил на том, чтобы дать диктатуре Советов выстоять под натиском белых армий и иностранных интервентов. По решению, принятому Центральным Комитетом и поддержанному партийными комитетами на местах, вопросами власти, политики и снабжения в Советском государстве должен был ведать единый верховный орган. Это, по их убеждению, позволило бы искоренить хаос и недисциплинированность. Таким органом большевики избрали собственную партию.

Причины данного решения до сих пор являются предметом полемики. Все советские и большинство западных историков считают, что оно возникло в ходе реализации принципиальной схемы, заложенной еще в 1902 году в работе «Что делать?»[8]. Но в это трудно поверить, особенно теперь, когда получен доступ к закрытым архивным источникам и когда «компромат» на Ленина выгребается из всех возможных закутков. Неужели, если большевики планировали создать подобную государственную структуру, они не рассказали бы об этом в письмах и мемуарах? Однако ничего подобного не обнаружено. Бесспорно, Ленин был основателем однопартийного, моноидеологического государства, но в его наработках нет почти ничего конкретного по ключевым практическим вопросам. Его формулировки всего лишь набор основополагающих тезисов, где превозносится роль руководства, указывается единственно верное направление движения и подчеркивается авангардная роль партии. В них для партии большевиков пока еще нет установки на превращение в высшую руководящую и направляющую силу Советского государства. Однако развитие событий в первый год после Октябрьской ре-

* *Освальд Шпенглер* (1880–1936) — немецкий философ, историк, представитель «философии жизни». Развил учение о культуре как множестве замкнутых «организмов» (всего восемь — египетская, индийская, китайская и т. д.), выражающих коллективную «душу» народа и проходящих определенный жизненный цикл, длящийся около тысячелетия. Умирая, органическая культура перерождается в свою противоположность — цивилизацию, в которой господствует голый техницизм, а на смену творчеству и развитию приходят бесплодие и окостенение. Гл. соч.: «Закат Европы» (т. 1–2, 1918–1922).

волюции вынудило Ленина и его соратников развить эти исходные предпосылки и создать такой аппарат. Тезисы революционной стратегии обрели особую актуальность в 1918—1919 годах. Политический курс изменился; исходные положения были изменены — в частностях, но не в целом.

Не только Ленин и ЦК, но даже партийные руководители на местах были озабочены преобразованиями в политике. В январе 1919 года ЦК, большинство членов которого часто отлучалось из Москвы по делам военным и политическим, избрал в своем составе два внутренних подкомитета: Политическое бюро (Политбюро) и Организационное бюро (Оргбюро). Центральный Комитет, Политбюро и Оргбюро взяли на себя заботу о принятии решений по важнейшим государственным вопросам. Являясь партийными структурами, они одновременно были высшими государственными органами, и их решения были обязательными для Совнаркома, Совета Труда и Обороны и Народных комиссариатов.

Ленин входил в состав Центрального Комитета и Политбюро, сохранив за собой посты председателя Совнаркома и Совета Труда и Обороны. Ни у кого в Кремле не было столь прочного положения. Единственным исключением являлся Свердлов, который одновременно занимал должности секретаря Центрального Комитета и председателя Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета — именно он взял на себя управление делами государства после покушения на вождя в августе 1918 года. Сразу после выздоровления Ильича Свердлов вернулся к прежнему положению правой руки Ленина в Москве. Власть Ленина и Свердлова была столь велика, что критики — и даже некоторые друзья называли их правление дуумвиратом. Свердлов был миниатюрным человечком с невероятным высокомерием, удивительно низким голосом и страстью одеваться с головы до ног в черную кожу; его энергия, казалось, не знала границ. Но 16 марта 1919 года он скоропостижно скончался он «испанки». Лишившись преданного адъютанта, Ленин произнес пламенную речь у его могилы. Ленин и Свердлов не были друзьями. Они не проводили вместе часы досуга, и Ленин не выказывал особого восхищения интеллектуальными способностями и политической дальновидностью Свердлова. Но администратором Свердлов был выдающимся. Он был незаменим, и Ленин знал, как ему будет не хватать этого человека.

В последующие годы на замену Свердлову в Центральном Комитете он перебрал несколько кандидатур: Стасовой в 1919 году,

Крестинского, Серебрякова и Преображенского в 1920 году, Молотова и других в 1921 году и — себе на горе — Сталина в 1922 году. Все они, за исключением Сталина, находились в более зависимом положении от Ленина, чем Свердлов. Благодаря частым отлучкам Троцкого, Сталина и Зиновьева Ленин получил возможность сосредоточить в своих руках все главные рычаги управления партийной и государственной машинами.

Его уверенные манипуляции рычагами власти совпали по времени с периодом осложнений в личной жизни. 14 октября 1918 года, оправившись после покушения, он вернулся к полноценной политической работе в Кремле. Однако выздоровление не было полным. К нему вернулись застарелые головные боли и бессонница. Он пытался бороться с ними, гуляя вокруг Кремля в полдень и в полночь. Личные телохранители, не посвященные в тайну болезни вождя, считали это безумием, так как его легко можно было выследить и убить. Хуже того, охранники раздражали Ленина, и он иногда намеренно отрывался от них[9]. Часто он приглашал на такие прогулки либо Надю, либо свою сестру Марию. Ему было необходимо поговорить с людьми, которым он мог доверять — ни Мария, ни Надя не пытались навязывать ему свои идеи. Другой формой отдыха стали для него поездки на охоту, куда он отправлялся вместе с большевистскими соратниками. Народные комиссары выезжали стрелять волков в Подмосковье. Последний раз Ленин охотился в сибирской ссылке и теперь он радовался возможности побродить на природе с ружьем на плече.

Подобные поездки были небезопасны с точки зрения медицины. Несколько раз Ленин чувствовал стеснение в груди и острую боль в ногах. Обычно в таких случаях Ильич выдумывал какой-нибудь предлог, чтобы присесть; товарищи по охоте оставались в неведении. Скорее всего его мучили так называемые приступы преходящего нарушения мозгового обращения (или легкие сердечные приступы). Ленин, по-видимому, осознавал их серьезность, так как при любых недомоганиях всегда обращался к медицинским справочникам. Тень смерти становилась все отчетливей. Ленин стремился успеть сделать как можно больше для революции.

Беспокойство вызывало не только здоровье. Хотя в мемуарах Надежды Константиновны мы не найдем упоминания о трениях между супругами, внешние признаки говорят о другом. Когда Ленин перебрался в санаторий в Горках, она с ним не поехала[10]. Это можно было бы объяснить феминистской само-

надеянностью, если бы прочие обстоятельства не указывали на иную причину недовольства Надежды Константиновны. Нельзя не отметить тот факт, что в списке первых посетителей Ленина после попытки покушения в августе 1918 года фигурирует Инесса Арманд[11]. Инесса в то время работала в Москве председателем губернского Совета народного хозяйства и жила неподалеку от Кремля. Ее появление в Кремле вряд ли могло стать для Надежды Константиновны приятной новостью. В конце 1918 года к посещению вождя были допущены лишь несколько человек и то по приглашению либо по предварительной договоренности с ним. После Октябрьской революции Ленин и Инесса виделись несколько раз, когда он специально приглашал ее присутствовать на заседаниях Совнаркома. Но никаких свидетельств о возобновлении их романа не существует (хотя исключать этого тоже нельзя). Его дни были плотно заполнены работой. Более того, у него с Инессой обнаружились разногласия по политическим вопросам; как большинство большевистской верхушки, она резко отрицательно относилась к ленинскому мирному договору в Брест-Литовске. И все же дружба оказалась сильнее политики, и раненый, обессиленный Ленин захотел увидеть Инессу у своей постели.

В то же время у Нади обострились базедова болезнь и сердцебиения, поэтому вскоре после возвращения Ленина в Кремль она уединилась в парке в районе Сокольники на северо-восточной окраине города; по собственному желанию она поселилась в лесной школе, где ей выделили небольшую комнату на втором этаже[12]. Лечением занялся профессор Гетье, домашний врач семей Ленина и Троцкого[13]. Она оставалась там весь декабрь и январь. С медицинской точки зрения это был довольно странный шаг, так как врачам было бы гораздо удобнее лечить ее, если бы она не покидала квартиры, где проживала с мужем и его сестрой. Почему же, в таком случае, она переехала? Может быть, ей хотелось отдохнуть от постоянной суеты кремлевской жизни, а профессору Гетье доставляло удовольствие ездить к ней с визитами. Но возможны и другие объяснения. Если, в самом деле, Надю возмутила просьба Ленина о встрече с Инессой после ранения, то, возможно, она просто решила подыскать себе место, где можно успокоиться. Надя могла решить, что ее отъезд побудит Ленина оценить по достоинству ее заслуги, как жены и давнего товарища по оружию.

Но не будем строить досужих гипотез. Ленин, Надя и Инесса не оставили нам иных ключей к разгадке их отношений в тот

период. А если и оставили, то такие ключи давно затерялись в истории. При всем том не следует забывать, что какой бы ни была природа отношений Ленина с Инессой Арманд в 1918–1919 годах, основным занятием его жизни по-прежнему оставалась политика. Его величайшей страстью была и оставалась борьба за укрепление завоеваний революции.

В любом случае Ленин в какой-то мере сохранил чувство супружеской ответственности и приезжал навещать Надю в Сокольники. Обычно он приезжал вечерами после работы вместе с сестрой Марией, а привозил их шофер Степан Гиль[14]. В воскресенье 19 января 1919 года такая поездка чуть не стоила ему жизни. Ленин, которого ученики школы в Сокольниках попросили приехать на праздничную елку, выехал из Кремля с Марией, Гилем и тогдашним его телохранителем И. В. Чебановым. Выехав на Сокольническое шоссе, они услышали резкий свист. Было уже темно; на занесенную снегом дорогу выскочили трое вооруженных мужчин и приказали Гилю остановиться. Гиль подумал, что это милиционеры, и подчинился приказу. (В середине 1918 года он игнорировал подобное требование, и милиционеры стали стрелять по автомобилю!) Ленин показал свои документы. Но эти люди заставили его и остальных пассажиров выйти из машины, приставили к виску Ленина револьвер и обыскали его карманы. Ленин стал протестовать: «Моя фамилия Ленин». Но на них это не произвело впечатления. Пассажиры все еще не поняли, что перед ними отнюдь не милиционеры, и Мария потребовала предъявить документы. В ответ прозвучало: «Бандитам документы ни к чему!». Грабители забрали «браунинг» Ленина и умчались на машине. Единственным оправданием Чебанова стало то, что в руках он держал кувшин с молоком для Надежды Константиновны.

Несчастные с трудом добрались до здания Сокольнического районного Совета, где Ленину пришлось долго доказывать дежурному, кто он такой. Наконец прибыли председатель Совета и его заместитель, которые узнали Ильича. Так Ленин опоздал на праздничную елку к детишкам. В тот же вечер Дзержинский организовал милицейскую облаву. Автомобиль был брошен преступниками после того, как застрял в сугробе. Возле него лежали тела убитого красноармейца и милиционера: Ленина вполне могла постигнуть такая же участь. Грабителей задержали и допросили. По их утверждениям, они не поняли сказанного Лениным. Вместо «Ленин» им якобы послышалось «Левин». Отъехав от места преступления, они внимательней просмотрели докумен-

ты жертвы и поняли, кем он был на самом деле. Наглость бандитов была исключительной. Их вожак, Яков Кошельников, предложил немедленно вернуться и убить Ленина. Он просчитал, что во всем обвинят контрреволюционеров. По его мнению, мог даже случиться государственный переворот, а в последующей неразберихе никто не стал бы искать грабителей. Однако товарищи по шайке не послушались его совета. В тот день Ленин оказался счастливее, чем он думал[15].

Так или иначе, но Ленину и другим большевистским вождям оставалось только признать слабость государственной власти в России. Советские биографы старались не заострять внимания на этом факте. Если в столице страны шайка из трех головорезов может походя прикидывать, стоит ли им вернуться и убить главу правительства, то дела идут из рук вон плохо. По правде говоря, они шли так все время и тенденции к улучшению наметились лишь после окончания гражданской войны. А пока хаос и неразбериха были нормой.

Зимой 1918–1919 годов предпринимались попытки подправить покосившиеся углы государственного здания. В общем и целом старания Ленина в этом направлении встретили понимание среди партийной верхушки. Советы, партийные комитеты, профсоюзы и фабричные цеховые комитеты были приведены к повиновению центральным аппаратом, который больше не испытывал необходимости советоваться с товарищами «на местах». Центральный Комитет партии и Совнарком прилагали все усилия для наведения порядка и военной дисциплины в каждом учреждении.

Необходимость в этом стала воистину экстренной в ноябре 1919 года. До этого времени Красная Армия сражалась против сил, собранных эсеровскими министрами Комуча (Комитета членов Учредительного Собрания) в Самаре, и Троцкий мог рапортовать об определенных успехах. 10 сентября была взята Казань. Армия Комуча, даже поддержанная Чехословацким корпусом, не могла противостоять красным. Но тем временем формировались другие армии, нацеленные на центральные районы России. Ими предводительствовали не социалисты, а кадровые офицеры царской армии, ненавидевшие не только большевизм и социализм, но и большинство проявлений либерализма. На юге России под знамена генералов Алексеева и Корнилова собиралась добровольческая армия. В центре Сибири обосновался другой антибольшевистский контингент под руководством адмирала Колчака. В Эстонии генерал Юденич собирал еще один кулак.

Военная угроза, исходившая ранее только от Комуча, возросла многократно.

И опять ни Ленин, ни остальные члены Центрального Комитета даже не предчувствовали опасности. До этого момента любая антибольшевистская группировка почти ничем не отличалась от остальных. Но 18 ноября 1918 года колчаковский штаб арестовал в Омске правительство эсеров и провозгласил адмирала Колчака Верховным правителем всей России. Целью этой белой армии стал стремительный поход на Урал и оттуда продвижение в центральную часть страны. Когда белогвардейцы подошли к стратегически важному уральскому городу Пермь, они ожидали яростного сопротивления. Вместо этого режим большевиков и местного Совета развалился. В последующие зимние месяцы ликующий Колчак был, казалось, близок к тому, чтобы занять место Ленина в Кремле.

Ленинская реакция на пермскую катастрофу продемонстрировала его слабые стороны в этот начальный период гражданской войны. Он обладал неимоверными знаниями в области механизмов верховной государственной власти. Не забывал держать руку на пульсе общественных настроений, чему способствовали регулярные поездки по Подмосковью и встречи с крестьянскими просителями (ходоками) из провинции (несмотря на то что он не стеснялся безжалостно душить эти настроения, если чувствовал, что они хоть в чем-то противоречат интересам марксистской идеологии или Realpolitik (реальной политики)). Но при всем этом Ленин довольно слабо представлял себе степень хаоса, поразившего режим на уровнях, расположенных ниже административной иерархии Кремля. Сидя в своем кабинете, он мог полагаться лишь на работу телефонов. Мог заказывать книги в библиотеках и читать по утрам свежие выпуски газет. Мог рассчитывать на помощников и личных секретарей, выполнявших любые его приказания, и никогда не испытывал нужды в еде, одежде и крове. Его квартира в Кремле не блистала роскошью, но по меркам партийных, правительственных и военных функционеров, вынужденных прозябать в провинции, вождь жил в достаточно комфортабельных, если не сказать тепличных условиях. Оторванность от провинциальной реальности спасала его от ответственности за промахи в собственных решениях и, как следствие, в решениях региональных аппаратчиков. Вместо этого он переходил на личности. Объекты его критики всегда были слишком слабы, слишком глупы или слишком распущенны. В частности, вину за военную катастрофу в Перми Ленин возло-

ыл на одного из руководителей местного аппарата, М. М. Лашевича, который якобы пьянствовал на рабочем месте[16].

Но и сам Ленин попадал под ожесточенную критику со стороны партийных и государственных функционеров среднего звена. Они мечтали о резком ужесточении существующей иерархии внутри Советского государства и упрекали Ленина в медлительности. По их мнению, политическое руководство в центре должно было взять курс на решительную централизацию государственного аппарата. Некоторые настаивали на том, чтобы в этом процессе была предусмотрена демократическая подотчетность, как в рядах партии, так и в Советах. Подобного рода критиков, или так называемых «демократических централистов», возглавили Н. Осинский и Т. Д. Сапронов. Другую группу недовольных провинциальных функционеров меньше всего заботила демократическая подотчетность — даже в крайне ограниченной форме, предлагавшейся демократическими централистами. Они просто хотели, чтобы государственная машина работала надежно. В число таких критиков входил Лазарь Каганович. Осинский, Сапронов и Каганович вели подкопы под позицию Ленина и Свердлова каждый со своей стороны.

Политическая линия являлась не единственным объектом критики. Троцкий, с согласия Ленина, санкционировал прием на службу в Красную Армию царских офицеров. К каждому из них приставили по политическому комиссару, обязанному следить за их лояльностью, а для пущей надежности взяли из их семей заложников, которые должны были жизнью ответить за любой акт предательства. Но на этом Троцкий не остановился. За неповиновение он расстреливал даже комиссаров. Он выстраивал подразделения дезертиров и на древнеримский манер проводил расстрелы каждого десятого. Он высмеял практику, по которой старые большевистские функционеры в армии не имели никаких привилегий. Для многих большевиков в вооруженных силах это было невыносимо, и они потребовали реформы в армии. Некоторые из них предрекали даже, что Троцкий, который до 1917 года и большевиком-то не был, вознесется из армейской среды, как Наполеон Бонапарт в эпоху Великой Французской революции, и станет диктатором. Ленин пытался как можно дольше оттянуть открытое противостояние. Но внутри партии так называемая военная оппозиция, руководимая из-за кулис злейшим врагом Троцкого, Сталиным, потребовала изгнания из армии царских офицеров. Только когда дело дошло до выбора между решительным продолжением политической линии и от-

ставкой Троцкого, Ленин решил вмешаться, и в конечном счете решил, что лучше поддержать Троцкого, чем потерять его на должности народного комиссара военных дел.

В эту жестокую зиму были проведены и другие изменения в политике. 2 декабря были распущены комитеты деревенской бедноты, после того как было решено, что они приносят больше вреда, чем пользы партийной линии в деревне. Большинство крестьян раздражал курс на раскол деревни, проводимый комитетами. Более того, часто случалось так, что комитеты третировали не только зажиточные семейства, но и «середняков», которых партия стремилась удержать на своей стороне, о чем неоднократно заявлял Ленин. Разгон комбедов был примечателен в нескольких отношениях. Во-первых, Ленин изменил политический курс, не признав, что ответственность за его введение лежала преимущественно на нем лично. Он не часто признавал прошлые ошибки, и этот случай не стал исключением. Во-вторых, стало ясно, что комитеты деревенской бедноты, несмотря на их непопулярность в деревне, оказались близки по духу партийным функционерам. Ленину пришлось убеждать партию в практической необходимости избегать озлобления общественного мнения против чрезмерно ускоренных и принудительных методов насаждения социалистических преобразований. И это не в последний раз.

Теперь от него требовалась в первую очередь быстрая реакция на изменения ситуации. За границей внезапно закончилась мировая война, когда 11 ноября после провала массированного летнего наступления на Западном фронте Центральные державы были вынуждены запросить прекращения военных действий. Британия, Франция, Италия и США торжествовали. Ленин тут же среагировал аннулированием Брест-Литовского договора. Восьмимесячному «позорному миру» пришел конец. Теперь-то Ленин мог доказать оппонентам в партии свою изначальную верность делу «европейской социалистической революции». Финансы, политическая пропаганда (включая немецкий перевод «Государства и революции») и красные эмиссары разом устремились из Москвы в Берлин. По всем прогнозам военное поражение должно было способствовать назреванию революционной ситуации; ни Ленина, ни остальных членов Центрального Комитета нимало не заботила потенциальная реакция западных союзников. Первоочередной задачей стало обеспечение захвата власти в Германии крайне левыми социалистами. По мнению Ленина, такой результат мог способствовать образованию поли-

тического «блока» России и Германии, который оказался бы не по зубам ни одной армии в мире. Основная проблема заключалась в том, что в Германии до сих пор не было коммунистической партии. Вместо нее Ленину пришлось иметь дело с «Союзом Спартака», руководимым Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург, и, чтобы облегчить эту задачу, он предпринял шаги для созыва учредительного конгресса Коммунистического Интернационала. Революционное политическое наступление в Европе требовало серьезной подготовки.

К сожалению, в правительство Германии после отречения Вильгельма II вошли те лидеры германской социал-демократической партии, которые относились крайне неприязненно не только к Ленину и Октябрьской революции, но и к Карлу Либкнехту и Розе Люксембург. «Союз Спартака» давно потерял всякую надежду закрепиться в Независимой социал-демократической партии Германии. Либкнехт и Люксембург избрали собственный путь и планировали вооруженное восстание. Но даже это не могло доставить Ленину безоговорочного удовольствия. Либкнехт и Люксембург отнюдь не были рьяными почитателями Ленина. В частности, Люксембург критиковала ленинскую аграрную политику (как слишком примитивную для «мелкобуржуазного» крестьянства), национальную политику (как излишне терпимую к нерусскому населению) и государственную политику (как позорно антидемократическую). В случае успеха «Союза Спартака» большевики в России вполне могли ожидать конфликтов как с остальной Европой, так и внутри страны. Но в случае провала, что осталось бы от стратегических прогнозов большевизма?

Для спартаковцев дела обернулись плохо. 6 января 1919 года они попытались свергнуть социалистическое правительство в Берлине. Министр обороны Густав Носке мобилизовал все имевшиеся антикоммунистические подразделения, включая войска, недавно отозванные с Западного и Восточного фронтов. Боевые отряды «Союза Спартака» просто раздавили. Либкнехта и Люксембург схватили и казнили, а тела их выставили у ограды зоологического сада. Это стало катастрофой для мирового коммунизма, но Ленин не слишком опечалился. По крайней мере, он мог свободнее себя чувствовать при организации Третьего Интернационала, а так как германские пролетарии, по его убеждению, в культурном отношении стояли на голову выше российских рабочих, то у него не было сомнений в том, что так или иначе в Берлине вскоре свершится успешная социалистическая

революция. Практическое затруднение состояло в том, что за пределами России не было коммунистических партий. Ленину пришлось приглашать делегатов от крайне левых организаций, которым еще только предстояло стать политическими союзниками Октябрьской революции. Кроме того, ему надо было взять на себя решение дорожных проблем зарубежных делегатов, возникавших в силу того, что Советская Россия не имела дипломатических отношений с остальным миром.

Окончание мировой войны, помимо прочего, привело к изменению ситуации на границах России. С подписанием Брест-Литовского договора обширные западные окраины бывшей Российской империи оказались вне досягаемости верховной власти Совнаркома. Вывод германских войск дал Ленину возможность захватить этот регион и утвердить в нем органы «Советской власти». Красная Армия, при поддержке местных добровольцев, продвигалась очень быстро, но, по настоянию Ленина, захваченные территории не были включены в состав Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, а на них были образованы независимые Советские республики Эстонии, Литвы и Белоруссии, Латвии и Украины. Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика установит отношения с каждой из них на двусторонней и равноправной основе.

Создание все большего числа независимых Советских республик вызвало негативную реакцию многих большевистских лидеров, особенно тех, кто вырос на окраинах России и которых большевизм привлек именно обещанием искоренить национализм. Независимые Советские республики казались им — а некоторые из особенно красноречивых среди них были евреями и чрезвычайно болезненно реагировали на антисемитизм региональных националистов — еще одним отступлением от универсальных ценностей социализма. Ленин, конечно, тоже по происхождению был частично евреем. Но его юность не была обезображена шрамами национальной дискриминации. Он воспитывался как русский европеец, на этом была основана вся его политическая платформа, и он не терпел проявлений, как он его называл, великорусского шовинизма. Происхождение позволяло ему занять более беспристрастную позицию по «национальному вопросу», чем у большинства его товарищей. Национальную и этническую чувствительность жителей окраинных регионов следовало, настаивал он, уважать. Его слова вызвали ужас в партийной среде, но он продолжал объяснять, что все необхо-

димые меры предосторожности на случай попыток независимого поведения независимых Советских республик будут приняты. Коммунистические партии в республиках будут считаться не более чем региональными отделениями Российской компартии и ее Центрального Комитета. Реальная власть, таким образом, будет сосредоточена не в «независимых» Советских республиках, а в Москве.

На протяжении всей зимы 1918–1919 годов в Центральном Комитете большевиков царили шизофренические настроения. Европа снова бурлила, и возможность европейской социалистической революции занимала умы всех партийных лидеров. Но сильное беспокойство доставляла обстановка на востоке. Колчак яростно рвался от Перми к Москве. Пусть даже вскоре Советские республики возникнут в Варшаве, Праге и Берлине. Но выживет ли социализм в городах, свершивших Октябрьскую революцию 1917?

На открытии Первого конгресса Третьего Интернационала (Коминтерна) в Кремле 2 марта 1919 года Ленин однозначно предсказал неминуемость революции в Европе. Для организации, нацеленной на коренное изменение баланса сил во всей мировой политике это было довольно невзрачное собрание. Присутствовало тридцать четыре делегата, но все они, кроме четырех, уже проживали в России. Ленин и его соратники подбирали людей, приехавших из разных стран, и выдавали им мандаты на право говорить от имени всех крайне левых сил этих стран.

Французская революционная группировка представляла в Москве всего лишь двенадцать человек, рассеянных по всей Франции. Ленин часто прибегал к трюкам подобного рода еще перед мировой войной, когда выдавал собрания фракции большевиков за съезды всей партии.

Но Первый конгресс Коминтерна, собранный под большевистским покровительством, по беззастенчивости перешел всякие границы. Представитель Германии Гуго Эберлейн попытался протестовать против манипуляций, но удалось уговорить его воспринять все как свершившийся факт; ему дали понять, что иначе он испортит с таким трудом налаженную атмосферу энтузиазма. Ленин вызвал еще большее замешательство, когда зачитал письмо, якобы полученное от Совета шахтерских депутатов центральных графств Великобритании. Это была явная чепуха, и, скорее всего, Ленин прекрасно об этом знал. Но письмо произвело нужный эффект: конгресс Коминтерна рукоплескал потрясающей «новости», с удовольствием пред-

вкушая экспансию социалистической революции на запад от России.

Когда с шутками было покончено, большевистское руководство выступило с пакетом проектов резолюций, закреплявших его направляющую роль в революционном процессе. Ленин выступил по вопросу о «буржуазной демократии и диктатуре пролетариата». Главным его аргументом стало утверждение о том, что гражданские свободы, существовующие в капиталистических странах, доступны исключительно средним классам; далее Ленин и последующие большевистские ораторы — Бухарин, Зиновьев, Осинский и Троцкий не оставили камня на камне от надежд каутскианцев осуществить социалистическую трансформацию в Европе с помощью главным образом парламентских методов. Даже Ленин никогда так не переоценивал свои возможности. Он ограничился ссылками на Маркса, Энгельса и марксизм, разглагольствовал о коммунизме, гражданской войне, о роли и внутренней организации партии. Такая поверхностность не была случайной. Целью большевистского руководства являлось получение согласия на создание новой организации и обеспечение контроля над ней в самом ближайшем будущем. Получив добро на генеральную антипарламентскую стратегию, Ленин и его соратники в последующем сумели бы навязать свои формулировки во всем, что касалось деталей идеологии и тактики. Основанный ими Коминтерн в организационном плане мог показаться рахитичным, но последствия его создания оказывали колоссальное воздействие на весь мир на протяжении нескольких десятилетий. Возникла организация с претензией на глобальный подрыв устоев капитализма, и каждому политическому движению с ориентацией правее коммунистической пришлось считаться с исходившей из Москвы угрозой.

Каким образом эта угроза будет реализована, было пока неясно. Даже Ленин не имел ни информации, ни предчувствий относительно последних тенденций в современной мировой политике. Некоторые из его прогнозов были столь неудачны, что их приходилось постоянно исключать из различных изданий его избранных сочинений. Потрясающим примером может служить его надгробная речь на Волковском кладбище в Петрограде 13 марта 1919 года на могиле его шурина (мужа сестры) Марка Елизарова:

> «Франция готовится напасть на Италию, они не поделили добычу [в первой мировой войне]. Япония вооружается против Аме-

рики... Рабочие массы Парижа, Лондона и Нью-Йорка перевели слово «Советы» на свои языки... Скоро мы увидим рождение Всемирной Федеративной Советской Республики»[17].

Мало что могло быть неправдоподобнее франко-итальянской войны. Япония недоверчиво относилась к США, но вряд ли она испытывала воинственные настроения. Да и не занимались французские, британские и американские рабочие переводом русских слов; вместо этого они использовали слова типа «советы» в транслитерированной форме, тем самым подчеркивая экзотический характер того, что они читали о России в своих газетах. Ленин не пытался просто подбодрить своих сторонников. Он находился в искренне приподнятом настроении и позволил воображению взять верх над трезвым рассудком.

Опуститься на землю ему пришлось не далее как в том же месяце на Восьмом съезде собственной партии. Вряд ли существовала хоть одна политическая установка, которая не вызывала бы полемику среди большевистского руководства. Ленин и Центральный Комитет сорвали аплодисменты за созыв конгресса Коминтерна, и на этом, собственно, все. Вступительный доклад делал сам Ленин, которого встретили выкриками «Да здравствует Ильич!». Он даже не пытался оправдываться, ни за прошлое, ни за настоящее. Решение о заключении Брест-Литовского договора было верным. Решение о создании «комитетов деревенской бедноты» было верным (несмотря на то что их пришлось распустить). Решение использовать царских офицеров в Красной Армии было верным. Решение о создании независимых Советских республик было верным. Центральный Комитет свою задачу выполнил, и любые промахи следовало списать на тех, кому была поручена реализация политической линии, но не тех, кто ее определял. Если и существовали проблемы, то они возникли не в Москве: «Организационная активность... основная задача пролетарской революции — это организационная задача». Ленин попытался отшвырнуть все проблемы в лицо своим критикам. Они либо не смогли, в силу своего невежества, понять всей мудрости политической линии, либо они не оправдали надежд как исполнители мудрых решений. Центральный Комитет был вне подозрений.

Это было уже слишком. Большевики традиционно считались наиболее идейными и дисциплинированными среди российских политических партий. Своим появлением в 1903 году они были обязаны как раз отказу от дилетантизма в организационной

жизни партии в Российской империи, и ленинская работа «Что делать?» была их постоянной настольной книгой. Реальность всегда оказывалась иной: за исключением нескольких последних месяцев большевики были так же неорганизованны и плохо дисциплинированы, как любая другая российская политическая партия. Да, Ленин пытался отвести критику от Центрального Комитета. Но ненароком он вдруг выпалил то, что у него было на душе. В своей революционной политике он придерживался принципа этнической иерархии. Для него немцы в культурном отношении стояли выше британцев и французов, которые в свою очередь стояли выше финнов, а уж до финнов, конечно, русским было далеко. Ленин испытывал постоянное раздражение от страны, в которой он теперь оказался. Не помогала даже бушевавшая в ней гражданская война, но он знал, что, даже без войны, Россия была наименее пригодным местом, где следовало делать революцию.

Следовательно, молодой Ленин, жаждавший превратить Россию в «европейскую», «западную» страну, не ушел в небытие. На конгрессе Коминтерна он разыграл русскую карту: большевики начали социалистическую революцию, и остальная Европа должна была согласиться строить свою жизнь по российскому образцу. На Восьмом съезде партии он упрекал большевиков в чрезмерной русскости. В результате вспыхнул ожесточенный спор: с критикой в его адрес выступили некоторые ведущие большевики, которые были его содокладчиками на конгрессе Коминтерна. Осинский обвинил Ленина в дилетантизме при управлении партией и государством; Бухарин стал выговаривать ему за недостаточный радикализм проекта программы партии. Чем дальше, тем больше. Предоставление государственной независимости Финляндии было охарактеризовано как фиаско ленинских надежд на появление Финской Советской Республики. Ленин попал в столь тяжелое положение, что предпочел позволить другим выступить в защиту Троцкого по вопросу об организации Красной Армии. И все же от выступления в прениях увильнуть ему не удалось, поэтому, когда на закрытом съезде развернулась дискуссия, он не только поддержал Троцкого, но и обрушился на Сталина, обвиняя его в чрезмерных потерях на Южном фронте. Выпустить из рук руководство партией он позволить себе не мог.

Почти по всем основным моментам он своего добился. Пришлось пойти на небольшой компромисс в «военном вопросе»; понадобилось подобрать несколько обтекаемых определений по

«национальному вопросу»: лозунг «реальная свобода отделения для наций» показался слишком радикальным для большинства делегатов. Но успешнее всего он провел свою линию по «аграрному вопросу». Съезд согласился с необходимостью привлекать на свою сторону колеблющиеся слои крестьянства. Возможно, этому помогло и то, что к концу заседания разнеслась новость о вспыхнувшей в Венгрии социалистической революции. По такому случаю Ленин встал. Подняв вверх сжатый кулак, он продефилировал к краю сцены и — во всю силу легких — возвестил аудитории: «Мы убеждены, что это будет последнее тяжелое полугодие». Затем он подчернул, что международный империализм все еще не побежден. Но это его мало беспокоило. «Этот зверь, — заявил он, — погибнет и социализм победит во всем мире».

23

Экспансия революции

Апрель 1919 — апрель 1920

Через полтора года после Октябрьской революции большевики заложили фундамент уникального государства, которое просуществовало в России семьдесят лет, а после второй мировой войны стало моделью для коммунистических режимов, правивших на третьей части населенной территории земного шара. В нем была одна правящая партия. В нем законодательная, исполнительная и судебная власти подчинялись власти политической. Реальным верховным государственным учреждением была партия, и Ленин был де-факто верховным вождем этого учреждения.

Сделано было пока далеко не все. Партия не до конца подчинила себе остальные государственные органы. В некоторых отношениях она и не пыталась. После того как Политбюро утверждало персональные назначения, Красная Армия могла действовать без помех, а ЧК, находившаяся под защитой Ленина со дня ее создания, никогда не подвергалась сколько-нибудь серьезным наказаниям за многочисленные «эксцессы». Таким образом, государство не было настолько жестко координированным, как этого требовали политические доктрины ленинизма. Более того, некоторые аспекты развитого однопартийного государства пока еще не были разработаны. Не было принято решение относительно постоянного согласования конституций различных Советских республик. Не существовало исчерпывающего плана борьбы с представителями бывшей социальной верхушки после победы в гражданской войне. Партийная стратегия пока не касалась создания новой социалистической культуры, условий

работы, оплаты труда и предоставления отдыха, и даже долгосрочных перспектив роли партии в однопартийном государстве. Широкие бреши зияли в ленинской теории диктатуры, демократии, социальной справедливости и прав человека. Несмотря на то что в общих чертах архитектура государства была уже определена, предстояло доработать множество деталей советского государственного строя.

Весной 1919 года было неясно, как долго простоит государственное здание. Белые все еще были уверены в том, что их дело восторжествует и вскоре они изгонят красных из Кремля. Гражданская война в России не была одноплановой. Одновременно велась другая гражданская война, война местная, между российским крестьянством с одной стороны и любыми армиями — белыми или красными — поблизости. В каждом из окраинных регионов бывшей Российской империи, кроме того, велись свои гражданские и этнические войны. Но Ленин занимался только одной из этих войн: войной, которую вела Красная Армия на трех огромных подвижных фронтах против белых сил Колчака, Деникина и Юденича. Красные командиры полагали, что, если и как только эта война будет выиграна, они легко добьются победы в остальных, а руководимое Лениным Политбюро добавляло, что такая победа станет лишь предисловием к последующим главам дальнейшей революционной экспансии в Центральную и Западную Европу.

Но могли ли они выиграть гражданскую войну в России? Ленинское предсказание в марте 1919 года о «последнем тяжелом полугодии» для большевиков оказалось не таким уж далеким от действительности. Военная кампания развивалась в пользу красных. Продвижение адмирала Колчака в глубь Центральной России было остановлено в апреле, а в июне Красная Армия вернула город Уфу и весь Южный Урал. Ленин неустанно подхлестывал своих комиссаров и командующих. Он требовал умножения усилий и безжалостности. В случае отсутствия немедленных успехов он предрекал роковой конец.

В телеграмме Реввоенсовету в свой родной город Симбирск, где временно располагался штаб Восточного фронта и готовилось наступление на Колчака, он требовал: «Если мы до зимы не завоюем Урала, то я считаю гибель революции неизбежной. Напрягите все силы»[1]. Со стратегической точки зрения это было полным нонсенсом: убедительной причины, по которой Колчака следовало разгромить до конца осени, не существовало. Ленину хотелось лишний раз подстегнуть подчиненных. Ему на-

столько нравилась фраза о гибели революции, что он использовал ее еще раз в тот же день в телеграмме Реввоенсовету совершенно другого фронта, в Киеве, в пятистах милях к юго-западу от Москвы[2].

Город Пермь, где красные потерпели сокрушительное поражение в декабре 1918 года, был возвращен в июле 1919 года, а Колчак бежал в глубь Сибири, откуда уже не вернулся. Верховенство Колчака среди белого командования признавал Антон Деникин на юге России.

В июле 1919 года Деникин был готов начать собственное наступление на главную цитадель красных. Для этого он разделил свои силы на две части. Одна из них наступала через бассейн Дона, другая на север, по Волге. Стратегия Деникина была несложной. Он издал «Московскую директиву», предписывавшую двигаться с максимально возможной скоростью прямо по направлению к столице. Недавний разгром Колчака развязал красным руки, и они сумели укрепить оборону. Летом 1919 года они вытеснили Деникина назад на Украину. Эта новость была встречена в Кремле с неописуемым энтузиазмом. Наконец рассеялась реальная опасность того, что Деникин преуспеет там, где Колчак потерпел неудачу. Но Ленин постарался не афишировать свой восторг. Большевистский Центральный Комитет и Совнарком обошлись без празднований. Сам он не посвятил этому событию ни статей, ни речей. Война — это не марксистская теория и не экономическая политика. В войне нужно не рассуждать, а побеждать — любое теоретизирование только уменьшает шансы на победу.

От победы, по мнению Ленина, зависело все. Оправившись после попытки покушения в августе 1918 года, он по настоянию личного помощника, Бонч-Бруевича, согласился сняться в коротком фильме на территории Кремля. Фильм должен был доказать, что Ленин все еще жив. Сценарий представления с участием Ленина и Бонч-Бруевича не слишком захватывающ:

Место действия: Ленин и Бонч-Бруевич стоят возле дерева на территории Кремля.

Реквизит: Ленин в костюме-тройке, а Бонч-Бруевич, как дурак, в плаще.

Действие: Ленин беседует с Бонч-Бруевичем, Бонч шутит, чтобы можно было увидеть живую реакцию Ленина на что-то сказанное Бончем.

Разговор: содержание разговора неизвестно.

Эффект фильма оказался ничтожным. В гражданскую войну все потенциальные зрители были заняты борьбой за пропитание и топливо, в российских кинотеатрах отсутствовала аппаратура, необходимая, чтобы воспроизвести образ председателя Совнаркома на экране. Кроме того, Ленин не смог расслабиться перед камерой; разговор с Бонч-Бруевичем оказался гораздо менее захватывающим для аудитории, чем фильмы 1917 года, в которых Керенский садился в поезда или приветственно махал восторженный толпам. Гораздо лучше Ленин выглядел на фотографиях, так как был привычен к фотосъемкам. После захвата власти он сначала запретил себя снимать, но запрет объяснялся отнюдь не застенчивостью, а прагматическими пропагандистскими соображениями. В июле 1917 года ему пришлось сбрить бороду, и отращивать ее снова он начал лишь после 25 октября 1917 года. До января 1918 года, пока Ленин снова не почувствовал удовлетворения своей внешностью, он не подпускал к себе официального фотографа. Несмотря на то что он поступал так в интересах рекламы своей партии и политики, у него не было дельных советчиков. Техника пропаганды еще несколько лет продолжала оставаться на любительском уровне, и каждый партийный лидер поступал в этом вопросе как бог на душу положит.

Тем не менее, уникальность Ленина как лидера партии получила общественное признание, и «Правда» все чаще стала выделять его в качестве объекта специального внимания. Кампания по созданию политического культа вождя начала разворачиваться всерьез только после покушения на его жизнь в августе 1918 года. Зиновьев написал его биографию. В партийных и государственных газетах одна за другой публиковались посвященные ему статьи. Повсюду расклеивались плакаты. Ни один большевик — за исключением Троцкого в Красной Армии — не удостаивался таких персональных почестей, как Ленин.

Формировался образ самоотверженного вождя, ставшего жертвой врагов человечества. Партийные литераторы называли его истинным сыном России, борцом за благосостояние масс, за просвещение и мир. Ленин начинал походить на советского Христа: ему приписывали сверхъестественную силу. Выздоровление возвели в ранг чуда; писателей не очень заботило, как это соотносилось с их воинствующим атеизмом. Посягнувшим на его драгоценную жизнь злодеям приписывали все мыслимые отвратительные качества. Прошел слух о том, что пули были отравлены смертельным ядом, которым смазывают стрелы южноамери-

канские индейцы. Другая легенда утверждала, что инспираторами покушения были государства Антанты. Как это ни абсурдно, но контрпропаганда врагов красного режима была так же далека от истины. Отпечатанные белыми плакаты и листовки можно считать прообразом творений нацистов. В них Ленин представал существом демоническим. Обычно его помещали рядом с Троцким, называя их главарями международного еврейского заговора, несущего смерть стране и всей мировой цивилизации. Борьба, кровь и мщение — вот неизбежные последствия для России, павшей жертвой ленинизма.

Ленин действительно по «этническому» происхождению был частично евреем. Но при том он оставался настоящим интернационалистом. Главный инициатор и идеолог всероссийской бойни питал ненависть к большинству форм российского патриотизма. Но все измышления белых относительно его руководства жидо-масонским крестовым походом против России-матушки были столь же нелепы, как и созданный для него красными ореол светского Христа Великой Социалистической Революции. В любом случае, демонизированный или освященный, Ильич исправно служил объектом политической пропаганды. Но он и не имел ничего против. Не обращал внимания на то, что говорили о нем белые, и, несмотря на то что его явно раздражали льстивые замечания, произнесенные в его присутствии, не слишком смущался культом Ленина и не пытался положить ему конец.

Скорее всего, он просчитал, что культ поможет консолидировать режим и упрочить его собственное положение. Он понимал необходимость приспособить свое политическое учение к сиюминутным обстоятельствам и знал, что большинство россиян, будучи либо крестьянами, либо их потомками, слабо разбирались в перипетиях общественной жизни. Учение партии должно вписываться в рамки народной культуры, объяснял он Максиму Горькому:

> «Ну а по-вашему, миллионы мужиков с винтовками в руках — не угроза культуре, нет? Вы думаете, Учредилка справилась бы с [их] анархизмом? Вы, который так много шумите об анархизме деревни, должны бы лучше других понимать нашу работу. Русской массе надо показать нечто очень простое, очень доступное ее разуму. Советы и коммунизм — просто»[3].

Горького шокировало открытие, что Ленин явно питал глубокую подозрительность к простым русским людям. Для Лени-

на они были одаренными детьми, которым еще предстояло пойти в школу. Так он думал не только о врагах партии — кулаках, священниках, купцах, банкирах и дворянах — но и о тех, кого партия была призвана лелеять: о низших социальных классах.

Несмотря на то что крестьяне вызывали в Ленине открытую неприязнь, даже рабочие раздражали его своей привязанностью к традициям религиозного календаря. Накануне летнего праздника св. Николая он воскликнул: «Мириться с „Николой" глупо. Надо поставить на ноги все чека, чтобы расстреливать не явившихся на работу из-за „Николы"»[4]. Ленин пояснил, что подобные превентивные меры следует предпринимать и в отношении праздников Рождества и Нового года. Ничего себе друг рабочих!

Нет необходимости говорить, что особую ярость он испытывал к представителям средних и высших классов. Например, он попрекал Зиновьева за попытку предотвратить погромы рабочими богатых кварталов Петрограда. Другой корреспондент получил от него следующую телеграмму, и вряд ли можно представить более исчерпывающее оправдание репрессий:

> «Нельзя не арестовывать для предупреждения заговоров всей кадетской и околокадетской публики. Она способна, вся, помогать заговорщикам. Преступно не арестовывать ее. Лучше, чтобы десятки и сотни интеллигентов посидели деньки и недельки, чем чтобы 10 000 было перебито. Ей-ей лучше!»[5].

Помимо прочего, похоже, что игра в террор доставляла ему порой искреннее удовольствие:

> «Покончить с Юденичем (именно покончить — добить) нам *дьявольски* важно. Если [его] наступление начато, нельзя ли мобилизовать еще тысяч 20 питерских рабочих плюс тысяч 10 буржуев, поставить позади их пулеметы, расстрелять несколько сот и добиться настоящего массового напора на Юденича?»[6].

Это его заявление было сочтено настолько возмутительным, что хранилось в строжайшем секрете до самого развала Советского Союза.

Каким же образом должны были его командиры выстроить тысячи жертв в тот момент, когда на них напирали войска Юденича? Тем не менее, командование Красной Армии хорошо уразумело, что для Ленина имеют значение только быстрые воен-

ные победы и что военным виднее, каким способом их добиваться. (Это ни в коей мере не служит оправданием его садистскому сибаритству.) Довольно короткий период времени, в октябре 1919 года, пока Юденич наступал из Эстонии, в Петрограде царила паника. Нервы Зиновьева не выдержали. Даже Ленин, хотя и продолжал выдавать тактические советы, сомневался в возможности отстоять город. Троцкий наслаждался редкостным случаем, когда он мог потребовать к себе более доверительного отношения. Нужно было защитить революцию и спасти Петроград. Старая столица являлась символом революции. И он бросил все силы на оборону. Красная Армия, даже без живого щита из арестованных буржуев, рассеяла силы Юденича, а так как в то же время Деникин готовился к эвакуации своей армии из Киева, то стало ясно, что решающие битвы гражданской войны уже позади. Красные овладели сердцевиной Российской империи. В Москве, Петрограде и Киеве прочно обосновались большевистские администраторы.

Иностранные державы по военной мощи превосходили красных, но внутренние препятствия помешали их вооруженной интервенции в Россию. Решающим фактором стали выступления их социалистических партий. Хотя Ленин никогда не пользовался у социалистов популярностью, за исключением крайне левых групп, все же среди них преобладало нежелание раз и навсегда покончить с большевиками. Солдат, сражавшихся и победивших в мировой войне, не прельщала перспектива идти в бой против Красной Армии. Победоносные союзники — Франция, Соединенное королевство, США и Италия — решили снять экономическую блокаду с России. Киев, занятый Деникиным летом 1919 года, вернулся в руки красных в декабре. Советские республики, впервые созданные зимой 1918–1919 годов, начали возрождаться. Ленин искал в Европе место, куда можно было бы перенести «социалистическую революцию». Он подумывал о Северной Италии и поглядывал на чешские земли в надежде, что они могут стать мостом, по которому Красная Армия промарширует в Германию. Временно ему пришлось оставить мысли о Венгрии, где коммунистическое государство Белы Куна* в Будапеште пало под ударами контрреволюции в августе 1919 года. Но он продолжал стремиться к разжиганию «революционной войны».

---

* *Бела Кун* (1886–1938) — один из организаторов (1918) и руководителей КП Венгрии, нарком иностранных дел и нарком военных дел Венгерской Советской республики 1919 года. В 1916 году попал в Россию как военнопленный, тогда же вступил в РСДРП(б). После падения Венгерской Советской республики снова оказался в России.

У него не укладывалось в голове, что Советская республика сумеет выжить, если какая-либо братская социалистическая партия не захватит власть в своей стране и не свергнет капитализм. Революция должна была укрепляться в России и разгораться в Европе — два процесса усилили бы друг друга.

Ленин уже начал обдумывать, как его партия и правительство займутся послевоенной реконструкцией государства. Со дня Октябрьской революции, а особенно с середины 1918 года, политическая линия развивалась в одном направлении. Прочим партиям почти не осталось места для работы. На левых социалистов-революционеров велась настоящая охота. Социалисты-революционеры, учредившие правительство Комуч, считались контрой, хотя некоторым отдельным членам их партии было разрешено работать в гражданских учреждениях и даже в вооруженных силах красных. Меньшевики продолжали выпускать несколько газет, но их постоянно третировали, и их лидеры могли в любой момент оказаться за решеткой. Фактически всеми делами в однопартийном государстве заправлял Совнарком. Ему практически принадлежала монополия на все, что можно было напечатать. Он провозгласил непререкаемую правоту марксизма. Им были формально национализированы промышленный, транспортный и банковский секторы экономики и введены массовые официальные запреты на частное предпринимательство в торговле и сельском хозяйстве. Совнарком начинал предлагать национальную и этническую автономию регионам с нерусским населением, но намеревался оставить унаследованное от Романовых многонациональное государство в неприкосновенности, невзирая на настроения его граждан. Такое положение дел радовало Ленина. Вождь одобрял предлагаемые планы, даже если сам не участвовал в их разработке.

Но разве можно было обосновать правильность коммунистической экономики военного времени? Главный теоретик Совнаркома, Ленин, не стал утруждать себя оправданиями. Стараясь объяснить его политику в период гражданской войны, некоторые историки допускают, что толчком к ней стали неожиданные и непредсказуемые обстоятельства, возникшие после октября 1917 года[7]. На Западе более популярна версия о военном коммунизме, как изначальной ленинской цели, которая до прихода к власти держалась им в секрете. Похоже, что обе точки зрения неверны. Меньшевики и эсеры часто предупреждали Ленина о том, что может последовать за захватом власти его партией. Он решил не обращать внимания на их предсказания.

Но, поступив таким образом, он действовал не по какому-то грандиозному секретному плану, а сообразно с собственными представлениями о революции. Это позволило ему невероятно быстро менять политическую линию в зависимости от ситуации. Выступая за увеличение государственной экономической собственности до масштабов, превышавших даже его собственные дооктябрьские прогнозы, он, по-видимому, опирался на ряд оперативных предпосылок. Он считал правильным централизм, государственный контроль, принуждение и классовую борьбу; ненавидел частное предпринимательство и стремился сокрушить паразитирующие на этом социальные группы. В то же время, наблюдая за усилением государственной власти в капиталистических странах в первую мировую войну, Ленин мог предположить, что социалистическая диктатура в России должна стремиться к еще большей степени ее концентрации.

Кроме того, Ленин обличал беззакония кулаков (расстрел для них был бы слишком мягким наказанием), фабрикантов и банкиров (почему бы им не лишиться своих фабрик и банков в пользу государства?). Он доказывал необходимость искоренения зависти, алчности и воровства. Ратовал за создание полностью социалистической экономики и надеялся, что текущая политическая линия сможет поднять на ноги промышленность, сельское хозяйство, транспорт и торговлю. С течением времени он все больше убеждался в привлекательности своей линии. После окончания гражданской войны ее следовало развивать дальше.

В этом он показал себя типичным большевиком своего времени. Относительно путей наилучшего управления партией и государством, преобразования общества и экспорта революции за границу он добился консенсуса. Конечно, некоторые фракции, группировки и отдельные индивиды нарушали соглашение. Демократические централисты продолжали требовать для низовых партийных организаций возможности оказывать влияние на Центральный Комитет и все более настойчиво добивались определенной степени автономии Советов от партии. Фракция рабочей оппозиции пошла гораздо дальше. Вслед за Александром Шляпниковым и Александрой Коллонтай многочисленные критики обрушились на Ленина за нарушение его собственных заповедей 1917 года. Они требовали для рабочих и крестьян расширения полномочий в делах экономики и общественной жизни, призывали к участию профсоюзов и Советов в политическом управлении наряду с партией и настаивали на демократизации политических структур. Это уже был открытый афронт ле-

ленинскому большевизму в том виде, какой он приобрел после Октябрьской революции. Ленин разделался с ним без жалости. Фракционисты получили распоряжение Секретариата ЦК о переводе на работу вдали от главных промышленных центров России. Лидеров демократических централистов в массовом порядке сослали на Украину, где они не могли вставлять палки в колеса центральному руководству.

Не обошлось без разногласий среди самих членов Центрального Комитета. Главными возмутителями спокойствия были демократические централисты и рабочая оппозиция. Но обнаружились и другие, неожиданные камни преткновения. Каменев и Бухарин пожаловались на произвол, процветавший в ЧК при попустительстве Ленина. Правда, здесь Ленин сумел предотвратить реформы; ЧК продолжала осуществлять красный террор, не связывая себя необходимостью передавать свои жертвы в Народный комиссариат юстиции.

Ни Каменев, ни Бухарин не питали столь сильного доверия к юридическим процедурам, чтобы настаивать на своих предложениях, а Ленин пошел на небольшую уступку Бухарину, предложив ему должность представителя Центрального Комитета при председателе ЧК Дзержинском. Но в другом спорном вопросе, поднятом в Центральном Комитете, по мнению Ленина, не было места для компромиссов. В данном случае его оппонентом выступил не кто иной, как Троцкий, чья поездка на Уральский фронт убедила его в необходимости изменения экономической политики партии. В феврале 1920 года Троцкий выступил за частичную отмену реквизиций зерна. Он мотивировал свою позицию тем, что государственные кампании по экспроприации создают порочный круг: спрятанное крестьянами продовольствие — насилие государства — уменьшение посевных площадей — крестьянские восстания. Вместо сплошной продразверстки он предлагал ввести ограничение на количество реквизируемого зерна. Крестьянским хозяйствам, заявил Троцкий, следует разрешить продавать излишки хлеба. Круг следовало прорвать, чтобы покончить с голодом, разрухой и хаосом в стране.

Предложение было сделано из чисто прагматических соображений. Троцкий не больше любого другого большевистского лидера был склонен выражать благородное негодование от имени крестьянства. Его тревожила перспектива развала сельского хозяйства. Обычно Ленин остро чувствовал необходимость приспособления политического курса к практическим обстоятельствам. Но не на этот раз. В 1918–1919 годах, решая вопрос по-

ставок продовольствия, он избрал в качестве официальной экономической политики государственную монополию. На протяжении всей гражданской войны он заявлял, что нехватка зерна не достигла критической величины. Прячущие хлеб кулаки, провозглашал он, начало и конец всей проблемы. Из этих соображений он отверг диагноз Троцкого. Заседание ЦК прошло в бурных дебатах, Ленин и Троцкий беспощадно критиковали друг друга. Ленин настолько разгорячился, что обвинил Троцкого в поддержке «свободной торговли»[8]. Намек на политику британских капиталистов девятнадцатого века был особенно болезнен для Троцкого, который терпеть не мог, когда его сравнивали с Ричардом Кобденом, Робертом Пилом и Джоном Брайтом. Ленинские слова были несправедливы, ведь Троцкий не предлагал провести неограниченную или постоянную аграрную реформу; он даже не собирался распространять ее на всю страну. Но Ленин не сомневался, что большинство на его стороне, и одержал убедительную победу одиннадцатью голосами против четырех.

Обычно в ходе споров в ЦК Ленин держал себя в руках. В данном случае его возмутила наглость Троцкого, посмевшего давать советы относительно экономической политики, когда ему следовало заниматься собственным Наркоматом военных дел. Ленин привык иметь решающее слово по всем гражданским вопросам повестки дня. Кроме того, он был уверен, что партии, однажды взобравшейся на вершину государственной монополии, не пристало с нее скатываться. Он выглядел разгоряченным, но уверенным в себе. В будущем Троцкий не должен сметь доставлять ему хлопоты и раскачивать его политический корабль.

Даже Ленин, с его легендарной способностью к принятию прагматических решений в критические для партии моменты, тоже допускал промахи, когда его глаза заторивала идеология. Преимущество Троцкого заключалось в возможности наблюдения за провинциальной Россией во время поездок по фронтам. Опыт общения со страной после Октябрьской революции ограничивался у Ленина Москвой, Петроградом да горсткой деревень в Подмосковье — помимо этого у него были только письма и устные беседы в Кремле. Но это не объясняет неразумного отрицания Лениным предложения Троцкого. Ленин гораздо лучше, чем принято считать, понимал ситуацию в России. Ежедневно он гулял по улицам вокруг Кремля, а когда телохранители жаловались на его несерьезное к ним отношение, он обвинял их в ущемлении гражданских прав советского гражданина применительно к председателю Совнаркома[9]. Улицы столицы теперь не

отличались от улиц любого другого города. Ленин часто встречал попрошаек, нищих и голодных. Он видел хаос и беспорядки. В него самого стреляли. Его грабили бандиты. Он не мог даже рассчитывать на честность приставленных к нему телохранителей: вспомнить хотя бы тот незабываемый случай, когда он на короткое время оставил в прихожей пальто, а вернувшись, обнаружил, что один из телохранителей стащил его «браунинг»[10].

Интересная получалась диктатура, когда любая мелкая сошка ни в грош не ставит верховного вождя! Только когда Ленин устроил грандиозный скандал, револьвер ему вернули. Предстоял долгий путь, прежде чем большинство рядовых рабочих и крестьян одолеет постулаты марксизма и станет вести себя так, как положено дисциплинированным социалистам. В самом Кремле уборщица заявила прямо в лицо Ленину, что ей все равно, кто у власти, платили бы только за работу[11]. Но Надежда Константиновна припасла для него еще более удручающую историю. Одна работница Наркомата просвещения заявила ей, что не собирается выходить на работу по той простой причине, что сейчас все рабочие стали хозяевами, а лично ей на работу идти не хочется[12]. Затем был переход Ленина с Надеждой Константиновной через один из московских мостов. Мост требовал ремонта, и какой-то прохожий крестьянин заметил: «мост-то советский, извините за выражение»[13]. Вскоре Ленин стал использовать слово «советский», как уничижительный эпитет[14]. Его бесконечно раздражала любая недобросовестность на работе и в повседневной жизни, но до Октябрьской революции он не мог предположить, что это станет массовым явлением.

Отношение Ленина к мелочам не нравилось Надежде Константиновне, которую привел в ужас его отказ критиковать рабочих, растаскивавших доски со строительства государственного дома: «Вы, Владимир Ильич, мыслите широкими категориями. Такие мелочи до вас не доходят». Она использовала вежливую форму русского местоимения «Вы» — и, возможно, такая словесная вежливость должна была подчеркнуть недовольство его спокойствием.

Но Ленин не смолчал и напомнил ей, что рабочим древесина нужна на дрова: промерзших, несознательных мужчин и женщин не в чем винить. Если рабочие замерзнут, они умрут. И вот тут Надежда Константиновна увидела в его глазах проблеск затаенной тревоги. Дело в том, что он постоянно стремился побудить рабочий класс к жестокости и насилию. Когда его товарищ и член Центрального Комитета Зиновьев попытался сдержать нападе-

ния на представителей среднего класса в Пет ограде, Ленин разбушевался. Из Москвы он прислал телеграм у, угрожая всяческими карами, если только погромы не пол чат политической санкции. Как приверженец классовой борьбы , Ленин интуитивно чувствовал необходимость поддержать стремление масс к социальному мщению. Наилучшим средством для этого явилась гражданская война. Ни один классовый враг, говорил он, не должен чувствовать себя спокойно при советской власти. Одной ЧК не под силу охватить все. Рабочих тоже следовало спустить с поводка. Единственная проблема заключалась в том, что у него не было плана обуздания потока их жгучей ярости на тот случай, если Российская коммунистическая партия и Красная Армия одержат победу над белыми.

Наилучшим способом сдерживания рабочих Ленин считал жесточайший контроль. То же самое он думал о солдатах, матросах и крестьянах. По его мнению, главной целью внутренней социальной политики являлась надежная защита предпосылок экономических преобразований. Ради этого он был согласен повременить с немедленным удовлетворением потребительских нужд общества. Он объявил государственным приоритетом подъем производительности труда в городе и деревне[15]. Голод, болезни и бездомность некоторое время еще будут оставаться насущными проблемами, пока Совнарком не возьмется за их решение. Первоочередной задачей для Ленина было увеличение производства продукции в сельском хозяйстве и промышленности. Он действовал в характерном для себя стиле. Будучи еще молодым человеком, в 1890-е, он уходил от вопроса, когда другие революционеры, включая сестру Анну, пытались обратить его внимание на положение голодающих поволжских крестьян. В то время он доказывал, что обнищание крестьянства есть благо, так как способствует развитию российской промышленности. Теперь, в 1920-е, он ставил макроэкономические преобразования выше необходимости накормить, дать кров и лекарства широким народным массам. И никто в центральном руководстве партии не думал иначе.

И все же по некоторым частным вопросам он не боялся идти на уступки. Когда, например, Коллонтай рассказывала ему о тех или иных злоупотреблениях, он удовлетворял ее просьбы. Затем, встречая ее на каком-нибудь официальном совещании, интересовался: «Ну, как? Вы удовлетворены? Теперь, когда мы сделали то-то и то-то». Но успокоить Коллонтай было не так-то легко. Очень часто она отвечала примерно так: «Да, но наши дела все еще идут плохо там-то и там-то. Там мы что-то упустили»[16].

Примерно в той же манере он поддержал новое предложение Троцкого. В январе 1920 года все признаки указывали на возможное скорое окончание военных кампаний. Красные разбили силы белых в России, а последняя белая армия — возглавлявшаяся после отставки Деникина в апреле 1920 года генералом Врангелем — организовывала последний рубеж обороны в Крыму. Задача Красной Армии по возвращению остальных национальных (нерусских) регионов рассматривалась как не представляющая чрезмерных трудностей. Единственным непредсказуемым фактором оставалась международная ситуация. Но, при условии невмешательства великих держав, Политбюро могло рассчитывать на скорое воссоздание Российской империи уже в социалистической форме.

С началом дискуссий о демобилизации Троцкий выступил с необычной инициативой. Он предложил создать из новобранцев-красноармейцев «трудовые армии» и направить их на восстановление экономики. В условиях воинской дисциплины они могли бы с большей эффективностью, чем существовавшая городская рабочая сила, приводить в рабочее состояние дороги, здания, шахты и промышленные предприятия. Из речи Троцкого следовало, что «милитаризация труда» может даже стать долговременным фактором экономики. Ленин предложение одобрил. Но сделал он это в смягченной форме, позаботившись о своей репутации. Рабочие армии наверняка вызовут недовольство у призывников и их близких. Не понравятся они и гражданским рабочим, которые обязательно усмотрят в них усиление авторитарности официальной трудовой политики. Соглашаясь с Троцким в том, что трудовые армии, по крайней мере, помогут в кратчайшие сроки решить насущные экономические задачи, он позаботился о том, чтобы его выступление по данному вопросу на Московской губернской партконференции было передано в «Правде» лишь в общих чертах. Ленин отлично понимал, что он сам и его режим пользовались не настолько сильным доверием у рабочего класса, военнослужащих и крестьянства, чтобы без нужды восстанавливать их против себя с помощью дисциплинарной риторики Троцкого.

Ленин был идеологом, но при достижении идеологических целей он проявлял недюжинную гибкость политика. Подходящим примером может служить его подход к «национальному вопросу». После изгнания Деникина из Украины Ленин настоял на восстановлении Украинской Советской Республики. Он знал, что большевиков ждет не слишком радушный прием. Крестьяне рав-

но ненавидели красных и белых, и лишь небольшая горстка этнических украинцев примкнула к фракции большевиков до 1917 года. Ленин рассудил, что управлять Украиной будет невозможно без привлечения политических группировок, которые в свое время были противниками большевиков. С этой целью он убедил центральное партийное руководство в необходимости санкционировать включение «боротьбистов»* в состав коммунистической партии. Решение было просто гениальное. Боротьбисты являлись социалистами-революционерами, а в России социалисты-революционеры преследовались большевиками. Но Ленина не беспокоила непоследовательность. Боротьбисты, в большинстве своем, были этническими украинцами; к тому же они были социалистами. Они сумеют подобрать контингент руководителей Советов, устраивающих украинское население. Одновременно Ленин принял меры, чтобы евреи, чуждые по духу украинскому крестьянству, не могли занимать административные должности в заметно большом количестве. Украинское самолюбие не следовало уязвлять.

Ленин объяснял Каменеву: «Давайте мы, великороссы, проявим осторожность, терпение и т. п. и понемножку заберем опять в руки всех этих украинцев, латышей...»[17]. Таким образом, он хотел дать возможность большевикам продолжать делать вид, что Украинская Советская Республика является по-настоящему независимой от России и что двусторонний договор основан на равенстве двух государств. В действительности правительство Украины останется под жестким контролем Российской коммунистической партии и ее центрального аппарата в Москве, а Украинская коммунистическая партия будет работать, как подчиненная региональная партийная организация.

Это было разумное, безжалостное решение, и Ленин остался доволен результатом. Он поступил неосмотрительно, отвергнув предложение Троцкого об ограничении количества реквизируемого зерна, но пока еще ему не пришлось платить за свое упрямство. Главное для Ленина заключалось в том, что красные выстояли и победили в гражданской войне. Их учреждения, методы работы и политические установки прошли закалку в горне военного конфликта, и он считал, что они вполне годятся для того, чтобы выиграть мир. Он был счастлив и в минуты отдыха имел полное право быть собой довольным. Такие минуты выдавались очень редко. Бремя служебных обязанностей было колос-

* *Боротьбисты*, украинская партия левых эсеров в 1918–1920 годах. Входили во Всеукраинский ревком. Самоликвидировались.

сальным. Ленин держал в руках все рычаги политической жизни. Он председательствовал на Политбюро и в Центральном Комитете. Он возглавлял Совнарком. Он занимал пост председателя Совета Труда и Обороны. Он следил за работой Оргбюро и Секретариата. Он жил революцией и жил в невероятном напряжении. Он полностью реализовал свои таланты. Не было такой физической угрозы режиму, с которой, по его мнению, его партия, его правительство и его вооруженные силы не могли бы справиться — а Коммунистический Интернационал занимался созданием коммунистических партий по всей Европе. Дело, которому он посвятил всю свою зрелую жизнь, успешно продвигалось вперед.

Только в личном плане его жизнь не была столь успешной, как могла бы быть. Здоровье не улучшалось, головные боли, бессонница и сердечные приступы причиняли массу неудобств. Он пытался не обращать на все это внимания и продолжать работать. Но в это же время он лишился привычной поддержки от семьи. Анна Ильинична горевала о муже, Марке Елизарове, умершем в марте 1919 года. Мария Ильинична была поглощена работой в «Правде» на должности «ответственного секретаря». Надежда Константиновна, у которой в кремлевской квартире была своя комната[18], в июле отправилась в агитационную поездку по Волге на несколько месяцев. Сразу после отъезда Надежды Константиновны приехал из Крыма Дмитрий Ильич. Братья не виделись более десяти лет и отправились поплавать на озеро Пахра близ Подольска. Поездка приобрела ностальгический оттенок: в 1897 году, когда Ленин находился в сибирской ссылке, его семья снимала дом неподалеку. В 1919 году он вздумал порисоваться перед Дмитрием и отказался обтираться полотенцем[19]. Все выглядело так, словно они снова были юношами, когда купались в речке Свияга в Симбирске. Ленин даже отважился сыграть в городки с Николаем Бухариным, которому обычно проигрывал[20], а затем с удовольствием прокатился по Москве с приемным сыном Анны Ильиничны, Горой Лозгачевым.

Но подобные эпизоды существенно не влияли на общую ситуацию: Ленин чувствовал себя не лучшим образом как физически, так и эмоционально. И виноват в этом был он сам. Поездка Чади вниз по Волге на колесном пароходе «Красная Звезда» таила в себе риск либо заразиться тифом, либо попасть в руки антибольшевистских армий или бандитов. Ее, даже при большом воображении, никак нельзя было считать отдыхом. (Александра Коллонтай, любительница приключений, предприняла аналогич-

ную поездку год назад и, без сомнения, она сильно рисковала)[21]. Надя собиралась выступать с речами перед рабочими и крестьянами в каждом пункте остановки. Она не могла яснее показать, как ей хочется освободиться от Москвы, от Кремля и от Ленина. Их брак почти наверняка вступал в один из наименее счастливых периодов. В числе основных причин охлаждения, вполне возможно, лежало отношение Ленина к Инессе Арманд. Когда в здании Московского городского комитета партии террористы устроили взрыв, именно Инесса прибежала в Кремль предупредить Ленина[22]. Инесса продолжала хранить ему преданность. Возможно, он отвечал тем же; возможно, нет. Тем не менее, в его отношении к Надежде Константиновне, должно быть, было достаточно грубости, если она решила, что ей нечего терять, и отправилась на Волгу.

Возможно также, она думала, что он станет ценить ее больше, если она на некоторое время его покинет. Если цель состояла в этом, то она сделала правильно. Он часто писал ей нежные письма и эти послания — единственные за весь их долгий совместный путь, которые Надежда Константиновна сохранила. Несколько фраз вполне передают их общую тональность:

«Дорогая Надюшка!

Очень рад был получить от тебя весть. Я уже дал одну телеграмму в Казань и, не получив на нее ответа, послал другую в Нижний [Новгород], откуда сегодня ответили, что «Красная Звезда» 8/VII должна быть в Казани и простоит там не менее суток... Мы живем по-старому: отдыхаем на «нашей» даче по воскресеньям...

Крепко обнимаю, прошу писать и телеграфировать чаще.

Твой В. Ульянов.

NB: Слушайся доктора: ешь и спи больше, тогда к зиме будешь вполне работоспособна»[23].

Партийные руководители на местах информировали его о поездке[24]. Новости приходили нерадостные: ее беспокоили сердце и комары, но она и слышать не хотела о лечении. Вдали от ленинского присмотра она не терпела указаний, как ей себя вести.

В любом случае, их личные взаимоотношения никогда не были главным в их жизни. Они жили для революции; и когда Ленин уговаривал ее поправить здоровье, чтобы продолжать работать, он выражал их общий взгляд на жизненные приоритеты. В мировоззренческом отношении они оба были оптимистами. И все

ак, Ленину было бы весьма полезно присоединиться к жене на Красной Звезде» и воочию увидеть разоренное Поволжье. Москву, несмотря на всю ее убогость, не затронули военные действия. Это помогает понять, почему Ленин зимой 1918–1919 годов не терял уверенности в себе. Вскоре ему и его партии предстояло столкнуться с рядом новых трудностей. Власть в стране не была такой крепкой, как ему представлялось. Экономика полностью развалилась. Назревали восстания в деревне и в армии. Уже начались забастовки рабочих. С распространением революции на запад не все пойдет гладко, даже если для этого появится возможность. В апреле 1920 года Ленин согласился присутствовать на торжествах, организованных большевистской партией в честь его пятидесятилетия. Произносились хвалебные речи, и он явно смущался. Но, несомненно, он остался доволен тем, что его день рождения был отмечен ближайшими соратниками с такой великой радостью. Ему еще предстояло обнаружить, что положение в стране было гораздо хуже, чем все эти льстецы — да и он сам — могли себе представить.

24

Поражение на Западе

1920

Ленин приобретал репутацию политика, для которого управление Россией оказалось важнее задачи разжигания «Европейской социалистической революции». Его начали считать примитивным российским националистом, который забыл про свои обязательства перед международным социализмом. Это глубокое заблуждение, и удивительно, почему многие историки продолжают разделять его по сей день[1].

Новейшие архивные исследования свидетельствуют в пользу традиционной точки зрения на то, что рвение Ленина к распространению Октябрьской революции никогда не угасало. В 1918 году, после вывода германских войск из страны в конце первой мировой войны, он был готов двинуть Красную Армию за границу, и только превосходящая мощь Германии удержала его от этого шага. Но глубокая убежденность Ленина в необходимости революционных преобразований в Европе оставалась непоколебимой. Он был готов спровоцировать политические волнения на Западе, играя на разногласиях между победившими в мировой войне державами Антанты. Сформулированные еще до революции доводы оставались прежними и в 1920 году: «Мы всегда подчеркивали, что в одной стране нельзя совершить такое дело, как социалистическая революция, нельзя...»[2]. Ленин, как практически каждый большевистский лидер, считал создание братских социалистических государств по всей Европе непременным условием полной победы социализма в Советской России. Шансы изолированной России выглядели безнадежными. Территориальная целостность и послевоенное экономическое

оздоровление будут продолжать подвергаться опасности, пока Европа в целом не встанет на сторону России.

Средства достижения этой цели для Ленина значения не имели. Как в 1917 году, он надеялся, что грядущие революции не потребуют помощи от России; но был готов способствовать ускорению и укреплению этого процесса, оказывая финансовую, пропагандистскую и методическую поддержку. Кроме того, он все еще рассчитывал ввести в бой силы Красной Армии. В доверительных беседах он давал волю своим чувствам. «Как только мы будем сильны настолько, чтобы сразить весь капитализм, мы немедленно схватим его за шиворот»[3]. Европа оставалась ключевым пунктом в стратегических расчетах Ленина.

Удобный случай для действия подвернулся неожиданно. Стычки между российскими и польскими вооруженными отрядами происходили регулярно, с самого конца первой мировой. После завершения гражданской войны в России встал вопрос о возможности установления контроля Красной Армии в пределах бывших границ Российской империи. Поляки не имели намерения потерять свою государственность. Их главнокомандующий Юзеф Пилсудский, осуществляя план присоединения Украины к федеральному государству со столицей в Варшаве, 7 мая 1920 года занял Киев. Пилсудский был давно и хорошо известен Ленину. В ходе кампании по подавлению революционной активности, проведенной в 1887 году вскоре после попытки покушения на императора Александра III, организованной террористической группой, в которую входил брат Ленина Александр, Пилсудский был арестован охранкой и отправлен в ссылку. Отбыв пять лет в Сибири, он вернулся, чтобы возглавить Польскую социалистическую партию. В русско-японскую войну 1904–1905 годов он, так же как и Ленин, занял прояпонскую позицию. Подобно Ленину, он санкционировал вооруженные ограбления в целях пополнения партийной кассы (Пилсудский, настоящий человек действия, лично принимал участие в «эспроприациях»). В 1912–1914 годах Пилсудский и Ленин жили в одном и том же районе австрийской Польши. Они пили кофе в одном кафе, а большевистская фракция Ленина получала поддержку от «Союза стрелков» Пилсудского в борьбе с тайными агентами «охранки».

Ленин и Пилсудский сходились во мнении, что враг врага может быть другом. Оба ненавидели династию Романовых, но практически во всех остальных вопросах расходились коренным образом. Без сомнения, они признавали силу характеров друг друга;

оба были прирожденными лидерами. Для Ленина Пилсудский являлся пешкой англо-французского империализма. Для Пилсудского Ленин не отличался от прежних царей. Польшу надо было защищать, и Пилсудский верил, что государственное слияние Польши и Украины могло стать ключом к обеспечению безопасности Польши.

В Москве воцарилась паника. Бывший генерал Брусилов призвал затаившихся на время гражданской войны царских офицеров записываться в Красную Армию и помочь освобождению «Отчизны». Красная Армия перегруппировывалась. Троцкого и Сталина отправили на Западный фронт укреплять большевистский контроль в войсках, и вскоре Пилсудский был отброшен назад на польскую территорию. Но к тому времени польско-советская война попала в центр международного дипломатического внимания. Начались переговоры об установлении постоянной демаркационной линии и мире. К работе над проектом перекройки карты, удовлетворяющим обе стороны, был привлечен британский министр иностранных дел.

Но после того как Пилсудский отступил, Ленин передумал и решил, что пришло время начинать «революционную войну», которую левые коммунисты требовали от него еще в 1918 году. Что именно убедило его в достижимости победы, сказать трудно. Но он всегда верил в «спелость» Европы для революции и в эффективность военных способов достижения этой цели. Экстренно созданный им план поражал захватывающим размахом. Польша должна была стать всего лишь первым трофеем революционной войны. Последующие шаги должны были быть направлены на «советизацию» соседних стран, скорее всего Чехословакии, Венгрии и Румынии. Затем, как будто задним числом, он предложил по ходу действия советизировать Литву. Кроме того, он мечтал, что итальянские крайне левые социалисты организуют в северных городах страны собственную революцию[4]. Главным призом, Германией, следовало завладеть в ходе той же самой кампании. Как только падет Варшава, Красная Армия ворвется в Восточную Пруссию и покатится на Берлин. Ленин надеялся, что польские и германские «пролетарии» радостно встретят красных из России и поднимутся против своих «буржуазных» правительств. Глядя на собравшихся летом 1920 года в Смольном институте делегатов Второго конгресса Коминтерна, Ленин предвкушал как вскоре он сможет обратиться к ним как к народным комиссарам их собственных правительств, созданных по советскому образцу.

Соратники Ленина разделяли его мечты, но не рассуждения. В отличие от него, они имели непосредственный опыт стоявших перед Красной Армией трудностей: растянутые линии коммуникации и снабжения, некачественное снаряжение, недостаточные рационы питания и отсутствие массового желания продолжать войну. Даже Троцкий, доставивший ему столько хлопот в период заключения Брест-Литовского договора, не поддержал идею вторжения в Польшу, а большевики польского происхождения предупреждали Ленина о недооценке им недоверия, которое поляки питали к русским армиям, пусть даже посланным в их страну с явно интернационалистской миссией. Но Ленин настаивал. На руку ему сыграло то обстоятельство, что большинство ведущих членов центрального партийного руководства находилось вдали от Москвы. Вопрос войны или мира не обсуждался ни на официальном совещании Совнаркома, ни на заседании ЦК или Политбюро. Повторения мучительно тяжелых дебатов по вопросу о Брест-Литовских переговорах в начале 1918 года не случилось. Ленину помогло еще то, что практически все признавали необходимость преподать Пилсудскому урок. Красная Армия уже начала преследование польских частей. Границы между Советской Россией и Польшей до сих пор не были определены. Реакция иностранных правительств оставалась неясной, и Ленин намеревался еще больше усилить неразбериху. Он нажал на своих товарищей, и они уступили. Польша подлежала советизации.

Как только решение было принято, оно получило полную поддержку большевистского руководства. Расколовшая партию в 1918 году дискуссия о «революционной войне» осталась в прошлом. Троцкий и Сталин отправились в армию, уже вступившую на польские земли.

Тем временем Второй конгресс Коминтерна шел своим чередом. Заседания начались 19 июля 1920 года в Смольном институте, где размещалась штаб-квартира Ленина и Центрального Комитета большевиков в дни Октябрьской революции. Ленин приехал в город впервые с марта 1919 года (и это была его последняя поездка из Москвы в другой город России). Ленинская делегация выехала с Николаевского вокзала в Москве 18 июля 1920 года. Атмосфера работы конгресса была пропитана символизмом. Конгресс проходил в городе—колыбели Октябрьской революции. Иностранным делегатам показывали революционные достопримечательности: Финляндский вокзал, особняк Кшесинской, Зимний дворец, коридоры и зал самого Смольного инсти-

тута. Ленин, безусловно, понимал, что проведение конгресса Коминтерна в Петрограде облегчит ему задачу навязать Коммунистическому Интернационалу политическую линию большевистской партии. Благоговея перед святыней революционной истории, зарубежные коммунисты согласятся с любыми требованиями единственных коммунистов, пока осуществивших успешный захват государственной власти.

Ленин выступил с докладами по ряду основных вопросов и явно упивался собой. Расхаживая взад и вперед по сцене, он словно вколачивал в головы присутствующих свою веру в то, что Октябрьская революция — это идеальная модель для социалистов всего остального мира. В перерывах между выступлениями он присаживался на ступеньки под фикусом и набрасывал тезисы резолюций конгресса. Каждое его появление вызывало взрыв оваций, но при этом он не упускал возможности поговорить с делегатами наедине. Он убедил себя в том, что этот конгресс станет последним мероприятием подобного рода, проводимым в России. На протяжении всего конгресса делегаты могли следить за продвижением российских войск из Украины в Польшу по специально вывешенной огромной карте с воткнутыми в нее маленькими красными флажками. «Европейская социалистическая революция» была уже на подходе. По мере стремительного продвижения Красной Армии к Варшаве Политбюро старалось укрепить моральный дух всех присутствующих. Ленин предложил итальянским товарищам выехать в Милан и Турин для организации революции.

Конгресс открыл новую страницу в истории коммунизма. Почти все прения открывали лидеры Российской коммунистической партии, и ни в одном вопросе иностранцам не удалось поколебать их позиций. Ленин и его товарищи желали представить Советскую Россию образцом для крайне левых социалистических движений за рубежом. Обсуждалась необходимость создания коммунистических партий. Их организационными принципами должны были стать централизм, строгая иерархия, избирательность членов, активизм и дисциплина. Наилучшим способом осуществления «европейской социалистической революции» в Германии, Франции и Британии было копирование большевистских методов. Ленин с соратниками явно рассчитывали на то, что создание централизованных партий в других странах позволит Политбюро, через Исполнительный Комитет Коминтерна, иметь доминирующее влияние на любую новую коммунистическую партию не только в Европе, но и во всем мире.

Заседания проходили в лихорадочном темпе, в атмосфере напряженного ожидания, но в связи с развитием событий в польско-советской войне, их пришлось отложить на несколько дней. После возобновления конгресса Ленин выступил с энергичной речью в защиту своей версии социализма, опирающейся на диктатуру и террор. Правда, одновременно он предложил коммунистам пересмотреть их точки зрения на способы перехода к социализму. В прошлом он, как и все марксисты 1890-х годов, доказывал невозможность построения социализма кроме как на фундаменте существующего капиталистического общества. По мнению Ленина, российская экономика на рубеже двадцатого века уже была преимущественно капиталистической. В 1920 году он без лишнего шума опустил этот постулат и заявил, что некапиталистические страны, несмотря на «отсталость», могут перешагнуть через капиталистический этап развития и перейти прямо к социализму. Это идеологическое нововведение было призвано воодушевить коммунистов колониальных стран всего мира на борьбу за освобождение от цепей европейского империализма. Он даже не попытался детально обосновать такое интеллектуальное сальто и не удосужился разъяснить, почему всегда критиковал русских народников, которые доказывали возможность миновать капитализм.

Да и какое это имело значение? Главное заключалось в том, что Ленин, как только перед ним вставала та или иная задача практической политики, не делал из марксизма догмы. Несмотря на то что он серьезно относился к социальной и экономической теории и любил придерживаться ее основополагающих принципов, его приверженность ей никогда не была абсолютной. В середине 1920 года приоритетной целью для него являлось глобальное освобождение революционной энергии. Принцип неизбежности этапов социального развития общества уже ничего не значил. Лучше совершить революцию, пусть даже грубо, чем возиться с красивой, но нереализуемой теорией. Если уж порой нельзя без интеллектуальной ловкости рук, то так тому и быть. Даже когда он не отходил далеко от ранее провозглашенной линии, понять постоянно ускользающий ход его мысли было очень сложно. Примкнувшие к Коминтерну партии, заявил он, должны порвать с «оппортунистическими» вариациями социализма, отрицающими необходимость «диктатуры пролетариата», но одновременно с этим он потребовал от британских коммунистов объединения с британской лейбористской партией, мотивируя это тем, что коммунистическое движение в Соединен-

ном королевстве было пока еще слишком хрупким, чтобы создать независимую партию.

Он добился своего, введя в заблуждение конгресс Коминтерна и вызвав раздражение британского делегата, Сильвии Панкхерст, коммунистки и феминистки. Панкхерст могла бы поднять скандал, если бы глаза всех не были прикованы к карте военных действий. Все до единого делегаты конгресса ломали головы над тем, как помочь процессу революции, в данный момент продвигавшейся на остриях штыков Красной Армии. Из отобранных Политбюро польских коммунистов, отличавшихся привычкой безоговорочно следовать указаниям из Москвы, был создан Польский Революционный комитет. То же самое рано или поздно ждало и германских коммунистов. Красная Армия олицетворяла наступательный авангард Коминтерна. Социалистические правительства в самом ближайшем будущем должны были воцариться на карте европейского континента, после чего предполагаемый крах мирового империализма не заставит себя долго ждать. Ленин и его товарищи-комиссары отправились назад в Москву, преисполненные нетерпения узнать при выходе на московский перрон новости о дальнейших успехах Красной Армии. Он чувствовал, что находится на пороге осуществления мечты всей своей жизни. Россия пала перед ним в 1917–1918 годах. Европа, страна за страной, уже почти готова уступить под натиском многонационального коммунистического движения, Красной Армии и «местных» коммунистических партий на бастионы континентального капитализма.

Если Ленин и мечтал о руководстве европейским социалистическим федеральным режимом, то ни словом не выдал своих намерений. Одной из черт его характера была скрытность. Но среди товарищей сдерживаться незачем. Он засыпал их требованиями активности на фронте, активности в тылу и даже за линией фронта. О его исключительной горячности свидетельствует записка заместителю Троцкого, Е. М. Склянскому: «Превосходный план. Займитесь им вместе с Дзержинским. Переодетые в „зеленых“ (потом мы свалим на них всю вину), мы продвинемся верст на 10–20 и перевешаем кулаков, священников, дворян. 100 000 рублей награды за каждого повешенного»[5]. В ней весь Ленин как классовый боец и как изощренный политический интриган: он достаточно долго слушал своих генералов и ему не терпелось внести несколько собственных идей. Причем идеи эти были не только богопротивными, но и не слишком практичными. Красной Армии, чтобы выиграть войну, нужно было только двинуть на

Польшу свои полки и раздавить Пилсудского — и тогда любые зверства исподтишка, вроде предложенных Лениным, практически ничего не меняли. Разве что, конечно, повешение священников восстановило бы большинство поляков против красных.

Тем временем Пилсудский отступил к Варшаве, с намерением закрепиться на оборонительных рубежах. Троцкий, Сталин и верховное командование разделили силы Красной Армии на две группировки, и у Пилсудского появился шанс остановить захватчиков на подступах к польской столице. Троцкий столкнулся с серьезными трудностями по координации действий своих сил, более того, он не мог рассчитывать на то, что южная группировка, где комиссаром был Сталин, окажет ему надлежащее содействие. В середине августа 1920 года Пилсудский навязал красным решающее сражение у реки Висла, недалеко от Варшавы. Вопреки ленинским прогнозам случилось самое худшее. Красная Армия потерпела сокрушительное поражение. Поляки не замедлили развить успех, и советские войска покатились по смоленской дороге назад к Москве. Ленин был вынужден срочно запросить мира. Всего одно проигранное жарким летним днем сражение — и конец всем надеждам. Ни к чему теперь советы по образованию скандальных союзов крайне левых с крайне правыми. Ни к чему выражения гордости непобедимостью Красной Армии. Москве ничего не оставалось, кроме признания факта военной катастрофы и крайней необходимости подписать мир на любых доступных условиях.

Ленин набирал темпы. Он требовал от товарищей по Политбюро как можно скорее начать обдумывать, как им переустроить Европу. Если европейской социалистической революции суждено осуществиться, то надо все тщательно распланировать. Ленин и Сталин обменялись мнениями по этому вопросу, и Сталин никогда не забыл той страстности, с которой Ленин отстаивал свою точку зрения. Ленинский план был на удивление прост. Он намеревался создать федеральный Союз России и всех Советских республик бывшей Российской империи. Любое государство Центральной и Западной Европы, где к власти придет правительство советского типа, сможет быть принято в этот великий расширяющийся Союз. Но в таком Союзе не было места для политической исключительности России, и Сталин возразил против такого плана, как нереального. По его мнению, было самоочевидным, что ни Советская Польша, ни Советская Германия не войдут в Союз, основанный Россией. Сбить вековую национальную спесь не так-то легко. Поэтому Сталин предло-

жил, чтобы РСФСР продолжала оставаться стержнем одной федерации, в то время как Германия сформирует вокруг себя другую. Ленин, возмущенный позицией Сталина, обвинил его в шовинизме[6]. Главной целью Октябрьской революции было покончить с разделением Европы на отдельные государственные блоки. Сталин же, похоже, стремился сохранить блоки — и Ленин с трудом мог поверить тому, что услышал это от него.

Сталин даже не соглашался, чтобы Россия и Украина вошли в собственный Союз на равных началах. Теперь, когда вот-вот окончится гражданская война, он хотел выбросить на свалку все старые двусторонние договоренности и просто инкорпорировать остальные Советские республики в состав РСФСР. Конечно, даже Ленин не собирался предоставлять Украине свободу от контроля со стороны Москвы, но он считал благоразумным оставить хотя бы внешние атрибуты такой свободы. Таким образом, процесс планирования революции в Европе забуксовал в дискуссии о будущем конституционном устройстве России. В преддверии ожидаемой европейской социалистической революции Ленин и Сталин хотели расставить все точки над «i». Их взаимные упреки в июне 1920 года сейчас выглядят достаточно смешными, потому что Красная Армия была остановлена на подступах к Варшаве, а социалистические революции в других странах либо не произошли, либо вскоре выдохлись. Но в тот момент им обоим было не до шуток. Они видели себя не только социальными инженерами России, но и главными политическими архитекторами всего континента. Знакомство с зарубежными лидерами Коммунистического Интернационала убедило их в том, что никто, кроме них самих, не сумеет достаточно грамотно решить эту задачу.

Кстати, пока Ленин бичевал Сталина за измену принципам интернационализма, видные германские коммунисты критиковали его самого за тот же грех. События последних лет в Германии отучили Ленина от преувеличения независимого потенциала германских крайне левых. Коммунистическая партия Германии была основана в конце 1918 года, и ее влияние на немецкий пролетариат было еще чрезвычайно слабым. По этой причине нельзя было с уверенностью предполагать, что вступление Красной Армии в Берлин станет достаточным стимулом для последующего социалистического восстания. На этот случай Ленин припас один хитроумный стратегический ход. Он исходил из того, что Версальский договор фактически низвел Германию до колониального статуса. Следовательно, коммунистической партии Германии вполне уместно искать себе союзников для войны за

национальное освобождение от англо-французского ига. Среди таких союзников наиболее перспективными выглядели группы фрайкор (полувоенные националистские группы в Веймарской Германии) и другие военизированные политические организации крайне правых. Целью такого дьявольского партнерства станет ликвидация Версальского договора, что в свою очередь нарушит политическое равновесие между государствами победоносной Антанты. В возникшем вслед за этим хаосе коммунистическая партия Германии получит шанс победить крайне правых в решающем политическом сражении на континенте.

Для Ленина подобная рекомендация была чем-то самим собой разумеющимся. Политикам приходится проявлять гибкость, когда дело касается стратегических целей. Он отказывался смириться с отрицательным ответом, полученным от германских товарищей. Но другого выхода не было. Они стали коммунистами отчасти оттого, что стремились ему подражать. Он обратил непреклонность в искусство. Когда в 1917 году он готовился к захвату власти, он плевать хотел на любые общественные мнения в своей стране — консервативные, либеральные и даже социалистические. Там, где его сподвижники видели лишь малозначительные практические проблемы, он разглядел, что на карту поставлены вопросы идеологической принципиальности. Он учил, что марксистам следует строго придерживаться марксистской ортодоксии. Теперь же тот самый Ленин, эталон революционной сознательности, предлагал им альянс даже не с однополчанами социалистами, но с представителями самой махровой политической реакции.

В разгар всех этих перипетий в личной жизни Ленина произошло ужасное событие. Инесса Арманд по возвращении из Франции, где она находилась с миссией Красного Креста, заболела. Ленин написал ей записку:

«Дорогой друг,

Черкните, пожалуйста, что с Вами. Времена скверные: сыпняк, инфлюэнца, испанка, холера.

Я только что встал и не выхожу. У Нади 39°, она просила Вас повидать.

Сколько градусов у Вас?

Не надо ли чего для лечения? Очень прошу, написать откровенно.

Выздоравливайте!

Ваш Ленин»[7].

Несмотря на непринужденный стиль, он позаботился о сохранении эмоциональной дистанции, обращаясь к ней на вежливое русское *Вы*, а не фамильярное *ты*; и вряд ли пытался намекнуть на свой тайный с ней роман, потому что упоминает о просьбе Нади, чтобы Инесса приехала ее навестить. Отношения между Лениным и Инессой были достаточно близкими, но уже вовсе не теми, что в Париже в 1912 году. Похоже, что к этому времени влияние Нади на него возросло очень сильно. Александра Коллонтай, чья книга «Любовь рабочих пчел» была явной аллегорией парижского треугольника Ленин—Надя—Инесса 1910–1912 годов, отметила в своем дневнике 1920 года, что «он обращает на нее большое внимание»[8].

Что же касается Ленина, то он пытался покровительствовать Инессе, но в его попытках чувствовалась подкупающая беспомощность. В следующей записке он предупреждал ее не гулять на морозе. Он знал, что она не послушает его увещеваний, и просил передать детям его пожелание не выпускать ее на улицу в лютый мороз. Ленин любил контролировать ход лечения своих товарищей, но параллелей его доскональным рекомендациям в случае с Инессой найти трудно.

Она оправилась от приступа болезни и согласилась поработать переводчиком на Втором конгрессе Коминтерна в июле. Работа была чрезвычайно интенсивной и — бурные дебаты с коллегами, в частности с Александрой Коллонтай, — вызвали рецидив. Инесса была крайне истощена, и Ленин посоветовал ей поехать в санаторий. В случае, если бы она решила отправиться за границу, он предупредил, что ей не стоит ехать во Францию, где не исключалась возможность ареста. По мнению Ленина, ей следовало выбрать Норвегию или Голландию. Но еще лучше, уверял ее он, попробовать съездить на Кавказ, где он обещал организовать ей самый наилучший уход. Чтобы подбодрить ее, он упомянул, как охотился в лесах неподалеку от старого поместья Арманд в Подмосковье, и что тамошние крестьяне с ностальгией вспоминали о временах до 1917 года, когда там царил настоящий «порядок». Инесса согласилась поехать в курортный город Кисловодск, расположенный в горах Северного Кавказа. Ленин распорядился, чтобы за Инессой и ее сыном Андреем — в то время шестнадцатилетним юношей — был обеспечен надлежащий уход. Но, к несчастью, в районе разразилась эпидемия холеры и, кроме того, он еще не был умиротворен Красной Армией. Совершенно нечаянно Ленин послал свою бывшую любовницу в смертельно опасное место. Сначала Инесса зара-

ылась холерой. Затем была объявлена эвакуация в Нальчик. Здоровье Инессы не выдержало и 24 сентября 1920 года она скончалась.

Зная, что умирает, она записала свои последние мысли в записную книжку, оставшуюся у нее от Второго конгресса Коминтерна. Они буквально пронизаны горечью. Первого сентября Инесса написала:

> «Пройдет ли когда-нибудь это ощущение внутренней смерти?.. Я теперь почти никогда не смеюсь и улыбаюсь не потому, что внутренние радостные чувства меня к этому побуждают, а потому, что надо иногда улыбаться. Меня также поражает мое теперешнее равнодушие к природе. Ведь раньше она меня так сильно потрясала И так мало теперь я стала любить людей. Раньше я, бывало, к каждому человеку подходила с теплым чувством. Теперь ко всем равнодушна. Горячее чувство осталось только к детям и к В. И.»[9].

Существовал только один человек, к которому она могла обращаться «В. И.», этим человеком был Владимир Ильич Ленин. Инесса продолжала:

> «Во всех отношениях сердце как будто бы вымерло. Как будто бы отдав все свои силы, свою страсть В. И. и делу работы, в нем истощились все источники любви, сочувствия к людям, которыми оно раньше было так богато. У меня нет, за исключением В. И. и детей моих, каких-либо личных отношений с людьми, а только деловые»[10].

Инесса называла себя «живым трупом»; и причина этого была не только в холере, но и в разбитом сердце. Десять дней спустя она решила дать оценку смыслу своей жизни:

> «Для романтиков любовь занимает первое место в жизни человека, она выше всего. И еще недавно я была гораздо ближе к такому представлению, чем сейчас. Правда, для меня любовь никогда не была единственным. Наряду с любовью было общественное дело. И в моей жизни, и в прошлом было немало случаев, когда ради дела я жертвовала своим счастьем и своей любовью. Но все же раньше казалось, что по своему значению любовь имеет такое же место, как и общественное дело, сейчас это уже не так. Значение любви по сравнению с общественной жизнью ста-

новится совсем маленьким, не выдерживая никакого сравнения с общественным делом»[11].

На грани смерти она пыталась убедить себя, что работа для революции значила для нее больше, чем человек, которого она любила.

Скупая официальная телеграмма поразила Ленина в самое сердце: «Заболевшую холериной товарища Инессу Арманд спасти не удалось тчк кончилась 24 сентября тчк тело препроводим в Москву»[12]. Ленин оказался виноват в том, что она отправилась поправлять здоровье не во Францию, а на раздираемый беспорядками Кавказ и там погибла. Доставка ее тела в Москву в свинцовом гробу заняла две недели. Поезд прибыл рано утром 11 октября, и после рассвета траурный кортеж отправился от вокзала. Ленин и Надежда Константиновна встречали гроб на вокзале. Пока процессия двигалась к центру столицы, Ленин был явно убит горем. Надежда Константиновна все понимала и поддерживала его за руку. То, как выглядел вождь на тех похоронах, навсегда осталось в памяти присутствовавших. Молодая большевичка Елизавета Драбкина наблюдала, как он шел за черным, облезшим катафалком, на котором везли покрытый черным флагом гроб: «Было что-то невыразимо скорбное в его опущенных плечах и низко склоненной голове»[13]. Такое же впечатление похороны произвели и на Анжелику Балабанову: «Я никогда ранее не видела подобной муки; никогда не видела человека, настолько полностью поглощенного горем, пытающегося оставить его себе, оградить его от внимания других, как если бы это сознание могло уменьшить интенсивность его чувства»[14].

Ленин не доверял свои чувства бумаге. Ради «дела» он пожертвовал многими удовольствиями: материальным благосостоянием, профессией, шахматами, классической музыкой и велосипедом. Он отказался от постоянной связи с Инессой: революция для него всегда была на первом месте. Но когда тело Инессы было доставлено из Нальчика, его горе было неподдельным.

Рядом с ним оставались друзья и товарищи, которые думали, что он уже никогда не станет таким как раньше. Некоторые говорили, что он прожил бы дольше, если бы не потерял Инессу. Он был, без сомнения, потрясен, но силы воли все же не потерял. С 1912 года он привык жить вдали от нее. Кроме того, он умел справляться с Надиными *froideurs* (приступами холодности). Всю жизнь он демонстрировал способность не отвлекаться на дела сердечные. Обычно его могла вывести из равновесия либо

болезнь, либо политическая полемика. «Романы» не вставали ему поперек дороги, и смерть Инессы его не убила. Если судить по внешней реакции, то удар стал для него самым сильным с момента казни родного брата в 1887 году. Но он быстро оправился. У него была невероятная способность к эмоциональному самоподавлению. Он любил политику и жил для политики. У него была настоящая мания важности идей. Он не был роботом и не отрицал, по крайней мере для себя, пользы глубоких отношений, но любовь — любовь мужчины к женщине — была для него второстепенной, и, если этого требовала политика, он считал, что сможет обойтись без нее.

Похоронили Инессу 12 октября; ее тело было погребено рядом с прочими покойными большевистскими героями в кремлевской стене. За две недели до этого Ленин выступил на Девятой партийной конференции. Вторжение в Польшу обернулась провалом. Экономика лежала в руинах. Промышленность сотрясали забастовки, в деревне разгорались восстания, волнения начинались даже в армии. Большевистская партия проявляла упрямство, а ее внутренние фракции — демократические централисты и рабочая оппозиция — наслаждались возможностью обрушиться на Политбюро за закрытыми дверями конференции. Согласия по поводу будущей партийной политики не было и в помине. Среди большевиков широко распространилось мнение о том, что что-то в Советском государстве пошло наперекосяк. Но не в характере Ленина было уклоняться от дискуссии; он горел нетерпением дать своим критикам отведать их собственного лекарства.

Таким образом, несмотря на безоговорочное признание польской катастрофы, ему удалось замять вопрос об ответственности. Он упомянул об одобрении Центральным Комитетом вторжения на «этнографически» польскую территорию, а затем раскрыл секрет, что партийное руководство не принимало по данному вопросу формального решения:

> «Когда эта резолюция выносилась в Центральном Комитете, у нас не было недостатка в понимании несколько неуклюжего характера этой резолюции в том смысле, что против нее будто бы нельзя голосовать было невозможно. Как можно голосовать против помощи советизации?»[15].

Вопрос был риторическим и провокационным; заполнявшие зал фанатики не могли не признать, что они тоже проголосова-

ли бы за вторжение в Польшу. Но тут не обошлось без натяжки. Ленин практически в одиночку давил на товарищей из Центрального Комитета, принуждая их к вводу войск, а теперь хотел увильнуть от персональной ответственности. Кроме того, он намеренно допустил некоторую непоследовательность в анализе, когда попытался квалифицировать допущенную ошибку. Отнести ли ее к политическим или стратегическим? Он подчеркнул различие, но не потрудился сделать категорическое заключение. Он тут же отметил, что в конечном итоге Центральный Комитет решил не возбуждать расследования среди военных, но опять же воздержался от объяснения причин. Во время всего доклада он лишь походя коснулся чувствительных точек:

> «Нам во время гражданской войны, Политбюро приходилось решать чисто стратегические вопросы, настолько чисто стратегические, что мы смотрели друг на друга с улыбкой, как же так мы превратились в стратегов? Среди нас были даже люди, которые издалека войны не видали...»[16].

Был ли это явный призыв к сочувствию? Без сомнения, среди членов Политбюро никто не имел меньше опыта в военных делах, чем Ленин. Как бы то ни было, Ленин имел право заявить, что неплохо — для неофита в военном планировании — справился с задачей разгрома Колчака, Деникина и Юденича. Но ни единым словом в докладе — и в этом самая суть дела — Ленин не намекнул на свою персональную роль в катастрофе под Варшавой. Он признал ошибку только со стороны «Центрального Комитета».

Ленин ни слова не сказал против использования «революционных войн». Но исподволь он подводил аудиторию к выводу, что штыки Красной Армии в обозримом будущем лучше придержать в ножнах. Естественным логическим выводом отсюда мог быть только пересмотр генеральной политики. Однако партийная конференция не позволила ничего подобного. Делегаты приехали в Москву не для обсуждения возможных вариантов, но для того, чтобы всласть поиздеваться над партийными лидерами. Концепция и осуществление Варшавской кампании стали объектами жесточайшей критики. Но тут Ленину повезло, и он получил передышку. Соперничество между Троцким и Сталиным вылилось в яростный открытый диспут, когда Троцкий обвинил Сталина в обмане Центрального Комитета относительно перспектив военной победы. Подобных внутренних разногласий столь

ичного характера в партии не было с ожесточенной дискуссии 1903–1904 годов. Член Политбюро выступил с нападками на другого члена Политбюро. Сталин, рассвирепевший от унижения, потребовал слова. Ленин решил стать на сторону Троцкого; возможно, он искренне соглашался с ним, но в любом случае, не упустил предоставленный ему шанс найти козла отпущения. В результате все перегрызлись. Но Ленину удалось выйти сухим из воды. К концу конференции он остался практически единственным членом Политбюро, который избежал нападок большинства разбушевавшихся делегатов.

Но вопрос, что делать с отчаянным состоянием страны, не потерял своей остроты. Для внешнего мира — а к внешнему миру в данной ситуации принадлежали все, кто не входил в состав верховного руководства большевистской партии и Советского правительства, — все выглядело так, что Ленин по-прежнему стремился даже в мельчайших деталях придерживаться политической линии, разработанной в период гражданской войны. Во многих отношениях это правда. Но с одной оговоркой: его планы никогда не были одномерными. Договоры с иностранными капиталистическими государствами он всегда рассматривал в первую очередь как средство подрыва монолитности интернациональной фаланги, выстроенной против Советской России. В те самые дни, когда Красная Армия накатывалась на Варшаву, Каменев в Лондоне вел переговоры о возобновлении торговых отношений. Теперь, после польского провала, Ленин поставил своей целью дальнейшее расширение торговых и дипломатических отношений. Весной 1918 года он заявил, что если экономическую реконструкцию России нельзя осуществить в союзе с Советской Германией, то ее следует проводить при помощи Германии капиталистической. Он вернулся к этой идее в 1920 году, когда пытался подписать с германскими предпринимателями концессионные соглашения и даже предлагал им землю в России, где они могли бы поднимать производительность труда в аграрном секторе путем внедрения передовых капиталистических технологий. Кроме того, он пробовал склонить нефтяную компанию «Нобель» к возобновлению нефтедобычи в Азербайджане.

Внутри страны он тоже наметил ряд преобразований. Он понимал, что насильственные реквизиции зерна у крестьян вызывают в деревне озлобление; и хотя не одобрил предложение Троцкого о частичном возврате к легальной продаже продуктов питания крестьянами, все же искал способ побудить крестьян-

ские хозяйства к увеличению посевов зерна. С этой целью он обдумывал возможность предоставления материального вознаграждения тем крестьянам, у кого возрастет количество произведенной продукции.

Это еще не было проломом в стене партийной экономической политики военного времени; но многие большевистские руководители на местах, тем не менее, пришли в ужас. Как еще, спрашивали они, можно назвать предложение материального вознаграждения, если не попыткой вернуть капитализм через заднюю дверь? И что еще там замыслил Ленин, приглашая германских фермеров и промышленников, британских концессионеров-лесопромышленников и — подумать страшно — компанию Нобеля? Не выжил ли он из ума? Разве он не видит, что все его сумасшедшие прожекты, вместе взятые, равняются экономическому Брест-Литовску? По мере того как год 1920 приближался к концу, поводов для радости у Ленина почти не было. Он выиграл гражданскую войну в России только для того, чтобы потерпеть поражение в ненужной русско-польской войне. Он настолько увлекся военным планированием, что проморгал беспорядки в собственной партии; волны забастовок в промышленности и крестьянских восстаний прокатывались по стране все чаще и чаще. Репутация искусного управляющего политической машиной государства была почти утеряна. Здоровье, и так не блестящее в последние десятилетия, было решительно расшатано. Плюс к этому он пережил потерю любимой женщины, Инессы Арманд. И, наконец, даже себе самому он не мог сказать в канун Нового 1921 года, что Октябрьская революция надежно защищена. Наоборот, честность заставляла его признать, что, судя по всему, дела, прежде чем пойти на поправку, будут только хуже.

25

Новая экономическая политика

Январь—июнь 1921

Зимние месяцы 1920—1921 годов заставили Ленина еще раз как следует поразмыслить над политическим курсом государства. Ему не было стыдно за политику военного времени. Его стратегия развалила экономику, спровоцировала народные восстания, лишила страну дипломатической и финансовой помощи, привела к военной катастрофе в Польше. Но, признавая, хотя и с неохотой, что в Польше была допущена ошибка, в остальном он оставался непоколебим. Его вообще редко мучили угрызения совести. Тем не менее, постепенно он приходил к выводу, что только стратегические перемены спасут режим от грядущей смертельной опасности. Новая идея Ленина была чрезвычайно проста. Он предложил заменить принудительные реквизиции зерна натуральным налогом. После того как крестьяне доставят определенный для каждого налог, им надо позволить продавать свою продукцию на местных рынках. Снова будет разрешена частная торговля зерном. 18 февраля 1921 года Ленин успешно провел свое предложение через Политбюро.

Чтобы изобрести новую экономическую политику (или нэп), от Ленина не требовалось великой проницательности. В сущности, то же самое решение по аграрному вопросу предлагали меньшевики и эсеры еще в 1918 году, а в феврале 1920 года — Троцкий, который в 1921 году напомнил Ленину, что смена курса могла произойти годом раньше, если бы не ленинское упрямство. Нэп был очевидным путем восстановления товарообмена между деревней и городом. Кроме того, он являлся необходимой предпосылкой для того, чтобы покончить с голодом, болез-

нями, разрухой в промышленности и народными восстаниями. Но если предложению Ленина и недоставало оригинальности, то оно, несомненно, требовало политического упорства — и все биографы Ленина, превознося до небес искусство, с которым он одержал победу в дискуссии 1918 года по поводу Брест-Литовска, недооценивают не меньшее по значимости мастерство, проявленное им при введении нэпа[1]. Причина, возможно, в том, что прения по поводу нэпа не были столь бурными, как споры по Брест-Литовску или даже как «дискуссия о профсоюзах». Но это не должно умалять препятствий, стоявших на пути Ленина. Ему пришлось убеждать Политбюро, Центральный Комитет и съезд партии, а затем проталкивать законопроект через советские законодательные органы, и даже после этого он должен был вернуться к вопросу и защищать нэп на партийной конференции в мае 1921 года. Вполне возможно, что без Ленина нэп был бы невозможен. А без нэпа Советское государство пало бы под ударами народных восстаний.

Такой курс вызывал неописуемое раздражение у партии, которая считала почти тотальную экономическую монополию государства блестящим достижением. Этот аспект партийной идеологии получил закалку в сражениях гражданской войны, а тем для согласия у большевиков было гораздо больше, чем для споров. Некоторые основополагающие политические воззрения превратились в постулаты веры. Ленин, который в конце 1920 года загорелся идеей реформы, предложил программу действий, которая, казалось, выхолащивала большевизм, лишая его революционного содержания. Несмотря на непоколебимую преданность идее государства одной партии и одной идеологии, его страстное желание отойти от принципа государственной собственности и регулирования в экономике выглядело постыдным.

В тот момент партия погрязла в так называемой «профсоюзной дискуссии». Полемику начал Троцкий, настаивавший на том, что послевоенную реконструкцию экономики следует проводить на основе «милитаризации труда». Троцкий требовал запретить забастовки и низвести профсоюзы до статуса государственных организаций. Ему было совершенно безразлично, останется ли большевистская партия основным инструментом принуждения; во время гражданской войны он игнорировал ее, учреждая политических комиссаров в Красной Армии, а в 1920 году развязал кампанию за использование своей идеи в мирной жизни. По мнению Троцкого, в первую очередь на такую систему следовало перевести железнодорожный и водный транспорт.

Дискуссия стала кошмаром для Ленина, который считал, что Троцкий угрожает единству, восстановленному на Девятой партийной конференции. Ленин не собирался потакать профсоюзам, но и не видел причины их третировать. Но дебаты вышли из-под контроля. Троцкий доказывал, что при диктатуре пролетариата у рабочих нет необходимости иметь классовую организацию для защиты от собственного «государства рабочих». Ленин возражал, указывая на «бюрократические искривления», произошедшие после Октябрьской революции, и утверждал, что профсоюзы по-прежнему полезны. Между Лениным и Троцким образовалась буферная группа во главе с Бухариным. Рабочая оппозиция в равной мере клеймила позором Ленина, Троцкого и Бухарина. У демократических централистов не было единой позиции; их члены по своему желанию примыкали к тому, кто им больше нравился. Лидеры каждой из групп колесили по стране, пытаясь найти поддержку среди большевиков в провинции. Ленин, один из немногих ведущих фигур, оставался в Москве, но даже он с головой ушел в «профсоюзную дискуссию». Одновременно с написанием объемистой брошюры, призванной обеспечить ему победу, ему приходилось манипулировать рычагами давления на фракции, чтобы победу эту закрепить. Зиновьев разъезжал по крупнейшим партийным организациям, а Сталин следил за дебатами на местах, занимая командную высоту в Москве. К облегчению Ленина, к февралю 1921 года победа его группировки уже не вызывала серьезных сомнений.

Гораздо важнее, доказывал он, вопрос о том, как спасти Октябрьскую революцию. «Дискуссия о профсоюзах» неотъемлемая часть этого вопроса, но не весь вопрос. Ленин стремился к более конкретной дискуссии на основополагающую тему. Проще всего было начать с проблемы продовольственных поставок. Только решив вопрос с обеспечением поступления зерна, партия сможет приступить к определению стратегических ориентиров на последующие несколько лет.

И все же Ленин не мог сидеть сразу на двух стульях. Он продолжал думать об аграрной политике даже когда Троцкий, нападая на профсоюзы, раздирал партию в клочья. Ленин не раскрыл причину переворота в своих убеждениях. Но он часто беседовал с представителями крестьянства на Восьмом съезде Советов в декабре 1920 года и в последующие несколько недель принимал у себя небольшие делегации крестьян. Он совершал короткие поездки в подмосковные Ярополец и Модерново, где разговаривал с местными селянами. У него не осталось никаких

сомнений в том, что уровень популярности режима был, как никогда, низок. Сведения, поступавшие в кабинеты Совнаркома, свидетельствовали о том же. Ленину часто приходилось освобождать целые губернии от непосильного бремени поставок зерна по квотам (продразверстки), установленным им самим и его правительством в Москве. Текущая политика не могла накормить страну, и положение неуклонно ухудшалось. Вскоре появились большевики, которые начали сами выступать с аналогичными предложениями. Один из них, В. Н. Соколов, вернулся из поездки в Сибирь, где стал свидетелем крестьянских беспорядков. Если Политбюро не предпримет никаких мер, предупреждал он Ленина в частной беседе 2 февраля, проблема может обернуться катастрофой.

В тот же день на Политбюро выступил с докладом Бухарин, приехавший из Тамбовской губернии. Наконец-то Политбюро пришлось считаться с фактом «крестьянских восстаний» в самом сердце России[2]. Тамбов — крупный город в бассейне Волги. Руководил восстанием социалист-революционер А. С. Антонов. Но не вызывало сомнений, что крестьяне, среди которых официальные экономические меры, усиленные жестокой засухой, вызвали голод, со всей яростью выступили против Советского правительства. Ленин никогда не ждал ничего хорошего от крестьян Поволжья и во время гражданской войны практиковал в этом регионе превентивные массовые репрессии. В 1921 году, однако, превентивные меры уже запоздали. Чтобы подавить восстание, угрожавшее самому существованию режима, потребовалась Красная Армия. Командующим войск, посланных для проведения карательной кампании, Ленин назначил Михаила Тухачевского, политическим комиссаром к нему был направлен Владимир Антонов-Овсеенко. Но одних силовых мер было недостаточно. Требовалось сделать несколько шагов по направлению к аграрной реформе. Угроза нависла над самой Октябрьской революцией.

Именно восстание в Тамбовской губернии убедило Ленина в необходимости отмены системы реквизиций военного времени. Но он никому не сказал ни слова и продолжал встречаться с очевидцами развития событий на селе. Одним из таких был крестьянин Осип Чернов, поразившийся тому факту, что его согласился принять сам вождь мирового коммунизма. Когда Ленин предложил ему прочитать вслух написанную карандашом историю его путешествий, Чернов сообщил много неприятного о положении сибирского крестьянства. В частности, он свидетельствовал о

...м, что зажиточные крестьяне этого громадного региона ...ядили себя в борьбе против Колчака не меньше, чем их бед...ейшие соседи, но после войны их записали в антисоветчики. ...ернов подчеркнул, что кулацкой угрозы в этом районе не было:

> «Когда кончил читать, то он мне задает вопрос: «Кто вы такой? Я рассказываю, что из ссыльных каторжан, на каторгу попал ... свою принадлежность к партии эсеров, но теперь себя считаю беспартийным, имею свое хозяйство в Сибири»[3].

Чернов принадлежал именно к тому типу крестьян, которых ...ольшевики привыкли называть «кулаками», которых они полностью лишали всех запасов зерна и даже убивали. Ленину нужны были люди, способные говорить со знанием дела и честно. Отец Гапон открыл ему глаза в 1905 году, а крестьяне, подобные Осипу Чернову, выполняли аналогичную миссию в начале 1921 года.

Ко дню следующего заседания Политбюро, 8 февраля 1921 года, Ленин превратился в убежденного сторонника отмены реквизиций зерна. Присутствовать смогли не все. «Дискуссия о профсоюзах» продолжалась, Троцкий и Зиновьев гонялись друг за другом по Уралу, стараясь заручиться максимальной поддержкой на предстоящем съезде партии. Но четыре члена — Ленин, Каменев, Сталин и Крестинский — были на месте. Необходимый кворум был соблюден; выслушав доклад заместителя наркома сельского хозяйства Николая Осинского, Ленин взял единственный листок бумаги и вкратце изложил согласованное изменение политического курса. Его «Предварительный проект тезисов по крестьянскому вопросу» послужил основой будущего нэпа. Жребий был брошен. Под руководством Каменева была создана рабочая группа для проработки деталей будущей политики. За стенами кабинета никто ни словом не обмолвился о принятом решении. Но 16 февраля Политбюро, не без опасений по поводу чувствительности партии, санкционировало публикацию в «Правде» статьи в поддержку реформы; ее соавторами выступили не члены Политбюро, а малозначительные большевистские активисты[4]. К сожалению, А. Д. Цюрупа* помешал развитию ленинского плана, выступив с возражениями в секретной рабочей

* *Александр Цюрупа* (1870–1928) — политический деятель. С 1917 года заместитель наркома, с 1918 года нарком продовольствия РСФСР. С 1921 года заместитель председателя СНК и СТО РСФСР, с 1922 года — СССР. В 1923–1925 годах председатель Госплана СССР. В 1925–1926 годах нарком внешней и внутренней торговли СССР.

группе. Политбюро перевело дух и передало вопрос в Центральный Комитет. Напряжение было громадным, потому что члены Центрального Комитета, в запале от «дискуссии о профсоюзах», уже были готовы вцепиться друг другу в глотки.

Как оказалось, Ленину не стоило беспокоиться о решении Центрального Комитета; на заседании 24 февраля его члены одобрили доклад рабочей группы всего с несколькими поправками[5]. К тому времени чрезвычайная политическая ситуация охватила всю страну целиком. Забастовки начались в Петрограде, Москве и других промышленных центрах. Назревал мятеж в морском гарнизоне Кронштадта, и Зиновьев не был уверен, что сумеет удержать его под контролем со своей базы недалеко от Петрограда. Положение усугублялось крестьянскими восстаниями в Поволжье, на Украине, на юге России и в Западной Сибири. Беспорядки перекинулись даже на Москву. И действительно, 2 марта в Кронштадте вспыхнул открытый мятеж, а забастовки в Петрограде усилились. Ленин, тем не менее, пока не был уверен, что партия одобрила его проект. Многие большевики были настроены продолжать экономическую программу военного времени, даже если она провоцировала вооруженное сопротивление народа. Но в данном вопросе Ленин и Троцкий стояли заодно. Восстания сами по себе являлись наиболее убедительным доводом в пользу реформы. На заседании Центрального Комитета 7 марта серьезных попыток выступить против аграрных предложений Политбюро предпринято не было.

Предстояло еще окончательное их утверждение на Десятом съезде партии. Заседания начались 8 марта, и Ленин хорошо подготовился, согласовав в ходе ряда встреч со Сталиным и другими ближайшими товарищами предполагаемый список членов нового состава Центрального Комитета. Хотя он не собирался лишить свою фракцию большинства, Ленин настаивал на вкраплении в список некоторого числа троцкистов, демократических централистов и членов рабочей оппозиции. Он добивался контроля, но не желал третировать или вычеркивать критиков. Во вступительном обращении к съезду он признал, что в польском вопросе была допущена ошибка, а далее, что удивительно для вождя, которому вроде бы положено быть другом рабочих, заявил, что слишком много привилегий было предоставлено потребителям пролетарского происхождения за счет недовольных крестьян. Партия, говорил Ленин, должна согласиться с сокращением армии, экономической реформой и усилением политического контроля. Он обвинил рабочую оппозицию, призывав-

шую позволить рабочему классу контролировать руководство предприятий на предмет отступлений от марксизма. Тот факт, что Маркс — да и сам Ленин в 1917 году — подчеркивал необходимость рабочего контроля за фабриками и заводами в эру социалистических революций, был грубо игнорирован. Вместо того, чтобы ввязываться в спор, Ленин бесстрастно возвестил, что режим может пасть, если в партии не будет достигнуто согласие по вопросу реформы и репрессий. В качестве доказательства он сослался на информацию о мятежных настроениях в кронштадтском военно-морском гарнизоне. Угроза была серьезнее, заявил он, чем когда Колчак и Деникин гуляли на свободе.

К концу двухчасовой речи он, казалось, почувствовал, что съезд, который впервые услышал о нэпе, может подумать, что он выжил из ума — или, еще хуже, проникся прокрестьянскими и прокапиталистическими настроениями. И тут он выдал леденящую душу тираду:

> «Крестьянин должен несколько поголодать ради того, чтобы тем самым избавить от полного голода фабрики и города. В общегосударственном масштабе, — это вещь вполне понятная, но чтобы ее понял распыленный, обнищавший крестьянин-хозяин, — на это мы не рассчитываем. И мы знаем, что без принуждения здесь не обойдешься, — без принуждения, на которое разоренное крестьянство реагирует очень сильно».

Проще говоря, одними методами убеждения нэп не осуществить.

Но ответа на более существенный вопрос о том, одобрит ли съезд новую экономическую политику, пока еще не было. Задача Ленина была нелегкой. Партию раздирала «дискуссия о профсоюзах». Даже внутри ленинской фракции яростно спорили о политике иностранных промышленных концессий. Проявилось массовое недовольство внутренней организацией партии, причем одни делегаты требовали ослабления дисциплины, а другие считали Ленина слишком мягкотелым. Недоумение вызывали последние дипломатические шаги партийного руководства, и немало делегатов задавало себе вопрос, как можно защитить и приумножить победы Октябрьской революции и гражданской войны. Ленин проявил чудеса хитрости, стараясь справиться с ожидаемой паникой. Ему помогало то, что троцкисты, члены рабочей оппозиции и демократические централисты не давали друг другу слова сказать. Согласия не было ни по одному поли-

тическому вопросу, а у Ленина было то преимущество, что он хотя бы приблизительно знал, куда вести партию. У других, таких как Троцкий и Шляпников, тоже были свои стратегии; но они не имели в партии ленинской репутации мастера исправлять положение дел. «Апрельские тезисы», захват власти в октябре 1917 года и Брест-Литовский договор приобрели среди доктрин большевизма канонический статус. Ленина считали умнейшей головой партии. К тому же Ленин пользовался расположением во всех фракциях; он просто не навлекал на себя ничьей персональной злобы, как это делали два других наиболее выдающихся деятеля партии, Троцкий и Зиновьев; и вся партия понимала, что если она не преодолеет раскол, то ее захлестнет прилив народного негодования.

Лишь партийные лидеры второго эшелона открыто выступали против нэпа в принципе. Хотя временами все висело на волоске, Ленин боролся за победу, и победа ему досталась. Нэп, иностранные промышленные концессии, ленинская профсоюзная политика, осуждение рабочей оппозиции в отходе от марксизма: все его предложения прошли на съезде «на ура».

Его триумф не был бы таким полным, если бы не события вдали от столицы. В самый разгар съезда пришли новости из Кронштадта. Гарнизон морской крепости поднял мятеж. Восставшие требовали покончить с террором, диктатурой, с продразверсткой и однопартийным руководством; их вера в большевистскую партию переросла в ненависть; они даже выдвинули лозунг «Советы без коммунистов».

Это был самый серьезный военный кризис с июльского восстания левых эсеров в 1918 году. Но хуже всего было то, что в 1917 году именно кронштадцы прославились активной поддержкой большевиков. Кошмарнее момента для военного мятежа придумать было нельзя. Советскому режиму угрожали крестьянские восстания в России, на Украине, на Северном Кавказе и в Западной Сибири. В Поволжье и на Украине начался ужасный голод. Повсюду промышленность лежала в развалинах. Соперничающие политические партии были подавлены, но ни одна из них не оставила надежд вернуться к политической жизни. Духовенство и националистические элементы на территории всей бывшей Российской империи ждали конца коммунистического режима. Крупнейшие иностранные державы — Британия, Франция, Япония и Соединенные Штаты — не желали Советской России ничего кроме зла. А теперь против большевиков поднялся даже Кронштадт.

В подобной ситуации было как никогда легко убедить съезд в том, что единство стало решающим условием. Даже члены рабочей оппозиции, попавшие под огонь ленинской критики, записывались добровольцами для участия в военном походе по льду Финского залива из Петрограда к острову Кронштадт. Войска Красной Армии получили новое камуфляжное белое обмундирование и устремились на север. С ними отправился сам Троцкий, и крепость Кронштадт снова перешла в руки большевиков. Ленин остался на месте и ждал новостей. Помочь он мог только пропагандой, и его статьи в «Правде», несомненно, одни из его самых унизительных издевательств над истиной. Согласно Ленину, кронштадтские мятежники были одурачены социалистами-революционерами, которые в свою очередь являлись агентами иностранных капиталистических держав. Ленин, советуясь с членами Центрального Комитета по поводу определения меры наказания для кронштадцев, требовал жесточайшего возмездия. Кронштадская крепость пала перед подавляющим численным превосходством. Облегчение среди делегатов съезда, оставшихся в Петрограде, был почти осязаемым. В результате ленинская аграрная реформа не подверглась столь жестокой критике, как могла бы в ином случае. Кстати, Ильич тут же воспользовался случаем и протолкнул резолюцию, запрещающую любую фракционную деятельность в партии. Если экономическое отступление будет успешным, доказывал он, большевикам придется крепить свое внутреннее единство. Он выиграл практически чудом, но выиграл.

И все же передышки он не получил. В последнюю неделю марта 1921 года коммунистическая партия Германии, подстрекаемая вождем венгерских коммунистов Бела Куном, от имени Коминтерна попыталась захватить власть в Берлине. Почти наверняка за этим стояли Григорий Зиновьев и Николай Бухарин, но планирование и исполнение повстанческих мероприятий были проведены небрежно. Получив известие о «мартовской акции», Ленин был взбешен.

Даже в свой день рождения 23 апреля 1921 (по новому стилю) он был вынужден, или ему казалось, что вынужден, следовать изматывающему графику служебных обязанностей. В соответствии с ним он председательствовал на решающем заседании Политбюро, где обсуждались вопросы образования, положения в Сибири, дислокации войск на Украине, последствий кронштадского мятежа и борьбы с рабочей оппозицией[6]. Даже после длительного заседания рабочий день Ленина не был окончен. Он

назначил себе нового личного помощника в Совнаркоме, написал записки в народные комиссариаты иностранных дел и внутренних дел, внес коррективы в планы лечения Г. Л. Шкловского; для Ленина это было почти страстью: здоровье ведущих товарищей он рассматривал, как дело государственной важности. Между делом он просмотрел повестки дня предыдущих заседаний Совета труда и обороны и Малого Совнаркома. В короткие минуты отдыха он отредактировал несколько страниц посвященной нэпу брошюры «О продовольственном налоге». Этот рабочий день не был для него самым напряженным, но он был заполнен обязанностями, которые, по мнению Ленина, нельзя было доверить никому. Ему исполнился пятьдесят один год, и он не имел ни минуты для себя лично.

Политическая деятельность составляла основу его существования; он был не из тех, кто жалеет себя, когда призывает долг. В любой момент он мог попросить Степана Гиля отвезти его в санаторий в Горках, но обычно продолжал заниматься политикой. Тем не менее, он смертельно уставал. Ленин успешно справился с революцией, войной и даже с миром и его проблемами. Он пережил смерть родственников и Инессы. Но невозможность положиться на ближайших товарищей по партии вызывала в нем чрезвычайное разочарование. Зимой 1920—1921 годов соратники больше интересовались внутренней полемикой, чем спасением революции, и весной 1921 года полемика эта не закончилась; Ленину по-прежнему приходилось вести всю работу по исполнению решений Десятого съезда партии. А большевистские лидеры, когда не занимались шельмованием друг друга, цеплялись за каждую возможность устроить передышку от работы; изнурительные тяготы военного времени брали свое, и каждый из вождей испытывал серьезные трудности со здоровьем. По мере того как одного за другим членов Политбюро косили болезни, штаб партии бездействовал и Ленину, несмотря на собственные хронические недомогания, приходилось нести службу в одиночестве. Он работал на пределе человеческих возможностей.

Но ничего другого не оставалось. Троцкий явно находился в состоянии крайнего изнеможения и ему был необходим отпуск. Зиновьев за последнее время пережил не один, а целых два сердечных приступа. У Каменева тоже были проблемы с сердцем[7]. Сталину срочно потребовалось вырезать аппендикс. Бухарин только недавно вернулся из санатория. В прошлом Ленину не раз доводилось вести борьбу в одиночку, но на сей раз умственная нагрузка оказалась неимоверно тяжелой.

И как раз в эти месяцы на политической повестке дня снова всплыл вопрос о профсоюзах. Александр Шляпников, лидер рабочей оппозиции, продолжал мутить воду, несмотря на запрет Десятым съездом партии всякой фракционной деятельности. Чтобы укрепить волю партии в профсоюзе рабочих металлургической промышленности, партийные вожди — те из них, кто не отдыхал в санаториях и не лежал под ножом у хирурга, — назначили Михаила Томского* председателем Всероссийского центрального совета профессиональных союзов. Томский, оказавшись перед разъяренной аудиторией активистов профсоюза, сделал все что мог, но не сумел избежать некоторых уступок. Расценив поведение Томского как предательство, Ленин впал в исступление и потребовал немедленного его вывода из состава Центрального Комитета партии. В прошлом Ленин нередко выходил из себя, но на следующий день успокаивался. К тому же он неплохо владел психологическим приемом чрезмерного проявления эмоциональности в целях достижения политического результата. Но даже спустя недели после злосчастного случая с профсоюзом металлистов он с прежней яростью настаивал на том, чтобы вышвырнуть Томского из Центрального Комитета и даже из партии[8].

Нервы Ленина были на пределе; сказывалась невероятная усталость. Но Томский никогда не входил в число его оппонентов, даже наоборот; он оставался верным его союзником на протяжении всей «дискуссии о профсоюзах» предыдущей зимой. Ленин считал, что удача, улыбнувшаяся ему на недавнем съезде партии, не оставит его и дальше и что ведущие товарищи по партии признают высшую приоритетность задачи по реализации и развитию нэпа. Он ощущал себя особенно одиноким. Было ясно, что нэп, который в апреле получил силу закона и начал, наконец, устанавливаться по всей стране, все еще не получил безоговорочной поддержки в партии. Для многих — вполне возможно, даже для большинства — региональных и центральных большевистских лидеров, восстановление частной торговли зерном казалось невыносимым. Тогда Ленин с Каменевым, желая сделать реформу действительно работоспособной, предприняли ряд дополнительных мер. Они вышли за рамки первоначально-

* *Михаил Томский* (наст. фамилия Ефремов) (1880–1936) — политический деятель. В 1919–1921 и 1922–1929 годах председатель ВЦСПС. В конце двадцатых годов выступил против применения чрезвычайных мер при проведении коллективизации и индустриализации, что было объявлено «правым уклоном в ВКП(б)». Член ЦК партии в 1919–1934 годах. Член Политбюро ЦК в 1922–1930 годах. В обстановке массовых репрессий покончил жизнь самоубийством.

го проекта реформы, позволив крестьянам торговать за пределами своей местности и разрешив деятельность коммерческих посредников. Они предоставили обширные права сельским кооперативам и небольшую поддержку государственным коллективным хозяйствам. Они даже санкционировали возврат в промышленный сектор мелких частных мануфактур. Капиталистический уголок экономики заполнялся с нарастающей скоростью. Где и когда, спрашивали большевики, наступит конец этому процессу?

Дабы подтвердить свой мандат революционера, Ленин заканчивает брошюру «О продовольственном налоге». Ее основная идея в том, что Совнарком и Центральный Комитет еще в 1918 году признали необходимость предоставить капитализму ограниченные права в российской экономике. Таким образом, в нэпе не было ничего нового, просто партия восстанавливала прежнюю линию. Осуществить ее раньше помешало начало гражданской войны и вынужденные чрезвычайные меры, которые теперь получили название «военного коммунизма». Пришло время подобные меры временно приостановить. Несомненно, в этом была доля правды. Но это была далеко не вся правда, и Ленин это понимал, потому что нэп предоставлял крестьянам гораздо большую свободу в торговле зерном, чем это было ранее им позволено.

Но никто и не собирался оспаривать историю большевизма. Как ясно осознавал Ленин, члены партии ждали объяснений, с какой стати они должны верить, что нэп соответствует учению Маркса. В брошюре «О продовольственном налоге» доказательства были представлены в изобилии. Прежде всего, подчеркивал вождь, нэп не предполагает политических уступок или идеологических компромиссов. Высшая цель остается прежней: укрепление социализма и дальнейшее продвижение к коммунизму. Он хотел, даже в условиях нэпа, взять курс на разработку «единого экономического плана для всей страны». Не утратив склонности к террору, он рекомендовал расстреливать виновных в мошенничестве и коррупции, бюрократических злоупотреблениях и даже в торговых спекуляциях: «*Невозможно* отличить спекуляцию от „честной" торговли, если понимать спекуляцию в политико-экономическом смысле. Свобода торговли есть капитализм, капитализм есть спекуляция: было бы нелепо закрывать на это глаза». Следовательно, капитализму не будет дано никаких поблажек. Скорее он сам станет объектом эксплуатации Советским государством: капиталистические тенденции в

экономике приведут к образованию более крупных производственных предприятий, что, в свою очередь, облегчит включение этих предприятий в состав государственной собственности в недалеком будущем. К тому же капитализм позволит России быстрее подняться до технического и культурного уровня, необходимого для построения социализма. Таким образом, нэп был, в изложении Ленина, не чем иным, как возвращением на курс, взятый партией после Октябрьской революции, но измененный в связи с гражданской войной, курс на социализм.

Эти прямые и убедительные доводы были представлены им на партийной конференции по вопросу о нэпе, начавшейся 26 мая 1921 года. Ленин знал, что ему придется столкнуться с запоздалой реакцией ведущих большевиков на нэп. Конечно, он не умел предсказывать силу настроений, но даже он — самый неистовый полемист партии — был потрясен злобностью спущенных на него собак. Зал разразился упреками: крупная промышленность в загоне, рабочие нищают, центральное руководство не объяснило, как следует, суть своих нововведений и проморгало опасность со стороны кулачества. Ленинская брошюра тоже не избежала критики. Ее объявили туманной и бессвязной. Ни один делегат не подал голос в защиту Ленина. Никогда еще за всю свою долгую карьеру он не становился мальчиком для подобного словесного битья.

Разъяренный Ленин вернулся на следующий день, чтобы участвовать в прениях по поводу недавнего бунта профсоюзных руководителей. Он опоздал к началу, но попросил слова, чтобы выплеснуть свой затянувшийся гнев. Перечислив все грехи Томского, он указал на архиважность внутреннего единства партии. В очередной раз он доказывал, что главная опасность для революции таится в столкновении интересов рабочих и крестьян. В любой момент можно ожидать выступления фракций в защиту того или иного социального класса[9]. Против этого только одно противоядие — дисциплина. Его призыв был направлен не только на предотвращение будущих конфликтов с профсоюзами, но и против пересмотра нэпа. Ленинская страстность повлияла на настроение конференции. Тут необходимо отметить, что, несмотря на всеобщую направленность выступлений против отдельных аспектов нэпа, ни один голос не потребовал его отмены. Сработал принцип молчаливого согласия. Без лишних слов было решено, что иной альтернативы нет. Конференции хватало поводов для выпускания пара. В частности, объявить о начале «безжалостной борьбы» с социалистами-революционерами. Никого

не радовал и тот факт, что партия расставалась с планами открытого военного распространения революции на Запад. Но Ленин подбодрил делегатов: «Конечно, если в Европе произойдет революция, мы, естественно, изменим политику»[10]. Эта его ремарка не публиковалась нигде. Все, что было позволено напечатать в «Правде», это ленинский прогноз насчет сохранения нэпа «всерьез и надолго».

Со страниц стенографического отчета его выступления на конференции так и веет силой. Спектакль был разыгран им, как по нотам. Зачитывая список ведущих деятелей партии, которые подвели его или находились на лечении, он призывал к жалости. Своих критиков он обвинял в том же, в чем и они его. Вышагивая по помосту в Свердловском зале, он просто излучал гнев и решительность. Свои речи он пересыпал апофтегмами (афоризмами) из Маркса. В ответ на попытку подвергнуть сомнению его ортодоксальность он обрушился на оппонентов с руганью. Ни на секунду он не ослаблял воинственной напористости, утверждая, что нэп — усовершенствованный вариант нэпа, разработанный им после февраля — единственное средство преодоления общего кризиса режима.

Прения проходили в столь злобной атмосфере, что Ленин решил насколько возможно засекретить их содержание. Партия должна была подтвердить правильность стратегического выбора, сделанного в феврале 1921 года, и он не хотел, чтобы кто-либо узнал, насколько сильными оказались первоначальные оппозиционные настроения. Кроме того, ему было необходимо закрепить победу над партией с помощью кампании против левацких элементов в Коминтерне. Фиаско «мартовской акции» 1921 года в Берлине мучило его, как гнойная рана. Любое повторение подобного «авантюризма» могло поставить под угрозу многочисленные торговые и дипломатические соглашения, санкционированные Совнаркомом с начала года. После катастрофы в Польше Ленин считал самоочевидным, что в обозримом будущем политику революционного экспансионизма следует проводить чрезвычайно осторожно. Слишком многое можно было потерять. 16 марта 1921 года было подписано англо-советское торговое соглашение, одно из условий которого предписывало советским властям воздерживаться от подрывной деятельности на территории Британской империи. Двумя днями позже в столице нейтральной Латвии, Риге, был заключен мирный договор с Польшей. Дипломатическое соглашение было достигнуто и с Турцией. Но сильнее всего Ленина радовало то, что под-

ходы к нему стали нащупывать представители деловых кругов Соединенных Штатов и, особенно, Германии. На горизонте уже маячила перспектива надежного обеспечения защиты и укрепления советских интересов.

В некоторых случаях, особенно в беседах с иностранцами, он пользовался набором фраз, создававших впечатление, что он доволен существующим состоянием дел. Ленин мастерски жонглировал словами. Когда он говорил, что предпочитает «мирное сосуществование», многие на Западе начинали считать его в некотором роде пацифистом. Но среди товарищей коммунистов, все равно русских или зарубежных, он никогда не высказывал подобных немарксистских соображений. Да и зачем? Он по-прежнему верил, что к Советской России, в конечном итоге, примкнут Советская Германия, Советская Франция и Советская Британия. Но он всегда гордился своим умением не падать духом в беде. Он продолжал санкционировать секретную рассылку денег, шпионов и пропагандистских материалов по всему миру, особенно по Центральной Европе. Делалось все, чтобы вбить клин между капиталистическими державами. Он не объяснил, каким образом соблюсти баланс между сближением с такими державами и усилением интересов глобальной социалистической революции. Он не решил этот вопрос даже для себя.

Одно ему было ясно: в Коминтерне следует провести работу о необходимости избегать любой революционной нетерпеливости, которая могла бы побудить Францию и Соединенное королевство к организации крестового похода против коммунизма и тем самым поставить под угрозу Советскую Россию. Последним решительным шагом в год, последовавший за польской катастрофой, стала попытка убедить зарубежных коммунистов примкнуть к этой линии на Третьем конгрессе Коминтерна, который открылся в Москве 23 июня 1921 года. Ленин внимательно следил за такими влиятельными в Коминтерне фигурами, как Карл Радек и Бела Кун. Коммунистическая партия Германии отбивалась от критики за «мартовскую акцию»; ее лидеры упрямо твердили, что только хотели повторить действия большевиков-ленинцев в 1917 году. Ленину надоело с ними нянчиться. Он, разумеется, понимал, что от них вполне можно ожидать еще одной несвоевременной попытки захвата власти. На Конгрессе он заявил, что большевики выступили против Временного правительства только после того как обеспечили «большинство в Советах рабочих и крестьянских депутатов» и что именно такая программа действий должна стать примером для германских коммунистов.

Это была чистой воды фальсификация истории. В действительности, лишь после октября 1917 года большевики добились абсолютного большинства, и то только в городских Советах. Но к концу гражданской войны в этот миф поверило большинство большевиков и, возможно, сам Ленин. Так или иначе, но к дню закрытия конгресса 12 июля он добился своего.

Ленину пришлось полностью проявить свой дар убеждения. Дело в том, что он часто срывался на бестактности. Венгерские коммунисты, в особенности Бела Кун, восприняли в штыки его трактовку событий. И что удивительно, Ленин извинился; правда, тут же заверил всех в правильности текущей политической линии, намекая на то, что в прошлом сам бывал неправ:

> «...я спешу вам письменно сообщить: когда я сам был эмигрантом (более 15 лет), я несколько раз занимал «слишком левую» позицию (как я теперь вижу). В августе 1917 г. я также был эмигрантом и внес в Центральный Комитет нашей партии слишком «левое» предложение, которое, к счастью, было начисто отклонено»[11].

Подобного признания пришлось ждать очень долго. В отличие от другой своей ссылки на историю 1917 года, истинность этого заявления очевидна. Можно добавить, что его предложение Центральному Комитету не только в августе, но также и в октябре было гибельным. Разница в том, что его августовское предложение поставило под угрозу существование партии, а его настойчивость в исполнении октябрьского предложения обрекла всю страну на разрушение и гибель.

Он никогда не собирался критически оценивать план захвата власти большевиками. Его жизнь и карьера были неразрывно связаны с Октябрьской революцией 1917 года, и он намеревался заставить Коминтерн поверить, что он знает лучше, чем любой другой из живущих коммунистов, русских или зарубежных, как лучше защитить эту революцию. И с невероятной жестокостью он доказывал это на секретных заседаниях Политбюро и Центрального Комитета. Он настоял на посылке Красной Армии на подавление кронштадских мятежников, на физическом уничтожении зачинщиков и на расселении остальных мятежных кронштадских матросов в карательной колонии на Ухте на Крайнем Севере России. Он одобрил перевод политического комиссара Владимира Антонова-Овсеенко и красного командира Михаила Тухачевского в Тамбов с заданием выкорчевать в месячный срок сам дух восстания, а при необходимости применять

отравляющий газ, сбрасывая химические бомбы с аэропланов. Он санкционировал применение насилия против всех, кто осмеливался выступать с политическими протестами против красных, когда они вводили войска в Азербайджан, Армению и Грузию. Также как в 1891–1892 годах он оставался глух к донесениям о захлестнувшей Россию и Украину волне голода, даже несмотря на получившие широкое распространение случаи каннибализма. Он дал ЧК полную свободу действий в подавлении любых забастовок в промышленности. Много раз Ленин жаловался на депрессию. Но ни разу он не признался ни одному из соратников, что Октябрьская революция была совершена напрасно и что он сыт по горло океаном пролитой крови.

Вместо этого рассуждал о проделанной за последний год большой работе. Если бы не он, его партия сбросила бы сама себя в пропасть. Нэп, как сочетание интенсивных военных и политических репрессий с крайне незначительной экономической реформой, был тем скудным минимумом, который мог спасти советский режим. Он осознал это позже, чем мог и должен был сделать. Но ни один другой большевик не мог бы толкнуть на это всю партию. За несколько дней до окончания Третьего конгресса Коминтерна он был в полном изнеможении и, к разочарованию делегатов, не появился на заключительном заседании. Но он сделал все, что намеревался сделать. Он не позволил бы себе хвастовства на эту тему. Триумфальные победы на съезде партии, на партийной конференции и на конгрессе Коминтерна явились результатами его исключительного политического искусства. Без Ленина не было бы Октябрьской революции 1917 года. Без Ленина Российская коммунистическая партия не протянула бы дольше конца 1921 года.

26

Вопрос жизнеспособности

Июль 1921 — июль 1922

Большинство из основных составляющих ленинской новой экономической политики было расставлено по местам. Крестьянам разрешили продавать излишки зерна всем кому угодно, в города вернулись мелкие частные мануфактуры и коммерческие предприятия, открытые угрозы свержения капитализма в Европе отложены в долгий ящик. В то же самое время хватка однопартийного государства с единой идеологией не ослабевала. Ведущие посты в общественных учреждениях были заполнены большевиками, а ЧК — преобразованная в Главное политическое управление (ГПУ) — арестовывала несогласных. За исключением Польши и балтийских государств, окраины бывшей Российской империи были отвоеваны. Марксистские догматы получили официальный приоритет над любыми альтернативными национальными, религиозными и культурными воззрениями. Партия Ленина не теряла уверенности в том, что рано или поздно коммунизм завоюет весь мир.

К середине 1921 года, однако, Ленин почувствовал, что ему тяжело выполнять служебные обязанности. Проблема не была интеллектуальной или политической, а всего лишь физической; его здоровье, никогда не отличавшееся особой крепостью, резко ухудшилось. Он больше не мог работать с утра до ночи. Усилились хронические головные боли и бессонница, и он пережил несколько микроинфарктов. Проконсультировавшись со своими врачами, он понял, что они затрудняются поставить точный диагноз, и тогда он обратился за советом к своему брату Дмитрию. Это решило, по крайней мере, одну из его проблем. Неко-

горые специалисты предполагали у Ленина болезнь желудка. Дмитрий Ильич думал иначе. Понаблюдав за ним во время игры в городки в Горках, он заметил, что брат, увлекаясь, резко выпрямляет спину, а, следовательно, напрягает мускулатуру живота. Как только Ленин прекратил играть в городки, проблемы с желудком прекратились[1]. Но в остальном Дмитрий Ильич был в таком же недоумении, как и все, а прочие симптомы болезни доставляли прежнее беспокойство. Ленин пребывал в таком отчаянии, что раскрыл свою тайну членам Политбюро. Сделал он это весьма неохотно, так как очень боялся вмешательства в свои дела со стороны товарищей-вождей. Но он попал в ловушку, которую расставил себе сам. Введенная им самим практика приказывать больным коллегам отправляться в больницу или в санаторий не оставляла ему разумных причин жаловаться, если Политбюро решит, что он сам нуждается в лечении.

4 июня 1921 года Политбюро обязало его взять месячный отпуск[2], и Ленин послушно отправился в Горки. Ему было разрешено приехать в Москву только на несколько заседаний Третьего конгресса Коминтерна. Но суровая правда, которую он скрыл от всех, кроме узкого кружка высших партийных руководителей, заключалась в том, что он серьезно болен. 8 июля он сам попросил снять с него часть служебных обязанностей на последующий месяц[3]. Просьба была удовлетворена. 9 августа его товарищи взяли инициативу в свои руки и приказали ему продлить отпуск. Ленин сказал откровенно: «Я не могу работать»[4]. За этим последовало медицинское освидетельствование и единодушно предписанное специалистами различного профиля длительное воздержание от работы. Но Ленин, который до этого момента вел себя необычайно послушно, начал спорить с врачами и добился их согласия на уменьшение, но не полное отстранение от общественной деятельности. К предупреждениям врачей он отнесся легкомысленно. Он продолжал возглавлять Политбюро, Центральный Комитет и Совнарком; более того, в декабре он появился на съезде Советов.

Тем временем он довольно долго приглядывался к бывшим помещичьим усадьбам в Подмосковье, пока не обосновался в «Большом доме» в Горках, где для него были приготовлены комнаты. Особняк в Горках был построен в восемнадцатом веке, в пору расцвета среди провинциального дворянства моды на великолепные дома в своих поместьях. В 1910 году он был обновлен новыми владельцами, генералом и мадам Рейнбот, поэтому, в отличие от большинства подобных домов, в нем было электри-

чество и центральное отопление. Перед первой мировой войной к нему был добавлен зимний сад. Но архитектурная красота здания не пострадала. Классический фасад украшали шесть белых колонн. Внутри комнаты с великолепными высокими потолками были уставлены удобной, хорошо сохранившейся мебелью. Два этажа и просторные комнаты создавали атмосферу покоя и беззаботности. Неподалеку располагались усаженные деревьями лесопарки, где в березняках в изобилии водились зайцы. Кроме того, рядом был небольшой ухоженный пруд, в котором прежние хозяева ловили рыбу. В сезон округа изобиловала грибами. К югу от особняка текла речка Пахра. Воздух в Горках, расположенных на взгорке, был чистым и свежим. Ленин выбрал превосходное место для лечения.

По выходным к нему приезжали Надежда Константиновна и Мария Ильинична. Намереваясь создать там рабочую обстановку, он взял с собой кремлевскую домработницу Сашу[5]. Он распорядился провести дополнительную телефонную линию до близлежащего Подольска, с тем чтобы в случае экстренной необходимости обеспечить связь с Кремлем. Книжные шкафы в гостиной были уставлены четырьмя сотнями томов справочной литературы — жизнь без книг теряет всякий смысл[6]. Степан Гиль пригнал «роллс-ройс» с закрытым кузовом и поставил его в гараж рядом с домом. Этот великолепный, светло-серый, сияющий хромированными деталями автомобиль купил в Лондоне по поручению Совнаркома народный комиссар внешней торговли Леонид Красин. К сожалению, в зимние месяцы «роллс-ройс» использовать было нельзя, и Ленин разрешил приспособить его к передвижению по снегу. С автомобиля сняли колеса, на передний мост прикрепили огромные лыжи, а задние обули в гусеницы. Это позволяло шоферу преодолевать извилистую дорогу к санаторию, не рискуя застрять в сугробах. М-р Роллс и м-р Ройс вряд ли бы это одобрили.

Ленин в качестве жильца Большого дома оказался весьма привередлив. Он не разрешил слугам снимать чехлы с мебели, так как намеревался, по окончании лечения, оставить все вещи точно в том же виде, в каком их нашел, заселяясь. В подобный запрет не совсем вписывается предпринятая в 1918 году попытка развести огонь в камине на втором этаже, как он привык делать в лондонской эмиграции в доме миссис Йо на Холфорд-сквер[7]. Камины в Горках не были предназначены для подобных целей, и результатом стал пожар, от которого сгорел бы весь дом, если бы не расторопность телохранителей.

В обычные дни Ленин не любил, когда топили слишком сильно, и надеялся, что его врачи тоже люди морозоустойчивые. Психиатра, профессора Виктора Осипова, расстроило распоряжение Ленина не поднимать температуру в комнатах выше 15°C[8]. Но Осипов был не настолько глуп, чтобы жаловаться: он совсем недавно был выпущен из застенков ЧК[9]. Кажется, еще вчера его должны были судить и, возможно, расстрелять как контрреволюционера, а сегодня он в числе ведущих врачей пользует верховного вождя революции. Столкнувшись с проблемой болезни Ленина, Политбюро пришлось рационализировать подход к определению «врагов народа». Лечить больных могут только доктора, к тому же обвинение против Осипова было шито белыми нитками. Народный комиссар здравоохранения Николай Семашко попросил рекомендовать ему самых лучших специалистов. Деньги не были препятствием для приглашения иностранных светил присоединиться к консилиуму врачей, лечивших Ленина. Таким вот образом группа немецких профессоров прибыла в помощь профессору Осипову и другим выдающимся русским докторам, чтобы поставить диагноз и полностью восстановить физическое состояние вождя.

На состоянии больного начали сказываться непосильные нагрузки, взваленные им на себя в 1917 году, и он поступил неразумно, не захотев радикально снизить их во второй половине 1921 года. За исключением кратких периодов лечения, он не имел возможности проводить длинные летние месяцы на отдыхе, которым он наслаждался в эмиграции. Его тело и мозг молили о передышке. Он сходил с ума от отчаяния и не знал, к кому обратиться. Опыт общения с русскими врачами, за исключением брата Дмитрия, породил в нем недоверие, а немецкие профессора, приглашенные за огромные деньги Народным комиссариатом здравоохранения, все никак не могли поставить однозначный диагноз. (В конечном итоге они так его и не поставили.) А состояние Ленина становилось все хуже. Но одна вещь угнетала его больше, чем любые физические страдания; впервые в жизни он терял волю к работе. Иногда, по утрам, он поднимался с постели и ловил себя на мысли, что ему все равно, просмотрел он почту или нет[10]. Это было выше его понимания. Он не мог поверить, что такое случилось именно с ним. Целенаправленность была одним из основных его качеств с самого детства. Непростительным грехом в семье Ульяновых считалось не справиться с поставленной задачей. Отказаться же от попытки решить ее было не просто непростительным; это было невообразимым.

Отец Ленина Илья Николаевич довел себя до физического изнеможения, работая над созданием сети начальных школ в Симбирской губернии. Его брат Александр пренебрег поездкой домой из Санкт-Петербурга на рождественские каникулы ради подготовки к экзамену по биологии. Николай Чернышевский, находясь в многолетней административной ссылке в Сибири, посвятил себя исследованиям по русской социологии и экономике. Карл Маркс написал тома по общей социальной теории в Лондоне. Все эти ленинские герои работали, пока не падали замертво. Но внезапно, на пятьдесят втором году жизни, он больше не чувствовал автоматического влечения к работе.

Никто не мог объяснить, в чем дело. Он хотел поговорить о своей апатии с братом-врачом и с приставленными к нему специалистами. Апатия была одной из двух новых проблем. Но лишь в ходе консультации с профессором Ливерием Даркшевичем* 4 марта 1922 года он рассказал ему о второй. Даркшевич, настолько же талантливый слушатель, как и невропатолог, вытянул из него признание в том, что его мучает отсутствие душевного покоя и периодические «обсессии» (навязчивые состояния)**. Мы до сих пор не знаем, в чем конкретно заключались эти «обсессии», но нет сомнения в том, что Ленин интересовался, не сошел ли он с ума. Им трудно было обсуждать симптомы по-русски, и, так как Ленин был более привычен к французским медицинским справочникам и терминологии, они общались по-французски. Ленин был на грани отчаяния. Бессонница, головная боль, сердечные спазмы, апатия, боли в спине и «обсессии» в совокупности привели его в состояние глубокого пессимизма. Никто об этом не догадывался. Он всегда был скрытен в том, что касалось его болезней, за исключением разговоров с членами семьи — и даже с ними он раскрывался не до конца. Но на этот раз, чувствовал он, с ним происходило что-то гораздо худшее, чем все испытанное им ранее. Он начинал тайно паниковать и подумывать о самоубийстве.

Он боялся умереть медленной и мучительной смертью от паралича и долгое время находился под впечатлением аналогичного решения лишить себя жизни, принятого зятем Маркса, Полем Лафаргом, в 1911 году[11]. С этой целью он обратился к самому несгибаемому из своих товарищей: Сталину. Он не желал за-

---

* *Ливерий Даркшевич* (1858–1925) — российский невролог, исследовал строение и функции различных отделов головного мозга.

** *Обсессии (навязчивые состояния)* — непроизвольные мысли, воспоминания, сомнения, фобии и др., сопровождающиеся сознанием их болезненности и тягостным чувством непреодолимости.

висеть от родственников, не говоря уже об эмоциональных привязанностях. Из остальных товарищей по партии вряд ли кто-нибудь обладал необходимой решимостью. Но Ленин вытянул из Сталина обещание дать ему яд в любое время, когда он ни попросит. Он считал, что будет готов, когда наступит нужный, по его мнению, момент[12].

Свое решение, как бы то ни было, он утаил от профессиональных медиков, консультировавших его в эти месяцы, опасаясь, что они могут помешать его плану. Тем не менее, он доверял им некоторые мысли по другому поводу. Такое явление нередко, особенно у людей, лишенных религиозных убеждений и, следовательно, не имеющих священника, духовного отца или равнозначного им человека, которому можно облегчить душу. Ленин, решившись однажды довериться Даркшевичу, выложил, как на духу:

> «Каждый революционер, достигши пятидесяти лет, должен быть готовым выйти за флаг: продолжать работать по-прежнему он уже не может; ему не только трудно вести какое-нибудь дело за двоих, но и работать за себя одного, отвечать за свое дело ему становится не под силу. Вот эта-то потеря трудоспособности, потеря роковая и подошла незаметно ко мне: я совсем стал не работник»[13].

Ленин чувствовал себя очень подавленным, говоря, что «его песня спета, его роль сыграна» и что он должен передать свой пост кому-то другому. Кроме того, он испытывал сильные боли: «Ночь, обреченная на бессонницу, вещь поистине ужасная, когда поутру надо быть готовым к работе, работе, работе без конца...»[14].

Мария Ильинична и семейный врач Ульяновых профессор Гетье присутствовали и слышали, как Ленин изливал душу[15]. Знаменателен тот факт, что Ленин выбрал в свидетели сестру, а не Надежду Константиновну; холодность между ним и его супругой все еще оставалась. Консультация продолжалась четыре часа, после чего Даркшевич вынес свое заключение. Он не смог найти никакой «органической болезни мозга», скорее дело обстояло в мозговом истощении. Предложенный им курс лечения был прост. Ленину нужен был отдых от интеллектуальной и политической работы; ему необходимо отдохнуть в Подмосковье и, если возникнет желание, поохотиться. Не следует выступать больше чем с одной речью в месяц. Ленин остался доволен. Тень преждевременной смерти обошла его стороной. Мария Ильинична поблагодарила Даркшевича и сказала, что ее брат стал «совер-

шенно другим человеком»[16]. Приободрившись духом, он продолжал жить в Большом доме в Горках. Время от времени — он не собирался строго соблюдать рекомендованный Даркшевичем режим — он выезжал в Москву. Его горячность доставляла шоферу, Степану Гилю, массу неудобств. Ленин всегда требовал гнать «роллс-ройс» как можно быстрее, невзирая на дорожные выбоины. Гиль подчинялся, но всегда тормозил, чтобы не задавить какое-нибудь животное. Ленин упрекал его за излишнюю «почтительность» к цыплятам на обочине. Это лишний пример бесчувственности, который дал повод официальным цензорам запретить почти на семьдесят лет любые упоминания о разговорах между Гилем и Лениным.

По возможности он все-таки следовал советам врачей. В 1921 году возник слух о его участии в международной экономической конференции, запланированной на следующий год в Генуе, на севере Италии. Иностранные корреспонденты уже называли эту поездку историческим событием. За пределами России о Ленине почти ничего не знали. Британские писатели Герберт Уэллс и Бертран Рассел* брали у него интервью в 1920 году; их рассказы не оставили у читателей сомнений в том, что это выдающийся человек и политик. Кроме того, несколько книг явно пропагандистского плана было издано в России, и каждая из них включала разделы о Ленине. Он был объектом всемирного любопытства. Возбуждение от возможности взглянуть на него нарастало, и некоторое время официальные лица в Москве не предпринимали ничего, чтобы положить конец этим домыслам. Даже будучи здоров, Ленин вряд ли бы решился на подобную поездку. Народный комиссар внешней торговли Леонид Красин предупреждал его о возможных попытках покушения со стороны русских монархистов или социалистов-революционеров. В ответ Ленин написал из Горок записку с просьбой к Политбюро запретить поездку не только ему, но также Троцкому и Зиновьеву. Риск был слишком велик[17].

---

* *Герберт Уэллс* (1866–1946) — английский писатель, классик научно-фантастической литературы, при создании своих романов опирался на новейшие естественнонаучные концепции, делал прогнозы научного и технического прогресса. В 1914, 1920 и 1932 годах посещал Россию (кн. «Россия во мгле», 1920; «Опыт автобиографии», 1934).Сторонник созданного в 1884 году «Фабианского общества», организации британской интеллигенции, пропагандировавшей идеи постепенного преобразования капиталистического общества в социалистическое путем реформ. После создания Лейбористской партии (1900) — в ее составе. *Бертран Рассел* (1872–1970) — английский философ, логик, математик, общественный деятель. Основоположник английского неореализма и неопозитивизма. Развил дедуктивно-аксиоматическое построение логики в целях логического обоснования математики. Автор (совместно с А. Уайтхедом) основополагающего труда по математической логике — «Основания математики» (т. 1–3, 1910–1913). Лауреат Нобелевской премии по литературе (1950).

В последний момент было решено, что представлять Советское правительство будет народный комиссар иностранных дел Георгий Чичерин. Ленин подозревал, что в его отсутствие Политбюро может не сообразить, что Чичерин нуждается в жестком контроле из Москвы. В сущности, Ленин уже отверг возможность достижения всесторонней международной договоренности в Генуе. Причин было две: во-первых, он не хотел связывать себе руки в отношении внутренней экономической политики, так как понимал, что такова будет цена любой сделки с Соединенным королевством и Францией; во-вторых, не собирался закреплять таким образом территориальное и политическое устройство, навязанное Европе договорами в Версале, Сен-Жермене и Трианоне*. Ленин считал очевидным, что Советские долговременные интересы требуют создания барьеров между капиталистическими странами. Он рекомендовал Политбюро приказать Чичерину добиваться не всестороннего послевоенного договора, а сепаратного торгового и дипломатического соглашения с Германией. 16 апреля Советская делегация во главе с Чичериным выполнила указание Политбюро и заключила с немцами сепаратный договор в городке Рапалло**, что в девятнадцати милях от Генуи. Это был триумф ленинской дипломатической стратегии. Открывался путь резкого увеличения торговли с еще одной поверженной великой державой на континенте, не отказываясь окончательно от возможности «европейской социалистической революции».

Чичерин отступил от полученных инструкций, и Ленин, в характерном для последних месяцев раздражении, написал, что если тот свихнулся, ему надо подыскать место в сумасшедшем доме. Политбюро не восприняло эту рекомендацию всерьез. Ленин частенько заявлял, что того или иного товарища следует отправить на принудительное лечение. Заявление об умственном нездоровье товарища можно, однако, рассматривать под совершенно другим углом. Само собой напрашивается вывод, что, поста-

---

* *Сен-Жерменский мирный договор* — подписан 10 сентября 1919 года в г. Сен-Жермен-ан-Ле (близ Парижа) странами-победительницами в первой мировой войне и Австрией. Подтвердил распад Австро-Венгрии. Запрещал аншлюс, ограничивал вооруженные силы Австрии, обязывал ее выплачивать репарации. *Трианонский мирный договор* — подписан 4 июня 1920 года в Большом Трианонском дворце Версаля (Франция) между странами-победительницами в 1-й мир. войне и потерпевшей поражение Венгрией. К Румынии были присоединены Трансильвания и восточная часть Баната; к Югославии — Хорватия, Бачка и западная часть Баната; к Чехословакии — Словакия и Закарпатская Украина. Провинция Бургенланд была передана Австрии. Договор ограничивал вооруженные силы Венгрии и обязывал ее выплачивать репарации.

** *Рапалльский договор* — (подписан 16 апреля 1922 года в г. Рапалло, во время Генуэзской конференции), советско-германский договор о восстановлении дипломатических отношений, взаимном отказе от претензий, торгово-экономических связях.

вив радикальный диагноз бедному Чичерину, Ленин, в действительности, выражал страх за себя. Недаром он признавался профессору Даркшевичу, что временами чувствует, как сходит с ума.

Переговоры в Генуе и в Рапалло не были единственной темой, вызывавшей у Ленина приток желчи. Дела внутригосударственные приводили его в не меньшую ярость. Террор, продолжал настаивать он, есть неотъемлемая часть государственной политики. Советский режим просто не мог себе позволить отказаться от него, даже при нэпе. Совсем наоборот: Ленин утверждал, что экономическое отступление приведет к успеху только при условии поддержания максимальной политической дисциплины и контроля. В целях ограничения полномочий тайной полиции пресловутая ЧК была заменена Главным политическим управлением (ГПУ). Каменев настоятельно требовал, чтобы правосудие вершилось на официальной, открытой основе. Но как только до Ленина доходили слухи о любом потенциальном ослаблении партийной линии, он выходил из себя и вмешивался. «Бандитов» следовало расстреливать на месте. «Скорость и *силу* репрессий» следовало увеличить. Любые конституционные или законодательные реформы следует формулировать таким образом, чтобы санкционировать возможность применения смертной казни в делах, касающихся «всех аспектов деятельности меньшевиков, эсеров и т. д.». Он предупреждал, что режим не должен быть «застигнут врасплох вторым Кронштадтом». Гражданский кодекс, предлагал он, должен стать «*сущностью* и *оправданием* террора».

Крестьянские восстания в Тамбове и остальных местах по-прежнему подавляли силами Красной Армии. В Грузии продолжали выкорчевывать остатки национального сопротивления коммунистам. Не прекращались аресты известных офицеров белых армий. Репрессии на землях «Советской власти» проводились во множестве. Но Ленин хотел еще больше расширить их спектр. В первые месяцы 1922 года он призвал к окончательному искоренению любых потенциальных опасностей для государства, реальных или мнимых. Для социалистов-революционеров и меньшевиков он требовал устраивать показательные суды с последующими публичными суровыми наказаниями. Для иерархов русской православной церкви, по крайней мере для значительной их части, он требовал того же. В отношении прочих враждебных групп он был менее кровожаден. Но ненамного. Антибольшевистски настроенных представителей интеллигенции необходимо отправлять в ссылку либо депортировать; а если Шляпников

и рабочая оппозиция в его собственной партии не захотят отказаться от коллективной критики Политбюро, их следует вышвырнуть из партии.

Его вмешательства всегда отличались исключительной резкостью. Во время визита в Берлин Бухарин и Радек посчитали целесообразным дать обещание отказаться от вынесения смертных приговоров меньшевикам и социалистам-революционерам. Ленин отхлестал их в «Правде» за излишнюю уступчивость. Когда он требовал репрессий, он имел в виду именно репрессии. Он вникал во все возможные детали. Просматривая списки жертв, он делал пометки только в сторону ужесточения наказаний. Книга, изданная философом христианского социализма и бывшим марксистом Николаем Бердяевым*, была названа «литературным прикрытием белогвардейской организации»[18]. Когда в поле его зрения попали показательные суды над православными епископами и священниками, он пошел еще дальше: «Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии нам удастся расстрелять под этим предлогом, тем лучше. Именно сейчас мы должны преподать урок этой публике, чтобы они несколько десятков лет не осмеливались даже думать о сопротивлении». В подобных конфиденциальных письмах Ленин определял выбор стратегии, необходимой для того, чтобы ни один советский гражданин не тешил себя иллюзиями насчет возможности склонить коммунистический порядок к смягчению его свирепой идеологии. Альтернативные варианты организации общества следовало искоренить. Небольшевистский социализм, религия и интеллектуальное инакомыслие стали главными потенциальными питательными корнями оппозиции, и Ленин намеревался стереть их в порошок.

Кое-чего из желаемого он добился. Прошли показательные суды над социалистами-революционерами, но не над меньшевиками, причем смертные приговоры, вопреки его настоянию, вынесены не были. В то же время Политбюро пошло ему навстречу и санкционировало смертную казнь для представителей православного духовенства. Главное же заключалось в том, что принцип использования судов и ЧК для сокрушения оппозиции од-

---

* *Николай Бердяев* (1874–1948) — российский религиозный философ. Участвовал в сборниках «Вехи» (1909), «Из глубины» (1918). В 1922 году выслан из Советской России. С 1925 г. — во Франции, издавал религиозно-философский журнал «Путь» (Париж, 1925–1940). От марксизма перешел к философии личности и свободы в духе религиозного экзистенциализма и персонализма. В философии Бердяева свобода, дух, личность, творчество противопоставляются необходимости, миру объектов, в котором царствуют зло, страдание, рабство. Смысл истории, по Бердяеву, мистически постигается в мире свободного духа, за пределами исторического времени.

нопартийному государству с унитарной идеологией внедрялся с нарастающим энтузиазмом.

Но ряд симптомов вселял сомнение в правильность обнадеживающего диагноза, поставленного Даркшевичем. Обследовать Ленина приезжали еще многие специалисты, включая хирурга Юлиуса Борхардта и терапевта Георга Клемперера из Германии, гонорар которых составлял по 20 000 марок в день каждому[19]. Тщательному анализу подверглась вся история болезни пациента: проблемы со зрением в детстве, болезни желудка в молодости, головные боли и бессонница, рожистое воспаление, недавние преходящие нарушения мозгового кровообращения, апатия и навязчивые состояния. Врачи были в недоумении. Единодушны они были только в том, что отдых в одиночестве ему не поможет.

Клемперер придерживался мнения, что без извлечения пули, засевшей в шее в 1918 году, надежд на излечение нет. Он предполагал, что причиной головных болей являлся содержавшийся в пуле свинец, отравлявший мозг. (Тот факт, что Ленин страдал от хронических головных болей задолго до выстрелов у выхода с завода Михельсона, во внимание принят не был.) Было отмечено, что Ленин сильно нервничал во время медицинского обследования, но это приписывали вторичной проблеме, вызванной чрезмерным переутомлением: неврастении. Главной причиной заболевания, по мнению Клемперера, было токсичное воздействие пули. Клемперер сумел переубедить даже профессора Владимира Розанова с профессором Борхардтом, которые возражали против операции. В результате Борхардт, попытавшийся, правда безуспешно, возложить обязанности хирурга на Розанова, сам провел операцию в Солдатенковской больнице 23 апреля[20].

Таким образом, пулю извлекли, и, когда Ленин проснулся на следующее утро в восемь часов, появились первые признаки того, что предположение Клемперера было правильным. Ленин даже не чувствовал боли в шее[21]. Но, к несчастью, такое обнадеживающее состояние продлилось недолго; едва прошел месяц после операции, как, 25 мая 1922 года, находясь в Горках, Ленин перенес обширный удар. Его подняли и перенесли в постель, а врачи остались наблюдать, выживет ли он. Вся правая сторона его тела была парализована. Он почти не говорил. Мысли путались; он был в отчаянии. Выздоровление обещало быть долгим и даже сомнительным. К счастью, к этому моменту Большой дом был полностью оборудован для целей лечения, и Надежда Кон-

...антиновна с Марией Ильиничной, сложив часть служебных ...язанностей, взяли на себя основную заботу по уходу.

Ленина опять консультировали быстро сменявшиеся врачи, ...29 мая состоялся большой консилиум. В его состав вошли Ко...евников, Россолимо и Крамер*, а также семейный врач Улья...овых Федор Гетье и народный комиссар здравоохранения Николай Семашко. Некоторые из них полагали, что поставленный Даркшевичем диагноз «переутомление» был неверным. Но что на самом деле происходило с Лениным? 29 мая невропатолог А. М. Кожевников, написавший научное исследование о сифилисе, взял у Ленина анализ крови на реакцию Вассермана. На следующий день его место занял офтальмолог Михаил Авербах**. Официальная история утверждает, что результаты осмотра категорически отвергали сифилис, особенно после того как результаты анализа на РВ оказались отрицательными. Однако соматальные симптомы оставляют место для сомнений. Предположительно, именно по этой причине профессора Кожевников и Ферстер*** прописали ему инъекции препаратов на основе мышьяка, что в те времена было обычным способом лечения сифилиса[22]. К сожалению, несмотря на горы информации, относящейся к этому периоду жизни Ленина, результаты анализов пропали[23]. Имея их на руках, современные патологи могли бы однозначно определить, был ли у него сифилис, но их отсутствие наводит на подозрение в том, что Советское руководство, желая сохранить образ Ленина как морально безупречного человека, спрятало или уничтожило компрометирующие архивные материалы.

С уверенностью утверждать теперь можно только одно: некоторые врачи подозревали у него сифилис, другие это отрицали. К последней группе можно отнести Даркшевича и другого известного невропатолога, профессора Россолимо, русского ита-

---

* *А. Я. Кожевников* (1836–1902) – российский невропатолог, один из основоположников невропатологии в России, создатель московской научной школы, автор ряда трудов по морфологии и физиологии центральной нервной системы, первого российского учебника по невропатологии («Нервные болезни и психиатрия», 1880–1881). *Григорий Россолимо* (1860–1928) – один из основоположников детской неврологии в России, разработал ряд методов клинического исследования нервной системы. *Василий Крамер* (1876–1935) – российский невропатолог, один из основоположников российской нейрохирургии, автор ряда трудов по локализации функций в головном мозге, семиотике поражений мозга и др.

** *Михаил Авербах* (1872–1944) – офтальмолог, акад. АН СССР (1939), один из организаторов Офтальмологического института им. Гельмгольца (1935), автор ряда трудов по физиологической оптике, офтальмохирургии, профессиональным повреждениям глаз.

*** *Отфрид Ферстер* (1873–1941) – немецкий невропатолог, один из основоположников нейрохирургии в Германии, автор трудов по локализации мозговых функций, хирургическому лечению эпилепсии и др. Одним из первых начал применять в клинической практике вентрикулографию, электроэнцефалографию.

льянского происхождения. Россолимо прямо заявил Ленину, что лучше бы у него был сифилис, который к тому времени уже был излечим. Но хотя одни симптомы указывали в этом направлении, другие этого явно не подтверждали. Профессор Россолимо пришел к выводу, что болезнь была даже более серьезной, чем сифилис и что долгосрочные прогнозы для больного крайне неблагоприятны.

Консилиум врачей свел дискуссию к небольшому числу возможных причин. Одной из них мог быть сифилис; такая возможность продолжала обсуждаться в 1923 году, когда профессор А. Штрюмпель, ведущий немецкий специалист по нейросифилису, пришел к заключению, что Ленин страдает от «endateriitis luetica». Это латинское название сифилитического воспаления артериальных выстилок[24]. Другая возможная причина — «неврастения», или нервное истощение, как результат крайнего переутомления. Почти наверняка этот же диагноз поставил ему двадцать лет назад швейцарский специалист; и теперь подтвердил Ферстер, который назвал главной причиной токсины, выделявшиеся свинцовой пулей, но при этом подтвердил наличие у больного неврастении[25]. Третьей возможной причиной, по мнению некоторых врачей, мог быть вред от хирургической операции по извлечению застрявшей в шее пули. Естественно, Клемперер у такая точка зрения не нравилась, так как именно он настоял на операции. Четвертой и последней гипотезой был церебральный артериосклероз. Были сведения, что именно от этой болезни умер в 1886 году отец Ленина, который вполне мог передать ее по наследству сыну. Последующая история болезни семьи Ульяновых тоже указывает в этом направлении. Анна Ильинична в 1922 году пересекла инкогнито границу с Латвией, направляясь в санаторий, где с ней случился удар с последующим хроническим параличом, и она умерла в 1935 году. Двумя годами позже Мария Ильинична умерла от сердечного приступа, а Дмитрий Ильич умер от стенокардии — закупорки примыкающих к сердцу кровеносных сосудов — в 1943 году[26].

Врачи не могли не принять во внимание предположение, что болезнь Ленина была вызвана одновременно несколькими причинами. Говоря по правде, состояние пациента приводило их в замешательство, и они продолжали спорить друг с другом. Лишь в одном все были едины. Ленину необходимо было резко ограничить политическую активность. Сказать ему об этом поручили некоему профессору Обуху. Отказ следовать данному предписанию, как недвусмысленно объяснили Ленину, повлечет за

собой еще один удар или смерть. Ленин стал возражать, говоря о том, что его распорядок дня вовсе не такой уж напряженный, ведь он не пил слишком много и не вел «распутный образ жизни»[27]. Но Обух стоял на своем. Единственное, что могло сохранить Ленину жизнеспособность — это продолжительный отдых от общественных обязанностей. Согласившись для вида с рекомендациями врачей, в действительности Ленин собирался обмануть медиков. Собственные поиски в медицинских справочниках убедили его в том, что надежды для него нет. Он твердо решил, что самоубийство лучше, чем мучения паралитика, и 30 мая вызвал в Горки Сталина. При встрече они по русскому обычаю расцеловались. Затем Ленин попросил гостя достать ему яд, чтобы осуществить задуманное. Выйдя из спальни, Сталин посоветовался с Бухариным и Марией Ильиничной. Они договорились, что Сталин вернется и объяснит Ленину, что оптимистическим прогнозам врачей можно верить. На этот раз Ленин согласился. Он еще немного подождет сводить счеты с жизнью[28].

Но что же было с ним на самом деле? За последующие десятилетия медицинская наука шагнула далеко вперед и могла бы, если бы Ленин был ее пациентом сегодня, без особого труда определить его болезнь. Одна из возможных причин уже не подлежала бы серьезному рассмотрению: неврастения. В наши дни этот диагноз, столь популярный до середины двадцатого века, редко признается основным заболеванием. Из трех оставшихся диагнозов с определенной долей вероятности можно предположить любой. Если бы не отрицательный результат анализа на реакцию Вассермана, это вполне мог бы быть сифилис. Если бы не ряд микроинфактов до 1922 года, стоило бы задуматься над последствиями удаления пули. И все же нельзя игнорировать тот факт, что некоторые из врачей Ленина были убеждены в том, что у него сифилис, даже несмотря на то что результаты анализа не были положительными. Точно так же нельзя опровергнуть версию рокового влияния операции с пулей на текущее состояние больного. Возможно и то, что прав был профессор Осипов, предположивший у Ленина артериосклероз, или «затвердение артерий». Часто он сопровождается повышением давления крови на стенки артерий. Пораженные артерии, в случае с Лениным, как показало вскрытие в 1924 году, соединялись с мозгом.

На Западе этот вопрос не представляет большого интереса. Однако в России коммунистическая администрация пропагандировала образ Ленина как морально безупречной личности, и следствие этого многие современные историки многое дали бы

за доказательства его смерти от венерического заболевания[29]. Это было бы лучшим основанием для намеков на его сексуальную нечистоплотность. Стремление вполне понятное. Но оно вызвано мотивами, далекими от истории медицины. Следовательно, пока на свет не всплывет иная информация, нет смысла гадать над заключением.

Каковы бы ни были причины, обширный удар имел место. Единственным разумным восстановительным средством для Ленина было полное отлучение от активной политики. И даже это не могло принести исцеления, только отсрочку второго удара. Но если бы Ленин думал так, то он убил бы себя, как планировал. В действительности же общими усилиями медиков его удалось убедить в том, что они смогут восстановить его здоровье, и он сможет возобновить работу в Политбюро и Совнаркоме. Он выглядел достаточно бодрым и понемногу начал поправляться. Читал книги. Писал записки в Политбюро. Снова начал прогуливаться по округе и интересоваться сельскохозяйственными работами в Горках. Но главное, его информировали о политике Кремля, для чего Сталин, как Генеральный секретарь партии, приезжал в Горки и вел с ним беседы с глазу на глаз. Ленин просил Марию Ильиничну приносить бутылку красного вина, чтобы Сталин мог чувствовать себя действительно желанным гостем. Сидя на солнечной террасе, Ленин и Сталин могли вести разговор о делах. Ленин старался убедить себя в том, что в Политбюро, в Центральном Комитете и в Совнаркоме все в порядке. С этой целью он одобрил избрание Сталина Генеральным секретарем, и первые результаты подтверждали, что Сталин был удачной кандидатурой.

Положительных эмоций было предостаточно. Для него купили собаку, Айду, которая выглядела точь-в-точь как Женька, собака, которая была у него в сибирской ссылке[30]. Ленин был очень доволен. Он неторопливо прогуливался по перелескам в поисках грибов, совсем как когда-то в Шушенском, где они жили с Надеждой Константиновной. Иногда они наведывались в совхоз, основанный на землях бывшего поместья Горки. Правда, впечатления от этих визитов были не слишком радостными, так как Ленин считал, что председатель совхоза не слишком подходит для этой должности[31].

Но Ленин не вмешивался. Вместо этого он отдавал собственные распоряжения по ведению различных сельскохозяйственных работ на землях, примыкающих к санаторию. Он мечтал привить местным жителям интерес к разведению кроликов и содержа-

нию пчел. «Если я не могу заниматься политикой, — говорил он, — то попробую себя в сельском хозяйстве»[32]. Выбор между сельским хозяйством и политикой уже однажды стоял перед ним в Алакаевке, когда в 1889—1890 годах мать хотела сделать его управляющим своего поместья. В то время сельское хозяйство стояло у него на втором месте, так оно и осталось в 1922 году; он не собирался бросать политику, а это временное хобби рассматривал, как развлечение, пока не придет время вернуться к кремлевским обязанностям. Иногда он давал это понять окружающим. Когда врачи настаивали на том, чтобы он прекратил работать, он ответил с огромным пафосом: «Больше у меня ничего нет»[33]. Ничто, по его мнению, не могло помешать его борьбе за возвращение к нормальной жизни в Москве. Между прочим, он заметил, что когда кто-нибудь в доме играл на пианино, то его нервы натягивались, как струны. Его чувствительность к окружающим звукам стала острее, чем прежде, и Мария Ильинична запретила впредь музыку в доме[34].

Но самое большое удовольствие ему доставляли не развлечения, а дети. Сынишка Дмитрия Ульянова, Виктор, часто приезжал, чтобы побыть с дядей Володей. Кроме него в Горках бывали дочь одной московской работницы, дочь Инессы Арманд Инна и ее брат Александр. Им в ту пору было за двадцать. Нет сомнения, что Ленин и Крупская хотели бы иметь собственных детей, и визиты этих молодых людей были им в радость. После смерти Инессы они чувствовали себя ответственными за судьбу Армандов, и Ленин распорядился, чтобы они ни в чем не чувствовали недостатка[35].

Приглашение Армандов одобряли не все. Мария Ильинична, к тому времени брюзгливая старая дева возрастом далеко за сорок, считала, что ее брат нуждается в отдыхе от светского общения и что каждое такое посещение ухудшает его состояние[36]. Вполне возможно, что причина ее холодности к этим молодым людям крылась в отношениях между Лениным и Инессой. Надя, наоборот, была рада им, и между двумя женщинами вспыхнула по этому поводу шумная ссора. Ленин, которому Надя доложила об этом случае, так расстроился, что у него началась одна из его сильнейших головных болей[37]. Личный телохранитель Ленина Петр Пакалн, не придумал ничего лучшего как попросить Армандов уехать. Впрочем, на этом дело не кончилось. В конце лета Надя снова написала «моей дорогой девочке» Инне Арманд — дочери покойной Инессы — приглашая ее погостить в Горках:

«Ну почему ты не можешь побыть с нами? Наоборот, в этом году мы собираемся вести более «семейный» образ жизни и более «открытый», так как нельзя занимать В. И. больше восьми часов в день и в любом случае, два раза в неделю нужен отдых. Поэтому он будет рад гостям. Он был очень обеспокоен, когда я рассказала ему, что ты больна, и написал специальное письмо Жиделеву про тебя и про [одну из его секретарей] Лидию Александровну [Фотиеву], с просьбой присмотреть за вами»[38].

Трудно поверить, что Надя высосала мысли Ленина из пальца. Она понимала, что эти посещения действительно важны для него и хотела ему помочь.

Ссора по поводу детей только раскалила атмосферу недружелюбия, но не была ее причиной. Надя и Мария всю жизнь соперничали. Любой незначительный инцидент мог привести к взрыву. В июле 1922 года редактор «Большевика» Николай Мещеряков приехал к Ленину с двухчасовым визитом. Телохранитель Ленина Петр Пакалн был свидетелем следующей сцены:

«Но так как товарищу Мещерякову за все время не предложили даже чаю, Надежда Константиновна пожаловалась Ильичу, который страшно рассердился и в тот же день отчитал Марию и Сашу [домработницу] за невнимательное отношение к гостям, и приказал им впредь кормить каждого, кто появится в доме»[39].

Мария вспоминает этот случай иначе. Реакция Ленина, в самом деле, была очень резкой: «Товарищ приехал в такой дом, и никто не мог даже предложить ему перекусить». Но Мария отказывается от ответственности, говоря, что она «надеялась», что за Мещеряковым поухаживает Надя. По версии Марии, ответ Ленина был таков: «Ну, она тоже известная фефела, чтобы на нее положиться»[40]. Если эту реплику вряд ли можно считать как полное одобрение действий сестры, то в отношении жены ее можно рассматривать как оскорбление.

Надя и Мария, его жена и его сестра, боролись за обладание Лениным. Каждая нашептывала ему на ухо о проступках другой. Могло показаться, что он не хотел открыто и решительно становиться на чью-либо сторону. Он всегда использовал эмоциональные столкновения родственников к собственной выгоде. Но дело в том, что в середине 1922 года, будучи больным, он уже не занимал доминирующего положения в семье. Ему нужно было только, чтобы они успокоились и пришли к согласию. В после-

ующие месяцы они вели себя спокойно, но продолжали зани-ать противоположные позиции в том, что касалось его лече-ия. Мария считала глупостью со стороны профессора Клемпе-рера (который упустил случай покрыть себя славой и проопе-рировать Ленина в апреле) разрешить ему читать газеты и бесе-овать с приезжающими политиками[41]. В отличие от нее Надя чувствовала, что без минимальной политической активности он упадет духом, и она уступала — иногда даже действовала с ним в сговоре — его просьбам о получении информации.

Надя не могла не иметь на него влияния, хотя бы только по-тому, что делала все, чего требовал ее своенравный муж. Кроме того, она лучше ухаживала за ним. Мария, чтобы запечатлеть облик своего брата для потомков, научилась фотографировать[42]; но долгими часами сидела с ним Надя, и она постоянно пыта-лась убедить его в возможности выздоровления. Она же помога-ла ему тренировать руку, выполняя предписанные врачами не-обходимые упражнения. Одним из них было плетение корзин[43]. Дорога к выздоровлению изобиловала препятствиями. Сегодня Ленину было лучше, и он чувствовал себя почти так же, как до удара в мае 1922 года. Назавтра он начинал припадать на ногу или, еще хуже, падал в обморок, и его приходилось переносить на кровать. Неудивительно, что его настроение было таким же изменчивым. Он рвался назад в Кремль, чтобы снова взять бразды правления в свои руки. Он всегда с неохотой отдавал другим верховную власть, и вынужденное лечение сделало его чрезвы-чайно раздражительным. При малейшем неповиновении его желаниям он мог вспылить. Такое за ним замечали и раньше, но теперь он был особенно легковозбудимым и одержимым навяз-чивыми идеями. Но, хотя он и признался в этом профессору Даркшевичу в марте, он не пытался, а возможно, и не мог сдер-живать себя.

Так, например, в июле он объявил о необходимости реорга-низации всего Центрального Комитета, состоявшего из двадца-ти семи членов, избранных с его согласия на Одиннадцатом съез-де партии. Он имел наглость заявить о сокращении Централь-ного Комитета до трех человек, причем ни один из влиятельных лидеров партии — Троцкий, Сталин, Зиновьев, Каменев, Дзер-жинский и Бухарин — не вошел в их число. Он предложил из-брать членами нового Центрального Комитета секретарей ЦК Молотова и Куйбышева, а также заместителя председателя Сов-наркома Рыкова. Чтобы усилить оскорбление, он посоветовал, чтобы Каменев, Зиновьев и попавший в ленинскую опалу Том-

ский работали у них в подчинении в качестве кандидатов в члены Центрального Комитета. Предлогом послужило обвинение Лениным настоящего состава Центрального Комитета в усталости и неспособности выполнять свои обязанности должным образом. Его члены тоже нуждались в продолжительном лечении[44]. Оскорбительные выпады против ни на что, якобы, не годных товарищей не могли скрыть явного притязания на роль единственного человека, достойного управлять Центральным Комитетом. К этой мысли он вернулся в последние недели 1922 года, когда диктовал документ, получивший известность как его «политическое завещание». Его внешняя скромность часто могла быть очаровательной, но под ней таилось высокомерие человека, уверовавшего в свое природное право быть верховным вождем.

Схема Центрального Комитета из трех человек была лишена здравого смысла. Молотов, Куйбышев и Рыков не имели авторитета, необходимого, чтобы подчинить себе остальных вождей; более того, в уставе партии не было пункта, на основании которого можно было бы переизбирать Центральный Комитет в промежутках между съездами. Ленин утратил всякое чувство политической реальности — и Центральный Комитет имел все основания отказаться удостоить эту схему чести получить письменный отказ. Основателя большевистской партии и Советского государства, пока он не вернется в психологически нормальное состояние, лучше всего было игнорировать.

27

Бороться до последнего

Сентябрь—декабрь 1922

Несмотря на то что Ленин застрял в Горках и чувствовал себя очень плохо, он считал, что по-прежнему остается главным в определении политики государства. В первые месяцы 1922 года проводилась дискуссия по четырем волновавшим его вопросам. По двум из них он успел добиться удовлетворительных для себя результатов, прежде чем в мае у него случился удар. Первый касался Генуэзской конференции. Без лишних разговоров Политбюро последовало его указаниям, отдав приоритет сепаратному германо-советскому договору перед возможностью многостороннего соглашения с европейскими державами в целом. Второй имел отношение к методам политического контроля в России. Ленин убедил товарищей из Политбюро, что пришло время нанести удар по врагам Советского государства: социалистам-революционерам, меньшевикам, русской православной церкви и ведущим антибольшевистским фигурам в области философии, искусства и образования. Здесь прошли не все детали его предложений, но в целом его стратегия получила одобрение. Однако по третьему и четвертому вопросам он неожиданно столкнулся с сопротивлением центрального партийного руководства. Один из них — ограничение государственной монополии внешней торговли, второй — межреспубликанская конституционная структура Советского государства. Ни тот ни другой не имели первостепенного значения. Но в ходе их обсуждения вскрылись трещины в монолите партийной власти, которые дали о себе знать много лет спустя.

Сталин вошел в число оппонентов Ленина, как по вопросу внешней торговли, так и по конституционному. В том, что касается монополии внешней торговли, Сталин просто примкнул к большинству в Политбюро. Но при обсуждении Конституции это уже был Сталин, который возглавил оппозицию Ленину, Сталин — Генеральный секретарь партии. Кто бы мог подумать? Сталин — человек, служивший Ленину каналом связи для доведения инструкций до сведения Политбюро. Сталин — верный союзник Ленина в ходе внутрипартийных дискуссий 1920—1921 годов. Сталин — адъютант и лоялист. И вот тот самый Сталин оспаривает верховенство Ленина в политике.

Ленина сильно обеспокоило предложение отменить государственную внешнеторговую монополию. Владимир Милютин и Григорий Сокольников, его коллеги по Центральному Комитету, доказывали, что частная торговля с заграницей будет способствовать возрождению внутренней экономики. Ленин не соглашался, настаивая, что нэп (новую экономическую политику) следует удерживать в рамках, установленных в 1921 году. Советское государство, предупреждал он, должно сохранить монополию в крупной промышленности, банковской сфере и внешней торговле. Ранее именно он настаивал на том, что Политбюро должно проявить прагматизм и расширить рамки нэпа. Именно этим руководствовались Милютин и Сокольников, советуя разрешить капиталистам импорт и экспорт определенных товаров, минуя государственные органы торговли; кроме того, добавляли они, на практике монополия только провоцирует контрабанду товаров частными торговцами. Среди сторонников Милюкова и Сокольникова оказались некоторые из наиболее влиятельных товарищей Ленина: Каменев, Бухарин и Сталин. Тем не менее, Ленин убедил себя в том, что дискуссия о внешней торговле затрагивает ряд основополагающих принципов, и был решительно настроен заставить партию придерживаться его собственного варианта нэпа.

Другой темой для бурного обсуждения летом 1922 года стала предложенная Сталиным новая конституционная структура Советского государства. Ленин и Сталин уже спорили на эту тему в 1920 году[1]. Сталин полагал, что наилучшим вариантом для Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР) было бы включение других независимых Советских республик в свою территорию. Украина, Белоруссия, Азербайджан, Армения и Грузия стали бы частью РСФСР. Ленин был категорически не согласен и ратовал за образование Союза

Советских Республик Европы и Азии. В таком союзе РСФСР была бы просто одной из Советских республик, наряду с Советскими республиками Украины, Белоруссии, Азербайджана, Армении и Грузии.

Борьба завязалась как вокруг внешней торговли, так и вокруг конституции. Оппоненты Ленина были в недоумении, ведь никто из них и не собирался предлагать полностью ликвидировать государственную внешнеторговую монополию. Их целью была лишь частичное ее ограничение. Ленин не только выставил их намерения в ложном свете, но и обращался с ними так, словно они покушались на основы марксизма — а в адрес Сокольникова он разразился тирадой персональных оскорблений. В равной степени обескураживающим казался подход Ленина к конституции государства. Он не стремился ослабить жесткий партийный и правительственный контроль Москвы над «пограничными территориями». В своей преданности идее однопартийного государства с единой идеологией Ленин и Сталин были заодно. Их разногласия касались скорее второстепенных, чем основополагающих аспектов политики. И все же Ленин посчитал целесообразным обрушиться на Сталина и его сторонников в столь резких выражениях, что члены Политбюро никак не могли понять, в чем дело.

Ведущие члены партии приписали это последствиям болезни и его оторванности от повседневного управления политикой. Даже в ходе обсуждения вопросов о Генуэзской конференции и о внутренних политических репрессиях — где он одержал верх — Ленин допускал грубость в отношении Георгия Чичерина, Николая Бухарина и Карла Радека. Несдержанность стала линией его поведения, и его врачи давно привыкли к этому. В июне 1922 года он писал в Политбюро, требуя «отшить этого дурака немецкого профессора и К°», имея в виду профессора Клемперера и профессора Ферстера, заявив при этом, что русские не выносят немецкой педантичности[2]. Что же касается его товарищей, то подобное заявление они расценили, как неискреннее, ведь сам он был крайне педантичен в работе и личной жизни и требовал такого же отношения от окружающих. Если кто-то — помимо Троцкого — и соответствовал популярному русскому стереотипу немца, так это Ленин. Если кто-то и был знаменит постоянными нелестными для русских сравнениями с немцами, это тоже он. Неудивительно, что Политбюро игнорировало его просьбу отослать немецких специалистов назад в Германию и понемногу привыкло успокаивать его в на-

дежде, что, когда ему станет лучше, он станет более терпимым товарищем.

Но Ленин думал иначе; он начал отождествлять Сталина с универсальным злодеем. В 1912 году он восхищенно называл его «чудесным грузином»[3], а после Октябрьской революции направлял его на те участки работы, где требовались безжалостность и грубая энергия. Но об остальных качествах Сталина он был невысокого мнения. У Сталина были привычки, которые Ленин считал вульгарными и отталкивающими. Однажды, когда Сталин попыхивал трубкой, Ленин взорвался: «Вот азиатище — только сосет!» Сталин в знак уважения выколотил трубку[4]. Подобная грубость была нехарактерна для Ленина; в нем с детства воспитывали благопристойные светские манеры. Более того, он нуждался в товарищах, о которых мог бы думать хорошо, и часто видел, как расстраиваются люди из-за поведения Троцкого или Зиновьева. Внутри Ленина — несгибаемого революционера существовал Ленин — утонченный европейский джентльмен; он был немного снобом в национальном, социальном и культурном отношениях.

Но продемонстрировать это он себе позволял, только если рядом не было охраны. В молодости Ленин вел себя иначе, вспоминала Мария Ильинична:

> «У В. И. была феноменальная выдержка. И он очень хорошо знал, как спрятать и не показывать своего отношения к людям, когда чувствовал, что это по тем или иным причинам более разумно... Тем более он сдерживал себя в отношениях к товарищам, с которыми сводила его работа. Дело всегда стояло у него на первом месте; он знал, как подчинить личное делу, и этот личный элемент никогда не выставлялся и не был для него на первом месте»[5].

Но гневное презрение, которое он чувствовал теперь к Сталину, брало верх над выдержкой. Мария Ильинична попыталась предупредить, что его оппонент умен и поэтому может оказаться опаснее, чем кажется. Но Ленин и слушать не хотел: «Ничего он не умен!». И это говорил блестящий гимназист, полиглот, эмигрант со стажем и главный идеолог партии. Ему еще предстояло получить последний в своей политической жизни урок и узнать, что интеллект не являлся монополией тех, кто мог похвастаться формальным культурным лоском.

Все условия для проведения трех политических баталий были созданы. Две из них разгорелись летом: борьба за государствен-

ную монополию внешней торговли и сражение за новую конституцию. В обоих случаях Ленин рассматривал Сталина, как зачинщика движения, направленного против уже принятых им решений. Третья битва была затеяна без их участия. О ней Ленин даже не думал. Ввязаться в нее, в конце концов, его заставило желание убрать Сталина с поста Генерального секретаря партии.

Все эти баталии вряд ли бы заслуживали упоминания в многотомной истории Советского коммунизма, если бы здоровье Ленина не ухудшилось. Вполне вероятно, что Ленин просто выкинул бы «чудесного грузина» из Секретариата и заменил любым более уступчивым аппаратчиком. Сталин бы безропотно перетерпел унижение. Даже в этом случае, весьма сомнительно, что его карьере пришел бы на этом конец. Он, скорее всего, остался бы членом Центрального Комитета. В 1921 году Ленин не смог выставить оттуда Томского, хотя тот был виновен в невыполнении решения ЦК. В 1922 году грех Сталина был куда меньше. В конце концов, партийные правила не запрещали дискутировать с Лениным. К тому же Сталин не один выступал с предложениями, которые Ленин счел раздражающими. Сколько раз, когда ему не удавалось настоять на своем, он переходил на личности. От сути спора этих двоих на протяжении долгого, жаркого лета нас отвлекает состояние здоровья Ленина, да еще, пожалуй, ретроспективное знание обо всех ужасах — ужасах, которых Ленин и представить себе не мог — совершенных Сталиным в 1930-х годах и позже.

И все же дискуссия о будущей конституции привела к первому столкновению. Сталинский план включения Советских республик в состав РСФСР вызвал у коммунистов этих республик беспокойство. Ленину сталинский проект не понравился и он подозревал, что Сталин продавливает его через республики. Сталин написал Ленину письмо с оправданиями. Ленин просто обязан был понять, что в условиях подъема националистических настроений на пограничных территориях его собственная схема только усложнит организацию административного управления на местах. Сталин предлагал дать Советским республикам автономию в рамках РСФСР и предотвратить их вступление в федеральную структуру на равных с ней основаниях. 23 сентября 1922 года Оргбюро партии ратифицировало сталинский проект.

Ленин ненавидел идею «автономизации», приписывая ее «великорусскому шовинизму». Когда три дня спустя он в ходе двухчасового разговора разъяснил Сталину свою позицию, Сталин

сдался и согласился сменить «автономизацию» на Союз Советских Республик Европы и Азии. Примерно такой же вариант Ленин предлагал, дискутируя со Сталиным в середине 1920 года. Но Сталин еще не выбросил белый флаг. На следующий день в записке к Политбюро он предложил, чтобы Союз не имел отдельных от РСФСР законодательных органов. Еще одной шпилькой в адрес Ленина стал измененный вариант названия Союза: Союз Советских Социалистических Республик (СССР). Более того, Сталин настаивал на объединении Грузии с Арменией и Азербайджаном в Закавказскую Советскую Федерацию и чтобы эта федерация вошла в состав СССР на равных с РСФСР и Украинской Советской Республикой. Таким образом, он добивался, чтобы Грузия не смогла получить статус, равный с РСФСР. Каменев порекомендовал Сталину воздержаться от провокаций: «Ильич засучил рукава и готов воевать за независимость [Советских республик]». Сталин остался непреклонен, и оставил за собой последнее слово: «Пора, по-моему, проявить твердость против Ильича».

Когда Каменев посоветовал ему не лезть на рожон, Сталин продемонстрировал равнодушие; а Ленин, конечно, поднял перчатку: «Великорусскому шовинизму объявляю бой не на жизнь, а на смерть». Чувствуя себя за лето поздоровевшим, он намеревался вернуться в Москву и кинуться в драку. Это было бы глупо, потому что процесс выздоровления прерывался приступами сердечной недостаточности.

В июне у него был коллапс* (острая сосудистая недостаточность, обусловленная уменьшением массы циркулирующей крови) во время прогулки в парке, в июле в такой же ситуации новый удар привел к потере подвижности всей правой стороны тела. Несколько дней недееспособности было у него и в августе[6]. Но он собрался с силами и возобновил интеллектуальную работу. Секретари понеслись по библиотекам доставать заказанные им книги — в частности, он просил достать ему «Азбуку коммунизма» Бухарина[7]. Кроме того, он сделал вклад в коллекцию Анны Ильиничны, написав воспоминания о старом друге с казанских времен, марксисте Николае Федосееве[8]. Преодолев возражения врачей и сомнения Политбюро, он 2 октября 1922 года покинул особняк в Горках и вернулся на машине в

* *Коллапс* (от лат. collapsus — упавший) — угрожающее жизни состояние, характеризующееся падением кровяного давления и ухудшением кровоснабжения жизненно важных органов. У человека проявляется резкой слабостью, заостренными чертами лица, бледностью, похолоданием конечностей.

Кремль, где занял прежнюю квартиру рядом с помещениями Совнаркома в здании бывшего Сената. На следующий день он председательствовал на очередном заседании Совнаркома, а 6 октября на Пленуме Центрального Комитета партии. Он стремился поразить всех способностью выполнять официальные обязанности в прежнем объеме.

И все же Ленин был уже не тот, что раньше, и не мог обмануть старых товарищей, когда во время этих важных заседаний старался делать вид, что ничего не произошло. На заседании Совнаркома его товарищи попытались избежать полемики. Но это лишь усиливало его возбуждение[9]. Как ни кинь, выходило плохо. Спорить с ним, значило подвергнуть его риску нового удара; сдержаться — значило то же самое, потому что их вежливость раздражала его не меньше. Пленум Центрального Комитета начался лучше, но в середине заседания у него вдруг заболел зуб и он был вынужден вернуться в квартиру[10]. Несмотря на то что в последующие дни он вернулся и присутствовал на заседаниях, его активность была гораздо ниже обычной. Чувствуя это, он начал нервничать и раздражаться по малейшему поводу. Его секретарь Лидия Фотиева боялась очередного припадка и просила присутствовавших не вставать с мест и не шептаться между собой во время заседаний. Любой малейший повод для волнений следовало исключить[11]. Его умственные способности явно ослабли. Иногда он терял место в зачитываемом тексте и повторял целые абзацы, не замечая этого.

Каменев, Сталин и Зиновьев собрались, чтобы обсудить его состояние, но не смогли решить, что же делать[12]. Они знали, что если порекомендуют ему вернуться в Горки, он обвинит их в использовании болезни в качестве предлога для отстранения его от дискуссии по вопросам внешней торговли и конституции. Поэтому они оставили его в покое. К тому же в том, что касалось конституции, он уже почти своего добился. На Пленуме Центрального Комитета 6 октября он получил поддержку со стороны Бухарина и Каменева, а Сталин не осмелился противостоять его основным требованиям. С ленинской стороны последовала только одна уступка, и она вряд ли имела принципиальное значение: он согласился назвать новое Советское государство не Союзом Советских Республик Европы и Азии, а Союзом Советских Социалистических Республик.

Для подготовки окончательной резолюции для съезда Советов в декабре была создана партийная комиссия во главе со Сталиным. Тем временем Ленин написал Каменеву записку с

просьбой обеспечить грузинским коммунистам доступ к соответствующим документам, чтобы они могли подготовиться к защите своей позиции. Он не оставлял мысли подрезать крылышки Иосифу Сталину[13].

Ленин продолжал доводить себя до крайности и 13 ноября выступил с обращением к конгрессу Коминтерна. Речь получилась местами непоследовательной, но ему хватило энергии и опыта довести ее до конца. Его друзей, однако, сильно обеспокоило ухудшение состояния вождя. Бухарин писал:

> «У нас сердце замирало, когда Ильич вышел на трибуну: мы все видели, каких усилий стоило Ильичу это выступление. Вот он кончил. Я подбежал к нему, обнял его под шубейкой: он был весь мокрый от усталости — рубашка насквозь промокла, со лба свисали капельки пота, глаза сразу ввалились...»[14].

Делегаты конгресса аплодировали Ленину, не подозревая, что его выздоровление под угрозой. Зарубежные гости жаждали увидеть и услышать человека, под чьим руководством коммунизм должен был восторжествовать во всем мире. Но, позволив ему выступить с речью, товарищи из центрального руководства допустили ошибку, и они прекрасно это сознавали. После конгресса Коминтерна они все настойчивее ограничивают его активность, невзирая на собственные желания вождя. К тому времени они уже вели конфиденциальные разговоры о том, стоит ли надеяться, что недуг — каким бы он ни был — когда-либо отпустит его из своего плена.

Сталин и его единомышленники почувствовали возможность поступать по своему усмотрению. Лидеры коммунистов Грузии давно досаждали Сталину выше всяких пределов, а верный его союзник Орджоникидзе на одной из встреч в Тбилиси обозвал их «шовинистическим дерьмом». Центральный Комитет Грузии в знак протеста коллективно подал в отставку и пожаловался Ленину. Поначалу Ленин оставил дело без внимания, так как сам возражал против требования грузинского партийного руководства не включать Грузию в состав Закавказской Федерации. Кроме того, он согласился на сталинское предложение послать для изучения положения в Грузии специальную комиссию во главе с Дзержинским. Конфликт среди грузинских коммунистов в Тбилиси разгорался. В конце ноября Орджоникидзе, которого обвинили в том, что он вел себя подобно имперскому эмиссару, пришел в такую ярость, что избил одного из сторонников Мди-

вани*, некоего Кабахидзе. Грузия беспокоила Ленина тем сильнее, что он не имел точных сведений о происходивших там событиях. Поэтому он задергал секретарей требованиями узнать, когда, наконец, вернется Дзержинский. Кстати говоря, в вопросе о конституции Дзержинский поддерживал Сталина, и его отчет полностью оправдывал поведение Орджоникидзе в Закавказье. Но когда по возвращении в Москву 12 декабря Дзержинский имел беседу с Лениным, он не удержался и выболтал всю правду о том, что случилось с несчастным Кабахидзе.

Ленину стало ясно, что Сталин не сдал позиций в конституционном вопросе и что ему придется возобновить схватку, казалось бы, уже выигранную 6 октября. Причем дело было не только в борьбе за восстановление утвержденной официальной политики. Чтобы прикрыть Орджоникидзе, Сталин прибег к натравливанию одних партийных руководителей на других. Ленин был в ужасе. Еще в 1903 году он собственноручно оттаскивал Александра Шотмана, избивавшего какого-то меньшевика прямо на лондонской улице. Теперь он обвинял Орджоникидзе не только в глупости, но и в аморальности поведения.

Обычно моральные кодексы любого рода не вызывали у Ленина ничего, кроме насмешек. Но в душе он оставался романтиком, верующим в революцию. Существуют такие вещи — совсем немного — которых марксист не имеет права делать, даже если его провоцируют. Марксисты должны быть преданы марксизму и не относиться к его идеям несерьезно. Марксисты должны быть борцами и могут нападать друг на друга словесно, но мысль о том, чтобы разрешать взаимные конфликты мордобоем, была ему ненавистна. Марсисты должны подавать пример благопристойного поведения в обществе, и, набросившись на Кабахидзе с кулаками, Орджоникидзе опозорил партию. Еще в 1920 году Ленин порицал Орджоникидзе за пьяные разгулы и связь с группой женщин легкого поведения[15]. Все члены Политбюро знали о своевольстве Орджоникидзе, и Ленин обвинил Сталина и Дзержинского в том, что они скрывали это от него. Все ставшие известными ему сведения о положении дел в грузинском руководстве указывали в том же направлении: Сталин возглавил движение к авторитарному шовинизму внутри партии. То, что Сталин сам был грузином, не

---

* *Б. Г. Мдивани* (1877–1937) — государственный и партийный деятель, вел революционную работу в Закавказье, в 1918–1920 годах — член РВС 11-й армии и начальник политотдела 10-й армии, в 1920–1921 годах — член Кавказского бюро ЦК РКП(б), в 1921–1923 годах — председатель Ревкома в Тифлисе (Тбилиси), председатель Союзного Совета Закавказья.

имело значения. Он поступал как русский империалист, и это было возмутительно.

Ленин непременно возобновил бы кампанию против Сталина, если бы не очередной криз. В период между 24 ноября и 2 декабря у него было пять припадков[16]. 13 декабря, на следующий день после разговора с Дзержинским, у него было сразу два серьезных припадка, и было неясно, переживет ли он этот день[17]. Доктор Кожевников и профессор Крамер, срочно прибывшие его осмотреть, сказали, что он не выживет, если не согласится на режим «полного отдыха». Их своенравный пациент в конце концов дал свое согласие. Он пригласил личного секретаря Лидию Фотиеву и сделал распоряжения относительно «ликвидации дел»[18].

Ему достаточно часто приходила мысль о смертельности его болезни; но с этого дня он начал лихорадочно думать, как увековечить свой след в партии и революции. Он отказался от переезда в Горки, где, как он знал, будет трудно сохранять даже видимость политической значимости. Своих медиков и помощников он честно ввел в курс дела. Он продолжит жить в Кремле, и, лишенный возможности писать разборчиво, будет диктовать своим совнаркомовским секретарям. Он понимал, что смерть может прийти в любую минуту, и если он намерен оставить после себя какое-то наследство, то должен будет написать нечто вроде политического завещания. Для этого ему следовало обдумать, кого рекомендовать в качестве своего наследника — или наследников. Его мысли занимало только будущее революции. На самом деле он обдумывал это уже давно. Осенью 1922 года, не в силах подавить волнение, он воскликнул в разговоре с Марией Ильиничной: «Какой негодяй среди нас доживет до шестидесяти лет?» Затем он высказал желание, чтобы после его смерти власть каким-то образом перешла от представителей его поколения к тем большевикам, которым будет в тот момент чуть больше двадцати[19].

Беспокойство Ленина о судьбе Революции усиливалось с каждым днем. Две его последних нерешенных политических задачи — о внешней торговле и конституции — объединяла политическая враждебность к Сталину. Он также не был уверен, что его товарищи продолжат и в будущем придерживаться его курса на поддержание масштабов внутренних репрессий. Ленину, в его ослабленном и горячечном состоянии, начинало казаться, что согласованная линия Политбюро размывается. Перед лицом возможности близкой смерти его тревожила глобальная проблема

гарантии процветания Революции после того, как он уйдет. Время было не на его стороне.

В полдень 13 декабря, после ухода Кожевникова с Крамером, он попросил прислать к нему на кремлевскую квартиру Фотиеву, чтобы продиктовать несколько писем. Его снова меньше заботила возможность коллапса, чем политика центрального партийного руководства. Первое письмо касалось дела экс-меньшевика Н. А. Рожкова, которого Ленин уже несколько месяцев пытался депортировать или, по крайней мере, сослать в Псков (куда он сам был направлен в 1900 году после освобождения из Сибири). Ленин назвал проводимую Политбюро политику проволочек с исполнением его решения признаком растущего нежелания следовать его стратегии надлежащих репрессий и потребовал, чтобы Рожкова, наконец, депортировали[20]. Второе письмо было адресовано Троцкому и остальным и касалось монополии внешней торговли[21]. Третье, относительно делегирования его обязанностей в Совнаркоме, было отправлено Каменеву, Рыкову и Цюрупе. Кроме того, он два часа проговорил с глазу на глаз со Сталиным[22], который получил лишний повод убедиться в упрямстве вождя. Будучи вынужденным передать свои повседневные обязанности, Ленин не оставил надежды на выступление с речью перед съездом Советов[23]. Было ясно, что никаких отклонений от намеченной им линии он не потерпит. Сталин согласился прекратить выступать против государственной монополии на внешнюю торговлю[24], но все же Ленин не чувствовал уверенности в успехе и с нетерпением ждал окончательного решения Центрального Комитета в свою пользу.

Чрезвычайные обстоятельства требовали отчаянных мер. Потеряв Сталина в качестве союзника, Ленин повернулся лицом к тому самому человеку, против которого он заключал союз со Сталиным. Это был Троцкий. Подобно Ленину, Троцкий поддерживал государственную монополию внешней торговли, и Ленин попросил его выступить от его имени на предстоящем Пленуме Центрального Комитета[25].

Это был беспрецедентный маневр. Ранее Ленин предпочитал держать на своей стороне широкую группу сторонников и избегал отдавать предпочтение кому-либо из них. Даже его рассчитанный выбор Сталина в качестве союзника в апреле 1922 года никоим образом не подразумевал отдаления от Зиновьева, Каменева и Бухарина. Достигая подобного сближения с Троцким, он давал ясно понять, что во внутрипартийных делах этому союзу будет отдан приоритет над всеми остальными. Такой ход стал

символом ленинского отчаяния. Тщеславие и высокомерие Троцкого не давало Ленину покоя еще перед Февральской революцией 1917 года. Брест-Литовские переговоры, в глазах Ленина, выявили в Троцком революционного позера, а внутрипартийная «дискуссия о профсоюзах» 1920–1921 годов продемонстрировала его безрассудство и непрактичность. Ленин не мог заставить себя полюбить его. Временами гневное возмущение сомнительными методами Троцкого в руководстве центральным партийным аппаратом заставляло его «побелеть, словно мел». Такое высокомерие казалось Ленину (неспособному распознать собственное) совершенно излишней. Но все это пришлось оставить в стороне. Реальная политика требовала, чтобы Ленин преодолел свою неприязнь и работал с Троцким рука об руку.

Потребность эта еще более усилилась 16 декабря, в связи с резким ухудшением состояния Ленина, временно потерявшего способность двигать правой рукой и правой ногой[26]. Без Троцкого на Пленуме Центрального Комитета 18 декабря у него не могло быть гарантии, что его товарищи проголосуют за сохранение монополии внешней торговли. Несмотря на физическую боль, мозг Ленина был сфокусирован на политике. Возможно, он уже представлял, что если Троцкий докажет на Пленуме свою лояльность, то он сможет использовать его в дальнейших политических дискуссиях. Но даже тут он не положился на Троцкого и попросил другого члена Центрального Комитета, Емельяна Ярославского, доложить ему лично о ходе заседаний[27]. В конечном итоге Центральный Комитет без возражений пошел по ленинскому пути[28]. После того как государственная монополия на внешнюю торговлю была подтверждена, Ленин восторженно писал своему новому союзнику, Троцкому: «Это все равно, как если бы мы захватили позицию с помощью простого движения или маневра, без единого выстрела»[29]. На вечернем заседании так же гладко прошли ленинские наработки проекта Союза Советских Социалистических Республик (СССР)[30]. К этому моменту он с особенным удовольствием узнал, что Политбюро согласилось с его требованием о ссылке Рожкова в Псков[31]. Одна за другой политические цели Ленина оказались достигнутыми.

Но ему еще многое оставалось сделать, хотя, как он понимал, времени на это отпущено совсем мало. Он был прав, когда сомневался, особенно насчет Сталина. 21 декабря Оргбюро, где решающее слово принадлежало Сталину, утвердило отчет Дзержинского о проверке в Грузии. Орджоникидзе отделался легким испугом; более того, было принято решение о смещении Мди-

вани и других противников Сталина с их постов в Тбилиси[32]. Сталин жаждал реванша и ломал голову над тем, каким образом выхолостить суть согласованного с Лениным варианта Конституции СССР. Он намеревался дать Ленину ответную пощечину. Напряжение нарастало.

В ночь с 22 на 23 декабря с Лениным снова случился коллапс, и у него опять парализовало всю правую сторону тела. Родственники и врачи делали все, что могли, но Ленин, как только пришел в себя, не мог думать ни о чем, кроме политики. Но после того как 18 декабря Центральный Комитет официально запретил ему всякую общественную деятельность и назначил Сталина надзирать за соблюдением медицинского режима, действовать Ленин мог только хитростью. Он сказал врачам, что не сможет уснуть, если перед этим ему не разрешат продиктовать секретарю кое-какие мысли по «беспокоящему его вопросу». Врачи смилостивились, и к нему на квартиру вызвали дежурного секретаря Марию Володичеву. Когда она пришла, он все еще был очень плох, но намерения своего не оставил: «Я хочу продиктовать вам *письмо к съезду*»[33]. Несмотря на то что, на первый раз, он выдержал всего четыре минуты диктовки, почин был положен; за последующие несколько дней он надеялся изложить на бумаге главные мысли, заботы и планы, с которыми затем можно будет ознакомить предстоящий съезд партии. Все должно было сохраняться в «строжайшей тайне». Письмо было отпечатано в пяти экземплярах и запечатано в конверты восковой печатью; Ленин распорядился, чтобы право вскрыть конверты имели только он, или, в случае его смерти, Надежда Константиновна[34].

Он безоговорочно доверял своим секретарям Лидии Фотиевой и Марии Володичевой. Ранее он пользовался услугами Надежды Аллилуевой, второй жены Сталина; но та, под благовидным предлогом, с начала месяца прекратила исполнять для него эту работу. Более того, Ленина воодушевило решение Сталина, Каменева и Бухарина, позволивших ему диктовать от пяти до десяти минут в день. Сталин посчитал, что если отказать ему в этом, то Ленин не преминет навредить ему, пожаловавшись на необоснованные притеснения.

И все же Сталин ошибался, когда думал, что разрешение на диктовку не принесет ему большого вреда. Увечный и безумный Ленин был, тем не менее, грозен. Прикованное к кровати тело не ослабило его духа. Он спешил. На протяжении нескольких лет он обдумывал вопрос о политической преемственности в Стра-

не Советов, время от времени высказывая свое мнение. В конце лета 1921 года он обсуждал с Александром Шлихтером* смерть некоторых старых знакомых большевиков. Шлихтер сказал, что нечего беспокоиться о потере ветеранов, так как молодое поколение уже готово прийти им на смену. Ленин возразил: «Долго, долго, молча, не спуская глаз с меня, смотрел Ильич. „Нет, вы не правы,— был его ответ. — Рано еще уходить. Еще надо годиков пять поучить“»[35]. Эти слова были сказаны не без умысла; они отражали его тревогу за партию, которой будут руководить те, кто останется после его ухода со сцены. Впоследствии Ленин уклонялся от разговоров на данную тему. Но из опасения скорой смерти он заторопился поверить свои мысли бумаге. Это потребовало от него неимоверных усилий. Он пытался как можно тщательнее подготовить свои доводы, чтобы потом не пришлось их редактировать. Он писал политическое завещание своей партии, и все мысли требовали предельно четкого изложения.

Как автор, он привык видеть перед глазами текст, рождающийся на исписанном от руки листе, и, разумеется, болезнь не способствовала творческому процессу. Иногда он начинал путаться в грамматике, и Володичевой приходилось исправлять его ошибки. Она знала, что это обстоятельство его унижало: «Я знаю, что являю для вас неизбежное зло, но это только на некоторое время»[36]. Трудность, однако, состояла в том, что он должен был сначала все правильно сформулировать в уме, и стенографисткам приходилось бесконечно долго ждать следующего предложения. Однажды даже попробовали посадить секретаря в соседней комнате, с тем чтобы он мог позвонить, когда окончательно оформит свою мысль[37].

Так или иначе, он намеревался закончить завещание. Оказывая ему техническую поддержку, Фотиева и Володичева старались по мере возможности одновременно подбадривать его морально. Еще большее эмоциональное влияние на него оказывали Надежда Константиновна и Мария Ильинична. Жена и сестра бросили все дела, чтобы иметь возможность сидеть с ним каждый день. Надежда Константиновна пошла на большее и стала его неофициальным политическим ассистентом. Это было против правил медицинского режима, предписанных Центральным Комитетом и осуществлявшихся под надзором Генерального

* *Александр Шлихтер* — советский государственный и партийный деятель, активный участник революции 1905 года, в 1917 году — комиссар продовольствия Москвы и Московской области, член ВРК, в 1918 году — нарком продовольствия РСФСР, в 1921—1922 годах — полпред в Австрии, в 1923 году — член коллегии Наркомата иностранных дел.

секретаря Сталина. Но Надежда Константиновна наслаждалась возможностью снова исполнять обязанности его политического помощника, играть роль, которую ей пришлось оставить в апреле 1917 года. Возможно, ее особенно привлекала обстановка секретности; это чем-то напоминала старые времена, когда они вдвоем строили планы, как перехитрить «охранку». Помимо прочего, Надежда Константиновна понимала, что если Центральный Комитет добьется полного отлучения Ленина от политики, то тот долго не протянет. Поэтому она продолжала рассказывать ему все, что знала, о событиях в Кремле и обеспечивала тайную связь с другими партийными руководителями. Мало-помалу Ленин пошел на поправку.

К несчастью, 22 декабря обо всех этих хитростях стало известно Сталину. Он позвонил Надежде Константиновне и обругал ее площадной бранью. Надежда Константиновна, желавшая Ленину только добра, была совершенно раздавлена словами Сталина. На следующий день она написала взволнованное письмо Каменеву: «За все 30 лет я не слышала ни от одного товарища ни одного грубого слова; интересы партии и Ильича мне не менее дороги, чем Сталину». Так она защищала право мужа на участие в политической жизни и указывала, что Сталин не остановится ни перед чем, чтобы лишить его этого права. И Ленин, пока билось его сердце, мог продолжать добиваться главной цели: оставить коммунистической партии и Советскому государству в наследство свои идеи, стратегию и кадры.

28

Смерть в Большом доме

1923–1924

Ленин начал диктовать свое политическое завещание 23 декабря 1922 года. Он собирался лично представить свои идеи на следующем съезде партии, но на случай, если это окажется невозможным, готовил завещание. Начиналось оно словами: «Я советовал бы очень предпринять на этом съезде ряд перемен в нашем политическом строе». Ленин выдвигал два предложения. Первое состояло в том, чтобы предоставить Государственной плановой комиссии (Госплану), которая в то время решала вопросы экономической политики, статус законодательного органа. Второе предусматривало увеличение численного состава Центрального Комитета партии с двадцати семи до пятидесяти или даже ста человек[1].

За этим стоял точный политический расчет. Реорганизация Государственной плановой комиссии укрепила бы правительственный контроль над экономикой: Ленин пытался максимально использовать недавний союз с Троцким и должен был за это платить. Троцкий всегда стоял за усиление роли государства в планировании экономики. В то же время Ленин хотел набросить на Троцкого и его сторонников узду. С этой целью он настаивал на расширении Центрального Комитета за счет введения в его состав промышленных рабочих. Ленин считал, что подобная мера необходима для предотвращения в центральном партийном руководстве конфликтов, способных поставить под угрозу существование партии и судьбу революции[2]. В ходе следующего сеанса диктовки секретарю Марии Володичевой он обрисовал перспективы раскола партии. На эффективность утвержденно-

го Десятым съездом партии запрета на фракционную деятельность надеяться не приходилось. Октябрьская революция опиралась на поддержку двух классов, рабочих и крестьян, и поэтому, по его мнению, существовала реальная опасность, что расхождения в их интересах станут причиной образования в ЦК группировок, способных завязать между собой гибельную междоусобную схватку[3].

Далее Ленин перешел к характеристикам потенциальных лидеров таких группировок: Троцкого и Сталина. Он был далек от мысли приветствовать Троцкого в качестве своего преемника, невзирая на то что в данный момент он был главным его союзником. Мысль Ленина получила совершенно неожиданное продолжение. Совершенно неожиданно для всех он назвал наиболее серьезным кандидатом в наследники Сталина. Троцкий, Зиновьев, Каменев и Бухарин были гораздо более яркими общественными фигурами, чем Сталин, которому выдающийся историк 1917 года, Николай Суханов, приклеил обидный ярлык «темные пятно».

Недавние столкновения позволили Ленину намного точнее оценить недостатки Сталина, а со слабостями Троцкого он был знаком уже давно:

> «Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью. С другой стороны, тов. Троцкий, как доказала уже его борьба против ЦК в связи с вопросом о НКПС, отличается не только выдающимися способностями. Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но и чрезмерно хватающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела»[4].

Продолжая перечень кратких характеристик, Ленин напомнил, что поведение Григория Зиновьева и Льва Каменева накануне Октябрьского переворота в 1917 году не являлось случайностью (хотя тут же, как это ни парадоксально, добавил, что данный эпизод нельзя ставить им в вину). Он осудил воззрения Николая Бухарина, как схоластические и не вполне марксистские. Григория Пятакова обвинил в чрезмерном увлечении администраторством в политических вопросах[5]. Проведя быстрый и точный анализ качеств своих ближайших помощников, Ленин признал все кандидатуры неудовлетворительными. Отсюда следовал не высказанный прямо, но очевидный вывод, что в партии

на данный момент нет явного лидера, достойного сменить вождя на этом посту.

Степень лицемерности подобного заявления ошеломляет. Ленин сам не отличался достаточной осторожностью в употреблении власти (Сталин?), питал пристрастие к административным методам (Троцкий и Пятаков?), выступал против чрезмерного революционного оптимизма (Зиновьев и Каменев?) и демонстрировал весьма сомнительный вариант понимания марксизма (Бухарин?). И вот теперь Ленин взялся доказывать — и наверняка сам в это верил, — что только его товарищи грешат указанными недостатками.

В прошлом он избегал личных выпадов в адрес кого-либо из товарищей, если только это не было связано с разрывом политических отношений, за что товарищи платили ему настолько искренней привязанностью, что случаи, когда кто-либо из них выступал с подобной критикой в его адрес, почти неизвестны. Почти, но не совсем. В 1921 году у него произошла ссора с Пятаковым по вопросу о желательности привлечения американских концессионеров к управлению донецкими угольными шахтами. Ленин обвинил Пятакова в хвастовстве и сектантстве. В ответ пришло письмо Пятакова, который тоже не выбирал выражений:

> «Вы, В. И., привыкли все рассматривать в слишком крупном масштабе, решая все большие вопросы стратегии на «стоверстке», а нам приходится решать маленькие тактические вопросы на «трехверстке» или, в крайнем случае, на «десятиверстке», и потому Вы, в этом вопросе, по моему убеждению, впадаете в схематизм и, позвольте Вам вернуть ту же монету, подлинное хвастовство...»*[6].

Возможно, именно это контробвинение и засело в мозгу у Ленина, когда он сочинял свое завещание. Пятаков наступил на больную мозоль, ту самую, на которую давила Надежда Константиновна, пеняя ему на невнимание к мелкому хулиганству среди рабочих и чрезмерной сфокусированности на большой политике.

Однако Ленин был чужд даже косвенной самокритики. В хронике его последних дней нет ни малейшего намека на сожаление об ошибках, допущенных в ходе долгой политической ка-

---

* *Стоверстка, десятиверстка, трехверстка* — географические карты различного масштаба.

рьеры. Тем не менее, как все высшие руководители партии, он ясно видел негативные черты большевизма: административную жестокость, чрезмерный оптимизм и бахвальство, схематизм и схоластичность. Но дело в том, что каждый из вождей считал себя не подверженным подобным пристрастиям. Поэтому Ленин логично предположил, что только его товарищи нуждаются в том, чтобы им раскрыли глаза на них самих.

Предложенные им меры были не намного более реалистичны, чем его политическая теория в целом. В 1902 году он высмеял идею о способности рабочих оказывать положительное влияние на революционный процесс в силу единственно своего пролетарского происхождения. Почему же, можете вы спросить, теперь он решил, что изменения в социальном составе Центрального Комитета должны спасти революцию? Что заставило его поверить в готовность следующего поколения рабочих большевиков взять власть, минуя его ближайших соратников? Что побудило его вообразить, будто Троцкий, Сталин и остальные окажутся не в силах устранить препятствия, поставленные на их пути простыми фабричными рабочими, не искушенными в тонкостях высокой политики? Кроме того, было явным заблуждением думать, что власть партии опирается на поддержку рабочих и крестьян. Рабочие были лишены почти всех политических прав; они не могли даже бастовать, не рискуя оказаться в застенках ЧК. Крестьян в мятежных регионах до сих пор приводили к смирению безжалостными штыками Красной Армии. Только в одном Ленин оказался совершенно прав, и это был очень важный момент. Он чувствовал, что если партию расколет фракционная борьба, Троцкий и Сталин окажутся предводителями двух противоборствующих фракций. Практически никто другой не решился предположить ничего подобного в отношении Сталина, но Ленин наблюдал его в непосредственной близости и знал цену снедавшему его честолюбию.

По этой причине Ленин взял с секретарей клятву держать все в тайне и приказал запереть копии в сейф. В его понимании это была крайняя мера предосторожности. Он продолжал думать, что остается для всех непререкаемым вождем, и даже не исключил из числа личных секретарей жену Сталина, Надежду Аллилуеву. Это было в высшей степени наивно. «Письмо к съезду» грозило взорвать спокойствие партийного руководства. Мария Володичева была настолько потрясена его содержанием, что 23 декабря обратилась к Лидии Фотиевой за советом, как ей поступить. Фотиева рекомендовала показать материалы Сталину. Когда на

следующий день Володичева сделала это, Сталин схватил машинописный текст и помчался обсуждать его с Бухариным, Орджоникидзе и членом Секретариата Амаяком Назаретяном. Через несколько минут он вернулся и рявкнул: «Сожги!»[7]. Так Володичева и поступила. Но затем она запаниковала: она нарушила прямое распоряжение Ленина, и это было чревато большими неприятностями. Лидия Фотиева и Мария Гляссер испытали не меньшее потрясение. Ни Фотиева, ни Гляссер не возражали против того, чтобы раскрыть Сталину тайну «Письма к съезду»; тревогу вызвал факт уничтожения документа[8]. Решить проблему можно было только одним способом: Володичевой пришлось перепечатать пятую копию и запереть в сейф, как приказал ей Ленин[9].

По правде говоря, Сталин не извлек большой пользы из полученной информации. Возможно, он пожалел о том, что не принес Ленину яд, когда тот умолял его об этом. Теперь ситуация в корне изменилась. Сталин хотел убрать Ленина с дороги, в то время как Ленин стремился отстранить Сталина от должности. День за днем Ленин продолжал диктовать записки на тему организации различных учреждений Советского государства, и в каждом новом продолжении находил повод для критики Сталина.

И все же поле ленинской критики было всегда ограниченным. Некоторые влиятельные исследователи на Западе, начиная с 1960-х, и в СССР в конце 1980-х годов пришли к выводу о том, что он добивался проведения грандиозной реформы советской политической системы[10]. Они преувеличивают стремление Ленина к переменам. Он не пытался бросить вызов собственному политическому творению: однопартийному государству, государству с унитарной идеологией, государству, стремившемуся управлять всеми аспектами общественной жизни, экономики и культуры. Основы его учения тоже не пошатнулись. Захват власти в октябре 1917 года, революционное отрицание морали, «европейская социалистическая революция», научная точность, идеологическая непримиримость и органическая и политическая нетерпеливость: все эти принципы остались нетронутыми. Ничто в его завещании не подрывало основной мысли «Государства и революции» о том, что бесклассовое, эгалитарное, процветающее общество может быть построено только с помощью социалистической диктатуры. Со времени событий 1917 Ленин произвел множество корректировок в области революционной идеологии, организации и практики; он не изменял своей страсти к лави-

рованию на протяжении всей своей карьеры. Но относительно неизбежности построения коммунистического общества и генеральной стратегии достижения этой цели он не испытывал и тени сомнения. Ленин до конца оставался верующим в коммунизм; он не считал, что прожил жизнь напрасно или опирался на неверные политические предпосылки. Прикованный к постели, он предпринимал последнюю попытку указать курс на научно гарантированное достижение всеобщего триумфа марксизма.

Возобновив 26 декабря диктовку, он призвал обновить Рабоче-крестьянскую инспекцию (Рабкрин) путем набора новых членов из рабочей среды. Сталин, как бывший председатель инспекции, не мог не возмутиться обвинениями этого учреждения в бюрократизме. Далее Ленин подчеркнул необходимость сотрудничества Госплана и Совнаркома в целях увеличения степени планирования и регулирования экономики. Этим Ленин собирался задобрить Троцкого, поддержка которого была ему необходима в борьбе против Сталина. Но основной темой его размышлений стало изменение конституционной политики. Он даже начал спрашивать себя, не поспешил ли он, с учетом сложившихся обстоятельств, одобрить образование Союза Советских Социалистических Республик (СССР). Он отметил, что многие государственные чиновники стали «великороссами-шовинистами», «грубыми великорусскими держимордами» и посоветовал: «Несомненно, что следовало бы подождать с этой мерой до тех пор, пока мы могли бы сказать, что ручаемся за свой аппарат, как за свой». Здесь же не преминул уколоть Сталина за «торопливость и администраторское увлечение». Для Ленина не имело никакого значения, что ни Сталин, ни Дзержинский, ни Орджоникидзе не были русскими. В действительности они стали даже слишком русскими, компенсируя свое этнически нерусское происхождение тем, что отказывались защищать малые народы, такие как грузинский.

К тому времени было уже поздно противостоять созданию СССР, и 30 декабря съезд Советов ратифицировал проект конституции, предварительно одобренный Лениным и Центральным Комитетом партии. Но у Ленина оставался еще один гнилой зуб: 30–31 декабря он продиктовал статью «К вопросу о национальностях или об „автономизации“»:

> «Стоит только припомнить мои волжские воспоминания о том, как у нас третируют инородцев, как поляка не называют иначе, как „полячишкой“, как татарина не высмеивают иначе, как

„князь", украинца иначе, как „хохол", грузина и других кавказских инородцев, — как „капказский человек".

Поэтому интернационализм со стороны угнетающей или так называемой «великой» нации (хотя великой только своими насилиями, великой только так, как велик держиморда) должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большой, то неравенство, которое складывается в жизни фактически»[11].

Это не просто шаблонное изложение марксистского постулата. В нем отразились глубинные впечатления, сохраненные Лениным с детских лет. Преданность отца делу организации чувашских начальных школ в Симбирской губернии. Осуждение расового угнетения в «Хижине дяди Тома» Гарриет Бичер-Стоу. Принцип домашнего воспитания, гласивший, что каждый культурный русский должен избегать проявления узконациональной гордости.

В той же статье Ленин сделал поразительное признание:

«Я, кажется, сильно виноват перед рабочими России за то, что не вмешался достаточно энергично и достаточно резко в пресловутый вопрос об автономизации, официально называемый вопросом о союзе советских социалистических республик»[12].

Оставим в стороне вопрос лицемерности ленинской просьбы о прощении за предполагаемую вину. Не станем заострять интерес на употреблении слова «Россия», словно Грузия и остальные республики были ее частью. Что здесь действительно примечательно, так это эмоциональный тон фразы. В ней, похоже, раскрывается душа Ильича.

4 января Лидия Фотиева записала добавление к политическому завещанию:

«Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общениях между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д.»[13].

Объявлялась политическая война: Ленин хотел убрать Сталина с поста Генерального секретаря. Здесь же заслуживает внимания еще один момент. Дело в том, что добавление Ленина шло вразрез с его собственным высказанным ранее настойчивым требованием ослабить соперничество между Сталиным и Троцким. Лично нападая на Сталина, Ленин нарушил равновесие власти между своими ближайшими коллегами и, намеренно или нет, усиливал позицию Троцкого.

Начав с приведения в порядок партийных дел после своей смерти, он постепенно переключил внимание на повседневные трудности. В частности, Ленин добивался внесения изменений в уже согласованный план конституционного устройства СССР. Он настаивал на том, что из всех государственных структур республик объединять надо было только Наркоматы иностранных дел и военных дел. Все остальные, по его мнению, должны были оставаться в ведении правительств независимых Советских республик. Быстрой централизации власти в Москве следовало избегать.

Затем Ленин обратился к общим вопросам политики. В статье «О кооперации» поднимался вопрос низкого культурного уровня общества. Ленин призывал государство обратить особое внимание на ликвидацию безграмотности, бестолковости и недобросовестности. «Нам нужно сделать еще очень немного с точки зрения „цивилизованного" (прежде всего грамотного) европейца для того, чтобы заставить всех поголовно участвовать в кооперативных операциях»[14]. На данный момент, считал Ленин, крестьянство торговало «по-азиатски»[15]. Так он думал всегда. Но необычным для него в данном случае является открытое использование подобной лексики. В его словах слышится явный намек на недостаточную цивилизованность Азии, равно как и на то, что Россия гораздо более азиатская, чем европейская страна.

Ленина всегда раздражала примитивность экономических и социальных отношений в России. Характерно, что объектом для критических замечаний он выбрал именно крестьянство. Классовый подход просматривается во всем написанном им, хотя в массе своей русские рабочие недалеко ушли от среднего уровня русского крестьянина в плане умственного и технического развития. Но дело в том, что более реальная оценка русского пролетариата свела бы на нет весь смысл предложенной им работе реорганизации Центрального Комитета партии и Рабоче-крестьянской инспекции.

Если он и питал симпатию к какой-либо из многочисленных национальностей в СССР, то это были не русские, а евреи. По словам Марии Ильиничны, он гордился наличием еврейской ветви в своей родословной, потому что заслуги евреев в политической, научной и художественной областях были несоизмеримы с их численностью. И все же юдофилом как таковым назвать его нельзя. В евреях его восхищала их активная и положительная роль в построении западной, европейской и современной русской культуры. Ленин хотел, чтобы русские — а себя он считал русским европейцем — сделали то же самое. Таким образом, для полного и окончательного решения всех задач Октябрьской революции оставалось сделать еще очень много.

Однако Ленин никогда не сожалел о том, что захват власти ему пришлось осуществить в «недостаточно культурной стране». В рецензии на книгу Николая Суханова «Записки о революции» он процитировал изречение Наполеона: «On s'engage et puis... on voit». В вольном переводе оно означает, что командующий, только начав сражение, может увидеть, как лучше расположить свои силы. Ленин утверждал, что сперва надо захватить власть, а лишь потом вырабатывать логически последовательную стратегию. К тому же он отвергал правило современного марксизма, по которому в стране сначала должны появиться социальные и экономические предпосылки социализма — высокий уровень промышленности, технологии и образования — прежде чем предпринимать какую-либо попытку строительства социалистического государства. Что касается самого Маркса, то он рассматривал возможность построения социализма даже в крестьянском обществе, но этот момент не получил отражения в трактовке, принятой у русских марксистов 1890-х годов. Как раз наоборот. Марксисты России традиционно придерживались мнения, что к построению социалистического государства следует приступать только при наличии таких предпосылок, как высокий уровень промышленной экономики и образованности общества. Они настаивали на непреложности закона последовательности этапов исторического развития. Ленин держался в стороне от главного течения русского марксизма: нетерпимость к общепринятым взглядам на исторический процесс проявлялась у него с 1905 года, и выступление на Втором конгрессе Коминтерна в 1920 году не оставило никаких сомнений на этот счет. Даже ощущая дыхание смерти, он заботился о том, чтобы партия не приписала его идеи помрачению ума. В них заключалась суть ленинского толкования марксизма.

Итак, в последних работах Ленин не пытался изменить содержание своего учения, он только поменял стиль изложения и по-другому расставил акценты. 25 января 1923 года, когда, казалось бы, антисталинский накал некоторых его критический публикаций пошел на убыль, «Правда» опубликовала статью «Как нам реорганизовать Рабкрин». Затем Ленин надиктовал длинную работу «Лучше меньше, да лучше», в которой в очередной раз призвал к выдвижению рабочих на государственные должности. Мимоходом он назвал рабочих — в свойственном ему снисходительном духе — «недостаточно просвещенными элементами» и посоветовал «над ними еще длительно поработать». Но в целом он верил в то, что использование принципа классового отбора принесет быстрые результаты.

По вопросу внешней политики он мало чем обогатил свое творчество. Ленин не оставил веры в неизбежность краха капитализма. Не отрицая признаков экономического оздоровления на Западе, он все же повторил, что Версальский договор привел к порабощению Германии и установлению в Европе крайне нестабильной ситуации. Однако Ленин хорошо запомнил уроки польско-советской войны 1920 года и доказывал необходимость для СССР в ближайшем будущем держаться подальше от столкновений великих держав. Не теряя оптимизма, он продолжал утверждать, что подобные конфликты — при условии, что СССР останется в стороне — только на пользу Октябрьской революции, так как отвлекают иностранные государства от организации крестового похода против коммунизма. Он добавил, что последствия глобального потрясения, каким явилась первая мировая война, не изгладились. Восток, заявил он, «окончательно выбит из своей колеи». Колонии в Азии и Африке, даже без вмешательства Коммунистического Интернационала, доставят европейскому империализму массу неприятностей. В этом он не был оригинален: Люксембург, Троцкий, Бухарин и другие уже не раз говорили подобное. Но Ленин и не претендовал на интеллектуальное первенство; скорее, он имел в виду, что замедление революционного процесса дело временное. И добавил: Вот о каких высоких задачах я мечтаю».

Статья «Лучше меньше, да лучше» была опубликована 4 марта 1923 года и только усилила впечатление, что Ленин идет на поправку. Такая новость была особенно неприятна для Сталина. Весь февраль, с разрешения центрального партийного руководства, Ленин контролировал разбор материалов по грузинскому инциденту, которым занимались его секретари Николай

Горбунов, Лидия Фотиева и Мария Гляссер. Физически слабый, он еле передвигался. Но он не потерял былой проницательности, а его бойцовский дух вызывал трепет у членов Центрального Комитета, особенно после того как в нескольких из его статей в «Правде» промелькнули ссылки на напряженные отношения в среде кремлевского руководства. Один из секретарей Центрального Комитета, Валериан Куйбышев, предложил прекратить помещать ленинские материалы в «Правде» и вместо этого отпечатать фиктивный экземпляр партийной газеты с его публикациями, который можно будет посылать ему одному. Таким образом партию можно было уберечь от брожений, вызванных его обвинениями в адрес Сталина. Центральное партийное руководство ответило Куйбышеву отказом и разослало по губернским партийным комитетам циркулярное письмо, в котором сухо сообщалось о преобладающих в Москве настроениях единства.

Ситуация сложилась весьма напряженная. К 3 марта 1923 года Ленин получил от секретарей исчерпывающий отчет по грузинскому делу. Теперь, когда оружие оказалось у него в руках, оставалось только выстрелить по Сталину. Задача казалась совсем легкой. Примерно в это же время — мы до сих пор не знаем, когда именно — Ленин узнал из неосторожного замечания Надежды Константиновны о словесном оскорблении, нанесенном ей Сталиным. Ленин побагровел от ярости. В полдень 5 марта он вызвал Марию Володичеву и продиктовал два письма. В одном из них он просил Троцкого выступить от его имени на рассмотрении грузинского дела в Центральном Комитете партии. Второе письмо было адресовано Сталину:

> «Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее. Хотя она Вам и выразила согласие забыть сказанное, но тем не менее этот факт стал известен через нее же Зиновьеву и Каменеву. Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего и говорить, что сделанное против жены я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения»[16].

Ссора со Сталиным продемонстрировала в Ленине такие черты, которые он старался не выставлять напоказ. Хотя Ленин-революционер выступал за равенство в отношениях к мужчинам и женщинам, при этом он оставался типичным русским мужем

среднего сословия, а подобные люди привыкли, чтобы остальные мужчины обращались с их женами с должным почтением.

Грубую выходку Сталина, узнавшего о пособничестве Надежды Константиновны ленинскому желанию оставаться в гуще политических событий, в какой-то мере понять можно; кстати, Сталин тоже требовал от других мужчин уважения к своей жене. Но вместе с этим он считал, что женщина должна знать свое место и пытался убедить свою жену, Надежду Аллилуеву, выйти из партии. Ленину пришлось лично вмешаться, чтобы восстановить ее партийный билет[17]. Но в любом случае, обругав жену Ленина, Сталин перешел все границы. Ленин, пророк марксистского презрения к морали, собрался наказать его не только за политические ошибки, но и за невоспитанность.

На следующий день, получив от Троцкого положительный ответ по грузинскому вопросу, он попросил Володичеву доставить его письмо Сталину. Затем продиктовал еще одно письмо. Оно было отправлено Мдивани и группе грузинских коммунистов:

«Уважаемые товарищи!

Всей душой слежу за вашим делом. Возмущен грубостью Орджоникидзе и потачками Сталина и Дзержинского. Готовлю для вас записки и речь.

С уважением, Ленин»[18].

Он и не знал, что члены его окружения, включая жену, решили не передавать письмо Сталину адресату. Уже 5 марта состояние здоровья Ленина резко ухудшилось, и можно предположить, что Надежду Константиновну больше волновало, как бы ссора со Сталиным не доконала его совсем. С 6 на 7 марта у него снова была бессонница и он опять перестал владеть конечностями правой стороны тела. Однако наутро Мария Володичева решила, что не может вечно нарушать распоряжения Ильича, и отнесла письмо лично Сталину. Копии были вручены, как и требовал Ленин, Каменеву и Зиновьеву.

Сталин недоумевал: «Это не Ленин говорит, это его болезнь». Проявив самообладание и поистине грузинскую гордость, он написал ответ: «Если бы моя жена повела себя неправильно, и Вам бы пришлось ее наказать, я бы не счел себя вправе вмешиваться. Но так как Вы настаиваете, то я приношу свои извинения Надежде Константиновне»[19]. Каменев, однако, убедил его, что подобный ответ был бы более оскорбительным для Ленина, чем первоначальная обида. Сталин переписал письмо, но не пре-

де, чем имел по телефону крупный разговор с Марией Ильинич-ной. И все же он был достаточно обеспокоен, чтобы смягчить тон нового варианта ответа.

Сталин беспокоился зря. К тому времени Ленин был уже не в состоянии что-либо читать. Надежда Константиновна и Мария Ильинична по очереди дежурили у его постели; врачи наблюдали за ним с не меньшей тревогой. 10 марта у Ленина был спазм. Всю правую сторону парализовало полностью, а левая рука двигалась с большим трудом. Он не мог спать, и страдал от ужасных головных болей. Последние надежды на выздоровление улетучились. Надежда Константиновна и Мария Ильинична исполняли обязанности сиделок, а Надежда Константиновна стала брать уроки обучения речи больных, перенесших удар. Но воля к жизни, если не считать тех дней, когда Ленин, если б мог, с радостью проглотил цианистый калий, оставалась неизменной. Правда, ему пришлось согласиться с переездом в Большой дом в Горках. Прошло два месяца, пока врачи не решили, что больной достаточно окреп для транспортировки. 15 мая 1923 года автомобиль на заполненных песком шинах вывез его, под охраной, из Кремля и направился на юг от Москвы.

Сталин соскочил с крючка. Двенадцатый съезд партии, на котором Ленин собирался обнародовать свое политическое завещание, прошел под руководством Сталина, получившего возможность выступить с докладом по «национальному вопросу». Мдивани и грузинские коммунисты потерпели поражение. Ленинские замечания в адрес Сталина были зачитаны главам делегаций, но не выносились на обсуждение съезда. Троцкий оказался неподготовленным, а Каменев и Зиновьев, более обеспокоенные возможностью вознесения Троцкого к вершинам власти, поддержали Генерального секретаря. Сталин сумел избежать непоправимого урона своему авторитету и положению. Он остался Генеральным секретарем. Теперь ему оставалось надеяться на то, что Ленин никогда не вернется в политику. Для Сталина все складывалось благополучно.

Тем временем Ленин был почти полностью обездвижен; вызванный из Германии профессор Штрюмпель снова выдвинул предположение, что он страдает сифилисом в поздней стадии и рекомендовал продолжать применение препаратов, содержащих мышьяк и йод[20]. В ходе врачебных консилиумов, проводившихся в марте, апреле и мае, окончательный диагноз так и не был поставлен. Ни один специалист не смог доказать правоту своей точки зрения, а некоторые из них так и не пришли к какому-

либо мнению. Плачевность состояния пациента была очевидной. Британские коммунисты купили в Лондоне и послали Ленину электрическое кресло-каталку марки «Картер и К°». Рычаг управления был расположен под правой рукой, которая у Ленина была парализована; в любом случае он отказался ею пользоваться и настоял на ее передаче одному из ветеранов гражданской войны. Одевали его в простой защитного цвета китель и высокие шнурованные ботинки на низком каблуке. Но все, на что он был способен, это сидеть с Надеждой Константиновной и ждать, пока она не переведет его мысли; он мог издавать только невнятное бормотание. Обычно он произносил: «Вот, вот, вот»[21]. Она не всегда могла понять, что он хотел сказать, поэтому прибегала к догадкам по смыслу и вела разговоры в соответствующем направлении.

Когда ее терпение иссякало, Надежда Константиновна начинала заливаться слезами. (Однажды Ленину пришлось подать ей носовой платок.) Мария Ильинична, как истинная Ульянова, не показывала своего горя. К изумлению ленинского телохранителя Петра Пакална, она ни разу не всхлипнула[22]. И все же обе женщины испытывали чрезвычайное нервное перенапряжение. После марта 1923 года Ленин обратился сначала к Марии, а потом к Наде с просьбой дать ему яд. Мария, всегда подвластная его воле, не смогла отказать и пошла на обман, дав ему склянку с хинином. Надя отказалась выполнить его просьбу наотрез, так же, как и Лидия Фотиева[23]. Ни одна из женщин не могла предсказать, как будет развиваться ситуация, и они давно перестали обращаться с этим вопросом к докторам. И Наде и Марии было ясно, что состояние Ленина ставит в тупик современную медицинскую науку. Мария испытывала от этого мучительную горечь. Если они почти ничего не знали наверняка, то им не следовало экспериментировать, допуская его к работе в октябре 1922 года[24]. Надя, со своей стороны, понимала его эмоциональную потребность оставаться каким-то образом вовлеченным в политическую деятельность, но и она высмеивала докторов за их никчемность и написала друзьям в Москву (Луначарскому), что надежды для ее мужа нет никакой[25].

Но все же бывали дни, когда он чувствовал себя намного лучше. Например, он узнал, что один из товарищей, находившихся на лечении в Горках, в соседнем здании, был не кто иной, как человек, с которым он вел споры о достоинствах марксизма еще в 1889–1890 годах, Александр Преображенский. Те дни в самарской Алакаевке казались иной эпохой. Ленин был чрезвычайно

счастлив встретить и обнять старого друга, страдавшего от болезни сердца. Он даже отказался покинуть жилище Преображенского и в этот вечер, и на следующий[26]. Кинувшись на кровать, он повторял раз за разом: «Погиб я!» Расстроенная Мария Ильинична не решилась оставить его одного, боясь очередного припадка[27].

Это было в июле 1923 года. Другая эскапада имела место в октябре, когда Ленину, ни с того ни с сего, взбрело в голову совершить поездку в Кремль. Мария Ильинична увещевала его: «Послушай, Володя, они не пустят тебя в Кремль: у тебя нет пропуска». Но он только рассмеялся и пробормотал что-то нечленораздельное[28]. Шофер Гиль выгнал «роллс-ройс» из гаража за Большим домом и, в сопровождении Нади и Марии, отвез Ленина в столицу.

Как и предполагала Мария, их не сразу пропустили через кремлевские ворота. Но Ленин снова только рассмеялся. Наконец он вернулся в знакомые места. В квартиру, где он жил вместе с Надеждой Константиновной и Марией Ильиничной; в зал заседаний Центрального Комитета; и, наконец, в зал Совнаркома. По пути он просил снять с полок кое-какие книги и проверял, все ли остается на своих местах в его отсутствие. Только однажды, когда он осматривал зал Совнаркома, с длинным, крытым зеленым сукном столом, его лицо помрачнело[29]. Именно здесь он управлял правительством в годы гражданской войны и новой экономической политики. Воспоминания вызвали прилив чувств; какое-то время казалось, что он не сможет продолжать осмотр. Но он взял себя в руки. К моменту окончания его маленькой экскурсии было уже слишком поздно возвращаться в Горки, и Ленин, Надя и Мария остались ночевать в своей старой квартире.

Это был последний раз, когда Ленин выехал из Горок на увеселительную прогулку. Наступила зима. Леса и поля покрылись снегом, и в лучах яркого низкого солнца начала второй половины дня, казалось, не было более чудесного вида в России. Мили и мили оголенных берез простирались до горизонта. Две мили грунтовой дороги до полустанка в деревне Герасимовка были расчищены и укатаны для удобства приезжающих врачей. Но в остальном крестьяне, обслуга, пациенты и их родственники были изолированы от остального мира. Они могли с таким же успехом жить в Шушенском в сибирской ссылке. В колхозе прекратились все сельскохозяйственные работы, приостановлен был и наружный ремонт Большого дома. Время остановилось.

До середины осени Надя могла вывозить мужа в инвалидном кресле в лес собирать грибы. Ленину нравилось замечать их раньше нее. Любитель всюду быть первым, он получал удовольствие оттого, что способен на то, чего не могут другие[30]. Но в последние недели они выходили из дома просто для того, чтобы насладиться панорамой бескрайних заснеженных полей. Они выезжали на санях в лес в сопровождении Петра Пакална, фельдшера Владимира Рукавишникова и одного из санитаров[31]. Несколько дней подряд Ленин был очень бодр, и Надя послала детям Арманд открытку с радостным известием, что он уже мог «ходить без посторонней помощи (с палочкой)»[32]. Врачи тоже были им довольны. Петр Пакалн доложил в ЧК — и косвенно Сталину в Секретариат партии — что Ленин «чувствует себя великолепно»[33]. Как и в предыдущую зиму «дедушка Ленин» распорядился поставить в Большом доме елку для детского праздника. Приемный сын Анны Ильиничны Гора Лозгачев, теперь уже рослый шестнадцатилетний юноша, получил разрешение Марии Ильиничны поучаствовать в веселье вместе с приглашенными ребятишками[34]. Ленин с радостью принимал визиты от товарищей по партии. Среди тех, кто приезжал поболтать с ним, были партийные руководители Зиновьев, Каменев, Бухарин и Евгений Преображенский[35].

Но все же его состояние доставляло немало поводов для волнений: в ноябре и декабре 1923 года у него было семь припадков[36]. Что он сам на этот счет думал, неизвестно. Возможно, это было отчасти связано с трудностью говорить, но он всегда держал свои мысли при себе. Надя, которую вновь привлекла к мужу необходимость быть сиделкой при нем, обижалась на эту скрытность и жаловалась Бухарину, что между ними как будто стоит стена[37]. Но она продолжала попытки сломать эту стену и найти путь к его сердцу.

Не считаясь с Политбюро, она говорила с ним о политике; но даже она не решилась волновать его рассказом о спорах в центральном партийном руководстве. Осенью 1923 года Троцкий опубликовал серию статей «Новый курс», в которых он критиковал бюрократизм партии, а также слабый и неэффективный контроль государства над экономикой. Вокруг Троцкого организовалась «левая оппозиция». Остальные члены Политбюро ответили ударом на удар; Сталин, Каменев, Зиновьев и Бухарин встали плечом к плечу и организовали своих сторонников в Москве и провинции на противодействие кампании Троцкого. Большинство в партийном руководстве призвало к един-

ству и лояльности и использовало все возможные организационные уловки, чтобы облить левую оппозицию грязью. Все это как нельзя лучше устраивало Сталина. Троцкий поставил себя в положение раскольника и не мог обратиться к Ленину за помощью. Остальные члены Политбюро обвинили Троцкого в жажде личной власти и желании пустить под откос новую экономическую политику. На Тринадцатой партийной конференции, открывшейся в Москве в январе 1924 года, левая оппозиция потерпела сокрушительное поражение. К тому времени Троцкий покинул поле сражения; физическое истощение вынудило его взять длительный отпуск и уехать в Сухуми, город на абхазском побережье Черного моря. Надя понимала, что это и есть раскол, предсказанный Лениным в «Письме к съезду». Чтобы успокоить его, она выдумывала разные небылицы. Зачитывая ему выдержки из «Правды», она уверяла его, что Тринадцатая партийная конференция объединила партию. Обман, казалось, сработал. 18 января 1924 года он «чувствовал себя чудесно» и на следующий день отправился на прогулку на санях[38]. В Горки на несколько дней приехал Бухарин отдохнуть и поработать над рукописями; он остановился в доме напротив Большого дома. Мария Ильинична, как обычно, суетилась, а Надежда Константиновна читала Ленину. 20 января появился повод отпраздновать: ровно месяц у Ленина не было припадков.

21 января тоже, казалось бы, не было причин для беспокойства. Ленин проснулся в 10.30 утра и пошел в ванную. За время лечения он привык вставать сравнительно поздно. Но затем он сказал, что чувствует себя нехорошо, выпил полчашки черного кофе и в 11.00 снова лег и заснул. В 3.00 пополудни он почувствовал себя немного лучше, выпил еще полчашки кофе и чашку чистого бульона. Профессор Осипов прошел в спальню для ежедневного осмотра пациента и не нашел ничего особенно тревожного. Пульс Ленина слегка частил, но температура была нормальной. Речь была не хуже, чем на протяжении последних нескольких месяцев. Но затем в 17.40 внезапно начался криз. Ленин полулежал в постели, обложенный подушками, как вдруг ощутил дрожь начинающегося приступа. Его начало тошнить. Дежурные врачи — Осипов, Ферстер и Елистратов — провели экстренное совещание при участии фельдшера Рукавишникова. При этом также присутствовали Надежда Константиновна и Мария Ильинична[39]. Ленин впал в кому. Он оставался в ней намного дольше, чем в декабре 1923 года, когда несколько раз терял сознание на двадцать минут. Пульс замедлился, и Мария Ильи-

ничка послала за камфарой, чтобы восстановить его. Положение было критическим.

Бухарин услышал, что происходит что-то чрезвычайное, и побежал в Большой дом узнать, в чем дело. Охранники находились на своих местах вокруг здания. Но внутри все было не как всегда. Наверху горел свет и Пакална, который обычно дежурил на первом этаже, нигде не было видно[40]. Бухарин поспешил наверх. Там он нашел Пакална, который счел нужным находиться рядом с Надеждой Константиновной и Марией Ильиничной в момент, когда Ленин боролся за жизнь. Температура резко подскочила. Он метался на узкой кровати и обливался потом. Кричал от боли. Бухарин оставался рядом с ним до самого конца в 18.50:

> «Когда я вбежал в комнату Ильича, переполненную докторами и заставленную лекарствами, Ильич испускал последний вздох. Голова откинулась назад, лицо страшно побелело. Он захрипел, руки упали. Ильич, Ильича больше не было»[41].

Врачи подняли ему веки, чтобы проверить, есть ли еще шанс. Но диагноз мог быть только один. Владимир Ильич Ульянов-Ленин, человек-борец, испустил последний вздох.

Немедленно позвонили в Кремль. Политбюро заранее подготовилось к такому исходу, и все его члены, за исключением Троцкого, собрались на кремлевской квартире Зиновьева на совещание. Каменев позвонил Владимиру Бонч-Бруевичу и поручил ехать в Горки проследить за подготовкой тела. 22 января Бонч-Бруевич выехал поездом в Герасимовку с сестрой Ленина Анной и братом Дмитрием. На следующий день гроб пронесли мимо собравшихся у дороги скорбящих жителей деревни к железнодорожной станции и повезли в Москву. Тело было выставлено в Доме профсоюзов. В жгучий мороз люди съезжались в Москву со всего Советского Союза, чтобы оплакать вождя. Во всех газетах поместили некрологи. Людей пугала неуверенность в том, что будет с ними дальше. ЧК была поднята по тревоге на случай попыток антибольшевистских политических групп предпринять какие-либо действия против режима. 26 января прошла траурная сессия съезда Советов, на которой произносились речи в память об усопшем вожде. Руководители Центрального Комитета по очереди клялись следовать его идеям и его примеру. «Клянемся тебе, товарищ Ленин, — провозгласил Сталин, — что не пощадим своей жизни для того, чтобы укреплять и расширять

союз трудящихся всего мира — Коммунистический Интернационал».

Похороны состоялись 27 января 1924 года, через шесть дней после смерти Ленина. Это был самый холодный день года. Трубачам приходилось натирать инструменты водкой, чтобы губы не примерзали к мундштукам. В момент выноса тела из Дома профсоюзов толпа на Красной площади запела «Интернационал». Гроб несли Зиновьев, Каменев, Сталин, Бухарин, Молотов, Томский, Рудзутак и Дзержинский. Троцкий, которого Сталин накануне «заверил» в том, что ничего серьезного не происходит, оставался в Сухуми. В Москве приостановилась вся работа. Гудели фабричные и заводские гудки. То же самое происходило во всех городах, поселках и деревнях СССР. Поезда остановились на рельсах. Корабли стали на якоря. Усыпальница была построена на Красной площади перед кремлевской стеной. Тело Ленина опустили в землю в четыре часа пополудни. Было уже темно и становилось еще темнее.

ЛЕНИН: жизнь после смерти

Усопшего не оставили в покое. По приказу Политбюро тело ержали на льду в Центральном Московском морге, пока ученые не закончили эксперименты, позволившие им забальзамировать его и выставить на постоянное публичное обозрение. Надежда Константиновна категорически возражала, хотя уже начинала привыкать к тому, что с ее мнением почти не считались; к тому же постановления Политбюро не подлежали обсуждению.

А решение было однозначным: поместить тело ее мужа в Мавзолей на Красной площади с северо-восточной стороны Кремля. Конструкция предполагалась деревянной. (Современное мраморное здание было построено в 1930 году.) Мороз стоял настолько жестокий, что замерзшую землю пришлось взрывать динамитом. Большевистское руководство объявило о якобы полученном обращении рабочих к официальным властям с просьбой законсервировать тело Ленина для демонстрации потомкам. Это была вопиющая ложь ради политики: идея родилась не в рабочих массах, а в недрах Политбюро. Главным ее инициатором стал никто иной, как Иосиф Сталин, убежденный в том, что тело в Мавзолее послужит символом сплочения для граждан СССР и последователей коммунизма во всем мире.

Теперь, когда ленинский Мавзолей вошел в число классических архитектурных творений, трудно представить, насколько эксцентричным казалась идея его создания в 1924 году. Древние египтяне бальзамировали своих фараонов, но помещали их в деревянные саркофаги и замуровывали в подземных камерах каменных пирамид недалеко от Каира. Ленин, одетый в темный костюм, должен был предстать перед глазами любого посетите-

ля Красной площади. В русской православной церкви существует традиция показывать верующим мощи мужчин и женщин, причисленных к сонму святых; но ни один святой не удостоился чести быть превращенным в манекен для ежедневного разглядывания обывателями. Насущная необходимость «мавзолеизации» объяснялась непрочностью положения Политбюро. Ленин являлся наиболее популярным его членом; его Декрет о земле 1917 года и новая экономическая политика 1921 года были восторженно восприняты большинством населения страны. Члены Политбюро стремились использовать часть этой ауры всеобщего почитания лично для себя.

Вместе с тем работы Ленина приобрели статус Священного Писания; «Собрание избранных сочинений» Ленина, публикация которого началась в 1920 году, по значимости превзошло все когда-либо напечатанное на земле. В специально организованном Институте мозга хранились тридцать тысяч срезов, взятых из мозговой ткани вождя, с тем чтобы со временем приступить к научному раскрытию секретов его великого гения. Поиски в идеологической области увенчались открытием нового философского направления: марксизма-ленинизма. Ленин из простого пехотинца марксистского батальона вознесся в ранг мыслителей мирового масштаба, сравнявшись со своими кумирами, Марксом и Энгельсом. Величайшими его достижениями были объявлены Октябрьская революция, большевистская партия и СССР. Он вписал новую, светлую страницу в историю человечества.

Все правительства мира — будь то консервативные, либеральные или социалистические — трепетали перед последствиями 1917 года; а зарождение фашизма в некоторых европейских странах во многом объяснялось стремлением противодействовать советскому коммунизму с его потенциальной способностью к воспроизведению в любой части континента. Двадцатый век был выкован на ленинской наковальне захвата и консолидации власти в Петрограде. Когда в 1924 году Петроград был переименован в Ленинград, это казалось достойным признанием его исторической значимости.

Надежда Константиновна просидела возле гроба мужа все время, пока он был выставлен для торжественного прощания. Она чувствовала себя совершенно одинокой. Ее родители умерли, у нее не было ни братьев, ни сестер, и она никогда не чувствовала себя своей в кругу родственников Ленина. Самым близким человеком была двадцатипятилетняя дочь Инессы Инна,

которая была для нее, никогда не имевшей детей, как родная. После похорон она написала ей письмо:

> «Милая, родная моя Иночка, схоронили мы Владимира Ильича вчера... Смерть была для Ленина лучшим выходом. Он уже так много раз пережил смерть в прошлом году... Сейчас больше всего хочется думать о Влад. Ильиче, об его работе, читать его»[1].

Надя больше никогда не поверит специалистам медикам. Она уверилась в том, что Ленину пришлось терпеть страдания до самого конца: «Говорят, он был без сознания, но теперь я твердо знаю, что доктора ничего не понимают»[2]. Но еще сильнее ее раздражало Политбюро. Решение сохранить тело ее мужа претило ей. Вскоре она снова пишет Инне:

> «Когда среди наших возник проект похоронить В. И. в Кремле, я была страшно возмущена — то, что они должны были сделать, это похоронить его вместе с товарищами, чтобы они могли лежать рядом под Кремлевской стеной»[3].

Коммунистическая администрация постоянно держала это письмо под грифом «совершенно секретно». Что неудивительно. Надежда Константиновна не просто протестовала против решения о бальзамировании и мавзолеизации. Говоря о том, что Ленина следовало похоронить по-человечески в указанном месте, она тем самым рекомендовала, чтобы место его вечного упокоения находилось рядом с матерью Инны, Инессой Арманд. У Нади была широкая душа. Что-то заставляло ее стремиться к соединению этих двух людей даже после смерти; она хотела, чтобы ее муж лежал рядом со своей бывшей любовницей в холодной московской земле[4].

Но этому не суждено было сбыться. Возведение Мавзолея продолжалось, несмотря на ее отчаянные протесты, направлявшиеся Сталину и Политбюро. Однако до последнего времени историки не имели возможности оценить, в какой степени она помогала установлению ленинского культа во всех остальных отношениях. Ненависть к Мавзолею не мешала ей активно пропагандировать образ Ленина как идеального революционера, мыслителя и мужа. Сразу же после похорон она засела за брошюру о нем[5]. Это ли не самое наглядное подтверждение того, что она жила ради политики почти в такой же степени, как ее покойный муж. Она оплакивала его, но горе не помеша-

ло ей писать о нем в довольно беспристрастной манере. Более того, она принялась за дело в тесном взаимодействии со Сталиным.

Мы привыкли, что историки рисуют нам картину постоянной враждебности между Крупской и Сталиным. В архивах партии сохранились документы, рисующие совсем иную картину. В мае 1924 года, закончив черновой вариант, Крупская по собственной инициативе послала копию рукописи Сталину с просьбой высказать свое мнение. Он ответил, предложив ряд фактографических поправок, и порекомендовал не тянуть с публикацией[6].

Их сотрудничество продолжалось долгие годы. Несмотря на то что Надежда Константиновна не оставила своей работы в Наркомате просвещения, все свободное время она посвятила чтению лекций и написанию статей о Ленине. Канонизация его памяти стала ее главной заботой, и она практически превратилась в верховную жрицу ленинского культа. Вопрос был настолько же личный, насколько политический. Все имевшиеся у нее фотографии Ленина она собрала в альбом, а обложку украсила словом Ильич, вырезанным из других его фотографий. Она заботливо хранила кожаный портфель, который Ленин получил в подарок от группы рабочих и отдал ей. Надежда Константиновна так никогда и не оправилась от потери мужа[7].

Помимо нее на должность верховной жрицы претендовали Анна Ильинична и Мария Ильинична. Но их соперничество было вполне дружеским. Теперь, когда предмет их восхищения покинул этот мир, три женщины стали лучше ладить между собой. Но если верховных жриц было трое: Надежда, Анна и Мария, то верховным жрецом, вне всякого сомнения, стал сам Сталин. Между тем тайный сговор высших руководителей партии, стремившихся замолчать политическое завещание Ленина, позволил Сталину сохранить пост Генерального секретаря, и он быстро включился в коллектив, занятый разработкой комплекта доктрин, объясняющих суть ленинского учения. Курс его лекций в университете Свердлова, опубликованный в «Вопросах ленинизма», представлял собой краткое изложение ленинских идей. Троцкий, Зиновьев, Каменев и Бухарин тоже внесли посильную лепту в увековечение памяти основателя партии, разъясняя его значение для мирового коммунизма. Велась напряженная работа по систематизации его идей. Процесс грозил затянуться до бесконечности — уж слишком много противоречий оставил после себя Владимир Ильич.

Но если с систематизацией вышла заминка, то с цензурой материалов о нем трудностей практически не было. Поступило негласное указание, чтобы описания Ленина составлялись в традициях церковно-житийной литературы. В партии и правительстве были развернуты отделы пропаганды, поставленные на службу единственно этой цели. Сочинения вождя печатались тиражами в сотни тысяч экземпляров. Бумаги Ленина подверглись скрупулезному изучению, и Каменев возглавил редакционную коллегию, занимавшуюся публикацией ранее неизвестных его работ.

Цель всегда была одна. Ленина следовало изобразить не просто героическим персонажем в истории большевизма и мировой революции, а придать ему мифический статус всеведущего революционного святого. Не допускалось ни единого пятнышка на его репутации как теоретика, пропагандиста и партийного организатора. Ленина надлежало почитать, как единственного великого наследника Маркса и Энгельса в первой четверти двадцатого века. Дар предвидения и решимость, проявленные им в период, когда он создавал партию большевиков и вел ее за собой через горнило Октябрьской революции и гражданской войны, заслуживали ничем не сдерживаемых славословий. Гений партийного вождя, премьера правительства, военного стратега и государственного мужа мирового масштаба нуждался в восхвалении. Человечность друга, товарища и мужа требовала фимиама.

С течением лет получила повсеместное распространение еще одна форма ленинского культа. Все сказанное им должно было точно соответствовать сиюминутным интересам руководства коммунистической партии. По мере того как разворачивалась борьба за престолонаследие, группа претендентов — Каменев, Зиновьев, Сталин и Бухарин — постепенно вычистила из исторических книг все, что хотя бы косвенно могла бросить на них малейшую тень. Больше всего пострадал в этом соперничестве Троцкий; конкуренты не только лишили его и его сторонников всех маломальски важных постов, но и препятствовали появлению в печати материалов, демонстрирующих его тесные рабочие отношения с Лениным. В результате возник новый, в значительной степени воображаемый образ покойного вождя, вождя, который поддерживал теплые отношения только с теми, кто в настоящий момент стоял у кормила власти.

Главные ревнительницы культа — Надежда Константиновна, Мария Ильинична и Анна Ильинична — объединили усилия в

создании квазирелигиозного мифа. Они понимали, что каждая публикация должна соответствовать критериям описания жития святых и политического расчета. И все же родственники Ленина не всегда могла предугадать, откуда подует ветер, и многое из написанного ими так и не доходило до печати. В конечном итоге им пришлось примириться с точкой зрения Сталина. К тому времени как за мемуары взялись остальные, неписаные правила культа стали ясны всякому, и авторы знали, что от них требовалось. Вдобавок возглавлявшиеся Сталиным Секретариат и Центральный Комитет засекретили целые страницы протоколов большей части заседаний высшего политического руководства партии и правительства. Открытыми оставались только тщательно отобранные выдержки из документов. Причины подобных мер предосторожности легко объяснимы. СССР, Октябрьская революция и марксизм-ленинизм не могли иметь оправдания, пока благоговение перед Лениным не превратилось в общенародное чувство. Таким образом, культ основателя партии не был для его последователей простой прихотью. Он был политической необходимостью. Ею он и оставался до самого конца СССР.

Время вносило изменения в список верховных жрецов культа кардинальные изменения. Антитроцкистский блок Каменева, Зиновьева, Сталина и Бухарина распался сразу же после разгрома Троцкого в 1924 году. Каменев и Зиновьев выступили против Сталина и Бухарина и проиграли. Затем против Сталина восстал Бухарин и потерпел поражение. К 1928–1929 годам Сталин приступил к осуществлению первого пятилетнего плана. Он загнал крестьян в колхозы, подавил их сопротивление, арестовал и отправил в тюрьмы националистов, служителей культа, критически настроенных интеллектуалов и внутрипартийных оппозиционеров. В 1937–1938 годах по его наущению в стране разбушевался великий террор. Именно тогда появился «Ленин», в точности соответствовавший требованиям текущего момента. Сталинский Ленин всегда был другом Сталина. Подразумевалось, что в своих решениях он опирался на советы Сталина и видел в Сталине достойнейшего из возможных наследников. Текст ленинского политического завещания стал запретным для всех средств массовой информации, а оппоненты новой официальной версии прошлого либо казнены, либо брошены в принудительно-трудовые лагеря системы Гулага.

Сталин запустил в обращение миф о том, что он — это «Ленин наших дней». Его особое пристрастие к насилию, иерархии,

порядку и дисциплине нашло отражение во всех учебниках по истории. Ленинский вариант марксизма подвергся тщательной очистке от противоречий. Имя Ленина получила самая массовая организация советской молодежи: Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи (ВЛКСМ). Вышли из печати новые издания его избранных сочинений. Картины, изображающие основателя партии в решающие исторические моменты, украсили все художественные галереи, но помимо того его изображения встречались повсюду: на почтовых марках и посуде, на плакатах, вывешенных на главных улицах городов советской страны. Его портреты стали обязательным атрибутом первых страниц каждого номера центральных газет «Правда» и «Известия». Высшую награду страны назвали орденом Ленина. Цитаты из его работ использовались при обучении школьников, чтобы они вырастали убежденными коммунистами, цитатами подкрепляли свои выступления ораторы на съездах партии. В атеистической Троице марксистско-ленинского учения советские пропагандисты ставили на первое место не Маркса и Энгельса, а именно Ленина. Ленин становился Богом марксизма-ленинизма.

Марксизм-ленинизм все больше превращался в новую, активно насаждаемую идеологическую разновидность, марксизм-ленинизм-сталинизм, а Сталин, по многим причинам, требовал, чтобы его изображали представителем Ленина на Земле. В годовщину Октябрьской революции Сталин поднимался на трибуну Мавзолея у Кремлевской стены и наблюдал за парадом войск, молодежных организаций и спортсменов. Он не отказался от этой традиции даже в 1941 году, когда существовала реальная возможность бомбардировки Москвы силами люфтваффе. Поэт Владимир Маяковский закончил одно из своих творений словами: «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить!». Будучи не в состоянии воскресить Ленина, как современного Лазаря, советский режим делал все возможное, чтобы вдолбить в головы своих граждан веру в то, что ленинское наследие живет собственной, неугасимой жизнью.

Новый «Ленин» напоминал покрытую лаком лубочную картинку. Ссылки на нерусские корни в его родословной строго воспрещались; никто, кроме хорошо информированных ветеранов-большевиков, не знал, что его предки уже во втором колене не были русскими. О принадлежности к благородному сословию нигде не упоминалось; даже тот факт, что Ульяновы вели вполне безбедное существование, фигурировал достаточно редко.

Классическое образование, симпатии к террористам-народникам и привычка к комфортабельной жизни даже в сибирской ссылке обсуждению не подлежали. Любое упоминание о том, что Ленин заимствовал свои идеи у других мыслителей и политиков, квалифицировалось как ересь. Умалялось даже влияние на него Маркса и Энгельса. Описания разногласий внутри большевистской партии ограничивались борьбой Ленина, Сталина и верных ленинцев, с одной стороны, с кучками ни на что не годных болтунов — от Мартова в 1903 году до оппортунистов в Политбюро начала 1920-х годов — с другой. Личные аспекты жизни Ленина не столько искажались, сколько держались в строжайшей тайне. Перечень запретных тем возглавляла связь с Инессой Арманд. Супружеские отношения характеризовались как политическое сотрудничество — ну, может, чуть-чуть более того. Даже личному обаянию, располагавшему к нему друзей и товарищей, не нашлось места в исторических характеристиках. Коварство партийного руководителя замечать категорически возбранялось. Все случаи шарахания от твердолобой настойчивости к готовности идти на компромисс и тщательно просчитанную подтасовку фактов безжалостно вымарывались.

За пределами СССР предпринимались попытки более правдоподобных описаний Ленина. Выходили мемуары знавших его меньшевиков; а Троцкий после высылки в 1928 году опубликовал несколько статей, обличавших беспардонную лживость современных советских биографов. Но даже Троцкий не мог поднять все материалы, хранившиеся в московских архивах, к тому же перед ним стояли другие политические задачи. Он заявил о том, что именно ему, а не Сталину, Ленин отдавал предпочтение как политическому наследнику. Разумеется, выступления Троцкого против «сталинской школы исторических фальсификаций» можно отчасти объяснить поисками личной выгоды. Меньшевики тоже не были беспристрастны; ни один меньшевистский мемуарист не собирался нежничать с образом человека, который посадил за решетку или депортировал все их руководство. Тем не менее, как Троцкий, так и меньшевики описывали и анализировали фигуру Ленина в выражениях, низводивших его с пьедестала полубога до положения простого смертного.

Западные коммунисты добросовестно изучали присланный им из Москвы лубочный вариант. Они воспринимали Ленина через сталинскую призму, и для них стало настоящим шоком сделанное после смерти Сталина в 1953 году заявление его наследников о том, что Ленин и Сталин никогда не сходились во мнени-

ях ни по одному вопросу. В 1956 году Никита Хрущев* процитировал выдержки из политического завещания Ленина и добавил, что в 1930-е Сталин развернул в стране кампанию массовых убийств. Для всего коммунистического мира, и особенно для СССР, откровения Хрущева явились сенсацией. Низвергнув Сталина с пьедестала, новый руководитель партии посчитал себя обязанным еще выше поднять знамя ленинизма. Поступил заказ на издание невиданным тиражом пятого «Полного собрания сочинений». Официальная биография Ленина была переписана заново. Тщательно проверенные историки получали доступ в Центральный архив партии на улице Пушкина одновременно с указанием придерживаться в основном варианта трактовки ленинской биографии, принятого при Сталине, с единственной разницей: им позволялось выносить на свет любые разногласия между Лениным и Сталиным. Кроме того, в целях исторической достоверности разрешалось не связывать все случаи фракционных разногласий с капиталистическим заговором и не подчеркивать деспотизм Ленина по отношению к товарищам по партии.

За рубежом, однако, на основании новой информации делались далеко идущие выводы. Некоторые историки выдвинули гипотезу, что последние схватки Ленина со Сталиным продемонстрировали разницу между коммунизмом в период новой экономической политики и коммунизмом в пору гражданской войны. Такого же подхода придерживались неортодоксальные советские историки вроде Роя Медведева. Они доказывали, что перед смертью Ленину открылись перспективы долговременного коммунистического порядка с элементами культурного плюрализма, этнического многообразия и, возможно даже, смешанной экономики. В коммунистических партиях Запада эти идеи встретили самый радушный прием. Некоторые так называемые еврокоммунисты в Италии, Франции и Испании выдвинули пред-

---

* *Никита Хрущев* (1894–1971) – политический деятель. С 1953 года 1-й секретарь ЦК КПСС, одновременно в 1958–1964 годах председатель Совета Министров СССР. Один из инициаторов «оттепели» во внутренней и внешней политике, реабилитации жертв репрессий; предпринял попытку модернизировать партийно-государственную систему, ограничить привилегии партийного и государственного аппарата, улучшить материальное положение и условия жизни населения, сделать общество более открытым. На XX (1956) и XXII (1961) съездах КПСС выступил с резкой критикой «культа личности» и деятельности И. В. Сталина. Однако его политику делали непоследовательной сохранение в стране тоталитарного режима – подавление инакомыслия, расстрел рабочих демонстраций (Новочеркасск, 1962 и др.), произвол в отношении интеллигенции, вмешательство в дела др. государств (вооруженная интервенция в Венгрии, 1956 и др.) обострение военного противостояния с Западом (берлинский, 1961, и карибский, 1962, кризисы и др.), а также политическое прожектерство (призывы «догнать и перегнать Америку!», обещания построить коммунизм к 1980). Недовольство государственного и партийного аппарата привело к смещению Хрущева со всех занимаемых постов в 1964 году.

положение, что если бы Ленин выздоровел, то можно было бы рассчитывать на построение в Советском Союзе коммунизма с человеческим лицом.

Другая группа еврокоммунистов, напротив, подняла вопрос о том, что стремление к диктатуре, террору, идеологической жесткости и отрицанию морали всегда являлось неотъемлемой чертой ленинизма. Для антикоммунистов это не стало большим открытием: они с самого начала считали, что влияние Ленина на его эпоху было исключительно пагубным. Но как измерить степень этого влияния? Когда исследователи подошли вплотную к данному вопросу в 1970-х и 1980-х годах, их интересовали главным образом политические аспекты. Кропотливому изучению подверглись интеллектуальное окружение российских революционеров конца девятнадцатого века, внутренние разногласия среди марксистов Российской империи, российская разновидность марксизма и полномочия вождей коммунистической партии до и после захвата власти в России в результате Октябрьской революции. Но все это время никто не возражал против общепринятой, как на Западе, так и в СССР, точки зрения, согласно которой Страна Советов явилась плодом усилий главным образом одного человека: Ленина. Поэтому образ Ленина как актера на мировой сцене не претерпел существенных изменений. Менялись лишь детали, но не суть картины. Ленина ставили на одну доску с Гитлером, Сталиным, Черчиллем, Рузвельтом, Хрущевым, Горбачевым и некоторыми другими исполнителями главных ролей в исторической пьесе двадцатого века.

Несмотря на многочисленные разногласия, постепенно распространилось мнение, что Ленин был не совсем тем демиургом, каким его рисовали как коммунисты, так и их враги с того момента, когда он оказался в центре мирового внимания в 1917 году. Дальнейшие исследования в политической, социальной и экономической сферах показали, что его цели в значительной степени совпадали с традиционным направлением исторического развития России. Неожиданно для себя многие авторы получили такие результаты анализа, которые указывали на то, что вклад Ленина в историю его страны был не столько вкладом творца, сколько помошника.

Это означало, что придется игнорировать слишком много фактов. Некоторые повороты в истории России и всего мира не могли бы произойти без Ленина. Бесспорно его влияние на события, учреждения, обычаи и общественное мнение. На тот момент это казалось главным, и многие комментаторы чувствовали то

же самое много лет спустя. Ленин основал большевистскую фракцию. Он написал «Что делать?», «Апрельские тезисы», и «Государство и революцию». Он разработал стратегию захвата власти и проследил за его осуществлением. Не только Октябрьская революция, но и Брест-Литовский мирный договор и новая экономическая политика не могли бы иметь места без его влияния — и советский режим мог бы быстро исчезнуть в мусорной корзине истории. Он не планировал создавать однопартийное государство, возникшее в 1917–1919 годах, но некоторые учреждения этого государства задуманы именно им. В их числе ЧК, и это он настаивал на продолжении террора как главного инструмента власти в распоряжении коммунистов. Но главное в том, что Ленин явился основателем самой Российской коммунистической партии, партии беспрецедентной приверженности централизму, иерархии и массовой политической активности. Странно было бы утверждать, что не будь на земле Ленина, в России не было бы крайне левой партии. Но не менее абсурдным было бы предположить, что Советское однопартийное государство с унитарной идеологией могло бы родиться без Ленина.

Ни Ленин, ни его близкие соратники по партии не знали заранее, какое государство они построят, более того, только удача помогла им продержаться первые годы после Октябрьской революции. Ленинисты принесли с собой во власть ряд рабочих теорий. В своем понимании политики они отдавали приоритет диктатуре, классовой борьбе, вождизму и революционному отрицанию морали. Кому, если не «авангарду», было лучше знать, что нужно рабочему классу, и как было не использовать это неопровержимое знание мира — прошлого, настоящего и будущего — для ускоренного продвижения к совершенному обществу на земле. Творцом этих теорий был отнюдь не Ленин. Скорее наоборот, они были распространены повсеместно, и в той или иной форме их можно отыскать и в марксизме, и в российском революционном терроризме середины девятнадцатого века, и в других европейских авторитарных революционных доктринах. Их следы ведут к гораздо более древним историческим традициям. Не зря ленинизм сравнивали с ожиданием тысячелетнего царства Христова в эпоху допетровской православной церкви и с кальвинизмом шестнадцатого века. Но дело в том, что о неизбежности возобновления подобных традиций после 1900 года смешно было говорить. Для этого нужна была российская марксистская партия. И особенно нужен был Ленин.

Созданное Лениным государство просуществовало в целости и сохранности более семи десятков лет. Здание было возведено с необычайной быстротой даже при отсутствии детальных архитектурных планов. За 1917–1919 годы под руководством Ленина была проделана вся основная работа. Фундамент был залит, несущие стены возведены, крыша накрыта. Политика монополизирована и централизована. Аппарат принуждения приведен под твердую руку партии. Экономика национализирована и под контролем у государства. Религия подвергнута систематическим преследованиям. Национальные чаяния взяты под подозрение. Высокое искусство и духовная культура поставлены на строгий учет. Образование загнано в рамки коммунистической идеологии. Введение и отмена законов зависят от прихоти партийного руководства, а законодательные, исполнительные и юридические функции государства намеренно перемешаны. Общество поставлено в положение объекта для промывания мозгов и мобилизации на трудовые и военные подвиги. Развернуто наступление на все организации, имеющие хоть какую-то независимость от Кремля.

И все же фигура Ленина, как вождя и теоретика, явление достаточно сложное. Уже в процессе возведения здания к нему приходилось добавлять необходимые пристройки; приходилось импровизировать и, конечно, Ленин был не единственным архитектором: в его партии были и другие, кто оказывал влияние на строительные работы. Верховные руководители большевиков постоянно меняли планы. До 1921 года они не загоняли в подполье последние оставшиеся в живых партии, а фракции в самой коммунистической партии продолжали существовать до наступления эпохи сталинского деспотизма, уже после смерти Ленина. Формальное введение органов цензуры произошло лишь в середине 1922 года. А национальная политика, которая, как считал Ленин, должна была позволить государству в конечном итоге растворить различные народности СССР в советском наднациональном сознании, была поначалу вполне милостива к национальному и этническому самовыражению инородцев. Более того, период гражданской войны и новой экономической политики характеризовался невообразимой неразберихой. Связь, управление, надзор и принуждение осуществлялись намного более беспорядочно, чем в последующие годы. Теория и политика — это одно; реализация задуманного — часто совсем другое.

Тем не менее, за несколько лет до кончины Ленина государственная система уже утвердилась. Она было радикально пере-

строена Сталиным, который утвердил в ней режим личного деспотизма и урезал влияние партии на Советское государство. Кроме того, Сталин затеял массовую резню не только среди военного командования, классовых, политических и религиозных врагов коммунизма, но даже среди функционеров собственного правительства и партии. И все же суть системы осталась нетронутой — а Сталин, несмотря на маниакальную страсть к переустройствам, предпринимал меры по усилению ее стабильности вплоть до своей смерти в 1953 году. Но когда Никита Хрущев провозгласил десталинизацию, все стало с ног на голову, и началась новая суматошная переделка. Эксперименты набирали темпы до самого смещения Хрущева в 1964 году. Его преемник Леонид Брежнев питал слабость к достижениям Сталина, но ограничился отменой наиболее экстравагантных хрущевских начинаний.

Интересно, что все без исключения советские лидеры оправдывали самые неожиданные свои поступки верностью ленинским традициям правления Советской страной. С 1917–1919 до конца 1980-х годов система оставалась явно ленинским творением. Октябрьская революция, марксизм-ленинизм и СССР обязаны ему своим существованием больше, чем кому-либо другому. Революционная Россия, построенная Лениным в специфических условиях военного времени, была изобретением, которое можно было воспроизвести. Ленин мечтал экспортировать свои архитектурные проекты и поставил за правило, что партии, входившие в Коммунистический Интернационал, должны были придерживаться разработанных в Москве идеологических и организационных принципов. Если бы у него была возможность, он бы не преминул опробовать свой шаблон на революционных коммунистических государствах. Эта задача, однако, выпала его преемнику, Сталину. Более того, ленинский шаблон оказался пригодным для марксистских революционеров в Китае, Северном Вьетнаме и на Кубе. Специфические особенности стран, подлежавших насаждению коммунизма, значения не имели. Перед ним не устояли ни промышленно развитая, образованная, католическая Чехословакия, ни аграрный, неграмотный, буддистский Северный Вьетнам. Методы насаждения варьировались от ввода войск до местной коммунистической агитации. Но результаты, по сути дела, были одни и те же. Еще одно доказательство того, что Ленин в ответе за многое.

Уже в 1920-х годах ленинская система спровоцировала подъем реакционных настроений за пределами Советской России. Воз-

никновение фашизма не заставило себя долго ждать; Муссолини* уже разрабатывал политическую доктрину захвата власти в Италии крайне правыми, осуществленную им в 1922 году. Но нет сомнения, что именно гитлеровским нацизмом был вскормлен животный антагонизм к Коммунистическому Интернационалу, марксизму-ленинизму и СССР. Во многих отношениях история Европы в период между войнами связана с борьбой против последствий 25 октября 1917 года. После второй мировой войны проблема не исчезла. Соперничество между сверхдержавами, США и СССР, было борьбой двух противоположных систем в политической, экономической, идеологической и военной областях — но советская система оставалась в принципе той же, какой ее Ленин завещал Сталину, а Сталин своим преемникам.

Парадокс заключается в том, человек, сделавший больше всех для развала возведенного Лениным здания, сам был верным ленинцем. Михаил Горбачев вступил в должность генерального секретаря партии с намерением привести СССР в максимальное соответствие с теориями и практическими советами своего кумира. Он импровизировал не хуже Ленина, не сверяясь с детальными чертежами. С каждым шагом перестройки перед ним открывались новые перспективы реформ. Но ни он, ни его соратники, коммунисты-реформаторы, не поняли, что здание коммунизма — это архитектурное сооружение, где все взаимоувязано. Управление, политика, экономика, законодательство, идеология, социальное обеспечение и даже отношение к окружающей среде были строго обусловлены первоначальной концепцией Ленина. Удаление любой стены, потолка или дверного проема было чревато разрушением всего здания. Горбачев недооценил — в действительности он и не подозревал о ней — степень риска. Он упразднил политическую монополию коммунистической партии. Децентрализовал систему управления. Ликвидировал цензуру и дал свободу религиозному и национальному самовыражению. Ослабил государственный контроль над экономикой. Денонсировал деспотизм партийного руководства. Все это он сделал, будучи убежден, что восстанавливает в СССР подлинный дух ленинизма. Любая из его реформ могла нанести непоправи-

---

* *Бенито Муссолини* (1883–1945) – фашистский диктатор Италии в 1922–1943 годах. Политическую карьеру начал в социалистической партии, из которой был исключен в 1914 году. В 1919 году основал фашистскую партию. Осуществив «поход на Рим» (28 октября 1922 года), Муссолини захватил власть в стране и 1 ноября 1922 года возглавил правительство Италии. Являясь одновременно руководителем (дуче) фашистской партии, Муссолини обладал диктаторскими полномочиями. В 1945 году был захвачен итальянскими партизанами и расстрелян.

мый вред стабильности государства. Тот факт, что он успел провести все эти реформы в очень короткие сроки, обрек Октябрьскую революцию, марксизм-ленинизм и СССР на исчезновение с лица земли.

С конца 1991 года, когда Советский Союз испустил последний вздох, а Горбачев подал в отставку с поста президента, предпринималось несколько попыток выказать прежнее почтение Ленину. Коммунистические государства приказали долго жить еще в 1989 году, а в Народной Республике Китай, несмотря на внешние проявления верности ленинизму, экономические реформы повернули государство и общество в сторону капиталистической экономики. Даже в России, где коммунистическая партия старается завоевать признание под руководством Геннадия Зюганова, никто особенно не собирался защищать или превозносить историческое наследие Владимира Ленина.

Но неужели с Лениным в самом деле покончено? Опросы общественного мнения показывают, что он остается одним из самых популярных правителей в истории. Его затянувшаяся популярность так сильна, что президент России Борис Ельцин в 1990-х годах не осмелился вынести его из Мавзолея на Красной площади и похоронить общепринятым способом. Ленин продолжает пользоваться уважением у широких масс населения. Когда он был жив, им восхищались даже те, кто пострадал от его политики. Так, крестьяне, приходившие к нему с прошениями, верили ему, несмотря на его стремление избавиться от крестьянства. После смерти на него часто ссылались в разговорах и народных песнях как на мудрого царя, который бы не потерпел злоупотреблений властью, практиковавшихся его преемниками. Нет сомнения, что усилению подобных настроений в народе способствовали продолжающиеся официальные славословия его величию. Нельзя сбросить со счетов и того, что образ Ленина еще много десятилетий будет сохранять значительное влияние на умы россиян. Также невозможно гарантировать, что его память не будет вновь призвана к действию, и не обязательно штатными коммунистами, в тех многочисленных уголках света, где капитализм станет причиной невыносимых страданий населения. Ленин еще не совсем мертв, по крайней мере пока.

Пытаясь его уничтожить, политик Ельцин и многие антиленинские историки в России избрали оружие, давно привычное западным авторам. Почти всегда это попытка представить его фигуру в каком-то одном плане. Ленин государственный террорист. Ленин идеолог. Ленин вождь, или писатель, или даже лю-

бовник. Не все стороны его жизни рассматриваются одинаково пристально — и не всегда в этом вина авторов. До последних лет мы не имели возможности узнать почти ничего о членах его семьи, о размолвках между ними и о взаимной поддержке. А сведения о его учебе, материальном положении — не говоря уже о физическом состоянии, любовных связях, стиле работы и повседневных привычек — и вовсе были нам недоступны.

Некоторые из этих сведений были засекречены потому, что могли повредить его репутации с точки зрения общепринятой морали. Он изменял жене, эксплуатировал мать и сестер, трясся над своим здоровьем, был невысокого мнения о русских и даже о большинстве большевиков. Он наслаждался террором и не имел ни малейшего представления, как Советский Союз сможет от него отказаться. В письмах и телеграммах он еще более безжалостен, чем в книгах. Значительная часть его корреспонденции была настолько циничной, что Сталин запретил ее публикацию даже во время великого террора в 1937–1938 годах. К тому же Ленин был большой оригинал. В соблюдении распорядка дня он был до крайности педантичен, не терпел шума в кабинете, плохо заточенных карандашей и всего, что отвлекало внимание, вплоть до того, что отказывал себе в шахматах, Бетховене и прелестной Инессе. Он обожал вмешиваться в личную жизнь товарищей. Ни один государственный деятель мирового масштаба не чувствовал себя так раскованно, назначая лечение коллегам по партийному руководству. Между тем Ленину приходилось сдерживать себя гораздо чаще, чем кто-либо на свете мог предположить. Без постоянного женского окружения он бы никогда не поднялся до величайших исторических вершин. В нем, до самого конца, оставалось что-то от избалованного ребенка. Кроме того, этому баловню чаще всего очень легко было привлечь к себе необходимое внимание.

Его восхождение к власти и славе стало возможным потому, что ему повезло с семьей, образованием, идеологией, ситуацией в стране и — не в последнюю очередь — с полученной при рождении индивидуальностью. Ленин это понимал; настаивая на том, что общее политическое и экономическое положение дел должно быть благоприятным, он никогда не переставал повторять, что революции не просто происходят: их делают. А в таком мероприятии необходим вождь. Ленину доводилось проигрывать — как в Лондоне в 1902 году, или в Женеве в 1915 году, или даже в Хельсинки в 1917 году — и его неудачи не раз могли оказаться фатальными. Но если бы он не достиг цели в вопросе

о Брест-Литовском мире в 1918 году, или о новой экономической политике в 1921 году, сейчас бы его не вспоминали, как одного из наиболее влиятельных деятелей прошедшего столетия. И все же этот невысокий, нетерпимый, педантичный, аккуратный, болезненный человек, умный и уверенный в себе политик не остался бумагомарателем в Британском музее или в Женевской публичной библиотеке. Ему не помешали ни порывистая жестикуляция, ни шепелявость. Ляпсусы в прогнозах его не остановили. Блестящий ученик, ставший неуклюжим активистом марксизма и лидером фракции, сумел как можно лучше воспользоваться всеми возможностями, предоставленными ему судьбой (Историей).

Он возглавил Октябрьскую революцию, основал СССР и заложил основы марксизма-ленинизма. Он помог миру встать с ног на голову. Возможно, через несколько лет покажется, что он завел свою страну и, под сталинским руководством, треть мира в тупик. Будущему не по пути с ленинским коммунизмом. Но если будущее где-нибудь в другом месте, то мы не знаем, где точно. Ленина не ждали. По меньшей мере, его удивительная жизнь и карьера убеждают нас в необходимости быть бдительными. Не многим историческим персонажам удалось добиться такого результата. Спасибо и на том.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 5
ВВЕДЕНИЕ 11

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
РОЖДЕНИЕ БУНТАРЯ

1. Семейство Ульяновых и семейство Бланк 25
2. Симбирское детство
   1870–1885 45
3. Смерть родных
   1886–1887 61
4. Переворот в сознании
   1887–1888 76
5. Путь в революцию
   1889–1893 90
6. Санкт-Петербург
   1893–1895 107
7. Сибирская Италия
   1895–1900 124

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ЛЕНИН И ПАРТИЯ

8. Организация революционеров
   1900–1902 149
9. «Священный огонь»
   1902–1904 168
10. Россия далекая и близкая
    1905–1907 190
11. Вторая эмиграция
    1908–1911 210
12. Почти Россия!
    1912–1914 230
13. Борьба за поражение
    1914–1915 253
14. Ожидание
    1915–1916 267

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ЗАХВАТ ВЛАСТИ

15. Другая страна
Февраль—апрель 1917 289
16. Поле битвы
Май—июль 1917 308
17. Перед бурей
Июль—октябрь 1917 327
18. Октябрьская революция
Октябрь—декабрь 1917 350
19. Диктатура готова к осаде
Зима 1917—1918 367
20. Брест-Литовск
Январь—май 1918 383
21. Под прицелом
Май—август 1918 403

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
НА ЗАЩИТЕ РЕВОЛЮЦИИ

22. Военачальник
1918—1919 421
23. Экспансия революции
Апрель 1919 — апрель 1920 442
24. Поражение на Западе
1920 460
25. Новая экономическая политика
Январь—июнь 1921 477
26. Вопрос жизнеспособности
Июль 1921 — июль 1922 494
27. Бороться до последнего
Сентябрь—декабрь 1922 513
28. Смерть в Большом доме
1923—1924 528

ЛЕНИН: жизнь после смерти 547

ПРИМЕЧАНИЯ 564
БИБЛИОГРАФИЯ 600
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН 613